ИСТОРИЯ ИТАЛИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

История
ИТАЛИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

Редколлегия:

академик
С. Д. СКАЗКИН,
К. Ф. МИЗИАНО,
С. И. ДОРОФЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1971

История ИТАЛИИ

ТОМ 3

Под редакцией

С. И. ДОРОФЕЕВА
(ответственный редактор)

В. Е. НЕВЛЕРА

Б. Р. ЛОПУХОВА

Г. С. ФИЛАТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1971

1-6-3
Подписное издание

1

ПОСЛЕВОЕННЫЙ КРИЗИС И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В ноябре 1918 г. в Вилла Джусти был подписан документ о полной капитуляции Австро-Венгрии. Бои на итальянском фронте, а через несколько дней и на всех фронтах мировой войны, были закончены. Вместе со своими союзниками Италия торжествовала победу.

По дорогам, идущим с Севера, шагают демобилизованные солдаты. Они заполняют железнодорожные составы, украшенные национальными флагами и гирляндами. На маленьких станциях и в больших городах огромные массы народа приветствуют героев Витторио Венето. Проходят тысячные толпы побежденных — военнопленные. «Враг повержен! Отечество на вершине славы!» — эти слова звучат на торжественных банкетах и патриотических манифестациях. Националисты произносят здесь пышные речи о великом прошлом и блестящем будущем Италии. Они подогревают национальные чувства страстными словами о традициях Мадзини и Гарибальди. Не забывают здесь и о жертвах, принесенных итальянским народом в этой войне. Но говорят о них чаще всего только для того, чтобы требовать «справедливого вознаграждения» — новых территорий, новых колоний.

На стол Парижской мирной конференции итальянский премьер Орландо и его министр иностранных дел Соннино положили секретный Лондонский договор от 26 апреля 1915 г., согласно которому к Италии должны были отойти часть территории Австро-

Венгрии с довольно значительным итальянским населением (так называемая неискупленная Италия), Южный Тироль, острова Додеканеза (временно занятые Италией еще в 1912 г. по Лозаннскому договору), часть Крайны (области словенцев). Истрия, бо́льшая часть Далмации, значительные территории при разделе Турции и т. д. Однако эти довольно обширные территориальные притязания Италии натолкнулись на противодействие ее союзников по Антанте. Вначале это был президент Вильсон, который в своих известных «14 пунктах» выражался по поводу будущих итальянских границ довольно осторожно: «Исправление границ Италии должно быть произведено на основе ясно различимых национальных границ». Территориальные притязания Италии, скрепленные Лондонским договором, натолкнулись также на противодействие Сербии, которая после распада Австро-Венгрии становилась ядром нового государства на Балканах — Югославии. Претензии этой последней на многие обещанные ранее Италии земли поддерживала Франция.

Особенно остро встал на мирной конференции вопрос о Фиуме. По межсоюзному договору 1915 г. этот важный порт на Адриатическом море был обещан сербам. Однако итальянские делегаты настаивали на присоединении его к Италии, обосновывая это свое требование этнографическим составом населения: на 25 тыс. итальянцев там приходилось всего 15 тыс. славян и 6 тыс. венгров. Союзники же указывали не только на ранее данное сербам обещание, но и на необходимость для нового югославянского государства иметь выход к морю.

23 апреля 1919 г. Вильсон, минуя итальянских делегатов, обратился с письмом к итальянскому народу, предлагая поддержать союзников. В знак протеста против этого итальянская делегация покинула Парижскую конференцию. Орландо выступил в итальянском парламенте со страстной речью, содержащей тяжелые обвинения по адресу бывших союзников. Новая волна собраний и манифестаций, на этот раз проникнутая гневом и возмущением против союзников, прокатилась по Италии. Однако итальянской делегации пришлось вернуться за стол конференции и поступиться некоторыми из своих территориальных притязаний.

По условиям Сен-Жерменского договора, заключенного в сентябре 1919 г., Италия присоединила к своей территории Южный Тироль, Герц, Градиску, Истрию с островом Керсо, небольшие части Каринтии и Крайны, а также г. Зару.

По Раппальскому договору с Югославией, заключенному в ноябре 1920 г., Далмация была поделена между обеими державами и было подтверждено право Италии на г. Зару. Что же касается Фиуме, то он был объявлен самоуправляемой территорией. По другим международным соглашениям Италия расширяла

свои колониальные владения в Африке. Все это вместе взятое свидетельствовало о том, что Италия добилась многого, хотя и далеко не в том объеме, в каком хотелось бы ее руководителям и стоящим за их спиной империалистическим кругам буржуазии.

Именно эти круги, выдавая свои безмерные аппетиты за национальные чаяния страны, создают миф об «урезанной победе», о том, что Италия оказалась «побежденной в лагере победителей». Этот миф имел пропагандистский эффект главным образом внутри страны, среди выбитых войной из колеи многочисленных в Италии слоев мелкой и средней буржуазии. В значительной мере в результате всех этих не в меру раздутых внешнеполитических страстей правительство Орландо вынуждено было в июне 1919 г. уйти в отставку, уступив место Нитти — стороннику ослабления внешнеполитической напряженности и умеренных реформ внутри страны.

В этот период в Италии на первый план выдвигаются трудности экономического характера. В результате войны в стране увеличивается экономическая разруха. Классовые противоречия и классовая борьба обостряются. В стране нарастает мощное революционное движение трудящихся.

Почти 700 тыс. убитых, более 1,5 млн. искалеченных и раненых, десятки тысяч сирот и оставшихся без кормильцев стариков...[1] Таковы были последствия войны для Италии. Пять наиболее плодородных и богатых провинций полуострова были опустошены неприятельским вторжением. Военные убытки составляли 12 млрд. лир[2]. Война потребовала от Италии колоссального напряжения всех ее и без того скудных ресурсов. Государственный долг возрос более чем в 4,5 раза[3]. Резко увеличились налоги. И как результат всего этого — инфляция и рост цен. Количество находившихся в обороте бумажных денег увеличилось за годы войны в 8 раз[4], а цены выросли более чем в 3,5 раза[5].

Вместе с тем война с ее гигантским ускорением накопления и концентрации капитала, с созданием широкого внутреннего рынка для крупной промышленности превратила Италию из страны аграрной в аграрно-индустриальную. Отдельные группы монополистических объединений, главным образом в тяжелой промышленности, увеличили свой капитал в период войны в несколько раз: «Адриатика ди элиттричита» — с 20 млн. лир в 1913 г. до 600 млн. лир

[1] Cento anni di vita italiana, v. I. Milano, 1948, p. 272.

[2] *S. Trentin*. L'aventure italienne. Paris, 1928, p. 50.

[3] *C. Mortara*. Prospettive economiche (anno settimo). Milano, 1927, p. 434.

[4] Ibid., p. 440.

[5] Annuario statistico italiano (Seconda serie), v. VIII, p. 259—260.

в 1917 г.; «Монтекатини» — с 15 млн. лир в 1913 г. до 75 млн. лир в 1918 г.; «Пирелли» — с 17,5 млн. лир в 1913 г. до 40 млн. лир в 1918 г.; ФИАТ — с 17 млн. лир в 1912 г. до 200 млн. лир в 1919 г.; «Фальк» — с 8,7 млн. лир в 1912 г. до 20 млн. лир в 1918 г. [6]

Прибыли предпринимателей в металлообрабатывающей промышленности возросли за время войны с 6,3 до 16,55%, в автомобильной — с 8,2 до 30,51%, в кожевенной и обувной — с 9,31 до 30,51%, в шерстяной — с 5,1 до 18,74%, в хлопчатобумажной — с 0,94 до 12,77%, в химической — с 8,02 до 15,39%, в резиновой — с 8,57 до 14,95% [7].

Колоссально нажившиеся на военных заказах компании тяжелой промышленности, прежде всего металлообрабатывающие, машиностроительные и военнопромышленные фирмы «Ильва», «Ансальдо», ФИАТ и «Бреда», поглотили значительное число конкурирующих предприятий и гигантски выросли. Резко усилился процесс сращивания банковского капитала с промышленным. Четыре крупных банка — «Банко коммерчиале», «Кредито итальяно», «Банко ди сконто», «Банко ди Рома»,— финансирующих тяжелую промышленность, вложили в нее значительные средства. Это привело к возникновению монополистических групп: «Банко коммерчиале — Ильва», «Кредито итальяно — ФИАТ», «Банко ди сконто — Ансальдо», «Банко ди Рома — Бреда», которые заняли господствующие позиции в народном хозяйстве [8].

Все это, естественно, углубляло пропасть, разделявшую широкие массы итальянских трудящихся и крупную буржуазию. Обогащение немногих на фоне жертв и лишений миллионов во время войны, на фоне послевоенной экономической разрухи — не могло не вызвать и действительно вызвало обострение классовых противоречий и классовой борьбы в Италии. Все более сильным становилось влияние идей Октябрьской революции.

Уже на первом послевоенном заседании руководства Итальянской социалистической партии (ИСП) в декабре 1918 г. главной задачей партии была провозглашена борьба за социалистическую республику и диктатуру пролетариата в Италии [9].

Отношение к русскому опыту стало мерой революционности различных фракций и групп внутри социалистической партии еще во время войны. Сформировавшаяся еще тогда «революционная фракция непримиримых» теперь уже безраздельно господствует в

[6] Struttura dei monopoli industriali in Italia. Roma, 1949.

[7] *R. Romeo.* Breve storia della grande industria in Italia. S.≠l., 1963, p. 114.

[8] *P. Grifone.* Il capitale finanziario in Italia. Roma, 1945, p. 35.

[9] *A. Colombi.* Pagine di storia del movimento operaio. Roma, 1951, p. 186—187.

партии (о чем свидетельствует упомянутая резолюция), определяет всю политику партии. Вскоре сторонников этой фракции во главе с Серрати и Ладзари стали называть максималистами. Это название закрепилось за ними по аналогии с тем, как называли в Италии русских большевиков — максималисты, т. е. сторонники программы-максимум, сторонники диктатуры пролетариата.

Максималистам, утвердившимся в руководстве партии, противостояли реформисты во главе с Турати, Тревесом, Модильяни. Они имели большинство в социалистической парламентской группе, в социалистических муниципалитетах и в руководстве Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). На совместной конференции представителей всех этих организаций и групп в конце декабря 1918 г. была одобрена резолюция, предложенная Турати. В ней объявлялось о поддержке только тех требований, которые касались непосредственных общедемократических задач борьбы. Что же касается борьбы за диктатуру пролетариата, то этот лозунг, по мнению большинства участников конференции, мог только отдалить осуществление общедемократических задач. Борьбе за диктатуру пролетариата противопоставлялась программа борьбы за реформы: демократизация выборов, искоренение бюрократии, 8-часовой рабочий день, минимум заработной платы, контроль трудящихся над управлением предприятиями, защита эмиграции и т. д. Эти реформы, подчеркивалось в резолюции, «образуют прочную и необходимую основу для того, чтобы без заблуждений и разочарований действительно достигнуть своего освобождения, ликвидировать классы и классовое господство, установить справедливость и подлинное социалистическое равенство» [10].

Реформисты отказывались от опыта диктатуры пролетариата в России, считая его результатом специфически русских условий, уже в первой послевоенной речи в парламенте Турати говорил, что большевистская революция могла произойти только в России, где существовал в прошлом самый архаический, самый ужасный деспотизм [11]. А несколько позже он выдвинул дилемму — парламент или Советы, расшифровывая ее следующим образом: или политические выборы в традиционном демократическом духе, или правительство, непосредственно отражающее интересы класса [12]. Поставленная таким образом дилемма естественно решалась в пользу парламента. Но столь же естественным было и то, что в условиях исключительно острых классовых противоречий значи-

[10] «Critica Sociale», 1919, № 17, p. 226—228.

[11] Discorsi parlamentari di F. Turati, v. 3. Roma, 1950, p. 1577.

[12] Atti del Parlamento. Camera dei deputati. Sessione 1913—1919. Discussioni. v. XVII. Roma, 1920, p. 18616.

тельная часть итальянского пролетариата увлекалась на путь насильственной борьбы за диктатуру пролетариата и шла за максималистами, а не за реформистами. Выражая настроения революционного пролетариата, максималистское руководство Итальянской социалистической партии заявило в марте 1919 г. о присоединении к Коммунистическому Интернационалу — новой международной революционной организации, созданной для борьбы за диктатуру пролетариата во всем мире[13]. «Последуем примеру России»,— призывало максималистское руководство социалистической партии итальянских трудящихся[14].

Таким образом, в социалистическом движении довольно определенно выявились в это время два главных направления борьбы за социализм: одно — борьба за диктатуру пролетариата, другое — борьба за реформы. Однако целью и того и другого направления в конечном счете был социализм и этим они отличались от того пути, на который пыталось увлечь массы католическое движение.

Католическое движение в это время делает большой шаг вперед в борьбе за расширение своего влияния в массах. До этого церкви удавалось держать под своим контролем довольно значительную часть населения, главным образом крестьянского, с помощью профсоюзных и кооперативных организаций религиозного характера, объединенных в систему так называемого Католического действия. Однако уже во время войны руководители католического движения начали понимать, что удержать сколько-нибудь значительные массы трудящихся в рамках такого рода объединения долго не удастся. Слишком уж острыми были социальные проблемы и противоречия, чтобы можно было надеяться решить их в плане сугубо конфессиональной организации. В конце 1918 г. была создана так называемая Итальянская конфедерация трудящихся — объединение «белых», т. е. католических профсоюзов, похожее по своей организационной структуре на ВКТ. Как и ВКТ, эта конфедерация должна была заниматься главным образом защитой экономических интересов и требований трудящихся, отвергая, однако, положенный в основу деятельности ВКТ принцип классовой борьбы. Что же касается общей политической программы действий, то главную роль здесь должна была играть католическая Народная партия, или, как ее называли в Италии, партия Пополяри.

Народная партия была создана при содействии Ватикана. Однако она не носила религиозного характера, не имела церковных советников, не зависела от епископата и, в конечном счете, не

[13] «Avanti!» (M.), 20.III 1919.
[14] «Avanti!» (M.), 29.IV 1919.

возлагала прямую ответственность за свои действия на Ватикан. В опубликованном 18 января 1919 г. Учредительном манифесте Народная партия провозглашала своей задачей борьбу против «централизованного государства, стремящегося ограничить и подчинить своему контролю любую органическую власть и любую гражданскую и личную инициативу». Это государство она предлагала заменить «подлинно народным государством, которое сознавало бы границы своей деятельности, уважало такие естественные звенья и организмы, как семья, классы и общины, которое уважало бы личность и поощряло частную инициативу». Только таким образом, говорилось в манифесте, можно «пресечь разлагающее влияние других течений или дать им иное направление, покончить с агитацией, проводимой во имя непрерывной классовой борьбы и анархистской революции...» [15]

Иными словами, Народная партия выступила в роли продолжателя традиционной для католического движения борьбы как против либерализма, так и против социализма. Либеральному государству с его бюрократическим централизмом новая партия противопоставляла систему органической децентрализации с корпоративистским уклоном. Социалистической партии с ее лозунгом борьбы за диктатуру пролетариата — программу борьбы за общедемократические требования (гарантия права на труд, обеспечение в случае потери трудоспособности и безработицы, поощрение и защита мелкой земельной собственности, введение прогрессивного налога и т. д.) [16].

Однако удержать трудящихся в рамках борьбы за частичные улучшения их положения было трудно. Общее соотношение классовых сил в Италии резко изменилось в пользу пролетариата, и он шел все дальше в своих требованиях и борьбе. Это изменение в соотношении сил нашло наиболее яркое выражение в установлении новых правовых норм трудового законодательства. 20 февраля 1919 г. между представителями Федерации металлистов (ФИОМ), входящей в состав ВКТ, и промышленниками было подписано соглашение о введении 8-часового рабочего дня для рабочих-металлистов [17]. Это соглашение касалось 500 тыс. рабочих-металлистов и было тем большей победой, что в данном случае не пришлось прибегать даже к забастовке — промышленники вынуждены были подтвердить то, что рабочие уже сами установили явочным порядком. Вслед за этим 4 марта 1919 г. состоялось совещание представителей профсоюзов трудящихся с предпринима-

[15] *S. Jacini.* Storia del Partito Popolare Italiano. Milano, 1951, p. 289—291.
[16] Ibid., p. 20—21.
[17] «Avanti!» (M.), 21.II 1919.

телями, организованное министерством промышленности и труда. На этом совещании в принципе было решено ввести 8-часовой рабочий день для всех рабочих[18]. И хотя в ряде отраслей промышленности рабочим пришлось еще добиваться практического осуществления этого принципа с помощью забастовок, в целом важный шаг вперед в области трудовых отношений в Италии был сделан.

В той или иной мере предприниматели должны были пойти и на удовлетворение других требований рабочих: увеличение заработной платы в соответствии с ростом цен, признание права рабочих на отпуска, улучшение условий найма и увольнения, снижение штрафов и т. д. Рабочие добились сохранения и распространения на предприятиях так называемых внутренних фабрично-заводских комиссий. Это была очень своеобразная форма организации рабочих на предприятиях, которой суждено будет сыграть немалую роль в борьбе промышленного пролетариата.

Первая внутренняя комиссия возникла на предприятии ФИАТ в Турине в 1906 г.[19] Во время войны эти комиссии были созданы уже на многих, главным образом крупных, предприятиях. На некоторых из них они имели постоянный характер. В большинстве же случаев эти комиссии создавались каждый раз, когда возникала необходимость разрешить неожиданно всплывший вопрос. В их компетенцию входили в основном жалобы рабочих на необоснованные наказания и увольнения. Все вопросы, относящиеся к заработной плате и продолжительности рабочего дня, были в ведении профсоюзных организаций[20]. В отличие от них внутренние комиссии строились по производственному принципу. Они избирались рабочими всех цехов данного предприятия (независимо от принадлежности к профсоюзам) и защищали их интересы как единого коллектива во время конфликтов с предпринимателями. Тем самым ломались узкоцеховые рамки профсоюзной борьбы, которые нередко приводили к разобщенным действиям рабочих на предприятии. Поэтому внутренние комиссии успешно использовались рабочими в борьбе против предпринимателей.

Опираясь на силу своих организаций и достигнутые уже успехи, рабочие все более втягивались в орбиту влияния социалистической партии. Классовая борьба в Италии приобрела исключительно большой размах. Забастовки следовали за забастовками. Экономические забастовки чередовались и сливались с политическими. В конце февраля — начале марта 1919 г. бастовали ме-

[18] «Avanti!» (M.), 5.III 1919.

[19] *M. Guarnieri*. Il consiglio di fabbrica. Città di Castello, 1921, p. 18—19.

[20] Ibidem.

таллисты предприятий «Ансальдо» в Генуе и некоторых соседних районах. Это была забастовка классовой солидарности, в которой участвовало несколько тысяч рабочих, выступавших в защиту уволенного товарища [21].

В апреле произошла всеобщая забастовка в Риме, объявленная в знак протеста против запрещения митинга солидарности с русским и германским пролетариатом. В течение 25 часов жизнь итальянской столицы буквально замерла: остановились промышленные предприятия и транспорт, закрылись магазины и кафе, город погрузился в темноту, так как подача электроэнергии была прекращена [22]. Почти одновременно вспыхнула всеобщая забастовка в Милане, поводом для которой послужил разгон полицией митинга трудящихся и убийство рабочего [23]. Забастовки солидарности с миланскими рабочими прошли во многих крупных городах страны [24].

Волна забастовок, митингов и демонстраций трудящихся прокатилась по всей Италии 1 Мая 1919 г. [25] В первые дни мая на несколько дней остановились почти все пригородные поезда. Союз работников пригородных поездов требовал соблюдения 8-часового рабочего дня и прибавки заработной платы. Железнодорожников поддержали работники речного транспорта и помогли им добиться победы [26]. Тогда же, в мае, в защиту своих прав на 8-часовой рабочий день бастовали текстильщики Бьеллы. Забастовка переросла в нескольких случаях в столкновения с войсками и полицией [27].

Новым фактором забастовочной борьбы в послевоенной Италии было участие в ней служащих и инженерно-технических работников, многие из них, прежде уклонявшиеся от организованных форм борьбы, вступают в профсоюзы [28]. Устанавливаются также прямые контакты между рабочими и инженерно-техническими работниками. Летом 1919 г. произошла крупная забастовка техников-металлистов Северной Италии, которая закончилась победой в значительной мере благодаря поддержке рабочих [29].

Но в плане общего соотношения классовых сил в стране особенно большое значение имела борьба в сельскохозяйственных

21 «Avanti!» (M.), 1.III 1919.
22 «Avanti!» (M.), 11.IV 1919.
23 «Avanti!» (M.), 15.IV 1919.
24 «Avanti!» (M.), 16.IV 1919.
25 «Avanti!» (M.), 3.V 1919.
26 «Avanti!» (M.), 11.V 1919.
27 «Avanti!» (M.), 27.V 1919.
28 *Дж. Канделоро*. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 74.
29 G. *Castagno*. Bruno Bouzzi. Milano, 1955, p. 39—41.

районах, главным образом в капиталистически развитых районах долины По и некоторых других областях. Беднейшие крестьяне, в первую очередь испольщики, после войны впервые стали включаться в забастовочную борьбу, требуя улучшения условий раздела урожая. В ряде случаев они выступали совместно с сельскохозяйственными рабочими и батраками, организованными в так называемые красные лиги — местные отделения Федерации трудящихся земли, входящей в состав ВКТ. В ряде районов долины По уже в первые месяцы после войны красные лиги добились 8-часового рабочего дня и значительного повышения заработной платы для сельскохозяйственных рабочих и батраков. В вопросах найма рабочей силы многие сельскохозяйственные предприниматели должны были признать монопольные права за специальными бюро по найму, находящимися под контролем красных лиг. В долине По и в некоторых других областях бюро по найму, чтобы предупредить безработицу, вменяли в обязанности сельскохозяйственным предпринимателям нанимать определенное число батраков, в зависимости от площади обрабатываемых земель. Это было практически осуществлением выдвинутого еще до войны знаменитого требования «минимума обязательного найма рабочей силы». Во многих случаях и испольщикам удалось добиться принятия их требований, в том числе отмены таких постыдных остатков феодализма, как отработки, подношения и т. д. [30]

Однако уже в это время появляются симптомы все более углубляющегося разрыва между сельскохозяйственным пролетариатом и широкими массами крестьян-собственников. В основе этого конфликта лежали крайне различные, а зачастую и противоположные требования сельских трудящихся. В то время как массы сельскохозяйственного пролетариата, объединенные в Федерацию трудящихся земли, требовали социализации земли, т. е. передачи ее в собственность кооперативам, среднее, а также беднейшее крестьянство в лице главным образом испольщиков стремилось в конечном счете получить землю в личную собственность.

Социалистическая партия сразу после войны выдвинула лозунг социализации земли [31]. Она заявляла также о стремлении сделать из каждого сельского труженика «наемного работника» и ориентировалась в своей политике почти исключительно на сельскохозяйственный пролетариат. Напротив, Народная партия, которая выступала за укрепление и охрану мелкой земельной собственности, требовала соединения труда с владением средствами производства.

[30] О борьбе и завоеваниях трудящихся сельскохозяйственных районов в это время см.: *Э. Серени.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949; *A. Sereni.* La guerra e le classi rurali italiane. Bari, 1930.

[31] *A. Colombi.* Op. cit., p. 187.

Ее аграрная программа предусматривала также раздробление крупных латифундий с плохообрабатываемыми землями и передачу их в посемейные владения. В этих условиях значительная часть крестьян устремилась к Народной, а не к социалистической партии, в католические, а не в классовые профсоюзы.

Вместе с тем уже в первые послевоенные месяцы стал намечаться разрыв между пролетариатом, выступавшим под лозунгами социалистической партии, и по крайней мере частью, но довольно значительной, бывших фронтовиков. Вне зависимости от социального происхождения бывших фронтовиков настроения многих из них имели общую специфику и характерные особенности. Значительная часть бывших фронтовиков оказалась очень восприимчивой к шовинистической и националистической пропаганде, развернувшейся в Италии сразу после войны. Эта пропаганда стимулировалась политическими и экономическими кругами правящих классов, недовольных внешнеполитическими результатами войны для Италии. «Нас предали! Над Италией Витторио Венето надругались!» — такого рода настроения, питаемые шовинистической пропагандой, проникали в среду бывших фронтовиков. Эти настроения, переплетаясь со стремлением к социальным переменам, выливались в смутные лозунги «спасения нации», «укрепления ее достоинства», «обеспечения ее счастья» и «возможности для героев окопов воспользоваться революционными плодами войны».

Учитывая эти настроения, и развернул свою пропаганду Муссолини, который вновь появился на политической сцене после скандала, вызванного его исключением из социалистической партии в 1914 г. Муссолини удалось убедить несколько десятков бывших интервенционистов, футуристов и синдикалистов создать свою организацию. 23 марта 1919 г. в Милане в особняке на площади Сан-Сеполькро состоялось учредительное собрание новой организации, названной «Фашо ди комбаттименто» — «Союз борьбы». Собрание проходило под знаком солидарности с бывшими фронтовиками и главное внимание уделило проблемам внешней политики. В принятой на этом собрании резолюции наряду с прочим содержалось требование об аннексии Фиуме и Далмации [32].

В апреле 1919 г., когда стало известно о решительном отказе союзников удовлетворить притязания Италии в отношении Фиуме, Бенито Муссолини поддерживает начатую писателем Д'Аннунцио кампанию за насильственное присоединение этого города. Газета фашистов «Пополо д'Италиа» пестрела статьями, обличающими слабость правительства, и наряду с этим угрозами в адрес социалистической партии. Фашисты стали как бы фокусом настрое-

[32] *B. Mussolini.* Scritti e discorsi. v. I. Milano, 1934, p. 371—375.

ний тех бывших фронтовиков, которые увидели в социалистической партии, выступавшей против милитаризма, антипатриотическую силу. Забастовки пролетариата, организуемые социалистами, представлялись части бывших фронтовиков фактором, ослабляющим нацию перед лицом ее недругов на международной арене. 15 апреля 1919 г. фашисты совместно с группой бывших фронтовиков подожгли редакцию социалистической газеты «Аванти!» в Милане. Вслед за этим фашисты участвовали в нападениях на демонстрации революционных рабочих, в избиениях активистов социалистической партии и профсоюзов.

Но все это не выходило пока что за рамки отдельных, казавшихся порой даже случайными эпизодов борьбы. Определяющим моментом ситуации в Италии в это время было революционное движение трудящихся.

В июне 1919 г. в городах началось массовое движение трудящихся против дороговизны. Оно носило в основном стихийный характер. Толпы людей громили магазины и устраивали самосуды над торговцами. Однако в ряде мест социалистам удавалось возглавить движение, создать отряды красной гвардии, комитеты по реквизиции и принудительному понижению цен на продовольственные товары.

После ряда неудач во внешней политике (отказ союзников от присоединения Фиуме к Италии и т. п.) пало правительство Орландо. Новое правительство во главе с Нитти, пришедшее к власти 23 июня 1919 г., направило усилия прежде всего на решение внутриполитических проблем. Угрожающий характер движения против дороговизны вынудил издать распоряжение о снижении цен, в первую очередь на хлеб. Подобные мероприятия проводились правительством еще во время войны. В Италии это называлось введением «политических цен» на хлеб. Действия правительства были уступкой городскому населению, в том числе и рабочим, но ударяли по карману значительной части крестьян-собственников. Отсюда серьезные нарекания крестьян против правительства.

Вслед за «продовольственными беспорядками» правительству пришлось столкнуться с мощным движением в защиту Советской России. Это движение было важной частью общей борьбы трудящихся в послевоенный период и достигло наивысшей точки летом 1919 г. По инициативе Итальянской социалистической партии на 20—21 июля 1919 г. была назначена международная забастовка в защиту Советской России и Венгрии, в которой должны были принять участие трудящиеся Англии, Франции и Италии. В целях подготовки этого выступления 6 июля состоялось совещание руководства ВКТ совместно с представителями социалистической партии и независимого Союза железнодорожников. В принятой на этом совещании резолюции указывалось на неразрывную связь

между борьбой в защиту социалистических республик на Востоке и революционной борьбой трудящихся на Западе: «Защищая социалистические республики на Востоке, мы тем самым отстаиваем возможность революции во всей Европе, прежде всего в Италии, развитие которой идет также в этом направлении» [33].

В забастовке приняла участие значительная часть не только городского, но и сельского пролетариата. В ней участвовали многие служащие государственных и частных учреждений и предприятий. В целом забастовка дала новый толчок для усиления борьбы против отправки оружия и снаряжения для контрреволюционных сил в Россию. Что же касается планов посылки крупных военных контингентов итальянских войск в Грузию, то с приходом к власти правительства Нитти этот вопрос практически отпал. А такие планы были, и они имели откровенно империалистический характер. Сам Нитти писал впоследствии: «Когда я принял бразды правления в июне 1919 г., итальянская военная экспедиция в Грузию, подготовлявшаяся не только с согласия, но и по желанию Антанты, была уже готова... 12-й армейский корпус, состоявший из двух пехотных дивизий и отряда альпийских стрелков, был готов к походу. Грузия имеет огромные минеральные богатства... она могла бы снабжать Италию большим количеством недостающего ей сырья. Меня поразило, что не только правительство, но и целый ряд очень умных финансистов и вообще лиц прогрессивного образа мыслей были убежденными сторонниками этой экспедиции» [34].

Разумный и реалистичный политик, Нитти хорошо понимал, что Италии не под силу рискованные внешнеполитические авантюры. Но в стране существовали силы, которые готовы были пойти на такого рода действия. В сентябре 1919 г. писатель Д'Аннунцио во главе сформированного им отряда легионеров захватил Фиуме. Это было сделано без согласования с правительством, при поддержке наиболее реакционных групп буржуазии и поэтому приобретало особый смысл. Д'Аннунцио действовал в данном случае по образу интервенционистов военного времени, которые добились вступления Италии в войну вопреки воле большинства парламента. Подобного рода действия подрывали основы парламентаризма и конституционного государства в Италии.

Авантюра Д'Аннунцио свидетельствовала о том, что либеральное государство в Италии утратило авторитет в области международных отношений. Но и во внутренних делах итальянское либеральное государство все более и более обнаруживало слабость

[33] «Avanti!», (M.) 7.VII.1919.

[34] *Ф. Нитти.* Европа без мира. Пг.— М., 1923, стр. 123.

и бессилие. В это же время происходит всеобщая забастовка 200 тыс. металлистов Ломбардии, Эмилии и Лигурии — одна из самых крупных и длительных забастовок в послевоенной Италии. Она началась 7 августа 1919 г. и продолжалась более двух месяцев. Бастующие требовали увеличения заработной платы, и правительство предлагало промышленникам свое посредничество. Но все попытки правительственного арбитража были отвергнуты промышленниками, которые в конце концов сами заключили прямое соглашение с представителями рабочих, согласившись на серьезные уступки в оплате труда. Что же касается правительства, а в более широком плане и всего либерального государства, то они еще раз продемонстрировали свою слабость.

В это же время в связи с началом осеннего сева начались массовые захваты необрабатываемых государственных земель крестьянами [35]. Особенно широкий размах приобрел захват земель на Юге, что придало особую злободневность и напряженность южному вопросу. Правительство вынуждено было пойти на серьезные уступки. В сентябре 1919 г. был издан знаменитый декрет министра сельского хозяйства А. Визокки. Этот декрет предусматривал передачу крестьянским кооперативам сроком на четыре года (а в некоторых случаях без ограничения срока) определенных участков необрабатываемых и плохообрабатываемых земель при условии справедливого вознаграждения прежних владельцев [36]. Спустя несколько недель, в октябре того же года, король Италии Виктор Эммануил торжественным актом отказывается в пользу государства от большей части своих земельных владений.

Огромное значение имела избирательная реформа, утвержденная 15 августа 1919 г. В результате этой реформы избирательный корпус был значительно расширен и была установлена также пропорциональная система [37]. Эта реформа и ряд других демократических мероприятий, осуществленных сразу после прихода к власти правительства Нитти, свидетельствовали о том, что оно «предприняло самую решительную и, пожалуй, единственную попытку найти выход из послевоенного кризиса, идя по пути проведения радикальной политики, наподобие той, которую проводил до войны, но в иных общих условиях Джованни Джолитти» [38].

Однако в условиях послевоенной Италии эта программа уже не могла удовлетворить массы. Собравшийся в октябре 1919 г. в Бо-

[35] *A. Caracciolo.* L'Occupazione delle terre in Italia. Roma, 1951, p. 29.

[36] *M. La Torre.* Cento anni di vita politica ed amministrativa italiana, v. I. Firenze, 1952, p. 174.

[37] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956, p. 88—89.

[38] *П. Алатри.* Происхождение фашизма. М., 1961, стр. 89.

лонье съезд социалистической партии, насчитывавшей к тому времени 70 тыс. человек, принял новую программу. В основу ее был положен анализ современного капиталистического общества и особо подчеркивалась необходимость создания новых пролетарских органов (советов рабочих, солдат и крестьян), насильственного завоевания рабочими политической власти и установления диктатуры пролетариата [39].

В принятой резолюции отмечалось: «Съезд заявляет, что русская революция — это самое радостное событие во всей истории пролетариата — требует безусловного содействия ее распространению во всех цивилизованных капиталистических странах; принимая во внимание, что до сих пор господствующий класс нигде и никогда не отказывался от власти, не будучи вынужден к тому силою, и что класс эксплуататоров прибегает к насилию для защиты своих привилегий и для подавления попыток угнетенного класса к освобождению, съезд выражает убеждение, что пролетариат должен прибегнуть к насилию, чтобы оказать сопротивление насилию буржуазии, чтобы захватить власть и закрепить завоевания революции» [40].

В целом эта резолюция отражала линию максималистского большинства партии. Против нее голосовали реформисты, с одной стороны, и так называемые бойкотисты (абстенционисты),— с другой. Эти последние, руководимые Бордигой, представляли крайне левое крыло партии. В отличие от максималистского большинства, пытавшегося избежать организационного разрыва с реформистами, бойкотисты требовали немедленного исключения их из партии. Вместе с тем они выступали за бойкот парламентских выборов. Однако левацкая и сектантская линия бойкотистов в вопросе о выборах и об участии в парламенте была отвергнута. В. И. Ленин, высоко оценивший результаты Болонского съезда ИСП, особо отметил положительное значение решения этого съезда об участии партии в парламентских выборах.

Эти выборы состоялись в ноябре 1919 г. На них выступали три основные силы: Итальянская социалистическая партия, Народная партия и соперничающие между собой группы либералов различных оттенков. По официальным данным, из 499 мест в парламенте социалистическая партия получила 154, Народная — 99, различные группы либералов — 181, остальные — 65. Фашисты не получили ни одного места [41]. Впервые после многих лет безраздельно-

[39] Resoconto stenografico del XVI congresso nazionale del Partito socialista italiano. Milano, 1920, p. 225.

[40] «Il Comunismo», 1919, № 2, p. 89.

[41] Cento anni di vita italiana, v. I, p. 225.

го политического господства либералы не получили абсолютного большинства в парламенте. Учитывая отказ социалистической партии от сотрудничества с буржуазией и явную антисоциалистическую направленность Народной партии, было ясно, что никакое правительство либералов не могло бы удержаться у власти иначе, как опираясь на поддержку Народной партии. На этой основе после выборов в ноябре 1919 г. и было создано второе правительство Нитти.

Однако в ходу была и другая политическая формула, а именно: «Социалистическая партия в плену у реформистов». Эта формула отражала то положение, которое сложилось в социалистической партии после Болонского съезда. Пытаясь сохранить единство с реформистами, максималистское большинство социалистической партии создавало серьезное препятствие для выполнения решений этого съезда. Нельзя было выступать за насильственное свержение буржуазии и диктатуру пролетариата и пытаться в то же время сохранить единство с людьми, совершенно сознательно противящимися этому. Абстенционисты со своей стороны не могли дать позитивного решения проблемы борьбы за власть. Задача обновления социалистической партии и превращения ее в эффективного руководителя революционного движения заключалась не только в исключении реформистов, но и в разработке проблем пролетарской революции в конкретных итальянских условиях. Дальше других на этом пути продвинулась группа «Ордине нуово» («Новый строй») во главе с Антонио Грамши в Турине.

Эта группа была создана Грамши вместе с Тольятти, Таской и Террачини летом 1919 г. Вскоре основой деятельности группы стала организация борьбы пролетариата за власть. Используя опыт русских Советов в конкретных итальянских условиях, Грамши и группа «Ордине нуово» на основе внутренних фабрично-заводских комиссий начали работу по созданию фабрично-заводских советов уже как органов борьбы за диктатуру пролетариата. Их идея нашла живой отклик у революционных рабочих Турина — авангарда итальянского пролетариата, и уже к концу 1919 г. фабрично-заводские советы были созданы почти на всех крупных предприятиях города. Движение фабрично-заводских советов вносило боевой дух и организованность в пролетарские массы. Оно было отрицанием реформизма, равно как и беспочвенной, лишенной конкретной программы действий революционной фразеологии.

Грамши пытался связать проблему фабрично-заводских советов с вопросом об обновлении социалистической партии и создании подлинно революционной партии итальянского пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства в специфической для конкретных итальянских условий форме — союз промышленных рабочих

1. Антонио Грамши

Севера с крестьянскими массами Юга, намечая тем самым реальное решение южного вопроса — вопроса об экономической и политической отсталости Южной Италии [42].

В марте 1920 г. промышленники, создав свою классовую организацию — Конфедерацию промышленников (Конфиндустрию),— перешли в наступление, пытаясь ликвидировать фабрично-заводские советы на предприятиях Турина. В ответ на это в апреле 1920 г. началась всеобщая забастовка туринского пролетариата, которая приобрела ярко выраженный политический характер. Забастовка распространилась на всю провинцию Пьемонт и охватила около 0,5 млн. промышленных и сельскохозяйственных рабочих [43]. Это было одно из самых мощных послевоенных выступлений итальянского пролетариата. Оно могло бы стать исходным пунктом распространения и развития фабзавсоветов как опорных пунктов борьбы за власть по всей стране. Однако туринская забастовка не получила поддержки руководства социалистической партии, усмотревшего в борьбе фабзавсоветов анархо-синдикалистский уклон. Забастовка закончилась компромиссным соглашением с предпринимателями, которые признали некоторые права фабзавсоветов на туринских заводах.

В мае 1920 г. был опубликован доклад туринской секции социалистической партии, написанный Грамши и озаглавленный «За обновление социалистической партии» [44]. В этом докладе сформулированы задачи борьбы за идеологическое, организационное и политическое обновление социалистической партии. Эти задачи были поставлены в духе уже ранее выдвинутых Грамши положений о руководящей роли партии, гегемонии пролетариата, союзе рабочего класса с крестьянством, роли движения фабрично-заводских советов и т. д. В докладе говорилось: «За настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти..., либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты. Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия... Будет сделано все, чтобы беспощадно разгромить органы политической борьбы рабочего класса (социалистическая партия) и включить органы экономического сопротивления (профсоюзы и кооперативы) в аппарат буржуазного государства» [45].

Однако на том этапе основная часть итальянской буржуазии искала какой-то средний путь разрешения кризиса. В конце июня

[42] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. 1. М., 1967.

[43] «Avanti!» (Piem.), 14—21.IV 1920.

[44] «L'Ordine Nuovo», 8.V 1920; «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 145—150.

[45] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. 1, стр. 159.

1920 г. вместо Нитти премьером стал Джолитти. Новый премьер пришел к власти, опираясь на широкий блок сил, включая правых и националистов. В той опасной и тревожной обстановке, которая сложилась в это время в Италии, многие представители буржуазии — и правые, и левые — видели в нем «спасителя». Полагались на его умение и политический опыт. Верный своим традиционным установкам в экономической и политической областях, Джолитти по-прежнему стремился ограничить инициативу крупных финансовых и промышленных тузов, он стремился сократить государственные субсидии и дотации крупной промышленности, которые лежали тяжелым бременем на государстве. Джолитти пытается заострить свою программу — по крайней мере внешне — против крупных промышленных и финансовых тузов. Он подтвердил выдвинутые им ранее требования об учреждении следствия по вопросу о военных издержках, о конфискации военных сверхприбылей, о прогрессивном налоге на капитал, об именной регистрации ценных бумаг (т. е. фактически о контроле над капиталами) и т. д. В политическом плане это лишало оппозицию слева аргументов в ее идейной борьбе против режима и должно было, по мысли Джолитти, как бы «обновить» режим. В то же время это было своего рода «приглашением» социалистам к сотрудничеству с правительством.

Однако социалисты продолжали отказываться от каких бы то ни было форм сотрудничества с любой буржуазной политической группой. Но единственной альтернативой сотрудничеству был курс на решительное революционное выступление. Несмотря на поражение туринской забастовки в апреле — что было грозным симптомом для рабочего движения,— в целом это движение в течение всего первого полугодия 1920 г. шло еще по восходящей линии. Приводимая ниже мировая статистика забастовок за первое полугодие 1920 г. показывает, что по отношению к численности населения забастовочное движение в Италии в этот период было самым сильным в мире [46].

Страны	Число забастовщиков	Число потерянных рабочих дней
Германия	1 866 358	18 201 660
Италия	1 781 230	21 650 200
Франция	1 186 670	19 358 100
Англия	1 117 404	6 925 900
США	958 700	11 287 400

[46] «Avanti!» (M.), 8.I 1921.

Страны	Число забастовщиков	Число потерянных рабочих дней
Испания	724 700	11 630 100
Австралия	303 400	7 602 000
Швеция	180 070	4 779 170
Бельгия	176 940	2 090 445
Австрия	97 450	902 900

В конце июня 1920 г., сразу же после прихода Джолитти к власти, произошло восстание солдат в Анконе. Поводом для этого восстания послужил приказ об отправке расквартированных в Анконе солдат в Албанию, где они должны были принять участие в военных действиях против албанских повстанцев. Солдаты арестовали офицеров, роздали оружие рабочим и в течение четырех дней при поддержке и участии городского населения сражались на баррикадах против полиции и карательных войск. Движение перекинулось в некоторые другие города (в Иезе провозгласили даже временное правительство) и было подавлено лишь с большим трудом [47].

Руководство социалистической партии в это время отвергло идею о всеобщей забастовке в поддержку восстания в Анконе. «Бурные скандалы в Парламенте,— писал впоследствии П. Ненни,— паника в стране, новая угроза «красной недели» в Марке и в Умбрии. Но и в этот момент лозунгом руководства ИСП было: спокойствие и дисциплина,— что и навлекло на него многочисленные упреки со стороны рабочих. Таким образом борьба ограничилась парламентскими рамками, где социалисты требовали и в конечном счете добились немедленного возвращения войск из Албании» [48].

Колебания и нерешительность Итальянской социалистической партии были подвергнуты серьезной критике со стороны Коммунистического Интернационала. В своей стратегии и тактике Коминтерн исходил из тезиса о том, что мировая система капитализма вступила в период необратимого и все более углубляющегося кризиса. Этот кризис, поразив все капиталистическое общество, создал тем самым объективные условия для осуществления уже в ближайшем будущем мировой пролетарской революции. По примеру России эта революция должна была привести к установлению Советской власти во всем мире. «Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока

[47] *S. Santarelli.* Aspetti del movimento operaio nella Marche. Milano, 1956; *M. Poggi.* La rivolta di Ancona.— «Lo Stato operaio», 1932, № 6.

[48] *P. Nenni.* Storia di quattro anni. Roma, 1946, p. 95.

Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира... Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является Советская власть»[49].

Эти слова взяты нами из манифеста II конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего в Москве с 19 июля по 7 августа 1920 г. Они очень хорошо передают дух и настроения той эпохи. Сам конгресс проходил под знаком подготовки к мировой пролетарской революции. Он сыграл большую роль в сплочении революционных сил во всех странах на базе единой платформы и принципов, нашедших выражение в «21 условии приема в Коммунистический Интернационал». Эти условия были разработаны лично В. И. Лениным. В ходе работы конгресса Ленин остро полемизировал с Серрати, возражавшим главным образом против условия о немедленном исключении из партии реформистов, и с Бордигой, возражавшим против участия партии в парламентской борьбе. По предложению Ленина конгресс одобрил написанный Грамши доклад туринской секции ИСП «За обновление социалистической партии».

Указав на недопустимость пребывания реформистов в рядах революционной партии, конгресс отметил в манифесте: «В Италии, где сама буржуазия открыто признает, что ключи к дальнейшей судьбе страны находятся в руках социалистической партии, политика правого крыла и возглавляющего его Турати стремится вогнать мощно развивающуюся революцию в русло парламентских реформ. Этот внутренний саботаж представляет в настоящий момент. наивысшую опасность»[50]. Таким постановка вопроса была по существу выражением наметившейся уже в Итальянской социалистической партии линии борьбы революционных элементов за исключение реформистов из партии. Коммунистический Интернационал стимулировал эту борьбу в направлении объединения всех революционных элементов партии вокруг главной задачи — задачи исключения реформистов из партии как решающего условия ее идеологического и организационного обновления. Однако прежде чем эта борьба вступила в свою решающую фазу, в Италии произошли события, которые оказали огромное влияние на весь дальнейший ход борьбы. В сентябре 1920 г. рабочие почти по всей стране стали занимать фабрики.

Движение началось с экономического конфликта между рабочими и предпринимателями в металлообрабатывающей промышленности. Речь шла о повышении заработной платы. Затем, после отка-

[49] «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933. стр. 152.

[50] Там же, стр. 156.

за предпринимателей удовлетворить требования рабочих, ФИОМ призвала к борьбе за «непосредственный контроль государства и рабочих над всей металлообрабатывающей промышленностью» [51]. В ответ предприниматели объявили локаут, и тогда рабочие стали занимать металлообрабатывающие заводы. Движение распространилось на другие отрасли промышленности, и через несколько дней рабочие уже сами без хозяев пытались наладить производство на захваченных ими предприятиях. Объясняя впоследствии свою позицию, Джолитти писал, что он не мог бросить на заводы полицию, так как опасался перенесения борьбы на улицы [52].

Многие заводы были превращены буквально в крепости, где под руководством фабрично-заводских советов вооруженные рабочие готовились отразить нападение войск и полиции. Однако, когда 4 сентября в Милане состоялось совместное совещание представителей социалистической партии и ВКТ, реформисты добились принятия такой резолюции, которая определяла захват фабрик рабочими как чисто профсоюзное, а не политическое движение [53]. На этом совещании было решено созвать 10 сентября Национальный совет ВКТ с участием представителей социалистической партии для обсуждения создавшегося положения.

На заседании совета секретарь социалистической партии Эджидио Дженнари (левый максималист) доказывал, что экономический конфликт перерос в политический кризис и поэтому руководство движением должно перейти в руки партии. Задача партии состоит в том, чтобы добиться распространения этого движения на всю страну и всех трудящихся [54]. Фактически Дженнари поставил вопрос о борьбе за власть. Однако предложенный им план был малореальным. «Революция должна была совершиться, подобно сотворению мира, в семь дней. Каждый день, начиная с первого, движение должно было охватить новую категорию трудящихся с тем, чтобы на седьмой день сделаться всеобщим и национальным. Речь шла, однако, только о забастовке. Ни одного политического лозунга, никаких указаний для действий. Вся военная подготовка в национальном масштабе сводилась к тайной покупке одного аэроплана, и очень немногие знали, где он спрятан» [55].

Со своей стороны, Д'Арагона, от имени руководства ВКТ, высказался за то, чтобы рабочие ограничились требованием права контроля на предприятиях, который, по его мнению, должен был

51 «Avanti!» (M.), 18.VIII 1920.
52 *G. Giolitti*. Memorie della mia vita, v. II. Milano, 1922, p. 599.
53 «Avanti!» (M.), 7.IX 1920.
54 «Avanti!» (M)., 12.IX 1920.
55 *М.* и *М. Феррара*. Беседуя с Тольятти. М., 1954, стр. 63–64

привести к социализации производства и подготовить рабочий класс к управлению производством [56]. Реформисты из социалистической партии поддержали Д'Арагона. Несмотря на то что металлисты голосовали против, большинством, состоявшим преимущественно из огромного числа голосов представителей Федерации работников земли, резолюция Д'Арагона была принята. За эту резолюцию голосовали делегаты, представлявшие 591 245 членов ВКТ против 409 569 [57].

Ограничить получившее уже политический характер движение рамками борьбы за рабочий контроль — значило обречь его на поражение. И это фактическое поражение свидетельствовало о серьезных недостатках революционного движения в Италии в послевоенный период. Прежде всего слабость революционного движения в Италии нашла выражение в отсутствии у рабочего класса партии, способной возглавить его борьбу за власть. В апреле и в еще большей мере в сентябре 1920 г. социалистическая партия показала свою неспособность быть авангардом революционного движения в Италии. Итальянский рабочий класс не осознал еще своей руководящей роли в жизни нации. Борьба рабочего класса развивалась вне связи с борьбой других слоев населения, в первую очередь крестьянства.

В 1919—1920 гг. руководители революционного движения итальянского пролетариата не смогли связать его с общедемократическим движением. Это изолировало пролетариат от тех слоев населения, которые стремились в первую очередь к широким демократическим преобразованиям итальянского общества и могли бы стать его союзниками, по крайней мере на первом этапе борьбы.

Понимание этих и других недостатков революционного движения в Италии пришло к его руководителям не сразу. У наиболее активной и боеспособной части итальянского пролетариата в тот момент было лишь ощущение тупика, в который завела ее социалистическая партия. Стремление к преодолению тупика и дальнейшему развитию революционного движения проявилось в требовании немедленного исключения реформистов из социалистической партии, так как именно реформисты открыто противопоставляли реформы революции. Вокруг этого главного требования происходит консолидация левых групп социалистической партии: бойкотистов, группы «Ордине нуово», левых максималистов. В ноябре 1920 г. на конференции этих групп в Имоле была официально создана объединенная коммунистическая фракция ИСП. На этой конференции бойкотисты отказались от своих антипарла-

[56] «Avanti!» (M.), 12.IX 1920.

[57] Ibidem.

ментских тезисов. Был принят манифест коммунистической фракции к предстоявшему съезду ИСП, в котором выдвигалось требование о немедленном исключении реформистов из партии и о принятии «21 условия» Коминтерна[58].

Большинство максималистов, занимавших руководящее положение в партии, пыталось сохранить формальное единство партии, отказывалось порвать с реформистами. В результате на съезде ИСП в Ливорно в январе 1921 г. левые группы вышли из партии и создали новую пролетарскую партию — Итальянскую коммунистическую партию. В момент своего создания она насчитывала около 50 тыс. членов.

Новая партия опубликовала программу, основными пунктами которой были следующие:

«Пролетариат не может ни сломить, ни изменить системы капиталистических отношений производства без насильственного уничтожения власти буржуазии...

В условиях порожденного войной кризиса капитализма классовая борьба не может не превратиться в вооруженный конфликт между трудящимися массами и властью буржуазного государства...

После свержения господства буржуазии пролетариат может организоваться в господствующий класс только путем разрушения буржуазного государственного аппарата и создания государства, основанного на одном производительном классе и исключающего всякое политическое право буржуазного класса...

Формой политического представительства в пролетарском государстве является система Советов трудящихся (рабочих и крестьян), уже проявившаяся в русской революции, которая является началом мировой пролетарской революции»[59].

Тупик, в который завела массы социалистическая партия, коммунисты попытались взорвать бурной пропагандой революционного действия. Противопоставляя свои действия действиям реформистов, коммунисты попытались оживить революционный порыв пролетариата и вдохнуть в него веру в революцию, подорванную старой социалистической партией. Образование компартии имело прежде всего то значение, что освобождало из-под реформистского влияния в рамках единой социалистической партии наиболее боеспособную часть итальянского пролетариата.

Однако в момент образования компартии в Италии начинался уже общий перелом в соотношении классовых и политических сил в стране. Наступал фашизм.

58 «Avanti!» (M.), 1.XII 1920.
59 «Il Comunista», 31.I 1921.

НАСТУПЛЕНИЕ ФАШИЗМА

После сентябрьских событий 1920 г. все более широкое круги итальянской буржуазии теряют веру в либеральное государство и парламентаризм. «Революция не совершилась, но не потому, что мы сумели ей противостоять, а потому, что Конфедерация труда ее не пожелала» [60],— писала в то время буржуазная газета «Коррьере делла сера». В этих условиях среди итальянской буржуазии усиливаются настроения в пользу вооруженного подавления революционного движения трудящихся.

Эта тенденция была связана также с начавшимся во второй половине 1920 г. экономическим кризисом, достигшим кульминационной точки в 1921 г. Некоторое представление о нем дают следующие цифры. С 1919 по 1921 г. производство чугуна уменьшилось в 4 раза, меди — в 13, кокса металлургического — в 9 раз [61]. Число безработных в промышленности с июля 1920 г. по июль 1921 г. возросло с 88 101 человека до 388 744 человек [62]. В этих условиях буржуазия надеялась путем террора предотвратить связанные с кризисом социальные потрясения.

Серьезные сдвиги происходят и в настроениях средних слоев городского и сельского населения. После неудачи революционного выступления пролетариата в сентябре 1920 г. в этих слоях населения усиливается стремление к «своему» пути разрешения кризиса. Значительная часть их переходит на позиции, враждебные как революционному движению пролетариата, так и либеральному государству, которое не может навести порядок в стране. В бастующих рабочих и либеральном государстве они стали видеть главных виновников роста дороговизны, ухудшения своего материального положения и неудач итальянской внешней политики. Фашизм с его лозунгами, направленными и против революционного пролетариата, и против «слабого и безвольного» либерального государства, стал казаться этим слоям населения выразителем именно их чаяний. Они не видели, что фашизм действовал на самом деле в интересах самых реакционных кругов крупной буржуазии. Поддерживая фашизм, средние слои превращались таким образом в орудие борьбы буржуазии против пролетариата.

Особенно сильный размах приобрел этот процесс в деревне. К 1921 г. здесь все более явным становится процесс выделения из общей крестьянской массы довольно значительного числа разбогатевших во время войны собственников. В результате покупки

[60] «Corriere della Sera», 29.IX 1920.

[61] Annuario statistico italiano (Seconda Serie), v. VIII, p. 232; v, IX, p. 391.

[62] Ibid., p. 400.

помещичьих земель экономические позиции зажиточных слоев крестьянства усилились. Недовольные ограничениями в эксплуатации рабочей силы, которые были результатом завоеваний пролетариата в 1919—1920 гг., боясь потерять вновь приобретенную собственность, зажиточные крестьяне стремились к политической организации. В конце 1920 — начале 1921 г. они стали массами вступать в так называемые аграрные ассоциации, которые объединяли их с крупными земельными собственниками, тесно связанными с финансовым капиталом. В это же время в целях охраны приобретенных ими земель они начали создавать первые «отряды самообороны», в организации которых активное участие принимали крупные аграрии. Действия этих отрядов выходили далеко за рамки «самообороны», и именно они положили начало контрнаступлению реакционных сил в итальянской деревне.

Выдвинув лозунг: «Земля тому, кто ее обрабатывает!», фашисты увлекли за собой массы среднего крестьянства, которые приняли участие в погромах политических, профсоюзных и кооперативных организаций беднейшего крестьянства и батрачества. Именно в деревне в 1921 г. фашистские погромы приобрели наибольший размах, и фашизм этого периода называли даже «аграрным фашизмом». Надо учитывать, что революционное движение в деревне было в значительной мере ослаблено ошибками социалистической партии в крестьянском вопросе.

В городах фашистам противостояли более организованные и сплоченные массы пролетариата. Однако и здесь с начала 1921 г. число нападений фашистов на классовые организации трудящихся возрастает. Всего за первое полугодие 1921 г. фашисты разрушили и разгромили 726 помещений организаций трудящихся (секции социалистической и коммунистической партий, профсоюзы, кооперативы, Народные дома, редакции газет и т. д.) [63]. Множились фашистские убийства из-за угла, нападения на демонстрации, угрозы, запугивания и т. д.

Фашистское наступление с самого начала имело ярко выраженный антипролетарский и контрреволюционный характер. Вместе с тем оно было направлено и против демократических порядков вообще. Объектами фашистских нападений были не только местные организации социалистической и коммунистической партий, но и местные организации буржуазных партий, республиканские и либеральные организации, в особенности местные организации Народной партии. Фашистский террор чаще всего обрушивался на рядовых членов этих партий, которые были более связаны с массами и не могли оставаться безучастными к борьбе.

[63] G. *Chiurco*. Storia della rivoluzione fascista, v. III. Firenze, 1929.

Естественно, что подобного рода террористические действия фашистов не могли не вызвать опасений в политических кругах правящей либеральной буржуазии. Это нашло свое выражение и в разногласиях в правящих классах по вопросу об отношении к фашизму. Одни представители буржуазии с помощью фашизма стремились добиться создания открыто реакционного государства, другие видели в фашизме преходящее явление, орудие борьбы против революционного движения. К числу последних принадлежал и премьер-министр Джолитти.

В этих условиях проблема организации антифашистского сопротивления в Италии была исключительно сложной. Организовать вооруженный отпор фашистам было далеко не всегда возможно. Наиболее распространенной формой антифашистского сопротивления в первые месяцы 1921 г. после начала широкого фашистского наступления были забастовки и демонстрации протеста. Одной из первых таких забастовок была всеобщая забастовка рабочих Флоренции 25 января 1921 г., объявленная в знак протеста против разрушения фашистами типографии газеты «Дифеза»[64]. Наиболее крупные в это время забастовки протеста против фашистского террора произошли в Виченце[65], Болонье[66], Верчелли[67]. Пизе[68], Мортаре[69], Ливорно[70]. В Турине в ответ на поджог фашистами Палаты труда вспыхнула в конце апреля забастовка, в ходе которой рабочие заняли ряд крупных предприятий города. Забастовка была прекращена только после того, как в город были введены армейские части с артиллерией[71].

Все более частыми становятся факты вооруженного сопротивления фашистам. Одним из наиболее важных эпизодов антифашистского сопротивления стали события во Флоренции. 28 февраля фашисты убили здесь секретаря тосканской секции железнодорожников коммуниста Спартако Лаваньини. В ответ на это профсоюз железнодорожников объявил забастовку, к которой примкнуло огромное большинство пролетариата города. Утром 1 марта во Флоренции началось настоящее восстание. Столкновения между фашистами и рабочими происходили в предместье Сан Фредиано, в Порта дель-Прато, на площади Кавура. На многих улицах

[64] «Avanti!» (M.), 27.I 1921.
[65] Ibidem.
[66] «Avanti!» (M.), 26.I 1921.
[67] «Avanti!» (M.), 1.III 1921.
[68] Ibidem.
[69] «Avanti!» (M.), 23.III 1921.
[70] «Avanti!» (M.), 15.IV 1921.
[71] *М. Монтаньяна.* Воспоминания туринского рабочего. М., 1951, стр. 144

выросли баррикады. В город были введены кавалерийские части, броневики и артиллерия [72]. Вмешательство войск заставило рабочих отступить.

Вооруженные столкновения фашистов и антифашистов становятся вскоре повседневным явлением в Италии. При этом почти всегда фашисты были лучше вооружены, пользовались поддержкой полиции и поэтому часто выходили из этих столкновений победителями.

Большую роль в организации антифашистских забастовок трудящихся играли профсоюзные организации — Всеобщая конфедерация труда, Итальянское профсоюзное объединение, Союз железнодорожников. Однако эти организации ограничивались в основном профсоюзными методами борьбы, главным образом забастовками. В более широком плане антифашистская борьба трудящихся могла быть организована лишь политическими партиями пролетариата — социалистической и коммунистической.

Рядовые социалисты и коммунисты играли большую роль на местах в организации антифашистской борьбы трудящихся. Однако руководители этих партий не выработали общей политической линии в борьбе против фашизма.

Руководство социалистической партии не верило в эффективность вооруженного сопротивления фашизму. «Пусть наши товарищи,— указывалось в его решении от 18 февраля 1921 г.,— избегают какой-либо провокации и защищаются методами, присущими социализму и традициям партии. Если они поведут себя таким образом, то фашистские действия будут парализованы всеобщим чувством отвращения, которое стихийно поднимается против них». Фашизму предлагалось противопоставить прежде всего силу профсоюзов. Указывалось также на необходимость более энергичных действий парламентской социалистической группы, которая «должна обязать большинство парламента и правительство принять меры к прекращению беззаконий» [73]. Тактика руководства ИСП по отношению к фашизму получила название «тактики пассивного сопротивления».

С иных позиций подходила к этому вопросу коммунистическая партия. В коммюнике, опубликованном вскоре после ее образования, указывалось, что руководство партии не проповедует отказа от насилия: «Коммунистическая партия заявляет о своей солидарности с теми трудящимися, которые отвечают всеми средствами на наступление реакции... Лозунг коммунистической партии: ответить приготовлением на приготовление, мобилизацией на мобили-

[72] «Avanti!» (M.), 1.III 1921.

[73] «Avanti!» (M.), 18.II 1921.

зацию, организацией на организацию, дисциплиной на дисциплину, силой на силу, оружием на оружие...» [74]

Учитывая вооруженный и террористический характер фашистского наступления, надо признать, что позиция КПИ была ближе к задачам эффективного антифашистского сопротивления, чем позиция ИСП. Однако в позиции КПИ были существенные изъяны, которые помешали ей быть до конца последовательной в борьбе против фашизма в этот период. Это относится прежде всего к сектантству молодой коммунистической партии. Главными причинами этого сектантства были недостаточная политическая зрелость итальянского рабочего класса. Мелкобуржуазное окружение, постоянная опасность проникновения его влияния толкали авангард рабочего класса Италии к другой крайности — к отрыву от широких масс, к сектантской непримиримости. Кроме того, сектантство в компартии было как бы естественной реакцией против колеблющейся и половинчатой политики социалистической партии в 1919—1920 гг., которая, как известно, способствовала поражению революционного движения пролетариата в те годы. Поэтому часть рабочего класса искала гарантий против новых неудач в самой жесткой системе правил и формул. В этих условиях был закономерным в известной мере приход к руководству партией Бордиги, который стал выразителем и проводником сектантской линии КПИ.

«В течение нескольких лет,— писал Тольятти,— он проводил постоянную организационную работу по созданию своей фракции внутри социалистической партии и таким образом приобрел широкие знакомства и авторитет у представителей левого крыла движения. Он умел командовать и заставлять подчиняться. Он был энергичен в полемике с противниками, хотя, как правило, его аргументация была схоластичной. Все это привело к тому, что руководящая группа объединилась почти исключительно вокруг него» [75].

Сектантская политика руководства КПИ наиболее ярко проявилась в отказе от какого бы то ни было сотрудничества с другими партиями и политическими группировками в борьбе против фашизма. Руководство КПИ запрещало местным секциям вступать в соглашения с другими партиями, устраивать совместные собрания и демонстрации, издавать манифесты и т. д.[76] В связи с предстоявшими в мае 1921 г. парламентскими выборами руководство КПИ заявило, что необходимо во всех избирательных

[74] «Il Comunista», 6.III 1921.
[75] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 14.
[76] «Il Comunista», 20.III 1921.

округах вступать в непримиримую борьбу со всякого рода блоками [77].

На этих выборах ИСП и КПИ выступили раздельно. Со своей программой, отличной как от программы либералов, так и рабочих партий, выступила Народная партия. Напротив, все партии правительственного большинства, представленного либералами, демократами и другими группами буржуазии, выступили в едином списке так называемого Национального блока во главе с Джолитти. В этот блок были включены и фашисты, несмотря на их яростную антиправительственную кампанию. Джолитти надеялся таким образом подчинить их своему влиянию и превратить в послушное орудие своей политики. Однако его надежды не оправдались.

ИСП и КПИ получили на выборах соответственно 123 и 15 депутатских мест [78]. Это было меньше того, что получила на выборах 1919 г. социалистическая партия, которая была в то время единственной рабочей партией. Сказались и общий спад революционных настроений трудящихся, и фашистский террор, и углубление разногласий в рабочем движении. И все же ИСП осталась первой по числу депутатских мест партией в парламенте. Другая оппозиционная правительству партия — Народная партия — увеличила число своих депутатских мест с 99 до 108. Фашисты же, которые получили благодаря участию в Национальном блоке 35 депутатских мест, с новой силой развернули антиправительственную кампанию, объединив в парламенте свои усилия с другими правыми и националистическими группировками. Таким образом выборы в мае 1921 г. знаменовали собой дальнейшее углубление кризиса политики правящей либеральной буржуазии и так называемого либерального государства в Италии.

В это время перед лицом растущей фашистской опасности среди итальянских трудящихся, в первую очередь среди рабочих, усиливается стихийное стремление к сплочению и единству в борьбе против фашизма. Выражением этого стремления и было возникновение на местах такой новой формы антифашистского пролетарского единства, как «комитеты пролетарской защиты». Эти комитеты объединяли представителей местных организаций ВКТ, Итальянского профсоюзного объединения, Союза железнодорожников, местных секций анархистов, коммунистической и социалистической партий. Один из первых таких комитетов был создан в Генуе в мае 1921 г. Он должен был руководить антифашистской борьбой всех пролетарских организаций Лигурии и многих

[77] «Il Comunista», 14.IV 1921.

[78] Результаты выборов 15 мая 1921 г. даются по: «Almanacco Socialista Italiano, 1922». Milano, 1922, p. 460—478.

муниципалитетов, в том числе и тех, в которых большинство принадлежало социалистам и коммунистам [79]. В июне 1921 г. по призыву рабочих-анархистов такой комитет был создан в Риме [80]. Комитеты пролетарской защиты были созданы также в Парме, Турине, Терни, Анконе и ряде других городов страны.

Стремление к единству и активной борьбе против фашизма нашло свое выражение также в возникновении такой своеобразной формы антифашистского сопротивления, как движение «народных смельчаков». В отряды «народных смельчаков» вступали люди различных политических и религиозных убеждений, готовых с оружием в руках бороться против фашистов. Эти отряды сыграли большую роль в организации защиты римского пролетариата во время его антифашистских манифестаций в июле 1921 г. [81] Они участвовали в вооруженных столкновениях с фашистами во многих городах и районах Италии.

Однако развитие этих новых форм пролетарского и антифашистского единства тормозилось из-за отсутствия поддержки со стороны политических партий. Движение «народных смельчаков» встретило отрицательное отношение со стороны ИСП, так как оно шло вразрез с проводимой ею тактикой пассивного сопротивления. А КПИ вообще запретила своим членам участвовать в этом движении, так как основной задачей «народных смельчаков» является защита трудящихся от фашистской опасности, восстановление порядка и нормальной социальной жизни, цель же коммунистической партии — привести пролетариат к победе революции [82]. Отношение КПИ к движению «народных смельчаков» было результатом ее общей сектантской линии, которая была подвергнута серьезной критике на III конгрессе Коминтерна в июне-июле 1921 г. Однако руководство КПИ не сделало выводов из этой критики и осталось на прежних позициях.

Несмотря на серьезные ошибки социалистической и коммунистической партий, антифашистское сопротивление трудящихся продолжало расти и шириться и летом 1921 г. стало важным фактором общей политической ситуации в Италии. Оказавшись после парламентских выборов перед лицом растущей оппозиции и справа, и слева, правительство Джолитти в это время вынуждено было уйти в отставку. В июле 1921 г. к власти пришло правительство Бономи, которое под давлением общественного мнения стало проводить по отношению к фашизму более сдерживающую политику.

[79] «Avanti!» (M.), 13.V 1921.
[80] «Avanti!» (R.), 14.VI 1921.
[81] «Avanti!» (M.), 7.VII 1921.
[82] «Il Comunista», 7.VIII 1921.

Все это вместе взятое побудило Муссолини выступить с инициативой заключения перемирия с руководителями рабочих организаций. Руководство ИСП, в соответствии с проводимой им «тактикой пассивного сопротивления» фашизму, благожелательно ответило на эту инициативу, реформистские руководители ВКТ поддержали его. Таким образом 3 августа 1921 г. был подписан так называемый Пакт умиротворения, в котором ИСП и ВКТ, с одной стороны, и фашисты, с другой,— обещали воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга [83].

Хотя этот пакт и обострил внутри фашизма разногласия между сторонниками усиления террора — экстремистами и так называемыми умеренными, в целом заключение его было серьезной ошибкой ИСП. Фашизм по самой своей природе не поддавался какому бы то ни было «умиротворению». Для так называемых умеренных фашистов этот пакт был маневром, с помощью которого они рассчитывали предотвратить дальнейший рост сопротивления трудящихся и упрочить свои позиции в политических кругах буржуазии. Что касается фашистов-экстремистов, то они ни на минуту и не прекращали террор против трудящихся.

Во второй половине 1921 г., когда сокращение производства в связи с экономическим кризисом приняло наибольший размах, усилили нажим на рабочих предприниматели. Пользуясь окончанием сроков коллективных договоров, предприниматели в ряде случаев отказывались от их возобновления, проводя массовые увольнения рабочих (от 10 до 50%) [84]. Наступление предпринимателей слилось в единый поток с наступлением фашистов, которые уже в ноябре 1921 г. официально отказались от Пакта умиротворения. К этому времени фашистское движение стало серьезной политической силой. Организационно оно объединяло уже свыше 300 тыс. человек. Некоторое представление о социальном составе движения давала анкета, составленная на основании данных о 151 тыс. фашистов. Если верить этим данным, то массовая база фашизма на 40% состояла из пролетарских элементов: около 37 тыс. сельскохозяйственных рабочих и 23 тыс. городских рабочих. Затем следуют учащиеся — около 20 тыс., сельские хозяева — 18 тыс., служащие частных предприятий — 15 тыс., торговцы и ремесленники — 14 тыс. и т. д.; число промышленников-фашистов, зарегистрированных в этой анкете, составляло 4 тыс. [85]

С точки зрения руководителей движения необходимо было конкретизировать основные идеологические принципы фашизма, что-

[83] «Avanti!», 4.VIII 1921.

[84] *A. Tamaro*. Venti anni di storia (1922—1943), v. I. Roma, 1953, p. 210.

[85] *G. Chiurco*. Op. cit., v. III, p. 582—583.

бы как-то скрепить его и придать ему бо́льшую целенаправленность. Главным образом именно из этого исходили они, добившись конституирования фашизма в политическую партию на 3-м съезде фашистских союзов в ноябре 1921 г.

Вновь образованная фашистская партия выступила с программой, стержневым пунктом которой была идея нации [86]. Фашисты доказывали, что не классы, а нация является господствующей формой социальной организации в современном мире. «Нация,— говорилось в фашистской программе,— это не просто сумма индивидов, живущих в определенное время и на определенной территории. Нация является организмом, содержащим в себе бесконечные ряды прошлых, настоящих и будущих поколений. Отдельный индивид в этой исторической панораме является лишь преходящим моментом». Отсюда выводился категорический императив: все интересы личные (индивиды) и групповые (семья, корпорация, класс и т. д.) должны подчиняться высшим интересам нации. Отсюда же и фашистская концепция государства: «Государство является юридическим воплощением Нации. Политические институты являются эффективными лишь постольку, поскольку национальные ценности находят там свое выражение и защиту». Иными словами, если данное государство не отвечает «интересам нации», то «во имя этих интересов» оно может и должно быть заменено новым. «Фашизм,— указывалось в программе,— является политическим, военным и экономическим организмом».

Сразу после съезда фашисты значительно активизировали свою деятельность по этим трем направлениям. В области политической борьбы вновь образованная партия умело маневрирует с целью помешать объединению парламентских и демократических сил, враждебных фашизму. В парламентской борьбе между либералами и Народной партией фашисты попеременно переходят с одной стороны на другую, провоцируя углубление разногласий как между этими двумя враждующими силами, так и внутри каждой из них. Фашисты, в частности, сделали все для углубления разногласий между правым и левым крылом Народной партии [87]. После избрания на папский престол Пия XI в январе 1922 г. создались более благоприятные условия для сближения фашистов с Ватиканом. Новый папа, писал английский историк Гвин, «заслужил любовь и уважение фашистов, когда был еще архиепископом миланским» [88].

[86] Ibid., p. 640—647.

[87] *A. Tasca.* Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950, p. 277.

[88] Цит. по.: *М. Шейнман.* Ватикан между двумя мировыми войнами. М., 1948, стр. 53.

В военной области, т. е. в организации военных сил, фашисты с образованием партии добились большой централизации. Отдельные вооруженные отряды (сквадры) были реорганизованы в фашистскую милицию. Устав ее был разработан с участием военного специалиста генерала Гандольфо и предусматривал строгую централизацию, иерархию и подчинение партии [89]. Таким образом фашистские руководители намеревались сделать свои вооруженные отряды способными на выполнение более значительных целей, чем отдельные террористические акты и погромы. Муссолини объяснил «военным элементам» фашизма, что необходимо выйти за рамки местных действий и иметь в виду завоевание власти [90].

Особенно большого успеха вновь образованная фашистская партия добилась в организации профсоюзного движения. В январе 1922 г. в Болонье состоялся съезд организованных фашистами профсоюзов. На съезде были представители руководства фашистской партии. И одним из первых было принято решение о том, что все организованные фашистами профсоюзы будут подчиняться вновь образованной партии [91]. В основу действий фашистских профсоюзов была положена опять-таки идея нации, во имя интересов которой необходимо было, по словам фашистов, добиваться сотрудничества рабочего класса с буржуазией.

К началу 1922 г. фашисты расширяют свое влияние среди молодежи, главным образом учащейся молодежи, выходцев из мелкобуржуазных слоев населения. Муссолини объявляет свою партию «партией молодых». В своей пропаганде он демонстративно противопоставлял молодежь «старым одряхлевшим политическим партиям, которые погрязли во взаимной борьбе и завели нацию в тупик». В этом слышались отголоски синдикалистских идей Сореля, которые сыграли определенную роль на ранних этапах формирования фашистской идеологии [92].

К началу 1922 г. экономический кризис в Италии достиг наивысшей точки. В январе этого года число безработных было равно уже 607 тыс. человек [93]. Обанкротились два крупнейших монополистических объединения — «Ильва» и «Ансальдо». Потерпел крах крупнейший банк страны — «Банко итальяно ди сконто». С этим банком были связаны многие магнаты крупной промышленности.

[89] *G. Chiurco*. Op. cit., v. IV, p. 485—489.
[90] *A. Tasca*. Op. cit., p. 278.
[91] *G. Chiurco*. Op. cit., v. IV, p. 32.
[92] Муссолини в своей начальной пропаганде использовал идею Сореля о «прямом действии», т. е. о действии, не руководимом какой-либо политической партией. «Партия создана для дипломатии, а не для войны»,— учил Сорель.
[93] Annuario statistico italiano (Seconda serie), v. IX, p. 292.

Они требовали от правительства покрыть дефицит банка за счет средств национального бюджета. Но правительство, руководимое Бономи, не решалось на этот шаг и тем самым в еще большей мере подорвало свой авторитет в глазах крупной промышленности и финансовой буржуазии.

Критика слабого и нерешительного правительства Бономи велась и «справа», и «слева». 2 февраля 1922 г. оно вынуждено было подать в отставку. Начался самый длительный в истории Италии с момента ее воссоединения правительственный кризис, который продолжался до 25 февраля. В конце концов в результате многих компромиссов было составлено лоскутное коалиционное правительство во главе с Факта. Позже этого премьера прозвали Ромулом Августулом по имени последнего римского императора. Трудно было найти менее авторитетную и более бесцветную фигуру. Словно итальянский парламентаризм и впрямь решил вырыть себе могилу — лучшего могильщика нечего было и желать.

А фашизм в это время уже перешел к прямой атаке на демократию. Во время февральского правительственного кризиса фашисты устроили в Риме, Флоренции и Болонье демонстрации под лозунгами: «Да здравствует диктатура!», «Долой парламент!» Муссолини выступил со статьей, озаглавленной «Идем ли мы к диктатуре?». Он писал: «Сегодня в свете нового политического и парламентского опыта возможность диктатуры должна быть серьезно рассмотрена... Можно допустить, что лозунг фашистских демонстрантов в Болонье будет подхвачен завтра по всей Италии» [94]. Важно подчеркнуть, что речь идет уже не о нападках на правящий либеральный класс, а об отрицании всей системы и идеологии демократии. Элементы этого отрицания были и раньше. Но теперь — в начале 1922 г.— оно становится совершенно определенным. «XIX век,— писал Муссолини,— был преисполнен лозунгом «все», этим боевым кличем демократии. Теперь настало время сказать: «немногие» и «избранные»... Жизнь возвращается к индивиду... Тысячи признаков свидетельствуют, что нынешнее столетие является не продолжением минувшего, а его антитезой» [95].

И может быть именно в это время со всей силой обнаружился серьезный политический просчет либералов как правящего класса. В своем отношении к фашизму они оказались в положении пресловутого мага, бессильного обуздать вызванные им силы. Антидемократический характер фашистского наступления становился теперь все более очевидным. И если демократия в Италии показала свою несостоятельность перед лицом этого наступления, то в зна-

[94] «Popolo d'Italia», 25.II 1922

[95] *B. Mussolini.* Scritti e discorsi, v. II. Milano, 1934, p. 265—266.

чительной мере причиной этого были не только просчеты ее политиков, но и ее «ущербность» в историческом плане. Довольно значительная часть общественного мнения Италии относилась скептически к демократии в том виде, в каком она существовала в их стране.

Рабочее движение в целом продолжало искать средства борьбы против фашизма исключительно на пути классового объединения пролетариата. Идеи защиты демократии и широкого антифашистского единства в концепциях руководителей рабочего движения практически отсутствовали. В феврале 1922 г. был создан координационный центр профсоюзной борьбы пролетариата под названием «Союз труда». В его создании участвовали представители Всеобщей конфедерации труда и ряда других автономных классовых профсоюзных организаций трудящихся. Все они перед лицом экономического и политического наступления реакции заявили о своем стремлении к единству [96]. Однако новое объединение не сумело стать действенной силой в борьбе против фашизма. Во главе его встали реформисты из ВКТ, которые не считали возможным организовать массовое выступление пролетариата в это время.

Успешной борьбе профсоюзных организаций трудящихся против фашизма мешало также отсутствие единства двух пролетарских партий. Социалистическая партия вообще не имела сколько-нибудь позитивной программы борьбы против фашизма. Эта партия продолжала отвергать перспективу организации вооруженного сопротивления фашизму. Что же касается компартии, то на съезде в марте 1922 г. она вновь подтвердила прежнюю сектантскую линию. Причем подтверждение это в так называемых Римских тезисах было сделано в такой резкой и категорической форме, что сами эти тезисы стали позже символом сектантства в его высшей степени. Содержание Римских тезисов может быть сведено к нескольким основным положениям и лозунгам, а именно: нет никакой разницы между буржуазной демократией и фашизмом — все это формы диктатуры буржуазии; тактика партии должна оставаться постоянной вне зависимости от изменений обстановки; никаких соглашений с партиями и группами, не разделяющими программных установок коммунистов. Тезисы призывали к борьбе за диктатуру пролетариата и установление Советской власти в Италии [97].

Важно иметь в виду, что в той или иной мере эти тезисы получили поддержку подавляющего большинства партии, ибо соответствовали в основном царившим в ней настроениям. Под влия-

96 «Avanti!», 21.II 1922.

97 Come si costituì il Partito comunista d'Italia. Dal congresso di Livorno al congresso di Roma (1921—1922). S. l., s. d.

нием этих настроений оказались и бывшие ординовисты Тольятти и Террачини [98]. И даже Грамши, который выступал накануне съезда с критикой тезисов Бордиги в туринской секции партии, на самом съезде голосовал за них. Это объясняется тем, что, как писал впоследствии Тольятти, «он не видел еще возможной альтернативы руководству партии... изменение еще не созрело» [99]. Правда, в самой туринской секции Грамши, по-видимому, удалось создать иной дух, другие настроения. Об этом свидетельствует и тот факт, что уже после отъезда Грамши в Москву для работы в Исполкоме Коминтерна туринские коммунисты — это было летом 1922 г.— установили контакты с левыми из Народной партии и с либералами из газеты «Стампа» для совместной борьбы против фашизма. Однако, когда они отправились в Рим, для того чтобы предложить руководству КПИ организовать единый фронт против фашизма, Бордига ответил безоговорочным отказом [100].

В этой обстановке борьба рабочих против фашизма никак не могла стать исходным моментом для создания в стране единого антифашистского фронта. Антифашистские выступления рабочих ослаблялись борьбой и полемикой внутри самого рабочего движения. Так было во время майского выступления римского пролетариата против фашистского террора, во время июньской забастовки металлистов, антифашистской забастовки в Новаре и Ломбардии в июле и ряда других выступлений трудящихся весной и летом 1922 г.

В июне 1922 г. рост фашистского террора в Италии вызвал новый правительственный кризис. В социалистической партии к этому времени обострились разногласия между реформистами и максималистами. Первые видели спасение от фашизма на пути соглашения с демократическими группами буржуазии, не определив, однако, реальную основу для такого соглашения. Вторые, отвергая в принципе такого рода соглашения, вообще не имели сколько-нибудь определенной программы борьбы в это время и поэтому фактически ограничивались революционной фразой. Пытаясь оказать влияние на ход правительственного кризиса и добиться создания правительства, способного бороться против фашизма, Союз труда объявил всеобщую национальную забастовку, которая началась 1 августа 1922 г. Трудящиеся призывались только к выражению законного протеста против фашистского террора мирными средствами [101]. Несмотря на это, забастовка сплошь и рядом пере-

[98] Annali. Istituto G. Feltrinelli, Anno terzo. Milano, 1961, p. 394.

[99] Ibid., p. 397.

[100] Об этом рассказывает в своих воспоминаниях А. Таска (*A. Tasca*. Op. cit., p. 312).

[101] «Avanti!» (M.), 1.VIII 1922.

растала в вооруженные столкновения с фашистами. Высшей ее точкой были кровопролитные бои в Парме, в которых с обеих сторон участвовали тысячи людей [102]. Однако в самый разгар борьбы после сформирования второго кабинета Факта, который был ничем не лучше первого, Союз труда отдал приказ о прекращении забастовки [103].

Фактически это было поражением августовской забастовки, хотя рабочий класс в это время и продемонстрировал свою боеспособность. После августовской забастовки рабочее движение переживало серьезный кризис, Союз труда дискредитировал себя в глазах масс и распался уже в конце августа.

В начале октября 1922 г. состоялся очередной 18-й съезд социалистической партии, на котором развернулась острая полемика между максималистами и реформистами по вопросу об оценке политики партии в борьбе против фашизма, о путях дальнейшей борьбы. Секретарь партии Фиоритто прямо говорил о саботаже реформистами движения трудящихся [104]. Большинство выступавших максималистов потребовало исключения реформистов из партии. Резолюция об исключении реформистов из партии была принята 32 106 голосами против 29 119 голосов [105]. Исключенные из социалистической партии реформисты образовали новую партию — Унитарную социалистическую партию (УСП) [106]. В это же время коммунисты предприняли еще одну попытку активизировать борьбу рабочего класса. 8 октября 1922 г. по инициативе Профсоюзного комитета КПИ в Милане собрался съезд левых групп ВКТ, Союза железнодорожников и Профсоюзного объединения. На съезде был создан комитет, в который вошли коммунисты, максималисты и революционные синдикалисты. Комитет постановил выступить согласованно, выдвигая на всех собраниях соответствующих организаций общую резолюцию, подчеркивающую классовый характер союзов и требующую от ВКТ созыва конгресса [107].

Однако было уже поздно. Внутренняя слабость итальянского рабочего класса — отсутствие единства и правильного политического руководства — помешала ему сплотить вокруг себя широкие народные массы и создать народный антифашистский фронт — основное средство победы над фашизмом.

102 La resistenza al fascismo. Scritti e testimonianze. Milano, 1955, p. 7; «Vie Nuove», 31.VIII 1952.
103 «Avanti!» (M.), 4.VIII 1922.
104 «Avanti!» (M.), 3.X 1922.
105 Ibidem.
106 «Avanti!» (M.), 4.X 1922.
107 «Avanti!» (M.), 10.X 1922.

Сыграв решающую роль в борьбе против трудящихся и имея перед собой слабое и безвольное правительство Факта, фашисты почувствовали себя хозяевами положения.

После августа 1922 г. в Италии говорили — и не без основания — о двоевластии в стране. При полном бездействии, а то и прямом попустительстве со стороны официальной власти фашисты устанавливали свое господство в одной провинции за другой. К этому времени фашизм совершенно определенно взял курс на ниспровержение существующей власти, хотя в своей политической стратегии он и не исключал еще возможности участия в новом коалиционном правительстве. Но это был своего рода «запасной вариант» или даже скорее политический маневр с целью ввести в заблуждение правящие круги страны. 16 октября на секретном совещании фашистских руководителей в Милане был создан так называемый квадрумвират для военной организации захвата власти. 17 октября начальник службы армейской информации доносил, что в беседе с одним из друзей Муссолини прямо заявил о полной готовности фашистов к военному перевороту. «Муссолини,— читаем мы в этом донесении,— настолько уверен в победе и в том, что он является хозяином положения, что предвидит даже первые акты своего правительства. Кажется, он намеревается совершить переворот не позднее 10 ноября, возможно, 4 ноября...» [108]

События развивались с головокружительной быстротой. 24 октября в Неаполе в театре Сан-Карло открылся фашистский съезд. Кроме делегатов в этот город со всех концов страны явилось около 40 тыс. фашистов. Речь Муссолини в день открытия съезда прозвучала ультиматумом по адресу правительства. «Мы хотим роспуска нынешней палаты, избирательной реформы и новых выборов. Мы хотим, чтобы государство вышло из состояния того шутовского нейтралитета, который оно держит в борьбе национальных и антинациональных сил... Мы хотим пять портфелей и комиссариат авиации в новом министерстве. Мы требуем для себя министерства иностранных дел, военное, морское, труда и общественных работ. Я уверен, что никто не сочтет эти требования чрезмерными [109].

Во второй половине того же дня 40 тыс. фашистов проходят перед стоящим на трибуне Муссолини. «Я торжественно заявляю вам,— говорит он,— что требование момента таково: или нам дадут власть, или мы возьмем ее, двинувшись на Рим (фашисты кричат: «На Рим! На Рим!»). Отныне речь идет о днях, а может

[108] Archivio Centrale della Stato, Arch. di Giolitti, busta 6, fasc. 103.
[109] *B. Mussolini.* Op. cit., v. II, p. 342.

быть даже о часах: необходимо путем одновременных действий во всех концах Италии взять за горло жалкие правящие круги» [110].

После выступления на параде фашистов Муссолини направляется в гостиницу «Везувий», где в узком кругу единомышленников принимается окончательное решение о фашистском выступлении. Мобилизация фашистов по всей стране была назначена на 27, атака главных центров — на 28 октября [111].

Из Неаполя Муссолини срочно отправился в Милан, а фашистский штаб по организации похода на Рим обосновался в Перудже. Однако вплоть до 28 октября, когда уже начался с разных сторон поход фашистских колонн на Рим, Муссолини продолжает вести переговоры о своем участии в правительстве. Факта решил уйти в отставку под давлением правых либералов во главе с Саландрой, который вел переговоры с Муссолини и надеялся сформировать свое правительство с участием Муссолини.

Ранним утром 28 октября Факта направился к королю с сообщением об отставке и с предложением подписать декрет о введении осадного положения. Этот декрет был написан еще накануне и ввиду чрезвычайной обстановки разослан даже на места. Нужна была, однако, подпись короля для того, чтобы официально объявить его стране. Казалось, Факта имел все основания рассчитывать на согласие короля с решением кабинета министров. Буквально несколько часов назад, вечером 27 октября, король, только что вернувшийся в Рим, заявил на вокзале встречавшим его министрам: «Рим следует защищать любой ценой» [112]. Что касается реального соотношения военных сил, то здесь ситуация была такова: всего мобилизованных фашистов было около 50 тыс., а правительственных войск только в Риме — 12 тыс.[113] Разумеется, этого количества регулярной армии было вполне достаточно, чтобы рассеять отряды фашистов. Не кто иной, как генерал Бадольо, главнокомандующий итальянской армии, заявил в эти дни: «...Если фашисты переступят закон, я обещаю сразу же установить порядок. Пять минут огня, и все будет в порядке» [114].

Однако король отказался подписать декрет о введении осадного положения. Возможно, так никогда и не станет известным, о чем в это утро говорили король Виктор-Эммануил и Факта. Наверное, Факта не очень настаивал на подписании декрета, так как сам он еще не терял надежды стать во главе нового кабинета с участием

[110] *П. Алатри.* Указ. соч., стр. 301.
[111] Там же, стр. 302.
[112] *M. Soleri.* Memorie. Torino, 1949, p. 150.
[113] *П. Алатри.* Указ. соч., стр. 124.
[114] *P. Nenni.* Six ans de guerre civile en Italie. Parigi, 1929, p. 146.

2. Поход на Рим. 1922

фашистов. Король же, по-видимому, решил, что теперь, после отставки Факта, можно будет поручить формирование нового кабинета правому либералу Саландре, который благодаря своим контактам с Муссолини договорится с ним о компромиссном разделе министерских портфелей.

Утром 28 октября Муссолини находился в страшном волнении. Он не знал еще, что король отказался подписать декрет о введении осадного положения. Поэтому, струсив в последний момент, он едва не согласился на компромиссное разрешение кризиса путем сформирования правительства во главе с Саландрой и с участием фашистов. И только под давлением своих более энергичных сподвижников, которые едва не вырвали у него телефонную трубку во время разговора с Римом, он не дал окончательного ответа [115]. Несколько часов спустя, узнав об отказе короля

[115] *M. Soleri*. Op. cit., p. 155.

подписать декрет о введении осадного положения, Муссолини вновь осмелел. На официальное предложение прибыть в Рим, чтобы участвовать в переговорах о формировании нового правительства, он отвечает категорическим отказом. Муссолини заявил, что прибудет в Рим только в том случае, если ему и «только ему» поручат сформировать новое правительство.

В полдень 29 октября адъютант короля генерал Читтадини сообщил Муссолини по телефону, что король решился предложить ему столь желаемое поручение. 30 октября в 10 часов 42 минуты, как повествует хроника тех дней, Муссолини сошел на перрон римского вокзала. В это время в город со всех сторон вступали уже колонны фашистов.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Хотя фашисты не встретили никакого сопротивления, они вели себя как на поле боя. Их вооруженные отряды биваками расположились на улицах и площадях Рима. Сам Муссолини, прежде чем отправиться к королю, переоделся в боевую фашистскую форму: черную рубашку, серо-зеленые брюки и краги. И уже совсем как в театре, он произнес при встрече с королем слова, которые, как ему казалось, войдут в историю: «Ваше величество, я прошу прощения, что явился в черной рубашке, но я едва только успел возвратиться с поля боя, обошедшегося, к счастью, без кровопролития. Я возвращаю вам Италию времен Витторио Венето, вновь возвеличенную победой. Остаюсь верным слугой вашего величества» [116]. По окончании часовой беседы Муссолини и Виктора Эммануила «восторженно настроенная толпа», как повествовала об этом фашистская хроника, требовала, чтобы они вышли на балкон. Мимо с победным фашистским кличем проходили отряды чернорубашечников.

На следующий день, 31 октября, было объявлено о сформировании нового правительства во главе с Муссолини. Это не было однопартийное фашистское правительство. Кроме Муссолини, который одновременно был и премьером и министром иностранных дел, из 13 министров только 3 были фашистами. Остальные принадлежали к различным течениям либералов и демократов, Народной партии, один был националистом, двое — высшими чинами армии и флота [117]. Однако, хотя правительство было объявлено коалиционным, члены его приглашались не в качестве представителей

[116] *G. Dorso.* Mussolini alla conquista del potere. Torino, 1949, p. 175.
[117] *A. Tamaro.* Op. cit., v. I. p. 271

различных групп и партий, а персонально. Характерно также, что по крайней мере три новых министра были тесно связаны с руководящими кругами крупной промышленной и финансовой буржуазии [118]. Это должно было усилить доверие к новому правительству со стороны крупной буржуазии. Сразу после создания нового правительства Конфедерация промышленников в воззвании обещала ему поддержку [119].

Но правительство не получило еще вотума доверия со стороны парламента. Здесь у фашистов было менее 7% представителей. Что если большинство проголосует против нового правительства? Наступает 16 ноября 1922 г. В этот день открывается сессия парламента — первая после фашистского переворота. На трибуну поднимается Муссолини. Он зачитывает правительственную декларацию. Это очень не походит на все то, что было раньше. С трибуны звучит не просьба о доверии, а речь победителя, сознательно построенная в форме монолога вождя. «Я мог бы воспользоваться победой,— говорит Муссолини.— Я мог бы превратить это темное и серое здание в солдатский бивак. Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство. Тем не менее я составил коалиционное правительство, но не для того чтобы получить парламентское большинство,— я в нем не нуждаюсь... Я составил коалиционное правительство, чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех — независимо от партий,— кто хочет спасти ее... Я не хочу править вопреки палате, коль скоро в этом нет необходимости. Но палата должна понять, что от нее самой зависит, жить ли ей еще два дня или два года... Мы требуем полноты власти, ибо хотим полной ответственности...» [120]

Все это было открытым вызовом и оскорблением парламента. Однако никто из демократических парламентариев не имел ни охоты, ни мужества, ни энтузиазма лечь костьми во славу демократического парламентаризма. Лишь социалист Модильяни, поднявшись, громко крикнул: «Да здравствует парламент!» Большинство же послушно и покорно выслушало речь Муссолини и даже аплодировало по ее окончании. Парламент приветствовал собственное уничтожение! Выпивая до дна чашу позора, он даже не находил ее особенно горькой. Эта атрофия вкуса усугубляла его позор, вскрывала всю глубину его падения.

Против доверия правительству голосовало 102 депутата: социалисты, коммунисты, часть республиканцев и членов сардинской

[118] *П. Алатри.* Указ. соч., стр. 323.
[119] *E. Rossi.* I padroni del vapore. Bari, 1957, p. 44.
[120] *B. Mussolini.* Op. cit., v. III, p. 8, 16.

Партии действия. За — 306 [121]. Таким образом — и это было очень важно с формально-юридической точки зрения — новое правительство было узаконено парламентом. Соображения, которыми руководствовались либералы, демократы и члены Народной партии, голосовавшие за него, были в каждом отдельном случае разные. Общим было стремление быстрее нормализовать политическое и экономическое положение страны. «Трезвые политики» типа Джолитти рассматривали приход фашистов к власти как неизбежный результат объективно сложившейся обстановки. Они не теряли надежды, когда улягутся страсти, вновь овладеть положением. А пока что, по их мнению, было лучше проголосовать за правительство Муссолини, чтобы сохранить за парламентом хотя бы видимость высшего арбитра, ибо в противном случае за ним не осталось бы даже этой видимости.

Как бы то ни было, Муссолини одержал в этот момент важную для фашизма победу: он поставил на колени парламент. Законодательная власть пала ниц перед исполнительной. Не случайно Муссолини с самого начала подчеркивал, что он создал правительство, а не министерство, он намеревался именно править, а не исполнять чью-либо волю. Фашисты исходили из принципа, что правительство не может тащиться на буксире у парламента. И уже через несколько дней после полученного им вотума доверия Муссолини добивается для своего правительства неограниченных полномочий для реорганизации административного аппарата и финансовых мероприятий.

Начинается новый этап в истории Италии — период фашистской диктатуры. Однако вначале — характерная особенность первого периода после переворота — эта диктатура осуществлялась в рамках старой конституции и без изменения основных государственных законов. Механизм этой диктатуры определялся фактической, а не юридической силой фашистской партии.

«Я очень заботился о том,— говорил позднее Муссолини,— чтобы не затронуть главные столпы государства» [122]. И комментируя эти слова, фашистский теоретик Эрколе писал: «Главные столпы государства — Монархия, Церковь, Армия, Статут. Благодаря этому Муссолини удастся, как он сам скажет, привить революцию к стволу старой легальности, ускорив тем самым вхождение фашизма в орбиту Конституции...» [123] Сохранив эти так называемые столпы, фашисты вносят серьезные изменения прежде всего в методы и дух государственного управления. Создание правитель-

[121] *A. Tamaro*. Op. cit., v. I, p. 288.

[122] *B. Mussolini*. Op. cit., v. IV, p. 9.

[123] *F. Ercole*. Storia del fascismo, v. II. Milano, 1939, p. 14.

ства, фактически — именно фактически, а не юридически — вставшего над парламентом, было первым, но далеко не единственным изменением такого рода. Сразу после переворота местная администрация подпадает под контроль руководителей провинциальных фашистских организаций. При префектах появляются политические советники, которые осуществляют «политический надзор». К руководителям важнейших государственных учреждений также приставляются советники. Начинается постепенная замена руководящих кадров старого государственного и правительственного аппарата.

Сами фашисты определяли первый период своей власти как диктатуру фашистского правительства или диктатуру фашистской партии над старым либеральным государством [124]. Важной гарантией этой диктатуры стали два новых института: Большой фашистский совет (БФС) и Добровольная милиция национальной безопасности (ДМНБ). Оба эти института были созданы уже вскоре после переворота, но опять-таки не вопреки, а как бы в обход старых законов и старой государственной системы.

БФС создан в декабре 1922 г. на базе дирекции фашистской партии путем добавления к ней министров-фашистов и некоторых местных фашистских лидеров по назначению лично Муссолини. Сам Муссолини стал председателем БФС. Этот совет фактически — опять именно фактически, а не юридически — контролировал все декреты и законопроекты перед внесением их в парламент. Через своих членов, состоявших в правительстве, он контролировал и правительство.

Королевский декрет от 14 января 1923 г. предусматривал юридическое признание фашистской милиции [125]. Вскоре она была преобразована в ДМНБ, подчиненную непосредственно главе правительства.

Созданием ДМНБ Муссолини преследовал ряд целей. Наряду с прочим надо было покончить с фашистской вольницей, которая ставила свое обычное право выше писаного закона. Об этом было даже записано в уставе фашистской милиции от 3 октября 1922 г., т. е. до прихода фашистов к власти. Но теперь, придя к власти, Муссолини хотел заставить уважать писаный закон по крайней мере в той его части, которая обеспечивала приоритет и власть правительства. В противном случае страна оказалась бы во власти анархии, а лозунгом правительства Муссолини были нормализация и порядок. Но фашистские отряды продолжали свои самочинные действия и после прихода к власти. Многие даже сочувствующие

[124] Ibid., p. 11, 51.

[125] *M. La Torre.* Cento anni di vita politica ed amministrativa italiana, v. II. Firenze, 1953, p. 28.

фашистам элементы были недовольны продолжающимся на местах террором фашистских боевиков. Одним из наиболее трагических эпизодов этого террора было убийство фашистами в Турине в течение одной декабрьской ночи 1922 г. по крайней мере 15 социалистов и коммунистов. Поводом к этим убийствам послужило то, что накануне в городе были обнаружены трупы двух фашистов. Вряд ли Муссолини был искренен в осуждении акта мести туринских фашистов. Его бурная реакция, о которой рассказывает в воспоминаниях Массимо Рокка[126], была вызвана скорее всего опасениями возможного обострения политического положения в стране.

Создание ДМНБ должно было бы, как тогда многим казалось, дать известные гарантии против фашистских самоуправств на местах, тем более что глава ДМНБ генерал Де Боно был одновременно шефом полиции. Но это же стало еще одним шагом на пути к преобладанию политической власти в лице фашистского правительства над законодательной в лице короля и парламента. Иными словами, это стало еще одним шагом на пути к укреплению террористической фашистской диктатуры в целом. Передача ДМНБ в юрисдикцию главы правительства, а не государства усиливала личную власть Муссолини. Благодаря БФС и ДМНБ он располагал теперь такой силой и влиянием, которые и не снились его предшественникам на посту премьера.

Нельзя сказать, чтобы все это не вызывало недовольства в политических кругах либеральной и демократической буржуазии. Но, как правило, это недовольство не выходило за рамки устранения от сотрудничества с фашизмом отдельных деятелей, как это было, например, с Нитти. От этого устранения до активной оппозиции, а тем более борьбы против фашизма было еще очень далеко. Вот что писал Нитти по поводу своей позиции в отношении фашизма в одном из частных писем, относящихся к апрелю 1923 г.: «... Необходимо, чтобы фашистский эксперимент совершался без помех: никакой оппозиции с нашей стороны. Я не могу примкнуть к нему, но я не хочу и противодействовать ему. Я более чем когда-либо убежден, что вне моей программы нет спасения; но оставаясь при этом убеждении, скрашивающем мое одиночество, я не хочу больше ничего предпринимать»[127].

Иными словами, пусть сам ход событий убедит других в пагубности фашизма. И уж совсем немного было среди либералов и демократов таких деятелей, которые пытались ускорить процесс убеждения людей в пагубности фашизма. К числу этих немногих относился редактор газеты «Коррьере делла сера» сенатор Аль-

[126] *M. Rocca*. Come il fascismo divenne una dittatura. Milano, 1952, p. 148.
[127] *П. Алатри*. Указ. соч., стр. 49.

3. *Фашистский диктатор с первыми чернорубашечниками*

бертини. В прошлом он видел в фашизме орудие борьбы против социализма и фактически стимулировал фашистское движение. Осознав свою ошибку, он выступил на страницах «Коррьере делла сера» с рядом статей в защиту либерализма от фашизма. Но это имело значение скорее в плане искупления вины прошлого, чем программы борьбы для настоящего, а тем более для будущего.

В целом для старого правящего класса, оказавшего поддержку фашизму, не могло быть будущего. Своего рода символом этого стала судьба образованной в самый канун «похода на Рим» Итальянской либеральной партии. После прихода фашизма к власти эта партия даже не пыталась удержаться на сколько-нибудь самостоятельных позициях. В конце января 1923 г. руководители Итальянской либеральной партии при встрече с Муссолини заяви-

ли ему о намерении «искренне сотрудничать и оказывать открытую поддержку правительству в его работе» [128]. В конце февраля 1923 г. с предложением о сотрудничестве с новым правительством выступила группа Бономи [129]. Что касается нефашистских политических групп откровенно правой и реакционной ориентации, то они постепенно как бы растворялись в фашизме. В феврале 1923 г. произошло организационное слияние фашистов с националистами [130]. Эти последние усилили откровенно правые и реакционные тенденции в фашизме.

Вряд ли можно говорить об активном сотрудничестве Ватикана с новым правительством. Однако бесспорно, что именно в это время делаются первые шаги на пути к преодолению вражды между церковью и государством в Италии. Инициатива в этом деле принадлежала фашистам. Уже вскоре после своего прихода к власти новое правительство приняло решение об ассигновании трех миллионов лир на реконструкцию церквей, пострадавших во время войны. Большое символическое значение имело решение правительства о передаче Ватикану библиотеки дворца Киджи [131]. Но, пожалуй, самым главным мероприятием в этом направлении была школьная реформа, за проведение которой взялся министр просвещения нового правительства известный итальянский философ Джентиле. Метафизик «духа как чистого акта», проповедник «национальной общей личности как этической сущности каждого отдельного человека», апологет «государства как живой формы нации», убежденный сторонник религиозного понимания жизни, Джентиле выполнил свою миссию в полном соответствии с основами своего миросозерцания. Распятие вернулось в школы, сопровождаемое латынью, националистическими идеями, соответствующим эстетическим воспитанием, а также и убеждением, что государство должно стать кормчим не только общественных интересов, но и людских душ. Уже первые проекты нового правительства в области школьного образования заслужили похвалу печатного органа Ватикана газеты «Оссерваторе романо» [132].

Правда, в отношениях с Народной партией у фашистов дело обстояло не столь благополучно. Имея массовую базу в лице многих тысяч трудящихся, эта партия все больше склонялась к оппозиции новому правительству. Все чаще отдельные ее представители, главным образом связанные с католическими профсоюзами,

[128] *П. Алатри*. Указ. соч., стр. 150.
[129] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 21, л. 808.
[130] *A. Tamaro*. Op. cit., v. II, p. 308.
[131] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 13, л. 18.
[132] «Osservatore Romano», 6.I 1923.

протестовали против фашистских беззаконий. Но — и это очень важно иметь в виду — с приходом фашистов к власти понятия «законного» и «беззаконного» приобретали все более расплывчатый характер. Когда законодательная власть отступила перед исполнительной, превратившейся поистине в правительственную, сами собой стали испаряться гарантии неотчуждаемых личных прав. Уже сразу после прихода фашистов к власти свобода собраний и союзов стала подвергаться все бóльшим ограничениям.

Так было в политической области. Что касается экономики, то победа фашизма в Италии была важнейшим этапом на пути стабилизации итальянского капитализма. Установление «твердой власти» в значительной мере стимулировало капиталовложения в экономику страны и ускорило рост промышленного производства. Этому способствовала и политика фашистского правительства, покончившего с режимом государственных монополий, который начиная со времен войны обременял бюджет государства большими расходами. Новое правительство значительно снизило налог на наследство, сняло ограничения квартирной платы, перенесло центр тяжести с прямых налогов на косвенные и превратило прямые налоги из прогрессивных в пропорциональные. Власть открыто призывала граждан копить и обогащаться. Над всем господствовал принцип «продуктивизма».

В результате отказа государства от субсидий некоторым неприбыльным отраслям промышленности ряд предприятий был закрыт или сократил производство. Часть рабочих осталась без работы. Государственных субсидий лишались и многие сельскохозяйственные кооперативы, которые в прошлом за счет этих субсидий оказывали денежную поддержку главным образом мелким крестьянам. В плане экономии государственнных средств были сокращены государственные ассигнования на социальное страхование, что ударило главным образом по малоимущим слоям населения. Трудящиеся, прежде всего рабочие, в наибольшей мере пострадали от снятия ограничений на квартирную плату. Что касается перенесения центра тяжести с прямых налогов на косвенные, то это всегда задевает в первую очередь интересы трудящихся. Замена прогрессивных налогов пропорциональными также означала удар по трудящимся. Она проводилась под лозунгом: «Каждый итальянец должен чувствовать, что он наравне с другими содействует возрождению родины». На практике это означало введение налога на заработную плату рабочих, в то время как раньше такие налоги взимались только с капитала предпринимателей. В сельском хозяйстве мелкие собственники стали платить не только поземельный, но и подоходный налог, в то время как раньше такому двойному обложению подвергались только крупные земельные собственники. В марте 1923 г. был издан

декрет, допускающий «по взаимному соглашению между рабочими и предпринимателями» два часа сверхурочной работы, оплачиваемой на 10% больше. Это было уже серьезным покушением на завоеванный трудящимися в первый послевоенный период 8-часовой рабочий день.

Недовольство, которое их мероприятия с самого начала должны были вызвать среди рабочих, фашисты пытались парализовать ссылками на общие национальные интересы. Они требовали от рабочих самоограничения в интересах национального производства, отстающего от других стран. Но во имя этих же интересов фашисты, как мы видели, выступали за неограниченное накопление и обогащение собственников, в первую очередь крупных собственников. Такова классовая сущность фашистской экономической политики. Однако оказать действенное сопротивление этой политике на путях классовой борьбы не удалось. И дело здесь было не только в фашистском терроре, но и в том положении, которое сложилось в итальянском рабочем движении.

Еще на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. было принято решение о слиянии коммунистической и социалистической партии в Италии на базе принципов Коминтерна. Условия для такого слияния появились после выхода из ИСП реформистов, а решение о самом слиянии было ускорено ввиду опасности, нависшей над итальянским рабочим движением после прихода фашистов к власти. За это решение высказалось большинство присутствовавших на конгрессе членов делегаций ИСП и КПИ. Бордига и несколько его сторонников из руководства КПИ высказались против, но обязались подчиниться принятому решению[133]. Объединительный съезд КПИ и ИСП должен был состояться не позже первой половины марта 1923 г.[134]

Важно отметить, что речь шла об объединении только двух из трех рабочих партий в Италии. Поскольку базой для объединения должны стать принципы Коминтерна, постольку это означало борьбу против реформистского влияния в итальянском рабочем движении, а следовательно, против реформистской УСП и реформистского руководства ВКТ. Противоречия между революционным и реформистским направлениями борьбы продолжали оставаться главной линией расхождений внутри итальянского рабочего движения и после прихода фашистов к власти. Однако вскоре вновь обострились противоречия также между социалистической и коммунистической партиями.

[133] О разногласиях в делегации ИКП на IV конгрессе Коминтерна по вопросу о слиянии с ИСП см.: Annali. Istituto G. Feltrinelli, Anno terzo. Milano, 1961, p. 406.

[134] «Бюллетень IV Конгресса Коминтерна», № 30. М., 1922, стр. 18.

В середине апреля 1923 г. в Милане состоялся 19-й съезд ИСП. Съезду предшествовала острая дискуссия внутри партии по вопросу о слиянии с КПИ. Противники слияния наряду с прочим не соглашались с требованием о безоговорочном принятии «21 условия» приема в Коминтерн. На съезде они получили большинство, после чего сторонники слияния образовали своего рода фракцию в партии во главе с Серрати. Они называли себя третьеинтернационалистами, т. е. сторонниками III Интернационала.

Со своей стороны руководство КПИ, которое стремилось сохранить «чистоту» рядов партии и сыграло в данном случае роль своего рода «комитета коммунистической защиты», также несет большую долю ответственности за срыв соглашения о слиянии двух пролетарских партий. Причем речь идет не только о Бордиге и его ближайших сторонниках, попавших в тюрьму уже в феврале 1923 г., но о большинстве ЦК партии. Не проявили никакой инициативы в этом отношении и те, кто временно замещал Бордигу в руководстве партией.

Особую позицию занимали в это время реформистские руководители Всеобщей конфедерации труда. В отличие от реформистов из Унитарной социалистической партии, искавших соглашения с антифашистскими демократическими группами буржуазии, реформисты из ВКТ не исключали в принципе возможности какого-то соглашения о нормализации с самими фашистами. Во всяком случае они старательно избегали таких форм борьбы, как организация массовых демонстраций, забастовок солидарности и т. п. Правда, и возможности для этого были очень ограниченными, что объяснялось не только фашистским террором, но и настроениями масс.

Были, конечно, отдельные большей частью стихийные выступления рабочих. Так 1 Мая 1923 г. не вышла на работу часть римских металлистов [135]. Не работали в этот день и многие рабочие в Милане [136]. Случаи невыхода на работу имели место и в других городах страны. Однако дальше этого дело не пошло. Не стала исходным пунктом для активизации рабочего движения и борьба против массовых увольнений железнодорожников в июне 1923 г. Эти увольнения, которые проводились в значительной мере по политическим мотивам, вызвали протесты социалистов в парламенте и новое усиление антифашистских настроений в руководстве профсоюза железнодорожников. В некоторых местах произошли волнения железнодорожников, но

[135] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 24, л. 61.
[136] Там же, л. 66.

они не вызвали заметного движения солидарности других трудящихся.

В то же время фашизм все больше укреплял свои позиции. В апреле 1923 г. Муссолини добился удаления из коалиционного правительства представителей Народной партии, а в июле фашисты провели в парламенте новый избирательный закон, известный, по имени его автора, как закон Ачербо. Согласно этому закону, парламентские выборы должны были проводиться по мажоритарной системе, и партийный список, получивший большинство (но не менее $^1/_4$ голосов), получал $^2/_3$ депутатских мест в парламенте. Это должно было, по мнению фашистов, обеспечить им абсолютное большинство в парламенте, сведя на нет значение парламентской оппозиции.

В ноябре 1923 г. новый избирательный закон был одобрен сенатом и подписан королем. С января 1924 г. подготовка к парламентским выборам оказалась в центре политической жизни в Италии. Избирательная кампания по выборам в парламент началась с выступления Муссолини, содержавшего грубые выпады против парламента и парламентской системы вообще [137]. Этим выступлением Муссолини стремился внести успокоение в ряды «крайних» фашистов-сквадристов и «истинных» фашистов-синдикалистов, которые были недовольны «парламентским уклоном» партии. Вместе с тем Муссолини придавал этим выборам большое значение. Об этом свидетельствовали его усилия по сколачиванию так называемого национального блока, в который наряду с фашистами после долгих переговоров вошли многие представители старых либеральных групп. Имея за собой более или менее устойчивую местную избирательную клиентуру, они должны были принести дополнительные голоса и тем самым облегчить для фашизма получение относительного большинства, которое в соответствии с новым избирательным законом давало ему $^2/_3$ мест в парламенте.

Муссолини привлек в свой блок довольно значительную часть либералов, отказавшись от выдвижения на выборах «чисто фашистских» лозунгов. Национальный блок базировался на лозунгах «общих национальных интересов» и борьбы против «антинациональных сил». Однако часть либералов и демократов выступила с отдельными списками. Это относилось прежде всего к Джолитти и его сторонникам. Группа либералов во главе с Амендолой и Народная партия вначале хотели бойкотировать выборы, но затем решили выступить в качестве «конституционной оппозиции» фашизму. Характерно, однако что и Амендола, и многие другие

[137] *B. Mussolini.* Op. cit., v. IV, p. 33—48,

оппозиционные фашизму либералы и демократы сохранили свои опасения в отношении пролетарских масс и рабочих партий, а поэтому не были готовы к соглашению с ними на базе совместной борьбы против фашизма [138]. Что касается Народной партии, то она «выступила с антифашистской платформой, но в то же время ее позиция была весьма осторожной и не допускала никакой возможности совместных действий с другими антифашистскими партиями, действий, направленных на решительную борьбу против диктатуры Муссолини» [139]. Была еще группа отколовшихся от фашистской партии так называемых диссидентов, т. е. «несогласных». Эта группа во главе с Форни и другими назвала себя партией «Отечество и Свобода», отразив в этом названии свое кредо о совместимости борьбы за национальные интересы с конституционными свободами [140].

В конце января 1924 г. компартия выдвинула предложение о создании единого пролетарского блока всех трех партий рабочего класса. При этом она предлагала, чтобы этот блок не ограничился бы только предвыборной кампанией, но распространился на все сферы пролетарской борьбы. КПИ предложила положить в основу блока принцип классовой борьбы, добиваться завоевания политических прав и свободы организаций. Не выставляя непременным условием блока требование борьбы за диктатуру пролетариата, КПИ формулировала в качестве его главной задачи свержение фашистской власти [141].

Четыре дня продолжались переговоры представителей трех партий рабочего класса: КПИ, ИСП и УСП. Реформисты из УСП противопоставили идее «блока всех пролетарских сил» идею «блока всех демократических и антифашистских сил». Коммунисты расценили это как стремление подчинить борьбу рабочего класса интересам либеральных групп буржуазии. Кроме того, реформисты из УСП склонялись к идее бойкота выборов, поскольку эти выборы должны были проводиться на основе антидемократического закона. Для такой партии, как УСП, которая делала главный упор в своей деятельности на парламентские методы борьбы, это было вполне логично. Напротив, КПИ рассматривала участие в выборах как вспомогательное средство в борьбе за насильственное свержение власти фашизма и буржуазии вообще. Поэтому она с самого начала взяла курс на участие в выборах, не отказываясь, кстати, обсудить вопрос о бойкоте, но на основе предложенной ею

[138] *G. Amendola.* La nuova democrazia. Napoli, 1951, p. 80.

[139] *Дж. Канделоро.* Католическое движение в Италии. М., 1955, стр. 506.

[140] ЦГАОР, ф. 391, д. 46, л. 378.

[141] Там же, л. 349.

программы. Максималисты из ИСП пытались смягчить разногласия между КПИ и УСП. Они, в частности, считали, что нельзя лишить УСП возможности заключать соглашения с непролетарскими антифашистскими группами. В то же время максималисты отказались от блока с одними коммунистами или одними реформистами, так как это, по их мнению, исключило бы в будущем возможность блока всех трех пролетарских партий [142].

После провала переговоров трех партий рабочего класса третьеинтернационалисты из ИСП решили самостоятельно осуществить единый блок с КПИ. 3 февраля 1924 г. они обратились с соответствующим предложением ко всем поддерживающим их местным секциям ИСП [143]. Несколько дней спустя руководство ИСП постановило исключить из партии всех тех, кто через его голову ищет соглашения с КПИ [144].

12 февраля 1924 г. вышел первый номер газеты «Унита», в редакцию которого вошли как коммунисты, так и третьеинтернационалисты. Название этой новой ежедневной газеты рабочих и крестьян было подсказано Грамши в одном из его писем из Вены: «Унита» — это значит «Единство». Грамши исходил при этом прежде всего из задачи единства между Севером и Югом. И с первых дней своего существования газета «Унита» уделяла очень большое внимание южной проблеме под углом зрения активизации борьбы за союз рабочего Севера с крестьянством Юга против фашизма. Новая газета делает также первые попытки в постановке вопроса о союзе с католическим крестьянством и т. д.

Рождение газеты «Унита» почти совпало по времени с тем переломом, который произошел в верхах КПИ. Большинство руководства партии стало объединяться вокруг Грамши, который из-за границы развернул широкую борьбу против сектантства и за формирование новой руководящей группы в партии. Начатая в этом направлении работа могла дать плоды еще очень нескоро. А пока что своей «плодотворной деятельностью» громогласно хвастался фашизм. Эта его пропаганда была связана с предстоявшими в апреле выборами.

В связи с этим нельзя не отметить, что к 1924 г. все более определенными становились тенденции быстрого экономического подъема, в значительной мере ускоренного отмеченными выше мероприятиями фашистского правительства. После резкого спада в 1921 г., который явился кульминационным пунктом послевоенного

[142] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 46, л. 349.

[143] Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Arch. PCI — Kib, busta 102, p. 796.

[144] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, ед. хр. 46, л. 135.

экономического кризиса, динамика банковских вложений капиталов выглядела следующим образом (в млн. лир):

1921 г.	10 581	1923 г.	20 997
1922 г.	15 488	1924 г.	24 431

Производство обрабатывающей промышленности, исходя из индекса производства 1938 г., взятого за 100:

1921 г.	54	1923 г.	66
1922 г.	61	1924 г.	73

Производство шелка и хлопчатобумажных тканей (в тоннах):

Шелк		Х/б ткани
1921 г.	3478	132 960
1922 г.	3990	156 000
1923 г.	5223	164 410
1924 г.	5592	173 270

Основные продукты металлургической промышленности (в тоннах):

Чугун	Сталь	Железо	Алюминий	
1921 г.	61 381	700 433	13 394	744
1922 г.	157 599	982 519	63 476	810
1923 г.	236 253	1 141 761	77 696	1473
1924 г.	303 972	1 358 853	99 282	2058

В 1,5—2 раза возросло производство в химической промышленности. Потребление электроэнергии возросло с 3729 млн. квт в 1921 г. до 7049 млн. квт в 1924 г. и т. д. [145]

Все это, казалось, давало фашистам основание говорить о вступлении Италии под их руководством в «эру экономического процветания», если бы за всеми этими цифрами и словами не стоял тот факт, что реальная заработная плата трудящихся после прихода фашистов к власти стала падать. Данные в этой области очень сильно рознятся между собой. Здесь — может быть как ни в какой другой области статистики — сказываются политические симпатии и антипатии авторов. Мы воспользуемся данными крупного итальянского экономиста Мортара, который зарекомендовал себя как один из наиболее объективных авторов [146].

[145] *R. Romeo*. Op. cit.

[146] *C. Mortara*. Prospettive economiche. Anno ottimo. Milano, 1928, p. 505.

Индексы стоимости жизни		Индексы зарплаты
1913/14 г.	100	100
1922 г.	498	505
1923 г.	493	476
1924 г.	536	486

Таким образом, если в 1922 г. зарплата на 7 условных единиц превышала стоимость жизни, то в 1923 г., напротив, уже стоимость жизни на 17 условных единиц превышала зарплату, а в 1924 г. она превышала зарплату на 50 условных единиц. Разумеется, приведенные Мортара конкретные цифры и сделанные на их основе расчеты не могут претендовать на абсолютную достоверность. Но общая тенденция к уменьшению заработной платы трудящихся, которую можно установить на основании этих данных, отражает, по-видимому, истинное положение вещей. Общие условия труда рабочих ухудшились в результате отказа предпринимателей возобновить коллективные договоры на тех же условиях, как и в предшествующие годы. Теперь, когда боеспособность рабочих резко снизилась, предприниматели получили бо́льшую свободу действий. А о том, что боеспособность рабочих действительно снизилась, свидетельствовали данные о забастовочном движении. Согласно официальной статистике, в 1923 г. в промышленности было 200 забастовок, что в 9 с лишним раз меньше, чем в 1920 г. Число забастовщиков —66 тыс., что в 19 с лишним раз меньше, чем в 1920 г. [147]

Актив внешней политики фашизма выражался главным образом в урегулировании ряда спорных вопросов. В целях успокоения Швейцарии Муссолини заявил, что для него «не существует тессинского вопроса», после чего был заключен итало-швейцарский договор о третейском посредничестве. С рядом государств были заключены торговые договоры. В январе 1924 г. в Риме был подписан «Пакт дружбы и сердечного сотрудничества» с Югославией [148]. А в феврале 1924 г. Италия официально признала Советский Союз [149]. На фоне всех этих актов словно случайным и единичным эпизодом выделялся конфликт с Грецией в 1923 г., погашенный вмешательством великих держав.

Но более пристальный взгляд обнаруживает, что этот эпизод был далеко не случайным. Внешнеполитическая умеренность

[147] Annuario statistico italiano (Seconda Serie), v. VIII, p. 396; v. IX, p. 288.

[148] *Ю. Ключников, А. Сабанин.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. III, вып. II. М., 1929, стр. 239—240.

[149] Там же, ч. III, вып. I. М., 1928, стр. 297.

была вынужденной, ибо общая «целевая установка» в этом отношении оставалась империалистической и наступательной. В стране усиленно культивировался воинственный дух.

Выборы в парламент состоялись 6 апреля 1924 г. За кандидатов фашистского Национального блока было подано 4,5 млн. голосов, за все другие списки —3,5 млн. Разница не очень большая. Однако в результате распределения мандатов «по системе Ачербо» фашистский список получил львиную долю депутатских мест —374, все другие партии и группы вместе взятые —157. Среди этих последних Народная партия получила —39, а места между тремя рабочими партиями распределились следующим образом: УСП — 24, ИСП — 22, КПИ вместе с третьеинтернационалистами — 19 (из них третьеинтернационалисты — 5) [150].

При анализе этих результатов необходимо иметь в виду следующее. Прежде всего, выборы проводились в обстановке террора и запугиваний, особенно сильных на Юге. Террором и насилием фашисты компенсировали недостаток своего влияния в этой части страны. Кроме того, фашистам здесь особенно помогло участие в их избирательном блоке либералов и демократов, которые имели на Юге довольно сильные позиции. В результате фашистский Национальный блок получил на Юге в процентном отношении голосов даже больше, чем на Севере. Это тем более примечательно. что на Севере фашисты рассчитывали в основном только на свои силы, не прибегали к слишком уж явному террору и дали голосовать своим противникам.

Победа фашистов была более чем скромной, учитывая такие благоприятствующие им факторы, как раздробленность и взаимное соперничество оппозиции, огромная денежная сумма в 25 млн. лир, полученная фашистами на проведение избирательной кампании от Всеобщей конфедерации промышленности [151], и т. д. Тем не менее фашистские руководители выступили с громогласными заявлениями о своей «блестящей победе». Ачербо: «Наша победа была действительно грандиозной». Чезаре Росси: «Этот день был апофеозом фашизма». Муссолини: «Впечатление наилучшее. Урны дали свой недвусмысленный ответ. Никто не сможет более сомневаться в согласии нации с нашей работой» [152].

Говоря так, Муссолини имел в виду главным образом согласие нации с фашистским переворотом. Это были первые парламентские выборы после переворота. И фашисты, в значительной мере фальсифицировав их, стремились придать им значение своего

[150] Cento anni di vita italiana, v. I, p. 226.
[151] *П. Алатри.* Указ. соч., стр. 130.
[152] Archivio Centrale dello Stato, Arch di Morgari, scatola 7, fasc. 5, sottofasc. 32.

рода референдума по этому вопросу. С формально-юридической точки зрения это было третьей санкцией прихода фашистов к власти: первая — согласие короля на формирование правительства во главе с Муссолини, вторая — вотум доверия правительству в парламенте, третья — голосование большинства избирателей за фашистский блок.

Однако за этой внешней победой фашизма скрывались серьезные внутренние противоречия нового режима, которые нашли вскоре свое выражение в обострении политического положения в стране. Непосредственной причиной такого обострения было убийство фашистами депутата социалиста Маттеотти, который имел смелость выступить в парламенте с серьезными разоблачениями действий фашистов во время выборов.

«КРИЗИС МАТТЕОТТИ» И «ВТОРАЯ ВОЛНА» ФАШИЗМА

Маттеотти исчез 10 июня 1924 г. Позже стали известны подробности его убийства группой фашистов, руководимых Думини. Но — и это очень характерно — уже при первых слухах о его исчезновении почти ни у кого не было сомнений, что это дело рук фашистов. В уже накаленную после апрельских выборов политическую атмосферу внезапно был внесен новый элемент — моральный бунт общественного мнения. Этот новый элемент стал своего рода катализатором роста недовольства в широких слоях населения. В первую очередь речь шла о пролетариате, но также и о средних классах.

Представители оппозиционных фашизму групп в парламенте собрались для взаимных консультаций. В этих консультациях участвовали члены парламентских групп УСП, ИСП, КПИ (т. е. всех трех рабочих партий), Народной партии, республиканской партии, группы «Конституционная оппозиция» (либералы во главе с Амендолой) и группы «Социальная демократия» (демократы во главе с Ди Чезаро). 14 июня ими была принята следующая резолюция: «Представители оппозиционных групп, собравшиеся сегодня в Монтечиторио, пришли к соглашению о невозможности своего участия в работах палаты, так как до сих пор нет еще ясности в отношении зловещего события, жертвой которого стал депутат Маттеотти. Вышеназванные представители решили, что соответствующие группы воздержатся от участия в парламентских работах. Последующие решения будут приняты в соответствии с развитием событий и действиями правительства» [153].

[153] *P. Alatri.* L'antifascismo italiano. Roma, 1961, p. 295.

4. Маттеотти (у Народного дома)

Это было началом Авентинской оппозиции, названной так по аналогии с древним преданием о том, как в борьбе против патрициев плебеи удалились на Авентинский холм в Риме. Характерно, что оппозиционные фашизму группы представляли в основном пролетарские и средние слои населения. Напротив, представители крупной буржуазии (Джолитти, Саландра и др.) остались с фашистами. Однако уход остальных нефашистских групп из парламента заставил Муссолини прервать работу парламентской сессии. Повсюду царило сильное возбуждение. Убит — теперь уже в этом не было сомнения — убит депутат парламента, убит только за то, что открыто сказал правду о фашистах. На улицах и пло-

щадях городов собирались многочисленные митинги, на многих предприятиях вспыхивали стихийные забастовки. Правительство было в растерянности. Муссолини поспешил отмежеваться от совершенного преступления и заявил о своем намерении пресечь террор и добиться нормализации. Уже 16 июня министром внутренних дел был назначен Федерцони, известный своей приверженностью к законности и порядку [154].

В это время представители буржуазных оппозиционных групп надеялись добиться коренного поворота в курсе правительственной политики, не прибегая к помощи масс и сохраняя самые серьезные опасения в отношении революционных действий этих масс. Либеральная газета «Джорнале д'Италиа» писала: «Положение создалось тревожное. Повсюду возникают забастовки. Мы призываем народ сохранять спокойствие, не усложнять создавшегося положения, а главное не поддаваться на пропаганду революционных партий» [155]. Коммунисты же пытаются форсировать события в направлении к революционному выступлению масс и с этой целью предлагают объединить усилия всех трех рабочих партий, объявить всеобщую забастовку [156]. Предложения КПИ не находят поддержки у двух других рабочих партий, которые — в первую очередь это касается УСП — опасаются разрыва со средними слоями населения и демократическими группами буржуазии. В результате КПИ отходит от других партий оппозиции, и в совещании этих партий 18 июня ее представители уже не участвуют [157]. Более действенных путей борьбы искала в это время не только КПИ. С решительной оппозицией фашизму выступил в Турине и левый либерал Гобетти. Здесь 18 июня состоялось созванное по его инициативе совещание, в котором приняли участие представители местных секций трех рабочих, Народной и республиканской партий. В принятой этим совещанием резолюции содержалось требование об отставке правительства Муссолини, а также о созыве оппозиционными депутатами Учредительного собрания и образовании нового правительства [158].

После ухода КПИ место на левом фланге Авентинской оппозиции заняла ИСП. Эта партия выступала за свержение правительства Муссолини, но, пытаясь сохранить единство с другими партиями оппозиции, шла на уступки и компромиссы в своих требованиях. Таким образом она отказалась поддержать инициативу

[154] *A. Tamaro*. Op. cit., v. I, p. 432.
[155] ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 50, л. 182.
[156] Там же, л. 176.
[157] *L. Salvatorelli, G. Mira*. Storia d'Italia nel periodo fascista, Torino, 1956, p. 317.
[158] *P. Gobetti*. Coscienza liberale e classe operaio. Torino, 1951, p. 184—189.

5. Собрание депутатов Авентинской оппозиции

КПИ об объявлении 24-часовой национальной забастовки, а присоединилась к призыву ВКТ о 5-минутном перерыве в работе утром 27 июня. Цель своего призыва ВКТ определила следующим образом: «Показать правящим кругам, что пролетариат не желает спекулировать на мертвых, но требует привлечения к ответственности и наказания всех виновных в ужасном политическом преступлении. Это необходимо в интересах восстановления мира в стране» [159]. К сформулированному в таком виде призыву ВКТ стало возможным присоединение фашистских профсоюзов и Всеобщей конфедерации промышленности [160]. Эта непрошенная «солидарность» лишала предстоявшую манифестацию какого бы то ни было антифашистского содержания и ВКТ поспешила отмежеваться от нее, призвав своих сторонников к 10-минутному перерыву в работе. Но это не меняло существа дела в том смысле, что речь шла об одной из форм пассивного сопротивления, хотя временная приостановка работы и вылилась в массовую манифестацию протеста подавляющей части пролетариата.

150 ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 50, л. 29.
160 Там же.

В тот же день, 27 июня, в здании парламента состоялась ассамблея оппозиционных партий, названная «Авентинской ассамблеей». Была единодушно принята декларация о том, что все оппозиционные партии не будут участвовать в работе парламента до тех пор, пока не будет упразднена фашистская милиция и восстановлена законность [161]. В целом партии Авентинской оппозиции надеялись в это время добиться отставки правительства Муссолини с помощью короля, Ватикана или даже армии, в которой наблюдались довольно сильные оппозиционные фашизму настроения. Таким образом, Авентинская оппозиция избегала далеко идущих требований и не боролась за организацию массовых движений. Это облегчало Муссолини возможности маневра.

Что было делать в сложившейся обстановке? Этот вопрос особенно остро стоял перед коммунистической партией, пережившей своего рода переходный период. Только что, в мае 1924 г., на конференции в Комо группа руководителей партии во главе с Грамши при помощи Коминтерна добилась большинства в Центральном комитете. Однако большинство членов партии, ее низовых организаций продолжало поддерживать прежнего руководителя партии Бордигу, который твердо придерживался принципов «Римских тезисов» 1922 г. Вопрос о положении в Италии широко обсуждался на V конгрессе Коминтерна, происходившем в конце июня — начале июля 1924 г. Бордига на этом конгрессе выдвинул следующее предложение: «Коммунистическая партия должна подчеркнуть ту самостоятельную роль, которая предуказана ей положением вещей в Италии, и выдвинуть следующий лозунг: ликвидация всех видов антифашистской оппозиции и замена их открытым и прямым выступлением коммунистического движения» [162]. При этом Бордига требовал сосредоточить направление главного удара прежде всего против социалистов [163]. Однако его предложение было отвергнуто большинством итальянской делегации и Коминтерна. В решении специальной комиссии Коминтерна по итальянскому вопросу указывалось, что задача КПИ «состоит в том, чтобы объединить массы для борьбы против фашизма» [164]. КПИ, подчеркивалось в этом решении, «не должна в целях сохранения независимости отделяться от широкой массы, ведущей борьбу против фашизма, и потерять таким образом возможность увлечь ее и руководить ею» [165].

[161] *N. Valeri ed altri.* Lezioni sull'antifascismo. Bari, 1962, p. 73.

[162] «Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. I. М.— Л., 1925, стр. 713.

[163] Там же, стр. 714.

[164] Там же, часть II, стр. 168.

[165] Там же, стр. 169.

Как выяснилось из последующих публикаций, существовали разные точки зрения по вопросу об участии коммунистов в Авентинской ассамблее [166]. В конечном счете победили сторонники ухода из этой ассамблеи. Таким образом и в этот момент сближения коммунистов с двумя другими рабочими партиями не произошло. В то же время ИСП и УСП сблизились в Авентинском блоке. Однако идея объединения этих двух партий не получила развития [167]. ИСП выступала за более активную борьбу против фашизма. В местных объединенных комитетах Авентинской оппозиции социалистические группы, как правило, выражали недовольство пассивностью представителей других партий. В ряде случаев они требовали от руководства своей партии отказа от сотрудничества с буржуазными партиями и возврата к методам классовой борьбы. Все это стимулировало попытки руководства КПИ добиться выхода ИСП из Авентинского блока и соглашения с ней на базе единого пролетарского фронта.

Наиболее показательной в этом отношении была одна из статей Тольятти, где он выдвигал для ИСП дилемму: или с рабочим классом или с буржуазией [168].

Однако единства действий между КПИ и ИСП не было достигнуто и на этот раз. Правда, в КПИ организационно влилась группа третьеинтернационалистов. 30 июля руководители этой группы обратились к своим сторонникам с соответствующим циркуляром, особо подчеркивая тот факт, что достигнута договоренность об их участии в руководстве партией [169]. А несколько дней спустя состоялось организационное слияние группы третьеинтернационалистов с КПИ. Приход в КПИ таких авторитетных и опытных социалистических руководителей, как Серрати, Маффи и другие, имел, бесспорно, большое значение. Однако это не могло восполнить и компенсировать отсутствие единства между социалистами и коммунистами.

С другой стороны Авентинского блока сложилась оппозиция в лице очень влиятельной Ассоциации бывших фронтовиков. На съезде этой ассоциации в Ассизи 30 июля было представлено 315 тыс. бывших фронтовиков и инвалидов. Резолюция, принятая на съезде, свидетельствовала об отказе бывших фронтовиков от поддержки, которую они до сих пор оказывали Муссолини [170].

166 «Rinascita», 1959, № 7—8.

167 Il Partito Socialista Italiano nei suoi congressi, v. IV. Milano, 1963, p. 19—20.

168 «Unità», 1.VIII 1924.

169 Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Arch. PCI — Kib, busta 106, p. 33.

170 ЦГАОР, ф. 391, оп. 2, д. 53, л. 3.

Хотя ассоциация отмежевалась в то же время и от Авентинского блока, сам факт роста в ней оппозиции к Муссолини еще больше затруднял положение правительства.

Компартия в это время активизировала свою деятельность по организации классовой борьбы пролетариата. Коммунисты были единственной политической партией, решительно поддержавшей забастовку металлистов в октябре 1924 г.[171] Тогда же, в октябре, заключением нового благоприятного для рабочих соглашения закончилась почти 4-летняя борьба руководимой коммунистами Федерации деревообделочников[172]. К этому же времени относится и предложение компартии, обращенное к партиям Авентинского блока, объявить себя народным парламентом. Коммунистами выдвигались следующие требования: «Чтобы оппозиция созвала антифашистский парламент, противопоставив его фашистскому парламенту, чтобы она расширила и углубила борьбу против фашизма, чтобы она вовлекла в антифашистскую борьбу трудящиеся массы, чтобы она обратилась к массам с воззванием об активном, а не о пассивном сопротивлении фашизму»[173]. Ввиду отказа всех партий Авентинского блока принять предложение КПИ о создании антифашистского парламента коммунисты решили вернуться в старый парламент. Руководство Коминтерна считало, однако, более целесообразным в это время сохранить связи с Авентинским блоком[174].

Воспользовавшись отсутствием решительных действий со стороны Авентинского блока, фашисты перешли в наступление. 3 января 1925 г. Муссолини выступил в парламенте с речью, в которой заявил о том, что борьба между правительством и оппозицией будет разрешена силой[175]. За словами следуют дела. Объявляется так называемая вторая волна фашизма. Устраиваются погромы демократических организаций и оппозиционных газет. Правительство становится чисто фашистским. Условия для классовой борьбы пролетариата становятся еще более затруднительными. Однако именно в это время рабочий класс провел довольно крупное выступление, которое, начавшись с экономического конфликта, приобрело объективно политический характер.

Это была забастовка металлистов Пьемонта, Ломбардии и Лигурии в марте 1925 г. Ее начали фашистские профсоюзы, поставив перед собой ограниченные экономические цели. Но уже вскоре руководство забастовкой перешло в руки классовых рабочих проф-

[171] «Unità», 24.X 1924.
[172] Ibidem.
[173] Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Arch PCI — Kib, busta 102, p. 166.
[174] «Rinascita», 22.IX 1962, p. 19.
[175] «Popolo d'Italia», 4.I 1925.

союзов, и забастовка приняла угрожающий для фашизма характер. Лишь призыв ВКТ к возобновлению работы предотвратил ее распространение на другие районы страны [176]. В июле 1925 г., выступив под руководством своих внутренних фабрично-заводских комиссий, рабочие ФИАТ добились повышения зарплаты [177]. Это было последним крупным легальным выступлением рабочих под руководством классовых организаций. Фашисты предприняли ряд мер для ликвидации классовых организаций пролетариата и установления монополии фашистских профсоюзов. Первым крупным шагом в этом направлении был так называемый договор Палаццо Видони, заключенный между фашистскими профсоюзами и Конфедерацией промышленников 2 октября 1925 г. В силу этого договора Конфедерация промышленников признала фашистские профсоюзы единственными представителями рабочих масс. Одновременно были запрещены внутренние фабрично-заводские комиссии [178].

5 ноября 1925 г. фашисты запретили деятельность реформистской Унитарной социалистической партии. Это было сделано в ответ на покушение на Муссолини члена этой партии Дзанибони. Покушение не удалось, и не было никаких доказательств причастности к нему руководства партии. Тем не менее партия была запрещена и в начале декабря того же года трансформировалась в Социалистическую партию итальянских трудящихся (ПСЛИ). Однако никакой активной деятельности в Италии эта партия не смогла развернуть.

Коммунисты в это время довольно активны. Секретарь фашистской федерации района Лациале Сабина сообщал 16 ноября 1925 г. министру внутренних дел: «В ночь на 5 ноября по всему городу было расклеено большое количество коммунистических листовок. В ночь на прошлое воскресенье листовки были расклеены вновь. В результате расследования удалось раскрыть широкую коммунистическую подпольную группу. Есть основания полагать, что она является частью общенациональной организации...» [179] Из квестуры Реджо-Эмилии доносили 18 ноября 1925 г. королевскому прокурору: «Активность коммунистов по всей провинции значительно возросла» [180]. Из префектуры Пармы сообщалось о деятельности коммунистов по созданию подпольных вооруженных групп [181] и т. д.

[176] «Unità», 4.IV 1925.

[177] *М. Монтаньяна.* Указ. соч., стр. 225—227.

[178] *Дж. Канделоро.* Профсоюзное движение в Италии, стр. 98.

[179] Archivio Centrale dello Stato, Ministero dell'Interno, Arch. PCI — Kib, busta 106, p. 124.

[180] Ibid., p. 89.

[181] Ibid., busta 103, p. 38.

В январе 1926 г. состоялся III съезд коммунистической партии. Съезд официально отказался от старых «Римских тезисов» и принял новые тезисы, написанные лично Грамши и известные как «Лионские тезисы» (по месту проведения съезда).

В этих тезисах процесс фашизации государства рассматривался в органической связи со всей реакционной политикой итальянской буржуазии, с природой итальянского капитализма. Поэтому, отмечалось в тезисах, именно в историческом противнике капитализма, в рабочем классе, следует искать ту силу, которая может вести до конца последовательную борьбу против фашизма. Естественным союзником рабочего класса является крестьянство, особенно крестьянство Юга. Таким образом, перспективы борьбы за пролетарскую революцию в Италии связывались с непосредственными задачами борьбы против фашизма. Заключительный раздел тезисов был посвящен проблемам стратегии и тактики партии. Сектантским установкам «левых» здесь в развернутом виде был противопоставлен принцип борьбы за массы: «Против всяких тенденций отдалиться от жизни какой бы то ни было организации, внутри которой можно завязать связи с трудящимися массами, следует бороться, как против опасного уклона, симптома пессимизма и источника пассивности». Большое значение имело сформулированное здесь заявление партии о том, что она «выступает против концепции, согласно которой следует воздерживаться от поддержки отдельных выступлений или от участия в них, поскольку проблемы, в разрешении которых заинтересован рабочий класс, можно разрешить лишь путем свержения капиталистического строя и общего выступления всех антикапиталистических сил».

Лионские тезисы свидетельствовали о том, что КПИ к этому времени избавилась от многих свойственных ей в прошлом ошибок. Однако компартия не поднялась еще до понимания необходимости борьбы за создание широкого демократического антифашистского фронта, как главного средства победы над фашизмом. Между тем фашистский режим в это время все более определенно становился открыто антидемократическим тоталитарным режимом.

24 декабря 1925 г. был принят закон о чистке государственного аппарата от «ненационально мыслящих элементов»: 31 декабря того же года — о праве префектов запрещать выпуск «опасных для общественного спокойствия газет». 31 января 1926 г.— о процедуре лишения итальянского гражданства политических эмигрантов. Это был комплекс законов, названных «мероприятиями по защите государства»[182]. Одновременно фашизм вплотную приступил к преобразованиям самого государства.

182 *F. Ercole*. Op. cit., v. II, p. 57.

24 декабря 1925 г. был принят закон о правомочиях и прерогативах главы правительства. Согласно этому закону, премьер, переименованный в главу правительства, должен был нести ответственность исключительно перед королем, а не перед парламентом. Было оговорено право главы правительства ограничивать парламент в некоторых его функциях, в частности, право настаивать на вторичном обсуждении палатой раз отвергнутого ею законопроекта [183]. Вслед за этим, 31 января 1926 г., был принят закон о праве исполнительной власти издавать юридические нормы. Этот закон давал правительству право обнародовать декреты и вводить их в силу, не дожидаясь согласия парламента [184].

Оба эти закона превращали правительство в центральный орган, персонифицирующий весь авторитет государственной власти — и исполнительной, и законодательной. Правда, формально правительство было ответственно перед королем и королевский декрет обладал большей юридической силой, чем декрет главы правительства. Но действия короля были связаны предварительной инициативой и согласием главы правительства и Большого фашистского совета. Вся система государственных органов пронизывалась принципом официального признания верховенства «вождя» и фашистской партии.

Почти одновременно была проведена реорганизация местных органов государственной власти. Законом от 4 февраля 1926 г. вместо выборных муниципалитетов вводился институт «подеста́» (старшин), назначаемых королевским декретом на пять лет [185]. Законом от 6 апреля 1926 г. была усилена и расширена власть префектов в провинциях [186]. И, наконец, очень важный закон от 3 апреля 1926 г. «О правовой организации коллективных трудовых отношений». Этот последний был в известной мере законодательным оформлением соглашения между промышленниками и фашистскими профсоюзами в Палаццо Видони в октябре 1925 г.

Согласно закону от 3 апреля 1926 г. [187], признание со стороны государства получали профсоюзные организации предпринимателей или рабочих, которые: 1) объединяли в своих рядах не менее 10% лиц данной профессиональной категории; 2) способствовали не только охране экономических интересов своих членов, но также моральному и патриотическому воспитанию; 3) имели руководителей с соответствующими моральными и патриотическими чувствами.

[183] «Конституции буржуазных стран», т. 1. М.— Л., 1935, стр. 150—152.

[184] Там же, стр. 152—153.

[185] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 346.

[186] Ibid., p. 345—346.

[187] «Конституции буржуазных стран», т. 1, стр. 165—173.

Таким образом, впервые в государственном законодательстве Италии политические мотивы выставлялись в качестве критерия для признания профсоюзной организации. В результате этого могла быть признана организация, едва насчитывающая в своих рядах 10% лиц данной профессиональной категории, и, напротив отказано в признании организации, включающей 90% лиц этой категории.

Юридическое признание со стороны государства могла получить только одна профсоюзная организация для предпринимателей или рабочих в каждой профессиональной категории. Лишь за одной организацией признавалось в новом законе право представлять и защищать всех лиц данной профессиональной категории вне зависимости от их принадлежности к этой организации. Соответственно этому все лица данной категории должны были платить денежные взносы в фонд признаваемого государством профсоюза и подчиняться заключенным им коллективным договорам.

Естественно, что в качестве единственно признаваемых государством профсоюзов должны были выступать фашистские профсоюзы. Фактическая мононолия, завоеванная ими в результате соглашения в Палаццо Видони, превращалась в монополию правовую. Закон предусматривал запрет локаутов со стороны предпринимателей и забастовок со стороны рабочих. Все трудовые конфликты подлежали принудительному разбору в государственном суде.

Хотя права непризнанных профсоюзов и были фактически сведены на нет, они не были запрещены и после закона 3 апреля 1926 г. Таким образом продолжали существовать и ВКТ и Конфедерация католических профсоюзов. Но они влачили поистине самое жалкое существование. Их деятельность в это время не была отмечена ни одной сколько-нибудь заслуживающей внимания инициативой. Коммунисты в это время пытались добиться оживления борьбы на базе «агитационных комитетов», которые были созданы на некоторых предприятиях взамен упраздненных внутренних комиссий. Однако эффект их деятельности и их лозунгов борьбы за рабоче-крестьянское правительство продолжал быть очень ограниченным.

Партии так называемой Авентинской оппозиции печально доживали свой век. И закономерное и неуклонное развитие политической ситуации было лишь ускорено, а не изменено покушением на Муссолини 31 октября 1926 г. Это было четвертое по счету покушение на фашистского дуче. Как и три предыдущих, оно было неудачным. Кто на этот раз стрелял в Муссолини, так никогда с полной достоверностью установлено не было. Покушавшийся был растерзан фашистами на месте. Не исключено, что это была инсценировка. Во всяком случае, новое покушение дало предлог для массовых репрессий, и они не замедлили последовать.

6 ноября Муссолини принял отставку министра внутренних дел Федерцони, сам заместив его на этом посту. Вслед за этим была проведена целая серия мероприятий по разгрому остатков демократии. Был издан закон о роспуске всех «антинациональных» партий, чем формально был завершен переход к однопартийной системе. В парламенте было принято решение о лишении депутатских мандатов всех авентинцев. Антифашистская печать запрещалась. Для всех заподозренных в антифашизме лиц устанавливалась так называемая политическая или административная высылка. При каждой квестуре и при каждом штабе легиона национальной милиции учреждалась «служба политического следствия». Даже эмиграция антифашистов была запрещена и, чтобы сделать это запрещение более действенным, на всех пограничных переходах была установлена охрана в лице «пограничной милиции». Было объявлено о введении смертной казни «за покушение на жизнь, неприкосновенность и свободу короля, королевы или главы правительства». Наконец, был учрежден «особый трибунал по защите государства» [188]. Последнее особенно явственно шло вразрез со статьей 71-й Альбертинского статута, гласившей: «Никто не может быть изъят из ведения своих (т. е. созданных на основе общих законов.— *Б. Л.*) судей. В соответствии с этим не могут быть созданы чрезвычайные суды или комиссии» [189].

В ноябре 1926 г. фашистским правительством были изданы «чрезвычайные законы» сроком на пять лет. Правда, затем срок их действия постоянно возобновлялся, и практически они сохранили силу до конца фашистского режима.

С введением «чрезвычайных законов» начинался новый период борьбы в Италии.

НОВАЯ СИТУАЦИЯ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И ЗАВЕРШЕНИЕ ФАШИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

Волна массовых арестов антифашистов началась одновременно с изданием «чрезвычайных законов». В числе первых арестованных в ноябре 1926 г. был и руководитель компартии Антонио Грамши. Многие антифашисты почти сразу же после издания новых законов эмигрировали за границу, главным образом во Францию. Здесь официально обосновались руководящие органы Итальянской социалистической партии и Социалистической партии итальянских трудящихся. Максималисты и реформисты из этих партий,

188 *M. La Torre*. Op. cit., v. II, p. 52—53.

189 «Конституции буржуазных стран», т. 1, стр. 149.

подобно ушедшим в эмиграцию республиканцам и некоторым другим буржуазным демократам, стали утверждать, что эмиграция — это не вынужденный шаг, а долг всех людей, желающих вести активную антифашистскую борьбу, так как в самой Италии условий для такой борьбы уже нет. Напротив, КПИ, заграничный центр которой находился также в Париже, считала основным направлением своей деятельности организацию борьбы против фашизма внутри Италии, где она сохраняла в подполье руководящий центр. Своего рода фокусом этих разногласий стали споры вокруг дальнейших путей борьбы Всеобщей конфедерации труда.

4 января 1927 г. Исполком ВКТ без опроса уцелевших от террора профорганизаций принял постановление о самоликвидации. 16 января семь руководителей ВКТ подписали декларацию, в которой наряду с прочим говорилось: «Фашистский режим — это реальный факт, а с фактами надо считаться. Этот реальный факт отражает также и наши принципы. Профсоюзная политика фашизма, например, совпадает в некоторых отношениях с нашей. При фашистском правительстве издан чрезвычайно смелый закон о коллективных трудовых договорах. Мы видим, что в этом законе отражены принципы, которые являются также и нашими принципами» [190].

Это была одна линия эволюции руководителей ВКТ. Но почти сразу же вслед за объявлением о ее роспуске в Италии два бывших члена руководства ВКТ, находившиеся в эмиграции, Буоцци и Бенси, взяли на себя инициативу по воссозданию этой организации во Франции. Уже 29 января 1927 г. выходившая в Париже на итальянском языке газета «Операйо итальяно» сообщила, как о реальном факте, о существовании Исполкома ВКТ во Франции [191]. А в номере от 12 февраля того же года эта газета приводила факты, свидетельствовавшие о том, что роспуск ВКТ в Италии и декларация ее бывших руководителей были результатом определенной предварительной договоренности с фашистами. «К сожалению,— писала газета,— нельзя опровергнуть ни духа документа, ни жалкой цели, которую преследовали люди, ввязавшиеся в эту постыдную историю. Печальнее всего то, что эти люди, которые почти все в свое время ушли от общественной работы, теперь опять появились на сцене в качестве изменников» [192].

В это же время был опубликован манифест Исполкома ВКТ во Франции с призывом ко всем итальянцам на родине и в эмиграции отказываться от сотрудничества с фашизмом — злейшим вра-

[190] «Zavoro d'Italia», 3.II 1927.
[191] «L'Operaio Italiano», 29.I 1927.
[192] «L'Operaio Italiano», 12.II 1927.

6. Карло Росселли, Феруччо, Парри и другие, арестованные за содействие побегу Ф. Турати

гом рабочего класса и всех трудящихся. Трудящиеся призывались к сопротивлению фашизму и защите прав и экономических интересов в духе славных традиций борьбы ВКТ [193]. 15 марта было сообщено о создании при Исполкоме ВКТ в Париже специального Конфедерального бюро по работе среди итальянских эмигрантов во Франции с тем, «чтобы продолжить и координировать пропаганду и вербовку среди них новых членов» [194].

Но уже к этому времени в самой Италии на профсоюзном конвенте 20 февраля 1927 г. была воссоздана другая ВКТ. Конвент был созван по инициативе трех руководимых коммунистами федераций: Федерации деревообделочников, Федерации частных служащих и Федерации служащих гостиниц и ресторанов. На конвенте, где присутствовали также делегаты, представлявшие часть рабочих из других федераций, было принято решение об аннулировании решения бывшего руководства ВКТ от 4 января 1927 г. и о создании

[193] Istituto G. Feltrinelli, Arch. di A. Tasca, fasc. «Concentrazione di azione antifasciste».

[194] Ibidem.

Временного руководящего комитета ВКТ [195]. Коммунисты заняли руководящее положение в этом комитете и в редакции газеты «Батталье синдакали». Эта газета была возобновлена на базе издававшейся ранее коммунистической профсоюзной газеты «Синдакато Россо». Как сама ВКТ, так и ее газеты стали теперь нелегальными. В первом номере подпольной серии газеты «Батталье синдакали» было опубликовано воззвание Временного руководящего комитета ВКТ к итальянским трудящимся: «Враги рабочего класса с криком радости объявили о роспуске ВКТ. В действительности речь идет только о дезертирстве некоторых вождей, уже долгое время стоявших в стороне от борьбы» [196].

Воссозданная коммунистами в подполье, ВКТ постановила сохранить связи с Амстердамским интернационалом профсоюзов. Однако этот последний признал законным преемником старой ВКТ организацию, созданную во Франции [197].

В конце марта 1927 г. иммигрантская ВКТ совместно с ИСП, ПСЛИ, республиканской партией и эмигрантами — масонами из так называемой Лиги прав человека создала новый блок. Этот блок, точнее его руководящий комитет, стал называться «Концентрацией антифашистских действий: или просто «Антифашистской концентрацией». Главной своей задачей руководители «Концентрации» объявляли борьбу против фашизма. В известной мере общая формула их борьбы могла показаться схожей с формулой «Авентина». Поэтому коммунисты, например, называли иногда новый блок «Авентином № 2». Они рассматривали этот блок как одну из разновидностей мелкобуржуазной и даже буржуазной оппозиции, критиковали отсутствие в его программных установках ясно выраженной цели борьбы за завоевание власти пролетариатом и т. д. В этой критике было довольно много полемической страсти, которая зачастую мешала тому, чтобы разделить позитивное и негативное в «Антифашистской концентрации». Во-первых, по сравнению с «Авентином» участники нового блока отказались от своего рода «легалитарных предрассудков», главным из которых в прошлом были надежды на выступление монархии против фашизма. Участники «Антифашистской концентрации» совершенно определенно встали на республиканские позиции. Отсюда, кстати, и другое название их блока — «Республиканская концентрация». Грамши до своего ареста в предвидении образования такого рода блока выступал за единство действий с ним. Во-вторых, сама по себе тен-

195 *G. Saraceno*. La Confederazione del lavoro italiana vive e combatte. Paris, s. d., p. 38.

196 «Battaglie Sindacali», 15.III 1927.

197 «L'Operaio Italiano», 5.III 1927.

7. Бенедетто Кроче

денция к объединению усилий пролетариата с демократическими группами буржуазии и мелкой буржуазии отнюдь не противоречила, как показал исторический опыт, задаче борьбы против фашизма.

В то время как за границей среди итальянских антифашистов продолжались споры о принципах борьбы против фашизма, Муссолини утверждал свои «принципы» в Италии. 21 апреля 1927 г. Большим фашистским советом была опубликована так называемая Хартия труда. Большой фашистский совет, высший орган фашистской иерархии, формально не обладал законодательной властью. Поэтому сама Хартия труда не была законом, но впоследствии она стала основой ряда законодательных актов, имевших правовой и юридически-нормативный характер.

Весь пафос Хартии труда был направлен на утверждение идеи о сотрудничестве классов «во имя общих национальных интересов». Исходным пунктом такого рода идеологии была первая статья

хартии, в которой говорилось: «Итальянская нация является организмом, цели, жизнь и средства действия которого превышают силой и длительностью цели, жизнь и средства действия составляющих этот организм отдельных лиц и групп их. Она представляет моральное, политическое и экономическое единство и целиком осуществляется в фашистском государстве» [198].

Процесс превращения фашистского государства в тоталитарное конкретизировался в хартии расширением государственного вмешательства в сферу производства. В специальной статье уточнялись случаи и формы государственного вмешательства в эту сферу: «Вмешательство государства в производство может иметь место лишь тогда, когда отсутствует частная инициатива или когда она является недостаточной, или когда в этом замешаны политические интересы государства. Вмешательство это может принять форму контроля, поощрения или непосредственного управления» [199]. Таким образом принцип частной собственности оставался незыблемым, и это очень важно иметь в виду при характеристике фашистской системы в целом, которую сами фашисты пытались изобразить чуть ли не как новое слово в развитии человеческой цивилизации.

В основе «нового, фашистского государства» должны были лежать корпорации, объединяющие предпринимателей и рабочих по отраслям производства. Однако в течение еще ряда лет после опубликования хартии эти корпорации оставались только на бумаге, так как создание их на практике натолкнулось на серьезные трудности. Очень трудно было объединить в рамках одной профессиональной организации предпринимателей и рабочих, реальные интересы которых были столь различны и постоянно сталкивались. Сопротивлялись этому и рабочие и предприниматели. Отдельные предприниматели были недовольны и теми разделами Хартии труда, в которых фашисты в интересах упрочения капиталистической системы в целом считали нужным оговорить некоторые гарантии и для рабочих. В специальных статьях хартии провозглашался принцип оплаты труда, исходя не только из интересов предпринимателя, но и из потребностей рабочего, говорилось о повышении оплаты ночной и сдельной работы, о праве рабочих на ежегодный оплачиваемый отпуск, о компенсации для уволенных не по их вине рабочих и т. д. Эти весьма скромные и в значительной мере чисто декларативные обещания вызвали недовольство многих предпринимателей. Могло создаться впечатление о серьезных про-

[198] Полный текст Хартии труда в русском переводе имеется в кн.: «Конституции буржуазных стран», т. 1, стр. 160—165.

[199] Там же.

тиворечиях между буржуазией, как классом, и фашизмом, как государственной властью. Во всяком случае, фашистская пропаганда старательно работала в этом направлении, насаждая тем самым тезис о «надклассовом» характере фашистского государства. Такого рода пропаганда особенно усилилась в период экономического кризиса, поразившего Италию в 1927 г.

В целом вплоть до 1926 г. итальянская промышленность продолжала развиваться по восходящей линии. Инвестированные в акционерном обществе капиталы возросли в 1925 г. на 8 млрд. лир, а в 1926 г. на 5 млрд. лир, составив в общей сложности сумму более чем в 40 млрд. лир. Но все это происходило в условиях довольно явной государственной и коммерческой инфляции. Значительная часть итальянской буржуазии сумела извлечь выгоды из инфляции, но по достижении известного уровня она, как это всегда бывает, стала создавать угрозу для всей экономики страны, а следовательно, и для буржуазии в целом. В этих условиях фашистское правительство и решилось на проведение во второй половине 1926 г. важного мероприятия по стабилизации итальянской валюты. Лира была допущенной к обмену на золото, и ее курс был изменен с 31,6 до 19 за один американский доллар [200].

Новая дефляционная политика правительства и относительная валоризация лиры внесли сильную пертурбацию во всю хозяйственную жизнь страны. В пересчете на золотую валюту внутренние цены в Италии повысились за шесть месяцев, начиная с сентября 1926 г., на 18%. В то же время в Англии и США за тот же период они уменьшились на 8% [201]. Это нарушение соответствия и равновесия между внутренними и внешними ценами привело к уменьшению экспорта. Для поддержания внешнеторгового баланса, который и без того был пассивным, на прежнем уровне правительство усилило ограничения импорта. В конечном счете для такой страны, как Италия, промышленность которой в значительной мере зависела от привозного сырья и от внешних рынков сбыта, все это имело очень тяжелые последствия.

Внутренние цены очень плохо приспособились к новому валютному курсу. Выручка за экспортируемые товары упала соответственно движению курса лиры. Оптовые цены на внутреннем рынке тоже снизились. Снижение же цен в розничной торговле, а также снижение квартирной платы, зарплаты служащих и рабочих происходило гораздо медленнее.

В целом в 1927 г., по сравнению с 1926 г., индекс производства обрабатывающей промышленности упал с 83 до 80, производство

[200] *R. Romeo*. Op. cit., p. 153.
[201] Ibid., p. 154.

чугуна — с 513 тыс. до 489 тыс. тонн, стали — с 1883 тыс. до 1721 тыс. тонн, автомобилей — с 65 тыс. до 55 тыс. штук. В сельском хозяйстве производство зерна упало с 60 млн. до 53 млн. центнеров, кукурузы — с 29 млн. до 22 млн. центнеров, картофеля — с 23 млн. до 19 млн. центнеров. Общий индекс сельскохозяйственного производства уменьшился с 97 до 88. Число безработных в стране увеличилось со 181 тыс. в 1926 г. до 414 тыс. в 1927 г.[202]

В период начавшегося кризиса усилились требования промышленников об уменьшении заработной платы рабочим с целью снижения себестоимости продукции, что в свою очередь делало более благоприятными возможности для ее выхода на внешние рынки сбыта. Но уменьшить заработную плату рабочим было нельзя без снижения прожиточного минимума, который, как это видно из приведенных выше данных, почти не изменился. И правительство предприняло кампанию по принудительному снижению розничных цен и квартирной платы, что задевало интересы части средних слоев населения, а одновременно — кампанию по уменьшению заработной платы рабочим. О результатах этой кампании для рабочих можно судить по следующим цифрам: в мае 1927 г. заработная плата рабочих была уменьшена на 10—12%, а прожиточный минимум с августа 1926 г. по август 1927 г. снизился всего на 8%[203]. Проигрыш рабочих от мероприятий по уравнению цен и заработной платы совершенно очевиден.

Все эти мероприятия проводились под руководством образованного в период кризиса комитета по регулированию цен и заработной платы. Этот комитет был создан при министерстве корпораций, учрежденном в соответствии с декретом от 2 июля 1926 г. хотя самих корпораций и не было. Но при отсутствии корпораций создать предусмотренный тем же декретом Национальный совет корпораций фашисты пока что не решались. А без такого совета или подобного ему органа деятельность министерства корпораций приобретала сугубо директивный характер. Иными словами, она лишалась даже видимости того «добровольного классового сотрудничества», которое было объявлено краеугольным камнем фашистской корпоративной политики. Тогда у фашистов и родилась идея о создании так называемых межпрофсоюзных комитетов — института, весьма показательного для всей фашистской корпоративной политики в это время.

Вначале межпрофсоюзные комитеты создавались в масштабе провинции и поэтому они назывались провинциальные межпрофсоюзные комитеты. В эти комитеты входили на паритетных началах

202 *R. Romeo*. Op. cit., p. 154.

203 «Мировое хозяйство и мировая политика», 1927, № 10—11, стр. 228.

представители местных фашистских профсоюзных организаций предпринимателей и лиц наемного труда от всех отраслей производства. Этим они существенным образом отличались от запроектированных вначале корпораций, которые должны были бы объединить в рамках единой организации предпринимателей и лиц наемного труда какой-то одной отрасли производства. В данном же случае речь шла лишь о комитетах, состоящих из ограниченного числа представителей предпринимателей и лиц наемного труда. Это были своего рода «согласительные комитеты», ибо их главной функцией было достижение соглашений между предпринимателями и лицами наемного труда по вопросам труда и заработной платы. Они стали как бы связующим звеном между фашистскими профсоюзами предпринимателей и лиц наемного труда.

Но главное это был принцип правительственного и партийного контроля в провинциальных межпрофсоюзных комитетах. Членами каждого такого комитета были префект и секретарь провинциальной фашистской организации. При этом последний являлся, как правило, председателем комитета. По образу провинциальных межпрофсоюзных комитетов был создан Центральный межпрофсоюзный комитет, призванный регулировать трудовые отношения между национальными организациями фашистских профсоюзов предпринимателей и лиц наемного труда. Председателем этого комитета стал секретарь фашистской партии. Введение принципа партийного представительства и руководства в эти новые органы «согласования классовых интересов» стало важным прецедентом и определяющим моментом всего дальнейшего развития и осуществления корпоративных идей фашизма [204].

Коммунисты и социалисты совершали серьезную ошибку, отказываясь от работы в фашистских профсоюзах. Здесь проходили собрания, на которых можно было добиться принятия резолюций в защиту экономических интересов и прав рабочих. Под маркой фашистского профсоюза можно было выбрать рабочую делегацию для переговоров с предпринимателями, а фактически — для агитации в защиту интересов и прав рабочих. Под этой же маркой можно было иной раз организовывать забастовки. Важно также, что некоторые низовые профсоюзные должности были выборными. Иными словами, в общей системе фашистской диктатуры профсоюзы были самым уязвимым местом. И непонимание этого, недооценка «легальных» возможностей борьбы против фашизма в значительной мере снизили эффективность антифашистского сопротивления в это время.

[204] Istituto G. Feltrinelli, Arch. di A. Tasca, fasc. «Comitati Intersindacali Provinciali», «Comitato Intersindacale Centrale».

Идя по пути, в основном, подпольной борьбы, коммунисты были особенно активны в «промышленном треугольнике» Турин — Милан—Генуя. О деятельности коммунистов в Турине свидетельствуют, в частности, донесения полицейского управления города[205]. Так, в донесении от 2 августа 1927 г. сообщалось об обыске в типографии, принадлежавшей некоему Аньези. Полицейские нашли там экземпляры подпольной коммунистической газеты «Унита» и другие «мятежные» брошюры и газеты. Был обнаружен также склад «мятежной печати» с 30 тыс. экземпляров газет и брошюр. Полиция произвела аресты. 9 августа того же года сообщалось о том, что туринская полиция обнаружила местонахождение руководящего центра Федерации коммунистической молодежи. Были найдены и конфискованы печатные машины, а также большое число важных документов и циркуляров, готовых для распространения. Были конфискованы листовки, «подстрекающие рабочих к забастовке в защиту Сакко и Ванцетти, к борьбе против угрозы войны» и т. д. «Деятельность коммунистических сил в последнее время приняла особенно угрожающий размах»,— доносило полицейское управление Турина 11 августа. В этом донесении отмечалось, что коммунистические руководители используют недовольство трудящихся, вызванное увольнениями из-за частичного промышленного кризиса. Они активизируют свои действия. Готовят действенное сотрудничество с молодыми. Они пытаются «поколебать, если не нарушить, растущее доверие к правительству».

Тогда же, в августе 1927 г., полиция арестовала многих участников подпольного коммунистического движения в Турине. Однако одному из наиболее «опасных» коммунистов Ли Каузи, известному под именем «Адвокат», удалось избежать ареста, скрывшись во Франции. Коммунистическая подпольная организация в Турине во главе с Ли Каузи включала в себя группу коммунистических профсоюзных активистов. И это было весьма характерно, так как отделить чисто партийную работу коммунистов от профсоюзной в это время было почти невозможно. Воссозданная в подполье ВКТ действовала фактически по прямым директивам и под руководством компартии. Поэтому говорить о деятельности подпольной ВКТ в это время — значит говорить и о деятельности партии.

Первый итог деятельности подпольной ВКТ был подведен в специальном докладе ее руководства, написанном в июле 1927 г. в связи с предстоявшим конгрессом Международной федерации

[205] Документы цитируются по публикации, подготовленной итальянским исследователем Д. Цукаро («Studi storici», 1962, № 3, p. 559—594).

профсоюзов (амстердамского интернационала) [206]. В этом докладе отмечалось, что за пять месяцев своего существования подпольная ВКТ вела активную работу по агитации и пропаганде среди трудящихся. «Первой заботой временного руководства ВКТ было довести до масс решение 20 февраля 1927 г. А это означало, что массы узнали не только о существовании ВКТ, но и об активизации ее деятельности. Были распространены десятки тысяч листовок с воззванием 20 февраля...» В плане организационной работы в период с 1 по 8 мая 1927 г. была проведена неделя массового приема в классовые профсоюзы. За эту неделю, согласно докладу, число членов ВКТ увеличилось на 4 тыс. человек. Учитывая нелегальность ВКТ, цифра довольно значительная. «Но еще большее значение имел для нас тот факт,— указывалось в докладе,— что во время этой недели по всей стране проходили сотни небольших собраний, в которых приняли участие тысячи трудящихся. Мы можем утверждать, что с этого времени возобновилась активная профсоюзная борьба». В разделе, озаглавленном «Агитация в защиту заработной платы», в докладе говорилось о воззвании руководства ВКТ к трудящимся с призывом ответить забастовкой на наступление предпринимателей и правительства на заработную плату. 10 мая по этому вопросу были разосланы палатам труда специальные циркуляры и было распространено среди населения два манифеста. В то же время ВКТ организовала энергичную кампанию в защиту безработных и трудящейся молодежи. Эта агитация способствовала усилению забастовочного движения. В свой актив подпольная ВКТ записывала: забастовку крестьян в провинции Парма, забастовку работниц на рисовых плантациях в Верчелли и Новаре, крестьянские выступления в Бассо Лодиджано, забастовку на предприятиях Савильяно в Турине и забастовку на туринских бумагопрядильнях Леньяно. Один из разделов доклада был посвящен борьбе за союз рабочих и крестьян. В этом разделе подчеркивалось, что ВКТ придает большое значение этому вопросу. Возобновили работу Федерация трудящихся земли и Национальная ассоциация защиты крестьянства, издаются манифесты к сельскохозяйственным рабочим и беднейшим крестьянам и т. д.

Читая этот доклад, надо, конечно, иметь в виду, что все эти наименования звеньев ВКТ, а именно Палата труда, Национальная федерация, Национальная ассоциация защиты крестьян, были закреплены за сравнительно небольшими группами и организациями. Ведь число членов подпольной ВКТ в это время колебалось в пределах 10—12 тыс. человек.

[206] Доклад цитируется по сборнику документов: G. Saraceno. Op. cit., p. 89—93.

В мае 1928 г. был опубликован новый закон о реформе политического представительства, согласно которому принцип всеобщего и равного голосования был заменен принципом выдвижения кандидатов фашистскими профсоюзами и обязательного одобрения их Большим фашистским советом. Этот последний в декабре 1928 г. был объявлен высшим законодательным органом страны — акт, как бы завершавший процесс сращивания государственного аппарата с партийным в фашистском режиме.

В плане укрепления фашистской диктатуры в Италии особое место занимали отношения между фашизмом и церковью в лице Ватикана. Влияние церкви в Италии всегда было очень сильным, и поэтому попытки примирения с ней делались и в прошлом, когда у власти еще находились либералы. Тенденция к сближению церкви и государства определилась общими интересами в борьбе против социализма и развитием финансово-монополистического капитала. В этом отношении процесс был, пожалуй, необратимым. Фашизм в значительной мере ускорил этот процесс, внеся в него нечто новое — тоталитарные притязания государства на жизнь итальянского общества. В итальянском обществе не должно оставаться ничего, хотя бы в малейшей степени оппозиционного государству,— таков был принцип фашизма, в отличие от либерализма, по самому характеру своей идеологии допускавшего наличие таких сфер. Возможно, что в чисто личном плане для Муссолини сыграло здесь роль и честолюбие, ибо всем в Италии была известна фраза Криспи о том, что «величайшим государственным деятелем Италии окажется тот, кто разрешит римский вопрос» (т. е. вопрос об отношениях государства и Ватикана.— *Б. Л.*).

Со своей стороны Ватикан решил начать переговоры с Муссолини лишь после того, как убедился в силе его диктатуры. На решение Ватикана повлияло и то, что Муссолини в отличие от либералов не требовал никаких гарантий для сохранения светского характера итальянского государства. Напротив, Муссолини неоднократно говорил о своем стремлении придать государству религиозный оттенок, о «католической миссии» итальянского народа и т. п. В общем атмосфера для переговоров, начавшихся еще в августе 1926 г., была весьма благоприятной. И если тем не менее они длились два с половиной года, то это объяснялось не столько какими-либо серьезными разногласиями, сколько стремлением разрешить весь сложный и запутанный исторический комплекс взаимоотношений между церковью и государством в Италии.

Соглашение о примирении между церковью и государством в Италии было подписано Муссолини и личным представителем папы кардиналом Гаспарри в феврале 1929 г. Оно получило название «Латеранского соглашения» по имени места их подписания. Это

соглашение состоит из трех документов: Политический трактат, Финансовая конвенция и Конкордат.

Главным пунктом Политического трактата было признание Италией государства Ватикан (небольшой части территории Рима) под верховным суверенитетом святого понтификата, с одной стороны, и признание этим последним королевства Италии во главе с династией дома Савойя,— с другой. Бесспорно, что реальное значение имело только первое, т. е. признание Италией Ватикана в качестве суверенного государства. Что же касается признания Ватиканом Италии, то она и без этого признания была общепризнанным государством и бесспорным субъектом международного права. «Этот факт,— писал Канделоро,— имел преимущественно формальное значение, но с исторической точки зрения был положительным, ибо устранял некоторое недоверие в отношении итальянского государства, которое, хотя в гораздо меньшей степени, чем в эпоху Рисорджименто, могло еще оказывать известное влияние на католиков, особенно послушных воле святого престола» [207]. Общеисторический аспект соглашения не исключает, разумеется, его конкретно-исторического значения. Поскольку носителем государственного суверенитета в момент подписания соглашения выступало фашистское государство, то признание церковью итальянского государства объективно означало признание фашистского государства.

Таким образом фашизм мог извлечь и действительно извлек большую выгоду из этого акта признания итальянского государства Ватиканом. Цена, заплаченная фашизмом за эту полученную им выгоду, не ограничивалась исключительно только признанием суверенитета государства Ватикан. В общем-то это не было сколько-нибудь большой жертвой, учитывая мизерность территории государства Ватикан и его уж многолетнее существование де-факто. Гораздо более поразил современников тот факт, что, согласно финансовой конвенции, фашистское государство обязалось выплатить Ватикану огромную по тому времени сумму в 750 млн. лир наличными и в 1 млрд. лир ценными бумагами. Фашисты тем самым обязались выплатить долги, вытекавшие из давних обязательств итальянского государства в отношении Ватикана и накопленные за все годы отказа его от официальных сношений с представителями государственной власти.

Но ни признание государства Ватикан, ни огромная денежная сумма, которая должна была быть ему выплачена, не были главной ценой, заплаченной фашистами за примирение государства с церковью. Главной ценой был Конкордат. Согласно этому документу, церковь получала преобладающее влияние в школе и в об-

[207] *Дж. Канделоро.* Католическое движение в Италии, стр. 537.

ласти брачно-семейного законодательства, государство обязывалось закрыть доступ к ряду должностей священникам-вероотступникам, следить за тем, чтобы в Риме не происходило ничего такого, что противоречило бы «священному характеру вечного города», и т. д. Таким образом Конкордат ограничивал в ряде областей юрисдикцию государства и глубоко задевал его светский характер. «Положение, создавшееся в результате заключения Конкордата,— писал Канделоро,— характеризовалось, несомненно, переходом государства на менее передовые, менее современные идеологические позиции, к менее передовым и менее современным правовым институтам, чем те, которых оно добилось к концу Рисорджименто» [208].

Таким образом фашистское государство добилось для себя выгоды ценой серьезных уступок за счет позиций, завоеванных итальянским государством в целом в течение целой исторической эпохи, прошедшей под знаком Рисорджименто. Но фашисты изображали себя подлинными наследниками Рисорджименто. Они выступали в роли борцов за могущество государства, вышедшего из Рисорджименто. И в их расчетах далеко не последнюю роль играло использование всемирно-исторической миссии католицизма для усиления позиций итальянского государства на внешнеполитической арене, иначе говоря для осуществления целей итальянского империализма. Это было еще одним из аспектов Латеранских соглашений, тем более что после вынужденной умеренности первых лет своего правления фашисты стали переходить ко все более агрессивной внешней политике.

Одним из важных результатов такого рода активизации итальянской внешней политики было обострение империалистических противоречий между Италией и Францией. Эти противоречия восходили своими корнями еще к дофашистскому периоду, когда между двумя «латинскими сестрами» на базе столкнувшихся между собой империалистических интересов развернулось соперничество за влияние на Балканах, господство на Средиземном море, преобладание в Тунисе и других африканских колониях. На Балканах итальянской политике окружения Югославии французы противопоставили политику, сформулированную в лозунге «Балканы — для балканских народов». За этим лозунгом скрывалась борьба Франции против проникновения Италии в Албанию и за усиление Югославии как противовеса Италии и как проводника французского влияния в странах Балканского полуострова. Эта борьба между Италией и Францией на Балканах, как и борьба по вопросу о притязаниях Италии на обеспечение своих интересов во

[208] *Доп. Канделоро.* Католическое движение в Италии, стр. 538—539.

французском Тунисе и на расширение границ своей колонии Ливии, пока что не вышла из сферы дипломатических переговоров и закулисных сделок, но была уже чревата взрывом. Способствовало обострению итало-французских противоречий и то, что значительная часть итальянской антифашистской эмиграции обосновалась во Франции: французская дипломатия пыталась использовать это обстоятельство как козырь в своей политической игре, чем особенно досаждала фашистскому правительству Муссолини. Как писала французская газета «Тан»: «...Проблема политической эмиграции рассматривается в общей системе франко-итальянских отношений как очень существенный вопрос» [209].

В значительной мере на почве антифранцузской устремленности итальянской внешней политики в 1924—1926 гг. происходит сближение между Италией и Англией. То же самое можно сказать об укреплении связей между Италией, с одной стороны, Болгарией и Грецией,— с другой. Обе эти балканские страны имели серьезные противоречия с Югославией, что и пыталась использовать итальянская дипломатия в борьбе против французского влияния на Балканах, осуществляемого главным образом через Югославию. Итальянской дипломатии удалось обеспечить широкое проникновение политического и экономического влияния Италии в Албанию и фактически подчинить себе во многих отношениях эту страну, превратив ее в главный плацдарм на Балканах. Расширение итальянского влияния на Балканах настораживает Англию, и в 1927—1928 гг. намечается некоторое охлаждение англоитальянских отношений. В конечном счете агрессивные устремления фашистской Италии становились все более явными, и это усиливало ее противоречия не только с Францией, но и с другими великими державами.

[209] «Temps», 28.X 1929.

2

УСИЛЕНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ИТАЛИЯ

Экономическое положение Италии в 1929 г. значительно улучшилось по сравнению с предыдущими годами фашистского режима. Увеличилось производство почти всех видов сельскохозяйственных продуктов, в промышленности были достигнуты рекордные показатели по электроэнергии и стали, искусственному шелку и многим видам химических продуктов. Однако в самые последние месяцы года положение резко изменилось. Крах цен на нью-йоркской бирже оказал свое влияние на положение во всех странах Европы, в том числе и в Италии.

В связи со снижением покупательной способности на основных внешнеторговых рынках начал резко снижаться объем экспорта. За три года — с 1929 по 1932 — он упал с 14 до 6 млрд. лир. Стране не хватало средств для того, чтобы оплачивать иностранные товары, в которых нуждались ее промышленность и сельское хозяйство: за те же три года объем импорта сократился с 21 до 8 млрд. лир.

От сокращения объема внешней торговли особенно пострадала текстильная промышленность, производство которой за первые три года кризиса упало почти на одну четверть, и те отрасли сельского хозяйства, которые работали на вывоз.

Кризисные явления довольно быстро распространялись на отрасли хозяйства, менее связанные с внешним рынком: вскоре упа-

док стал всеобщим. В апреле 1930 г., выступая на совете фашистских корпораций, Муссолини отмечал основные аспекты кризиса в Италии: увеличение числа опротестованных векселей, рост банкротств, увеличение безработицы, сокращение государственных доходов.

Своего апогея в промышленности кризис достиг в 1932 г. По данным итальянской Конфедерации промышленников в этом году общий объем промышленного производства составил 72,2% от объема 1929 г., а в 1935 г., к началу войны в Эфиопии, достиг лишь 81% [1]. В 1932 г. из 2939 промышленных компаний с капиталом более миллиона лир 1216 компаний работали в убыток. По официальным данным, число безработных в 1933 г. превысило миллион, увеличившись в три раза по сравнению с 1929 г.[2]

Кризис привел к тяжелым последствиям для трудящихся не только потому, что ухудшение экономического положения сказывалось в первую очередь на доходах менее имущих, но и потому, что фашистский режим защищал промышленников. Фашистское государство видело только один путь для удешевления производства: снижение заработной платы.

Заработная плата по всем категориям лиц наемного труда с 1928 до 1934 г. упала в среднем на одну треть. Муссолини высказывал удовлетворение по этому поводу: это позволило изъять из обращения значительное количество бумажных денег, что, по его словам, оздоровило итальянские финансы. Он утверждал, что трудящиеся при этом якобы не пострадали, и указывал на снижение розничных цен на хлеб, медикаменты и некоторые виды коммунальных услуг. В действительности это снижение составляло лишь небольшой процент по сравнению с потерями населения от сокращения доходов и никак не могло компенсировать общего падения жизненного уровня.

В 1931 г. кризис распространился на сферу финансов. Поспешные изъятия вкладов привели к истощению фондов главных итальянских банков, большая часть которых вложила крупные капиталы в долгосрочное промышленное строительство. Для пополнения своего денежного запаса они не имели возможности прибегнуть к помощи иностранных банков. Возникла реальная угроза краха крупнейших итальянских финансовых объединений — «Банко коммерчиале итальяно», «Кредито итальяно», «Банко ди Рома» и дру-

[1] Данные Конфедерации промышленников, более близкие к действительности, расходятся с цифрами фашистского министерства корпораций, которые выглядят следующим образом: 1928 г.— 100; 1932 г.— 73, 1935 г.— 102 (*F. Chabod*. L'Italia contemporanea. Torino, 1961, p. 89).

[2] *R. Romeo*. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1963, p. 158.

гих, что неизбежно привело бы к самым тяжелым последствиям для жизни страны.

На помощь финансовым монополиям пришло фашистское государство. Осенью 1931 г., когда «Банко коммерчиале итальяно» стоял накануне катастрофы, правительство передало специально созданному банку кредиты промышленности, омертвлявшие значительную часть капитала «Банко коммерчиале». В качестве компенсации этот банк уступил государству многие свои акции и превратился в государственное учреждение. Одновременно из государственных средств банк получил миллиард лир для продолжения нормальной кредитной деятельности.

В тот же период был создан особый финансовый орган — Итальянский институт движимого имущества (ИМИ), который взял на себя долгосрочное промышленное кредитование, освободив от этого частные финансовые объединения. Подчеркивая значение, которое придавалось новому учреждению, Муссолини в сопровождении своих министров лично присутствовал на его открытии. Однако вскоре выяснилось, что принятых мер недостаточно.

Расширяя государственное вмешательство в хозяйственную жизнь страны, правительство учредило в начале 1933 г. Институт промышленной реконструкции (ИРИ) с самыми широкими полномочиями. Новый институт принимал на себя все операции по ликвидации дел потерпевших крах банков и с помощью государственных средств предоставлял долгосрочные кредиты крупным промышленным комплексам. В скором времени ему были переданы все акции основных итальянских банков, от которых они по тем или иным соображениям стремились избавиться.

Результаты всех этих мероприятий были весьма значительными для итальянской экономики. Организация новых финансовых организмов помогла, по выражению Муссолини, преодолеть «несварение желудка», которое вызвали у итальянских банков промышленные кредиты. Отныне вся кредитная система приобрела новый характер: частные банки перешли к кредитованию годичных производственных циклов и торговых операций, в то время как долгосрочные кредиты — со сроком до 20 лет — осуществлялись ИМИ и ИРИ. Привлечение государственных средств для помощи банкам имело и более широкое значение. Оно положило начало созданию государственно-монополистических финансовых и промышленных комплексов. Через посредство ИРИ государство, прибегая к займам или участвуя в акционерном капитале, постепенно подчинило своему контролю значительную часть крупнейших итальянских промышленных объединений.

Результаты оздоровления банковской системы,— пишет один из виднейших итальянских экономистов Р. Ромео,— были очень важными для истории экономического и промышленного развития

Италии. Они означали разрушение той системы отношений между банком и промышленностью, которые господствовали до того времени в итальянской экономической жизни. Большая часть кредитной системы практически была огосударствлена до такой степени, что, к 1945 г. (но, видимо, эти цифры имеют силу и к годам, предшествовавшим второй мировой войне) вся масса кредитов на 30% управлялась непосредственно государством, на 49% — полугосударственными или контролируемыми государством учреждениями, на 8% — кооперативами и только на 13% — частными лицами [3].

Экономический кризис намного ускорил концентрацию итальянского финансового и промышленного капитала, В этом процессе фашистское государство играло активную роль. Еще до начала кризиса правительство издало ряд законов, облегчавших слияние коммерческих обществ. Массовое разорение мелких обществ после 1929 г. намного облегчило поглощение монополистическими объединениями более слабых конкурентов. Об этом говорят цифры обанкротившихся обществ: из 12 661 потерпевшего в этот период крах предприятия только 121 было акционерным обществом. И это происходило не только потому, что крупным объединениям было легче маневрировать в сложной экономической обстановке. Помощь фашистского государства была планомерно направлена на установление в экономической жизни строгой иерархии.

Способствуя преодолению дробности итальянской промышленности, фашистское государство не ограничивалось экономическими мерами. В некоторых случаях предпринимались и меры внеэкономического принуждения. Так, в 1931 г. фашистский министр промышленности заставил все независимые компании, производившие прокат металла, «добровольно» влиться в консорциум, превратив тем самым это объединение в полностью монополистическое. Образование некоторых трестов производилось непосредственно правительственными декретами. В 1932 г. был принят общий закон, согласно которому компании, представлявшие более 70% производства в своей отрасли, могли просить вмешательства государства с целью установления производственной дисциплины для данной отрасли в соответствии с собственными интересами. В следующем году появилась целая серия декретов, устанавливавших необходимость получения правительственного разрешения для постройки новых предприятий и расширения старых.

Результатом экономического кризиса 1929—1934 гг. и политики фашистского правительства было появление в стране значительного количества монополистических объединений, что было но-

[3] *R. Romeo*. Op. cit., p. 166—167.

вым явлением в Италии. Некоторые из них выросли на базе существовавших ранее крупных компаний, которые мало или совсем не пострадали от кризиса. Среди них были электро-энергетические компании, располагавшие постоянным внутренним рынком для сбыта продукции и получившие от государства значительные ссуды для расширения своей деятельности. Также сохранили и расширили свои позиции монополии сахарной промышленности, которые получали большие выгоды от протекционистской политики правительства. В химической промышленности, где кризис вызвал массовые банкротства, трест «Монтекатини», пользуясь поддержкой правительства, вскоре превратился в крупнейшую монополию.

Наиболее сильно пострадали от кризиса предприятия металлургической и механической промышленности. Привлечение государственных средств, производимое через ИРИ, имело здесь решающее значение. Эти отрасли промышленности превратились в центры государственно-монополистических образований. Экономический кризис укрепил взаимное переплетение интересов и солидарность между фашистским государством, крупными промышленниками и представителями финансовых групп.

События, связанные с кризисом, послужили отправной точкой нового этапа в корпоративистской политике. «Фашистское государство может быть только корпоративным государством, иначе оно не является фашистским»,— заявил в 1930 г. Муссолини. Речь шла о том, чтобы превратить в реальность корпоративную систему, которая до тех пор существовала больше на бумаге. Фашистскому государству нужна была управляемая экономика, способная служить подготовке к войне.

В марте 1930 г. правительственным декретом был заново создан Национальный совет корпораций. Старый совет и само министерство корпораций фактически бездействовали, поскольку корпораций не существовало. Закон превращал совет корпораций в один из важнейших органов фашистского государства, призванный осуществлять слияние экономики и политики, что было «основным элементом унитарной концепции фашистского государства».

Были созданы семь первых корпораций (промышленности, сельского хозяйства, торговли, банков, свободных профессий и искусства, морского и наземного транспорта), и их председателем стал непосредственно глава совета министров. Министерство корпораций также было реформировано, и ему передавались функции министерства экономики. Новый Национальный совет корпораций состоял из равного числа представителей работодателей и работающих по найму. В него входили также министры и их заместители, представители фашистской партии, экономические и профсоюзные эксперты: из 120 членов совета непосредственные представители производства оказывались в меньшинстве. Более того, все члены совета

назначались правительственным декретом по представлению производственных конфедераций, что превращало его в бюрократический орган, без всяких признаков выборной демократии.

Новый совет должен был координировать экономические отношения между различными секторами производства. С этой целью целый ряд законов, изданных с 1930 по 1934 г., намного расширил сеть корпоративных организаций. Количество корпораций выросло до 22. В каждой провинции были созданы экономические советы, копировавшие в своей организации Национальный совет корпораций: их члены назначались полицейским префектом. К 1934 г. все активное население Италии формально было охвачено корпоративной системой: рабочие и крестьяне, промышленники и артисты, люди свободных профессий и ремесленники входили в тот или иной профсоюз, который именовался национальной корпоративной федерацией. Государственные служащие входили в особые ассоциации, которые подчинялись непосредственно секретарю фашистской партии.

Вся эта громоздкая система должна была по замыслу ее творцов привести к гармонии интересов труда и капитала, превратив классовые отношения в «постоянное и гармоническое сотрудничество» и подчинив их «высшим интересам нации». Муссолини любил повторять, что синдикализм неизбежно приводит к политическому социализму. Поэтому было вполне естественным, что фашизм, уничтожив в стране остатки политических свобод, попытается ликвидировать и саму возможность возникновения каких-либо оппозиционных течений в профсоюзах.

Включение профсоюзов в государственную систему было важнейшим этапом фашизации общественной жизни Италии. Перед профсоюзными организациями ставилась задача «перейти к динамической фазе, направленной в первую очередь к росту величия и силы родины». Муссолини считал, что установление корпоративной системы служит укреплению морального единства итальянцев вокруг фашизма. Для того чтобы развеять его иллюзии, понадобились испытания мировой войны. Гораздо ранее выявилась несостоятельность корпоративной системы в области ее повседневной экономической и социальной деятельности.

Корпоративный принцип провозглашал подчинение частных интересов интересам нации. В действительности он свелся к подчинению интересов трудящихся интересам частного капитала. Паритетное начало, принятое в корпоративных органах, было сплошной фикцией: в то время как профсоюзы промышленников представляли собой реальную силу, способную навязывать свою волю, трудящихся в корпорациях представляли чиновники фашистских синдикатов. В начале 30-х годов со стороны некоторых деятелей корпораций, уверенных в том, что отныне невозможно никакое

возрождение легальной оппозиции, стали раздаваться голоса о желательности восстановления принципа выборности в профсоюзах. Это послужило предлогом для руководителей фашистского государства энергично подтвердить необходимость того, чтобы профсоюзные руководители не «избирались», а «отбирались» на основе политических соображений. Тем самым всякая видимость демократизма в фашистских профсоюзах была окончательно похоронена.

Что касается непосредственного вмешательства корпоративных органов в экономическую жизнь страны, то его результаты были весьма скромными. Апологеты фашистской экономической политики писали о том, что корпоративная система представляет собой не только преодоление классовых противоречий, но и ликвидацию антитезиса либерализм — социализм в области экономики.

Действительно вмешательство государства в экономические дела в период кризиса приняло довольно широкие размеры. Однако оно имело целью помощь представителям крупного капитала и не выходило за рамки обычных мероприятий государства.

Таможенный протекционизм, ограничение импорта, премии за экспорт — все эти меры в годы кризиса были повсеместным явлением в капиталистических странах. Итальянское правительство могло поставить себе в заслугу более энергичные мероприятия, направленные на спасение банков и создание государственно-монополистического сектора. Однако роль корпоративных органов в этом была довольно скромной. «Корпоративное государство», несмотря на многочисленные структуры, которые появились между 1930 и 1934 гг., не было создано. «Функции корпоративных органов в осуществлении правительственной экономической политики были близки к нулю,— пишет итальянский экономист Дж. Гуалерни. — Заседания корпораций происходили редко и рассматривавшиеся на них вопросы носили теоретический или даже чисто академический характер, так как по ним уже были вынесены решения другими органами. В этом случае корпорации ограничивались тем, что принимали к сведению отчеты других учреждений» [4]. В принимаемых резолюциях 9/10 посвящалось восхвалению корпоративного строя и описанию его общих задач — скромные достижения отдельных корпораций занимали лишь несколько строк в конце.

Некоторые мероприятия были проведены корпоративными органами в области регулирования рабочего законодательства и социального обеспечения. Так, в 1933 г. был установлен 8-часовой рабочий день на предприятиях, что соответствовало аналогичным законам, принятым в то время в других капиталистических странах. В то же время, вводя эти ограничения нормального рабочего

[4] *G. Gualerni.* La politica industriale fascista, v. I, Milano, 1956, p. 102.

дня, фашистские законодатели не ограничили часы сверхурочных работ. Это давало возможность промышленникам легко договариваться с чиновниками из фашистских профсоюзов об установлении действительной продолжительности рабочего дня, соответствующей их интересам. Этот закон, так же как и последовавший в 1934 г. декрет о сокращении рабочей недели до 40 часов, практически остался без последствий.

В годы экономического кризиса фашистское правительство продолжало «битву за хлеб» (начатую в 1926 г.) и «интегральную мелиорацию». «Битва за хлеб» приняла в это время характер всеобщей мобилизации. К ее проведению привлекались чиновники фашистской партии, печать и школьники, профсоюзы и сельские священники. Были введены специальные награды, приравненные к военным орденам, которыми награждались наиболее отличившиеся в увеличении урожайности зерновых. Были организованы соревнования различных провинций между собой, каждый год весной торжественно подводились его итоги. Муссолини принимал во всех этих мероприятиях самое горячее участие. Кинохроника показывала голого до пояса дуче, участвовавшего в полевых работах или танцующего с крестьянками. Муссолини написал даже стихотворение, где воспевал хлеб и оно было немедленно перепечатано всеми итальянскими газетами. «Дуче,— говорилось в официальном комментарии к этому стихотворению,— чистейший гений латинской расы, не только Вождь и Полководец, но и Поэт».

Усилия, прилагаемые для увеличения производства зерновых, давали определенные результаты. Начиная с 1929 г.— со значительными колебаниями, вызванными климатическими условиями,— кривая производства хлеба начала расти. В 1933 г. производство зерновых достигло цифры в 82 млн. тонн. Этот год был объявлен «годом победы в битве за хлеб»: средний урожай с одного гектара превысил 15 центнеров.

В печати была поднята большая шумиха по этому поводу, было роздано много наград и произнесено много речей. Правда, неурожай следующего года снизил производство зерновых до 63 млн. тонн, опровергая утверждения официальной пропаганды «об окончательной ликвидации» зависимости Италии от привозного хлеба. Тем не менее, ежегодный средний сбор зерновых в начале 30-х годов достиг 75 млн. тонн, и это дало возможность итальянскому правительству значительно сократить закупки хлеба за рубежом [5].

Шум, поднятый вокруг «битвы за хлеб», был призван прикрыть отрицательные стороны этой кампании. Вопреки выдвинутой задаче — поднять производство пшеницы без увеличения посевных

[5] Cento anni di vita italiana (1848—1948), v. I. Roma, 1950, p. 417—418.

площадей, зерновые потеснили ряд других, в том числе более ценных культур. В стране сократилось производство садовых культур, оливкового масла, винограда и вина, некоторый ущерб понесло животноводство. Под пшеницу были распаханы целинные земли очень плохого качества и себестоимость получаемого на них зерна была непомерно высока, значительно выше покупаемого за границей.

Второе мероприятие фашистского режима в области сельского хозяйства — интегральная мелиорация — регулировалось двумя законами (1928 и 1933 гг.), направленными на ускорение работ по расширению площадей, пригодных для сельского хозяйства. Названием «интегральные» мелиоративные работы были обязаны тем, что осушение болот, насаждение лесных полос и развитие дорожной сети, осуществляемые на государственные средства, дополнялись работами по постройке ирригационных сооружений, жилых домов и т. д., проводимыми за счет частных лиц. В целом предусматривалось освоить более 4 млн. гектаров малопригодных для сельского хозяйства земель.

Наиболее широкие работы проводились по осушению Понтийских болот, расположенных между Римом и Террачиной. Речь шла о том, чтобы освоить обширные территории, служившие источником малярийных эпидемий. Сделать это было поручено Национальной ассоциации ветеранов, основанной после первой мировой войны. Работы эти заняли четыре года — с 1931 по 1934 г. По случаю их окончания Муссолини произнес одну из своих «исторических» фраз, которая была затем написана на стенах домов новой провинции, основанной на месте Понтийских болот: «Плуг пашет землю, но ее защищает меч». Фашистское правительство не жалело средств для освоения новых земель: были проведены дороги и каналы, широкое применение нашли различные гидротехнические сооружения. Основание образцового сельскохозяйственного района в непосредственной близости от столицы имело не столько хозяйственное, сколько политическое значение, и должно было символизировать успехи фашистского режима.

Большое внимание в этот период уделялось сооружению шоссейных дорог. Министр общественных работ объяснял это тем, что по воле дуче фашистская Италия хотела также и в этой области продолжить традиции имперского Рима.

В действительности по масштабам дорожного строительства Италия ненамного превосходила другие страны Европы. Новостью в Италии было сооружение автострад, однако за первые 10 лет фашистского режима их общая протяженность составляла менее 500 километров. Средства для дорожного строительства фашистское правительство получало, не только увеличивая налоги на автосредства, но и сокращая ассигнования по другим статьям об-

щественных работ. Так, совершенно недостаточно средств отпускалось на сооружение школ (в 1938 г.— вдвое меньше, чем на дорожное строительство).

Наиболее заметной и в то же время наименее удачной частью плана общественных работ было монументальное городское строительство. Тяготение к грандиозному, культ имперского Рима и отсутствие художественного вкуса у фашистских заправил привели к тому, что итальянские города были обезображены многими сооружениями, совершенно не гармонирующими с их исторически сложившимся обликом. Повсюду возникали «дворцы фашизма», помещения молодежных, женских и других фашистских организаций, строились монументы, которые должны были увековечить славу «фашистской эры».

Среди многочисленных «кампаний» и «битв», которые проводил фашизм, важное место занимает «битва за высокую рождаемость». Увеличение численности населения страны было возведено в принцип государственной политики и стимулировалось всеми средствами. С 1928 г. газеты начали печатать бюллетени рождаемости, сообщавшие о ходе соревнования между городами. Правительство не ограничивалось пропагандой — фашистскому режиму нужны были солдаты для войн и колонизаторы для будущей империи. Была введена специальная награда за наивысший процент прироста населения: ко всеобщему конфузу ее выиграла одна из самых бедных деревень, затерянная в болотах Фучино. На холостяков был введен высокий налог, многодетные матери получали специальные награды и финансовую помощь от государства. Характерной манифестацией были массовые фашистские свадьбы: в один и тот же день в Риме праздновалось несколько тысяч свадеб молодых людей, приехавших со всей Италии,— посаженым отцом был сам дуче. Молодые люди присылали Муссолини стандартные телеграммы, в которых обязывались через год подарить «юного солдата дорогой фашистской родине».

Несмотря на все усилия, демографическая политика фашизма не увенчалась успехом. Проведенная в 1931 г. перепись показала, что население Италии в то время составляло немногим более 41 млн. жителей (около 38 млн. в 1921 г.). Выяснилось, что темпы прироста населения за 10 лет явно снизились. Это понижение продолжалось и в последующие годы — если в 1931 г. на тысячу человек населения в Италии приходилось 27,5 новорожденных, то в 1934 г.— 23,4. Неутешительные итоги дали повод Муссолини заявить, что таким путем «Италия не станет империей, а сама превратится в колонию».

В 1934 г. Италия начала выходить из экономических затруднений, связанных с мировым кризисом. По данным официальной статистики, все шло наилучшим образом: деловая активность повыси-

лась во всех областях, корпоративная система начинала функционировать, государственные финансы были приведены в порядок. Однако тон выступления Муссолини перед новой палатой депутатов в мае 1934 г. отличался от предыдущих. Исчезли характерные триумфальные ноты, Муссолини воздерживался от комментариев к приводимым цифровым данным; сами цифры были столь явно фальсифицированы, что вызывали глубокое недоверие. Так, говоря о стоимости жизни, он заявил, что она понизилась по сравнению с 1927 г. на 25%. По сравнению с понижением заработной платы это должно было обозначать некоторое увеличение покупательной способности населения.

Несостоятельность подобных утверждений была совершенно очевидной уже в то время. Находившийся в эмиграции историк Г. Сальвемини, используя сообщения фашистской прессы, показал, что снижение заработной платы трудящихся в Милане далеко превосходило официальные 12%, о которых говорила государственная статистика. Сальвемини отметил, что данные о снижении цен на продукты питания исчислялись на основе цен в полугосударственных магазинах, которые имелись лишь в больших городах. Но даже в таком крупном центре, как Милан, покупаемые в этих магазинах продукты не превышали 4% всех закупок. Что касается частных торговцев, у которых население продолжало делать основную часть покупок, то их цены были значительно выше официальных[6].

Еще более показательными были официальные статистические данные о потреблении итальянцами основных продуктов питания. Все они говорили о значительном снижении уровня жизни. Ежегодное потребление мяса на одного жителя снизилось с 28 кг в 1928 г. до 18 кг в 1932. Потребление сахара на душу населения понизилось с 9,2 кг в 1930 г. до 6,7 кг в 1932 г. Потребление в стране кофе, являющегося обязательной составной частью меню итальянца, упало с 472 тыс. центнеров в 1922 г. до 407 тыс. в 1932[7].

Многие данные свидетельствовали о неблагополучном положении экономики страны. Значительно уменьшился итальянский золотой запас, продолжалось сокращение внешней торговли, которая в 1934 г. была монополизирована специально созданной государственной организацией. Начиная с 1930 г. государственный бюджет Италии стал пассивным, и его дефицит быстро нарастал: в 1933/34 финансовом году он составлял около 4 млрд. лир. Для покрытия дефицита фашистское правительство все шире прибегало к распространению займов среди населения. Распространение займов сопро-

[6] *G. Salvemini.* Sotto le scure del fascismo. Torino, 1948, p. 268.

[7] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 539.

вождалось обычной пропагандистской кампанией и проходило довольно успешно, чему способствовали различные методы принуждения по отношению к массе трудящихся, а также наличие свободных капиталов у имущей части населения в годы экономического кризиса.

В 1934 г. истекал 5-летний срок полномочий фашистского парламента первого созыва. Выдвижение новых кандидатов в депутаты производилось партийными и профсоюзными органами, и их список подлежал утверждению Большого фашистского совета. В марте 1934 г. состоялись выборы — они проходили по формуле «Одобряете ли вы список депутатов, назначенных Большим фашистским советом?» Бюллетень с ответом «да» был трехцветным, что лишало выборы даже видимости секретности [8].

Председателем новой палаты депутатов был выбран Костанцо Чиано, сын которого женился на дочери Муссолини. Возвышение семьи Чиано служило характерным симптомом новых отношений, которые складывались в это время в фашистской верхушке. Муссолини постепенно удалил с видных постов многих старых сподвижников, отказывавшихся видеть в нем непогрешимого вождя, и выдвинул на первый план новые фигуры, среди которых был молодой зять диктатора граф Галеаццо Чиано. Проведя некоторое время на дипломатической работе в Китае, этот мало кому известный до тех пор журналист сразу был назначен начальником отдела печати председателя совета министров; вскоре этот отдел превратился в управление по печати и пропаганде, а затем в «министерство народной культуры».

В эти годы окончательно сложился культ Муссолини — «ниспосланного провидением», «всезнающего» и «всепредвидящего вождя», ведущего Италию к «великому будущему». Помимо поста премьер-министра Муссолини взял в свои руки военное министерство, министерства военно-морского флота и военно-воздушных сил. В новом уставе фашистской партии, принятом в 1932 г., отношения «вождя» и партии определялись следующим образом: «Национальная фашистская партия является гражданской боевой организацией, действующей по приказу дуче и находящейся на службе фашистского государства» [9].

Неумеренное восхваление дуче стало обязательным атрибутом всех официальных речей, а цитаты из его высказываний начали украшать стены общественных учреждений и частных зданий, вы-

[8] По официальным данным, в выборах приняло участие 10 061 978 человек, 464 626 воздержались; 10 045 477 голосовали «за», 15 021 голосовали «против» (*E. Santarelli.* Storia del movimento e del regime fasciste, v. II. Roma, 1967, p. 70).

[9] *E. Santarelli.* Op. cit., v. II, p. 70.

ставляться на щитах вдоль автомобильных и железных дорог, появляться в самых неожиданных местах. Множились живописные и скульптурные изображения дуче. Выступая с торжественной речью по случаю 10-летия фашистского режима, генеральный прокурор Италии закончил ее следующим образом: «Будет правильно, если изображение дуче, который также и своей внешностью напоминает о величии римской империи, будет украшать наш храм правосудия наряду со статуями всех великих законодателей древнего Рима».

Муссолини активно участвовал в возвеличивании собственной персоны. В 1932 г., в беседах с немецким писателем Э. Людвигом, он находил общие черты между собой и Юлием Цезарем, подчеркивал свою духовную близость к Данте. В этом же интервью он следующим образом излагал свои мысли о взаимоотношениях «вождя» и «массы»: «С массой надо говорить повелительно: она, как женщина, любит только сильных, которые внушают ей не только любовь, но и страх... Масса для меня — не что иное, как стадо овец, пока она не организована. Я вовсе не против нее. Я только отрицаю, что она может собою управлять» [10].

В том же году Муссолини выступил с попыткой изложить идеологические взгляды итальянского фашизма, написав с помощью философа Дж. Джентиле статью «Доктрина фашизма» для итальянской Энциклопедии [11]. «Доктрина фашизма» затем многократно переиздавалась массовым тиражом и превратилась в основной официальный документ для идеологической подготовки фашистов. Главной идеей, которая развивалась в «доктрине», была идея об абсолютном примате государства в общественной жизни.

Основой фашистской доктрины является концепция государства, его сущности, его задач и целей. Для фашизма государство является абсолютом, по отношению к которому индивидуумы и группы индивидуумов выступают как относительное. Индивидуумы и группы индивидуумов являются реальностью только внутри государства. «Не нации создают государства, а государства — нации» — таковы были основные тезисы сочинения Муссолини.

В чем же заключалась функция государства, примат которого утверждался с такой категоричностью? Муссолини отвечал на это вполне определенно. Он критиковал как марксистское толкование роли государства в преобразовании национального общества, так и либеральные теории «ленивого», беспомощного государства. «Фашистское государство — это воля к могуществу и империи. Традиции древнего Рима являются в этом смысле идеей — силой. Империя это не только территориальное, военное или тор-

[10] *E. Ludwig*. Colloqui con Mussolini. Milano, s. d., p. 120.

[11] Opera omnia di B. Mussolini, v. XXXIV. Firenze, 1961, p. 129—131.

говое понятие, но и духовное, и моральное... Для фашизма тенденция к империи, т. е. к экспансии нации,— это выражение жизненной силы; ее противоположность, домоседство, является признаком вырождения: развивающиеся народы являются империалистическими, вымирающие — капитулянтскими».

Таким образом воля к внешней экспансии провозглашалась основной характеристикой фашистского государства. При этом Муссолини открывал в итальянском народе империалистические тенденции, отождествляя их с мотивами национального возрождения. «Фашизм,— писал он,— это наиболее подходящая доктрина для того, чтобы представлять тенденции и настроения итальянского народа, который возрождается после многих веков прозябания и пресмыкательства перед иностранцами. Империя требует дисциплины, координации усилий, чувства долга и жертв: это объясняет многие аспекты практической деятельности фашистского режима».

Взгляды, изложенные Муссолини, весьма важны для понимания сущности итальянского фашизма начала 30-х годов: еще не обретя достаточно сил для осуществления своих планов, он заявлял о претензиях на внешнюю экспансию и требовал подчинения этим целям внутренней жизни.

Мероприятия для усиления позиций фашизма в стране множились с каждым годом, хотя они часто продолжали носить поверхностный характер.

Наиболее заметным признаком новых отношений между фашизмом и королем, между партией и монархией было уравнение в правах фашистской песни «Джовинецца» с «Королевским маршем», являвшимся национальным гимном. На церемониях гражданского характера это вошло в обычай уже давно. В 1933 г. приказом по армии было предписано также и на военных церемониях каждый раз после «Королевского марша» исполнять «Джовинеццу». Тем самым фашистская Италия стала единственной страной, которая имела сразу два официальных гимна. В том же году предписанием секретаря фашистской партии депутаты и сенаторы обязывались являться на торжественные заседания в черной фашистской форме. Работа обеих палат начиналась с возгласа: «Да здравствует дуче». Фашизации подвергся также календарь. Официальное обозначение года «фашистской эры» наряду с общепринятым было введено еще в 1927 г. Теперь «фашистская эра» становилась единственно официально утвержденной для партии.

В годы экономического кризиса, когда безработица достигла особенно больших размеров, принадлежность к фашистской партии стала условием получения места. Принадлежности к фашистскому синдикату было уже недостаточно, официальным распоряжением секретаря фашистской партии с 1934 г. ее члены при

поступлении на работу пользовались преимуществом перед беспартийными. Естественным следствием этого было резкое увеличение числа людей, записавшихся в фашистскую партию: в 1934 г. она достигла 1,5 млн. членов, увеличившись за четыре года почти в два раза. Особое внимание было обращено на фашизацию молодого поколения: в университетах создавались фашистские группы, множилось число сборов, походов и других манифестаций подобного рода, проходивших под руководством фашистской партии. В начальной школе учителя в служебное время были обязаны носить черную рубашку.

1934 год закончился для Италии очередным выступлением Муссолини, в котором он объявил «Италии и всему миру», что период либерально-капиталистической экономики окончился и мир стоит перед дилеммой: коммунизм или корпоративизм. Он патетически воскликнул: «Чернорубашечники всей Италии, кому принадлежит XX век? — и сам себе ответил,— нам». Крик «нам, нам» вошел в арсенал лозунгов, которые скандировались во время массовых фашистских манифестаций. Он способствовал их шумному характеру, но никак не повлиял на судьбу фашизма в XX в.

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ

Открывая заседания новой палаты депутатов в 1934 г., Муссолини между прочим заявил: «С антифашизмом у нас покончено». Действительно, в начале 30-х годов установлением жесткого контроля над жизнью нации и расправами с оппозицией фашистский режим добился той стабилизации, которую он считал окончательной победой. Однако это было лишь внешней стороной дела. «Именно в момент кажущегося триумфа,— пишет итальянский историк Ф. Вентури,— в момент, когда фашизм держал все в своих руках, в итальянской культуре, экономике и общественной жизни начались все те процессы критики, обновления и разложения, которые привели к движению Сопротивления и национально-освободительной войне» [12]. В начале 30-х годов в стране неуклонно начали развиваться процессы, которые привели к тому, что итальянский фашизм потерпел политический крах еще до того, как он был разбит в ходе второй мировой войны.

Наиболее последовательным и непримиримым противником фашистского режима была Коммунистическая партия Италии. Начало 30-х годов было сложным и трудным периодом в жизни

[12] Trent'anni di storia italiana (1915—1945). Torino, 1961, p. 185.

итальянских коммунистов. Укрепление фашистского режима вызвало накануне экономического кризиса разногласия по вопросам стратегии и тактики. Один из главных руководителей партии А. Таска выступил против тезиса VI конгресса Коминтерна о конце временной стабилизации капитализма. Он считал, что нельзя продолжать активную и организованную борьбу в Италии, где для этого не было условий, и сочувственно относился к действиям социалистов, которые ограничивались деятельностью в эмиграции с целью сохранить кадры в ожидании более благоприятной ситуации. Таска переоценивал потенциальные возможности мелкой буржуазии и оппозиционно настроенной буржуазии и выступал за союз с социал-демократией.

Позиция Таски шла вразрез с установками Коминтерна и была направлена против его руководства; она подверглась критике со стороны Тольятти и других членов Центрального комитета. Руководство коммунистической партии утверждало, что необходимо продолжать борьбу всеми средствами в самой Италии. Что касается отношения к социал-демократии, то, в соответствии с позицией руководства Коминтерна, Центральный комитет подтвердил непримиримое отношение к ней. В сентябре 1929 г. Центральный комитет исключил Таску из рядов коммунистической партии, определив его позицию как правооппортунистический уклон.

В 1929 г. появляются признаки некоторой активизации борьбы против фашизма в Италии. В связи со снижением заработной платы произошли столкновения на заводах ФИАТ в Турине, на предприятиях «Миани» и «Сильвестри» в Милане, отмечались демонстрации безработных в Эмилии, волнения в других городах. В ряде случаев рабочие, записавшиеся в фашистскую партию, принимали участие в этих выступлениях, во время которых происходили стычки с полицией.

Коммунистическая партия старалась использовать каждую возможность для борьбы с фашизмом. Во время плебисцита, проведенного Муссолини в марте 1929 г. по вопросу о Латеранских соглашениях, коммунисты призвали голосовать против соглашений с Ватиканом. Это была активная позиция, которая отличалась от призыва «Антифашистской концентрации» (социал-демократы, республиканцы и др.) бойкотировать плебисцит, порождавшего настроения апатии и пессимизма.

В последующие месяцы коммунисты готовились отметить день защиты мира 1 августа. В тот период в Италии далеко не все понимали, что фашизм неизбежно ведет к развязыванию войны. Цель коммунистов заключалась в том, чтобы привлечь внимание к реальности этой угрозы.

Полиция была осведомлена о готовящихся выступлениях. 1 августа по всей стране были проведены повальные обыски, войска

приведены в боевую готовность. Тем не менее компартии удалось распространить в этот день множество листовок и антивоенной литературы. В ряде городов рабочие не выходили на работу, происходили стычки с полицией.

Вопрос о дальнейшей активизации антифашистской деятельности в стране обсуждался в руководящих органах партии в начале 1930 г. С одобрения П. Тольятти, работавшего в то время в Коминтерне, Л. Лонго представил проект резолюции, которая предлагала направить в Италию большую часть тех кадров, которыми партия располагала за границей. Предлагалось создать в стране центр во главе с одним из членов Политбюро. После оживленной дискуссии выяснилось, что мнения в Политбюро разделились поровну: за «поворот» в политической и практической деятельности партии выступали П. Тольятти, Л. Лонго, К. Равера и Р. Грieко, против — А. Леонетти, П. Трессо, П. Раваццоли и И. Силоне.

Противники «поворота» обосновывали свою позицию ссылкой на мощь огромного репрессивного аппарата фашизма, они говорили о том, что следует выждать время, пока фашизм исчерпает свои наступательные возможности, произойдет некоторая «демократизация» режима, а массы займут более революционные позиции. В целом их взгляды перекликались с той оценкой перспектив, которую в теоретическом плане дал Таска, хотя противники «поворота» и осудили в свое время его позиции.

Сторонники резолюции, предложенной Л. Лонго, безусловно, в общих оценках слишком оптимистично смотрели на возможности развертывания борьбы: впечатление, что мировой кризис должен вызвать глубочайшее потрясение капиталистического мира, было в то время очень распространено в рядах международного рабочего класса. Однако их динамичная, смелая позиция отбрасывала всякого рода настроения выжидания.

Это была линия максимальной активности, которую с 1927 г. предлагала молодежная организация компартии и которую теперь разделял Тольятти. «Мы вовсе не преувеличивали,— пишет один из старых деятелей Итальянской коммунистической партии Дж. Берти,— когда сравнивали дух этих молодых коммунистов с духом, который владел крайним левым крылом итальянских демократов в самые трудные годы нашего Рисорджименто, после поражения 1848—1849 гг. ... Экспедиции Мадзини могли казаться тогда абсурдными и неразумными, не имевшими никакой реальной связи с политической обстановкой в Италии, ненужным кровопролитием. Однако они имели решающее значение в борьбе за объединение Италии, даже если «моральная революция», как ее называл Мадзини, вовсе не была на пороге и не была готова — как ему казалось — вспыхнуть с минуты на минуту. Молодые ком-

мунисты 30-х годов... конечно ошибались в политическом плане, когда полагали, что фашистская Италия в 1927—1930 гг. стоит накануне открытого восстания... но они не ошибались в главном, считая, что в основу деятельности компартии в Италии следует положить героический дух самопожертвования и борьбы, даже если, развертывая подпольную работу, придется поплатиться арестом сотен и тысяч активистов» [13].

В резолюции, предложенной Лонго, высказывалось убеждение, что внутреннее разложение режима выразится в первую очередь в решительном отрыве от фашизма той массовой базы, которой он располагал в некоторых слоях трудящихся и средней буржуазии. «Фашистский режим,— говорилось в резолюции,— может и должен быть расшатан до основания и обречен на гибель только широкой борьбой трудящихся, рабочих и крестьянских масс против этого режима, борьбой, которая в существующей обстановке должна стать доминирующим и решающим фактором». В связи с этим предлагалось начать кампанию за широкое привлечение новых членов в партию, создать комитеты борьбы на заводах, среди безработных, в деревне, начать подготовку всеобщей массовой забастовки [14].

Принятие резолюции в Политбюро проходило в острой борьбе и было обеспечено голосом представителя Молодежной федерации П. Секкья. Большинство Центрального комитета одобрило резолюцию, предложенную Политбюро. Позиция противников «поворота» была осуждена также Коммунистическим Интернационалом, и в июне 1930 г. они были исключены из коммунистической партии. Незадолго до этого из партии был также исключен А. Бордига. Это исключение произошло с задержкой на три года, так как в течение этого периода Бордига находился в ссылке и под надзором полиции.

Новое направление в работе партии внутри страны проявилось прежде всего в попытках восстановить связи с нелегальными группами и возглавить выступления трудящихся. Этой цели служило воссоздание внутреннего центра, предпринятое в соответствии с решением о «повороте».

Летом 1930 г. из Франции в Италию прибыла К. Равера, однако вскоре она была арестована и ее заменил П. Секкья. В начале 1931 г. его постигла та же участь. В этот период в руки фашистов попали многие мужественные связные, которые нелегально пересекали границу.

[13] Annali. Istituto G. Feltrinelli. Milano, 1966, p. 995.

[14] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 269.

Полиция выслеживала коммунистические организации, затем следовали массовые аресты и процессы в особом трибунале. В начале мая 1930 г. состоялся процесс сицилийских коммунистов, которые пытались восстановить партийную организацию. В июне того же года были осуждены 15 миланских коммунистов, за ними последовали процессы еще четырех групп в Ломбардии. Во второй половине 1930 г. особый трибунал рассмотрел дела коммунистических групп Турина, Флоренции, Рима. Во всех случаях приговоры были суровыми; особенно тяжелыми они были в тех случаях, когда в руки полиции попадали люди, занимавшие в партии руководящие посты. Так, К. Равера, П. Секкья, Э. Серени и некоторые другие итальянские коммунисты были осуждены в этот период на сроки более 15 лет и вышли на волю только после падения фашизма. В 1931—1932 гг. последовали новые групповые процессы особого трибунала — в этот период особенно сильно пострадали организации Эмилии-Романьи, где произошло более десятка крупных арестов.

Было ясно, что обстановка в стране не позволяет начать открытые массовые выступления против фашизма. «В 1931—1932 гг.,— пишет Дж. Берти,— дело дошло до того, что партийному деятелю, находившемуся в Италии для руководства и активизации движения, удавалось в среднем пробыть на свободе 20—30 дней — затем он попадал в руки полиции» [15]. Тем не менее коммунистическая партия мужественно боролась против опасности замкнуться в узком кругу антифашистской эмиграции.

Речь шла о том, чтобы правильно определить формы связи с массами для наиболее эффективной антифашистской борьбы в новых условиях. С этой точки зрения большое значение имели решения IV съезда Коммунистической партии Италии, состоявшегося в апреле 1931 г. в Германии. Это был последний съезд итальянских коммунистов в фашистский период. Несмотря на трудные условия, на нем присутствовало около 60 делегатов, представлявших почти все области Италии. В документах, одобренных съездом, чувствовался несколько преувеличенный оптимизм в определении сроков грядущих революционных битв, не всегда перспективы борьбы были правильно оценены. Однако директивы съезда свидетельствовали о том, что партия намерена твердо идти по пути, который был намечен в решениях о «повороте».

Особый интерес представляли указания съезда о работе внутри фашистских профсоюзов и других массовых организаций. В своих решениях съезд констатировал, что разгул реакции, аресты тысяч товарищей вызвали известное отступление партии. Одним

[15] Annali. Istituto G. Feltrinelli, 1966, p. 777.

из важнейших его признаков был отрыв партии от предприятий, сокращение числа ячеек и масштабов деятельности вообще. Важнейшим средством предотвращения угрозы ослабления связи с трудящимися партия считала смелое развертывание работы в массовых организациях, созданных фашистским режимом, прежде всего в профсоюзах [16]. Этот лозунг уже выдвигался коммунистами в 1929 г., во время II нелегальной конференции Всеобщей конфедерации труда. Теперь он ставился на первый план решением наиболее авторитетного органа компартии, и это имело большое значение для изживания сектантских настроений. Решения съезда призывали использовать все возможности для установления связей с молодым поколением, интеллигенцией, чиновниками и другими социальными слоями и группами, среди которых партия могла найти союзников.

Коммунистическая партия была единственной партией, которая считала основой своей деятельности массовую работу в Италии. Активность различных групп социалистов проявлялась в основном в эмигрантских кругах. Эта деятельность в начале 30-х годов была направлена на реализацию тех тенденций к объединению, которые проявлялись в предшествующий период. Наиболее убежденным сторонником единства социалистов был руководитель реформистов Ф. Турати, сторонниками этого были также У. Коччиа и П. Ненни, возглавлявшие Итальянскую социалистическую партию.

Объединительный съезд социалистов произошел в июле 1930 г. в Париже на основе Хартии единства. Хартия провозглашала, что новая Итальянская социалистическая партия, «основываясь на марксистском учении», ставит своей задачей «освобождение человечества от политического и экономического рабства капитализма».

Хартия признавала восстание одним из законных средств борьбы пролетариата [17]. В то же время хартия содержала много формулировок, которые были характерны для старых социал-демократических вождей и в весьма расплывчатой форме рисовали будущее устройство Италии. В основном докладе о политической деятельности в Италии, сделанном Дж. Сарагатом, не было даже упоминания о возможности нелегальной работы в стране, очень скромные наметки содержались и в резолюции о профсоюзной работе. Во всем этом сказывалось преобладание социал-реформизма, который соединял подчас революционную фразеологию с неспособностью к конкретной деятельности.

[16] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 348—358.

[17] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 606—607.

Весьма энергичной была позиция новой антифашистской группировки «Справедливость и свобода», возникшей в 1929 г. в Париже. Руководители нового движения, происходившие из среды молодых интеллигентов-антифашистов, принадлежали ранее к социалистической, республиканской и либеральной партиям. Их объединяло стремление к непосредственным и немедленным действиям против фашистского режима. Виднейшими представителями этого движения были К. Россели, Э. Луссу и А. Таркьяни. Относительно социально-политического устройства будущей Италии у них не было единства взглядов, наряду с элементами социалистической идеологии среди них широко распространены были идеи либерально-демократического порядка.

Основным пунктом программы нового движения было установление в Италии республиканского строя. Деятели нового движения исходили из убеждения, что конституционная монархия не смогла выполнить задач, поставленных перед страной эпохой Рисорджименто, и считали, что установление республики должно служить обязательным условием дальнейших успехов демократии.

Характер нового движения отражало обращение, которое было помещено в первом номере журнала «Джустициа э Либертá» («Справедливость и свобода»); оно было скорее призывом к действию, чем программным заявлением. «Происходя из различных партий,— говорилось в нем,— мы на время сдаем в архив свои партийные билеты ради единства действий. Революционное движение «Справедливость и свобода», не знающее партийных различий, своим названием определяет программу действий. Республиканцы, социалисты и демократы, мы боремся за свободу, за республику, за социальную справедливость».

Главной ошибкой старых оппозиционных партий, подчеркивали авторы манифеста, было то, что они вели борьбу с фашизмом в конституционно-моральном плане, в то время как фашизм можно разбить только силой оружия.

Движение «Справедливость и свобода» на первом этапе своей деятельности весьма напоминало попытки Мадзини создать союз патриотических сил для освобождения страны путем всеобщего восстания. Методы подготовки такого восстания также напоминали действия заговорщиков прошлого века. Значительное место отводилось действиям героев одиночек, которые должны были поднять волю масс к борьбе. В начале 30-х годов в Италии участились случаи актов индивидуального террора, причем фашистские власти приписывали их движению «Справедливость и свобода». В действительности, если руководители движения и не проповедовали индивидуальный террор, то значительная часть молодых людей, которые были осуждены фашистским трибуналом за покушения в этот период, была так или иначе связана с движением.

Важной задачей эмигрантской группы «Справедливость и свобода» ее руководители считали перенесение антифашистской пропаганды в Италию. С этой целью они практиковали массовую посылку антифашистской литературы по адресам учреждений и частных лиц. Наибольший резонанс получил организованный этой группой полет молодого итальянского эмигранта Д. Бассанези над Миланом. Поднявшись на самолете на территории Швейцарии 11 июля 1930 г., он в течение получаса кружил над столицей Ломбардии, разбрасывая листовки с антифашистскими призывами.

В листовках, которые разбрасывал Бассанези над Миланом, говорилось: «Уже в 30 городах комитеты «Справедливости и свободы» организуются и вооружаются для выступления». Это, видимо, было преувеличением. Тем не менее группы нового движения действительно возникли во многих городах. Особенно активной была миланская организация, члены которой горели нетерпением покончить с фашизмом и считали, что эта задача может быть выполнена в ближайшее время. Их действия были зачастую весьма наивными: так, в своих листовках наряду с призывами к восстанию они вели активную пропаганду против курения, надеясь тем самым сократить доходы фашистского государства от налога на табак. Не ограничиваясь пропагандой, миланская группа начала готовить серию взрывов правительственных учреждений. Неопытные конспираторы быстро обратили на себя внимание фашистской полиции. Уже в сентябре 1929 г. ОВРА располагала провокатором Дель Ре, который находился в самом центре деятельности руководящей группы «Справедливость и свобода». Последовали аресты, в руки полиции попали почти все руководители движения, находившиеся в Италии. Внутренняя организация движения не смогла выдержать нанесенного ей удара. Местные группы «Справедливость и свобода» восстановились и продолжали свою деятельность в Турине, Риме и некоторых других городах. Однако наладить движение в национальном масштабе парижскому центру движения больше не удалось.

Одновременно с движением «Справедливость и свобода» в Италии возникла еще одна оппозиционная группа, немногочисленная по своему составу, но весьма симптоматичная по целям, которые она ставила перед собой. Это была либерально-консервативная группа во главе с М. Винчигуерра и Л. Де Бозисом. Эти люди стремились к ликвидации фашизма путем отрыва от него монархии и католической церкви. Идея эта была в тот период абсолютно нереальной: условия для раскола правящего класса, как это показали дальнейшие события, назрели лишь под влиянием военных поражений в период второй мировой войны. Но руководители Национального союза — как называла себя вновь созданная группа — вдохновлялись не только враждебностью

к фашизму, но и определенными соображениями политической стратегии. Об этом свидетельствовал циркуляр № 1, который распространили создатели союза в июле 1930 г.: «Беда, если мы предоставим другим монополию борьбы с фашизмом! Мы рискуем не только тем, что в момент неизбежного кризиса готовыми окажутся только они, но и тем, что в конце концов антифашистское общественное мнение индентифицируется с коммунизмом... Задача сторонников порядка заключается в том, чтобы вызвать кризис фашизма и тем самым предотвратить подобную опасность» [18].

Методом своей деятельности Национальный союз избрал рассылку по почте «циркуляров», которые каждые две недели направлялись видным деятелям церкви, королевского двора, армейской верхушки и т. д. Полиция быстро напала на след новой организации, которая действовала крайне неумело, и в конце 1930 г. ее организаторы предстали перед судом особого трибунала.

Провал обеих организаций в Италии прервал их деятельность в стране. Однако движение «Справедливость и свобода» продолжало активно действовать за рубежом. В 1931 г. наметилось сближение между его руководителями и Итальянской социалистической партией, игравшей ведущую роль в парижской «Антифашистской концентрации». Следствием этого было вступление движения «Справедливость и свобода» в эту организацию эмигрантов-антифашистов. В конце 1931 г. было подписано соглашение, по которому «Концентрация» поручала движению «Справедливость и свобода» всю работу в Италии, в то время как движение обязывалось отказаться от своей особой организации за границей. Практически это соглашение в значительной мере осталось на бумаге: связи с Италией к тому времени ослабли, а журнал «Квадерни джустициа э либертá», начавший выходить в 1932 г., стал центром, с помощью которого новое движение пыталось завоевать ведущее положение в «Концентрации».

Программа «демократической революции», которую стал разрабатывать журнал, шла значительно дальше стерильного антифашизма «Концентрации». Считая основным методом борьбы с фашизмом восстание, ее авторы выдвигали требования установления республиканского строя, восстановления демократических свобод, проведения аграрной реформы по принципу «земля тем, кто ее обрабатывает», социализацию определенных категорий промышленных предприятий, введение рабочего контроля на предприятиях, отделение церкви от государства [19]. Эта программа была явно рассчитана на конкуренцию с социалистической партией, которая

[18] *P. Alatri.* L'antifascismo italiano. Roma, 1965, p. 720.
[19] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 646—647.

продолжала играть ведущую роль в «Концентрации». Перепалка между двумя партиями нанесла решающий удар той непрочной структуре, которой являлась «Антифашистская концентрация». В апреле 1934 г. было объявлено о ее ликвидации.

Распад «Концентрации» облегчил сближение между двумя партиями итальянского рабочего класса. В июле 1934 г. компартия обратилась к социалистам с официальным предложением о создании единого фронта. 17 августа в Париже было подписано соглашение о единстве действий между двумя партиями.

В Пакте о единстве действий констатировалось, что в отношении основных принципов, а также в оценке международной обстановки между двумя партиями имеются существенные разногласия по вопросам теории, методов и тактики, которые препятствуют созданию общего политического фронта. Однако единство взглядов по ряду актуальных вопросов борьбы пролетариата против фашизма и войны дает возможность заключить пакт для достижения таких целей, как прекращение вмешательства в дела Австрии, вызволение из тюрем жертв репрессий фашизма, улучшение жизни трудящихся и борьба против корпоративной системы. Сохраняя полную самостоятельность и обязуясь не вмешиваться во внутренние дела другой партии, коммунисты и социалисты обязывались дать инструкции своим низовым организациям за границей и в Италии об установлении тесного сотрудничества[20].

В период, когда партии буржуазной оппозиции переживали кризис, наиболее активная часть итальянского пролетариата сделала решительные шаги к объединению своих сил. Наряду с пунктами, имевшими преходящее значение и отражавшими требования момента, в пакте содержались положения, направленные на установление долговременного и все более тесного сотрудничества.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФАШИЗМА ПОСЛЕ ЛАТЕРАНСКИХ СОГЛАШЕНИЙ. АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЭФИОПИИ

Внешнюю политику Муссолини отличал вульгарный прагматизм, сводившийся к перенесению на отношения между государствами законов джунглей. У него не было определенной идеи, ему не хватало понимания общей картины событий, пишет итальянский историк Ф. Вентури, поэтому в решительные моменты он полагался на инстинкт, который движет животными в борьбе за

[20] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 361—362.

существование. Этот инстинкт подсказывал Муссолини, что Европа переживает кризис и поэтому тот, кто больше будет рисковать, может больше получить. Главное — это хватать все, что находится в пределах досягаемости, важно не упустить момента для того, чтобы расширить территорию метрополии и колоний [21].

Действительно, трудно говорить о каком-либо законченном плане территориальных захватов итальянского империализма на рубеже 30-х годов. Это был период, когда итальянский фашизм еще переживал период внутренней стабилизации и сознавал свои ограниченные возможности. Однако основная черта фашистской внешней политики — стремление к экспансии любыми средствами — достаточно хорошо вырисовывалась уже в то время. 1930 год был рекордным для Муссолини по количеству произнесенных им речей, посвященных внешней политике. В различных вариантах в этих речах Муссолини варьировал два мотива. Первый из них — рассуждения об Италии, «побежденной среди победителей», обделенной после первой мировой войны. Этот тезис на протяжении 20-х годов повторялся всеми националистами и не был новым, однако в устах Муссолини он приобретал угрожающий оттенок. Еще более решительно Муссолини развивал мотив о том, что Италия готова выступить для осуществления своих претензий «против всех».

Вызывающий тон, в котором делались эти декларации, говорил о намерении Муссолини запугать правительства западных государств и сделать их более податливыми. «Воля фашизма — это железная воля,— говорил он во Флоренции.— Это — математически рассчитанная воля. Наша воля не избегает препятствий, а преодолевает их. Я уверен, что итальянский народ не останется пленником моря, которое некогда принадлежало Риму, и готов к любым жертвам...» В другом выступлении он говорил, что Италия превращена в огромный военный лагерь, в котором «миллионы людей готовятся к решающей битве. Слышится глухой шум, напоминающий шаги колоссального легиона на марше. Этот бесчисленный легион — фашистская Италия... Никто не в силах ее остановить. Никто ее не остановит» [22].

Никогда до тех пор глава какого-либо правительства не говорил в мирное время подобных слов.

В сентябре 1929 г. министром иностранных дел Италии был назначен старый сподвижник Муссолини Д. Гранди. Он быстро освоился с новой должностью, понимая, что на его долю возлагается ограниченная задача облекать в вежливые дипломатические

[21] Trent'anni di storia italiana (1915—1945), p. 194—195.
[22] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 703, 708.

формы претензии к внешнему миру, которые начал формулировать итальянский фашизм.

Воинственные речи Муссолини нередко ставили в затруднительное положение министра иностранных дел. Создавалось впечатление, что фашистская Италия имеет две внешние политики — для внутреннего и для внешнего пользования. Это подтверждает в своих мемуарах Гранди, который спросил как-то, в каком тоне ему следует выдержать свой доклад после всех высказываний дуче. «Какое тебе дело до того, что я говорю моей толпе,— ответил Муссолини,— для чего я тебя сделал министром иностранных дел, если не для того, чтобы говорить, что мне вздумается». Умиротворяющие декларации Гранди служили удобным прикрытием, которое до известных пор считал нужным сохранять глава итальянского фашизма.

Наиболее насущные интересы итальянской политики концентрировались в тот период вокруг Лондонской морской конференции. Задачи итальянской дипломатии заключались в том, чтобы добиться равенства в морских вооружениях с Францией. Переговоры по этому вопросу были длительными и трудными; в марте 1931 г. через посредничество английского министра иностранных дел была достигнута принципиальная договоренность. Но когда дело дошло до разработки конкретного соглашения, вновь произошло столкновение. В конечном счете Италия заявила, что она будет закладывать каждый год военные корабли, равные по тоннажу тем, что будет закладывать Франция.

Прилив агрессивных настроений у итальянского фашизма вызывал успех гитлеровской партии в Германии на выборах 1930 г. Фашистская печать присоединилась к немецким нацистам, громко требуя пересмотра Версальской системы. Наибольшего накала страсти достигли в дни празднования 10-летнего юбилея прихода фашистов к власти. «Со спокойной совестью я вам говорю, о несметные толпы людей! — пророчествовал Муссолини, выступая в Милане,— что XX век будет веком фашизма. Он будет веком итальянской мощи; это будет век, когда Италия в третий раз станет руководителем цивилизованного мира...» [23]

Празднование 10-летия «фашистской эры» в Италии происходило накануне прихода к власти Гитлера. Муссолини и итальянские фашисты с двойным чувством отнеслись к назначению Гитлера канцлером в январе 1933 г. С одной стороны, итальянская печать приветствовала это событие как доказательство «торжества фашистской идеи» в Европе, так как в своих первых заявлениях Гитлер не только говорил о необходимости установления друже-

[23] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 855.

ских отношений между двумя странами, но и выражал восхищение Муссолини. С другой стороны, Муссолини и его приближенные сразу отметили опасность конкуренции в захватнической политике, которая таилась в рассуждениях Гитлера о превосходстве немецкой расы и о необходимости жизненного пространства для Германии. Журнал фашистской партии «Джераркия» писал даже, что «приход к власти Гитлера нельзя назвать революцией, поскольку это представляет собой возврат к старому пангерманскому и антиримскому духу» [24].

Что касается удовлетворения Муссолини в связи с «распространением фашистской идеи», то вряд ли оно было достаточно обоснованным. На политическом горизонте появился строй, который с самого начала трудно было считать производным от итальянского фашизма. Точно так же нацистская идеология развивалась самостоятельно и имела ряд существенных отличий.

Вместе с тем оба режима и обе идеологии возникли на почве антикоммунизма, и это играло решающую роль в определении отношений между фашизмом и нацизмом. Антикоммунизм не только обусловил союз этих двух империалистических хищников, но и привлекал к ним симпатии всех реакционных сил капиталистического мира. В начале 30-х годов голоса восхищения Муссолини, а затем и Гитлером раздавались во многих капиталистических странах Европы. Широко известны высказывания руководителя английских консерваторов У. Черчилля. Выступая в 1933 г. на юбилее антисоциалистической лиги, он говорил: «Римский гений, олицетворяемый Муссолини, величайшим из живущих ныне законодателей, показал многим нациям, как нужно сопротивляться наступлению социализма, и показал путь, по которому может идти нация, во главе которой находятся мужественные люди» [25].

Эти надежды, казалось, начали оправдываться, когда Муссолини в начале 1933 г. выступил инициатором заключения пакта четырех крупнейших европейских держав — Англии, Франции, Германии и Италии — о тесном сотрудничестве. Одной из целей подобного союза была консолидация сил капиталистической Европы против Советского Союза. Идея соглашения нашла поддержку в консервативных кругах европейских стран. По замыслу Муссолини подобный договор должен был облегчить Италии и Германии пересмотр мирных соглашений, заключенных после первой мировой войны. В проекте договора видное место занимал пункт, утверждавший принцип ревизии договоров (право ревизии предоставлялось четырем державам). Муссолини рассчитывал, что, играя роль посредника в франко-германских противоречиях, он сможет повы-

[24] *F. Catalano.* L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano, 1962, p. 189.
[25] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 718.

сить роль Италии в европейских делах. «Пакт четырех» был ратифицирован только Италией и Германией и не вступил в силу.

В то время уровень вооружений Италии был совершенно недостаточен для большой войны, и состояние бюджета в годы экономического кризиса не давало возможности значительных ассигнований. Этим объяснялось стремление Муссолини, несмотря на все воинственные речи, удовлетворить претензии Италии мирным путем. Кроме того, в 1933 г. Муссолини серьезно надеялся на мирное распространение фашизма в Европе. Перед лицом гитлеровского нацизма, который сразу же показал себя как режим кровавой диктатуры и внешней экспансии, Муссолини, безусловно обладавший политическим чутьем, как бы говорил сильным капиталистического мира: мой рецепт борьбы с социализмом лучше, он соединяет необходимую энергию с более гибкой политикой, с уважением к европейской цивилизации.

Муссолини давал многочисленные интервью представителям иностранной печати, рисуя итальянский фашизм в виде всеобщего умиротворителя, «лозунга и надежды всей Европы». Для внешней политики Италии в тот период характерно стремление Муссолини заслужить благоволение правящих кругов США. Италия в отличие от Франции и некоторых других стран продолжала выплачивать взносы по военной задолженности. Во время серии дипломатических визитов итальянские представители подчеркивали стремление своей страны к сближению с США. Муссолини лично написал статью для американского экономического журнала, в котором благожелательно анализировал рузвельтовский «новый курс», не преминув, правда, при этом отметить, что фашистская Италия пошла дальше американского президента в области социальных прав.

Период мирного наступления итальянского фашизма был кратковременным и обусловливался преходящими соображениями. Столбовая дорога решения территориальных претензий итальянского фашизма лежала в стороне от мирных переговоров. Еще до провала конференции о разоружении в ноябре 1934 г. Муссолини взял в свои руки руководство тремя военными министерствами. «Начинается эпоха вооружений»,— заявил он, поясняя значение своего шага. Непосредственно вслед за этим была начата серия реформ в военной подготовке Италии. Программа предусматривала усиление всех видов пехотного вооружения, увеличение количества артиллерии, создание первых бронетанковых дивизий. Сохранив фашистскую милицию в качестве одного из видов вооруженных сил, Муссолини предпринял ряд мер для фашизации армии. В сентябре 1934 г. совет министров принял закон о военной подготовке нации, который вводил двухлетнее допризывное обучение и устанавливал, что в течение десяти лет после срочной службы

все военнообязанные проходят периодические военные сборы. При этом срок пребывания в запасе до 55 лет, а начало военной подготовки вводилось в средних школах. Это был настоящий закон о военизации страны. Началась эпоха «больших маневров» и других демонстраций военной силы Италии, которые проводились с большой помпой и неминуемо сопровождались речами Муссолини.

Выступая в связи с выборами в «парламент» в марте 1934 г., Муссолини не ограничился ставшими уже привычными высказываниями о новой эпохе величия в жизни итальянской нации, а конкретно указал направления, где ее ждали великие свершения — Азия и Африка. Он, правда, пояснил, что речь идет не о территориальных захватах, а об установлении сотрудничества с народами Африки и нациями Ближнего Востока. Это мало кого смогло успокоить, и выступление руководителя итальянского фашизма вызвало не только тревогу в таких странах, как Турция, но и недовольство в европейских кругах. Однако до начала реализации планов на далеких континентах Муссолини пришлось столкнуться с неприятными событиями, происходившими в непосредственной близи от итальянской границы.

Отношения между Италией и Германией в первый год пребывания Гитлера у власти продолжали оставаться двойственными. С одной стороны, продолжались усиленный обмен делегациями по партийной и государственной линиям и взаимные уверения в симпатиях. С другой — итальянская печать открыто критиковала гитлеровские расовые теории, а папа Пий XI осудил насильственную стерилизацию, которую начали практиковать в Германии. Гораздо более существенным источником трений послужила политика подготовки аншлюсса, которую начал настойчиво проводить Гитлер по отношению к Австрии.

Муссолини всегда считал Австрию зоной непосредственных интересов Италии. Установленный канцлером Дольфусом клерикально-фашистский режим в значительной степени являлся копией с того, что делалось в Италии.

Не удивительно, что, как только в Риме стало известно об июльском путче в Вене и убийстве Дольфуса, Муссолини отдал приказ о концентрации войск на австрийской границе. Он послал австрийскому вице-канцлеру телеграмму, выражая твердое намерение Италии всеми средствами сохранить независимость Австрии. Столь энергичная реакция Италии была одной из причин, заставивших Гитлера временно отказаться от аннексионистских намерений и публично отмежеваться от организаторов путча. Гордясь одержанной победой, Муссолини разразился высокомерной речью, в которой, между прочим, сказал: «Тридцать веков истории позволяют нам с сожалением смотреть на некоторые доктрины, возникшие за Альпами и разделяемые людьми, предки которых

еще не умели писать в то время, как в Риме были Цезарь, Вергилий и Август». Это была открытая отповедь германскому национализму, и ее тон хорошо характеризовал позу наставника, которую в то время Муссолини стремился сохранять по отношению к Гитлеру.

Обострение отношений с Германией привело к сближению Италии с Францией: оно было подготовлено общей позицией двух стран в делах Малой Антанты. В январе 1935 г. франко-итальянские переговоры закончились подписанием соглашения Лаваля — Муссолини. Центральное место в этих соглашениях занимал раздел сфер влияния в Африке: в специальном заявлении, которое держалось в строгом секрете, Лаваль официально обещал, что французское правительство оставляет Италии свободу рук по отношению к Эфиопии.

Политические переговоры сопровождались совершенно секретными соглашениями между генеральными штабами, в которых были намечены общие мероприятия в случае действий Германии, направленных против Австрии или в Рейнской области.

Через некоторое время Англия присоединилась к Римским соглашениям в той части, которая касалась Европы. Наметившееся сближение между тремя державами было закреплено во время трехсторонней конференции в Стрезе (апрель 1935 г.). В заключительном коммюнике говорилось, что правительства этих стран высказываются за скорейшую стабилизацию в Центральной Европе, подтверждались гарантии Австрии, осуждались действия Германии, в одностороннем порядке отказавшейся от политики разоружения. Казалось, что соглашения в Стрезе намечают создание блока трех держав против Германии. Однако очень скоро стало ясно, что Муссолини рассматривает эти соглашения как простую маскировку своих истинных намерений. Не вооружение Германии и другие европейские проблемы занимали его ум: он рассматривал их с точки зрения тех возможностей, которые они открывали для создания колониальной империи.

Рассчитывая, что отвлечение внимания его партнеров в сторону Германии позволяет более свободно действовать в этом направлении, он обратил свой взор на Эфиопию. Из всех заключенных соглашений самым важным для него было согласие Лаваля на военную авантюру против этой страны. Буквально через несколько дней после соглашения с Лавалем Муссолини, который был уже министром внутренних дел и руководителем трех военных министерств, стал также министром колоний. Этим подчеркивалось стремление к более активной и решительной политике в Северной Африке.

Весной 1935 г. Муссолини решил, что наступило время «радикального решения» проблемы Эфиопии. Выбор жертвы обусловли-

вался тем, что он думал встретить здесь слабое вооруженное сопротивление и наименьшие дипломатические трудности. В этом же направлении его толкали интересы крупных монополистических объединений, которые давно видели в Африке один из главных источников сырья и рынков сбыта для итальянской промышленности.

В итальянской печати началась систематическая антиэфиопская кампания, имевшая целью подготовить общественное мнение. Совершенно не заботясь о правдоподобии, фашистская печать называла слабую Эфиопию «пистолетом, направленным в сердце Италии», изображала ее вооруженным до зубов государством, готовым броситься на своих соседей. В передовой статье газеты «Пополо д'Италиа» за 31 августа откровенно говорилось, что «основная причина, заставившая Италию приготовиться к действию», это не столько существование в Абиссинии рабства и отсутствие цивилизации. «Основных аргументов,— писал фашистский официоз,— абсолютно неоспоримых, имеется два: жизненные потребности итальянского народа и его безопасность в Восточной Африке» [26]. Руководители итальянского правительства выступали с заявлениями, в которых протестовали против участия Эфиопии в Лиге Наций. Всей психологической подготовкой непосредственно руководило вновь созданное министерство печати и пропаганды, во главе которого встал Галеаццо Чиано.

Военные приготовления Италии совершались открыто, на глазах всего мира. С февраля 1935 г. началась мобилизация ряда призывных возрастов, сообщения министерства печати и пропаганды говорили о том, что Италия способна вооружить армию в 7—8 млн. штыков. Каждый месяц новые дивизии приводились в состояние боевой готовности и отправлялись в Восточную Африку. Газеты печатали сообщения о десятках тысяч фашистов добровольцев, изъявивших желание отправиться с войсками.

Особенно знаменательным было участие короля в торжественных проводах кораблей с войсками — монархия наглядно демонстрировала свою солидарность с империалистическими авантюрами фашизма.

Экономика Италии также начала перестраиваться на военный лад: правительство приняло постановление о накоплении запасов стратегического сырья. Военные заказы привели к оживлению промышленного производства. Как признавалось в одном из отчетов «Банко итальяна», этот рост был обеспечен за счет тех отраслей, которые «выполняли заказы, связанные с чрезвычайными нуждами национальной безопасности». В том же отчете указывалось на

[26] *П. Лисовский.* Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М., 1936, стр. 125.

большой рост доходов в этих отраслях — он достигал более 8% от вкладываемого капитала [27].

На границе между итальянским Сомали и Эфиопией начались инциденты. Наиболее крупный из них произошел между эфиопскими вооруженными силами и войсками, находившимися на службе у Италии в местечке Уал-Уала в декабре 1934 г. Вооруженное столкновение произошло на территории Эфиопии, и правительство негуса предложило обсудить вопрос на сессии Совета Лиги Наций. Совет Лиги рекомендовал урегулировать дело путем прямых переговоров между заинтересованными странами или прибегнуть к арбитражу. В расчеты итальянских фашистов никак не входило вмешательство третьих лиц, и итальянское правительство в резкой форме отвергло право кого бы то ни было выносить суждения о событиях на границе. Было ясно, что итальянский фашизм прямым путем идет к вооруженной агрессии.

Переговоры, которые велись итальянскими и эфиопскими представителями относительно пограничных столкновений, не давали результатов. Иначе не могло и быть, потому что итальянский делегат имел четкие указания Муссолини на этот счет. «Я не хочу никаких соглашений, пока мне не дадут всего, включая голову негуса» [28], — говорил Муссолини. 4 сентября Италия представила Лиге Наций меморандум, в котором лицемерно обвиняла Эфиопию в агрессии. Итальянский делегат заявил, что он не будет присутствовать на заседаниях вместе с представителем Эфиопии. Он также объявил незаконным создание комитета пяти стран, которому Совет Лиги поручил выработку рекомендаций для разрешения конфликта. 18 сентября этот комитет представил свои выводы, сводившиеся по сути дела к предложению установить протекторат Италии над Эфиопией. Однако Муссолини ответил решительным нет, которое было представлено Совету Лиги Наций как решение совета министров Италии. Для того чтобы подчеркнуть свое пренебрежение, делегат Италии ограничился устным заявлением, что проект пяти «не отвечает жизненным интересам Италии».

На 2 октября 1935 г. была назначена «всеобщая мобилизация сил фашистского режима», всех партийных и массовых организаций. В этот день главные площади городов Италии под звуки военных маршей, звон колоколов и барабанный бой заполнили толпы людей. Они были собраны, чтобы прослушать передаваемую по радио речь Муссолини с балкона Венецианского дворца в Риме. Дуче заявил, что по отношению к Италии хотят совершить черную

[27] *F. Catalano.* Op. cit., p. 214.
[28] *L. Salvatorelli, G Mira.* Op. cit., p. 800.

несправедливость, лишив ее места под солнцем, и провозгласил, что никакие угрозы не остановят фашистов. На следующий день начались военные действия против Эфиопии.

План военных операций был разработан итальянским генеральным штабом в начале 1935 г. и предусматривал захват всей территории Эфиопии в течение восьми месяцев. Для того чтобы обеспечить эти сроки, итальянское командование послало в Африку крупные силы, которые как в численном отношении, так и особенно по оснащению военной техникой имели полное превосходство над эфиопской армией. К 1 августа в Эритрее были готовы вступить в действие три армейских корпуса, состоявшие из семи дивизий, в Сомали — одна итальянская дивизия и туземные части. Всего армия вторжения насчитывала более 200 тыс. человек и имела на своем вооружении 6 тыс. пулеметов, 600 орудий и 150 танков. В составе экспедиционных сил имелась авиация, огнеметы и химическое оружие [29].

Наступление итальянской армии началось одновременно с двух сторон: с севера действовали основные силы под командованием Е. Де Боно, из Сомали наступали войска под командованием Р. Грациани, имевшие более ограниченные задачи. В первой половине октября итальянские войска продвинулись вперед, заняв города Адуа и Аксум. Однако темпы наступления, которые и до этого в правящих кругах Рима считались недостаточно быстрыми, вскоре еще более замедлились, а затем последовала остановка. Это вызвало вспышку гнева Муссолини, который распорядился отстранить Де Боно и заменить его Бадольо. Бадольо нашел, что положение на фронте является весьма серьезным, и срочно затребовал подкреплений. Для продолжения наступления из Италии ему были посланы дополнительно три дивизии, еще три свежие дивизии получил генерал Грациани. Численность итальянских сил в Африке достигла почти полмиллиона человек. Несмотря на это, в течение декабря и января инициатива находилась в руках эфиопских войск. Только в феврале 1936 г., затратив три месяца на реорганизацию, итальянские войска начали новое наступление.

Итальянская агрессия поставила государства, входившие в Лигу Наций, перед свершившимся фактом. На заседании ассамблеи 10—11 октября 50 делегаций высказались за применение против Италии экономических санкций. Три государства — Австрия, Венгрия и Албания — отказались примкнуть к этому решению. Решение о санкциях, вступившее в силу 18 ноября, предусматривало запрет импорта любых товаров из Италии и экспорта товаров стратегического значения, запрещалось также предоставление Италии кредитов.

[29] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 820.

Проведение решения о санкциях имело в значительной степени фиктивный характер. Кроме государств, не примкнувших к решению большинства, Италия продолжала свободную торговлю с Германией и Соединенными Штатами, поскольку правительство Рузвельта заявило, что оно не намерено предпринимать никаких дискриминационных мер по отношению к Италии. Кроме того, правительства капиталистических стран, голосовавшие за применение санкций, не намерены были всерьез выполнять свои обязательства. Руководители внешней политики ряда стран доверительно сообщали итальянским представителям, что они будут смотреть на нарушение санкций сквозь пальцы.

Все говорило о том, что западные державы стремились ограничиться формальной демонстрацией. Наиболее активным сторонником применения санкций среди капиталистических держав была Англия. Однако итальянские товары продолжали поступать на британский рынок, а в разгар войны в Италию из Англии прибывали моторы для итальянской военной авиации. На протяжении всей войны Италия продолжала беспрепятственно получать сталь, железо, цинк, олово, нефть и другое стратегическое сырье. Тем не менее фашистская пропаганда использовала решение о санкциях для разжигания националистических и шовинистических настроений в стране. Большой фашистский совет принял решение объявить 18 ноября 1935 г. днем «позора сторонников санкций» и предложил всем муниципалитетам установить мемориальные доски в память «вопиющей несправедливости, совершенной по отношению к Италии».

По всей стране проходили многочисленные манифестации, организованные фашистами. Газеты писали о новых тысячах добровольцев, которые «просили чести» сражаться в Африке. Со сдержанным торжеством сообщалось, что некоторые представители оппозиции, такие, как В. Орландо и Артуро Лабриола, в специальных посланиях выразили свою «горячую солидарность» с действиями правительства [30].

Во всех шовинистических демонстрациях самое непосредственное участие принимал король и представители двора. Не менее горячим было участие католической церкви. Во всех приходах священники призывали молиться за победу итальянского оружия. Наибольший запал проявил миланский кардинал Шустер, который в проповедях представлял агрессию итальянского фашизма в виде крестового похода за католическую веру. Что касается Пия XI, то в речах он придерживался более сдержанных тонов: однако его высказывания толковались в Италии как одобрение войны. Во вся-

[30] *E. Santarelli*. Op. cit., p. 180—181.

ком случае со стороны римской курии не делалось никаких попыток пресечь профашистскую пропаганду клира.

Фашистская партия объявила кампанию по «обороне и репрессиям против санкций». «Репрессии» свелись к запрещению некоторых иностранных газет и театральных постановок. Что касается обороны, то центральное место в ней занял сбор золота, цветных металлов и металлолома. Особо торжественно была обставлена церемония пожертвования золотых обручальных колец. Был установлен специальный день, когда на главных площадях городов супруги сдавали свои золотые кольца в знак «верности родине». В Риме в вазу, установленную около могилы неизвестного солдата, первыми бросили свои кольца королева Елена и жена Муссолини. Депутаты и сенаторы сдавали золотые медали. Было также объявлено, что, подавая пример другим, Муссолини сдал все металлические предметы, находившиеся в его доме, в том числе собственные бюсты, общим весом более двух тонн.

Поступления от пожертвований населения не могли компенсировать уменьшения золотого запаса Италии в связи с войной против Эфиопии. Всего за год — с конца декабря 1934 по декабрь 1935 г.— он сократился с 5 млрд. 441 млн. до 3 млрд. 390 млн.[31] Это сильно подорвало устойчивость лиры на международном рынке, тем более что правительство широко прибегало к политике инфляции. В этот период начали проводиться мероприятия по сокращению импорта и достижению экономической независимости Италии, которые в дальнейшем получили названия политики автаркии. Сам термин «автаркия» появился в середине 30-х годов, однако первые мероприятия фашистского правительства в этом направлении относятся к 1926 г. («битва за хлеб»). Печать ополчилась против «роскоши» в личных нуждах, призывала к воздержанию от покупки импортных товаров. Были введены ограничения на потребление мяса, и населению рекомендовали разводить кур и кроликов. Для увеличения производства целлюлозы школьники собирали по домам бумагу. Автомашины были переведены на эрзац-бензин, содержавший различного рода примеси. Итальянская экономика начала испытывать трудности даже в результате столь ограниченной войны, какой была война в Эфиопии.

Шовинистическая кампания, поднятая фашистской пропагандой и построенная на тезисе о «пролетарской нации», притесняемой «богатой и эгоистичной Англией», оказала известное влияние на некоторые слои населения. Довольно широкое распространение получила иллюзия, что эксплуатация Эфиопии ликвидирует безработицу и улучшит положение населения. Большинство итальянских историков сходится в том, что война в Эфиопии, поддержанная

[31] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 630.

католической церковью и королем, в известной мере способствовала укреплению позиций фашизма внутри страны [32]. В Италии не было сколько-нибудь широких выступлений против фашистской агрессии в Эфиопии.

Единственными, кто поднимал свой голос против авантюры Муссолини, были антифашистские партии. Империалистическая политика итальянского фашизма способствовала расширению контактов между партиями и политическими группами. Коммунистическая и социалистическая партии выступили инициаторами созыва конгресса итальянцев, проживающих за границей, состоявшегося 12—13 октября 1935 г. в Брюсселе. В нем приняли участие все итальянские эмигрантские объединения, за исключением движения «Справедливость и свобода». Руководитель этого движения К. Росселли считал, что в связи с войной в Италии созреет революционная ситуация и выступление в пользу санкций может повредить подготовке восстания.

В воззвании конгресса говорилось, что «война, начавшаяся в Африке, это не война Италии, а война фашизма». Авторы воззвания указывали, что нападение на Эфиопию является логическим следствием той империалистической политики, которой фашизм следовал на протяжении 13 лет. В этих условиях, говорилось в воззвании, борьба за прекращение войны в Африке является борьбой за спасение итальянского народа, за спасение человечества от ужасной катастрофы. Конгресс обращался к солдатам, трудящимся и всем свободолюбивым людям Италии, а также к членам фашистской партии с призывом добиться прекращения военных действий и вывода итальянских войск из Эфиопии. В заключение воззвания провозглашалось: «Немедленный мир с Абиссинией! Долой Муссолини!» [33]

Решение конгресса в Брюсселе, а также кратковременная деятельность образованного им комитета не могли вызвать существенного отклика в Италии. Тем не менее они демонстрировали всему миру, что фашизм не вправе говорить и действовать от имени всей Италии, как он на это претендовал. Не менее важным результатом конгресса были первые связи между партиями рабочего класса и представителями других антифашистских групп.

Решительный перелом в ходе военных действий в Эфиопии произошел в марте 1936 г. Применяя авиацию и газы, итальянские моторизованные колонны начали продвижение к Аддис-Абебе. Несмотря на подавляющее преимущество, командующий главными

[32] *E. Santarelli*. Op. cit., p. 188; *F. Catalano*. Op. cit., p. 226; *F. Chabod*. Op. cit., p. 92; *L. Salvatorelli, G. Mira*. Op. cit., p. 845.

[33] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 359—360.

силами Бадольо действовал весьма осторожно, не стремясь к быстрым успехам. Его войска вошли в столицу Эфиопии лишь 5 мая. Через некоторое время организованное сопротивление эфиопских войск прекратилось по всей стране. По случаю взятия столицы Муссолини приказал устроить второй слет итальянского народа. Опять площади заполнили толпы, мобилизованные фашистской партией. Выйдя на балкон, Муссолини торжественно объявил о полной победе и установлении «римского мира», который заключается «в простом, необратимом и окончательном факте: Эфиопия принадлежит Италии». Через день итальянский король удостоил Муссолини высшего ордена — большого военного ордена Савои — за то, что в качестве военного министра он «подготовил, руководил и выиграл самую крупную колониальную войну, которую знает история, во имя величия фашистской родины» [34]. Помимо явного преувеличения, в этой мотивировке обращало на себя внимание отождествление Италии с фашизмом, которого до недавних пор представители королевского двора избегали.

9 мая состоялось заседание Большого фашистского совета. После его окончания Муссолини опять вышел на балкон Палаццо Венеция. Он объявил, что Италия стала империей, а к титулу итальянского короля добавлен титул императора Эфиопии. В заключение речи он призвал всех возрадоваться «возрождению через 15 веков империи на вечных холмах Рима». Абсурдность подобного сравнения была очевидна: римская империя включала в себя почти все Средиземноморье кроме Эфиопии, империя же Муссолини состояла из одной Эфиопии.

ФАШИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Окончание войны в Эфиопии знаменовало собой начало нового этапа фашизации жизни в Италии. В июне 1936 г. специальное постановление руководства фашистской партии говорило о том, что «возросшая историческая ответственность фашизма» требует строгого соблюдения всей страной «фашистского стиля». Выступая на ту же тему, Муссолини выдвигал требование «поднять на имперский уровень всю национальную жизнь страны». «Триумфальные победы Муссолини,— писал один из основных идеологов империалистической политики итальянского фашизма П. Орано,— показали, что итальянцы — истинные колонизаторы и по своим методам и средствам они имеют более чем кто-либо право на колонии... Италия родилась для роли мировой державы и для выполнения миссии животворного господства... У нее есть плуги для того, что-

[34] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 841.

бы вспахать весь земной шар, рабочие руки для того, чтобы возделать все континенты, корабли и самолеты для того, чтобы бороздить все моря и реять в небе всей земли!... Италия Муссолини сродни древнему Риму эпохи цезарей, и она способна быть его наследницей в Европе и во всем мире» [35]. Все эти напыщенные формулировки скрывали за собой стремление увеличить роль фашизма в национальной жизни, милитаризовать население, облегчив подготовку и осуществление новых, более широких захватнических авантюр.

Проводником этой политики был секретарь фашистской партии А. Стараче, с именем которого связаны настойчивые попытки итальянского фашизма превратить итальянцев в толпу безропотных исполнителей воли Муссолини. Один из основных методов его действий — запись в фашистскую партию максимального числа итальянцев, что должно было «дисциплинировать нацию». Для государственных служащих обязательная запись в фашистские организации устанавливалась специальным постановлением, подобные же меры принимались и в отношении других категорий населения. Результатом этого было новое увеличение численности фашистской партии, которая в марте 1937 г. насчитывала в своих рядах более 2 млн. человек.

Чтобы привить итальянцам «фашистский стиль», «быстроту, решительность и динамизм», проводились различные мероприятия, среди которых особое место занимали «фашистские субботы». В соответствии со специальным решением совета министров все итальянцы должны были посвящать субботу военной, политической и спортивной подготовке. Газеты печатали фотографии Муссолини и его приближенных, совершавших заплывы через Неаполитанский залив или соревновавшихся в беге с барьерами. Это должно было служить примером для итальянцев всех возрастов, побуждая их следовать примеру руководителей.

Особое внимание обращалось на подрастающее поколение, из которого стремились формировать «нового человека эры Муссолини». Существовавшие до этого массовые молодежные и детские организации, носившие названия «Дети волчицы», «Балилла», «Авангардисты», «Молодые фашисты» и т. д., в 1937 г. были объединены в единую организацию «Итальянская ликторская молодежь» (ДЖИЛ), главнокомандующим которой был назначен секретарь фашистской партии Стараче. Это была организация военного типа, в задачи которой входило обучать молодежь «жизни в фашистском коллективе» и давать ей военную подготовку. Лозунг ДЖИЛ, так же как и фашистской партии, гласил: «Верить, повиноваться, сражаться». В шесть лет маленькие итальянцы давали

[35] *P. Orano*. Mussolini fondatore dell'impero fascista. Roma, 1940, p. 34.

клятву служить фашизму, «не жалея собственной крови», и становились «детьми волчицы»; с восьми до одиннадцати они принадлежали к организации «Баллила», с одиннадцати до пятнадцати они были «Балилла-мушкетерами», вооруженными деревянными карабинами и т. д.

Вне ДЖИЛ остались только фашистские университетские группы (ГУФ). Начиная с 1934 г. этим организациям было поручено проведение ежегодных «ликторских чтений по культуре и искусству». Это были конференции, на которые все высшие учебные заведения присылали победителей отборочных конкурсов для участия в обсуждении предложенных тем. Победители национального конкурса получали звания «ликторов», т. е. лауреатов по данной специальности сроком на один год. Ликторские чтения имели успех в студенческой среде,— задуманные фашистами как мероприятия для формирования фашистской интеллектуальной элиты, они с успехом использовались группами молодых антифашистов для распространения оппозиционных идей.

Школа, ДЖИЛ и ГУФ должны были воспитывать молодое поколение. Забота о душах взрослого населения была поручена министерству народной культуры, созданному в 1937 г. на базе министерства печати и пропаганды. Возглавляли этот важнейший идео логический орган фашистского государства сначала Д. Альфьери, а затем А. Паволини. Новому министерству были подчинены все виды культурной деятельности. Оно проводило контроль над издательствами, кино, радио и театрами, подвергая их предварительной цензуре.

Предметом особой заботы министерства было внедрение «фашистской веры» в среду творческой интеллигенции. Фашистские заправилы проводили по отношению к ней политику кнута и пряника, возвышая бездарных людей, известных лишь своим покорным конформизмом, и строго одергивая тех, кого можно было подозревать в недостаточной преданности фашистскому режиму. Так, фашистский руководитель Болоньи, собрав в 1935 г. университетских профессоров и преподавателей, предупреждал их о том, что тот, кто слишком много думает, иногда начинает даже толковать слова Муссолини, «претендуя на то, чтобы стать с ним на равную ногу, в то время как между дуче и остальными смертными дистанция поистине астрономическая» [36].

Превозношение дуче достигло в эти годы своего апогея. Цитаты из высказываний Муссолини все гуще покрывали стены домов, лозунги вроде: «Муссолини всегда прав» — настойчиво повторялись фишистской пропагандой. Министерство культуры в одной из

[36] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 855.

инструкций органам печати в 1935 г. указывало: «Упоминая о Муссолини, называть его не главой, а дуче», т. е. вождем. С течением времени указания для печати становились все более подробными и всеохватывающими. Они касались, например, таких деталей: «Отметить, что дуче десять раз выходил на балкон, отвечая на приветствия толпы»; «Отметить, что дуче четыре часа подряд работал на веялке и совершенно не утомился». В 1938 г. министерство народной культуры подчеркивало: «Всегда иметь в виду, что все, что происходит в нынешней Италии: производительные усилия страны, военная подготовка, духовная жизнь и т. д.— все это исходит от дуче и несет его неповторимую печать». Стремление фашистских журналистов как можно полнее выполнить веления министерства, отмечать воздействие «всемогущей» личности Муссолини на жизнь страны приводило к многочисленным анекдотическим случаям. Так, римская газета «Мессаджеро» 17 июля 1938 г. сообщала: «Дуче посетил институт психических больных... В школе рисования учитель подарил дуче его портрет, сделанный одним из учеников. Дуче похвалил художника, который покраснел от удовольствия, в то время как в его глазах мелькнул отблеск нового света. Больные эпилептики приветствовали дуче искренними, трогательными выражениями своей любви». Муссолини, которому эта заметка попалась на глаза, пришел в ярость [37].

Параллельно процессу обожествления Муссолини и в связи с ним происходила концентрация власти в руках небольшой группы людей, его окружавших. Некоторое время наиболее близко к Муссолини стоял начальник полиции А. Боккини, а затем — его заместитель Г. Буффарини. Вскоре их прочно оттеснил на второй план молодой зять диктатора Чиано, ставший в 1936 г. в возрасте 33 лет министром иностранных дел. Чиано распространил свое влияние далеко за пределы министерства и превратился в посредника между могущественным тестем и остальным миром. Любые крупные перемещения и изменения не проходили без того, чтобы Чиано заранее не высказал свое мнение. Бывший ранее всемогущим, министр полиции Боккини теперь раз в неделю являлся к Чиано с неофициальным докладом. Его примеру следовали другие министры и фашистские иерархи.

Картину «домашнего кабинета Муссолини» дополнял «клан Петаччи» — семья любовницы Муссолини Кларетты Петаччи, конкурировавший с другими приближенными дуче. В семейных склоках вокруг Муссолини участвовали видные иерархи и ответственные органы государственного аппарата. «Полицейские осведомители,— сетует в мемуарах бывший начальник политической полиции

[37] *M. Carofiglio.* Vita di Mussolini e storia del fascismo. Torino, 1950, p. 316—317.

Г. Лето,— забывая про антифашистов, с головой ушли в лабиринт сплетен, скандалов и скандальчиков» [38].

В экономической жизни страны процесс тотальной фашизации выразился в развертывании «битвы за автаркию», толчком к которой послужило применение экономических санкций.

В период войны с Эфиопией сокращение импорта из Англии и Франции способствовало выравниванию внешнеторгового баланса Италии. В 1936 г. баланс впервые закрыли без дефицита, а в следующем году, по официальным данным, даже было достигнуто превышение доходов над расходами. После 1937 г. дефицит итальянского внешнеторгового баланса стал расти в геометрической прогрессии, сопровождаясь истощением золотого запаса. Однако опыт этих лет вдохновляющим образом подействовал на Муссолини. Выступая в 1936 г. на генеральной ассамблее корпораций, он заявил, что «экономическая осада Италии» означает наступление нового этапа в жизни страны, во время которого «будет доминировать постулат: добиться в самые короткие сроки экономической независимости нации» [39].

Введение автаркической политики было связано с подготовкой «большой войны», и фашисты этого не скрывали. Итальянский экономист Фантини в 1938 г. писал, что автаркия представляет собой общий принцип усиления государства и достижения его автономии в условиях войны [40]. В широких масштабах автаркия начала осуществляться в 1937 г. Координацией всей деятельности в этой области были призваны руководить корпорации, которые Муссолини назвал генеральным штабом автаркической битвы. В системе корпораций была создана под председательством Муссолини верховная комиссия по автаркии, решения и рекомендации которой представлялись в государственные органы. Газета фашистских профсоюзов «Проблеми ди лаворо» следующим образом определяла главные направления автаркической политики: «Государственный контроль над производством; использование всех ресурсов для достижения экономической независимости; максимальное развитие производства заменителей; контроль и ограничение потребления» [41].

Расширение государственного контроля над производством, о котором много говорилось в тот период, осуществлялось в форме создания новых полугосударственных акционерных объединений. Половина акций этих компаний принадлежала государству, а дру-

[38] *G. Leto*. OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 181.
[39] *L. Franck*. Les étapes de l'économie fasciste italienne. Paris, 1940, p. 30.
[40] *O. Fantini*. Principi e realizzazioni di politica bancaria e corporativa. Firenze, 1938, p. 102.
[41] *L. Franck*. Op. cit. p. 176.

гая — крупнейшим частным объединениям. Реорганизация всей железоделательной промышленности была возложена на Институт промышленной реконструкции (ИРИ). С этой целью ИРИ создал дочернее финансовое объединение «Финсидер», которое регулировало капиталовложения крупнейших металлургических предприятий, таких, как «Ильва», «Корнельяно», «Терни» и др. По отношению к судостроительной промышленности аналогичную роль играло общество «Финмаре», также образованное ИРИ. С помощью Института промышленной реконструкции государство контролировало важнейшие отрасли итальянской промышленности. Накануне войны ИРИ руководил предприятиями, производившими 77% чугуна, 45% стали, 67% железной руды, 80% морских судов, 22% самолетов, 75% металлических труб [42].

Наряду с ИРИ и его филиалами начали возникать другие полугосударственные монополистические объединения — к началу войны их насчитывалось около 30. Разведкой и эксплуатацией угля на территории Италии ведало общество АКАИ. Результатом деятельности этой организации было некоторое увеличение добычи бурого угля. Монополистом в области жидкого топлива стала компания АДЖИП. Разведочное бурение, проводимое на территории Италии, стоило колоссальных средств, но не дало положительных результатов. Поэтому АДЖИП концентрировала свою деятельность на эксплуатации нефтескважин в Албании и расширении участия в румынских нефтяных компаниях. Несмотря на все усилия по производству заменителей жидкого топлива, Италия продолжала полностью зависеть от поставок из-за границы.

Тяжелое положение с топливом фашистское правительство пыталось выправить форсированным строительством гидроэлектростанций. Развитие сети электростанций шло в Италии довольно быстрыми темпами — ежегодная выработка электроэнергии с 1935 по 1939 г. выросла с 13 млрд. до 19 млрд. киловатт часов [43]. И все же, энергетическая база продолжала оставаться уязвимым местом экономики Италии. Весьма незначительные результаты были достигнуты в добыче и производстве черных и цветных металлов. Так, в 1938 г. в стране выплавлялось не более 1600 тыс. тонн стали, что равнялось половине ее потребности в мирное время и далеко не соответствовало цифре в 9 млн. тонн, предусмотренной планами комиссии по автаркии.

Осуществление политики автаркии придавало итальянской экономике однобокий характер, приспосабливая ее к нуждам военного производства. Не давая заметных результатов, эта кампания в то же время поглощала колоссальные средства. Разработка

[42] *R. Romeo*. Op. cit., p. 170.

[43] *С. Вишнев*. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946, стр. 73.

бедных месторождений, создание ряда новых отраслей промышленности, производство заменителей требовали больших материальных затрат. Достаточно сказать, что горючее, вырабатываемое на итальянских нефтеперерабатывающих заводах, стоило в пять раз дороже привозного, синтетический каучук был в четыре раза дороже натурального.

В результате автаркических мероприятий ввоз сырья в Италию в 1938 г. сократился до 88% от уровня 1928 г., полуфабрикатов и готовой продукции соответственно — до 60 и 52%. Руководители фашистской экономики подчеркивали, что внешнеторговый баланс Италии достиг почти полного равновесия. «В действительности,— пишет Р. Ромео,— сокращение экспорта было достигнуто не только сознательным уменьшением ввоза, оно вызывалось и крайним недостатком валюты... результатом этого было жесткое ограничение военных программ, что стало очевидным уже через несколько месяцев после начала войны». Автаркическая кампания замедлила темпы промышленного развития Италии. С 1929 г. до начала войны производство в стране выросло только на 15%. Таким образом, рост производства в Италии, как замечает Ромео, впервые после 1900 г. оказался ниже среднего уровня темпов аграрно-индустриальных стран Западной Европы [44].

Все расходы по проведению автаркической кампании руководители монополистических объединений стремились переложить на плечи трудящихся. Одним из основных источников получения средств для автаркических мероприятий была эмиссия денег, вызывавшая рост цен. Цены на предметы потребления в Италии с 1936 г. непрерывно росли: если в этом году индекс равнялся 76,4, то в следующем 1937 г. он поднялся до 89,1, а в предвоенном 1938 г. достиг 95,5 [45]. Несмотря на увеличение занятости в некоторых отраслях промышленности, в стране было много безработных. По официальным данным, в 1935 г. более 800 тыс. человек не могли найти места и начавшееся «освоение» новых владений в Африке не смогло снизить этой цифры до самой войны.

ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИСПАНИИ И СОЗДАНИЕ ОСИ БЕРЛИН — РИМ

18 июня 1936 г. начался мятеж испанских генералов против республиканского правительства в Испании. С первых же дней мятежа стало ясно, что международный фашизм намерен использовать эти события для консолидации и демонстрации своей силы. Застрельщиком в этом выступил Муссолини.

[44] *R. Romeo.* Op. cit., p. 192.
[45] *P. Grifone.* Il capitale finanziario in Italia. Roma, 1945, p. 182.

Итальянские военные самолеты помогли мятежникам перебросить из Марокко в Испанию войска. Из итальянских портов начали отправляться корабли с вооружением, боеприпасами и военными инструкторами. За два месяца в Испанию прибыло не менее 66 пароходов, груженных военной техникой и так называемыми добровольцами [46]. 18 ноября итальянское правительство признало Франко главой «национального правительства» Испании и через несколько дней заключило с ним секретный договор о дружбе, который предусматривал не только поддержку усилий Франко «по восстановлению внутреннего порядка», но и обязательство сотрудничать в послевоенный период.

Неудача первого наступления франкистов на Мадрид осенью 1936 г. побудила Муссолини ускорить и расширить помощь Франко. В декабре в Кадисе высадилась крупная партия «добровольцев» (3 тыс. человек), через некоторое время прибыла вторая такая же группа. Из них были образованы две бригады, включенные в иностранный легион. Весной 1937 г. итальянские силы в Испании достигли 40 тыс. человек под командованием генерала М. Роатта, Они были сведены в четыре дивизии и несколько бригад, обильно снабжены военной техникой и располагали значительным количеством самолетов. Это был настоящий экспедиционный корпус с собственным штабом и базами снабжения. Все силы итальянского корпуса сконцентрировались к северу от Мадрида, готовясь начать наступление на испанскую столицу.

Перед началом мятежа его руководители обращались за помощью не только к Италии, но и к Германии. Однако Германия не послала в Испанию крупных пехотных соединений, как это сделал Муссолини. Посланец Гитлера Франк, прибывший в сентябре 1936 г. в Рим, подчеркивал, что фюрер считает Средиземное море «чисто итальянским морем» и Германия не имеет в этом районе никаких особых интересов [47]. Таким образом между двумя диктаторами в период, когда сближение между Италией и Германией только началось, наметился известный раздел сфер влияния. «Незаинтересованность», проявлявшаяся в тот период Германией на Средиземном море, в значительной мере объяснялась стремлением столкнуть Италию с Англией, ревниво следившей за ходом дел в этом районе. Однако риск непосредственного столкновения с Англией в тот момент был незначительным, так как английские консерваторы были на стороне Франко, и Муссолини это знал.

Позиция английского правительства сыграла значительную роль в провале политики «невмешательства», которая была предло-

[46] *Л. Лонго.* Интернациональные бригады в Испании. М., 1960, стр. 264.
[47] Trent'anni di storia italiana (1915—1945), p. 220.

жена Францией после начала мятежа. Даже если бы итальянские войска в Испании состояли целиком из добровольцев — чего на деле не было,— легко было доказать, что они были набраны, вооружены и содержались на средства итальянского правительства. Однако английское правительство закрывало глаза на наглые действия фашистов. Франция также встала на путь предоставления свободы действий Гитлеру и Муссолини в Испании. Правительства капиталистических стран, идя на уступки агрессорам, добились отклонения в Лиге Наций всех предложений Советского Союза об оказании эффективной помощи законному испанскому правительству и способствовали победе франкистского режима.

Вмешательство фашистских государств в гражданскую войну в Испании вызвало широкую волну солидарности с сражающимся испанским народом со стороны трудящихся всего мира. Итальянские антифашисты считали долгом чести доказать, что лучшая часть итальянского народа непричастна к действиям Муссолини. Они были одними из первых, кто поспешил в Испанию для того, чтобы сражаться на стороне республики. Уже в августе 1936 г. на Арагонском фронте вступила в строй итальянская колонна в несколько сот бойцов, принадлежавших главным образом к движению «Справедливость и свобода». Через несколько недель в строй вступил отряд «Гастоне Соцци», организованный коммунистами. Наконец, в октябре, когда в Испанию начала прибывать основная масса итальянских добровольцев-антифашистов, был создан батальон имени Гарибальди, преобразованный в дальнейшем в бригаду.

Все итальянские антифашистские партии и группы восприняли войну в Испании как первую возможность выступить против фашизма с оружием в руках. Наибольший вклад в создание итальянских формирований внесла коммунистическая партия. Из 3354 итальянских добровольцев, находившихся в Испании, подавляющее большинство — 1819 человек — были коммунистами, 310 — социалистами и участниками движения «Справедливость и свобода» и 1096 — беспартийными [48]. Бóльшая часть добровольцев — около 2 тыс.— прибыла из Франции, более 200 человек непосредственно из Италии, остальные из США, Советского Союза и других стран. Итальянские добровольцы не только составляли значительный контингент среди иностранных антифашистов, но и занимали видные командные посты в вооруженных силах Испанской республики. Коммунист Л. Лонго и социалист П. Ненни были генеральными комиссарами интернациональных бригад, В. Видали являлся организатором, а затем политическим комиссаром легендар-

48 «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 306.

ного 5-го полка, 4 итальянца были подполковниками испанской армии, 13 майорами. П. Тольятти возглавлял делегацию Коминтерна при Коммунистической партии Испании.

В марте 1937 г. мятежники начали очередное наступление на Мадрид. Ударную силу наступавших составлял итальянский экспедиционный корпус, который после длительной подготовки двинулся вдоль автострады, ведущей на Гвадалахару и Мадрид. Имея превосходство в численности и особенно в технике, фашистские дивизии в первые дни значительно продвинулись вперед. Муссолини в специальной телеграмме выразил полную уверенность в том, что «наступательный порыв легионеров сломит сопротивление противника» [49]. Навстречу наступавшим фашистам были спешно переброшены части интернациональных бригад и среди них итальянский батальон имени Гарибальди.

Это был первый случай, когда гарибальдийцы встретились на поле боя со своими соотечественниками. Нельзя сказать, что добровольцы-антифашисты имели хорошую военную подготовку: батальон состоял из людей от 16 до 60 лет, многие из которых впервые держали в руках винтовку. Однако огромное моральное превосходство бойцов, всем сердцем стремившихся сражаться за правое дело, помогло гарибальдийцам не только успешно выдержать натиск поддержанных танками и авиацией колонн фашистов. Гарибальдийский батальон сыграл решающую роль в 10-дневном сражении под Гвадалахарой, в ходе которого итальянский экспедиционный корпус отступил в беспорядке.

Поражение под Гвадалахарой нанесло колоссальный удар по престижу итальянского экспедиционного корпуса, вынужденного просить помощи у Франко, для того чтобы избежать окончательного разгрома. Муссолини был взбешен неожиданным поражением своих войск. Он не хотел и слышать об отзыве экспедиционного корпуса, как это ему советовали итальянский посол в Испании и сам командующий корпусом. Вместо этого он отозвал посла и распорядился послать в Испанию новые контингенты итальянской авиации. Одновременно итальянский флот начал на Средиземном море настоящие пиратские действия, нападая на пароходы, направлявшиеся в порты республиканской Испании. Муссолини так и не дождался реванша за Гвадалахару, столь сильно задевшую его самолюбие. Он был очень недоволен методом ведения военных операций со стороны Франко. Муссолини жаждал решительных и молниеносных ударов, на что франкисты не решались, а на самостоятельные операции крупного масштаба итальянский корпус оказался неспособен.

[49] *Л. Лонго.* Указ. соч., стр. 268.

Интервенция в Испании обошлась фашистскому правительству в 14 млрд. лир, что равнялось почти $^2/_3$ итальянского бюджета 1936/37 финансового года и в 6 раз превосходило сумму, затраченную гитлеровской Германией на помощь Франко [50]. В то же время Муссолини не добился военных и политических выгод, на которые он рассчитывал и которые могли бы оправдать такие затраты: Франко настоял на ликвидации итальянской военной базы на Балеарских островах и выводе всех войск после окончания военных действий.

Соучастие фашистской Италии и гитлеровской Германии в интервенции в Испании послужило толчком для сближения между ними. Во время визита гитлеровского министра Г. Франка в Италию в сентябре 1936 г. наряду с обсуждением вопросов, связанных с интервенцией, были намечены общие контуры агрессивных целей фашистских хищников. Эти предварительные соглашения были конкретизированы во время поездки министра иностранных дел Г. Чиано в Берлин в октябре того же года. Во время этого визита был выработан и подписан строго секретный протокол, устанавливавший общую точку зрения на необходимость нового статуса для Европы, путем пересмотра Локарнских соглашений. Протокол предусматривал выход Италии по примеру Германии из Лиги Наций и подтверждал, что Средиземное море является сферой интересов Италии. Специальный пункт касался совместных мероприятий по «антибольшевистской борьбе». Устанавливалось, что сотрудничество в этой области будут осуществлять не только правительства, но и правящие партии. По окончании переговоров были опубликованы два коммюнике. В первом из них Германия официально признавала захват Италией Эфиопии, а второе подтверждало намерения двух правительств осуществлять согласованную политику в Европе [51].

В речи, произнесенной 1 ноября 1936 г. в Милане, Муссолини подчеркнул значение соглашений, заключенных с Германией, отметив, что «вертикаль Берлин — Рим следует рассматривать как ось», вокруг которой должны группироваться другие европейские государства. Он назвал переговоры о разоружении «пустой иллюзией», заявил, что, по его мнению, «Лига Наций может спокойно скончаться», и подтвердил, что Италия прочно стала под знамя антикоммунизма [52].

Несмотря на уверения со стороны обоих диктаторов о том, что достигнутое соглашение является окончательным и полным, в Риме,

[50] Trent'anni di storia italiana (1915—1945), p. 229.
[51] *F. Catalano*. Op. cit., p. 235—236.
[52] *L. Salvatorelli, G. Mira*. Op. cit., p. 905—906.

так же как и в Берлине, еще не были уверены в прочности только что возникшей оси. Итальянская дипломатия делала попытки оставить открытыми двери для переговоров с английским правительством. Это доказывают соглашение между двумя странами о мореплавании на Средиземном море, заключенное осенью 1936 г., и попытки сближения в марте 1937 г. Лишь осенью 1937 г. стало ясно, что выбор с двух сторон сделан надолго.

В сентябре 1937 г. Муссолини посетил Германию. Вместе с Гитлером он присутствовал на военных маневрах и посещал военные заводы. Во время митинга на олимпийском стадионе в Берлине, на котором присутствовало около миллиона человек, диктаторы обменялись программными речами. Они говорили о близости нацистского и фашистского движения, об общих целях и общих врагах, которые делают «исторически необходимым» их тесный союз. 6 ноября 1937 г. Италия примкнула к антикоминтерновскому пакту, заключенному за год до этого Германией и Японией. Тем самым был окончательно оформлен союз империалистических государств, которые под прикрытием «борьбы с коммунизмом» взяли на себя инициативу подготовки новой мировой войны.

Интервенция в Испании и союз с Германией сопровождались усилением полицейского террора внутри страны. Осенью 1936 г. в городах Северной Италии прошла волна арестов в связи с манифестациями в защиту республиканской Испании. Местом этих выступлений были крупные промышленные предприятия, где организации компартии заметно оживили свою работу. Политические призывы, распространявшиеся в этот период коммунистами, говорили об успешном претворении ими в жизнь лозунга единства в борьбе против войны и фашизма, который вытекал из решений VII конгресса Коминтерна. Новым явлением было распространение совместного призыва коммунистической и республиканской партии против фашистской помощи Франко.

Весной 1937 г. в Милане была арестована большая группа видных антифашистов, принадлежавших к различным политическим партиям. Их обвинили в организации движения солидарности с Испанской республикой. Особенно суровые приговоры вынесли коммунистам, социалистам и республиканцам. Для того чтобы пресечь наметившееся оживление антифашистской деятельности, Муссолини отдал приказ федеральным комитетам партии возобновить карательные экспедиции. В 1937 г. был возрожден сквадризм начала 20-х годов. На этот раз объектом действий стали люди, подозреваемые в антифашистской деятельности, и те, кто тайно слушал иностранные радиопередачи об Испании.

Не ограничиваясь усилением репрессий в стране, Муссолини стремился расправиться с руководителями антифашистских групп, находившимися в эмиграции. В июне 1937 г. во Франции были

зверски убиты братья Карло и Нелло Росселли, активные руководители движения «Справедливость и свобода». Возмущение международного общественного мнения было столь велико, что даже печать фашистской Италии выступила с оправданиями, выдвигая нелепые версии убийства. Как доказал уже в послевоенное время историк Г. Сальвемини, это убийство совершили французские кагуляры по заданию итальянской военной разведки; ответственность за него несут Чиано и Муссолини, которые были непосредственными вдохновителями покушения [53]. Лишившись своих организаторов и идейных руководителей, движение «Справедливость и свобода» пережило кризис, закончившийся выходом из него деятелей правого крыла.

27 апреля 1937 г. в Риме, после более чем 10-летнего заключения, скончался Антонио Грамши. Широкая кампания протеста во всем мире заставила Муссолини в начале 1936 г. перевести Грамши сначала в тюремную больницу, а затем в римскую клинику «Квисисана». Здесь его окружала особая команда из 18 карабиньеров и 2 полицейских комиссаров, которые стерегли человека, лежавшего целыми днями без чувств. За время пребывания Грамши в тюрьме было несколько амнистий, срок его заключения сократился на 10 лет и истекал в 1937 г.

Грамши умер через неделю после того, как юридически окончился срок его заключения. Больной, подвергавшийся систематическим притеснениям тюремной администрации, Грамши написал за годы заключения монументальный труд — «Тюремные тетради». «Грамши своей слабой, постоянно болевшей рукой, которой он не мог поднять без судороги даже самую малую тяжесть, исписал за годы тюрьмы убористым, мелким почерком 2800 тетрадочных страниц,— пишут Л. Ломбардо-Радиче и Дж. Карбоне.— В этих тетрадях Антонио Грамши оставил итальянским рабочим, интеллигенции, оставил всей Италии замечательный синтез своего опыта и идей» [54]. «Тюремные тетради», увидевшие свет только после войны, поставили Грамши в ряды выдающихся теоретиков мирового и коммунистического рабочего движения.

Несмотря на новые потери, которые понесло антифашистское движение, 1936 год знаменовал собой активизацию деятельности политических сил и появление новых групп, оппозиционных фашизму. Участие в войне в Испании, оживление подпольных коммунистических групп в стране, политика единства антифашистских сил, последовательно проводимая итальянскими коммунистами,— все это решительно выдвигало их на первый план борьбы против

[53] G. *Salvemini*. L'Affare Rosselli.— «Il Mondo», 16—30.VI 1951.

[54] *Л. Ломбардо-Радиче, Дж. Карбоне*. Жизнь Антонио Грамши. М., 1953. стр. 178.

фашизма. На фронтах Испании впервые стал осуществляться пакт единства действий коммунистов с социалистами, и совместная борьба сблизила две партии рабочего класса.

В июле 1937 г. между ними был заключен новый пакт о единстве действий, предусматривавший сотрудничество на значительно более широкой основе. Обе партии подтверждали свою конечную общую цель — свержение фашизма и установление социалистического общества. В то же время они выдвигали в качестве непосредственной задачи борьбу за восстановление в Италии свободы и установление демократической республики, опирающейся на рабочий класс. Для достижения этого коммунистическая и социалистическая партии призывали к единству антифашистов, рассматривая единый фронт между партиями рабочего класса как важнейшее условие консолидации этих сил.

Важный пункт, который отражал опыт, накопленный к тому времени коммунистами, касался необходимости вести работу в массовых организациях фашизма, «используя для этого также все легальные возможности». В новом пакте указывалось на непосредственную угрозу мировой войны, которую несут в себе агрессивные действия международного фашизма, и говорилось о предотвращении войны как об одной из основных задач рабочего класса. Если же такая война все-таки разразится — подчеркивалось в заявлении представителей авангарда итальянского рабочего класса,— то пролетариат превратит ее в могилу фашизма [55].

Стремление коммунистической партии вести работу среди фашистских организаций соответствовало новой обстановке, которая начала складываться в Италии. После 1936 г. во многих городах страны стали появляться антифашистские группы. Часто они состояли из представителей интеллигенции и создавались в студенческой среде, но были группы и рабочей молодежи, а в областях Эмилия-Романья такие группы возникали среди крестьян.

Выросшие при фашистском режиме молодые люди ничего не знали о тысячах итальянцев, которые продолжали борьбу с фашистским режимом в эмиграции или томились в тюрьмах и на каторге. Они не слышали имен А. Грамши и П. Гобетти, а имена Д. Маттеотти и Д. Амендолы казались им принадлежащими к далекому прошлому. Оглушенные фашистской пропагандой, они постепенно начинали прозревать и испытывали острую потребность общения со своими единомышленниками.

Эти маленькие группы «нелояльных» и «бунтарей» или просто «объективно мыслящих» молодых людей становились все более многочисленными.

[55] Текст новой хартии единства см.: «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 362—364.

Эти группы, как правило, не ставили перед собой задач создания собственных партийных организаций. Чаще всего стремление к уяснению политических позиций толкало их к сближению с уже существовавшими партийными течениями. Их мало привлекали призывы к ожиданию и осторожности, раздававшиеся со стороны буржуазных оппозиционных деятелей. Наибольший отклик среди молодежи находили призывы к действию и единству, бескомпромиссное осуждение правящего класса, которое они находили в подпольных обращениях коммунистической партии. Было бы неправильным считать, что все оппозиционные группы, возникшие среди молодого поколения в 1936—1940 гг., полностью влились в коммунистическую партию, однако подавляющее большинство из них пошло именно по этому пути.

Не вся и не сразу итальянская молодежь перешла на антифашистские позиции. Этот процесс охватывал лишь наиболее передовые ее группы, и процесс дефашизации молодого поколения испытывал паузы и отступления. Тем не менее перелом в настроении молодого поколения был очевиден, и он продолжал нарастать под влиянием внешних и внутренних мероприятий фашизма, направленных на подготовку империалистической войны.

ФАШИСТСКИЙ РЕЖИМ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Первым результатом курса итальянской внешней политики на союз с Германией был беспрепятственный захват Австрии Гитлером. Осенью 1937 г. Риббентроп, ставший министром иностранных дел Германии, прибыл в Рим для того, чтобы выяснить отношение Муссолини к политике Гитлера в Австрии. Муссолини заявил Риббентропу, что ему надоело быть часовым на страже независимости этой страны, и выразил лишь надежду, что Гитлер не предпримет решительных шагов без предварительного предупреждения. «Когда какое-либо событие становится фатально неизбежным,— говорил Муссолини через несколько дней в палате депутатов,— то лучше, чтобы оно происходило с вашим участием, чем без вас или против вас». «Предварительное предупреждение» было послано Гитлером 11 марта 1938 г., когда немецкие войска уже пересекли австрийскую границу.

Как отмечают итальянские историки Сальваторелли и Мира, поведение Муссолини в период аннексии Австрии было чем-то отличным и худшим, чем простое соучастие, так как соучастие подразумевает какую-то компенсацию [56]. Муссолини же не только не

[56] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit. p. 929.

получил никакой компенсации, но и способствовал усилению партнера за счет собственной страны. Присоединение Австрии к Германии разрушило треугольник Вена — Будапешт — Белград, на союзе с которым итальянская внешняя политика долгое время основывала свое влияние в этой части Европы. Аншлюс серьезно подрывал также двусторонние отношения Италии с Венгрией, так как отныне эта страна начала склоняться в сторону Германии.

Это не помешало фашистской палате депутатов, отмечая «заслуги» Муссолини в области внешней политики, присвоить ему 30 марта специально учрежденное звание маршала империи. Свою речь в этот день Муссолини посвятил воспеванию военной мощи Италии. Он заявил, что страна готова в любой момент выставить 8 млн. солдат, вооруженных самым современным оружием. Итальянский подводный флот Муссолини назвал самым сильным в мире, а авиацию — одной из самых сильных. Заканчивая эту воинственную речь, дуче воскликнул: «В будущей войне будет только один руководитель — им будет тот, кто сейчас обращается к вам» [57].

Союз фашистской Италии с гитлеровской Германией становился все более тесным. В мае 1938 г. Гитлер прибыл с визитом в Италию. В течение этого года обмен делегациями между двумя странами достиг небывалой интенсивности: визитами обменивались национал-социалистская и фашистская партии, все виды вооруженных сил, чернорубашечники и эсэсовцы, молодежные, женские и другие организации. Это должно было символизировать близость двух режимов и нерушимость их единства, Действительно, когда к осени 1938 г. судетский кризис достиг наивысшего накала, выступления Муссолини в поддержку гитлеровских притязаний к Чехословакии стали не менее наглыми, чем речи самого Гитлера. Муссолини заявил даже в частной беседе, что в случае конфликта он немедленно выступит на стороне Германии. На деле он надеялся, что западные державы отступят перед наглым шантажом. 28 сентября Чемберлен обратился к Муссолини с просьбой о «посредничестве», для того чтобы «предотвратить начало мировой войны». Муссолини не заставил себя долго упрашивать.

В дни Мюнхенской конференции экзальтация Муссолини достигла предела: он мнил себя вершителем судеб Европы. Об истинной причине уступчивости правящих кругов Англии и Франции, жертвовавших независимостью Чехословакии, он знал достаточно хорошо. Как писал Д. Гранди, бывший в то время послом в Лондоне, Чемберлен несколько раз говорил ему: «Германия — это бешеный бык. Дело заключается не в том, чтобы посадить его в клетку — что было бы невозможным,— а в том, чтобы направить

[57] *E. Santarelli.* Op. cit., p. 322.

его на другую цель». Поясняя свою мысль, Чемберлен добавлял, что единственный способ нейтрализовать Германию, это столкнуть ее с Советским Союзом [58].

Именно антисоветская направленность Мюнхенских соглашений вызывала особое удовлетворение Муссолини. Выступая на закрытом совещании итальянских префектов в конце 1938 г., он говорил: «Слово Мюнхен означает, что впервые после 1861 г. Италия сыграла абсолютно первостепенную и решающую роль в событии мирового значения... То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всякого русского политического влияния на нашем континенте» [59].

Итальянские правящие круги целиком одобряли подобный образ мышления: антибольшевистский поход способствовал бы повышению роли Италии; кроме того, направление гитлеровской агрессии на восток давало возможность Италии выдвинуть претензии на Средиземном море по отношению к тем самым державам, которые проявили столь большую уступчивость в Мюнхене. Не прошло и двух месяцев после того, как правительство Даладье в знак признания заслуг Италии в дни Мюнхена официально признало аннексию Италией Эфиопии, как в итальянской палате депутатов Чиано организовал антифранцузскую демонстрацию, во время которой чернорубашечники впервые выкрикивали: «Тунис, Корсика, Джибути!»

Растущая агрессивность внешней политики Италии сопровождалась дальнейшей милитаризацией жизни страны. Муссолини всерьез принимал собственные слова о том, что Италия должна представлять из себя военный лагерь. В некоторых случаях кампания по поднятию воинственного духа нации принимала поверхностные и смехотворные формы. Так, увидев на военных парадах в Германии «прусский шаг», Муссолини предписал ввести его в Италии под названием «римского шага». Фашистские газеты захлебывались от восторга, описывали эту новую манеру маршировки как «неотвратимый шаг легионов, для которых каждый поход — завоевание». Одновременно специальным указанием партии отменялось рукопожатие, заменявшееся фашистским приветствием. Надолго запомнилась итальянцам яростная кампания, которая велась против употребления третьего лица в качестве вежливого обращения, принятого в итальянском языке. Целая серия декретов, сопровождаемых газетными статьями, объявляла эту привычку «буржуазным пережитком», расслабляющим нацию, и предписывала ограничиваться обращением на «ты» для членов партии и на «вы» для всех остальных.

[58] *F. Catalano*. Op. cit. p. 237.
[59] *F. Deakin*. Storia della repubblica di Salò. Torino, 1963, p. 10.

Гораздо более серьезным было заимствование у гитлеровцев расистской идеологии и антисемитского законодательства. В июле 1938 г. был опубликован манифест, подготовленный «группой фашистских ученых» и официально определявший «отношение фашизма к проблеме расы». Важнейшие положения этого манифеста, состоявшего из 10 пунктов, гласили, что итальянцы относятся «в своем большинстве» к арийской расе, что существует «чистая итальянская раса», к которой не принадлежат евреи и которую следует всячески оберегать. Вслед за опубликованием манифеста расистская и антисемитская волна стала бурно нарастать. При министерстве внутренних дел был создан «высший совет по вопросам народонаселения и расы», стал выходить журнал «В защиту расы», распространение которого вменялось в обязанность секретарям партийных федераций. В сентябре 1938 г. были приняты первые антисемитские законы: людям еврейской национальности запрещалось преподавать в школах, а члены академий, институтов и различных научных и культурных организаций лишались своих званий и постов.

В ноябре совет министров Италии по представлению Большого фашистского совета опубликовал новую серию законов, которые по сути дела исключали евреев из национальной жизни: им запрещалось служить в государственных и в полугосударственных учреждениях, они не подлежали призыву на военную службу и их права на недвижимую собственность существенно ограничивались. Для детей евреев в школах создавались отдельные классы, а браки итальянцев с евреями, так же как и со всеми «неарийцами», запрещались. По официальной статистике, в соответствии с новым законодательством дискриминации подверглись 3500 из 15 тыс. еврейских семей, значившихся в Италии [60].

Осенью 1938 г. секретарь фашистской партии Стараче и министр культуры Альфьери объявили о начале «культурной мелиорации». Наряду с кампанией против таких «буржуазных пережитков», как рукопожатие, светские рауты, пристрастие молодежи к иностранным модам, она включала в себя запрещение ряда литературных изданий и упразднение Академии деи линчеи — самой старинной академии в Европе.

В рамках мероприятий по «фашизации нации» в октябре 1938 г. была проведена также реформа школьного образования. Основная идея этой реформы — формирование «политического гражданина», преданного фашистской идее с самого раннего возраста. Отныне все итальянские граждане, начиная с четырехлетнего возраста, наряду со школой и даже до нее, обязаны были посещать детские и юношеские фашистские организации. Другим

[60] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Op. cit., p. 955.

нововведением, скопированным с гитлеровского образца, было включение в школьные программы физического труда для «поднятия общественного сознания юных граждан».

Для государственных служащих вводилась единая униформа и им начали присваивать звания наподобие воинских. Мероприятий по «закалке нации» и «формированию нового человека» не избежали даже иерархи фашистской партии. Распоряжением руководства партии с осени 1938 г. секретари федеральных организаций, собиравшиеся на совещания, обязаны были проходить испытания по спортивной гимнастике: прыжок через коня, плавание и верховая езда (последнее, правда, заменялось ездой на велосипеде). Муссолини лично присутствовал на этих испытаниях, воздавая хвалу достойным и порицая нерадивых.

Юридическое строительство фашистского государства завершилось парламентской реформой 1939 г. Еще в 1933 г. Муссолини заявил, что палата депутатов является анахронизмом и ее вполне мог бы заменить национальный совет корпораций. В 1937 г. комиссия, которой была поручена разработка реформы, доложила, что ее работа близится к концу. Однако только в январе 1939 г. был принят закон, который значительно изменял государственное устройство Италии. Место палаты депутатов теперь заняли Национальный совет фашистской партии и Национальный совет корпораций, становившиеся государственными органами. Вместе с сенатом, члены которого назначались королем, новая палата составляла высший законодательный орган государства. По словам Муссолини, таким образом был преодолен предрассудок, что представительство должно обязательно основываться на выборности. Членами высших законодательных органов становились люди, назначаемые на должности королевским декретом или решением дуче; с потерей партийного или государственного поста они лишались также места в парламенте.

Вскоре после торжественного открытия нового законодательного органа Италия совершила нападение на Албанию. На этот раз фашистское правительство совершенно не заботилось об оправдании своих действий: Муссолини твердо встал на путь захватнических действий, опираясь на союз с Германией. Албанскому королю Зогу был предъявлен неприемлемый ультиматум, и почти одновременно на территории страны стали высаживаться итальянские войска. 8 апреля они заняли Тирану, а 12 — марионеточное «учредительное собрание» провозгласило Виктора Эммануила королем Албании. Аннексия Албании не была простым ответом на захват Гитлером Чехословакии: проект присоединения этой страны давно вынашивался руководителями внешней политики фашистской Италии, и его вдохновителем был Чиано.

Во время встречи Чиано с Риббентропом в мае 1939 г. ми-

нистр иностранных дел Италии неожиданно получил по телефону указания Муссолини предложить Германии заключение военного союза. Риббентроп взял на себя подготовку проекта договора. 22 мая в Берлине был подписан так называемый Стальной пакт. окончательно оформивший военный союз двух фашистских агрессоров. Обе державы обязывались в случае начала военных действий одной из них немедленно выступить на ее стороне. Впервые в истории дипломатической практики XX в. в договоре не было указаний об оборонительном характере военных действий подписавших его сторон. Откровенно наступательный характер договора был сознательно подчеркнут в тексте. Это было сделано по личному пожеланию Муссолини.

В октябре 1938 г. в беседе с приехавшим в Рим Риббентропом Муссолини следующим образом говорил о том, в чем он видел смысл предполагаемого военного союза. «Когда союз между нами и Германией назреет, нужно будет определить цели. Мы не должны заключать чисто оборонительного союза. В этом нет необходимости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы изменить географическую карту мира. Для этого необходимо наметить цели и объекты завоевания. Что касается нас, то мы уже знаем, куда мы должны двигаться» [61].

[61] *M. Toscano.* Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956, p. 54.

3

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРАХ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА В ИТАЛИИ

ПЕРИОД ИТАЛЬЯНСКОГО «НЕЙТРАЛИТЕТА»

4 февраля 1939 г. Муссолини выступил на заседании Большого фашистского совета с речью, которая должна была определить перспективы внешней политики Италии «на близкие и далекие годы». Эта речь была развернутой программой действий итальянского империализма в надвигавшейся мировой войне, изложенной со всей откровенностью высшему органу фашистского государства. Независимость каждого государства, говорил Муссолини, обусловливается доступами к морю. Италия является пленницей Средиземного моря, и чем более населенной и могущественной она будет становиться, тем невыносимее будет ее положение. Доступ к океанам закрывает ей железная решетка: Корсика, Тунис, Мальта, Кипр, Суэц и Гибралтар.

Первая задача политики Италии, которая, по словам Муссолини, не имеет территориальных претензий в Европе, за исключением Албании,— это сломать железную решетку. После этого у Италии будет только один лозунг — вперед, к океану. К какому океану? К Индийскому, через Судан, Ливию, или к Атлантическому, через Французскую Северную Африку. При любой гипотезе Италии придется столкнуться с Францией и Англией. Именно поэтому,— заключал Муссолини,— союз с Германией, которая прикроет Италию с тыла, «является основополагающей исторической необходимостью» [1].

[1] *F. Deakin.* Storia della repubblica di Salò. Torino, 1963, p. 7.

Муссолини в то время не потерял полностью способности объективно оценивать обстановку, и ему было ясно, что Италия не готова к выполнению этих обширных завоевательных планов. «Ни одно государство в мире никогда не бывает полностью готовым к войне, если под этим подразумевать математическую уверенность в победе»,— философски замечал он, перечисляя мероприятия, которые следовало осуществить в ближайшие годы, для того чтобы завершить подготовку к большой войне. Они сводились к обновлению артиллерийского парка, доведению количества линейных кораблей до восьми, удвоению числа подводных лодок и реализации автаркических планов хотя бы на 50% — все это должно было занять около трех лет. Таким образом, вступление Италии в войну намечалось приблизительно на 1942 г.

Через несколько дней после заключения «стального пакта» Муссолини сообщил Гитлеру свои соображения относительно начала совместной агрессивной войны. С этой целью был составлен пространный меморандум, врученный Гитлеру 3 июня. Муссолини констатировал, что война между «плутократическими консервативными нациями» и «бедными нациями» неизбежна. Однако для такой войны требуется подготовка, которая займет не менее трех лет.

Экономически Италия нуждается в завершении автаркических планов. В военном отношении необходимо «устройство» Албании, Ливии и Эфиопии, которые должны дать армию в полмиллиона человек [2].

В меморандуме Муссолини повторял некоторые данные, приведенные им на заседании Большого фашистского совета. Это было лишь частью того, что знал Муссолини и что свидетельствовало о тщетности усилий фашистского режима подготовить необходимую ему армию. В отличие от германского генерального штаба итальянское командование совершенно не воспользовалось опытом войны в Испании для того, чтобы извлечь уроки и обновить тактически и технически свою армию.

В результате итальянская армия по качеству вооружения и по тактическим взглядам в 1939 г. продолжала оставаться на уровне войны с Эфиопией. Ни один новый вид оружия, ни одно оперативное новшество не были введены за этот период.

И это происходило в то время, как военный бюджет Италии быстро возрастал. С 1930 по 1937 г. военные ассигнования страны исчислялись примерно в 5 млрд. лир ежегодно, в бюджете 1937/38 г. они поднялись до 6 млрд., а в следующем году

[2] *M. Toscano*. Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956, p. 362—365.

достигли 8 млрд. Наконец, в 1939/40 г. на военные цели государство ассигновало 11 млрд. лир. В конце 1939 г. были опубликованы общие цифры военных расходов. По официальным данным, фашистская Италия затратила на подготовку к войне более 133 млрд. лир, из них — на сухопутную армию 72 млрд., на морской флот 32 млрд., на авиацию 26 млрд. и около 1,5 млрд. на фашистскую милицию [3].

На 1 августа 1939 г. итальянская армия насчитывала 67 дивизий, из них 43 пехотных, 3 бронетанковых, 3 моторизованных, 3 подвижных и 5 горно-альпийских. К концу того же года число дивизий возросло сразу до 73. Это было достигнуто не только за счет частичной мобилизации, но главным образом в результате сокращения в существующих дивизиях числа полков с трех до двух. Вооружение этих дивизий, бóльшая часть которых комплектовалась по штатам мирного времени, устарело: основным оружием пехотинца продолжала оставаться винтовка образца 1891 г. Слабой была артиллерия: орудий было явно недостаточно, а имевшиеся на вооружении образцы относились ко времени первой мировой войны (частично это были трофеи, взятые у австрийской армии).

Переход к дивизиям двухполкового состава внес беспорядок во всю систему комплектования армии,— недостаток офицерских кадров заставил широко прибегать к призыву из запаса и назначению на должности малоподготовленных людей. Возросший разрыв между числом дивизий и количеством артиллерии итальянская промышленность не в силах была восполнить. В месяц артиллерийские заводы Италии выпускали около 60 орудий всех типов, в то время как артиллерийский парк итальянской армии насчитывал около 12 тыс. орудий. Строительство новых артиллерийских заводов было начато в 1938 г., однако ко времени пуска их в ход в 1941 г. в Италии уже не хватало металла. Противотанковая артиллерия имела на вооружении лишь 45-мм пушки, слишком слабые для борьбы с тяжелыми танками. Плохо обстояло дело с зенитной артиллерией, имевшей около тысячи орудий устарелого образца [4].

Основу вооружения бронетанковых дивизий составляли 3-тонные танкетки, уязвимые для винтовочных пуль и прозванные солдатами «спичечные коробки». Число средних 11-тонных танков, которые промышленность начала выпускать уже во время войны, в лучшие времена во всей армии не превышало 60. Тяжелых танков в итальянской армии вообще не существовало. Осенью 1939 г. в армии имелось около 30 тыс. автомашин, чего едва хватало для

[3] *L. Salvatorelli, G. Mira.* Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino. 1962. p. 970—971.

[4] *Historicus.* Da Versailles a Cassibile. Rocca San Casciano, 1954, p. 63—82.

укомплектования моторизованных дивизий. Так называемые подвижные дивизии были моторизованы далеко не достаточно.

Авиация — «оружие фашистского режима» — была предметом особой заботы Муссолини. Однако обследование, проведенное в 1939 г. в связи с получившим большое развитие очковтирательством, показало довольно неутешительную картину. Из числившихся в строю более 3 тыс. самолетов лишь третья часть действительно была в состоянии летать. Это были самолеты самых разных типов, уступавшие по скорости, вооружению и бортовому оборудованию иностранным образцам. Промышленность выпускала в месяц до войны около 150 самолетов; в 1942 г. ежемесячное производство достигло почти 300 самолетов, но этого, однако, было недостаточно для заметного усиления итальянского воздушного флота.

Сравнительно боеспособным был военно-морской флот. Его ядро составляли 8 линейных кораблей. 24 легких крейсера, 133 подводные лодки. Усиленная постройка тяжелых кораблей и подводных лодок соответствовала претенциозному плану создания «океанского флота». Слабым местом военно-морского флота был недостаток топлива, что дало себя знать в первый же год войны. Кроме того, для успешных действий на большом расстоянии флот нуждался в сильном прикрытии с воздуха, чего итальянская морская авиация не была в силах обеспечить [5].

Всю подготовку страны к войне координировал начальник генерального штаба П. Бадольо, в ведении которого находились также вопросы военной промышленности. Он был президентом национальной комиссии по достижению экономической независимости, являвшейся высшим органом автаркической кампании, а также председателем комитета по научным изысканиям. В 1937 г. Бадольо горделиво заявил, что он может доложить о готовности итальянской военной машины выполнить «любое задание народа и дуче». Казенный оптимизм начальника генерального штаба совершенно не отражал действительного положения вещей, и Муссолини знал об этом достаточно хорошо.

В 1939 г. верховная комиссия по обороне по заданию Муссолини изучила нужды Италии в различных видах сырья в случае вступления в войну. По расчетам этой комиссии, для покрытия потребностей одного года войны Италии необходимо было ввезти 21 млн. тонн различных материалов: топлива и горючего, промышленных товаров, древесины, целлюлозы и т. д. В случае войны с Францией и Англией и соответствующего сокращения морских перевозок основная часть этих материалов должна была бы ввозиться железнодорожным транспортом из Центральной и Восточной

[5] *C. Favagrossa.* Perché perdemmo la guerra. Milano — Roma, 1946, p. 13—32.

Европы. Для того чтобы хотя бы частично выполнить эту задачу, необходимо было заранее начать завоз стратегического сырья, определяя места для хранения и создавая склады. Ничего подобного сделано не было.

На 1 сентября 1939 г. запасы сырья для военной промышленности были совершенно недостаточными; так, предприятия по производству стали были обеспечены сырьем на несколько недель работы; наиболее благополучными считались заводы по переработке железной руды — их запасов могло хватить на шесть месяцев. Из 8 млн. тонн горючего, которые, по расчетам комиссии, требовались армии на год, не было даже и десятой части — склады топлива практически имел только военно-морской флот. Что касается мощностей военной промышленности, то комиссия пришла к выводу. что они будут готовы обеспечивать, и то неполностью, потребности войны лишь к концу 1943 г. Было подсчитано, например, что в 1941 г. артиллерийская промышленность будет способна удовлетворять лишь 6% потребностей действующей армии [6]. Свое недовольство положением вещей Муссолини выразил перемещениями в руководстве военными ведомствами: в октябре 1939 г. он снял своих заместителей по сухопутной армии и военно-воздушным силам.

Внешнеполитические события осенью 1939 г. развивались совершенно не так, как того хотели бы итальянские фашисты. Когда генерал У. Каваллеро от имени дуче привез в Берлин меморандум, доказывавший необходимость оттяжки войны, Гитлер ограничился устным ответом о том, что он «в основном» согласен с мыслями Муссолини. В действительности многочисленные заверения Гитлера в горячей дружбе никогда не мешали ему совершенно не считаться с мнением своего партнера. Муссолини не знал ничего определенного о планах Гитлера: статья «стального пакта» о предварительных консультациях никогда не принималась германской стороной всерьез.

Муссолини ничего не предпринял для того, чтобы добиться хотя бы объяснений в связи со своим меморандумом, и удовлетворился высказанным Гитлером пожеланием личной встречи. Лавры Мюнхена не давали Муссолини покоя, и он надеялся еще раз выступить в роли арбитра в решении европейских проблем. По его приказу итальянское министерство иностранных дел начало разрабатывать проект международной конференции для разрешения данцигского вопроса. Жизнь вскоре показала, насколько он был далек от понимания реального хода дел. Гитлер и Риббентроп решительно отвергли идею международной конференции, которая никак не соответствовала их планам на Востоке. Более того, Гитлер отказал-

[6] *C. Favagrossa*. Op. cit., p. 77—104.

ся от выдвинутого им же проекта встречи с Муссолини, предложив заменить его свиданием министров иностранных дел.

Чиано отправился на встречу с Риббентропом в Зальцбург 11 августа. В первый же момент он понял, что предложение Муссолини абсолютно не соответствует желаниям руководителей Германии, которые твердо решили развязать против Польши войну. Когда же итальянский министр попросил уточнить программу действий Германии, то Риббентроп ответил, что это является секретом фюрера. Единственное, чего Чиано смог добиться от своего коллеги, это — уверения в том, что западные державы не вступятся за Польшу и победа над ней будет быстрой и решительной.

Чиано вернулся в Рим в состоянии крайнего озлобления против Гитлера и Риббентропа: помимо личной обиды, он яснее, чем Муссолини, видел опасность, которую таило в себе беспрекословное следование в фарватере гитлеровской политики. С этого момента антигерманские настроения итальянского министра иностранных дел стали быстро прогрессировать. Впрочем, это не мешало ему послушно исполнять приказы Муссолини, давая волю своим чувствам лишь в кругу близких ему людей. Чиано оказался в странном положении: с одной стороны, он был одним из главных создателей оси и экспансионистские цели итальянской внешней политики требовали укрепления этого союза, а с другой,— он боялся последствий и делал робкие попытки удержать Муссолини от вступления в большую войну.

В первый момент это казалось довольно легким: Муссолини был крайне обижен невниманием Гитлера. Он заявил, что его в настоящий момент интересует лишь «получить свою долю в Хорватии и Далмации», т. е. воспользоваться действиями Гитлера против Польши, чтобы попытаться расчленить Югославию. Однако через некоторое время Муссолини стали обуревать сомнения: он опасался, что Гитлер будет недоволен, если Италия останется в стороне, и даже высказывал опасения, как бы его союзник в порыве гнева не напал вместо Польши на Италию.

К 25 августа, когда военные приготовления Гитлера не оставляли уже никаких сомнений относительно его намерений, Муссолини был окончательно убежден в необходимости «идти плечом к плечу» с Гитлером. Он распорядился в течение ночи подготовить приказ о всеобщей мобилизации. Фашистская Италия готовилась вступить в войну, которую начинал Гитлер. Чиано записал в дневнике: «Муссолини решил вступить в войну немедленно. Бороться бесполезно: я смиряюсь» [7]. Внезапно все изменилось, и произошло это по воле Гитлера. Вечером 25 августа в Рим прибыло послание, в котором Гитлер давал понять, что нападение на Польшу последует

[7] *G. Ciano*. Diario, v I. Milano, 1963, p. 167—168.

в ближайшее время, и просил «понимания с итальянской стороны». Можно было по-всякому толковать эту фразу, но было ясно, что Гитлер не требует немедленного военного вмешательства Италии. Муссолини решил вступить со своим партнером в торг. На следующий день он собрал начальников штабов трех родов войск и приказал им составить список военных материалов, необходимых для того, чтобы Италия была способна вступить в войну. При этом он дал понять, что стесняться в этом случае не следует. В результате получился документ, который, по выражению Чиано, «был бы способен убить быка, если бы он умел читать». В нем значилось 170 млн. тонн военных материалов, для транспортировки которых понадобилось бы 17 тыс. железнодорожных эшелонов. Этот список Муссолини тут же направил Гитлеру, сопроводив его посланием, в котором говорилось, что Италия не готова к войне и может выступить только, если ей будут предоставлены перечисленные военные материалы и сырье [8].

Это было заведомым вымогательством; и при всем желании Германия не способна была выполнить требования итальянцев. В ответе, прибывшем 27 августа, Гитлер просил лишь задержать сообщение о решении Италии соблюдать нейтралитет, продолжать мобилизационные мероприятия, для того чтобы держать в напряжении Францию и Англию. Муссолини согласился на эти условия. Он отменил приказ о всеобщей мобилизации, однако была предусмотрена серия мероприятий, которые показывали готовность Италии выступить: призвана часть офицеров запаса, в городах начались учебные воздушные тревоги. 1 сентября 1939 г., в день начала войны, от имени совета министров было опубликовано официальное коммюнике о том, что Италия сохраняет нейтралитет и «не возьмет на себя инициативу начала военных действий». Последняя фраза была заведомо ложной, поскольку Муссолини торжественно обещал Гитлеру за несколько дней до этого, что Италия вступит в войну «через некоторое время».

Известие о том, что Италия воздержалась от вступления в войну, было встречено с явным облегчением в стране. Помимо естественного стремления к миру это чувство было вызвано сознанием, что подобный шаг ослаблял солидарность с гитлеровской Германией, союз с которой не пользовался никакой популярностью. Все оппозиционно настроенные группы населения хорошо понимали, что победа Германии в войне намного осложнила бы борьбу за свержение фашизма в Италии. Никто не ставил объявление нейтралитета в заслугу фашистскому режиму: всем было ясно, что Муссолини был вынужден пойти на этот шаг против своей воли.

[8] *G. Ciano*. Op. cit., v. I, p. 168—169.

Более того, констатация краха фашистского режима в области военной политики послужила одной из причин роста антифашистских настроений в стране.

После начала военных действий униженный своим бессилием Муссолини почти месяц не произносил речей. Когда он, наконец, взял слово перед активистами партии в Эмилии-Романье, то основной темой его выступления стала необходимость «очистить углы от остатков антифашизма, еврейства и масонов», для того чтобы покончить с пораженческими настроениями. Муссолини знал о настроениях, царивших в стране: в конце августа начальник полиции докладывал ему, что сообщения из конфиденциальных источников говорят об абсолютно отрицательном отношении населения к войне [9]. В то же время были произведены значительные изменения в составе правительства. По общему мнению, большую роль во всех этих перемещениях играли советы Чиано; обновленный состав правительства получил даже название «кабинета Чиано». Его непосредственной креатурой был также новый секретарь фашистской партии Этторе Мути, сменивший на этом посту Стараче. Впрочем, этот суперфашист своими исступленными призывами к «усилению фашистского образа жизни» и грубыми нападками на западные державы вскоре вызвал недовольство могущественного министра иностранных дел.

В области внешней политики короткий период итальянского нейтралитета отмечен неуверенными попытками Муссолини выступить в роли посредника между Германией и ее противниками. Он надеялся направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза, считая, что крестовый поход против коммунизма поднимет роль Италии. 5 января 1940 г. Муссолини направил Гитлеру письмо, в котором выдвигал план компромисса с западными державами путем создания «небольшой разоруженной Польши под германской эгидой» и заклинал Гитлера «не забывать о борьбе с большевизмом»: «Фюрер, вы не можете оставить антибольшевистское и антисемитское знамя, которое вы держали на протяжении 20 лет... Разрешение вопроса о жизненном пространстве Германии находится в России и нигде более» [10]. Гитлер заставил Муссолини довольно долго ждать ответа на это письмо, не имея никакого желания посвящать его в свои замыслы. Лишь 8 марта прибыло ответное послание Гитлера, которое сводилось к выражению решимости искать разрешения всех вопросов силой оружия и уверенности в окончательной победе.

[9] *G. Leto.* OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 205.

[10] Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse, v. VIII, livre II. Paris, 1956, p. 25—26.

Продолжение войны на Западе делало Муссолини все более нетерпеливым. Он был уверен в победе Германии и начинал опасаться, что неучастие в войне лишит Италию возможности территориальных приобретений. «Нейтралитет отбросит нас во вторую группу европейских держав,— говорил он Чиано.— Унизительно сидеть сложа руки, когда другие творят историю. Для того чтобы сделать народ великим, его надо заставить сражаться, пусть даже пинками в зад. Я так и сделаю» [11]. В публичных выступлениях он приписывал всем итальянцам свое стремление к военным авантюрам. Выступая 1 февраля 1940 г. по случаю юбилея фашистской милиции, он заявил, что целиком разделяет жажду итальянцев к сражениям, «тем сражениям, которые нас ждут в скором будущем».

«ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ ВОЙНА»

18 марта 1940 г. Муссолини встретился с Гитлером в Бреннере. К этому времени он был окончательно убежден в необходимости вступления Италии в войну в момент, когда Германия своими успехами создаст условия для решительной победы. «Вступление Италии в войну неизбежно,— говорил он Гитлеру.— Италия намерена идти плечом к плечу с Германией не для того, чтобы оказать ей военную помощь, а потому, что этого требуют ее честь и интересы» [12]. Это был план «параллельной войны», как назвал ее Муссолини, войны, которую Италия надеялась вести, идя по стопам более сильного империалистического хищника.

6 апреля Муссолини направил начальнику генерального штаба меморандум с изложением общего плана ведения военных действий. Этот план предусматривал оборонительные действия на французской границе; накопление сил против Югославии; оборонительные мероприятия на Эгейском море и в Ливии; частичное наступление в Восточной Африке. Наступательные действия должен был вести военно-морской флот во взаимодействии с авиацией. Таким образом, этот план показывал стремление ограничиваться в первое время демонстрационными действиями, чем-то вроде копирования «странной войны», которая в то время велась между Германией и Францией [13].

Штаб военно-морского флота после ознакомления с меморандумом представил свои соображения, в которых руководители

[11] *G. Ciano.* Op. cit., v. I, p. 283.
[12] *F. Catalano.* L'Italia dalla dittatura alla democrazia. Milano, 1962, p. 275.
[13] *Historicus.* Op. cit., p. 93—95.

единственного вида вооруженных сил, для которого предусматривалось ведение активных боевых действий, признавали, что они не в состоянии выполнить должным образом эту задачу.

События в этот период начали развиваться так стремительно, что все предварительные расчеты Муссолини были опрокинуты — 9 апреля гитлеровские войска захватили Данию и начали оккупацию Норвегии. Затем наступила очередь Бельгии и Голландии, которые лежали на пути вторжения во Францию. 29 мая Муссолини собрал совещание начальников штабов и заявил, что начиная с 5 июня следует со дня на день ожидать приказа о выступлении против Франции. Наконец 10 июня, когда немецкие танковые колонны стремительно приближались к Парижу и французское правительство готовилось оставить столицу, Муссолини объявил, что Италия «вступает в сражение» для того, чтобы «разрешить вопрос о морских границах, добившись свободного доступа к океанам». Своим приближенным он объяснил принятое решение более прозаически: «Мне необходимо несколько тысяч убитых для того, чтобы обеспечить себе место за столом мирной конференции» [14]. При всем цинизме эти слова показывали, что глава итальянского государства еще сохранял надежду добиться своих целей, ограничиваясь «малой войной».

Известие о близкой капитуляции Франции повергло Муссолини в уныние: он рассчитывал на короткую, но все-таки войну. Впрочем, это не помешало ему во время встречи с Гитлером в Мюнхене 18 июня, куда он был вызван для обсуждения условий перемирия, выдвинуть к Франции совершенно несоразмерные претензии. Он предлагал Гитлеру оккупацию всей Франции, раздел французского флота, передачу Италии Ниццы, Корсики, Французского Сомали, Туниса и предоставление военных баз в Алжире и Марокко. Гитлер оказался сторонником гораздо более умеренных требований. Он считал «неполитичным» требовать от французов передачи флота: самое большее, что можно было бы пожелать, это, чтобы он был так или иначе нейтрализован [15]. Позиция Гитлера объяснялась стремлением как можно скорее вывести Францию из игры для подготовки непосредственной атаки против Англии.

Для того чтобы как-то оправдать итальянские претензии, Муссолини были срочно необходимы военные успехи. Вечером 20 июня он приказал Бадольо немедленно начать атаку по всему фронту, проникая как можно глубже на французскую территорию. С военной точки зрения эта фронтальная атака была абсурдом. Наступление длилось четыре дня и не принесло победных лавров

[14] Trent'anni di storia italiana (1915—1945). Torino, 1961, p. 265.
[15] *G. Carbone*. Più che il dovere. Firenze, 1955, p. 106—108.

итальянскому командованию, хотя оно обладало по крайней мере тройным превосходством в силах: войска сумели лишь преодолеть французские передовые посты и приблизиться к основной оборонительной линии. Наибольшим было продвижение вдоль побережья, где итальянские войска заняли г. Ментону.

Гитлер решил, что итальянцам следует самостоятельно вести переговоры с Францией. Итало-французская конференция по перемирию началась 24 июня в Риме. Ей предшествовал обмен мнениями между немцами и итальянцами, во время которых Риббентроп, не слишком заботясь о дипломатической форме, говорил своему коллеге Чиано: «Нужно проявлять умеренность. Нельзя, чтобы глаза были больше желудка». Это убедило Муссолини отказаться от планов немедленного создания средиземноморской империи и получить часть французского флота. В письме к Гитлеру 22 июня он сообщил, что итальянская делегация ограничится требованием оккупации той части территории, которую заняли к тому времени итальянские войска[16]. Вечером 24 июня перемирие было подписано. Итальянским генералам, выражавшим недовольство отказом от первоначальных требований, Муссолини объяснил, что это было необходимо, чтобы не создавать «самых серьезных трений с немецким союзником».

Разочарование, постигшее Муссолини в войне с Францией, он пытался компенсировать переходом к активным действиям в Африке. Повторить наполеоновский поход в Египет было его заветной мечтой. 11 июля 1940 г. он распорядился послать «губернатору Ливии» И. Бальбо «все необходимые материалы для того, чтобы он в ближайшее время был в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу важнейшего стратегического и политического значения». Речь шла о решительном наступлении против Египта. Однако недостаток в средствах транспорта, авиации и военной технике был столь велик, что ни Бальбо, ни сменивший его Грациани не решились начать операции крупного масштаба.

В начале августа было решено разбить операции на несколько этапов: целью первого из них был намечен Сиди-эль-Баррани, в 150 километрах от границы, затем должно было последовать продвижение до Мерса-Матрух. Грациани надеялся оттянуть начало операций на возможно поздний срок, ожидая прибытия автосредств, но в конце августа последовал приказ начать наступление немедленно. В тот момент Муссолини считал, что в ближайшее время следует ожидать решительной атаки гитлеровских войск против Британских островов или заключения компромиссного мира. В обоих случаях итальянцам необходим был «хотя бы один бой» против англичан, чтобы претендовать на свою долю добычи.

[16] Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse, v. IX, livre 2, p. 333—417.

14 сентября итальянские войска перешли в наступление и через три дня заняли Сиди-эль-Баррани. Английские войска не оказали какого-либо сопротивления, и достигнутый успех имел совершенно второстепенное значение. Тем не менее он опьянил Муссолини: наконец-то итальянские войска двинулись вперед. Послав горячие поздравления Грациани, он торопил его с продолжением наступления. Но даже ограниченные усилия первого этапа наступления вызвали полное истощение тылового хозяйства итальянской армии, и Грациани удалось добиться отсрочки. Наступление на Египет было опять отложено.

В Восточной Африке итальянская армия располагала подавляющим большинством: против более чем 300-тысячной армии, состоявшей из итальянцев и навербованного местного населения, англичане располагали в Сомали, Кении и Судане 30 тыс. человек. Осенью 1940 г. итальянские войска легко заняли Британское Сомали. Однако наступление против Судана, которое могло в случае решительных успехов осложнить положение английских войск, находившихся в Египте, развито не было. К концу осени англичане сумели подбросить подкрепления в Кению и провести несколько контратак местного значения. Это сразу же заставило итальянские войска перейти к обороне. К концу года положение на всех африканских фронтах стабилизировалось.

«Параллельная война», которую вела фашистская Италия в 1940 г., сводилась к попыткам наступления на окраинных, второстепенных театрах военных действий, в то время как Германия сковывала главные силы противника. Эта общая стратегическая линия не могла оставить в стороне Балканы, которые служили давнишним центром притяжения для дипломатии фашистской Италии. Захватнические планы здесь касались в первую очередь двух стран: Югославии, у которой фашистская Италия хотела отнять Далмацию и Хорватию, и Греции, где ее аппетит разжигали Корфу и северная часть Эпира. Против обеих этих стран Муссолини замышлял нападение еще летом 1940 г. Горячим сторонником агрессии на Балканах выступал также Чиано, который рассчитывал, что наступление в этом направлении будет вестись не только независимо от Германии, но и против ее интересов. В июле 1940 г. были разработаны оперативные планы военных действий против Югославии. В августе аналогичные распоряжения были отданы относительно Греции.

Вмешательство Гитлера, как это уже не раз случалось, охладило воинственный пыл Муссолини и Чиано. В середине августа Риббентроп сообщил вновь назначенному итальянскому послу Д. Альфьери, что, по мнению Гитлера, сейчас не следует предпринимать никаких акций против Югославии и Греции, а следует сконцентрировать все силы против Англии. Муссолини уступил и

отменил приказы о военных действиях против этих стран. Одновременно он подчинился еще одному вето, наложенному Гитлером на попытки, предпринятые итальянской дипломатией для сближения с Советским Союзом. В этот период Чиано, несмотря на весь свой антикоммунизм, стремился к улучшению отношений с Советским Союзом, надеясь найти в нем опору против немецких притязаний на Балканах. Два раза начинались советско-итальянские переговоры, и оба раза итальянская сторона отказывалась от них в результате немецкого нажима [17].

В этот период Гитлер уже начинал готовиться к нападению на Советский Союз. 27 сентября 1940 г. Риббентроп, Чиано и японский посол подписали трехстороннее соглашение. Хотя в нем и содержалась оговорка о том, что условия пакта не меняют отношений каждой из сторон с Советским Союзом, Риббентроп сказал Чиано в частной беседе, что он считает пакт направленным в равной степени против США и Советского Союза. Распространение влияния на Балканы было одним из важных элементов подготовки гитлеровской агрессии против Советского Союза. 12 октября Гитлер объявил, что «по просьбе румынского правительства» немецкая армия берет на себя защиту румынских нефтепромыслов. Неожиданная акция Гитлера, проведенная без предварительной консультации, вывела из себя Муссолини. «На этот раз я отплачу ему той же монетой: он узнает из газет, что я занял Грецию». Занося эти слова в дневник, Чиано добавил: «Я нахожу эту операцию полезной и легкой» [18]. Было принято решение о нападении на Грецию, которое обернулось совсем не так, как это думали Муссолини и его министр иностранных дел.

12 октября, т. е. почти за две недели до начала агрессии, начальник генерального штаба Бадольо еще не знал, что Муссолини решил в ближайшем будущем «сломать грекам ребра». Начальник военной разведки генерал Аме также не был поставлен в известность [19]. 15 октября состоялось совещание, на котором дата начала операций была намечена на 28 октября. В этот день итальянский посол в Афинах разбудил греческого премьера и представил ему совершенно неприемлемый ультиматум, дав на размышление три часа. На рассвете итальянские дивизии, расположенные в Албании, перешли границу и начали продвижение в глубь страны. Наступление было крайне плохо организовано, кроме того, уже в первые же дни греческая армия стала оказывать стойкое сопротивление. 9 ноября итальянское наступление остановилось.

[17] *M. Toscano*. Una mancata intesa italo-sovietica nel 1940 e 1941. Firenze, 1953.

[18] *M. Cervi*. Storia della guerra in Grecia. Milano, 1965, p. 11

[19] *C. Amè*. Guerra segreta in Italia. Roma, 1954, p. 26

Непредвиденный оборот, который приняла война в Греции, привел в ярость Муссолини. «Назовите мне ответственных, и я заставлю всех расстрелять»,— кричал он. Расстрелян никто не был, но со своего поста был снят главнокомандующий войсками генерал С. Висконти Праска. Смена командующего не исправила положения, и итальянская армия отступила на территорию Албании. Войска несли большие потери, и было очевидно, что Италия накануне крупного военного поражения. Это вызвало крайнее беспокойство в Берлине, где сочли, что неудачи итальянцев наносят удар по престижу оси. В резком письме, адресованном Муссолини, Гитлер выразил недовольство несвоевременно начатой войной. Необходимо было найти козла отпущения более крупного калибра, чем главнокомандующий в Греции. Им стал начальник генерального штаба П. Бадольо, публично обвиненный в «недостаточной предусмотрительности и неправильно выбранном времени». Бадольо был вынужден подать в отставку. Его место занял генерал У. Каваллеро, известный своими прогерманскими взглядами и умением ладить с немецкими руководителями. По совместительству Каваллеро принял на себя командование итальянскими войсками в Греции.

Конец 1940 г. ознаменовался также серьезным поражением итальянских войск в Африке. 9 декабря англичане, получившие к тому времени подкрепления, перешли в контрнаступление в Египте. В первый же день позиции итальянцев были смяты, и началось беспорядочное отступление. 10 декабря пал Сиди-эль-Баррани, через две недели капитулировала Бардия, а затем Тобрук. Практически итальянская армия в Киренаике была разгромлена: на каждом этапе боев десятки тысяч солдат сдавались в плен. Из всей армии Грациани уцелело около 10 тыс. человек, в то время как около 150 тыс. оказалось в плену. Продолжая наступление, англичане легко могли захватить также Триполитанию, однако их силы были отвлечены событиями в Греции.

Катастрофическое положение в Северной Африке во многом было предопределено ходом морских операций на Средиземном море, которым Муссолини в «общем плане войны» отводил решающее значение. Итоги морских операций к концу 1940 г. были весьма неутешительными для Италии. После нейтрализации французского флота силы англичан и итальянцев на Средиземном море оказались примерно равными; правда, англичане имели некоторое превосходство в авиации, которую они использовали более рационально. Кроме того, значительную роль в нарушении итальянских перевозок по морю сыграла военно-морская база на Мальте, планы захвата которой много раз разрабатывались итальянским генеральным штабом, но ни разу не были осуществлены. Сражения на Средиземном море проходили с переменным успехом, пока

ночью 11 ноября английские самолеты-торпедоносцы не осуществили успешной операции против военного порта Таранто, где концентрировались основные силы итальянского флота. В результате налета были выведены из строя сразу три линейных корабля, что дало перевес английском флоту.

УСИЛЕНИЕ АНТИФАШИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В СТРАНЕ

Муссолини никогда не был высокого мнения о качествах итальянской нации. Однако после начала войны его высказывания приобрели характер самых горьких упреков. «Я должен признать,— говорил он своему зятю Чиано,— что итальянцы 1914 г. были лучше нынешних. Это неприятный результат для фашистского режима, но это так» [20]. Это были доверительные признания Муссолини, сделанные близкому ему человеку. В официальных же выступлениях гнев диктатора распространялся на ту часть итальянского общества, которую он называл «буржуазией». Выступая перед главными редакторами газет незадолго до вступления Италии в войну, он обвинял итальянскую буржуазию в нежелании поступиться своими интересами и в пацифистских настроениях.

Выпады дуче были тотчас же подхвачены официальной прессой, которая стала усердно ругать «имущие классы». Журнал фашистской партии «Джераркия» писал, что «имущие классы» представляют фашизм «как постоянную вооруженную армию против опасности большевизма». Не отрицая, что на первом этапе функции фашистского режима носили «репрессивный характер», журнал писал далее: «Теперь дело обстоит иначе; для того чтобы быть фашистом, есть только один путь: чувствовать себя частью народа, разделяя его стремление к справедливости, даже если для этого придется вылезти из мягкого кресла и пойти на некоторые материальные лишения» [21].

Все это отражало быстрое увеличение разрыва между фашизмом и массами, который вызывал тревогу в фашистских верхах и порождал попытки как-то восстановить положение. Демагогические выпады против «буржуазии», объявленной носителем духа пацифизма, были одним из элементов такой политики. Эти выпады мало беспокоили представителей руководящих кругов буржуазии, выражавших в то время полную солидарность с политикой фашизма. Подготовка к войне и ее начало намного увеличили вес военно-автаркических монополий, которые наживались на военных заказах. Финансовая и промышленная верхушка, королевский двор

[20] *G. Ciano*. Op. cit., v. I, p. 381.
[21] *F. Catalano*. Op. cit., p. 179.

и генеральный штаб были полностью солидарны с фашизмом в его военной политике. Разногласия по поводу того, когда именно следует начать войну и на кого в первую очередь напасть, носили второстепенный характер и не затрагивали единства руководящих кругов правящего класса. Никто из руководящих буржуазных деятелей не показал, что он сознает грозящую опасность, нависшую над страной. Никто из них не проявил простой заботы о национальных интересах страны. Поэтому Муссолини смог так опрометчиво и нерасчетливо вступить в войну, исход которой в любом случае не мог принести Италии ничего хорошего.

Основная масса буржуазии, если и не проявляла по мнению Муссолини достаточной воинственности, то во всяком случае не выдвинула из своей среды достаточно сильных оппозиционных групп, способных выступить против военных авантюр фашизма. Недовольство в ее среде было связано главным образом с мелкими лишениями, которые ей пришлось переживать в связи с различными ограничениями, вызванными войной. Акты фашистского особого трибунала, опубликованные в 1961 г., говорят о резком возрастании числа политических процессов в 1940—1941 гг. При этом люди, осужденные за различного рода антифашистские и антивоенные выступления, принадлежали к трудящимся классам. Наибольшее число приговоров выносилось за «пораженчество», «антинациональную пропаганду» и «оскорбление дуче».

Среди осужденных особенно много было солдат, еще недавно бывших рабочими и крестьянами. Так, один солдат альпийской армии писал в дни нападения на Францию: «Здесь все плохо и виноват в этом только свинья Муссолини». На сержанта Драго, туринского рабочего, поступил донос: он говорил в казарме, что с большей охотой пустил бы в ход штык против фашистов, чем против французов. Крестьянин из Толентино заявил во всеуслышание, что англичане потому так легко побеждают в Африке, что итальянцы с охотой могут сражаться только против фашистов. «Я считаю греков своими братьями и не хочу воевать против них» [22],— писал солдат Чуфоли своим родным. Десятки и сотни приговоров военного трибунала говорили о том, что итальянские солдаты не желали принимать участия в империалистической войне.

Все более массовую форму принимала оппозиция фашистскому режиму среди молодого поколения. Со страниц университетских журналов раздавались требования, которые вызывали растерянность фашистских руководителей печати. Журналы фашистских молодежных организаций все более превращались в очаги опасного свободомыслия. Настроение молодого поколения показывало,

[22] *A. Dal Pont, A. Leonetti, P. Maiello, L. Zocchi.* Aula IV. Roma, 1961, p. 410, 427, 438.

что оно устало жить в атмосфере слепой веры фашистской пропаганде. «Много говорили и болтали о новой цивилизации, о новой культуре, которые должны были возникнуть из революции: но где же практические, видимые результаты?» — задавал вопрос автор одной из статей. Другой журнал требовал «покончить с кастой неприкасаемых» — тех фашистов, которых ограждали от критики их высокие посты и звания, и спрашивал, почему трудящиеся и студенты обязаны молча выслушивать длинные и бессодержательные речи «заслуженных болванов» [23].

«В целом накануне вступления Италии в войну и сразу же после него,— пишет Э. Сантарелли,— эти «фашистские антифашисты» все активнее занимались анализом «ошибок внутри режима», переходя к критике самого режима» [24].

Оппозиционные группы в этот период начинают все более дифференцироваться по партийному признаку. Наибольшее количество приговоров за эти годы выносилось за «организацию коммунистических групп», «коммунистическую пропаганду», «распространение коммунистической литературы». Иногда во главе коммунистических групп становились представители старого поколения, но часто они целиком состояли из молодежи, выросшей и воспитанной в период фашистского режима.

В организационном отношении все антифашистские партии с начала войны переживали трудное время. Особенно тяжелым этот период был для коммунистов, против которых было направлено острие фашистских репрессий. Осенью 1939 г. антикоммунистическая волна, прокатившаяся по Европе, нанесла чувствительные потери руководящим кадрам Коммунистической партии Италии. В сентябре в Париже были арестованы П. Тольятти, Л. Лонго и некоторые другие руководящие работники. Столица Франции, в течение долгого времени служившая одним из центров политической итальянской эмиграции, оказалась под контролем немцев. После короткого периода замешательства, старый Центральный комитет компартии был распущен и образованы новые руководящие органы узкого состава. Компартия еще раз доказала свою способность выдерживать самые тяжелые удары противника, применяясь к новым условиям.

Основой политической линии партии в этот период было создание возможно более широкого фронта сил, способных бороться против войны и диктатуры Муссолини. Важнейшими документами, отражавшими деятельность партии, были Декларация в связи с вступлением Италии в войну (июнь 1940 г.) и Обращение компартии к народу, опубликованное в мае 1941 г. В декларации

[23] *F. Catalano.* Op. cit., p. 280—281.

[24] *E. Santarelli.* Storia del movimento e del regime fascista, v. II. Roma, 1967, p. 387.

1940 г. компартия характеризовала войну как катастрофу для итальянского народа и указывала, что Италия жизненно заинтересована в том, чтобы немедленно прекратилась эта кровавая бойня. В Декларации указывалось, что возглавить борьбу против войны и фашизма должна мощная четырехмиллионная армия промышленных рабочих, сконцентрированных на предприятиях Милана, Турина и других городов. Коммунистическая партия призывала трудящихся к борьбе за прекращение военных действий, восстановление демократических свобод, освобождение всех политических заключенных, арест и предание суду фашистских главарей. Для достижения этих целей партия призывала к объединению все антифашистские политические силы.

Обращение в мае 1941 г. констатировало, что участие в войне на стороне гитлеровской Германии привело к низведению Италии до положения вассала германского империализма. «Продолжение и расширение войны,— говорилось в Обращении,— означает для нашей страны новые бедствия, толкает итальянский народ к неизбежной катастрофе... Итальянский народ всегда боролся героически, когда он знал, что борется за свою независимость, за свою свободу. Его сыны не хотят воевать теперь, и они правы, потому что дело, ради которого их послали на смерть,— не в интересах нашей страны» [25].

Ни первый, ни второй документы не содержали положений, которые могли сузить фронт борьбы, оттолкнуть какие-либо группы, способные стать союзниками коммунистов. Наоборот, их сравнение показывает стремление устранить формулировки, которые могли бы вызвать протесты со стороны других политических партий. В этих документах не ставился вопрос о форме социального строя будущей Италии. В первом из них говорилось, что «только правительство рабочих и крестьян способно положить конец капиталистической эксплуатации и войне». Во втором — вопрос о рабоче-крестьянском правительстве не поднимался, а в качестве конечной цели указывалось создание «правительства, вышедшего из народа и опирающегося на народ». Оба документа содержали требование восстановления демократических свобод: во втором из них оно было дополнено пунктом о конституционных гарантиях.

Эти документы свидетельствовали не только о последовательности линии компартии; они опровергали глупую клевету буржуазных деятелей, которые утверждали, что до нападения Германии на Советский Союз итальянские коммунисты недостаточно хорошо понимали необходимость борьбы против фашизма.

[25] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 481—482.

Из антифашистских групп других направлений активность проявляло движение «Справедливость и свобода»; стали появляться оппозиционные группы католического направления. Первые состояли главным образом из молодых интеллигентов и существовали в университетах Пизы, Рима, а также в некоторых городах Тосканы и Апулии. Они были немногочисленными, но в них участвовали некоторые видные представители культуры, такие, как А. Капитини, Г. Калоджеро, П. Каламандреи, М. Делле Пьяне и др. Оппозиция среди католиков опиралась на осуждение нацизма Пием XII после захвата Гитлером католической Польши. Для многих католиков это осуждение затрагивало также и фашизм, вступивший в тесный союз с нацизмом.

Рубеж 1940—1941 гг. послужил определенным этапом в падении престижа фашистского режима в Италии. Лживость утверждений о «социальном обновлении» общества, которое символизировала корпоративная система, была очевидной еще до этого и служила причиной освобождения значительной части молодого поколения из-под влияния фашизма. Теперь под влиянием поражений, которые несла итальянская армия в Греции и Африке, разваливался миф о могучей и великой Италии, на протяжении многих лет взращенный усилиями фашистской верхушки. Призыв в армию крупных контингентов из запаса давал возможность многим убедиться на собственном опыте в абсолютной неподготовленности Италии к военным походам. В то же время роль младшего партнера Германии унижала национальное достоинство итальянцев, а методы действий гитлеровцев вызывали неприязнь и отвращение.

Рост враждебности к фашистскому режиму становился столь очевидным, что он вызывал нечто вроде паники у представителей правящей верхушки. Чиано, по его словам, советовал Муссолини «сделать что-нибудь, чтобы поднять моральное состояние людей. Нужно обратиться к сердцу итальянцев. Дать им понять, что речь идет не о судьбе фашистской партии, а о Родине, вечной, общей для всех, стоящей над людьми, временем и фракциями» [26]. Таким образом, фашистские иерархи в трудный момент начали отличать понятие родины от фашистского режима, для того чтобы заставить итальянцев жертвовать собой; это произошло после того, как на протяжении многих лет они доказывали нерасторжимость этих понятий. Между тем итальянцы не только разделяли их, но и все более открыто обвиняли фашистский режим в несчастьях родины.

За несколько дней до того, как Чиано сделал эти записи, начальник корпуса карабиньеров генерал Азон в беседе с адъю-

[26] *С. Ciano*. Op. cit., v. I, p. 314.

тантом короля П. Пунтони рисовал положение в стране в самом мрачном свете: «Недовольство масс растет. Гнев народа направлен против Чиано и его окружения». В конце декабря начальник военной разведки генерал Аме говорил тому же Пунтони: «В этот момент бо́льшая часть итальянцев хочет мира любой ценой. Это моральная катастрофа, порожденная недоверием к политическим и военным руководителям. Фашизм переживает самый тяжелый кризис, и Муссолини потерял почти весь свой престиж»[27].

Может быть, представители военной верхушки, тяготевшие к королевскому двору, несколько сгущали краски; тем не менее фашизм явно начинал терять почву под ногами, и это понимал сам Муссолини. Дневник Чиано за этот период полон записей о яростных выпадах дуче против армейских генералов, которых он обвинял в неспособности, против короля — «единственного пораженца в Италии» и даже против немцев и Гитлера. Муссолини грозился произнести речь о «тайных пороках итальянцев» и устроить «после победы» грандиозную чистку среди своих приближенных. Главным ответственным за несостоятельность «внутреннего фронта» он считал секретаря фашистской партии Мути, который в октябре 1940 г. лишился своего поста. Одновременно были сняты с постов несколько министров.

Весьма показательно, что моральный и политический кризис итальянского фашизма начал развиваться в период, когда население страны еще не испытывало в полной мере материальных лишений, связанных с участием в войне. Вступление в войну вызвало огромное напряжение итальянских финансов: бюджет 1939/40 г. закрылся с дефицитом в 28 млрд. лир; в следующем финансовом году эта цифра выросла более чем в два раза[28]. Для привлечения средств населения фашистское правительство прибегало к увеличению налогов и выпуску займов: займы выпускались непрерывным потоком, и их распространение сопровождалось откровенным принуждением. В 1940 г. начала вводиться карточная система; к середине 1941 г. основные продукты питания стали выдаваться по карточкам. Тем не менее до конца этого года продовольственные затруднения в Италии не были бо́льшими, чем в других странах, находившихся в состоянии войны. Однако они оказывали сильное влияние на моральное состояние населения, поскольку усиливали уже определившийся разрыв между фашизмом и страной.

[27] *F. Catalano*. Op. cit., p. 291.
[28] *C. Demaria*. Problemi economici e sociali del dopoguerra. Milano, 1951, p. 40.

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОЕННОЕ ПОРАЖЕНИЕ ИТАЛИИ

Первые месяцы 1941 г. окончательно развеяли иллюзии о возможности для Италии вести свою собственную «параллельную войну». В конце января Гитлер сообщил Муссолини о том, что Германия намерена вскоре вмешаться в войну в Греции, а также послать войска в Северную Африку. Муссолини ничего не мог возразить на это предложение, за которым скрывалось неверие Гитлера в возможности итальянской фашистской армии. Однако он стал лихорадочно торопить начальника генерального штаба Каваллеро с началом контрнаступления в Греции, надеясь нанести решающий удар до вмешательства немцев. 9 марта итальянская армия попыталась перейти в атаку. Ее провал стал очевиден в первые же часы, однако еще пять дней итальянские генералы бросали вперед солдат, что привело к новым бессмысленным жертвам.

Перейти в наступление итальянские войска в Греции смогли только 13 марта, после того как немецкие дивизии, заняв Югославию, нанесли решающий удар грекам с тыла. 24 апреля Греция была вынуждена подписать перемирие. За шесть дней до этого капитулировала Югославия, в военных действиях против которой участвовал также итальянский корпус. В награду Муссолини получил часть Словении и побережье Далмации. Кроме того, под протекторатом Италии было создано марионеточное хорватское королевство во главе с А. Павеличем. Королем этого нового государства был провозглашен герцог Сполетский, который по этому случаю принял имя Звонимира, однако предпочитал не показываться в Хорватии. Итальянские войска участвовали и в оккупации Греции.

Все это служило слабым утешением за горечь понесенных поражений. Решительность, с которой действовали немцы в Югославии и Греции, лишь еще больше подчеркнула неспособность итальянских генералов и неподготовленность войск. Главным итогом было установление контроля гитлеровцев на Балканах, которые Муссолини и Чиано так хотели превратить в сферу влияния Италии.

Было ясно, что итальянская армия не в состоянии решать самостоятельно задачи крупного масштаба. Это подтверждал также ход военных действий в Африке. В течение первых месяцев 1941 г. итальянцы потеряли одну за другой свои позиции в Восточной Африке; все это происходило без какого-либо серьезного сопротивления, часто лишь под угрозой наступления английских войск. 5 мая английские войска без боя заняли Аддис-Абебу, и вскоре вице-король Эфиопии герцог Аосты, командовавший итальянскими войсками в Восточной Африке, сдался вместе со

штабом в плен. Несколько итальянских гарнизонов продолжали сопротивление до осени 1941 г., однако фактически империя Муссолини прекратила свое существование.

В Северной Африке ход событий изменился в начале февраля, после прибытия туда немецкого бронетанкового корпуса генерала Роммеля. Немецкий генерал быстро убедился, что в Киренаике не имеется британских «превосходящих сил», как это сообщала итальянская разведка, и решил произвести внезапную атаку. Перейдя в наступление 1 апреля, войска Роммеля через три дня вошли в Бенгази, а 13 достигли Бардии: за две недели они захватили всю Киренаику, отвоевав все, что было до этого потеряно итальянцами. Однако дальнейшее продвижение вперед было задержано активизацией английского флота на Средиземном море, затруднившего подвоз снабжения. Затем последовало событие, которое не только заставило фашистские государства отказаться от торжественного вступления в Каир, но и изменило весь ход второй мировой войны.

22 июня Гитлер без всякой предварительной консультации с Муссолини напал на Советский Союз. Это означало, что отныне все внимание немецкой армии будет сконцентрировано на Восточном фронте и фашистская Италия не сможет больше рассчитывать на увеличение помощи немцев на Средиземном море. Оставшись один на один со своими противниками, итальянская армия была не в силах противостоять их напору. Таким образом, вступление в войну Советского Союза не только предопределяло военное поражение Италии, но и в конечном счете решало судьбу фашистского режима. В то время Муссолини был далек от понимания этой перспективы. Он был давнишним сторонником войны против Советского Союза и всегда гордился тем, что Италии принадлежит приоритет в начале борьбы против большевизма.

Первой мыслью Муссолини, разбуженного среди ночи сообщением о начале войны на Востоке, была мысль о посылке итальянского экспедиционного корпуса на новый фронт. Он хорошо понимал роль нового фронта и считал, что присутствие там итальянских войск необходимо. «В ночь на 22 июня,— объяснял он позднее своим министрам,— Гитлер сообщил мне о своем решении атаковать Россию. Это было историческим решением, и я сразу осознал его значение для будущего Германии и Европы. Перед лицом этих грандиозных событий, способных изменить лицо мира, Италия не может отсутствовать на новом фронте и должна активно участвовать в новой войне» [29].

Предложение Муссолини о посылке войск было более чем холодно встречено Гитлером, который весьма низко оценивал боевые

[29] *G. Gorla.* L'Italia nella seconda guerra mondiale. Milano, 1959, p. 40.

качества итальянской армии. Тем не менее итальянские дивизии с поспешностью стали готовиться к отправке, и уже в августе итальянская печать сообщила, что экспедиционный корпус, предназначенный для отправки в Россию, переброшен к месту операций. Этот корпус состоял из трех отборных дивизий итальянской армии под командованием генерала Мессе. «Я вижу, как вы смело и решительно пересекаете румынскую границу и ценой огромных усилий продвигаетесь в глубь необъятных просторов Украины, которая завтра станет житницей победителей» [30],— такими словами напутствовал Мессе своих солдат, месивших грязь на дорогах под осенним дождем.

Подчеркивая значение, которое он придает участию итальянских войск в войне против СССР, Муссолини попросил Гитлера разрешения посетить советско-германский фронт. В августе 1941 г. он осмотрел развалины Брестской крепости, а затем вместе с Гитлером принял парад итальянских частей в районе Умани. Задуманный как демонстрация солидарности по оружию, этот парад закончился большим конфузом: Муссолини был недоволен недостаточно воинственным видом солдат, а немцы не скрывали своей уверенности, что итальянские солдаты разбегутся при первом же выстреле. Несмотря на все старания итальянского командования, экспедиционный корпус оказался плохо подготовленным для серьезной войны. Итальянские дивизии не поспевали за передвижениями немецких колонн и лишь в ноябре заняли сектор фронта в Донбассе.

Между тем основные силы итальянской армии продолжали вести войну в Северной Африке. В ноябре 1941 г. англичане перешли в наступление и освободили гарнизон г. Тобрук, который выдержал многомесячную осаду. Затем они продолжили продвижение вперед и оттеснили к концу года итало-немецкие войска за пределы Киренаики. Во время этого отступления возникли серьезные разногласия между Роммелем и генералом Бастико, сменившим Грациани на посту итальянского командующего. Несмотря на то что немецкие войска были в меньшинстве, Роммелю удалось фактически стать хозяином смешанной союзной армии. Пользуясь в то время неограниченным доверием Гитлера, ему удалось навязать итальянцам и общую схему ведения операций на Средиземном море.

Основную угрозу морским перевозкам из Италии в Африку, от которых зависел исход операций, продолжала составлять Мальта. Начальник итальянского генерального штаба Кавальеро был сторонником захвата этой базы. Для проведения операции на Сицилию и в Южную Италию перебросили два немецких авиационных

[30] La tragedia dell'ARMIR nelle arringhe di Sotgiù a Paone. Milano, 1960, p. 216.

корпуса. Однако Роммель считал, что достаточно нейтрализации Мальты силами немецкой авиации, для того чтобы обеспечить снабжение решающего наступления в Северной Африке. Действительно, в конце января 1942 г. итало-немецкие войска перешли в контрнаступление.

Неожиданные успехи заставили сначала отложить, а затем отменить операцию по захвату Мальты. Гитлер выступил сторонником тезиса Роммеля о «продвижении в сердце Египта до последней возможности». Перспектива триумфального выезда в Каир подействовала магически на Муссолини: в конце июня он прибыл в Северную Африку, где провел более месяца, с нетерпением ожидая решающей победы.

Муссолини предусмотрительно подобрал кандидатуру на пост губернатора Египта. Однако в июле продвижение к Александрии натолкнулось на сопротивление англичан у Эль-Аламейна. В конце августа Роммель предпринял новую атаку, но англичане стояли твердо. Положение итало-немецких войск становилось все более трудным: снятие осады с Мальты позволило англичанам активизировать эту базу и почти полностью парализовать снабжение войск оси в Африке.

В октябре 1942 г. английская 8-я армия под командованием генерала Монтгомери перешла в решительное наступление. В начале ноября отступление итальянских дивизий перешло в беспорядочное бегство. Итальянские солдаты массами сдавались в плен. Большие потери понесли также немецкие дивизии. К концу 1942 г. итальянские войска отступили вместе с остатками немецких войск в Тунис. Таким образом к концу 1942 г. Италия потеряла в Африке все владения, в том числе и Ливию, которая была итальянской колонией еще до фашистского режима.

На советско-германском фронте летом 1942 г. итальянский корпус превратился в армию, имевшую в своем составе 10 дивизий. Посылка шести новых дивизий вызывалась не военными соображениями или требованиями союзников, а политическими расчетами Муссолини. «За столом мирной конференции 200 тыс. солдат экспедиционной армии будут много весить. Намного больше, чем 60 тыс. экспедиционного корпуса»,— объяснял он командующему корпусом генералу Мессе [31]. Вначале Муссолини планировал послать на советский фронт целых 20 дивизий и лишь абсолютная материальная невозможность собрать такое количество войск воспрепятствовала выполнению его планов.

Итальянские войска на советском фронте осенью 1942 г. заняли сектор в 270 км на Дону, южнее Воронежа. Вместе с венгерской и румынской армиями они должны были держать оборону, обеспе-

[31] *G. Messe.* Guerra sul fronte russo. Roma, 1947, p. 178.

чивая левый фланг гитлеровских войск, двигавшихся к Сталинграду. Здесь они надеялись провести зиму, мало зная о гигантской битве, развернувшейся на берегах Волги.

16 декабря советские войска Юго-Западного фронта, предотвращая попытки гитлеровских дивизий прорваться к окруженной в Сталинграде армии Паулюса, нанесли удар по правому флангу и центру расположения итальянских дивизий. В первые же дни фронт был прорван на многих направлениях, и колонны отступавших дивизий потянулись на запад по заснеженным донецким степям. К 22 декабря фронт на этом направлении развалился, дивизии, находившиеся на правом фланге итальянского сектора, оказались в окружении. 17 января последовал удар советских бронетанковых колонн Воронежского фронта, которые окружили и обратили в бегство остатки итальянской армии. Нарушение связи между отдельными частями и вызванная этим паника привели к тому, что итальянская армия потеряла более половины своего состава, всю артиллерию и большую часть вооружения. В конце января остатки итальянских войск были сняты с фронта, а затем отправлены в Италию. Для переброски экспедиционной армии в Италию понадобилось почти в десять раз меньше эшелонов, чем для ее отправки на фронт.

Разгром гитлеровских войск под Сталинградом предопределил судьбу итало-немецких войск в Северной Африке. 8 ноября 1942 г. англо-американские войска начали высадку в Алжире и Марокко. Маршал Кессельринг, командовавший немецкими войсками в Италии и на Средиземном море, прибыл 15 января в Рим, для того чтобы сообщить, что критическое положение на советском фронте исключает возможность присылки каких-либо подкреплений в Африку. Тем самым немецкие и итальянские дивизии в Тунисе были обречены на гибель. Заключительный этап войны в Африке свелся к медленному затягиванию кольца вокруг итало-немецких войск, которые капитулировали в начале мая 1943 г.

Неудачи военных походов итальянского фашизма нельзя свести только к технической неподготовленности его вооруженных сил, как это делают в своих мемуарах представители итальянской военной верхушки. «Итальянские солдаты, несомненно, сражались не выше своих возможностей. Напротив, надо признать, что часто они сражались хуже, чем могли. Именно это и явилось первым осуждением со стороны масс разбойничьих действий фашистского империализма» [32],— пишет А. Тромбадори, бывший во время войны офицером действующей армии. Вступая в контакт с населением оккупированных стран, сталкиваясь с борьбой этих народов

[32] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 384.

против захватчиков, итальянские солдаты все более убеждались в несправедливости войны, в которой они участвовали. В горах Балканского полуострова, на заснеженных просторах Украины и в африканской пустыне у солдат рождалось новое сознание, которое итальянский историк Р. Батталья назвал «военным антифашизмом» [33].

Этот антифашизм, порожденный непосредственным опытом солдат, сливался с политическим антифашизмом передовых демократических сил и все более увеличивал изоляцию режима Муссолини.

КРИЗИС ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 25 ИЮЛЯ 1943 Г.

Начиная с 1941 г. итальянская промышленность испытывала самые серьезные затруднения, главным образом из-за нехватки сырья и топлива. Особенно тяжелым было положение со снабжением углем и жидким топливом. Основным поставщиком угля являлась Германия, с которой было заключено соглашение о поставке 12 млн. тонн в год. Однако после начала войны против Советского Союза поставки угля резко сократились. Еще тяжелее было положение с нефтью. Накопленные до войны запасы к концу 1941 г. почти истощились, а нефти, получаемой из Румынии и Албании, было совершенно недостаточно. В стране ощущался острый недостаток стали, что сокращало выпуск оружия, не хватало электроэнергии, всех видов цветных металлов, каучука и других стратегических материалов. К концу 1941 г. 729 предприятий, выполнявших военные заказы, были вынуждены закрыться. С середины 1942 г. начался спад даже в тех отраслях, которые с началом войны несколько расширили свое производство, а в первые месяцы 1943 года, как отмечалось в отчете конфедерации итальянских промышленников, свертывание итальянской индустрии «достигло масштабов всеобщего упадка» [34].

Со второй половины 1941 года стало ухудшаться быстрыми темпами и экономическое положение населения. Эмиссия бумажных денег вызывала инфляцию и рост цен на свободном рынке. В то же время продуктовая норма, выдаваемая по карточкам, была крайне низкой. На день выдавалось 150 граммов хлеба, 20 граммов мяса и незначительное количество других продуктов. Бо́льшую часть продуктов население покупало на рынке по спекулятивным ценам. Если в 1938 г. хлеб стоил на рынке 1,8 лир за килограмм,

[33] Trent'anni di storia italiana (1915—1945), p. 271.
[34] Industria italiana alla metà del secolo XX. Roma, 1953, p. 2.

то в 1943 г. его цена достигла 8,5 лиры. Цена муки за это же время поднялась с 3 лир за килограмм до 9 лир, масла — с 15 лир до 122, оливкового масла — с 7,8 лир до 640, сахара — с 7 до 50 и т. д. [35] Ограничения охватывали все стороны жизни итальянцев: строго нормировано было потребление электроэнергии как для общественных учреждений, так и для личных нужд. Со значительными затруднениями работал транспорт, продолжались реквизиции металлических изделий.

В стране не хватало шерсти и хлопка; продажа тканей населению была резко сокращена, а некоторых изделий, например меховых, прекратилась вовсе.

О колоссальном росте спекуляции говорило введение с 1942 г. суровых мер для нарушителей законов о торговле. В этом году были приговорены к расстрелу несколько спекулянтов: печать с целью устрашения широко оповещала об этих процессах население. Предпринимаемые меры не достигали цели. Более того, среди лиц, осужденных за махинации, все чаще стали попадаться функционеры фашистской партии. С осени 1941 г. все большее число фашистов исключалось из партии и предавалось суду за «моральное разложение».

Было известно, что в операциях на черном рынке замешаны самые высокие сферы правящих групп. Так, осенью 1942 г. министр финансов Риккарди вскрыл спекуляцию золотом, осуществлявшуюся с помощью дипломатической почты семьей Петаччи. Поскольку дело шло об отце любовницы Муссолини, то все ограничилось объяснением в семейном кругу. Однако сведения об этом скандале стали достоянием гласности.

Быстрый рост недовольства в стране давал возможность политическим партиям значительно активизироваться. Наибольших успехов достигла коммунистическая партия, которая летом 1941 г. восстановила обмен курьерами заграничного центра с организациями важнейших промышленных центров Северной Италии. Партийная работа была построена на основе единой политической линии, значительно улучшилась пропагандистская работа в массах. В стране стало появляться все больше листовок и других печатных материалов, издаваемых коммунистическими группами. С середины 1942 г. в Италии возобновилось нелегальное издание центрального органа партии — газеты «Унита».

Все это облегчало итальянским коммунистам работу по созданию единого фронта антифашистских сил, как за границей, так и в самой Италии. Первое официальное соглашение было достигнуто с движением «Справедливость и свобода». В октябре 1941 г. во Франции состоялась конференция, в которой вместе с коммуни-

[35] Trent'anni di storia italiana (1915—1945), p. 294.

стами и социалистами приняли участие представители этого движения. В воззвании, принятом на конференции, осуждалось участие Италии в нападении на Советский Союз и указывалось, что неизбежная победа государств, борющихся против гитлеровской Германии, будет одновременно победой дела независимости и демократии в Италии. Представители трех партий решили создать постоянный Комитет действия по объединению итальянского народа и призвали вступить в него другие политические силы [36].

Осенью 1942 г. в Северной Италии стали возникать межпартийные органы под названием комитетов национального фронта. Кроме партий, образовавших за границей Комитет действия по объединению итальянского народа, в них стали входить представители католической христианско-демократической партии и либералы. Под влиянием общего подъема антифашистского движения первые группы этих партий начали свою деятельность в Италии в 1942 г.

Весьма показательно, что первые межпартийные органы появились сначала в Турине, а затем в других промышленных центрах, там, где подъем рабочего движения дал о себе знать раньше, чем в других местах. В этих городах всеобщее недовольство фашистским режимом привело в 1942 г. к первым открытым выступлениям рабочего класса. 1 мая в Турине произошли стихийные волнения трудящихся в связи с ростом цен. Во время этих манифестаций появились антивоенные лозунги. В летние месяцы волнения в Северной Италии исчислялись уже десятками. Коммунистические группы на предприятиях активно участвовали в них, стремясь придать борьбе политический характер. Зимой 1942/43 г. из 41 стачки более половины сопровождались политическими требованиями [37].

В марте 1943 г. итальянские коммунисты организовали всеобщую забастовку, охватившую все важнейшие промышленные города Северной Италии. Первыми знамя борьбы подняли рабочие заводов ФИАТ в Турине. Забастовка началась 5 марта, а в последующие дни в нее включились другие предприятия города и окрестностей. Рабочие открыто осуждали фашизм, требовали прекращения войны и восстановления демократических свобод. По приказу Муссолини против забастовщиков была брошена полиция. Аресты и репрессии не достигли цели. 14 марта руководство коммунистической партии, собравшись в Милане, решило призвать к выступлению трудящихся других городов. «Унита» сообщала, что в Турине бастует 100 тыс. человек, и обращалась с призы-

[36] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 485.

[37] *U. Massola.* Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950, p. 15.

вом следовать их примеру для того, чтобы добиться «хлеба, мира и свободы». Движение распространилось на предприятия других областей Северной Италии. Всего в забастовке участвовало более 300 тыс. человек. Промышленники решили пойти на уступки: были удовлетворены требования рабочих о повышении заработной платы.

Мартовские выступления в Италии — наиболее массовые забастовки в Европе того времени. Их значение не ограничивалось непосредственными требованиями, и это хорошо понимали представители власти. Начальник полиции Турина писал в донесении в Рим: «Следует отметить, что движение носило характер самого настоящего мятежа, организованного под предлогом борьбы за экономические требования. Движение, несомненно, представляло собой практическое следствие призывов к беспорядкам, распространяемых противниками существующего режима» [38].

Выступления рабочего класса нанесли сильный удар фашистскому режиму, они изменили атмосферу в стране и создали перспективу успеха массового народного движения для ликвидации фашизма.

В марте политический отдел фашистской милиции представил Муссолини очередную секретную сводку о положении в стране. В разделе «Подрывная деятельность» указывалось, что антифашистские группы усилили свою организационную деятельность. «Коммунистическая партия, которая проникла во все слои общества,— писали авторы отчета,— и безусловно располагает лучшими связями в рабочих массах и неимущих классах, стремится добиться присоединения других партий к совместной программе насильственных действий». В качестве доказательства этому в сводке указывалось на недавние забастовки, «которые были организованы коммунистами и, несомненно, составляют часть широкого плана массовых выступлений» [39].

Необходимость единства для успеха движения понимали представители всех антифашистских партий левого крыла. Коммунисты, социалисты и представители Партии действия, образовавшейся на основе движения «Справедливость и свобода», стремились перенести свою деятельность в Италию. В то же время резко антикоммунистические позиции заняли группы итальянской эмиграции, находившиеся в Америке. После оккупации Франции в США оказались значительные группы буржуазных политических деятелей во главе с К. Сфорцой и Р. Паччарди. В августе 1942 г. они собрали в Монтевидео конференцию «свободных итальянцев», на которой большинством голосов отвергли возможность сотрудничества с коммунистами. На этой конференции было решено создать Итальянский национальный совет в качестве политического орга

[38] «Movimento di Liberazione in Italia», 1949, № 19, p. 15.
[39] *F. Catalano*. Op. cit., p. 322.

на эмиграции и итальянский легион, который под командованием Паччарди должен был участвовать в освобождении Италии[40]. Оба проекта остались нереализованными, однако они ясно говорили о намерении буржуазных кругов создать подобие правительства, которое в момент освобождения при поддержке англо-американцев могло бы прийти к власти.

В самой Италии представители буржуазных оппозиционных партий продолжали выступать против идеи массовой борьбы и неохотно шли на сотрудничество с коммунистами.

Руководители либералов и католиков все свои надежды возлагали на монархию и скорый приход англо-американских войск. Поэтому в момент, когда обстановка требовала решительных действий, представителям левого крыла оппозиции не удавалось достичь с буржуазными партиями согласия по самым важным вопросам.

В июне 1943 г. в Милане состоялось совещание, на котором вместе с коммунистами, социалистами и представителями Партии действия, присутствовали либералы и христианские демократы. На этом совещании коммунисты предложили призвать народ к повстанческой деятельности, подготовить и провести всеобщую забастовку, опираясь на народное движение, заставить короля арестовать Муссолини и образовать демократическое правительство[41].

Принятию этой программы воспротивились христианские демократы и либералы, которые решительно протестовали против призыва к восстанию. Они доказывали необходимость ждать, «пока ситуация созреет», страшились даже упоминания о мартовских забастовках и об открытой борьбе против немецких и итальянских фашистов. Со своей стороны представители Партии действия и социалисты выступали против каких-либо контактов с королевским двором и требовали немедленно решить вопрос о ликвидации монархии. Контакты между представителями антифашистских партий не привели к выработке совместной программы действий.

Тем временем приближение неизбежной развязки вызывало беспокойство среди итальянской правящей верхушки. В октябре 1942 г. фашистский режим отмечал свое 20-летие. В свое время намечались пышные торжества по поводу этой даты; Муссолини даже намеревался приурочить к ней вступление Италии в войну. Теперь по его же распоряжению празднование юбилея было проведено самым скромным образом. Неутешительный итог 20-летнего господства фашизма был слишком очевиден. Именно в этот период начались налеты англо-американской авиации на итальянские города.

[40] *G. Bianchi.* 25 luglio. Crollo di un regime. Milano, 1963, p. 325—326.

[41] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 407.

Наибольшую тревогу фашистских заправил вызывало положение на советско-германском фронте, решающее значение которого они хорошо понимали: «Ужасное рождество 1942 г.,— записал в дневнике Д. Альфьери, бывший в то время послом в Берлине. — Драма в России не оставила никаких сомнений в неизбежности поражения Германии и того, что это будет означать для Италии». Несколькими днями позже он отмечал: «Начало поражения рейха носит название Сталинград» [42]. Это понимал и Муссолини, который решил склонить Гитлера на сепаратный мир с Советским Союзом, с тем чтобы получить возможность сконцентрировать усилия оси на Средиземном море.

Впервые он высказал эту мысль в беседе с немецким военным атташе в ноябре 1942 г. Когда в начале декабря в Рим прибыл Геринг, Муссолини возвратился к этой теме в ходе строго секретных бесед, во время которых был удален даже переводчик. В записи беседы, сделанной самим Муссолини, говорилось: «Дуче выражает мнение, что тяжелая глава войны против России должна быть теперь так или иначе закрыта. Если бы было возможно сейчас добиться второго Брест-Литовска, а это можно сделать, предоставив территориальные компенсации в Центральной Азии, то нужно было бы создать оборонительную линию, которая парализовала бы всякую инициативу противника, отвлекая минимальные силы оси» [43]. В марте 1943 г. Муссолини в пространном письме к Гитлеру опять поднял вопрос о «необходимости закрыть русскую главу», на этот раз уже не предлагая «Брест-Литовска», а сообщая, что по его убеждению «Россию никогда не удастся разбить» [44].

Начиная с осени 1942 г. донесения полиции показали Муссолини, что в его ближайшем окружении не все обстоит благополучно. Полицейские осведомители, ежедневно докладывавшие Муссолини о поведении фашистских заправил, сообщали о непочтительных высказываниях в адрес дуче и подозрительных встречах, которые участились между фашистскими иерархами. До поры до времени Муссолини мало беспокоили подобные сообщения. «Стоит мне только позвонить в колокольчик и все они в тот же миг будут готовы мне аплодировать»,— говорил он Р. Фариначчи, одному из представителей «непримиримых» фашистов. Тем не менее весной 1943 г. он счел необходимым произвести «генеральную чистку» руководящих кадров партии и правительства.

В конце января был снят со своего поста начальник генерального штаба У. Каваллеро, который должен был нести ответствен-

[42] *D. Alfieri.* Deux dictataeurs face à face. Paris, 1948, p. 247.

[43] *F. Deakin.* Op. cit., p. 107.

[44] Les lettres secrètes échangée par Hitler et Mussolini. Paris, 1946, p. 184.

ность за поражения итальянской армии. Это было только началом. 4 апреля последовало неожиданное увольнение почти всех министров, в том числе и Чиано. Для большинства из них это произошло совершенно внезапно: так министр общественных работ Горла, направляясь в Сицилию по личному заданию Муссолини, узнал о своей отставке от железнодорожных служащих.

Значение произведенных перемен было ясно: они должны были лишить видных постов «группу Чиано» — тех фашистов, которые не скрывали своих пессимистических взглядов и допускали критику действий дуче. Муссолини знал, что Чиано не только служит символом пораженческих настроений, усталости и неверия, но и пользуется крайней нелюбовью Гитлера и его приближенных. Таким образом, его удаление должно было служить свидетельством возвращения Муссолини к политике «сильной руки». Это впечатление усилилось, когда вслед за впавшими в немилость министрами в отставку был уволен начальник полиции К. Сенизе, обвиненный в недостатке твердости в период мартовских забастовок. Затем наступила очередь секретаря фашистской партии — на это место был назначен К. Скорца, которому суждено было стать последним секретарем итальянской фашистской партии. Старый сквадрист, не занимавший до тех пор видных постов, он был призван «подтянуть» распустившиеся партийные кадры. За два месяца после своего назначения Скорца успел сменить почти половину высших чинов фашистской партии как в центральном аппарате, так и на местах.

Лихорадочные действия Муссолини напоминали движения человека, теряющего равновесие. После февральских изменений в правительстве не осталось людей, которые ранее воплощали связь фашистского режима с монополистическими кругами. Лишились постов и почти все видные фашисты. На смену им пришли никому неизвестные люди, призванные послушно исполнять волю диктатора. На свет был извлечен философ фашизма Дж. Джентиле, в последние годы отстраненный от дел: он произнес в Капитолии речь, доказывая вечность фашистской идеи и нерушимость фашистского строя. В тот же день, 24 июня, Муссолини, выступая на совещании руководства партии, обрушился на анонимных сторонников заключения мира. Он говорил, что война может иметь непредвиденные повороты, например в связи с возможным восстанием негров в США. Касаясь перспективы высадки англо-американских войск на континенте, Муссолини заявил, что такая попытка может окончиться только полным поражением и противник будет пригвожден к «полосе прибоя» [45].

[45] *R. Battaglia, R. Ramat.* Un popolo in lotta.Firenze, 1961, p. 285.

Речь о «полосе прибоя» — одно из последних выступлений Муссолини в роли дуче — надолго запомнилась итальянцам: через три дня после ее опубликования англо-американские войска начали высадку на Сицилию. Они не только преодолели прибрежную полосу, но в течение первых двух недель заняли бо́льшую часть острова. Итальянские дивизии, оборонявшие Сицилию, не оказали серьезного сопротивления: гарнизоны сдавались в плен или разбегались. Лишь около Катании находившиеся там две немецкие дивизии на время задержали продвижение превосходящих сил. Военные действия вплотную приблизились к территории континентальной Италии, и это ускорило агонию фашистского режима.

Еще осенью 1942 г. в период болезни Муссолини в кругу его ближайших сподвижников, а также в окружении короля стала возникать мысль о необходимости выхода Италии из войны. Весной 1943 г., когда перспектива поражения Германии стала реальностью, а первые открытые выступления итальянских трудящихся свидетельствовали о возможности широких массовых волнений, окончательно оформились две группы, которые готовились к свержению Муссолини.

Первая из них состояла из представителей фашистской верхушки и возглавлялась Д. Гранди, Дж. Боттаи и Г. Чиано. Это были люди, недавно снятые со своих высоких постов и враждебно настроенные к Муссолини. Их программа до последнего момента была недостаточно ясной и сводилась к формуле «фашизм без Муссолини». Вторая группа заговорщиков включала в себя монархически настроенных военных чинов, во главе с новым начальником генерального штаба В. Амброзио. Они действовали под руководством министра королевского двора, герцога П. Акварона, являвшегося доверенным лицом короля Виктора Эммануила. Их целью было устранение Муссолини с целью возвращения власти монархии.

Обе группы были тесно связаны с финансово-промышленными кругами, игравшими в подготовке переворота важную роль, но предпочитавшими держаться в тени. Всех, кто готовил смещение Муссолини, отмечал Тольятти, объединяла идея, что изменения должны коснуться только высших сфер и тем самым предотвратить глубокий, подлинно демократический переворот, основанный на неудержимом натиске народных масс [46].

До начала июля 1943 г. у диссидентов еще была надежда, что можно будет избегнуть устранения Муссолини. 19 июля состоялось свидание Муссолини с Гитлером в Фельтре. Сопровождавший Муссолини Амброзио побуждал его добиться от Гитлера разрешения на выход из войны. Однако Муссолини молча прослу-

[46] «Rinascita», 1944, № 2, p. 4.

8. Рим. 25 июля 1943 г.

шал длинные монологи Гитлера, которые в последнее время заполняли их встречи. Это была последняя капля, которая заставила короля покончить с колебаниями. После доклада Амброзио он отдал распоряжение о подготовке ареста Муссолини.

Еще до этого по настоянию партийной верхушки Муссолини назначил на 24 июля заседание Большого фашистского совета, не собиравшегося уже много лет. Фашисты-диссиденты готовились дать на нем бой: Гранди подготовил проект резолюции, предлагавший передать королю командование всеми вооруженными силами и предоставить ему «высшую инициативу в принятии решений» [47].

[47] *G. Bianchi.* Op. cit., p. 545.

Проект резолюции был отредактирован Гранди, Чиано и Боттаи за несколько часов до начала заседания фашистского совета, собравшегося в 5 часов 24 июля. Фашистские главари, надев, как это требовал устав, черные рубашки и сапоги, направлялись в Венецианский дворец с чувством большой тревоги. Гранди перед этим исповедовался и положил в карман две ручные гранаты. Заседание открыл Муссолини. Он сказал, что собрал Большой совет не для того, чтобы обсуждать положение в Италии, а для того, чтобы информировать о ходе военных действий и принять соответствующие решения. Анализируя причины неудач в ходе войны, Муссолини обрушился на генеральный штаб, который, по его словам, был их главным виновником, на итальянских солдат, зараженных духом пораженчества, и на население Сицилии, встречающее англо-американцев как освободителей.

Первым, кто поднял вопрос о мире, был Боттаи. Он заявил в выступлении, что из доклада Муссолини создается впечатление, что оборона Апеннинского полуострова невозможна. Затем слово взял Гранди, который атаковал непосредственно дуче, сказав, что он несет главную ответственность за проигрыш фашистским режимом войны.

«Сорви с себя маршальские знаки различия,— патетически восклицал он, обращаясь к Муссолини,— и стань опять тем, чем ты был: главой правительства его величества короля» [48].

Обстановка в зале накалилась до предела. Председатель фашистского особого трибунала Казанова кричал: «Вы заплатите кровью за свое предательство!» Начальник корпуса чернорубашечников Гальбиати грозился вызвать в зал «мушкетеров дуче». Во всем этот хаосе Муссолини сохранял полную пассивность. Сгорбившись за председательским столом, он молча выслушивал обвинения, сыпавшиеся на него со всех сторон.

Около трех часов утра, после почти беспрерывного 10-часового заседания, Муссолини поставил резолюцию Гранди на голосование. Его исход был предрешен, так как диссиденты собрали подписи под своей резолюцией заранее. За резолюцию голосовало 19 человек, против — 7. Муссолини был потрясен развязкой. Однако он знал, что решение фашистского совета должно быть утверждено королем и надеялся на поддержку престарелого монарха. Он не подозревал, что король не только был в курсе событий, но уже за несколько дней до этого отдал приказ разработать план его ареста. Сразу же после окончания заседания фашистского совета Гранди сообщил королю о результатах голосования и в то же утро был подготовлен декрет о назначении на пост главы правительства Бадольо.

[48] *G. Bianchi.* Op. cit., p. 557.

Когда Муссолини явился на аудиенцию к королю 25 июля, Виктор Эммануил осыпал его градом упреков. В ответ на попытки Муссолини доказать, что решение Большого совета не имеет законодательной силы, король возразил, что оно совпадает с волей страны. В конце беседы, занявшей всего около 20 минут, король сообщил, что новым главой правительства будет назначен Бадольо. Муссолини растерянно пробормотал: «А что будет со мной?» Король промолчал, хотя он хорошо знал, что ожидает отставного диктатора в ближайшем будущем.

Когда Муссолини выходил из королевской виллы, к нему приблизился капитан карабиньеров. Он сказал, что ему поручено охранять неприкосновенность Муссолини, и заставил его сесть в санитарную машину, стоявшую наготове. Машина выехала из виллы через запасной выход и, никем не замеченная, направилась в военную казарму, где для дуче была уже подготовлена изолированная комната.

В 10 часов вечера 25 июля по радио было передано сообщение о том, что король «принял отставку кавалера Бенито Муссолини» и назначил на его место маршала Бадольо. Улицы городов Италии заполнились толпами людей, которые радостно приветствовали падение фашистского режима. В это время по приказу короля во все города Италии были посланы телеграммы о переходе власти в руки военного командования, а новый начальник полиции отдал распоряжение о поддержании порядка «во что бы то ни стало».

СОРОК ПЯТЬ ДНЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА БАДОЛЬО

Сразу же вслед за объявлением о смещении Муссолини по радио были переданы два воззвания. В первом из них король сообщал, что он взял в свои руки командование вооруженными силами, и предупреждал, что «никакие отклонения не могут быть терпимы, никакие обвинения за прошлое не могут быть допущены». Во втором, подписанном Бадольо, говорилось: «По приказу его величества короля и императора, я принимаю всю полноту власти в стране. Война продолжается. Италия верна своему слову, в соответствии со своими тысячелетними традициями» [49].

На смену фашистскому режиму пришла военно-монархическая диктатура, просуществовавшая сорок пять дней. В новое правительство, составленное из высших чиновников и военных, не был включен никто из видных фашистов, принимавших участие в заговоре. В области внутренней политики главной задачей королевско-

[49] *G. Bianchi*. Op. cit., p. 704.

го правительства было предотвращение возможных революционных выступлений, а в области внешней политики — выход Италии из войны и заключение сепаратного мира. Первые дни своего существования правительство жило под страхом возможной реакции фашистов. Однако ни секретарь партии Скорца, ни командующий фашистской милицией Гальбиати не шевельнули пальцем, чтобы прийти на выручку свергнутому диктатору. Фашистские иерархи, которые еще недавно клялись в верности дуче, поспешили скрыться, думая только о собственной безопасности.

Основное внимание военные власти уделяли подавлению массовых выступлений, которые начались по всей стране. Население громило помещения фашистской партии, срывало фашистские эмблемы. Портреты и скульптурные изображения дуче сжигали и разбивали на куски. Не успевших переодеться фашистов раздевали на улицах и пускали домой в трусах.

В Северной Италии движение с самого начала приняло более организованные формы: рабочие прекратили работу, начались антифашистские митинги. Все это вызывало панику в правящих кругах. В полдень 26 июля в стране было введено осадное положение. Были запрещены всякие собрания на улицах, и войскам был отдан приказ стрелять по толпе. В циркуляре начальника генерального штаба командирам войсковых соединений говорилось: «При создавшемся положении любое нарушение общественного порядка представляет собой предательство и может привести к самым тяжелым последствиям. Любое движение должно быть беспощадно подавлено в самом зародыше. ...Войска должны выступать против нарушителей в боевом порядке и безо всяких предупреждений открывать огонь, не останавливаясь перед применением минометов и артиллерии, совершенно так же, как если бы они действовали против неприятеля» [50].

Пребывание у власти нового правительства ознаменовалось кровавыми расправами над населением. В Турине войска, оцепившие предприятия, несколько раз открывали огонь по рабочим, призывавшим к забастовкам, в Реджо-Эмилии в результате столкновений было убито 9 рабочих фабрики «Реджане». Наиболее кровопролитные события произошли в Бари, где войска открыли огонь по толпе на главной площади. Было ранено 70 и убито 20 человек. Это происходило в то время, когда ни один из фашистов не поплатился даже за часть злодеяний, совершенных павшим режимом.

Несмотря на репрессии, правительство оказалось не в силах сдержать стихийный порыв народных масс, оно начало терять контроль над положением в стране. На первом заседании совета ми-

[50] *Р. Батталья*. История итальянского движения Сопротивления. М., 1954, стр. 92—93.

нистров 27 июля были приняты решения о роспуске фашистской партии, Большого фашистского совета, ликвидации особого трибунала и палаты корпораций. Одновременно были одобрены полицейские меры, предпринятые против народных выступлений, и вынесено постановление о запрещении какой-либо деятельности антифашистских партий. Если первая часть решений правительства была поддержана населением и осуществлялась беспрепятственно, то репрессивные меры по отношению к антифашистскому движению натолкнулись на сопротивление народа, спутавшего карты монархического правительства.

В Северной Италии началась всеобщая забастовка, поддержанная коммунистической партией. 26 июля в Милане массовым тиражом вышла газета коммунистической партии «Унита». В ней были напечатаны основные требования, выдвигаемые коммунистами: немедленное заключение перемирия, восстановление демократических свобод и включение в правительство представителей антифашистских партий. В этот же день в Милане и других городах состоялись совместные совещания представителей антифашистских партий: коммунистов, социалистов, Партии действия, христианских демократов и либералов. Конференция этих партий в Милане приняла общую платформу действий на основе следующих требований: полная ликвидация фашизма и наказание фашистских преступников, заключение перемирия, восстановление всех гражданских свобод, немедленное освобождение всех политических заключенных, отмена расистских законов [51].

Под давлением демократического движения правительство приняло декрет об освобождении политических заключенных, не спеша, однако, с его осуществлением: большая часть коммунистов, находившихся в тюрьмах и ссылке, не была освобождена до конца августа. Разногласия, которые продолжали существовать в комитетах антифашистских партий, мешали добиться больших результатов. Так, буржуазные партии не поддержали призывов коммунистов ко всеобщей забастовке. Римский комитет оппозиции, где влияние правых деятелей ощущалось особенно сильно, не включил в свой манифест требования о перемирии. Тем не менее логика событий толкала новое правительство к скорейшему выходу из войны.

Фраза «война продолжается», содержавшаяся в обращении нового правительства, никого не ввела в заблуждение. Англо-американское командование понимало, что час капитуляции Италии приближается. Лучшим способом приблизить этот момент оно считало усиление воздушного наступления. В августе и начале сен-

[51] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 493.

тября Турин, Милан, Генуя, Рим и другие итальянские города подвергались непрерывным бомбардировкам, вызвавшим гораздо больше разрушений и человеческих жертв, чем весь предыдущий период воздушной войны. В то же время Гитлер, крайне обеспокоенный падением Муссолини, приказал своим генералам подготовить военную оккупацию Италии. В соответствии с этим приказом в Италию и к ее границам начали подтягиваться немецкие дивизии. Гитлера не обманули уверения нового итальянского министра иностранных дел Р. Гуарилья и начальника генерального штаба Амброзио, которые на свидании с Риббентропом и Кейтелем в Тарвизио 7 августа уверяли, что Италия намерена продолжать войну.

В то время как происходила встреча в Тарвизио, эмиссары правительства Бадольо уже предлагали англо-американским представителям начать мирные переговоры. Переговоры о перемирии затянулись, и это дало возможность немецкому командованию перебросить в Италию к началу сентября несколько новых дивизий. 30 августа комитет антифашистских партий вручил правительству «меморандум о срочной необходимости организовать национальную оборону». Он был составлен только что вернувшимся из заключения Л. Лонго и предусматривал конкретные мероприятия для объединения сил армии и народа в случае агрессивных действий со стороны гитлеровцев или итальянских фашистов[52]. Правительство Бадольо, больше всего боявшееся активизации народных сил, оставило без внимания это обращение итальянских демократов. Из-за недальновидной и трусливой политики монархического правительства, не способного опереться на народ для защиты национальных интересов страны, день выхода Италии из войны — 8 сентября — стал для Италии днем национального бедствия, днем начала гитлеровской оккупации.

[52] «Movimento di Liberazione in Italia», 1955, № 34—35, p. 124.

4

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ (1943—1945 ГГ.)

ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ ИТАЛИИ

3 сентября 1943 г. войска союзников начали форсировать Мессинский пролив, чтобы перенести военные действия на территорию Южной Италии. В этот же день в Кассибиле (Сицилия) между представителями правительства Бадольо и Объединенных Наций были подписаны так называемые краткие условия перемирия. Италия капитулировала перед Объединенными Нациями.

Вечером 8 сентября по лондонскому радио было объявлено о перемирии с Италией. Вслед за тем Бадольо также выступил по радио, зачитав текст перемирия, и отдал приказ итальянским войскам прекратить военные действия. Армия была дезориентирована. Военное командование Турина, Рима и других городов отказалось вопреки требованиям КПИ и других антифашистских партий вооружить народ и капитулировало перед немцами. Правительство Бадольо и король, оставив столицу, бежали на Юг, в Пескару, под защиту войск союзников. В течение двух дней немецкие войска оккупировали всю Северную и Центральную Италию и вошли в Рим.

Страна оказалась расколотой по меридиану Неаполя. На Юге был сохранен военно-монархический режим правительства Бадольо, опиравшийся на англо-американские войска. В Северной и Центральной Италии на штыках немецких войск и при прямом участии Гитлера был создан марионеточный неофашистский режим, так называемая Итальянская социальная республика.

Ее провозглашению предшествовала эпопея «похищения» Муссолини, находившегося под арестом в горах Гран Сассо (Абруццы). Операция была разработана в Берлине и поручена группе эсэсовцев под командованием капитана Отто Скорцени. 10 сентября группа, переброшенная на самолете в Гран Сассо, «освободила» дуче без единого выстрела. Не исключено, что стража была «подготовлена» и потому не оказала сопротивления. На том же самолете дуче был доставлен в Вену, а оттуда — в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. После бесед с фюрером и с министрами своего бывшего кабинета, бежавшими в Германию, Муссолини сформулировал программу создания нового «республиканского» фашистского государства. Эту программу он изложил в серии выступлений по германскому радио и по радио Монако 15—18 сентября. Муссолини заявил, что Италия отныне является «республикой», и провозгласил создание Фашистской республиканской партии. Дуче отдал приказ новой партии оказывать эффективную поддержку германским войскам. В сентябре Паволини, секретарь новой фашистской партии, прибыл в Рим, где попытался вербовать добровольцев в ее ряды. Однако фашистская партия так и не стала многочисленной [1].

23 сентября было объявлено о создании правительства «Итальянской социальной республики» во главе с Муссолини. В ноябре 1943 г. на конгрессе фашистской партии в Вероне была принята демагогическая программа: итальянцам было обещано, что будет созвано «народное» учредительное собрание, которое провозгласит Италию «социальной республикой», будет демократизирована избирательная система, введено «справедливое распределение доходов» и т. д. [2] Конгресс в Вероне был первой и последней ассамблеей фашистской партии, а его программа никогда не осуществилась.

Одобренная 13 января 1944 г. советом министров программа, возвестившая о начале «социализации промышленности и новой структуре итальянской экономики», сводилась к идее создания на фабриках рабочих советов управления. Но она также оказалась демагогической. Во-первых, $^{4}/_{5}$ промышленных предприятий «Социальной республики» (получившей название Республика Сало) находились полностью под контролем немцев. Во-вторых, эта социальная демагогия встретила сопротивление со стороны рабочих — они отказывались принимать участие в выборах фашистских советов.

[1] *A. Tamaro.* Venti anni di storia (1922—1943), v. II. Roma, 1950, p. 252.

[2] *E. Santarelli.* Storia del movimento e del regime fascista, v. II. Roma, 1967, p. 540.

Фронт против армий антигитлеровской коалиции в Италии удерживали главным образом немецкие войска. Они же обеспечивали общественный порядок в «Социальной республике». Уже в сентябре 1943 г. созданный в Италии германский административный аппарат взял под контроль все главные промышленные центры Северной Италии [3]. Германскому контролю был подчинен и правительственный аппарат Муссолини.

«Социальная республика» стала не только марионеткой Берлина, но и сырьевым придатком фашистской Германии. В «республике» был издан закон об обязательной трудовой повинности всех граждан. Из Италии вывозились в принудительном порядке рабочие и инженеры для работы на оборонных заводах рейха.

Муссолини стремился укрепить свой режим с помощью насилия и репрессий. В сотрудничестве с немецкой администрацией фашисты возобновили репрессии против евреев. Широкий характер приняли процессы против всех недовольных режимом. В этих целях был создан чрезвычайный трибунал и итальянские отряды эсэсовцев.

8 января в Вероне открылся суд над группой бывших фашистских лидеров, которые на заседании Большого фашистского совета 25 июня 1943 г. добились решения об отставке Муссолини. Перед судом предстали бывший министр иностранных дел Чиано, маршал Де Боно, бывший секретарь фашистских профсоюзов Готтарди и др. Некоторых судили заочно. Пятеро, в том числе Чиано, были приговорены к смертной казни. Утром 11 января у старого форта Вероны приговор был приведен в исполнение [4].

НАЧАЛО ОРГАНИЗОВАННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Если 8 сентября 1943 г., с одной стороны, продемонстрировало крах старых правящих классов Италии и их политических партий, то, с другой стороны, этот день стал началом возрождения нации, началом вооруженной борьбы итальянского народа против гитлеровской оккупации и фашистской тирании. В этот день немецкие войска столкнулись со стихийным сопротивлением вооруженных отрядов итальянских добровольцев в Турине и Милане. Дивизия итальянской армии «Кремона» начала борьбу против немцев в районе Флоренции [5]. 10 сентября в течение нескольких ча-

[3] Ibid., p. 544.

[4] См. *Г. С. Филатов*. Взлет и падение Галеаццо Чиано.— «Новая и новейшая история», 1968, № 5, стр. 47—51.

[5] «Unità», 9.VIII 1943.

сов антифашисты Рима оказывали сопротивление немцам на баррикадах у ворот Сан-Паоло [6]. Но судьба Рима была предрешена. Военное командование итальянской армии капитулировало и столица была объявлена «открытым городом».

9 сентября в Риме был создан Центральный комитет национального освобождения (КНО), который объединил все антифашистские партии, провозгласил себя органом политического руководства Сопротивления и призвал народ к оружию против нацифашизма [7].

Инициатором и вдохновителем Сопротивления выступила Итальянская компартия, которая обратилась с призывом создать широкую сеть местных комитетов национального освобождения в целях организации всенародной борьбы против наци-фашизма [8]. В воззвании к народу, опубликованном 17 сентября 1943 г. в подпольной газете «Унита», компартия четко изложила свою позицию. Главная задача партии и итальянского народа — это борьба против фашизма и гитлеризма в едином строю с Объединенными Нациями [9]. Компартия потребовала от правительства Бадольо разрыва с гитлеровской Германией и призвала к созданию вооруженных партизанских отрядов на территории, оккупированной немцами. Участие в вооруженной борьбе против гитлеровцев она считала главной задачей всех антифашистов.

Важным условием гегемонии пролетариата в борьбе за независимость и свободу КПИ считала политическое единство рабочего класса. Эта необходимость признавалась и в новом пакте, заключенном коммунистами и социалистами 28 сентября 1943 г. [10] В целях координации борьбы рабочего класса был создан Постоянный комитет единства действий коммунистов и социалистов. На местах начали создаваться комитеты национального освобождения из представителей всех антифашистских партий.

Особый характер носило Сопротивление в Южной Италии. Борьба против немецких оккупантов ограничилась здесь отдельными стихийными вспышками — это были зарницы надвигавшейся грозы народного гнева. Наиболее ярким эпизодом Сопротивления на Юге стали «четыре дня» Неаполя (27—30 сентября). В неаполитанском восстании участвовали самые различные слои населения: бывшие военные, рабочие, служащие, студенты. Они вооружались, чем могли: охотничьими ружьями, карабинами, старыми

[6] O. *Lizzadri*. Quel dannato marzo 1943. Milano, 1962, p. 28.

[7] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963, p. 198.

[8] Ibid., p. 78.

[9] Ibid., p. 213.

[10] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 495.

9. 28-я бригада им. Гарибальди

гарибальдийскими саблями. Со дна залива доставали винтовки, брошенные в момент развала армии. Некоторые отряды повстанцев были вооружены пулеметами. В городе шли ожесточенные баррикадные бои. Борьбой руководили выдвинувшиеся в ходе боев «народные вожаки»[11]. В некоторых кварталах — это были коммунисты.

30 сентября немецкие войска капитулировали и оставили город. При этом они разрушили Неаполь артиллерийским обстрелом. Зловещей местью городу было сожжение немцами исторического архива Неаполя.

В октябре, после того как англо-американские войска заняли Корсику и Сардинию, фронт на всю зиму установился по «линии

[11] *Р. Батталья.* История итальянского движения Сопротивления. М., 1953, стр. 146.

Густава», проходившей между Неаполем и Римом. Советские военные историки, вскрывая истинные причины затянувшихся военных действий в Италии, отмечают, что при подготовке операций на Апеннинах, англо-американское командование допустило нерешительность и ряд просчетов. Союзники не высадили (как это предполагалось по плану) крупного морского десанта еще до объявления капитуляции Италии и таким образом не оказали помощи итальянской армии в разоружении немцев на территории всей страны.

Наоборот, объявив раньше времени о перемирии с Италией и высадив десанты лишь в самых южных районах страны, союзники способствовали разоружению немцами итальянской армии, захвату ими аэродромов и организации немецкой обороны в горах Апеннинского полуострова [12].

В Северной и Центральной Италии, оккупированной гитлеровцами, Сопротивление постепенно начало приобретать организованный характер. Уже в октябре 1943 г. коммунисты приступили к созданию ударных бригад имени Гарибальди. Многие партизанские командиры и политкомиссары прошли через антифашистское подполье, тюрьмы и ссылки, приобрели военный опыт в Испании. Командующим ударных гарибальдийских бригад был член руководства КПИ Луиджи Лонго. Рядом с ним в главном штабе гарибальдийцев в создании партизанской армии с самого начала принимали участие коммунисты П. Секкья, У. Массола, Дж. К. Пайетта и др.

Партизанские отряды создали и другие партии. На втором месте по численности после гарибальдийских были отряды Партии действия «Справедливость и свобода». Ими руководил Ферруччо Парри. Борьба партизанских отрядов координировалась Комитетом национального освобождения Северной Италии (КНОСИ), который был создан вскоре после 8 сентября 1943 г. В его состав входили на паритетных началах представители пяти партий антифашистской коалиции, в том числе, от КПИ — Дж. Ли Каузи и Дж. Доцца, от ИСППЕ — Р. Launching Launching — Р. Launching Launching Launching Launching Launching Launching Launching Launching Launching Launching Launching Launching

[12] См. *В. С. Стрельников, Н. М. Черепанов.* Война без риска. М., 1965, стр. 137.

[13] Состав КНОСИ на протяжении его деятельности несколько менялся. См. Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza, v. I. Milano, 1968, p. 610.

10. Тосканские партизаны

Италии. Это обеспечило итальянскому Сопротивлению известную самостоятельность по отношению к союзникам. Однако руководство партизанского движения вынуждено было добиваться сотрудничества и с англо-американскими военными силами в Италии.

Первые контакты член КНОСИ Ф. Парри установил с представителями союзников в Швейцарии еще в сентябре 1943 г. Однако союзники, идя на эти контакты и создавая свои военные миссии в районе действия партизан, ориентировали их главным образом на саботаж и диверсионные акты, а не на создание вооруженных боевых отрядов[14]. Эти различные тенденции нашли свое отражение и в разногласиях между различными партиями внутри КНО. Христианские демократы и либералы стремились ограничить задачи партизанских отрядов разведкой и диверсиями под контролем англичан и американцев. Левые партии — КПИ, ИСППЕ и Партия действия,— напротив, стремились к развитию массовой партизанской борьбы.

[14] Lettere di I. Mc. Caffery a F. Parri.— *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati. Milano, 1962, p. 99.

Осенью 1943 г. в Северной Италии развернулись первые партизанские бои. Начали диверсионные операции подпольные группы патриотического действия (ГАП). В конце сентября на линии Флоренция — Болонья гаписты подорвали немецкий военный состав, в окрестностях Ареццо — подожгли железнодорожный состав с бензином, в Милане — взорвали зенитную батарею.

В историю Сопротивления Рима вошла самая смелая и значительная операция гапистов, совершенная 23 марта 1944 г. на улице Разелла. Она была приурочена к годовщине основания фашистского движения и осуществлена в самом центре столицы, недалеко от палаццо Титтони, в котором в первые годы диктатуры жил Муссолини. Утром в назначенный день группа патриотов — Карло Салинари, Карло Каппони, Франко Каламандрей, Франко Ферри и Розарио Бентивенья совершила смелое нападение на колонну эсэсовцев. 32 нациста было убито и 38 ранено [15].

Однако эта операция имела жестокие последствия. По приказу главнокомандующего немецкими войсками в Италии генерала Кессельринга в Риме была расстреляна большая группа заложников-антифашистов — всего 335 человек [16]. Массовая казнь была совершена на окраине столицы в Ардеатинских каменоломнях. Впоследствии, когда в 1949 г. Кессельринга судили в Венеции как военного преступника, он заявил: «Мы боялись, что покушение на улице Разелла будет прелюдией ко всеобщему восстанию, приуроченному к наступлению союзников» [17].

Кровавая расправа гитлеровцев нанесла сильный удар по римскому Сопротивлению. И все же оно не было уничтожено. В конце марта командование групп патриотического действия заявило, что, несмотря на репрессии, партизанская война в Риме и других городах будет продолжена вплоть до национального восстания и полного изгнания наци-фашистов [18].

Одной из форм всенародного движения Сопротивления стала забастовочная борьба трудящихся на оккупированной немцами территории [19]. С ноября 1943 г. забастовки проводятся в крупнейших городах Севера: Турине, Милане, Генуе. Их инициаторами были коммунисты [20]. Непосредственно руководили стачками Комитеты действия и профсоюзные комитеты. В авангарде забастовоч-

[15] *P. Secchia, F. Frassati.* Storia della Resistenza, v. I. Roma, 1965, p. 499—500.

[16] Enciclopedia dell'antifascismo e della Resistenza, v. I, p. 119.

[17] *Р. Батталья.* Указ. соч., стр. 294.

[18] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 220.

[19] См. *И. Н. Бочаров.* Роль забастовочного движения в итальянском Сопротивлении (1943—1945 гг.).— «Объединение Италии». М., 1963, стр. 266—302.

[20] «Unità», 5.XII 1943.

ной борьбы и на этот раз был рабочий класс Турина. Здесь волна забастовок, начавшаяся в середине ноября 1943 г., почти не прекращалась на протяжении всей последующей оккупации. Это нанесло серьезный ущерб экономическому потенциалу наци-фашистского режима в Северной Италии.

В ходе забастовочного движения, носившего сначала экономический характер, в конце 1943 — начале 1944 г. стала вызревать идея массовой политической забастовки, перерастающей в национальное восстание[21]. В январе 1944 г. орган КПИ газета «Ностра лотта» писала: «Всеобщая политическая забастовка, национальное восстание — вот цели, к которым должны быть устремлены все наши организационные усилия, вся наша политическая деятельность»[22].

В течение января — февраля следующего года коммунистами была проделана огромная работа в целях подготовки ко всеобщей политической забастовке: проведены подпольные собрания и конференции членов партии, развернута агитация, отпечатаны листовки, создан объединенный подпольный комитет действия трех областей (Пьемонта, Ломбардии, Лигурии). Делегаты компартии в КНОСИ добивались, чтобы забастовка была поддержана всеми антифашистскими партиями, и это им удалось. Было выпущено совместно воззвание о всеобщей забастовке коммунистов и социалистов[23], а затем и аналогичное воззвание КНОСИ[24]. Это было важным успехом коммунистов в борьбе против политики выжидания правого крыла Сопротивления.

Забастовка, начавшаяся 1 марта, охватила почти все основные центры Северной и Центральной Италии. В ней приняли участие свыше 1 млн. человек[25]. Забастовщики выдвинули не только экономические требования — повышение зарплаты,— но и требования политические. Они выступили против принудительной отправки рабочих на заводы Германии, против военной мобилизации.

Рабочих поддержали средние слои города и деревни: торговцы, ремесленники, студенты, крестьяне. Гарибальдийские отряды и группы патриотического действия активизировали свою борьбу в центрах забастовки. Они выводили из строя коммуникации, устраивали нападение на немецкие казармы, карали предателей и провокаторов. Во Флоренции патриоты взрывом бомбы убили начальника фашистской милиции. В Болонье было взорвано здание

21 «Unità», 15, 25.XII 1943.
22 «Nostra lotta», gennaio 1944.
23 «Rinascita», 1945, № 12, p. 267.
24 «Bolletino di notizie», 1944, № 4, p. 6—7.
25 «Nostra lotta», marzo 1944.

фашистского штаба. Иногда партизаны даже занимали населенные пункты[26]. Забастовка стихийно начала перерастать в вооруженную борьбу. Этому способствовала и предшествующая агитация компартии[27]. Некоторые коммунисты на местах прямо ориентировали забастовку на вооруженное восстание[28]. Однако время для восстания еще не наступило. Наци-фашисты вскоре перешли в контрнаступление. Против бастующих были использованы пулеметы, танки, бронемашины.

8 марта подпольный комитет действия вынужден был прекратить забастовку, не добившись принятия требований рабочих[29]. И все же забастовка имела важное политическое значение. Она продемонстрировала сплоченность антифашистских сил и подвела массы к осознанию необходимости народного восстания. Оценивая итоги забастовки, орган компартии газета «Ностра лотта» писала, что мирной забастовки уже недостаточно, что «необходимо переходить к высшим формам борьбы; к вооруженной борьбе, к повстанческой забастовке, к решительному штурму крепости наци-фашизма, реакции и порабощения»[30]. Наконец, мартовская забастовка оказала огромное влияние на соотношение сил в Южной Италии и явилась одним из тех факторов, которые способствовали созданию на Юге коалиционного демократического правительства при участии всех антифашистских партий, в том числе коммунистов и социалистов. Созданию коалиционного правительства предшествовала сложная политическая борьба в Южной Италии, которая тесно переплеталась с международными событиями.

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

В Южной Италии англо-американское командование поддерживало правительство Бадольо и короля. Англия и США стремились отложить решение вопроса о государственном устройстве Италии до окончания войны. Эту программу Рузвельт впервые сформулировал, выступая на пресс-конференции в июне 1943 г.[31] Она была энергично поддержана в письме Черчилля к Сталину от 21 сентября 1943 г. «Теперь, когда Муссолини поставлен немцами в ка-

[26] «Nostra lotta», marzo 1944.

[27] *P. Secchia.* I comunisti e l'insurrezione (1943—1945). Roma, 1954, p. 106—129.

[28] «Unità», 23.III 1944.

[29] «Unità», 8.III 1944.

[30] «Nostra lotta», marzo 1944.

[31] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 700.

честве главы так называемого республиканского фашистского правительства,— писал Черчилль,— важно парировать этот шаг, сделав все, что мы сможем, для усиления власти короля и Бадольо, которые подписали с нами перемирие и с тех пор, насколько они это могли, верно выполняли его» [32].

В интересах достижения главной цели антигитлеровской коалиции — разгрома фашизма — Сталин поддержал предложение западных союзников отложить решение вопроса о государственном устройстве Италии до окончания войны [33]. Вместе с тем Советский Союз направил главные дипломатические усилия на то, чтобы ускорить создание в Италии антифашистского коалиционного правительства на широкой основе.

Достижение общей линии союзников в итальянском вопросе привело к подписанию 29 сентября 1943 г. «исчерпывающих условий» капитуляции Италии, которые были заключены с правительством Бадольо. В соответствии с главным условием этого соглашения 13 октября 1943 г. правительство Бадольо объявило войну гитлеровской Германии [34]. Одновременно была обнародована декларация СССР, США и Великобритании о признании Италии совместно воюющей державой. Союзники выступили гарантами будущего демократического развития Италии, заявив, что «ничто не может ущемить абсолютного и неотъемлемого права народа Италии принять конституционными средствами решение о демократической форме правительства, которую он в конечном счете будет иметь» [35]. В декларации был также пункт, дававший возможность Италии поставить в будущем вопрос о пересмотре условий перемирия с учетом той помощи, которую итальянское правительство сможет оказать борьбе Объединенных Наций.

Итальянский вопрос обсуждался на конференции трех министров иностранных дел: США, Англии и СССР — в октябре 1943 г. в Москве. В «Декларации об Италии», принятой на этой конференции, вновь подтверждалось, что фашизм должен быть искоренен и что «итальянскому народу должна быть предоставлена полная, возможность установить правительственные и другие учреждения, основанные на принципах демократизации» [36]. Союзники договорились также, что необходимо в ближайшее время демократи-

[32] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 163—164.

[33] Там же, стр. 163—164.

[34] Там же, стр. 395.

[35] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 406, 407.

[36] Там же, стр. 416.

зировать состав итальянского правительства, включив в него представителей «тех слоев итальянского народа, которые всегда выступали против фашизма», гарантировать в стране демократические свободы, упразднить фашистские институты, провести чистку административного аппарата от фашистских элементов, наказать преступников [37]. Отклики в Италии на решения Московской конференции были весьма положительными. Комитет национального освобождения Южной Италии приветствовал их [38]. Председатель КНО И. Бономи писал в дневнике: «Для нашего Комитета освобождения благоприятно намерение Объединенных Наций дать Италии более демократическое правительство и торжественное подтверждение права итальянского народа избрать для себя такие формы и органы государственного правления, какие он сам считает нужным. На этой базе возможно будет упрочить политическое положение» [39].

По решению Московской конференции был создан Консультативный совет по вопросам Италии, в котором были представлены СССР, Англия, США, КНО Франции, Югославия и Греция. На первом же заседании Консультативного совета 30 ноября 1943 г. был поставлен вопрос о расширении состава итальянского правительства. На других заседаниях по инициативе СССР обсуждались вопросы о положении левых партий и организаций, о свободе демократической печати, о дефашизации итальянского государственного аппарата и армии.

Работа Консультативного совета способствовала нормализации политического положения в Южной Италии. Вся ее территория была передана под управление итальянского правительства. Были изданы декреты о дефашизации (29 декабря 1944 г.) и отмене расовых законов (20 января 1945 г.).

Более трудным оказалось формирование коалиционного правительства. Чтобы оттянуть решение этого вопроса, представители правящих кругов Англии и США стремились разжечь противоречия внутри итальянского национального фронта. Распускавшиеся слухи об угрозе «большевизации» Италии преследовали цель изолировать компартию и тем самым ослабить национально-освободительное движение. В этой ситуации в январе 1944 г. Комитет национального освобождения Северной Италии опубликовал заявление, в котором говорилось, что в будущем демократическом правительстве представители трудящихся классов — рабочих, крестьян, ремесленников — должны играть ведущую роль и что партии, от-

[37] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, стр. 416.

[38] «Unità», 3.XI 1943.

[39] *I. Bonomi*. Diario di un anno. Milano, 1947, p. 126—127.

ражающие интересы трудящихся, в том числе и коммунисты, должны быть достойно представлены в правительстве [40].

В начале 1944 г. политическая борьба по вопросу о создании антифашистского правительства приняла особенно острый характер в Южной Италии. Здесь к этому времени сложились два блока: правительство Бадольо и король, поддерживаемые в их антигитлеровской борьбе Объединенными Нациями, и с другой стороны — Комитет национального освобождения, требовавший немедленной ликвидации монархии, отставки правительства Бадольо и создания демократического правительства из представителей всех антифашистских партий. Правящие круги Англии и США, играя на разногласиях между этими двумя блоками, стремились оттянуть создание антифашистского правительства Италии и решительно заявили, что вопрос о монархии может быть решен только после окончания войны. В этой ситуации либералы во главе с Б. Кроче решили отказаться от открытой борьбы и оказывать «моральное давление» на Виктора Эммануила. Социалисты и Партия действия, напротив, настаивали на разрыве правительства Бадольо с монархией и немедленном отречении короля. Южный центр компартии в Неаполе, который возглавлял В. Спано, поддержал предложения двух левых партий [41]. Впоследствии В. Спано писал, что коммунисты Юга были вынуждены занять эту линию, считаясь с местными условиями. «Руководящая группа коммунистов на Юге, посланная сюда ЦК КПИ,— вспоминает В. Спано,— была небольшой и малоавторитетной», она была вынуждена считаться с настроениями в партии, состоявшей здесь в значительной мере из коммунистов, которые в течение долгих лет подполья были оторваны от центра партии, мало знали об опыте антифашистского фронта и стояли на сектантских и экстремистских позициях. Значительная часть коммунистов Юга, вспоминает Спано, «выдвигала тогда лозунг советов, и для нас установление линии на национальное единство было уже большой победой» [42]. Выступив за отставку правительства Бадольо во имя сохранения союза с левым крылом КНО, коммунисты Юга в итоге «не смогли последовательно проводить политику национального единства, которую они сами же предлагали» [43].

Противоречия внутри антифашистской коалиции достигли апогея во время I конгресса комитетов национального освобождения, который состоялся 28—29 января 1944 г. в Бари. 120 делегатов конгресса представляли местные организации всех антифашистских

[40] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 86.
[41] Ibid., p. 53—55.
[42] «Unità», 14.IV 1964.
[43] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 51—57.

партий Северной и Южной Италии. Среди них были Б. Кроче (либерал), К. Сфорца, А. Омодео (Партия действия), Дж. Родино, А. Сеньи (христианские демократы), О. Лиццадри, Л. Каччаторе (социалисты), В. Спано, А. Пезенти, Ф. Гулло (коммунисты). Большинство делегатов — 70 человек — принадлежало к левому крылу Сопротивления: коммунисты (21), социалисты (23), представители Партии действия (26) [44].

Большинство делегатов, вспоминает В. Спано, делая вид, что они не замечают английских солдат, заняли «крайне революционную позицию» и считали себя «третьим сословием, собравшимся в зале для игры в мяч» [45]. Делегаты Партии действия потребовали, чтобы конгресс объявил себя Представительным собранием, чтобы было создано чрезвычайное правительство, которое противопоставило бы себя правительству Бадольо [46]. Этой линии противостояла консервативная позиция либералов и христианских демократов.

Однако после двух дней бурной дискуссии конгресс принял компромиссную резолюцию. В ней признавалась возможность участия представителей антифашистских партий в правительстве Бадольо при условии «немедленного отречения короля». Кроме того, была создана так называемая Постоянная исполнительная джунта из представителей пяти партий антифашистской коалиции, но ее характер и функции не были четко определены [47].

Компромиссная резолюция конгресса не открыла пути к решению вопроса о правительстве. Джунта проявила полную неспособность к действию. Союзники настаивали, чтобы вопрос о судьбе монархии был решен лишь после освобождения страны. Более того, Черчилль, выступив 22 февраля в палате общин, заявил, что до освобождения Рима вообще преждевременно ставить вопрос о расширении правительства Бадольо [48]. Левые партии Юга в свою очередь попытались организовать давление снизу и решили провести 10-минутную забастовку. Это немедленно вызвало репрессии со стороны сознических военных властей. На фабрики были направлены военные силы и полиция, в типографиях был наложен секвестр на пропагандистские материалы, а глава англо-американской администрации в Италии генерал Мак Фарлан пригрозил организаторам забастовки арестами и судом.

По предложению коммунистов руководители трех левых партий вынуждены были пойти на переговоры с Союзной контрольной

[44] *E. Santarelli*. Op. cit., p. 555—556.

[45] *В. Спано*. Рабочий класс во главе нации.— «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 421.

[46] *A. Degli Espinosa*. Il regno del Sud. Firenze, 1956, p. 312—313.

[47] Il I Congresso dei Comitati di liberazione nazionale. Molfetta, 1964, p. 90.

[48] *A. Degli Espinosa*. Op. cit., p. 345.

11 *Правительство Бономи после освобождения Рима*

комиссией и заменили забастовку митингами [49]. На одном из этих митингов, состоявшемся в Неаполе 12 марта 1944 г., коммунисты и социалисты протестовали против заявления Черчилля, поддерживавшего правительство Бадольо, а глава Неаполитанского центра ИКП В. Спано заявил, что коммунисты намерены провести референдум против короля и Бадольо [50]. Было очевидно, что сектантская линия левых антифашистских партий могла привести к столкновению с политикой западных союзников.

Советское правительство видело выход из сложившегося тупика в том, чтобы срочно улучшить состав правительства Бадольо, введя в него представителей всех антифашистских сил, в том числе коммунистов и социалистов, а не откладывать это до освобождения Рима, как предложил в конце февраля Черчилль. Вместе с тем по просьбе Бадольо Советское правительство установило

[49] Il vomunismo italiano nella seconda guerra mindiale, p. 55—56.

[50] Archivio del'Istituto di G. Feltrinelli (Milano). Fondo Resistenza, Microfilmi, № 1275, «La fase imperialista del capitalismo».

11 марта 1944 г. непосредственные отношения с итальянским правительством[51]. П. Бадольо обратился к главе Советского правительства со специальным посланием, в котором говорилось: «В момент, когда обе наши страны решили обменяться официальными представителями, считаю своим долгом заявить Вам, что весь итальянский народ осознает величие и победоносность советских военных усилий, более чем когда-либо убежден в необходимости вернуть итало-русские отношения в ту плоскость плодотворного и дружественного сотрудничества, которая была временно и трагически прервана тем режимом, против которого мы вместе боремся» [52].

Это послание Бадольо было тогда же опубликовано в итальянском официозе «Политика эстера». В официальном коммюнике итальянского правительства, принятом в те дни, давалась весьма высокая оценка дипломатической акции Советского Союза. «Возобновление отношений между Италией и Союзом Советских Социалистических Республик закрывает одну главу и открывает новую фазу международной жизни Италии. Поэтому оно является событием очевидной для всех важности и будет без сомнения оценено во всем значении своем и объеме итальянским общественным мнением по эту и по ту сторону линии боев» [53].

Установление непосредственных отношений между Италией и СССР вызвало тревогу у правящих кругов Англии и США. Глава англо-американской администрации в Италии генерал Мак Фарлан, как пишет в мемуарах Бадольо, выразил даже ему протест по поводу решения установить с Советским Союзом непосредственные отношения и вручил Бадольо письменное распоряжение, в котором заявлялось следующее: «По приказу Союзного верховного главнокомандующего итальянское правительство не может входить в сношения ни с какой союзной или нейтральной державой непосредственно, а должно действовать только через Союзную контрольную комиссию, поскольку это требуется соображениями охраны безопасности военных операций» [54]. На это предписание Бадольо ответил резким протестом по поводу того, что его правительство низведено до «простого орудия» союзников. «Никакое правительство,— писал он,— не может долгое время оставаться у власти при подобных постоянных ограничениях, унижающих достоинство, и главное — бесполезных» [55].

[51] «Известия», 14.III 1944.
[52] «Politica estera», 1944, № 6, p. 84.
[53] Ibid., p. 85.
[54] *P. Badoglio*. L'Italia nella seconda guerra mondiale. Milano, 1946, p. 175.
[55] Ibidem.

Некоторые органы английской и американской печати делали попытки изобразить дипломатический шаг СССР как поддержку недемократических элементов Италии. Это вызвало сначала у итальянской общественности опасение, что признание Советским Союзом правительства Бадольо может привести к стабилизации его режима. Поэтому в «Бюллетене ИКП», выпущенном в марте 1944 г., разъяснялось, что шаг Советского правительства еще не означает полного признания существующего правительства Бадольо и короля, а, напротив, «укрепит позиции левых сил Италии»[56]. Уверенность именно в такой перспективе развития оказалась вполне обоснованной, ибо Советский Союз, устанавливая непосредственные отношения с правительством Бадольо[57], стремился ускорить его демократизацию.

В марте 1944 г. Советское правительство сделало соответствующее представление правительствам Англии и США. 30 марта 1944 г. в газете «Известия» была опубликована редакционная статья, озаглавленная «Итальянский вопрос», в которой излагались указанные выше предложения Советского правительства в отношении Италии. Статья заострила внимание на явном противоречии между задачей объединения всех национальных сил Италии для борьбы за ее освобождение и разгром гитлеризма, с одной стороны, и сложившимся в Италии внутриполитическим положением — с другой. «Правительство Бадольо и Постоянная исполнительная джунта,— говорилось в ней,— до сих пор не только не объединены, но наоборот, они бесполезно истощаются в борьбе друг с другом». В действительности, писала далее газета, главная задача состоит не в решении вопроса о монархии (его можно отложить), а в том, чтобы немедленно «улучшить состав правительства Бадольо, расширить его базу в направлении его демократизации»[58]. На очередном заседании Консультативного совета по вопросам Италии предложения СССР были приняты. В резолюции Консультативного совета говорилось, что он приветствовал бы немедленное сформирование маршалом Бадольо правительства, представляющего все партии[59].

Согласование линии союзников создало благоприятные внешнеполитические условия для создания коалиционного правительства Италии. Поэтому итальянские коммунисты высоко оценили роль

[56] Archivio del'Istituto di G. Feltrinelli. Fondo Resistenza, Microfilmi, № 1275, «Bolletino del PCI».

[57] Полные дипломатические отношения между СССР и Италией были установлены позднее, 25 октября 1944 г.

[58] «Известия», 30.III. 1944.

[59] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1946, стр. 108.

СССР в момент, определивший последующие судьбы Италии. Газета «Ностра лотта» писала в связи с 38-й годовщиной Октябрьской революции, что «Советский Союз внес решающий вклад как военный, экономический, так и дипломатический в общую борьбу за освобождение Италии» [60].

Вторым необходимым условием для создания коалиционного правительства Бадольо было достижение единства в этом вопросе итальянских антифашистских сил. В данном случае большую роль сыграла ИКП и лично П. Тольятти [61], который, выступая 31 марта на Национальном совете итальянской компартии в Неаполе, предложил создать новое авторитетное правительство при поддержке всех антифашистских партий и отложить вопросы государственного устройства на послевоенный период, решив их путем созыва Учредительного собрания. Эта линия была принята Национальным советом и закреплена в его резолюции [62].

«Неаполитанский поворот» компартии оказал решающее влияние на позицию других антифашистских партий [63]. В результате переговоров между ними было достигнуто следующее компромиссное соглашение. Вопрос о конституционном устройстве страны был отложен до окончания войны. В свою очередь Виктор Эммануил согласился после освобождения Рима передать престол принцу Умберту в качестве королевского наместника. 15 апреля Постоянная исполнительная джунта в особой резолюции заявила, что не существует отныне никаких препятствий для вступления антифашистских партий в правительство и это должно быть осуществлено еще до освобождения Рима.

Новое коалиционное правительство Бадольо было создано в Салерно 21 апреля. В его состав вошли П. Тольятти, А. Пезенти, Ф. Гулло (от ИКП), К. Сфорца, А. Омодео, А. Таркиани (от Партии действия), П. Манчини (от ИСППЕ), Дж. ди Родино (от ХДП), Б. Кроче (от либералов) и др.

Это правительство, бесспорно, носило компромиссный характер. Да и сама фигура Бадольо, связанного с прошлым режимом, не внушала особого доверия и рассматривалась антифашистскими силами как временная. И все же создание правительства Бадольо явилось важным шагом на пути демократизации режима в Южной Италии. По инициативе коммунистов этим правительством были приняты декреты о наказании фашистских преступников, о проведении чистки государственного аппарата от фашистских элемен-

[60] «Nostra lotta», novembre 1944.

[61] 28 марта 1944 г. П. Тольятти после 18 лет изгнания вернулся в Италию.

[62] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 42.

[63] *A. Lepre.* La svolta di Salerno. Roma, 1966, p. 10.

тов и первый декрет министра-коммуниста Ф. Гулло о продлении сроков сельскохозяйственных договоров, облегчивший положение тысячи мелких арендаторов и испольщиков. Наконец, правительство Бадольо распустило королевские вооруженные силы и приступило к созданию национальной армии.

Участие коммунистов в буржуазном по своему характеру правительстве было новым историческим опытом итальянского пролетариата. И хотя руководящая роль в самом правительстве не принадлежала партиям рабочего класса, коммунисты и социалисты, опираясь на массовое антифашистское движение, оказывали влияние на политику правительства в целях демократизации режима на Юге и развития национально-освободительной борьбы на Севере. Вместе с тем, как соотношение сил в правительстве, так и наличие в стране англо-американских войск не позволили тогда коммунистам и социалистам энергично и широко поставить вопросы социального и политического переустройства страны. Комитет национального освобождения Северной Италии заявил о полном сотрудничестве с коалиционным правительством. Таким образом, «поворот в Салерно» способствовал сплочению антифашистских сил в национальном масштабе.

СПЛОЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО АНТИФАШИСТСКОГО ФРОНТА

12 мая на итальянском фронте началось наступление войск союзников. 4 июня англо-американские войска вошли в Рим и начали быстро продвигаться, освобождая города Тосканы, Умбрии, Марке. Национально-освободительная война вступила в новую фазу. Летом 1944 г. действия партизанских отрядов приняли характер массовых партизанских боев. Благодаря постоянным усилиям компартии крепло единство рядов антифашистского фронта.

Вдохновляющим примером для дальнейшего развития Сопротивления явилось освобождение Рима. Вместе с тем особенности ситуации, при которой наци-фашисты оставили столицу, определили и слабости последующего развития демократического движения на освобожденной территории. Дело в том, что поднять восстание в Риме не удалось. Организация римского Сопротивления, особенно ее левое крыло, была ослаблена после массовых репрессий наци-фашистов в марте 1944 г.

В Комитете национального освобождения Рима были сильны позиции правых партий, которые предпочитали, чтобы столицу освободили союзные войска, а не повстанцы. Ватикан в свою очередь начал переговоры с немцами, и гитлеровцы согласились мирно эвакуировать город.

После освобождения Рима в соответствии с достигнутым ранее соглашением принц Умберто был провозглашен наместником короля. Новое коалиционное правительство, также составленное из представителей всех антифашистских партий, возглавил Иваноэ Бономи. Союзники были сначала встревожены изменениями в правительстве, которые произошли без их санкции. Но затем, когда Бономи подтвердил, что признает условия перемирия, заключенного его предшественником с союзниками, новое правительство было признано правительствами СССР, США и Великобритании [64].

Создание правительства Бономи было шагом вперед по сравнению с предшествующим ему правительством Бадольо, поскольку в него не вошли открыто реакционные силы, связанные с генералитетом. Кабинет, казалось, принял более отчетливо выраженный демократический характер и опирался на центральный КНО. Однако были и отрицательные моменты, означавшие регресс. Если правое крыло правительства Бадольо имело своей социальной опорой главным образом аграриев и помещиков Юга, то после освобождения Рима консервативные силы правительства Бономи нашли в столице поддержку также со стороны крупных промышленников, банкиров, чиновников государственного аппарата. Это и определило борьбу внутри кабинета по всем основным вопросам. Правые силы настаивали на издании более компромиссного закона о чистке государственного аппарата от фашистских элементов. Серьезную дискуссию вызвал и вопрос о земле. По настоянию коммунистов были приняты декреты министра-коммуниста Ф. Гулло о передаче пустующих земель в пользование крестьянским кооперативам и об увеличении доли крестьян-испольщиков при разделе урожая [65]. Но лишь начало стихийного движения крестьян за занятие пустующих земель осенью 1944 г. заставило местные власти начать проводить эти декреты в жизнь.

Сопротивление консервативных сил делало особенно необходимым сплочение массовых организаций трудящихся. Огромной победой в этом направлении явилось создание единых профсоюзов. В начале июня 1944 года в Риме представители трех массовых партий (ИКП, ИСППЕ и ХДП) приняли так называемый Римский пакт, который определил основы будущей единой организации профсоюзов. В документе говорилось о независимости профсоюзов от государства и партий и определялись задачи профсоюзов

[64] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны», т. I, стр. 229—232, 397—398.

[65] «Unità», 7, 25.X 1944.

в борьбе за демократизацию Италии[66]. В результате этого соглашения в июне 1944 г. была создана Всеобщая Итальянская конфедерация труда (ВИКТ), объединившая основные профсоюзные течения: коммунистов, социалистов и христианских демократов[67]. Политика единства итальянских профсоюзов была поддержана ВЦСПС. В сентябре 1944 г. делегация советских профсоюзов по приглашению ВИКТ прибыла в Италию. В течение полутора месяцев пребывания в Италии советские посланцы установили контакты с широкими кругами итальянских трудящихся. Они участвовали в 22 собраниях профсоюзных активов, в 76 митингах в ряде городов освобожденной Италии (Риме, Неаполе, Бари, Таранто), а также в городах Сицилии и Сардинии[68].

Особенностью экономической политики ВИКТ в годы войны было то, что она боролась за улучшение условий жизни рабочего класса на освобожденной территории не путем организации забастовок, а опираясь на представителей рабочего класса в правительстве. Осенью 1944 г. в результате переговоров ВИКТ с правительством совет министров принял ряд мер по улучшению условий труда рабочих и служащих; заработная плата была повышена.

Добиваясь профсоюзного единства трудящихся, коммунисты вместе с тем выдвинули задачу выработки единой политической платформы трех массовых партий. 8 августа 1944 г. коммунисты и социалисты заключили новый пакт единства действий, в котором заявили, что решение социально-политических вопросов должно быть отложено до освобождения страны и что обе партии выступают за установление демократической республики путем созыва Учредительного собрания. Документ содержал общую конкретную программу борьбы против фашизма[69]. Для ее осуществления была создана совместная комиссия в составе: Тольятти, Ди Витторио, Ненни, Лиццадри и др. 4 сентября 1944 г. национальный съезд ИСППЕ, собравшийся в Неаполе, одобрил это соглашение.

Вовлечение крестьян в антифашистское движение позволило партии рабочего класса по новому поставить вопрос о взаимоотношениях с христианско-демократической партией, массовую базу которой составляли преимущественно трудящиеся деревни. 9 июля 1944 г. Тольятти, выступая на народном собрании в зале Бранкаччио в Риме, предложил заключить пакт единства действий между коммунистами, связанными братскими узами с социалистами, и христианскими демократами. Эта линия учитывала уже достиг-

66 *Дж. Канделоро*. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 106.

67 См. там же.

68 «Известия», 7.I 1945; см. также *М. П. Тарасов*. 52 дня в Италии. М., 1945.

69 «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 497.

нутые успехи в области профсоюзного единства трех течений, а также наметившуюся в рядах ХДП тенденцию к союзу с левыми партиями в целях проведения в будущем социальных реформ.

В августе ИКП и ИСППЕ выступили с совместным заявлением, предложив ХДП заключить пакт о единстве действий на основе следующей программы-минимум: доведение войны до конца, обновление государственного аппарата, повышение зарплаты и создание советов управления трудящихся на предприятиях [70]. В сентябре Тольятти снова выдвинул идею блока трех партий (ИКП, ИСППЕ, ХДП), заявив, что их общей политической платформой могла бы быть программа борьбы за прогрессивную демократию [71]. Однако наметившееся было сближение рабочих партий с ХДП не удалось закрепить вследствие возобладавших в ней консервативных и антикоммунистических тенденций [72].

В июне 1944 г. была создана единая партизанская армия — Корпус добровольцев свободы — с единым командованием. Инициаторами объединения партизанских отрядов были коммунисты. Главное командование партизанской армии в первых же принятых им директивах подчеркивало, что оно будет выполнять свои функции по поручению КНОСИ и действовать координированно с союзническими властями и итальянским правительством [73].

Корпус добровольцев свободы объединил все партизанские отряды, созданные различными политическими партиями. В каждом районе в зоне действия партизан было назначено соответствующее командование, подчиненное центру, и кроме того,— подпольное командование в оккупированных немцами городах. Партизанские отряды были объединены в бригады и дивизии. Наиболее опытной была партизанская армия в Пьемонте и в Эмилии. Ее общая численность к осени 1944 г. достигла 90 тыс. человек [74]. Отряды сохранили, однако, свою политическую окраску. Почти половина Корпуса добровольцев свободы была сформирована из гарибальдийских отрядов [75]. Значительны были и отряды Партии действия (31%) [76]. Эти два типа отрядов сохраняли в рамках Корпуса добровольцев свободы свою параллельную сеть командования. Коммунисты боролись за развитие и укрепление своих пар-

[70] «Unità», 9.VIII 1944.

[71] «Unità», 16, 26.IX 1944.

[72] Характерным показателем этих тенденций была, например, статья «Новый строй и большевизм» в газете ХДП «Democrazia».

[73] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 294.

[74] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 187.

[75] *П. Секкья.* Итальянские коммунисты и Сопротивление.— «Новая и новейшая история», 1963, № 3, стр. 102.

[76] Там же.

тийных ячеек в других партизанских отрядах, за согласованную линию в них бойцов — коммунистов, социалистов и членов Партии действия [77]. Ведущая роль коммунистов в вооруженной борьбе и проводимая ими политика единства левых политических сил позволила коммунистам получить важные командные посты в партизанской армии. Большинство ее политических комиссаров разделяли убеждения коммунистов [78].

Однако по настоянию союзников и правительства Бономи главнокомандующим Корпусом добровольцев свободы был назначен либерал Р. Кадорна. Л. Лонго и Ф. Парри были его заместителями, но в действительности именно им принадлежала ведущая роль в руководстве партизанским движением. В мемуарах Кадорна пишет, что в главном командовании корпусом «подавляющим влиянием пользовались Лонго и Парри. Это господствующее влияние коммунистической партии и Партии действия соответствовало реальному соотношению сил в партизанской армии» [79].

МАССОВАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА ЛЕТОМ — ОСЕНЬЮ 1944 Г. ОСВОБОЖДЕННЫЕ ПАРТИЗАНСКИЕ РАЙОНЫ

После освобождения Рима «Социальная республика» Муссолини вступила в полосу острого кризиса. Столица марионеточного государства была перенесена к швейцарской границе, в маленький курортный городок Сало на озере Гарда. Сам Муссолини под охраной итальянских и немецких эсэсовских отрядов поселился в местечке Гарньяно. Во время встречи с Гитлером 20 июля 1944 г. Муссолини, не скрыв от фюрера плачевного состояния режима, потребовал серьезной военной помощи. В Италию были направлены четыре немецкие дивизии. Кроме того, из числа немецких военнопленных, привезенных в Италию, были созданы отряды Тодт для строительства оборонительных укреплений.

Летом 1944 г. антифашистская вооруженная борьба вступила в новую фазу развития и приобрела характер широкой народной войны. Партизанские отряды сковывали 10 и более немецких и итальянских дивизий. Генерал Кессельринг признавал впоследствии, что «партизанская война стала для немецкого командования реальной опасностью» [80].

[77] «Documenti», 15.X 1944.

[78] Archivio del'Istituto di G. Feltrinelli. Fondo Resistenza, Documenti, fasc. III, f. 634.

[79] *R. Cadorna.* La riscossa. Milano, 1948, p. 132.

[80] *A. Kesselring.* Soldat bis zum letzten. Bonn, 1953, S. 324.

Летом же в Северной Италии начался новый подъем стачечной борьбы. В конце июня и в июле прошли крупные забастовки в промышленных центрах Лигурии, Пьемонта, Ломбардии. В июле компартия бросила лозунг: «Перенести восстание в деревню!» В движение пришло крестьянство Эмилии и Романьи. В сельской местности возникли Отряды патриотического действия. Они помогали крестьянам спасать урожай от фашистских реквизиций и переправляли продовольствие партизанам. В антифашистской вооруженной борьбе в Северной и Центральной Италии закладывались основы союза рабочего класса и крестьянства.

В период весенне-летних боев в Италии особенно остро встал вопрос о координации действий между партизанской армией и союзниками. Партизаны испытывали острую нужду в оружии. В свою очередь и союзники стремились более широко использовать борьбу патриотов против немцев, чтобы облегчить свое продвижение в Италии. В обращении главнокомандующего союзническими войсками в Италии генерала Александера к патриотам оккупированной Италии, сделанном в день освобождения Рима, 6 июня 1944 г., говорилось: «Столь долгожданный для вас день настал. Я призываю всех патриотов Италии единодушно восстать против общего врага» [81].

Уже в июле — августе 1944 г. стало очевидно, что союзники рассчитывали с помощью генерала Кадорны контролировать партизанскую армию и использовать ее исключительно в своих военных целях. Однако добиться такого подчинения союзники не сумели. Партизанское командование проявило готовность сражаться вместе с союзными армиями против фашизма и не раз заявляло об этом. Вместе с тем оно стремилось сохранять самостоятельность действий. Союзники в свою очередь по-прежнему ориентировали партизан преимущественно на диверсии и саботаж. Такие директивы содержались, например, в инструкции, направленной союзным командованием 11 августа 1944 г. генералу Кадорне. В этом же документе наряду с обещанием и впредь снабжать партизан оружием без обиняков говорилось, что там, где «политические цели (партизан — *авт.*) будут противоречить осуществлению военных планов союзников по продвижению в Италии, там помощь со стороны генштаба оказана не будет» [82]. Такого рода столкновения между политическими целями партизан, говорилось в документе, и «чисто военными планами» союзников весьма часто имели место в Центральной Италии в области Марке [83].

[81] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 112.
[82] Ibid., p. 126.
[83] Ibid., p. 99.

Красноречив и другой документ — письмо английского резидента в Швейцарии Маккефферн председателю Комитета национального освобождения Северной Италии Ф. Парри. Маккеффери напоминал, что уже давно он советовал направить усилия партизан на организацию саботажа и диверсий. «Но вы создали армию. Кто Вас просил об этом? Конечно не мы. Вы сделали это по политическим соображениям...» А теперь, язвительно спрашивал английский резидент, «не добиваетесь ли Вы права на руководство военными операциями вместо Эйзенхауэра или Александера?» [84].

Противоречия между партизанами и союзниками отчетливо проявились во время борьбы за освобождение Флоренции в августе 1944 г. Более 30 тыс. партизан заняли кольцо гор вокруг Флоренции и вели здесь упорные и длительные бои с немцами, продолжавшиеся до 2 сентября. Действия партизан были поддержаны забастовками городских рабочих, которые 11 августа переросли в восстание под руководством штаба командования во Флоренции. Англо-американские войска оказывали повстанцам весьма незначительную помощь. Более того, по свидетельству Л. Лонго, генерал Александер призывал итальянских партизан не вступать в город, а вести бои на его подступах и направить главный удар в спину отступающему из города противнику [85].

Политические цели этих рекомендаций вполне очевидны. И все же Флоренция была освобождена за шесть дней до прихода союзной армии. Власть в освобожденном городе взял в свои руки Комитет национального освобождения, и союзники не могли не посчитаться с этим [86].

Опасаясь размаха партизанского движения и не будучи в силах подчинить его своему контролю, союзники стали распускать партизанские отряды, как только та или иная территория освобождалась от немцев. В связи с этим генеральное командование Корпусом добровольцев свободы, опираясь на пожелание премьер-министра Бономи, обратилось 17 августа к командованию итальянской армии (Итальянского корпуса освобождения) и командованию союзников с просьбой, чтобы на освобожденных территориях партизанские соединения вливались в ряды итальянской национальной армии и получили бы таким образом возможность «сражаться плечом к плечу с союзниками до окончательной победы над наци-фашизмом» [87]. Однако эта просьба осталась без ответа со стороны союзников, и решить этот вопрос, несмотря на неоднократные усилия КНОСИ, не удавалось в течение почти полугода.

84 Ibidem.
85 Ibid., p. 141.
86 *F. Catalano*. Storia del CLNAI. Bari, 1956, p. 215.
87 Atti del Comando generale di Corpo Volontari della Liberta. Roma, 1946, p. 82.

В результате летне-осеннего наступления союзников и партизанских боев были освобождены Тоскана и Марке. Кроме того, был освобожден целый ряд населенных пунктов и районов в Пьемонте, Лигурии, Эмилии, Романье, Венето. В тылу у врага по указанию КНОСИ были созданы освобожденные зоны — так называемые партизанские республики. Они возникли преимущественно в сельских районах. Наиболее крупными были Республика Торрилья (между Генуей и Пьяченцей), Республика Монтефьорино (к югу от Пармы) и Республика Оссола (в Ломбардии, между грядой гор Монте Роза и озером Лаго Маджоре).

Итальянская компартия и гарибальдийское руководство отнюдь не стремились к установлению в освобожденных районах военной диктатуры партизан. Например, еще в конце августа 1944 г. федеральный комитет компартии Генуи направил послание командованию гарибальдийской дивизии Чикеро. В нем говорилось: «В занятой вами зоне еще не начато решение гражданских проблем, возникших с упразднением старой администрации. Задача, которую мы выдвигаем, заключается не в том, чтобы ликвидируемую власть заменить властью партизан или коммунистов, но в том, чтобы само население создавало органы, которые взяли бы на себя решение этих проблем. Мы должны помогать, побуждать, советовать, но вместе с тем нужно среди самого местного населения находить людей, которые будут ответственными руководителями новой демократической администрации» [88].

Во главе освобожденных зон стали центральные джунты, где были представлены деятели различных политических течений. Например, в центральную джунту Республики Оссола вошли социалисты (профессор Э. Тиббальди и Э. Вигорелли), которым принадлежало в ней руководство, коммунисты (член ЦК ИКП У. Террачини и Джизелла Флореанини), христианские демократы (П. Мальвестити и Л. Мари).

Джунты энергично проводили дефашизацию на местах. Народные трибуналы вершили суд над фашистскими преступниками. Взимался прогрессивный налог на имущество и вводился контроль над ценами. Излишки продовольствия распределялись среди нуждающихся. Джунты оказывали также помощь партизанам, а иногда и рабочим оккупированных городов, посылая им продукты. В свою очередь партизаны помогали крестьянам в сельскохозяйственных работах [89].

Восстанавливалось железнодорожное сообщение и средства связи. Республика Оссола имела постоянную радиосвязь с Римом

[88] «Rinascita», 1955, № 4, p. 269.

[89] *M. Legnani.* Politica e amministrazione nelle repubbliche partigiane. Supplemento al «Movimento di Liberazione in Italia», № 88, p. 34—42.

и непосредственные контакты с Швейцарией. Швейцарский красный крест оказывал ей помощь продуктами и согласился приютить около 2 тыс. детей республики.

Партизанские республики становились зародышами новой демократии, за которую сражались борцы Сопротивления.

По мере развития итальянское Сопротивление, как видно, все больше приобретало характер не только национально-освободительной борьбы, но и характер антифашистской демократической революции. Левое крыло Сопротивления — коммунисты, социалисты и Партия действия — хотели, чтобы свержение фашизма в Италии привело к созданию на его развалинах нового социального строя. Наиболее последовательным сторонником единства антифашистских сил была компартия. Она считала, что речь шла не о том, чтобы осуществить социалистические преобразования в ходе самого движения Сопротивления, а о его социалистической перспективе. Коммунистическая партия не выдвигала поэтому, как в 20-е годы, лозунга «Сделать как в России!» Главной задачей Сопротивления, помимо национального освобождения, являлась ликвидация фашизма и его социальных корней. Поэтому коммунисты боролись за сохранение единства антифашистских сил и рассматривали Сопротивление как великую демократическую революцию [90], которая должна привести после освобождения страны к установлению режима новой или, как чаще говорили коммунисты, прогрессивной демократии [91].

Политика ИКП учитывала сложившееся соотношение сил на международной арене и исходила из этой реальности. Политика Национального фронта, соответствовавшая линии Объединенных Наций, вместе с тем совпадала и с национальными интересами страны. Она соответствовала и революционным интересам итальянского пролетариата. Возможность установления в Италии прогрессивной демократии, развивающейся в направлении социализма, компартия связывала с тем новым соотношением сил, которое складывалось на международной арене благодаря победам в войне Советского Союза. «Мир, в устройстве которого будет участвовать СССР, создаст условия для демократического и прогрессивного развития Италии» [92],— писала в ноябре 1944 г. газета «Ностра лотта».

Эту стратегическую линию в целом разделяло и руководство ИСППЕ. В пакте единства действий двух партий (от 28 сентября 1943 г.) говорилось, что они ставят своей общей задачей создание

[90] *Г. С. Филатов.* Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964, стр. 11, 223.

[91] «Unità», 29.IX 1943, 27.VII 1944.

[92] «Nostra lotta», settembre 1944, p. 3—6.

«народной демократии», которая будет развиваться в направлении к социализму» [93].

Однако и внутри левого лагеря Сопротивления единство достигалось в сложной идеологической и политической борьбе. В ноябре 1944 г. в Северной Италии в глубоком подполье проходила коммунистическая конференция триумвиратов (так назывались тройки по подготовке восстания). Некоторые ее участники считали, что компартия должна взять курс на непосредственную пролетарскую революцию и установление в Италии власти Советов. Большинство участников конференции поддержало, однако, линию руководства — курс на прогрессивную демократию [94].

Компартии приходилось давать отпор сектантским настроениям не только в своих рядах, но в еще большей мере — ультрареволюционным лозунгам, выдвигавшимся время от времени Партией действия и социалистами. Острую полемику ИКП вела с группой социалистов Милана, руководимой Л. Бассо, которая выступила против Национального фронта и выдвинула лозунги пролетарской революции и установления социалистической республики [95], не отвечавшие тогда ни международным условиям, ни соотношению сил в самой стране.

Особое значение для социалистических сил Италии приобрела 27-я годовщина Октябрьской революции, исполнившаяся в ноябре 1944 г. Рабочие Турина и других городов отметили годовщину Октября частичными забастовками. Коммунистическая и социалистическая партии обратились в связи с юбилеем со специальным воззванием к итальянскому народу, в котором говорилось: «Никогда в такой мере, как сейчас, трудящиеся всех стран не испытывали воздействия русской революции и симпатии к Советскому Союзу. Вокруг СССР, совершившего революцию и являющегося оплотом нового бесклассового общества и движущей силой социализма, революционеры всего мира сплачивают пролетарские ряды в едином строю. Славный опыт русской революции вдохновляет трудящихся на борьбу до победного конца, вселяет в них уверенность в достижении свободы и гражданского прогресса» [96].

Вместе с тем, стремясь рассеять настроения части коммунистов, связывавших надежды на будущее Италии непосредственно с приходом советских войск, а с другой стороны, опровергая буржуазные домыслы о возможности «экспорта» революции из СССР, компартия подчеркивала, что новый строй, который возникнет в

[93] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 494.

[94] «Nostra lotta», gennaio 1945, p. 9—13.

[95] «Avanti!», 27.IX 1943; «Bandiera rossa», 25.X 1943.

[96] «Avanti!», 10.XI 1944.

Италии после освобождения явится результатом внутренней борьбы итальянского народа, а не будет привнесен извне. В ноябре 1944 г. подпольная газета компартии «Ностра лотта» в статье, озаглавленной «СССР и Италия», писала, что Советский Союз не собирается навязывать Италии какой-то определенный строй, что выбор политического устройства страны является делом самого итальянского народа. «Таков принцип СССР,— заключала газета,— и его ленинской политики» [97].

ДЕКАБРЬСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Осенью 1944 г. противоречия между партизанским движением и союзниками приняли особенно острый характер. Неожиданные изменения военных планов союзников в Италии повлекли за собой тяжелые потери партизан. В начале сентября командование союзников сообщило КНОСИ: «Стратегическая обстановка допускает возможность, что в ближайшее время противник оставит Северную Италию прежде, чем туда войдут войска союзников» [98]. Опираясь на эту информацию, КНОСИ 20 сентября обратился к народу с призывом о подготовке национального восстания [99]. Компартия в свою очередь опубликовала воззвание, в котором она призывала «расширять, усиливать партизанскую борьбу до ее перерастания во всеобщую политическую забастовку, в национальное восстание» [100]. Однако планы союзников неожиданно изменились. Стратегическое наступление в Северной Италии было отложено в соответствии с решениями 2-й конференции в Квебеке. Этот неожиданный поворот поставил партизанское движение в чрезвычайно трудные условия. Первой испытала на себе последствия этого поворота Болонья. Восстание в Болонье, начавшееся в начале октября, не получило поддержки союзников и было жестоко подавлено немцами [101].

Воспользовавшись остановкой союзников, немцы обрушили все силы на партизанское движение. В этих целях были созданы специальные карательные отряды. По приказу Кессельринга гитлеровцы начали репрессии против гражданского населения, оказывавшего содействие партизанам. Особенно чудовищной расправе подверг-

[97] «Nostra lotta», novembre 1944, p. 3—6.

[98] *P. Secchia, E. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 133.

[99] Documenti ufficiali del Comitato di Liberazione Nazionale per l'Alta Italia. Milano, 1945, p. 59—60.

[100] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 299.

[101] *В. С. Стрельников, Н. М. Черепанов.* Указ. соч., стр. 224.

лось население Марцаботто (провинция Болонья). Более половины его жителей — 2 тыс. человек — погибли [102].

В истории итальянского Сопротивления осень — зима 1944 г. были наиболее драматичным периодом. Союзники почти прекратили помощь партизанам оружием и продовольствием. В результате большинство партизанских республик было вновь оккупировано немецкими войсками. Некоторые итальянские историки-марксисты приходят к выводу, что англичане и американцы «сознательно поставили под удар» [103] итальянское движение Сопротивления, развитие которого вызывало у них серьезные опасения политического характера.

Наконец, союзники предприняли маневр с целью демобилизации партизанской армии. 10 ноября главнокомандующий союзными войсками в Италии Александер обратился к партизанам с инструкцией, в которой им предлагалось в связи с задержкой наступления союзников «прекратить активные действия, начатые ранее, чтобы подготовиться к новой фазе борьбы и встретить нового врага — надвигающуюся зиму» [104]. В обращении говорилось также, что возможности снабжения партизан союзниками с самолетов в ближайший период будут ограничены. Действительный смысл этого обращения Александера к партизанам заключался в том, чтобы нанести последний удар с целью удушения итальянского Сопротивления.

Командование Корпуса добровольцев свободы решило дать воззванию Александера свою интерпретацию. Оно разослало всем партизанским отрядам инструкцию, написанную Л. Лонго. В ней говорилось, что «борьба продолжается и должна продолжаться» и что ссылки на директивы Александера в целях оправдания предложений о демобилизации партизан и «свертывании» партизанской борьбы на зимний период абсолютно не оправданы. Напротив, говорилось в документе, «мы должны предвидеть на ближайшие недели и на ближайшие месяцы не свертывание, не ослабление партизанской борьбы, но усиление ее, расширение вооруженных отрядов» [105]. Благодаря твердой позиции коммунистов и поддержке населения армия Сопротивления была сохранена.

Во второй половине ноября 1944 г., по предварительной договоренности с союзниками, КНОСИ направил делегацию для пере-

[102] *Л. Лонго.* Народ Италии в борьбе. М., 1952, стр. 314—315; *Б. Батталья.* Указ. соч., стр. 521.

[103] *Ф. Фрассати.* Республика Оссола — партизанское государство в сердце оккупированной немецкими фашистами Италии.— «Объединение Италии», М., стр. 321.

[104] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 151.

[105] *L. Longo.* Sulla via dell'insurrezione nazionale. Roma, 1954, p. 339—349.

говоров в Рим. Делегацию возглавляли Ф. Парри и Дж. К. Пайетта. В ее задачи входило добиться официального признания КНОСИ со стороны итальянского правительства и союзников в качестве представителя итальянского правительства в Северной Италии, а также признания Корпуса добровольцев свободы как части регулярного войска с последующим его включением в итальянскую национальную армию.

Путь делегации из Милана был сложен — через Швейцарию, Южную Францию в Южную Италию, а затем в Рим. Переговоры делегации КНОСИ с союзниками привели к подписанию 7 декабря так называемых Римских протоколов [106]. Союзники обещали увеличить поставки партизанам продовольствия и оружия. Однако дальнейшие переговоры по двум основным пунктам — о признании политических функций КНОСИ и о признании Корпуса добровольцев свободы — наткнулись на серьезное сопротивление. Положение осложнилось в связи с правительственным кризисом, вызванным обострением противоречий между антифашистскими партиями.

26 ноября Бономи подал в отставку. В этот критический момент компартия выступила против абсолютно нереального в тех условиях предложения социалистов и Партии действия о создании правительства из представителей одних левых партий. Коммунисты в отличие от ИСППЕ и Партии действия считали необходимым сохранение национального фронта и согласились войти в состав второго правительства Бономи, сформированного 12 декабря 1944 г.

В результате было создано так называемое министерство по делам оккупированной Италии, решен вопрос о финансировании союзниками движения Сопротивления при посредничестве итальянского правительства.

Руководство ИКП на заседании, состоявшемся в конце декабря 1944 г., одобрило линию партии в период правительственного кризиса и подтвердило верность политике национального единства.

В принятой резолюции говорилось, что ответственность коммунистов в новом правительстве значительно возрастает, поскольку в него не вошли представители других левых партий. В связи с этим ИКП считала необходимым довести до сведения всей страны те цели, которые коммунисты ставили перед собой в правительстве: мобилизация всех сил для борьбы против наци-фашизма, скорейшая демократизация политической жизни страны, защита неотложных нужд трудящихся, восстановление экономики страны в соответствии с ее национальными интересами. В резолюции подчеркивалось, что участие коммунистов в правительстве как никогда тре-

[106] *R. Cadorna*. Op. cit., p. 176—177.

бует расширения связей коммунистов с массами и активизации деятельности массовых организаций трудящихся [107].

Особое значение компартия придавала в этот период упрочению комитетов национального освобождения. В середине декабря ИКП вслед за Партией действия направила открытое письмо всем антифашистским партиям и массовым организациям, в котором она предлагала превратить комитеты национального освобождения в подлинное «тайное правительство» на оккупированной немцами территории Италии. В этих целях обе партии считали необходимым создать широкую сеть КНО на местах и предприятиях, укрепить их связи с массовыми организациями трудящихся. КНО, по мнению коммунистов, должны были мобилизовать все национальные силы для участия в восстании, вести борьбу против голода и холода, оказывать помощь бастующим рабочим, карать наци-фашистов и коллаборационистов [108].

В конце декабря 1944 г. правительство Бономи, а вслед за ним и союзники заявили об официальном признании КНОСИ. Однако это признание было скорее формальным. Делегация КНОСИ добивалась признания его как органа политической и административной власти на оккупированной немцами территории вплоть до прихода союзников. Последние же были против такой формулы. В двустороннем соглашении, подписанном в конце декабря Бономи и Пайеттой, говорилось, что «итальянское правительство признает Комитет национального освобождения Северной Италии (КНОСИ) в качестве органа антифашистских партий на территории, оккупированной врагом», а также «уполномочивает КНОСИ представлять его (правительство) в борьбе, которую патриоты ведут против немцев и фашистов на еще не освобожденной территории Италии» [109]. Что касается союзников, то сначала они разделяли эту форму признания, но затем пересмотрели свою позицию. Уже 30 декабря Бономи сделал заявление, что военная союзническая администрация не согласна с какой-либо формой политического признания КНОСИ, но готова признать за ним право на участие в войне против немцев, которую они ведут по ту сторону линии фронта. [110] Союзники настаивали на том, чтобы итальянское правительство также отказалось рассматривать КНОСИ в качестве политического органа шести партий [111]. Поэтому даже та ограниченная формула его признания, которую удалось согласовать с правительством, была важным успехом,— и это после долгих дебатов конста-

[107] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 237—240.
[108] Ibid., p. 321.
[109] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 220.
[110] «Unità», 31.XII 1944.
[111] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 223.

тировал на своем заседании Комитет национального освобождения Северной Италии [112].

Не меньшие усилия прилагали союзники и к тому, чтобы ослабить партизанскую армию и заранее принять необходимые меры для ее роспуска после окончания войны. Расформирование отдельных партизанских отрядов на территории, освобожденной от немцев, союзники, как говорилось, практиковали уже во время наступательных боев летом — осенью 1944 г. Они выдвигали также свои планы реорганизации партизанской армии с целью ее подчинения контролю союзного командования [113]. В этой ситуации Комитет национального освобождения Северной Италии поставил перед союзниками и итальянским правительством вопрос о необходимости включить партизанские отряды (по мере освобождения тех или иных территорий от немцев) в состав регулярной итальянской армии. Это предложение обсуждалось во время первой миссии делегации КНОСИ на Юг, но безрезультатно. Лишь после длительной борьбы (не обошлось при этом без острых противоречий и между партиями) 18 января 1945 г. совет министров Италии официально признал Корпус добровольцев свободы [114]. Тогда же по случаю «Дня партизан» в Риме состоялась торжественная манифестация, в которой принял участие Бономи. К знамени Корпуса добровольцев свободы была приколота высшая военная награда Италии — Золотая медаль.

В целях единства партизанского движения коммунисты давно уже ставили вопрос о реорганизации Корпуса добровольцев свободы. В январе 1945 г. они выдвинули следующий проект: объединить по зонам партизанские отряды, имевшие различную политическую ориентацию, ввести обязательную систему подчинения отрядов единому районному и центральному командованию. При этом коммунисты полагали, что Корпус добровольцев свободы должен сохранить характер военно-политической организации и стать единой национально-патриотической армией КНОСИ [115]. Партия действия и социалисты, разделяя проект, разработанный коммунистами, вместе с тем более энергично подчеркивали необходимость сохранения политического характера партизанской армии как армии демократической революции [116].

[112] Ibid., p. 225.

[113] Такой план, например, был выдвинут полковником Стивенсоном, координировавшим британские военные миссии в Пьемонте (Aspetti della Resistenza in Piemonte. Torino, 1950, p. 137—139).

[114] «Unità», 19.I 1945.

[115] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 290.

[116] Ibid., p. 284.

Такая реорганизация противоречила целям союзников и консервативных сил Сопротивления. Поэтому при обсуждении этого вопроса главнокомандующий Корпусом добровольцев свободы генерал Кадорна исключал возможность признания каких-либо политических целей партизанской армии, сводя ее задачи лишь к военной борьбе против немцев, исключал вообще возможность свободы политической пропаганды и распространения партийной печати в рядах единой партизанской армии [117]. Наконец, Кадорна понимал, что в силу сложившегося соотношения сил в Сопротивлении гегемония в руководстве партизанскими отрядами фактически принадлежала коммунистам (об этом Кадорна писал в донесениях итальянскому правительству) [118]. Стремясь подорвать гегемонию коммунистов в партизанской армии, Кадорна предложил, чтобы в штабе командования армии после ее реорганизации были представлены все пять антифашистских партий, независимо от их фактической силы внутри партизанского движения [119]. Однако в конце концов он вынужден был признать проект коммунистов наиболее реалистичным [120]. В конце февраля вопрос о реорганизации партизанской армии был окончательно согласован с командованием Корпуса добровольцев свободы, а в конце марта официально одобрен КНОСИ. Полностью осуществить реорганизацию армии в сроки, оставшиеся до национального восстания, не удалось. Однако, по свидетельству Л. Лонго, принятие согласованных решений «способствовало созданию в отношениях между всеми вооруженными соединениями и всеми политическими течениями атмосферы большего доверия, понимания и стремления к сотрудничеству» [121].

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ

Идя навстречу национальному восстанию, левые партии уточняли свои непосредственные цели и перспективы. В апреле 1945 г. состоялось второе заседание Национального совета компартии. Коммунисты подтвердили верность политике национального единства. Чтобы предотвратить опасность (после освобождения Северной Италии) разрыва между революционным Севером и консервативным Югом, компартия предложила незамедлительно осуществить

[117] *R. Cadorna*. Op. cit., p. 191.
[118] Ibid., p. 180—184.
[119] Ibid., p. 143—145.
[120] *P. Secchia, F. Frassati*. La resistenza e gli alleati, p. 309.
[121] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 448.

демократизацию политического режима Юга путем расширения связей КНО с массами и усиления их политической роли [122]. Было решено также, как можно скорее после освобождения провести выборы в местные органы власти, искоренив остатки фашизма [123]. Компартия еще раз заявила о необходимости тесного союза с социалистами и заключения политического пакта с ХДП.

Тольятти вновь подтвердил на конференции выдвинутый им в 1944 г. лозунг создания «новой партии». Имелось в виду порвать с традициями 20-х годов и периода подполья (когда неизбежна была узкая кадровая организация) и придать партии широкий массовый характер. Лозунг новой партии связывался также с задачами борьбы за прогрессивную демократию.

Курс ИКП в партийном строительстве дал вскоре первые результаты. Если в конце 1943 г. на оккупированной немцами территории Северной Италии насчитывалось 6 тыс. коммунистов, то в октябре 1944 г. их было уже 70 тыс., а в апреле 1945 г.— 90 тыс. человек. В крупнейших городах Севера: Турине, Милане, Генуе, Болонье в течение зимы 1944/45 г. число коммунистов удвоилось [124]. По всей стране к моменту освобождения компартия насчитывала 400 тыс. членов [125]. В последние месяцы Сопротивления политическое единство рабочего класса значительно окрепло [126]. В феврале 1945 г. ИСППЕ так же, как и компартия взяла курс на всеобщую забастовку и национальное восстание. Тогда же две партии рабочего класса приняли совместную резолюцию о развитии партизанской войны.

ИКП вновь начала переговоры о единстве действия с ХДП. Тольятти заявил, что коммунисты рассматривают союз с католиками не как маневр, а как постоянную линию [127]. На местах (в Турине, Кремоне) стали устанавливаться пакты о единстве действий между ИКП, ИСППЕ и ХДП [128].

В январе 1945 г. с началом широкого советского наступления на Восточном фронте вооруженная борьба партизан активизировалась. Сопротивление вступило в свою заключительную фазу.

Первого февраля миланское командование Корпуса добровольцев свободы в циркуляре, обращенном к партизанам, писало: «Славная Советская армия устремилась к Берлину — и ничто и

[122] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 255—257.
[123] Ibid., p. 258—261.
[124] *P. Secchia.* Op. cit., p. 397.
[125] «Антифашистское движение Сопротивления». М., 1962, стр. 263.
[126] «Unità», 17.III 1945.
[127] «Nostra lotta», gennaio 1945, p. 14—15.
[128] «Unità», 17, 20.IV 1945.

никто не остановит ее триумфального марша. Все к оружию! Решительно пойдем навстречу Национальному восстанию, которое освободит родину от ненавистных интервентов и фашистского рабства!»[129]

В марте партизанским командованием был выработан план национального восстания. Решающую роль в его подготовке и проведении сыграли коммунисты. Вопрос о подготовке восстания обсуждался на специальном совещании руководства компартии Северной Италии, состоявшемся в оккупированном Милане 11—12 марта. Л. Лонго и П. Секкья поддержали на совещании необходимость обеспечить национальный всенародный характер восстания[130]. В воззвании, принятом на этом совещании, от имени ИКП говорилось: «Общенациональное восстание должно стать делом всего народа»[131].

Весной 1945 г. все штабы партизанского командования уточняли планы восстания, детально разработанные еще летом прошлого года. Были составлены планы восстания Турина, Милана, Генуи, Болоньи и других городов.

«Республика Сало» доживала свои последние месяцы. Муссолини лихорадочно искал выход. В марте 1944 г. он попытался установить контакты с союзниками, чтобы договориться о перемирии. 13 марта сын Муссолини Витторио вручил миланскому кардиналу Шустеру для передачи союзникам следующие предложения о перемирии. Вооруженные силы фашистской армии должны быть сохранены после перемирия и использованы союзниками в целях совместного подавления партизанских отрядов и коммунистов, для разгона митингов и забастовок. Только после того как на Севере порядок будет полностью восстановлен, союзники разрешат войти на территорию Северной Италии вооруженным силам правительства Бономи. Лишь затем фашистская партия будет распущена, все граждане получат равные права, будет создано правительство, отражающее все политические тенденции и созвано Учредительное собрание[132].

Но переговоры с союзниками не получили развития, ибо Муссолини был для них уже политическим трупом. Союзники предпочитали иметь дело с немецким командованием. В тайне от СССР они начали переговоры в Швейцарии с представителями Германии относительно прекращения военных действий в Северной Италии. Советская сторона решительно выступила против маневра западных

[129] Archivio del'Istituto di Geltrinelli. Fondo Resistenza, Documenti, fasc. I—II, f. 405.

[130] *L. Longo*. Op. cit., p. 430.

[131] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 498—504.

[132] *I. Schuster*. Gli ultimi tempi di un regime. Milano, 1960, p. 105—106.

союзников, после чего они вынуждены были отказаться от сепаратных переговоров. 9 апреля 1945 г. англо-американские войска возобновили военные действия в Италии [133].

Союзники стремились использовать задержку наступления, для того чтобы усилить контроль над партизанским движением. Еще в конце февраля Маккефферн пригласил делегацию КНОСИ для переговоров в Берн. Здесь в беседах с Кадорной и Вальяни был согласован вопрос о более тесной координации действий союзников и партизан в связи с предстоящим решающим наступлением. Затем в Лионе состоялась встреча делегатов КНОСИ с представителями высшего средиземноморского командования, во время которой союзники, по словам Кадорны, хотели выяснить силы итальянских партизан и особенно позиции коммунистов [134]. Союзники не выступили против идеи национального восстания итальянских патриотов, так как понимали, что оно соответствует целям скорейшего завершения войны в Италии [135]. Однако они всячески подчеркивали, что главной задачей повстанцев и партизан должно быть не создание партизанских районов и освобождение городов, а спасение промышленных предприятий от разрушений врага, саботаж, выведение из строя коммуникаций и удары по отступающему противнику. Так, 25 марта 1945 г. генштаб союзников направил циркуляр Пьемонтскому областному комитету КНО, в котором говорилось, чтобы партизаны после освобождения оставались в пределах своих зон и что они «не должны спускаться с гор и концентрироваться в городах» без приказов союзников [136]. Три дня спустя генерал Кларк в послании итальянским партизанам рекомендовал им не создавать новых партизанских отрядов и не вербовать людей в свои ряды [137]. Генштаб союзников разработал также план разоружения и роспуска партизанских отрядов сразу после освобождения. Только часть их предлагалось включить в итальянскую регулярную армию. Об этом было сообщено представителям КНОСИ — Парри и Кадорне — во время их «второй миссии на Юг», в начале апреля 1945 г. Направляя Комитету национального освобождения Северной Италии доклад об итогах этой миссии, Парри писал, что, согласно договоренности, достигнутой с союзниками и итальянским правительством, только часть партизан будет включена в итальянскую регулярную армию, остальные

[133] *А. А. Галкин*. Операция «Кроссворд».— «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 128—212.
[134] *R. Cadorna*. Op. cit., p. 225.
[135] *L. Valiani*. Dall'antifascismo alla resistenza. Milano, 1959, p. 151.
[136] *P. Secchia, F. Frassati*. La resistenza e gli alleati, p. 335.
[137] Ibid., p. 335.

разойдутся по домам, получив амуницию и пособие за счет итальянского правительства [138].

Во время этих переговоров представители союзников потребовали от КНОСИ обязательства, чтобы после прихода в освобожденные районы союзнических войск КНО передали власть комиссариатам Союзнического военного управления на оккупированной территории (АМГОТ). Со своей стороны они обещали по вопросам административной деятельности в Италии советоваться с КНО. Аналогичные требования выдвинуло и итальянское правительство, направив в конце марта на Север своего представителя для переговоров с КНОСИ [139]. В итоге этих переговоров КНОСИ 29 марта единодушно принял следующее решение. В момент национального восстания КНО должны взять на себя местное управление, а после прибытия представителей военной союзнической администрации по их требованию передать власть органам АМГОТ и признать все постановления союзников [140].

Руководство Сопротивления вынуждено было принять эти решения, так как оно уже давно пришло к выводу, что движение должно избежать вооруженного столкновения с союзниками. Это была единственно реалистическая перспектива в тех условиях. Уступка, сделанная движением Сопротивления союзникам, не остановила подготовки национального восстания. На другой же день после возобновления наступления союзников в Италии, 10 апреля 1945 г., итальянская компартия разослала всем гарибальдийским отрядам и своим организациям «директиву № 16 о восстании». Этот важнейший документ Сопротивления начинался словами: «Час решительного штурма пробил. Немецкие войска разгромлены и беспорядочно бегут на всех фронтах. Новые крупные военные события ускорили неизбежный крах нацизма и фашизма: советское наступление на Одере и англо-американское наступление в Италии будут завершающими актами победоносной битвы» [141].

Десять дней спустя руководство компартии разослало коммунистам разъяснительный документ, в котором подтверждалось, что восстание должно принять широкий национальный характер, что народ, «создав демократические институты (народные джунты, КНО и т. д.), которые возьмут власть и управление в свои руки, должен свободно решать свою судьбу» [142].

[138] *P. Secchia, F. Frassati.* Za resistenza e gli alleati, p. 347.

[139] Ibid., p. 333.

[140] Documenti ufficiali del Comitato di Liberazione Nazionale per l'Alta Italia, p. 41—43.

[141] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 322.

[142] Ibid., p. 335.

Компартия выпустила также обращение к народу, в котором она призывала всех итальянцев сплотиться вокруг комитетов национального освобождения и поднять трехцветное знамя национального восстания за свободу, демократию и прогрессивную Италию [143].

Несмотря на рекомендации союзников, численность партизанских отрядов в эти последние месяцы быстро росла. За десять дней до общенационального восстания Корпус добровольцев свободы насчитывал уже 130 тыс. человек, а в момент восстания, по данным Л. Лонго, его численность достигла 250 тыс. [144]

Фашистский режим в Северной Италии агонизировал. 4 апреля директория фашистской республиканской партии объявила всеобщую мобилизацию, чтобы оказать «сопротивление до конца». Но в Милане собрались лишь деморализованные группы фашистов, отступавших из Эмилии и Венето. Однако Муссолини еще надеялся, что выход будет найден и уповал на раскол антигитлеровской коалиции. 16 апреля в Гарньяно Муссолини собрал последнее заседание своего кабинета и объявил о перенесении резиденции «республики Сало» в Милан. Он надеялся развязать себе руки по отношению к немцам и перекинуть спасительный «мост» между Севером и Югом. В тот же день Муссолини со своими министрами прибыл в Милан. Однако здесь иллюзорность его надежд стала очевидной. 23 апреля, собрав своих приверженцев, дуче предложил им «уйти в горы», выдержать там последнюю оборону и «умереть с улыбкой на лице и со взглядом, устремленным к горным вершинам» [145].

Между тем национальное восстание в Северной Италии уже началось — почти на неделю раньше сигнала, данного партизанам генштабом союзников. Вдохновляющим примером для итальянских патриотов служило наступление Советской Армии на Берлин. С 16 апреля 1945 г. Турин был охвачен всеобщей забастовкой. 19 апреля, когда союзные войска подошли к Болонье, в городе по сигналу объединенного военного командования партизан началось восстание. Штурм был стремительным. Он длился лишь несколько часов. Повстанцы захватили свыше тысячи пленных.

В течение недели в Пьемонте были освобождены все крупные горные селения. Ширилось восстание в Ломбардии и Венето. В ночь с 23 на 24 апреля восстала Генуя. Генуэзское восстание, по мнению историка Батталья, было образцом военного искусства, хотя и стоило больших жертв. В восстании участвовало больше 20 тыс. пат-

[143] Ibid., p. 330.

[144] *Л. Лонго.* Указ. соч., стр. 376.

[145] *E. Santarelli.* Op cit., p. 578.

риотов, в том числе 3 тыс. заранее подготовленных бойцов. Когда был дан сигнал к штурму, повстанцы стремительно заняли все общественные здания: от муниципалитета до полицейского управления. Открылись ворота тюрем, и вышли на свободу политические заключенные. Немецкие гарнизоны были лишены телефонной связи, остались без электрического света и воды. Железные дороги вышли из строя. Командование партизан отказалось выпустить немецкий гарнизон и после двухдневных ожесточенных боев на улицах города вечером 25 апреля он был вынужден капитулировать. Повстанцы взяли в плен 15 тыс. немцев [146].

Восстание в Генуе послужило сигналом для решающего штурма. 24 апреля компартия разослала своим секциям документ, в котором говорилось, что «восстание идет к своему победоносному завершению». Партия призывала коммунистов следить за развитием событий на местах и не упустить момента, не допустить саботажа восстания со стороны других партий, встать во главе национального восстания и провести его под трехцветным знаменем. Партия призывала максимально развить инициативу масс и немедленно в ходе восстания создать народные органы власти. «Мы не можем допустить повторения 25 июля,— говорилось в этом документе.— Национальное восстание всего народа должно стать решающим условием краха фашизма, а не его последствием» [147]. Главное внимание компартия считала необходимым обратить на проведение восстания в крупнейших промышленных центрах. Утром 24 апреля Повстанческий комитет Милана, в состав которого входили коммунисты Л. Лонго и Э. Серени, социалист С. Пертини и представитель Партии действия Л. Вальяни, приняли решение о восстании. Оно началось на следующий день. Вечером 24 апреля комитет национального освобождения Турина разослал партизанским отрядам зоны приказ о начале восстания в ночь на 26 апреля. Таким образом, восстание на Севере уже давно началось и было готово к последнему штурму, когда 25 апреля генштаб союзников направил, наконец, КНОСИ и главному командованию Корпуса добровольцев свободы приказ о развертывании партизанских действий. В этом приказе говорилось, что партизаны должны атаковать отступающие немецкие части, мешать их отступлению, но не занимать стабильных позиций [148].

Утром 25 апреля Комитет национального освобождения Северной Италии, находившийся в Милане, санкционировал всеобщее национальное восстание. В тот же день рабочие Милана прекра-

[146] *Л. Лонго.* Указ. соч., стр. 380.
[147] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 333.
[148] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 362.

тили работу и заняли фабрики и заводы, превратившиеся в опорные пункты борьбы. На заводе «Пирелли» рабочие захватили в плен немецкий гарнизон и в течение трех часов выдерживали неравный бой против врага, который пытался проложить себе путь орудийными залпами. Еще более трудную оборону выдержали рабочие завода «Бреда». Повстанцы, переходя к уличным боям, заняли префектуру и радиостанцию. Отряды «Маттеотти» атаковали парк немецких танков. Пламя восстания быстро распространилось на всю провинцию.

В тот же день, 25 апреля, Муссолини предпринял свою последнюю попытку найти «конец без конца». При посредничестве миланского кардинала дуче встретился с делегацией КНОСИ в надежде заключить перемирие с партизанами. Но делегация КНОСИ потребовала безоговорочной капитуляции. Прервав переговоры и пообещав дать ответ позднее, Муссолини с группой сторонников бежал из Милана и направился в сторону швейцарской границы. По свидетельству личного врача Муссолини, он производил впечатление «тяжело больного человека, подавленного отчаянием» [149].

Глава союзнической миссии в Пьемонте полковник Стивенс стремился всеми средствами помешать восстанию в Милане и Турине. Р. Батталья прямо пишет, что «если в других местах восстание было осуществлено без англо-американских директив, в Турине — не будет преувеличением утверждать это — оно было осуществлено вопреки этим директивам» [150].

В ночь с 25 на 26 апреля рабочие Турина заняли все крупнейшие предприятия, превратив их в крепости. Над заводскими трубами взвились трехцветные флаги национального восстания. Завод «Ланча» стал штабом военного командования Турина.

На следующий день повстанцам пришлось выдержать тяжелые бои, так как вступление в город партизанских отрядов запоздало. Вражеские танки попытались штурмом взять рабочие крепости. На заводе «Ланча» атаки немецких «тигров» были отражены огнем пулеметов. На заводах ФИАТ и «Феррьере пьемонтези» гаписты забрасывали танки бутылками с горючей смесью. Отразив штурм противника, рабочие и гаписты покидали предприятия и развертывали ожесточенные уличные бои. Повстанцам удалось захватить все мосты и помешать противнику изолировать часть города.

Во второй половине дня 26 апреля в Турин ворвались партизанские отряды. Ожесточенные бои в центре города продолжались еще два дня [151].

[149] *E. Santarelli*. Op. cit., p. 580.

[150] *Р. Батталья*. Указ. соч., стр. 644.

[151] *Л. Лонго*. Указ соч., стр. 382—384.

26 апреля КНОСИ выпустил воззвание, в котором говорилось, что в соответствии с полномочиями, данными ему итальянским правительством, комитет от имени народа и добровольцев свободы «берет на себя полноту административной и правительственной власти» [152] на Севере страны. На основе декрета КНОСИ от 25 апреля рабочие на занятых фабриках начали создавать советы управления.

27 апреля руководители компартии Северной Италии: Л. Лонго, П. Секкья, Дж. Амендола и другие — телеграфировали из Милана в Рим П. Тольятти о полной победе восстания. В телеграмме сообщалось: «Северная Италия освобождена всеобщим народным восстанием. Все наши товарищи и организации в полном единстве с антифашистскими силами были во главе борьбы. Повсюду власть находится в руках народа, руководимого комитетами национального освобождения» [153].

В тот же день, 27 апреля, около местечка Донго передовой пост 52-й гарибальдийской бригады остановил автоколонну наци-фашистов, которые пробирались к швейцарской границе. При проверке документов среди беглецов был обнаружен Муссолини, переодетый в шинель немецкого солдата; не сопротивляясь, он сдался партизанам. Получив известие о его поимке, генштаб союзнической армии запросил КНОСИ о местонахождении Муссолини и просил «немедленно передать его в распоряжение союзников» [154].

Однако итальянский народ сам свершил свой правый суд над бывшим диктатором. В ночь на 28 апреля по приговору партизанского командования полковник Валерио (партизанская кличка коммуниста Вальтера Аудизио) расстрелял Муссолини в окрестностях Донго. Тогда же на муниципальной площади Донго были расстреляны 16 приспешников Муссолини, среди них и несколько бывших министров «Республики Сало». Поздно ночью останки фашистских преступников были привезены в Милан на площадь Лорето. «Выбор места,— вспоминает Валерио,— не был импровизацией той ночи. Я хорошо помнил угол этой площади вечером 14 августа 1944 г., когда на ней лежали трупы 15 замученных партизан и вокруг них стояли чернорубашечники. Эта площадь была символом для всего народа, памятью о 76 тыс. патриотах, павших в войне за освобождение» [155].

Утром 29 апреля трупы Муссолини и еще нескольких фашистских преступников были подвешены вниз головой к стропилам бензозаправочной колонки.

[152] *Р. Батталья.* Указ. соч., стр. 637.

[153] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale, p. 335—336.

[154] *P. Secchia, F. Frassati.* La resistenza e gli alleati, p. 364.

[155] «Unità», 28.III 1947.

12. Митинг социалистов после освобождения Милана 3 мая 1945 г.

Весь день площадь была заполнена толпами народа, выражавшего свою ненависть и презрение к виновникам пережитой им трагедии [156].

В коммюнике Комитета национального освобождения Северной Италии о казни Муссолини и его сановников говорилось: «Итальянский народ не смог бы начать свободной и нормальной жизни, в которой фашизм отказывал ему 20 лет, если бы Комитет национального освобождения своевременно не продемонстрировал свою железную волю привести в исполнение приговор, уже вынесенный историей» [157].

Героическая эпопея борьбы итальянского народа за освобождение от наци-фашизма была закончена. В Сопротивлении участвовало около 224 тыс. партизан — из них 142 тыс. принадлежали гарибальдийским отрядам, руководимым коммунистами. Кроме того, в борьбе принимали участие 112 тыс. патриотов из других антифашистских организаций. За свободу Родины погибло 62 тыс. партизан, из них 42 тыс.— гарибальдийцев. Кроме того, погибло еще 14 тыс. патриотов, главным образом коммунистов [158].

В предсмертных письмах борцы-антифашисты писали, что умирают во имя торжества революционных идеалов [159]. Юноша Роберто Рикотти, расстрелянный 14 января 1945 г. в концлагере Чивриати, на маленьком обрывке бумаги успел написать лишь несколько слов: «Дорогие родители, мужайтесь! Я умираю за великую идею справедливости: за коммунизм» [160]. Эти предсмертные строки Роберто Рикотти могли бы стать эпитафией многим сотням коммунистов, отдавших жизнь за свободу Италии.

387 участников Сопротивления (многие посмертно) были награждены Золотой медалью «За воинскую доблесть» — среди них имена 93 коммунистов [161].

В итальянском партизанском движении принимали участие антифашисты различных национальностей: русские, чехи, поляки, ан-

[156] См. *Г. С. Филатов*. Последние дни Муссолини.— «Новая и новейшая история», 1963, № 2, 3.

[157] Цит. по: *Г. С. Филатов*. Последние дни Муссолини.— «Новая и новейшая история», 1963, № 3, стр. 52.

[158] *П. Секкья, Ч. Москателли*. Монте Роза спустилась в Милан. М., 1961, стр. 15.

[159] «Перед лицом смерти. Письма приговоренных к смерти борцов итальянского Сопротивления». М., 1962.

[160] Archivio dell'Istituto di G. Feltrinelli. Fondo Resistenza, Documenti, fasc. 7/1.

[161] *П. Тольятти*. Итальянская коммунистическая партия. М., 1960, стр. 74.

13. Выступление Луиджи Лонго на митинге. 1945 г.

гличане. Они влились в итальянское Сопротивление, бежав из гитлеровских тюрем и лагерей. По данным, установленным сейчас Итальянской ассоциацией партизан (АНПИ), в рядах итальянского Сопротивления сражались около 5 тыс. советских граждан [162]. Среди них были Ф. Полетаев, А. Тарасов, В. Переладов и многие другие [163], о боевых делах которых с признательностью го-

[162] Исследователь-коммунист М. Галлени пишет: «В результате поисков, произведенных в 45 провинциях (т. е. почти повсюду, где действовали партизанские отряды), выяснено, что с 8 сентября 1943 г. до освобождения всей итальянской территории от наци-фашистов (10 мая 1945 г.) число советских людей, сражавшихся вместе с итальянскими партизанами, составило 4981 человек, из них 925 пали в борьбе» (*M. Galleni.* Partigiani sovietici nella resistenza italiana. Roma, 1967, p. 15).

[163] *А. М. Тарасов.* В горах Италии. М., 1960; «Федор Полетаев», М., 1963; «О чем не говорилось в сводках». М., 1962; *И. И. Семиряга.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970, стр. 188—220.

ворит Италия. Не всегда известны подлинные имена героев [164], ибо бойцы часто знали друг друга по партизанским кличкам. Лишь через 17 лет советскому писателю С. С. Смирнову удалось установить действительную фамилию Федора Поэтана — национального героя Италии, награжденного посмертно итальянским правительством Золотой медалью. Им оказался советский гвардеец-артиллерист, бывший кузнец из колхоза Рязанской области Федор Андрианович Полетаев.

В 1962 г. Советское правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза [165].

Огромный вклад в освобождение Италии от наци-фашистского ига внесли итальянские коммунисты. В ходе Сопротивления Итальянская коммунистическая партия завоевала руководящие позиции в рядах рабочего класса. Преодолевая сектантские настроения и разногласия в рабочем движении, коммунисты добились эффективного сотрудничества с социалистами, организационного единства профсоюзного движения, принятия общей программы левых сил Сопротивления относительно будущего переустройства страны.

Единство рабочего класса позволило ему стать национальной силой и возглавить освободительную борьбу итальянского народа, завершившуюся блестящей победой. Вместе с тем движение Сопротивления не ограничивалось задачами национального освобождения. Оно было также демократической революцией [166], которая ставила своей целью сломать политическую надстройку фашизма, ликвидировать его социальные корни — крупное помещичье землевладение и крупные промышленные монополии. Выступая на IX съезде итальянской компартии, П. Тольятти дал следующую оценку Сопротивлению.

«В наиболее общем виде можно утверждать, что в Италии почти через сто лет после завершения национального объединения произошла великая демократическая революция, какой она не знала никогда ранее. Этой демократической революцией явилось движение Сопротивления. Движение Сопротивления подорвало фашизм и смело его остатки, оно провело и выиграло трудную освободительную войну и заложило основы нового государства...» [167].

[164] Итальянская национальная ассоциация партизан к 1966 г. установила имена 1867 советских людей, участвовавших в итальянском Сопротивлении. Сведения о них приведены в книге: Partigiani Sovietici nella resistenza. S. l., 1966.

[165] «Федор Полетаев». М., 1963.

[166] См. *Н. А. Ковальский*. Итальянский народ против фашизма. М., 1957, стр. 177; *Г. С. Филатов*. Итальянские коммунисты в движении Сопротивления, стр. 11, 223.

[167] «IX съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1960, стр. 34—35.

14. Надпись на одном из миланских домов после освобождения

Демократическая революция в Италии завершилась крахом фашистского режима и рождением впоследствии Итальянской Республики (1946 г.).

Своим высшим законом новое государство признало прогрессивную демократическую конституцию (1947 г.), которая отразила социально-политические идеалы большинства антифашистов — борцов Сопротивления.

Демократическая революция в Италии привела к глубокому изменению в расстановке классовых и политических сил в стране, признанию рабочего класса национальной силой, входившей в 1944—1947 гг. в состав правительств, к превращению компартии в наиболее массовую политическую партию страны. Однако оккупация Италии англо-американскими войсками, а также наличие внутренних противоречий антифашистской коалиции Сопротивления помешали завершению демократической революции, которая, по выражению Тольятти, «была *прервана* в момент, когда она должна была приступить к созидательной деятельности, к реформам экономической структуры и укреплению нового руководящего полити-

ческого класса»[168]. Указанные выше факторы обусловили впоследствии победу консервативных сил и установление в Италии христианско-демократического режима. Однако наиболее существенные завоевания Сопротивления (республика, конституция, мощный фронт демократических сил во главе с рабочим классом и компартией) не были утрачены. Они остаются тем прочным фундаментом, на основе которого передовые силы страны уже четверть века ведут борьбу за полное осуществление принципов, провозглашенных в конституции, за ограничение власти монополий, за создание новой демократической Италии, в политическом руководстве которой принял бы участие рабочий класс и его авангард — коммунистическая партия.

168 «IX съезд Итальянской коммунистической партии», стр. 34—35.

5

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИТАЛИИ (1945—1947 ГГ.)

СООТНОШЕНИЕ КЛАССОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Национальное восстание 25 апреля 1945 г., завершившееся освобождением Италии, создало в стране атмосферу революционного подъема и больших надежд, которые казались так близко осуществимыми. Эти надежды имели тогда реальную почву. Действительно, в мире и в самой Италии в итоге второй мировой войны произошли глубокие, коренные изменения. После мрачного пятилетия, в течение которого вся Европа стонала под сапогом фашистской Германии, наконец пришло освобождение. Народы Восточной и Юго-Восточной Европы, освобожденные Советской армией, встали на путь народно-демократических преобразований.

Победа Советского Союза во второй мировой войне, его решающий вклад в разгром германского и всего европейского фашизма привели к более широкому проникновению идей социализма в различные слои народных масс Европы, в том числе и Италии. Этому способствовали и те сдвиги в расстановке классовых и политических сил, которые произошли в Италии в итоге второй мировой войны и Сопротивления.

П. Тольятти писал, что в результате второй мировой войны в Италии «был налицо крах всей организации экономической структуры и возвышающихся над ней социальных отношений. Этот крах имел очевидное отражение и в области соотношения классов» [1].

[1] *P. Togliatti.* L'Opera di De Gasperi. Firenze, 1958, p. 23.

Война и Сопротивление действительно привели к подрыву того механизма государственно-монополистического капитализма, который сложился в годы фашистской диктатуры. Фашистские корпорации, руководившие различными отраслями национального хозяйства, были ликвидированы. Консорциумы по закупке и сбыту сельскохозяйственных товаров, в которых господствовали магнаты финансового капитала, были распущены. Число акционерных компаний сразу после войны упало [2].

На Севере Италии хозяева многих фабрик и заводов бросили свои предприятия и руководство ими временно оказалось в руках чрезвычайных комиссаров КНО. На заводах и фабриках были созданы советы управления рабочих. Под их руководством трудящиеся начали восстанавливать производство. Владельцы предприятий в первое время, напротив, заняли выжидательную позицию, не будучи уверены в прочности новой власти.

Однако было бы ошибкой переоценить значение отмеченных процессов, ибо вследствие противоречий внутри антифашистского фронта, а также вследствие той поддержки, которую оказывала его консервативному крылу англо-американская военная администрация в Италии, социальная программа Сопротивления не была осуществлена. Промышленные монополии и крупное землевладение не были ликвидированы. Более того, проблемы социальной структуры приобрели особенно острый характер. Годы фашизма и войны усилили степень монополистической концентрации экономики [3]. Несколько ослабленные после краха фашизма (в 1945—1947 гг.) промышленные монополии начали активно восстанавливать свои позиции. Ведущую роль внутри блока монополистических групп после войны играли такие акционерные компании, как ФИАТ (автомобильная промышленность), «Монтекатини» (химия), «Пирелли» [4]. Магнаты индустрии по-прежнему стремились сохранить традиционный блок с крупными землевладельцами, в том числе с латифундистами Юга. Этот блок был надстройкой над дуалистичной социальной структурой страны, где наряду с высокоразвитыми индустриальными областями Севера сохранились отсталые, отягощенные феодальными пережитками, аграрные области Юга и Островов.

После войны Италия оставалась страной крайне высокой концентрации земельной собственности, где в то же время существо-

² Annuario statistico italiano (1949—1950), ser. V, v. II. Roma, 1950, p. 352—353.

³ Ministero per la Costituente. Rapporto della Commissione economica presentato all'Assemblea Costituente, v. II. Roma, 1946.

⁴ L'industria italiana alla metá del secolo XX. Roma, 1953, p. 445.

15. Послевоенный крестьянский быт

вала огромная масса безземельных крестьян[5]. Почти половина земельного фонда, находившегося в частном владении (9,5—10 млн. га), являлась собственностью 20—25 тыс. семей, в то время как 80% крестьянских дворов (или 4200 тыс. семей) были безземельными или малоземельными[6]. Оплот крупного помещичьего владения по-прежнему составляли области Юга (особенно Калабрия, Апулия), Сицилия, а также центральная область — Лацио[7]. Одним из самых одиозных представителей земельной аристократии Италии был князь Алессандро Торлония, владелец огромных

[5] *G. Medici.* La distribuzione della proprieta fondiaria in Italia. Roma, 1956, v. II, p. 46, 244.

[6] *Р. Гриеко.* Аграрный вопрос и борьба за землю в Италии. М., 1955, стр. 228.

[7] *G. Russo.* Baroni e contadini. Bari, 1955.

поместий в Умбрии, Романье, Тоскане, Лацио, Абруццах. Его крупнейшее имение в Фучино (Абруццы) было равно 16 тыс. га. Оно охватывало территорию 14 коммун с населением в 70 тыс. человек, которые в экономическом отношении целиком зависели от Торлония.

Значительную часть своих феодов князья и бароны отводили под охотничьи заповедники, превращали в пастбища или попросту забрасывали. В общей сложности в 1950 г. в Италии насчитывалось 9 млн. га плохо обрабатываемых или заброшенных земель [8].

Крестьянская беднота Юга и Центральной Италии арендовала землю на чрезвычайно тяжелых условиях испольщины или издольщины. По условиям договоров этого типа крестьянин отдавал хозяину от $1/3$ до $1/2$ урожая, а также должен был оказывать ему различные услуги и почести и посылать по праздникам дары: вино, индеек, яйца. При этом хозяин мог в любой момент расторгнуть договор и лишить семью крестьянина средств к существованию. В годы фашистской диктатуры кабальные условия арендных договоров были узаконены, и испольщина получила еще большее распространение [9]. К 1946 г. в Италии насчитывалось 1,8 млн. крестьян-испольщиков и издольщиков [10] и 2,3 млн. поденщиков и батраков [11]. Условия найма сельскохозяйственных рабочих, особенно поденщиков-браччанти, также были крайне тяжелыми. Браччанти имели заработок лишь в период сельскохозяйственной страды, оставаясь бóльшую часть времени безработными.

Своеобразной национальной проблемой Италии оставался Южный вопрос. В результате однобокого развития итальянского капитализма Юг превратился в своего рода внутреннюю колонию, в аграрный придаток, вотчину баронов и крупных землевладельцев, зону экономической деградации. Промышленность здесь была развита крайне слабо, в деревне преобладали экстенсивные методы хозяйства и были сильны феодальные пережитки. Отсталые социальные отношения обусловили нищенский уровень жизни на юге страны. По данным народного обследования, проведенного в 1950 г. Национальным комитетом возрождения Юга, 37% населения этой части страны ютились в домах, «не пригодных для жилища». Сотни поселков не имели школ и медицинской помощи. На 15 млн. жителей Юга приходилось 12 тыс. больничных коек. В наиболее бедных коммунах Сицилии и Апулии 20% всех детей школьного возраста оставались неграмотными [12]. После войны из этих забы-

[8] «Nuovo terra», 15.II 1950.

[9] *Э. Серени.* Аграрный вопрос в Италии. М., 1949, стр. 209.

[10] Annuario statistico dell'agricoltura italiana (1943—1946). Roma, 1950, p. 22.

[11] Ibid., p. 21.

[12] «Rinascita», 1950, № 11-12, p. 509.

тых богом городов Юга начался массовый поток эмигрантов [13].

Пороки социально-экономической структуры были особенно болезненно ощутимы в условиях послевоенной экономической разрухи. Война нанесла Италии тяжелый ущерб. Ее людские потери составили 450 тыс. убитыми и пропавшими без вести [14]. 3 миллиона человек остались без крова. В результате военных действий, проходивших на территории страны, а также бомбардировок немецкой, англо-американской авиации были выведены из строя $^{1}/_{5}$ всех предприятий, $^{1}/_{4}$ железных дорог и $^{1}/_{3}$ мостов. Италия потеряла $^{9}/_{10}$ национального флота. Из-за отсутствия топлива и сырья заводы и фабрики останавливались. В год окончания войны объем промышленного производства был более чем в два раза ниже довоенного уровня [15].

К концу 1945 г. в Италии образовалась 2-миллионная армия безработных [16]. В тяжелом положении находилось сельское хозяйство. Сбор урожая упал до $^{1}/_{3}$ по сравнению с довоенным [17]. Дневная норма хлеба составляла, как и во время войны, 200 граммов в день. Процветал черный рынок. Страна зависела от ввоза продовольствия из США.

Союзная военная администрация в Италии контролировала итальянскую экономику и стремилась ослабить ее, с тем, чтобы подготовить почву для проникновения в Италию американского капитала. Союзная администрация реквизировала свыше 1900 итальянских предприятий, запрещала импорт в страну важнейших видов сырья. Выпуск союзническими властями оккупационных денежных знаков, так называемых американских лир, усугубил инфляцию.

До конца 1945 г. Северная Италия, отделенная от остальной части страны «санитарным кордоном», находилась под непосредственным управлением союзной военной администрации, а англо-американские войска оставались в стране до конца 1947 г. Это обстоятельство использовалось англо-американскими властями для того, чтобы оказывать давление на политическую жизнь страны и помешать левым силам осуществить глубокие демократические преобразования. Присутствие в Италии англо-американских войск явилось одним из важнейших факторов, определивших расстановку сил в стране. Только с учетом этого фактора можно понять, почему рабочий класс, сыгравший руководящую роль в Сопротивлении,

[13] *A. Fontani*. L'altra faccia del miracolo economico. Roma, 1962, p. 39, 69—70.
[14] «Documenti di vita italiana», 1957, № 67, p. 5298.
[15] *R. Romeo*. Breve storia della grande industria in Italia. S. l., 1961.
[16] «Unità», 14.X 1945.
[17] Statistico Italiano. 1947—1948, ser. II, v. II. Roma, 1948, p. 30.

не смог после войны добиться установления в стране строя прогрессивной демократии.

Действительно, политические позиции правящих классов были подорваны довольно сильно. Открытая террористическая диктатура наиболее реакционных слоев крупной монополистической буржуазии в форме фашизма была уничтожена. Военно-политический аппарат, на который опиралась фашистская диктатура, был в значительной степени разрушен. Фашистская милиция, политическая полиция, армия, фашистские корпорации, фашистская партия и фашистские профсоюзы были распущены. В Северной Италии непосредственно после национального восстания власть фактически осуществлялась комитетами национального освобождения, в которых преобладающие позиции принадлежали левому крылу антифашистского фронта.

Иная обстановка создалась в Южной Италии, что в значительной степени определялось социальной структурой населения. Промышленный пролетариат Юга не составлял столь могучего отряда, как на Севере, и не имел политической гегемонии. Народные массы Юга не приобрели того мощного опыта демократической борьбы, как на Севере, так как Юг (за исключением нескольких эпизодов) остался в стороне от движения Сопротивления. Поэтому комитеты национального освобождения на Юге не были связаны с массами и носили верхушечный характер, а в центральном КНО в Риме значительную роль играло консервативное крыло антифашистского национального фронта.

Существенные сдвиги произошли в соотношении политических сил в стране. Либеральная партия, будучи правящей партией в дофашистский период, не смогла в новых условиях восстановить свою гегемонию в лагере буржуазии — и это не было случайным. Выражая интересы наиболее консервативных кругов монополистической буржуазии и крупных землевладельцев, либеральная партия стремилась сохранить незыблемой социальную структуру страны и, возродив дофашистскую либеральную систему правления, оставить монархию и традиционный политический блок, «капитанов индустрии» и латифундистов Юга. Этот курс шел в разрез с устремлениями средних слоев, в том числе мелкой буржуазии, которые делали свою ставку на христианско-демократическую партию.

ХДП, соперничая с либералами, явно претендовала на роль новой правящей партии. Связь ХДП с Ватиканом могла обеспечить буржуазии контроль над широкими слоями народа с помощью церковного аппарата и религиозной идеологии, глубоко укоренившейся в сознании итальянского народа. Христианско-демократическая партия использовала в своих политических целях разветвленную сеть церковных приходов (в Италии их насчитывалось более

27 тыс.) и 600-тысячную армию священников и монахов, а также светскую организацию католиков «Католическое действие» (которая не была распущена в годы фашизма), объединявшую в 1946 г. 1,7 млн. человек.

Вместе с тем христианско-демократическая партия, создавая свою массовую (главным образом крестьянскую) базу, выдвинула уже в период 1943—1945 гг. программу социальных реформ, рассчитанную на привлечение этих масс. В основном документе партии «Преобразовательные идеи христианской демократии» (1944 г.) партия заявляла, что она ставит своей целью уничтожить господство крупного монополистического капитала и превратить пролетариат в «класс мелких собственников». В этих целях провозглашалась необходимость аграрной, промышленной и финансовой реформ. Батраки и безземельные крестьяне, согласно этой программе, получив землю, должны были превратиться в мелких землевладельцев, а индустриальные рабочие, приобретя акции,— стать «совладельцами» предприятий [18]. Программа была подтверждена в резолюции партии, принятой в октябре 1945 г.

Мелкобуржуазная социальная программа и использование католической идеологии расширили массовую базу христианских демократов. К лету 1945 г. христианско-демократическая партия, по утверждению ее лидеров, насчитывала 1 млн. членов [19]. Массовая база ХДП являлась ее важным преимуществом по сравнению с другими буржуазными партиями Италии. Она позволяла ХДП конкурировать в политической борьбе с массовыми партиями рабочего класса, давала ей шансы на успех во время будущих парламентских выборов. Поэтому ХДП становится вскоре партией широких кругов буржуазии, а затем руководство в ней оказывается в руках представителей крупного монополистического капитала [20]. Однако до конца 1947 г. эта трансформация ХДП еще далеко не всем была ясна. Ее широковещательная программа, ореол Сопротивления, формальное сотрудничество с коммунистами в правительстве мешали многим понять истинную сущность этой партии.

В годы фашизма произошли изменения в структуре рабочего класса. Его удельный вес в результате индустриализации увеличился. По переписи населения 1941 г. рабочий класс составлял 35% населения Италии. Одним из важнейших итогов Сопротивления явилось усиление политических позиций рабочего класса и его передовых партий в стране. На авансцену политической борьбы

[18] *G. Tupini*. I democratici cristiani. Milano, 1954, p. 333.

[19] «Unità», 2.VIII 1945.

[20] *К. Ф. Мизиано*. Христианская демократия — орудие подчинения средних слоев гегемонии империалистической буржуазии.— «Городские средние слои современного капиталистического общества». М., 1963.

выступает компартия. Следуя выдвинутому в годы Сопротивления курсу на создание новой партии, тесно связанной с массами, руководство ИКП провело большую работу по вовлечению в партию представителей различных слоев населения: не только пролетариата, но также и крестьянства, интеллигенции.

В конце 1945 г. численность ИКП достигла 1,7 млн. человек [21] — она стала таким образом самой крупной политической партией Италии.

Особенностью итальянского рабочего движения после второй мировой войны, отличавшей его от других стран Западной Европы, было то, что рядом с компартией шла сильная социалистическая партия, порвавшая с реформизмом и связанная пактом единства действий с коммунистами. В 1945 г. ИСППЕ насчитывала в своих рядах 700 тыс., а через полгода, к XXIV съезду (апрель, 1946 г.),— 900 тыс. человек [22]. Социальный состав ИСППЕ приближался к составу компартии (в конце 1945 г. 62% социалистов были рабочими) [23].

Внутри партии шла острая борьба между различными фракциями. Левое крыло партии возглавляли П. Ненни и Р. Моранди. Они были сторонниками единства действий с коммунистами и выступали за нейтралитет Италии на международной арене. Правые реформистские группировки, руководимые Дж. Сарагатом и Дж. Ромитой, напротив, требовали политической «автономии» социалистов (а затем — разрыва с компартией) и внешнеполитической ориентации Италии на Соединенные Штаты Америки. Линия социалистической партии в целом определялась тогда ее левым крылом. Поэтому в этот период две партии рабочего класса выдвигали общую цель — борьбу за социализм на демократической основе при единстве всех демократических сил и имели общую политическую программу.

Одним из важнейших итогов Сопротивления был глубокий кризис социал-демократии. Как уже сказано, реформистское крыло в социалистической партии располагало незначительным меньшинством. В профсоюзном движении, где в дофашистский период руководство принадлежало социалистам-реформистам, они также утратили свои позиции. Во главе социалистического течения ВИКТ стояли левые социалисты: О. Лиццадри и др.

Кризис социал-демократии привел к тому, что после второй мировой войны ее функции в итальянском рабочем движении стал

21 «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 375.

22 S. Cannarsa. Il socialismo e i XXVIII congressi nazionali del partito socialista italiano. Firenze, 1950, p. 291.

23 «Unità», 4.I 1946.

выполнять католический реформизм[24]. В отличие от социал-демократии он опирался не только на рабочую аристократию, но и на беднейшие социальные слои. Выдвигая программу социальных реформ (аграрную реформу и национализацию промышленности), католический реформизм не ставил, разумеется, своей целью ликвидировать капиталистический строй. Неприкосновенность частной собственности, «классовое сотрудничество» (патернализм) и клерикализм — являются принципами католического реформизма. Его идеологию в ряды рабочего движения и трудящихся города и деревни проводили католическое профсоюзное течение, входившее в состав ВИКТ, а также две другие организации: Христианские ассоциации трудящихся (АКЛИ) и Национальная конфедерация крестьян (руководимая П. Бономи).

Коммунисты, следуя заветам А. Грамши, после второй мировой войны последовательно проводили политику союза с трудящимися-католиками, так называемую политику протянутой руки. Важнейшим успехом этой политики явилось создание еще в годы Сопротивления единого профсоюзного центра — Всеобщей итальянской конфедерации трудящихся, объединившей три главных профсоюзных течения: коммунистическое, социалистическое и христианско-демократическое. В 1945 г. ВИКТ насчитывала в своих рядах 4,5 млн. человек, а в начале 1947 г.— 6 млн. человек. Руководство ВИКТ в 1945—1947 гг. осуществляли на паритетных началах представители трех течений: Дж. Ди Витторио (коммунист), О. Лиццадри (социалист), А. Гранди (левый католик). ВИКТ объединила не только промышленных рабочих, но также служащих, батраков, испольщиков, небольшой отряд крестьян-землевладельцев, представителей интеллигенции.

В ходе Сопротивления впервые в истории страны сложился боевой союз рабочих и крестьян в Северной и Центральной Италии, особенно союз с испольщиками. Организационно он был закреплен созданием в 1946 г. в рамках ВИКТ Конфедерации трудящихся земли (Конфедертерры), которая в 1946 г. объединяла 1,8 млн. трудящихся деревни. Национальная лига кооперативов, руководимая социалистами и коммунистами, объединяла 3 млн. членов[25]. При этом руководство компартии уже в 1945—1946 гг. считало возможным установление союза рабочего класса не только с деревенской беднотой, но и со всем крестьянством, рассматривая его не как тактический, а как стратегический, т. е. рассчитанный на длительный период[26]. Особое внимание компартия

[24] *P. Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale. Roma, 1962, p. 61.

[25] Due anni di lotta dei comunisti italiani. Relazione sull'attivita del PCI dal 5 al 6 congresso. Roma, 1948, p. 208.

[26] *M. Scoccimarro.* Nuova democrazia. Roma, 1948, p. 46.

обратила на два специфических аспекта крестьянского вопроса в Италии: проблему Юга, т. е. союза с крестьянскими массами Юга, и проблему союза с католическим крестьянством (или, образно говоря, «проблему Ватикана»). Коммунисты провели большую работу по развитию партийных и профсоюзных организаций на Юге, вовлекая в них крестьянские массы.

Левое крыло ИСППЕ (Ненни, Моранди) после войны также выступило за решение Южной проблемы. Однако в практической деятельности социалистическая партия уделяла этим вопросам недостаточно внимания. В результате ее позиции среди трудящихся масс Юга были слабее, чем позиции ИКП.

Руководство коммунистической и социалистической партий, проводя политику союза с католическими массами, в первые послевоенные годы, как и в период Сопротивления, стремились установить этот союз не только снизу, но и сверху, т. е. с руководством ХДП. Условием такого пакта ИКП и левое крыло ИСППЕ считали единство действий двух рабочих партий. Лидеры правого крыла социалистов, напротив, уже тогда рассматривали возможный союз социалистической партии с ХДП как альтернативу политическому блоку коммунистов и социалистов.

В итоге Сопротивления серьезные сдвиги произошли среди интеллигенции. Ее передовая часть переходит на позиции марксизма и вступает в ряды рабочих партий. Значительные слои прогрессивной интеллигенции, оставаясь на идеалистических позициях, вместе с тем в политическом плане начинают сотрудничать с коммунистами и социалистами. Сопротивление привело к обновлению духовной жизни нации, к созданию новой прогрессивной культуры. В литературе, кино, живописи утверждается течение неореализма. В исторической науке, философии, эстетике крочеанство начинает сдавать господствующие позиции, уступая место все более растущему влиянию марксистской школы.

Особое влияние на развитие политической и духовной жизни послевоенной Италии оказало издание «Тюремных тетрадей» А. Грамши (начатое в 1947 г. и закоченное в 1955 г.), в которых содержалась глубокая марксистская разработка проблем философии, истории, политики, культуры. Как отмечал Тольятти, решающее влияние на идейное развитие Грамши принадлежало В. И. Ленину и ленинизму [27]. Это отчетливо прослеживается и

[27] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. II. М., 1965, стр. 143. См. также: «Ленинизм и некоторые проблемы рабочего движения». Материалы международной научной сессии, состоявшейся в Москве 12—15 апреля 1967 г. М., 1968.

в «Тюремных тетрадях», где автор применял ленинский метод исследования, стремясь к всесторонности и конкретности, к подлинному историзму. Отличительной чертой его подхода явилось глубокое проникновение в диалектику взаимодействия национальных и интернациональных факторов — и в этом он также шел вслед за Лениным [28].

Значительное место в «Тюремных тетрадях» уделено проблемам марксистской философии. Грамши понимал исторический материализм как «философию практики», стремящуюся не только к познанию, но и к активному изменению действительности. Он пишет, что В. И. Ленин на деле двинул вперед философию как таковую тем, что он двинул вперед политическую теорию и практику [29].

Грамши сосредоточил огонь критики против идеализма Кроче, с одной стороны, и против вульгарного, экономического материализма — с другой. Он показал, что экономический материализм, абсолютизируя роль базиса в развитии общества и отрицая обратное воздействие надстройки, означает подмену законов диалектики «простыми законами механики», а в политике приводит к фатализму и недооценке революционной роли масс. Выступая против опасности метафизики, Грамши уделил большое внимание анализу обратного воздействия надстройки на базис, активной роли народных масс, особого места интеллигенции в обществе. Грамши критикует реакционную концепцию, согласно которой народ якобы извечно пассивен и лишь идеологи могут пробудить в нем элементы сознания. Он пишет, что даже в эпоху реакции нельзя говорить о полной пассивности народных масс, ибо народ накапливает внутренние силы для будущих действий. Грамши подчеркивает, что нельзя абсолютизировать элементы стихийности или сознательности народных масс. В поворотные моменты истории, когда массы вступают в активную борьбу, их сознательность усиливается и оказывает обратное воздействие на правящий класс. Если у Кроче история предстает как деятельность интеллектуальных групп, у Грамши она — прежде всего история народных масс.

Большое место в «Тюремных тетрадях» Грамши уделяет разработке проблем ленинской теории государства и революции применительно к условиям Западной Европы. Вопрос о национальном типе капитализма, о национальных путях революции Грамши исследует в свете более чем полувековой истории Италии, особенно эпохи Рисорджименто, с пристальным вниманием к аграрной проблеме, к крестьянскому вопросу. Опираясь на ленинскую теорию империализма, Грамши анализирует общеевропейский и специально — итальянский процесс развития государственно-монополи-

[28] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. III. М., 1959, стр. 306.
[29] Там же, стр. 58.

стических форм капиталистического хозяйствования и управления. Размышляя над причинами поражения революционных выступлений пролетариата на западе в послеоктябрьский период, Грамши также обратился к ленинскому наследию. Ленин видел, что западноевропейская буржуазия обладала более мощной и стройной организацией, чем на Востоке, и проводила более гибкую политику в отношении рабочего класса [30]. Учитывая это своеобразие, Ленин советовал коммунистам Западной Европы сосредоточить внимание «на отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции» [31]. В этом же направлении развивается и мысль Грамши. Он писал, что механизм капиталистического государства в Западной Европе эволюционировал в сложную структуру, которую Грамши сравнивал с системой хорошо укрепленных «траншей» на первой линии фронта. Более прочную структуру, чем на Востоке, по мнению Грамши, имеет в Западной Европе и «гражданское общество» (институты буржуазной демократии, политические партии, экономические организации, церковь и т. д.), которое составляет как бы вторую «цепь крепостей и казематов» [32], обороняющих капиталистический строй и ослабляющих эффективность фронтальной атаки рабочего класса и его союзников. Из этого анализа Грамши делает вывод, что в Западной Европе рабочий класс должен сначала постепенно занять вторую линию укреплений («крепости и казематы»), т. е. осуществить свою гегемонию в различных звеньях «гражданского общества», а затем уже завоевать государство. Иными словами, Грамши считал, что на Западе революция примет форму длительного процесса, станет своего рода «позиционной войной» в отличие от «войны маневренной» (т. е. взятия власти штурмом) на Востоке.

По мнению Грамши, новой форме революционного процесса на Западе («позиционной войне») должен соответствовать и более широкий фронт сил рабочего класса и его союзников. «Мне кажется,— писал Грамши,— что Ильич понял необходимость превратить маневренную войну, победоносно примененную на Востоке в 1917 г., в войну позиционную, которая была единственно возможной на Западе... По-моему, это и означало бы осуществление «единого фронта»» [33].

Развивая ленинское понимание проблемы единого фронта, Грамши разрабатывает понятие «нового исторического блока» во главе с рабочим классом, блока, который должен прийти на смену старому правящему классу, а также определяет условия его форми-

[30] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений. т. 36. стр 440; т. 41, стр. 355.

[31] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 77.

[32] *А. Грамши.* Избранные произведения, т. III стр. 213.

[33] Там же, стр. 199—200.

рования. Вслед за Лениным Грамши выделяет две неразрывные стороны диктатуры пролетариата: подавление свергнутых эксплуататоров и гегемонию — руководство массами трудящихся. «Лишь та социальная группа,— писал Грамши,— является господствующей над враждебными ей группами, которая стремится «ликвидировать» или подчинить их себе, не останавливаясь перед вооруженной силой, и которая одновременно выступает как руководитель союзных и родственных ей групп». При этом Грамши указывал на «философское значение понятия и самого факта гегемонии, разработанной и осуществленной Ильичем» [34].

Особое внимание обращает Грамши на ту роль, которую в системе союзов рабочего класса должна играть прогрессивная интеллигенция. Исходя из данного им анализа структуры интеллигенции, Грамши поставил задачу не только создать партийную интеллигенцию, прямо связанную с рабочим классом, но и завоевать на сторону последнего в качестве союзника традиционную интеллигенцию. Вопросы политики партии в области культуры разработаны Грамши в специальной тетради «Литература и жизнь нации».

Оценивая вклад Грамши в разработку марксистской революционной теории, П. Тольятти писал, что это — «новая глава в развитии ленинизма, которая сейчас обсуждается, над которой сейчас работает международное рабочее движение» [35].

Идейное наследие Грамши оказало огромное воздействие на все сферы итальянской национальной культуры и способствовало подрыву идейной гегемонии Кроче. «Наиболее важным фактом послевоенного периода,— пишет прогрессивный итальянский философ Э. Гарэн,— было чтение Грамши и включение посредством его работ марксистской проблематики в традицию итальянской культуры» [36].

ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПАРРИ ДО РОСПУСКА КОМИТЕТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

В период Сопротивления и после войны представители рабочего класса — коммунисты и социалисты входили в состав коалиционных правительств и оказывали определенное воздействие на направление их политики. Однако политическое руководство в правительстве оставалось в руках буржуазных и консервативных сил. В целом период коалиционных правительств можно охарактеризовать как период известного равновесия классовых и политических сил.

[34] Там же, стр. 345, 73.
[35] *П. Тольятти*. Избранные статьи и речи, т. II, стр. 138.
[36] *E. Garin*. La cultura italiana tra 800 e 900. Bari, 1962, p. 223.

Освобождение Италии от фашизма поставило в повестку дня вопрос о путях дальнейшего политического развития страны. Левые партии национального антифашистского фронта взяли курс на превращение КНО в органы политической власти. Они потребовали, чтобы формирование нового правительства было поручено двум центральным комитетам национального освобождения.

Кандидатуры на пост министров обсуждались на совещании представителей центрального (римского) КНО и КНОСИ в Милане в мае 1945 г. Ненни настаивал, чтобы формирование кабинета было поручено кандидату от социалистической партии. Коммунисты и представители Партии действия поддержали это требование. Однако оно встретило решительные возражения со стороны либералов и христианских демократов, которые считали, что пост председателя Совета министров должен занять представитель ХДП или же человек, стоящий «вне партий». Кроме того, они стремились ограничить функции КНО чисто консультативными вопросами и форсировали их замену выборными органами власти на местах. Союзная военная администрация вмешалась в конфликт и оказала давление на левое крыло национального фронта. Союзники запретили левым партиям проведение политических митингов в поддержку своих требований. Ненни даже подвергли временному аресту, а Тольятти были сделаны нарекания по поводу нарушения им этого запрета.

Во имя сохранения национальной антифашистской коалиции левые силы пошли на компромисс. 2 июня все партии подписали соглашение о том, что в новых условиях комитеты национального освобождения в коммунах и провинциях должны продолжать действовать в качестве консультативных органов при префектах и будут распущены после выборов в местные органы власти. Это соглашение открыло путь к разрешению министерского кризиса.

15 июня формирование нового правительства было поручено кандидату Севера, деятелю Партии действия Ферруччо Парри. Выбор кандидатуры не был случайным. В движении Сопротивления Парри был, по выражению Лонго, «одним из руководителей первого ранга» [37]. Председатель КНОСИ, организатор партизанских отрядов Партии действия, один из заместителей главнокомандующего Корпусом добровольцев свободы, человек кристальной чистоты и преданности идеалам борцов-антифашистов, Парри был для современников своего рода «символом Сопротивления» [38].

[37] «Unità», 18.I 1970.

[38] Эту оценку Парри дал один из лидеров левого крыла ИСППЕ Р. Моранди (Unire per costruire. Milano, 1945, p. 20). Четверть века спустя, в связи с 80-летием Парри, ее повторил Л. Лонго («Unità», 18.I 1970).

21 июня Парри сформировал свой кабинет. Пост заместителя премьер-министра и министра по созыву Учредительного собрания получил П. Ненни, пост министра иностранных дел — А. Де Гаспери, министра юстиции — П. Тольятти, министра промышленности и торговли — Дж. Гронки, министра финансов — М. Скоччимарро, министра сельского хозяйства — Ф. Гулло.

Участие коммунистов и социалистов в правительстве дало возможность осуществить ряд неотложных политических и экономических нововведений в интересах трудящихся. Тольятти, будучи министром юстиции, осуществил реформу судов присяжных заседателей. Был также принят разработанный им закон о ненаказуемости партизанских действий, относящихся к периоду Сопротивления.

В области сельского хозяйства по инициативе министра-коммуниста Ф. Гулло были осуществлены важные меры. Особым декретом был продлен срок действия всех сельскохозяйственных договоров, хозяевам временно было запрещено увольнять батраков или сгонять с земли арендаторов. Специальными декретами Гулло была запрещена субаренда и увеличена доля испольщика при разделе урожая. Кроме того, был подтвержден первый закон Гулло (1944 г.), согласно которому пустующие помещичьи земли по распоряжению местных префектов должны были передаваться во временное пользование крестьянским кооперативам на весьма льготных условиях. Декреты Гулло, хотя и носили паллиативный характер, тем не менее имели в тех условиях важное политическое значение — они дали толчок развитию крестьянского движения за землю и способствовали росту влияния коммунистов и социалистов в аграрных зонах Юга. Не случайно декреты Гулло встретили яростное противодействие со стороны помещиков, которые уступали закону лишь под натиском выступлений крестьянских масс.

В августе 1945 г. ВИКТ представила правительству Парри документ, утвержденный на конференции профсоюзных палат труда и содержавший неотложные требования трудящихся [39]. Одновременно на Севере — в Турине, Милане — летом 1945 г. прошли забастовки с требованием повышения зарплаты. Выступления трудящихся имели место и на Юге: в Бари, Корато, Андрии, Минервино [40]. В зонах латифундий началось стихийное движение крестьян за землю. Единство профсоюзного движения и участие представителей рабочего класса в правительстве позволили добиться некоторых экономических уступок для трудящихся. Из них наиболее существенной была надбавка на дороговизну к зарплате рабочих

[39] *O. Lizzadri.* Quell dannato marzo 1943. Milano, 1962, p. 84.
[40] «Unità», 19, 30.VI, 5.VII 1945.

Северной Италии, послужившая потом основой для введения подвижной шкалы заработной платы [41].

В августе на специальной конференции ИКП были обсуждены вопросы восстановления итальянской экономики. Конференция не затрагивала программных, стратегических вопросов — их предстояло выработать съезду партии. Она наметила задачи, стоявшие перед коммунистами в период до созыва Учредительного собрания и до решения коренных социальных и политических проблем. В центре внимания конференции стоял вопрос: как помочь стране выйти из экономической разрухи, решить проблему безработицы, повысить выпуск продукции и на этой основе создать для народа элементарные условия жизни. В дискуссии на конференции ряд делегатов предлагал составить по примеру СССР государственный план восстановления и развития итальянской экономики, план, рассчитанный на социалистическую реконструкцию. Руководство партии, в том числе Тольятти, расценило это предложение как пропагандистское, не отвечавшее реальным условиям страны [42], как забегание вперед. Конференция в резолюции наметила следующие неотложные меры восстановления экономики страны: ввести на всех предприятиях, фабриках, в сельскохозяйственных имениях, а также в сфере торговли и финансов народный контроль в форме советов управления, и с их помощью добиваться повышения производства; усилить государственный контроль на крупных предприятиях, провести налоговую реформу и принять меры по укреплению лиры, поддерживать кооперацию в сельском хозяйстве. Конференция подчеркнула, что экономическая реконструкция должна быть проведена не в интересах привилегированной касты, но в интересах всей нации. Коммунисты стремились придать политике экономического восстановления антимонополистическую направленность, рассчитывая осуществить ее при единстве всех сил КНО [43].

Важную роль в восстановлении экономики страны в первые послевоенные годы играли советы управления. На заводах и фабриках, занятых рабочими, на предприятиях, брошенных хозяевами, советы управления целиком взяли на себя руководство производством; на других заводах представители советов управления вошли в состав заводской администрации. На туринском автомобильном заводе ФИАТ рабочий-коммунист Б. Сантья (соратник Грамши) был назначен одним из директоров предприятия. Хозяева рассматривали советы управления как временное явление. Коммунисты и

[41] *Дж. Канделоро.* Профсоюзное движение в Италии. М., 1953, стр. 118.

[42] Ricostruire Resoconto del convegno economico del PCI. (Roma, 21—23.VIII 1945). Roma, 1946, p. 270, 273.

[43] «Unità», 28.VIII 1945.

социалисты, напротив, требовали их признания законом в качестве постоянных органов. Коммунисты опирались при этом на идеи Грамши о фабрично заводских советах как органах рабочего контроля и прямой демократии.

Представители католического профсоюзного движения в тот период также поддерживали лозунг советов управления, но видели в них органы классового сотрудничества. Активным поборником советов управления был один из лидеров социалистов Р. Моранди. Он разработал специальный законопроект о советах управления, который, однако, так и не был принят. Как отмечал впоследствии член руководства ИКП Дж. Амендола, ни ВИКТ, ни партии рабочего класса не приложили в тот период достаточных усилий, чтобы добиться признания советов управления [44]. Не удалось левыми партиям в период правительства Парри приступить и к более эффективным социально-экономическим преобразованиям. Подготовленные министром-коммунистом М. Скоччимарро законопроекты о прогрессивном налоге на имущество и финансовой реформе так и не были проведены вследствие сопротивления промышленников. Предложение министров-коммунистов начать экономические реформы в области сельского хозяйства также не было принято Парри, который ссылался на сопротивление буржуазных партий.

Огромные трудности встретила и политика Парри, направленная на чистку государственного аппарата от фашистских элементов. Саботаж чистки со стороны консервативных сил на местах приводил к массовому протесту со стороны трудящихся масс и к вмешательству союзной военной администрации, которая подавляла народную инициативу. Государственный аппарат саботировал мероприятия правительства Парри. Столкнувшись с этими трудностями, Парри стремился упрочить политическую базу своего правительства, опираясь на систему КНО. Этот курс был поддержан левыми силами, но встретил противодействие партий консервативного крыла, которые заявляли, что КНО якобы таят в себе угрозу двоевластия и анархии и потому должны быть как можно скорее заменены органами выборной администрации. К тому же политика опоры правительства на КНО столкнулась и с трудностями иного порядка. Дело в том, что Север страны, где КНО были тесно связаны с массами и где в них преобладающие позиции занимали левые партии, все еще находился под управлением союзной военной администрации, был отделен от остальных районов Италии «санитарным кордоном» и потому не мог быть непосредственной опорой кабинета Парри. В то же время на территории, находившейся под управлением итальянского правительства, особенно в Южной Италии, в силу хода событий (движение

[44] Tendenze del capitalismo italiano, v. I. Roma, 1962, p. 161.

Сопротивления не успело здесь развиться до прихода союзников) КНО не получили массового характера и в них преобладали консервативные элементы.

Стремление левых партий перенести опыт КНО Северной Италии на остальные районы страны также осуществить не удалось. Конгресс КНО Северной Италии, проходивший в Милане с 31 августа по 2 сентября, заявил, что КНО должны осуществлять связь между правительством и массами, стать органами сплочения масс и проведения экономической реконструкции. Однако вследствие разногласий между партиями конгресс не мог сформулировать конкретной программы деятельности КНО. Не удалось провести и общенациональный конгресс КНО при участии КНОСИ и центрального (римского) КНО. Вскоре центр политической борьбы переместился из КНО в Консультативную ассамблею, открывшуюся 25 сентября 1945 г. Это был временный (до созыва Учредительного собрания) совещательный орган при совете министров, созданный в соответствии с декретом коалиционного правительства 1944 г. Депутаты ассамблеи были назначены правительством Бономи вскоре после национального восстания и представляли все партии КНО и демократические массовые организации.

Палаццо Монтечиторио, где проходили заседания Консультативной ассамблеи, стало местом жарких дебатов. Депутаты левых партий, поддерживая правительство Парри, требовали скорейшего созыва Учредительного собрания, которое, по их мнению, должно было не только решить вопросы конституционного устройства страны, но и провозгласить демократические социальные реформы. ИКП и ИСППЕ провели в середине октября совместные митинги в поддержку этого лозунга. Либералы и христианские демократы в свою очередь настаивали, чтобы сначала были избраны муниципалитеты. Чтобы достичь решения ассамблеи по этому вопросу, Парри предложил компромиссную платформу: провести выборы в Учредительное собрание весной 1946 г., а до этого — выборы в местные органы власти. Руководство ИКП и ИСППЕ поддержало предложенную платформу. Это дало возможность совету министров заявить, что Учредительное собрание должно быть созвано не позже апреля 1946 г., а административные выборы — в течение 1945 г. Таким образом, главный политический лозунг Сопротивления — созыв Учредительного собрания — обрел форму законодательного установления. Однако эта цель была достигнута ценой важной уступки, так как сроки деятельности КНО были предопределены, что ослабило позиции правительства Парри. Промышленники и аграрии перешли в контрнаступление против мероприятий правительства. Либералы и христианские демократы начали его обвинять в «неэффективности». В ноябре 1945 г. министры-либералы вышли из кабинета Парри — начался затяж-

ной правительственный кризис. Левые партии приложили все усилия, чтобы спасти правительство. Несмотря на запрет союзнических властей, в конце ноября на Севере состоялись политические забастовки и демонстрации в защиту правительства Парри [45]. Исход борьбы решила позиция ХДП, которая поддержала требования либералов. 24 ноября Парри вынужден был подать в отставку.

Анализируя причины падения кабинета Парри, Дж. Амендола писал: «Для того чтобы избежать кризиса правительства Парри, нужно было в предшествующие месяцы в максимальной степени развить систему КНО и провести общенациональный съезд КНО. В этом отношении были, несомненно, проявлены неуверенность, колебания, слабость» [46].

Условием формирования нового правительства коммунисты и социалисты поставили, чтобы оно отражало единство всех антифашистских сил и гарантировало созыв Учредительного собрания в установленные сроки [47]. Именно при этом условии они поддержали кандидатуру Де Гаспери на пост премьер-министра.

10 декабря Де Гаспери сформировал свой первый кабинет, составленный из представителей всех партий КНО, кроме либералов. Ненни, Тольятти, Скоччимарро, Гулло и Гронки получили прежние министерские посты: портфель министра иностранных дел, также как и в прежнем правительстве, остался у Де Гаспери. Премьер-министр в программном заявлении нового правительства подтвердил обязательство провести в установленные сроки выборы в Учредительное собрание, сохранить КНО в качестве органов координации между партиями, а также осуществить меры по нормализации политического положения в стране [48]. Учитывая эту программу, а также то, что Де Гаспери был представителем КНОСИ и лидером массовой партии с широкой крестьянской базой, коммунисты и социалисты приветствовали исход разрешения правительственного кризиса. Однако, как показал дальнейший ход событий, они переоценили политическую ориентацию ХДП и ее лидера, а массовая база партии (как стало ясно во время референдума) оказалась консервативнее, чем это представлялось в конце 1945 г.

Будучи сторонником парламентской демократии и политики социальных уступок трудящимся, Де Гаспери вместе с тем занял вскоре откровенно антикоммунистическую и проамериканскую по-

[45] «Unità», 24, 25, 28.XI 1945.
[46] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 171.
[47] «Unità», 2.XII 1945; «Avanti!» (Torino), 30.XI 1945.
[48] «Unità», 6.XII 1945.

зицию. Его эволюция отражала и эволюцию христианско-демократической партии в целом, ставшей вскоре партией монополистической буржуазии, ориентирующейся на правящие круги США.

С 1 января 1946 г. союзные военные власти передали управление Северной Италией национальному правительству. Однако англо-американские войска оставались в Италии еще почти два года. Используя их поддержку, Де Гаспери взял курс на ликвидацию политических институтов, рожденных Сопротивлением. Верховный комиссариат по чистке государственного аппарата от фашистских элементов был упразднен, чрезвычайные комиссары КНОСИ были отстранены от контроля над предприятиями, а заводы и фабрики возвращены их владельцам [49]. Многие префекты, назначенные КНОСИ, заменялись новыми лицами [50]. Советы управления не получили законодательного признания и испытывали огромные трудности.

Все же некоторые мероприятия в интересах трудящихся министрам-коммунистам удалось провести. По инициативе министра юстиции Тольятти была проведена амнистия. Скоччимарро, будучи министром финансов, добился укрепления лиры, хотя и не смог провести денежной реформы. Осенью 1946 г. по настоянию коммунистов правительство ввело чрезвычайный налог на имущество. По требованию ВИКТ была введена надбавка к зарплате в виде «13-го оклада».

В связи с предстоявшими муниципальными выборами и референдумом все политические партии уточняли свои программы. В конце декабря 1945 г. в Риме открылся V съезд ИКП. Он проходил с 29 декабря 1945 г. по 6 января 1946 г. Отчетный письменный доклад, представленный съезду, был составлен коллегиально комиссией из членов руководства ИКП и содержал анализ деятельности партии за период Сопротивления [51]. Анализ переживаемого страной момента и программу партии на послевоенный период изложил перед съездом П. Тольятти. Он заявил, что в Италии развивается демократическая революция, начавшаяся в период Сопротивления, что она призвана утвердить «демократическую республику трудящихся». Эта цель должна быть достигнута путем созыва Учредительного собрания, принятия демократической Конституции, проведения глубоких демократических реформ социальной структуры страны [52].

Съезд одобрил линию руководства партии и принял устав и программу. Съезд принял курс на создание новой массовой ком-

[49] *L. Valiani.* L'avvento di De Gasperi. Torino, 1949, p. 42.

[50] *F. Chabod.* L'Italia contemporanea (1918—1948). Torino, 1961, p. 143.

[51] Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963.

[52] *P. Togliatti.* Rinnovare l'Italia. Roma, 1946.

мунистической партии. В резолюции съезда отмечалось, что различие в философских убеждениях и религиозных взглядах не является препятствием для вступления в компартию [53]. Вместе с тем резолюция отмечала, что компартия, преодолев остатки сектантства, представляет сегодня «единую и сплоченную политическую силу».

Съезд подтвердил политику единства действий с социалистами вплоть до создания единой партии рабочего класса.

На съезде были избраны члены Центрального Комитета партии. 9 января 1946 г. ЦК ИКП утвердил новое руководство партии: П. Тольятти (генеральный секретарь). Л. Лонго (заместитель), Дж. Амендола, Дж. Ди Виттоино, А. Новелла, Дж. К. Пайетта, П. Секкья, М. Скоччимарро и др.

Принятая съездом программа ставила перед компартией задачу: «возглавить новую борьбу, которую в настоящий момент призван вести итальянский народ, борьбу за окончательное уничтожение фашизма, за полное обновление всей экономической, политической и социальной жизни нации». Это была программа установления «строя республиканской демократии», который партия предлагала создать демократическими методами при единстве всех сил КНО. В этих целях съезд подтвердил необходимость созыва Учредительного собрания для определения государственного строя страны, заключения справедливого мирного договора для Италии, осуществления глубоких демократических преобразований политической и социально-экономической структуры страны.

Основной задачей Учредительного собрания должна была стать разработка конституции, которая установила бы республиканский строй, гарантировала демократические свободы и наметила бы программу дальнейшего развития страны. Компартия решительно высказалась за проведение аграрной реформы (передать крестьянам излишки крупной земельной собственности) и реформы промышленности (национализировать крупные монополии), за осуществление народного контроля над производством через советы управления трудящихся и планирование народного хозяйства. В области политической демократии ИКП предлагала ввести местное и областное самоуправление, выборность судей [54].

В резолюции не выдвигались непосредственно социалистические цели. Однако было очевидно, что борьба за создание новой демократии являлась неотъемлемой частью борьбы за социалистическую перспективу. Выступая на съезде, Тольятти подчеркнул,

[53] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 508.

[54] Там же, стр. 504—508.

что «нет противоречия между демократией и социализмом» [55]. Степень зрелости социально-экономической структуры Европы и распространение социалистических идей в народных массах, заявил он, подводят страны континента к социалистической революции. «Мы хотим, чтобы Италия, как и все цивилизованные народы, также развивалась в направлении к социализму» [56]. Член руководства ИКП М. Скоччимарро, развивая мысль Тольятти, выдвинул важное положение о том, что установление режима прогрессивной демократии и осуществление структурных реформ откроют перед рабочим классом демократический путь продвижения к социализму [57]. Он отметил, что итальянские коммунисты таким образом по-новому подошли к проблемам демократии.

Итак, курс на развитие прогрессивной демократии рассматривался руководящими деятелями ИКП как условие для создания в стране нового соотношения сил, более благоприятного для начала социалистических преобразований. Однако такое понимание существа новой стратегии партии не разделялось еще всеми коммунистами, оно обогащалось и углублялось в последующие годы в свете нового политического опыта и привело к принятию VIII съездом партии программы «Итальянского пути к социализму». Эту преемственность между решениями V и VIII съездов ИКП не раз подчеркивали руководители партии Тольятти, Амендола и др. [58] Незадолго до смерти Тольятти выступал на V конференции компартии (1964 г.) и, обращаясь к прошлому, говорил, что в 1943—1946 гг. партия отвергла предлагавшийся некоторыми путь восстания и насильственного взятия власти пролетариатом и выбрала иной стратегический путь. «Она признала, что основной исторической задачей, открытой перед нашей страной с падением фашизма, является создание прогрессивной демократии, которая уже заключала в себе идею демократического продвижения к социализму» [59].

Свою политическую программу уточняли и социалисты. Вокруг вопросов стратегии и тактики партии на XXIV съезде ИСППЕ (11—16 апреля 1946 г.) шла острая борьба различных группировок. Наиболее отчетливо выявились две противостоящие линии — Ненни и Сарагата. Ненни повторил основные программные требования партии: созыв Учредительного собрания, провозглашение республики, проведение коренных демократических реформ.

[55] *P. Togliatti*. Rinnovare l'Italia, p. 64.

[56] Ibid., p. 66.

[57] *М. Скоччимарро*. Новая демократия. М., 1959, стр. 20.

[58] См. «X съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1963, стр. 10; Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 153.

[59] «Unità», 16.III 1964.

Он подчеркивал настоятельную необходимость сохранить единство антифашистских партий и коалиционный характер правительства вплоть до созыва Учредительного собрания, в рамках которого может сложиться новое соотношение сил. Он решительно выступил за пакт единства действий с коммунистами, подчеркнул, что «социалистическая партия остается классовой партией, следующей экономическим и социальным принципам марксизма», однако заявил, что в настоящий момент съезд должен подтвердить необходимость автономии и независимости партии. Ненни выступил также за солидарность итальянского рабочего движения с СССР, в котором он видел мощную опору европейского социалистического движения[60]. Другие левые социалистические деятели (Бассо, Моранди, Каччаторе), хотя и не были согласны со всеми предложениями Ненни, объединились с ним по основному вопросу, выступив за единство действий с коммунистами. Левые выдвинули общую резолюцию, которая получила на съезде относительное большинство (40% голосов).

Крайне правую позицию заняла на съезде фракция, неофициальным лидером которой стал Дж. Сарагат. Не возражая против основных программных положений большинства партии (структурные реформы, республика, Учредительное собрание) и не отрицая связи этой борьбы с социалистической перспективой, правые социалисты вместе с тем противопоставляли свой идеал «демократического западного социализма» социализму в СССР, который якобы носит «тоталитарный» и «авторитарный характер» и не может быть образцом для Запада[61]. В тот период правые еще не решились открыто выступить против пакта единства действий с коммунистами, но потребовали внести в него ряд уточнений, которые признали бы «абсолютную автономию» социалистов от ИКП и от политики Советского Союза. Группа Сарагата получила на съезде меньшинство (11,5%).

После съезда Ненни был избран председателем партии, но большинство в руководстве получили центристы. Поэтому секретарем партии вместо Моранди стал представитель этой группы И. Маттео Ломбарди.

Оформление в ИСППЕ правосоциалистической фракции (хотя и располагавшей меньшинством) наложило тем не менее отпечаток на политику ИСППЕ в целом и сделало невозможным создание единой рабочей партии. В новый текст пакта о единстве действий коммунистов и социалистов, заключенного в октябре 1946 г., пункт о единой рабочей партии уже не вошел. Тем не менее заключение нового пакта было очень важно. Пакт подтвердил

[60] *S. Cannarsa.* Op. cit., p. 291.

[61] *P. Emiliani.* Dieci anni perduti. Pisa, 1953, p. 36.

необходимость совместных действий рабочего класса в борьбе за осуществление общей политической программы: укрепление политической демократии и проведение структурных реформ[62]. Пакт определил последующую совместную борьбу обеих партий на протяжении почти целого десятилетия.

В апреле 1946 г. состоялся I съезд христианско-демократической партии. Ее численность, по заявлению ее руководства, к этому времени, как и год назад, сохранялась на уровне 1 млн. человек[63]. Съезд подтвердил социально-политическую программу партии, выдвинутую ею в годы Сопротивления, в том числе обещание промышленной и аграрной реформы, демократизации политической структуры страны. При этом подчеркивалось, что перераспределение крупной земельной собственности, национализация некоторых крупных монополий должны проводиться без «революционных импровизаций». ХДП выступила в защиту частной собственности и частной инициативы, за классовое сотрудничество буржуазии и трудящихся масс. На съезде выявились различные течения. Приверженцы правого крыла (во главе с графом Ячини) стояли на открыто антикоммунистических и монархических позициях. Они требовали раскола ВИКТ и создания однопартийного христианско-демократического правительства. До 1947 г. довольно сильные позиции в ХДП занимали различные группы левых христианских демократов (лидерами которых были А. Гранди, Дж. Гронки, Дж. Доссетти). Они выступали за диалог с коммунистами и социалистами, за безотлагательное проведение частичных социальных реформ (национализацию промышленных монополий и аграрную реформу), за участие трудящихся в управлении государством. Большинство в ХДП принадлежало центристам (А. Де Гаспери, Г. Гонелла), которые умело маневрировали между различными течениями, руководя партией и правительством. Не отказываясь на словах от аграрной реформы, Де Гаспери на деле стремился оттянуть ее осуществление.

В 1946 г. состоялись муниципальные выборы. Они проходили в два тура: первый — в марте-апреле, второй — в ноябре. Выборы показали соотношение сил различных политических партий. Коммунисты, социалисты, Партия действия и выступавшие с ними мелкие политические группы собрали вместе около 50% голосов и получили большинство в 2256 коммунах[64] (из 5596, в которых проходили выборы). Левые партии завоевали преобладающие позиции в муниципалитетах провинциальных центров Эмилии и То-

[62] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 508—509.

[63] *G. Tupini*. Op. cit., p. 130.

[64] *F. Chabod*. Op. cit., p. 151.

сканы, в ряде центров Пьемонта, Лигурии, Ломбардии. В первом туре силы коммунистов и социалистов были примерно равны с небольшим перевесом в пользу ИСППЕ; во втором туре выборов в крупных городах преимущество внутри левого избирательного корпуса оказалось за коммунистами. Они получили большинство в Турине, Генуе, Флоренции. В некоторых коммунах левые партии выступали единым блоком. В таких городах, как Рим и Неаполь, список Народно-демократического фронта получил большинство. Что касается третьей политической силы левого крыла — Партии действия, то выборы показали, что она не сумела пустить корней в массы. Там, где эта партия выступала с самостоятельным списком, она провела своих кандидатов только в 7 коммунах.

Христианско-демократическая партия показала себя партией, располагающей широкой массовой базой. Она получила 40% в первом туре голосования, т. е. больше, чем какая-либо другая партия, а в целом — в обоих турах — завоевала большинство в 1955 коммунах [65]. Правые партии (либералы, монархисты, куалюнкисты) [66] собрали лишь 10% голосов.

Муниципальные выборы определили таким образом главных партнеров в будущих политических битвах: ими были коммунисты и социалисты среди левых партий, христианские демократы в противостоящем им буржуазном лагере.

Успех ХДП на выборах может быть объяснен рядом причин. Во-первых, христианские демократы использовали разветвленную сеть церковного аппарата и многочисленные низовые парторганизации ХДП в целях избирательной пропаганды. Далее, тот факт, что во главе правительства стоял лидер этой партии, и что возглавленное им правительство осуществило ряд неотложных социальных мер, несомненно усилил авторитет ХДП в стране. Наконец, Де Гаспери уже на этих выборах использовал козырь американской экономической помощи, которым он так широко будет спекулировать в последующих парламентских выборах.

Значительный успех ХДП в первой после войны избирательной кампании определил дальнейшую судьбу этой партии — она становится главной политической силой крупной монополистической буржуазии в борьбе за сохранение ее политических и экономических позиций.

Оценивая итоги муниципальных выборов, один из лидеров ХДП, Дж. Тупини, писал впоследствии, что их партия «нанесла удар по КНО» [67]. Действительно, в отличие от комитетов, в которых

[65] Ibidem.

[66] Члены полуфашистской организации «Фронте дель уомо куалюнкуэ» («Фронт рядового человека»), созданной в 1945 г. Г. Джаннини.

[67] *G. Tupini.* Op. cit., p. 128.

было установлено представительство различных партий, в новых административных органах партии получили места соответственно своей массовой базе, т. е. усилили позиции христианские демократы. После выборов КНО фактически утратили свое значение и были упразднены. Годы спустя Дж. Амендола отмечал как слабость рабочего движения то, что оно не сумело сохранить и развить систему КНО «не в качестве второй власти, противостоящей власти государства (такое двоевластие могло бы иметь смысл лишь при иной стратегической линии), а для построения демократической организации нового типа, основанной на народном самоуправлении и на инициативе снизу» [68].

Но с другой стороны, тактика коммунистов и социалистов, направленная на сохранение национального антифашистского фронта, несомненно ускорила победу республики, созыв Учредительного собрания и принятие конституции.

ЗАВОЕВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ

20 марта 1946 г. совет министров утвердил принятый Консультативной ассамблеей закон о выборах в Учредительное собрание. Оно должно было избираться всеобщим голосованием с прямой, свободной и тайной подачей голосов по конкурирующим спискам и с пропорциональной системой представительства. Впервые в истории Италии в голосовании должны были принять участие женщины. Закон был довольно демократичен. Однако консервативным силам удалось включить в текст закона пункт об обязательном характере выборов (коммунисты и социалисты были против). Этим они рассчитывали привлечь к выборам политически отсталые слои избирателей, используя их с помощью католической церкви в своих целях.

Консервативным силам при политической поддержке США удалось провести решение совета министров (от 27 февраля), которое ограничило функции Учредительного собрания. Теперь вопрос о государственном устройстве страны (республика или монархия) должно было решать не Учредительное собрание, как это предполагалось раньше, а всенародный опрос — референдум, который должен был проводиться одновременно с выборами в Учредительное собрание. 16 марта 1946 г. министр по делам Учредительного собрания Ненни по настоянию либералов и христианских демократов, поддержанных американскими властями, вынужден был подписать декрет, который еще более ограничил функции Учредительного собрания. Теперь в его компетенцию входили следующие

[68] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 170.

задачи: принять избирательный закон, выработать конституцию, ратифицировать мирный договор. Вопрос о социальных реформах относился к прерогативам будущего парламента [69].

В преддверии референдума различные политические силы определяли позиции по основному вопросу: республика или монархия? V съезд ИКП (декабрь 1945 г.) решительно подтвердил республиканские взгляды партии. Он заявил, что «итальянское государство должно быть демократической республикой трудящихся физического и умственного труда, республикой с представительным парламентским строем, при котором гарантировались бы основные гражданские свободы» [70].

XXIV Съезд ИСППЕ (апрель 1946 г.) также единодушно высказался за республику. Кроме того, к республиканскому лагерю примыкали Партия действия, Итальянская республиканская партия, ВИКТ, Союз итальянских женщин, Итальянский фронт молодежи.

Длительную и острую борьбу проблема государственного устройства вызвала внутри ХДП. Партия провела по этому вопросу референдум низовых организаций, который показал, что лишь 60% ее членов придерживаются республиканских взглядов. Результаты опроса были доложены съезду партии (апрель 1946 г.). На съезде при голосовании 73% делегатов объявили себя сторонниками республики, 19,2% — ее противниками, 7,8% воздержались [71]. В итоге в резолюцию I съезда ХДП был включен пункт о том, что партия выступает за республику. Однако сторонники монархии в ХДП не изменили своей позиции во время всенародного референдума. Анализ его итогов показывает, что 3/4 избирателей, голосовавших на выборах в Учредительное собрание за христианских демократов, одновременно подали голоса за монархию. Массовая база ХДП оказалась, таким образом, гораздо консервативнее, чем это предполагали левые партии.

Монархистский лагерь состоял из либералов, монархистов и партии «Уомо куалюнкуэ». Борьба между монархистами и республиканцами приняла острый характер. С апреля те и другие организовывали массовые демонстрации. 3 мая Виктор Эммануил отрекся от престола в пользу королевского наместника Умберто. Майский король, как его иронически прозвали в народе, выступал на монархистских митингах различных городов Италии — от Сицилии до Пьемонта. Монархисты и куалюнкисты распускали слухи, что референдум якобы послужит левым партиям сигналом для «взятия власти». Демонстрация монархистов, устроенная в столице, требо-

[69] Dieci anni dopo (1945—1955). Bari, 1956, p. 65.

[70] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 506.

[71] *G. Tupini*. Op. cit., p. 135.

вала отсрочки референдума. В Неаполе деклассированные элементы города — «лаццарони»,— которые не раз в истории страны выступали в поддержку монархов, учинили беспорядки.

Левые партии давали отпор вылазкам монархистов. Под республиканскими лозунгами прошла первомайская демонстрация трудящихся 1946 г. Все три секретаря ВИКТ: Ди Витторио, Лиццадри и Гранди, выступая на многочисленных митингах в Бари и Риме, подтвердили, что первым условием, необходимым для того чтобы достичь социальной справедливости, должно быть установление демократической республики. 11 мая по призыву ВИКТ и левых партий в столице была проведена двухчасовая демонстрация с требованием республики. После бесчинств монархистов в Неаполе левые партии устроили здесь контрдемонстрацию.

Референдум состоялся 2 июня 1946 г. Через три дня, когда стали известны предварительные результаты голосования, Де Гаспери объявил по радио (и лично Умберто III) о победе республики. Монархисты снова попытались вызвать беспорядки в Неаполе и опротестовать результаты голосования.

10 июня кассационный суд на торжественном заседании во дворце Монтечиторио объявил итоги референдума. Однако монархисты поставили под сомнение точность подсчета голосов, заявив, в частности, что объявленное число избирателей не соответствует якобы данным переписи населения. Король отказался покинуть страну, пытаясь апеллировать к итальянской и мировой общественности. Положение снова обострилось. 11 июня в Риме состоялась 200-тысячная демонстрация в поддержку республики, организованная пятью партиями. На этот раз в ней приняли участие не только коммунисты, социалисты, республиканцы и Партия действия, но также и христианские демократы. Совет министров на следующий день официально подтвердил законную силу объявленных итогов референдума и назначил главой государства (до выборов президента) председателя совета министров. Представители пяти республиканских партий, собравшись на совещание в Риме, подтвердили свою солидарность с правительством, объявившим себя гарантом республиканского решения. К ним присоединилась и ВИКТ. Сплоченность всех демократических сил заставила реакцию отступить. 13 июня Умберто, заявив, что он «подчиняется насилию», покинул Италию.

Страна праздновала победу. 16 июня Итальянская республиканская партия организовала манифестацию, посвященную памяти патриотов, павших в борьбе за Римскую республику 1849 г. Над башней Капитолия был поднят подлинный флаг Римской республики, спущенный 3 июля 1849 г. в последние дни ее существования. но сохраненный гарибальдийцами. Почти 100 лет прошло, прежде чем народ Италии окончательно похоронил монархию.

Даже 100 лет спустя, как мы видели, борьба за республику была нелегкой. Об этом свидетельствуют и данные референдума. 18 июня кассационный суд, отклонив претензии монархистов, объявил полные и окончательные итоги референдума: за республику подано 12 717 923 голоса, за монархию — 10 719 284, кроме того, 1 498 136 бюллетеней были признаны недействительными [72].

Юг в своем большинстве высказался за монархию. В особенности это относится к таким областям, как Абруццы, Апулия, Базиликата, Калабрия, Сицилия, Сардиния. Это объясняется отсталостью политического сознания крестьянских масс Юга, традиционно выступавших за монархию, тем, что здесь наиболее сильны были позиции либералов с их исторически сложившейся системой клиентелы (подкупа избирателей), угрозами мафии, большим влиянием церкви. Наконец, Юг остался в стороне от движения Сопротивления.

И все же голоса избирателей Юга не дали, вопреки надеждам монархистов, достаточного перевеса в пользу монархии. Север и Центральная Италия в своем большинстве высказались за республику (в среднем от 57 до 72%) [73]. Эти же области подали большинство голосов за кандидатов левых партий в Учредительное собрание: за коммунистов и социалистов. Таким образом, анализ выборов подтверждает вывод о том, что основной вклад в битву за республику внесли партии рабочего класса — коммунисты и социалисты. Наконец, именно эти районы были основной ареной движения Сопротивления, одним из главных политических идеалов которого была демократическая республика. Провозглашение республики явилось важнейшим итогом итальянского движения Сопротивления.

Выборы в Учредительное собрание закончились к середине июня 1946 г. В них приняли участие около 23 млн. избирателей и было избрано 556 депутатов. Коммунисты и социалисты собрали на выборах 9 млн. голосов (39,7%) и получили в Учредительном собрании 229 мест из 556. При этом социалисты получили несколько больше голосов (4,7 млн.), чем коммунисты. Вместе же они собрали на 1,1 млн. голосов больше, чем ХДП. Это свидетельствовало о том, что значительная часть итальянских трудящихся разделяла социалистические идеалы. Но с другой стороны, выборы в Учредительное собрание подтвердили, что христианско-демократическая партия превратилась в самую массовую партию буржуазии. Она собрала 8 млн. голосов (35,5%), т. е. больше, чем какая-либо другая политическая партия, и получила 207 мест в Учредительном

[72] Le elezioni politiche del 1948. Elezione della Camera dei deputati, v. I. Roma 1951, p. 89.

[73] *F. Chabod*. Op. cit., p. 158.

собрании[74]. Выборы в Учредительное собрание подтвердили ту расстановку сил, которая выявилась уже в результате первого тура административных выборов в марте — апреле 1946 г.; они показали, что ХДП, ИСППЕ и ИКП являются самыми массовыми партиями Италии. Соотношение между этими партиями было уже иным, чем в период Сопротивления: ХДП выдвинулась на первое место, в то время как в Сопротивлении ведущая роль принадлежала компартии. Вторая по своему удельному весу партия Сопротивления — Партия действия — на выборах в Учредительное собрание потерпела поражение и провела всего 7 депутатов. Итоги выборов в Учредительное собрание не соответствовали, таким образом, политической ориентации и надеждам большинства борцов Сопротивления. Это объясняется рядом обстоятельств.

Когда политическая борьба сместилась в плоскость борьбы избирательной, буржуазные партии смогли использовать поддержку церкви и англо-американских властей, наконец, финансовую поддержку правящих кругов, для того чтобы мобилизовать пассивную и политически отсталую часть населения и увлечь ее за собой. Кроме того, совпадение выборов с референдумом также сыграло на руку ХДП, ибо предвыборная борьба велась вокруг одного вопроса: республика или монархия. Поэтому в глазах избирателей на первое место выступало то, что объединяло массовые партии — лозунг республики, а не то, чем они в действительности отличались. Выборы показали, что основной социальной базой христианско-демократической партии было крестьянство. Рабочий класс, напротив, в своем большинстве голосовал за ИКП и ИСППЕ. В районах промышленно развитого Севера рабочие партии вместе собрали несколько больше половины голосов (5,7 млн. из 11 млн.). В результате ИКП и ИСППЕ завоевали в Учредительном собрании почти 40% мест, а вместе с левыми демократическими партиями — 45% мест, 37% получили христианские демократы (среди которых часть принадлежала левым течениям) и 17% мест — крайне правые группировки. Такое соотношение сил в Учредительном собрании, прежде всего значительный удельный вес в нем депутатов-коммунистов и социалистов, оказалось решающей предпосылкой для принятия Учредительным собранием прогрессивной демократической конституции.

Учредительное собрание открылось 25 июня. Оно вручило полномочия временного главы государства либералу Энрико Де Никола и поручило сформировать первое республиканское правительство Альчидо Де Гаспери. В новый кабинет Де Гаспери, образованный 13 июня 1946 г., вошли представители всех партий Учредительного собрания. Глава правительства выполнял также

[74] Le elezioni politiche del 1948, v. I, p. 89.

обязанности министра внутренних дел и иностранных дел (в октябре 1946 г. на пост министра иностранных дел был назначен Ненни). В руки христианских демократов был передан и портфель министра сельского хозяйства (А. Сеньи). Министром промышленности и торговли стал левый социалист Р. Моранди. В качестве министров в правительство вошли Ф. Гулло и Э. Серени.

В сентябре 1946 г. Центральный комитет ИКП разработал проект нового курса в области экономики. Он предусматривал сочетание свободы частной инициативы с государственным регулированием экономики, имея в виду, что государство будет осуществлять планирование и контроль над производством при помощи советов управления, проводить налоговую политику, направленную против имущих классов, национализирует монополистические предприятия и начнет аграрную реформу в интересах крестьян. Этот новый курс был предложен министрами-коммунистами новому правительству, но не был принят. «Коммунисты и социалисты,— писал орган ИКП «Ринашита»,— предлагали свое сотрудничество в правительстве всем другим демократическим и либеральным силам, выдвигали для Италии перспективу политических, экономических и социальных преобразований, проводимых в демократическом направлении и методом, исключающим наиболее острые классовые конфликты. Они намеревались добиваться осуществления структурных реформ, необходимых для реконструкции нашей экономики, таким же мирным путем, каким была завоевана республика. Этот путь был отклонен консервативными и реакционными имущими классами, которых поддерживала и в значительной степени представляла христианско-демократическая партия» [75].

Правящие круги Италии связывали восстановление и развитие национальной экономики не с демократическими социальными реформами, а с экономической помощью США. Именно на этот путь и вступила христианско-демократическая партия.

В октябре 1946 г. между ВИКТ и Конфедерацией промышленников (Конфиндустрией) было подписано соглашение о «перемирии». Трудящиеся добились принятия подвижной шкалы заработной платы. В свою очередь ВИКТ согласилась на время перемирия (оно было заключено на 7 месяцев) не проводить забастовок на предприятиях. Действительно, до мая 1947 г. стачечная борьба затихла. Зато обострилось движение безработных. В декабре волнение и забастовки трудящихся с требованиями организации общественных работ и выдачи пособий по безработице прошли в Бари,

[75] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 175.

Салерно, Реджо-ди-Калабрии, Флоренции и т. д. 27 декабря полиция с помощью танков и броневиков рассеяла демонстрацию безработных в Бари, при этом один человек был убит и 25 ранены. ВИКТ заявила протест правительству и внесла предложение повести борьбу против черного рынка и организовать общественные работы [76]. Однако программа борьбы с безработицей так и не была принята правительством Де Гаспери.

Не лучше обстояло и с социальными реформами. Не отказываясь от них на словах, Де Гаспери на деле стремился как можно дольше оттянуть их осуществление. П. Тольятти, разоблачая впоследствии миф о Де Гаспери как о великом реформаторе, писал, что христианские демократы «рассматривали министров-коммунистов и социалистов не как составную часть национального политического руководства, но лишь как оппозицию, которую они вынуждены были терпеть». И когда эта «оппозиция» поставила перед правительством вопрос об аграрной реформе, добавлял Тольятти, Де Гаспери ответил, что реформы можно осуществлять лишь в период процветания страны и что время для этого еще не пришло [77].

РАСКОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ

В январе 1947 г., выступая в комиссии по иностранным делам США, государственный секретарь Дж. Маршалл открыто заявил о намерении своего правительства поддержать всеми экономическими средствами западноевропейские страны с тем, чтобы сохранить здесь буржуазный строй. В сферу экономического и политического влияния США оказалась втянутой и Италия, правящие круги которой решили «довериться» руководящей роли США, дабы предотвратить развитие страны в направлении прогрессивной демократии и социализма. В январе 1947 г. Де Гаспери по приглашению государственного секретаря США посетил Вашингтон, где был согласован курс на раскол национального фронта и устранение коммунистов и социалистов из правительства. При этом условии Италии был обещан займ в 100 млн. долл.

На родину Де Гаспери вернулся с «правительственным кризисом в кармане». Буржуазная пропаганда начала обработку общественного мнения, доказывая, что только устранение коммунистов и социалистов из правительства откроет путь к американской помощи и, следовательно, к экономическому возрождению страны.

[76] «Avanti!», 1.I 1947.

[77] *P. Togliatti.* L'opera di De Gasperi, p. 34.

В этот кризисный момент, когда Италия стояла на перепутье, произошел раскол итальянской социалистической партии, который имел серьезные политические последствия. На XXV съезде ИСППЕ (январь 1947 г.) правосоциалистическая группа Сарагата потребовала разрыва пакта единства действий с коммунистами. Оказавшись в меньшинстве (100 тыс. человек), правые раскольники вышли из рядов партии и оформились в самостоятельную организацию, которая с 1952 г. получила название Итальянской социал-демократической партии (ИСДП). ИСППЕ после раскола приняла прежнее название (которое она носила до августа 1943 г.) — Итальянская социалистическая партия (ИСП). Секретарем ИСП был избран Л. Бассо. Численность партии сохранилась на уровне 820 тыс. человек [78]. И все же раскол социалистов имел отрицательные последствия для будущего, положив начало целой серии расколов в социалистическом и профсоюзном движении.

Кроме того, раскол социалистов в 1947 г. вынудил Ненни подать в отставку с поста министра иностранных дел, что и послужило поводом для правительственного кризиса в феврале 1947 г. ИСП и ИКП решительно выступили за сохранение коалиционного состава правительства, против смещения правительственной оси вправо. На заседании парламентской группы ХДП 22 января Де Гаспери выразил надежду, что «группа Сарагата преодолеет свои политические и организационные предубеждения» и согласится сотрудничать с новым правительством без коммунистов и социалистов. Однако на этот раз Сарагат не решился поддержать этот план, и в новый кабинет Де Гаспери, сформированный 2 февраля 1947 г., вошли коммунисты и социалисты. Министром иностранных дел был назначен К. Сфорца, известный своей проамериканской ориентацией. Стюард Хьюз, занимавший после войны ответственные посты в госдепартаменте США, в книге «США и Италия» не без основания писал, что еще до подписания мирного договора «Италия стала уже, если не теоретически, то фактически союзником западных держав в холодной войне против Советского Союза» [79].

10 февраля 1947 г. в Париже был подписан мирный договор с Италией. При его обсуждении на сессии Совета министров иностранных дел и на Парижской мирной конференции представители СССР настаивали на том, чтобы мирный договор гарантировал демократию и национальную независимость страны; чтобы в нем было сказано о запрете в Италии деятельности фашистских организаций и были точно определены сроки вывода из страны англо-американских войск. СССР выступил против так называемого принципа равных возможностей других держав в отношении Ита-

[78] *S. Cannarsa.* Op. cit., p. 304.

[79] *H. S. Hughes.* USA and Italy. Massachusetts, 1953, p. 213.

лии, т. е. против свободы проникновения иностранного капитала в экономику страны. Вместе с тем СССР справедливо требовал, чтобы Италия возместила ущерб, нанесенный во время войны Советскому Союзу и другим странам. Это законное требование было, однако, использовано итальянскими правящими кругами в целях усиления антисоветской пропаганды [80]. Перечисленные выше предложения СССР вошли в текст мирного договора [81]. Договор гарантировал национальный суверенитет страны, определив, что иностранные войска будут выведены с ее территории не позднее чем через три месяца после вступления договора в силу.

Мирный договор констатировал отказ Италии от ряда ее прежних территориальных притязаний. Она признала независимость Албании и Эфиопии, отказалась от прав на бывшие колонии в Северной Африке [82], вернула Греции острова Додеканес. Триест был временно объявлен свободной территорией под контролем Англии и США [83]. Италия должна была возместить военный ущерб ряду стран, в том числе Советскому Союзу.

Условия мирного договора вызвали недовольство правящих кругов Италии, и они сразу же взяли курс на его пересмотр. Об этом К. Сфорца заявил в послании, которое он направил после подписания мирного договора странам — участницам Парижской мирной конференции [84]. Таркиани писал, что Италия подписала мирный договор для того, чтобы ликвидировать режим перемирия и при помощи США подготовить затем его пересмотр [85]. Через 10 дней Сфорца получил ответ на свое послание от госдепартамента США, который заявлял, что путь для пересмотра мирного договора открыт. Имея в виду эту перспективу, христианские демократы высказались за одобрение мирного договора Учредительным собранием. Ратификация состоялась в июле 1947 г., а 15 сентября того же года мирный договор вступил в силу.

Политическая обстановка в Италии все более обострялась как в связи с социальными требованиями трудящихся, так и в связи с вопросом внешнеполитической ориентации Италии. Третье пра-

[80] См. *А. С. Протопопов.* Внешняя политика Италии после второй мировой войны. М., 1963, стр. 70—92.

[81] «Мирный договор с Италией». М., 1947.

[82] Вопрос о судьбе бывших итальянских колоний рассматривался затем в ООН. Ливия стала независимой в 1951 г., Эритрея в следующем году присоединилась к Эфиопии, Итальянское Сомали, переданное на 10 лет под опеку Италии, получило независимость в 1960 г.

[83] В 1954 г. Италия и Югославия подписали соглашение о границе между ними, и Триест отошел к Италии. Это соглашение было признано ООН.

[84] *C. Sforza.* Cinque anni a palazzo Chigi. La politica estera italiana dal 1947 al 1951. Roma, 1952, p. 17.

[85] *A. Tarchiani.* Dieci anni tra Roma e Washington. Milano, 1955.

вительство Де Гаспери изложило Учредительному собранию свою программу поднятия экономики и улучшения положения трудящихся. 8 февраля Де Гаспери, выступая перед собранием, обещал, что правительство рассмотрит вопрос о налоговой реформе, о контроле над ценами и примет частичные меры в области сельского хозяйства, которые послужат предпосылками к аграрной реформе. Наконец, он заявил, что правительство составит план экономического восстановления, который будет для промышленников ориентиром. Эта программа осталась невыполненной. Только 3 апреля совет министров принял «14 пунктов», разработанных министром-социалистом Моранди, которые предусматривали меры по борьбе со спекуляцией и инфляцией [86]. Однако эти меры уже не могли быть осуществлены правительством, так как оно было на пороге нового кризиса.

В стране усилилась антикоммунистическая кампания, проводимая реакционными силами, прежде всего мафистами и партией «Уомо куалюнкуэ». Эта кампания была явно на руку христианским демократам. Один из ее деятелей Дж. Тупини с одобрением писал, что лидер куалюнкистов Г. Джаннини повел «мужественную борьбу против коммунизма» [87].

Чудовищный размах получили кровавые злодеяния сицилийской мафии. 1 мая 1947 г. в местечке Портелла делла Джинестра мафисты открыли пулеметный огонь по демонстрации трудящихся. В результате этой бандитской расправы 11 человек было убито и 56 ранено [88]. Коммунисты выступили с запросом в Учредительном собрании. Однако Шельба цинично ответил, что расстрел якобы не носил политического характера и явился делом «местной уголовной шайки». Иначе расценили эти события трудящиеся Италии. По призыву ВИКТ на политический террор в Сицилии страна ответила всеобщей забастовкой протеста. Многолюдные митинги прошли в Риме, Генуе, Милане, Неаполе и других городах. В Турине весь день шли колонны трудящихся с плакатами и лозунгами. Трудящиеся Милана решили пожертвовать свой получасовой заработок в фонд помощи жертвам мафистского террора. В Палермо при огромном стечении народа состоялись похороны павших в Портелла делла Джинестра.

Антикоммунистическую кампанию правых реакционных сил христианские демократы стремились использовать в целях устранения коммунистов и социалистов из правительства. В этом же направлении оказывали давление на Италию и Соединенные Штаты Америки. Уже в феврале—марте посол Италии в США А. Тар-

[86] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 168.
[87] *G. Tupini*. Op. cit., p. 42.
[88] *M. Panteleone*. Mafia e politica. Torino, 1963, p. 155.

киани в дипломатической переписке с министром иностранных дел К. Сфорца, прямо ссылаясь на требования США, настаивал на исключении коммунистов и социалистов из правительства, как на основном условии американской экономической помощи Италии [89].

В марте в Неаполь прибыли два американских легких крейсера и шесть эсминцев. В связи с тем, что в мае в Италию должна была выехать миссия экспортно-импортного банка США для изучения вопроса о размещении в Италии обещанного займа, агентство Юнайтед пресс сообщало 23 апреля, что необходимым условием предоставления займа является «стабильность итальянского правительства» и миссия экспортно-импортного банка поставит себе в качестве важнейшей цели «выяснение политических условий в стране».

Посол Италии в США Таркиани поспешил в Рим, чтобы лично переговорить с Де Гаспери и другими политическими лидерами и сообщить им, что Трумэн требует «удаления коммунистов из правительства».

13 мая Де Гаспери, наконец, сделал заявление Учредительному собранию об отставке правительства. На другой день Сарагат писал в своей газете «Уманита», что «правительство национального единства, в которое входили бы представители всех основных партий, только ухудшит положение» [90]. Попытки либералов Нитти и Орландо сформировать новое правительство национального единства потерпели провал вследствие отказа не только либералов и христианских демократов, но и группы Сарагата. Газета «Республика» писала, что действия ХДП и сарагатовцев согласованы и что ХДП с их помощью сорвала попытку Нитти. Формирование правительства было поручено Де Гаспери. После серии переговоров 30 мая Де Гаспери заявил, что «не считает себя обязанным просить о техническом сотрудничестве» со стороны компартии. Ненни отказался поддержать попытку расколоть республиканское большинство. Это заявление было расценено как свидетельство формального разрыва Де Гаспери с левыми. Либеральная партия поспешила заверить, что она поддержит правительство без коммунистов. Сарагат также не возражал против исключения коммунистов, но требовал, чтобы его партии были переданы все министерства экономики. По сообщениям газет, министр внутренних дел М. Шельба приказал префектам мобилизовать полицию и армию против возможных «попыток восстания». Полицейским было роздано оружие, и многие части были переведены на боевое положение. В Риме и Милане усиленные наряды полиции патрулировали по ночам все улицы и предместья.

[89] *A. Tarchiani*. Op. cit., p. 134.
[90] «Umanita», 14.V 1947.

Эта предосторожность христианских демократов была надуманной. Коммунисты не собирались организовывать восстание. Впоследствии они не раз решительно отвергали критику экстремистами политики ИКП в период 1945—1947 гг. и упреки в ее адрес за то, что партия не поставила в качестве цели завоевание власти. Но, с другой стороны, итальянская компартия признала впоследствии, что она не смогла своевременно мобилизовать массы на борьбу против раскола национального единства. «Это промедление и осторожность,— отмечал много лет спустя Дж. Амендола,— не позволили широким слоям народа понять всю серьезность происходящего, понять, что речь шла не о министерском кризисе, а о кризисе всей политической системы, кризисе антифашистского союза, который руководил Италией во время освободительной войны...» [91]

Движение протеста против раскола национального фронта не приняло поэтому широкого характера и запоздало. Лишь 30 мая, когда вопрос был уже предрешен, на ряде крупных заводов Милана, Неаполя и других городов прошли митинги протеста против исключения представителей трудящихся из правительства.

Новое, однопартийное правительство христианских демократов во главе с Де Гаспери было сформировано 31 мая 1947 г. и получило вотум доверия большинства Учредительного собрания. Помимо христианских демократов за него голосовали правые депутаты: либералы, куалюнкисты, монархисты (274 голоса). Остальные депутаты (231 голос) были против.

В стране произошла коренная перегруппировка сил и на длительный период. С одной стороны, завершилась трансформация ХДП вправо и превращение ее в главную партию крупных промышленников. После майского переворота состоялась встреча председателя Конфиндустрии Анджела Косты с Де Гаспери, которая закрепила союз ХДП с «капитанами индустрии» и обеспечила ей финансовую поддержку на предстоявших парламентских выборах [92]. II съезд партии, состоявшийся в ноябре 1947 г. в Неаполе, констатировал, что опыт сотрудничества с коммунистами и социалистами не оправдал себя и что в будущем подобная трехпартийная коалиция невозможна [93].

После майского поворота ХДП взяла курс на то, чтобы оттянуть проведение реформ. Излагая программу своего правительства Учредительному собранию, Де Гаспери предложил отложить реформы как «несрочные мероприятия, вызывающие идеологические и партийные разногласия», до созыва будущего парламента.

[91] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 174.

[92] *A. Pieroni.* Chi comanda in Italia. Milano, 1959, p. 87.

[93] I congressi nàzionali della Democrazia cristiana. Roma, 1959, p. 187—188.

Ту же позицию занял съезд ХДП. Министр сельского хозяйства А. Сеньи заявил на съезде, что партия подтверждает необходимость аграрной реформы, однако проблема требует изучения и постепенного и осторожного осуществления, ибо христианские демократы «не собираются осуществлять революцию и не хотят, чтобы ее сделали другие» [94]. По существу Сеньи отказался от принципа ограничения крупного землевладения, а выдвинул программу мелиорации заброшенных земель и последующего распределения их среди крестьян. Съезд ХДП отказался поддержать советы управления как органы рабочего контроля на производстве. Выступая на съезде, Тавиани говорил, что они могут быть сохранены лишь как органы корпоративные, для того чтобы «смягчить отчуждение предпринимателей и трудящихся» [95].

Перегруппировка сил выявилась и в лагере левых партий, Партия Сарагата и республиканцы переходят на позицию сотрудничества с христианскими демократами — в декабре 1947 г. по приглашению Де Гаспери представители этих партий вошли в правительство. Партия действия в октябре 1947 г. прекратила свое существование и слилась с ИСП.

Коммунисты и социалисты выступили против «черного правительства» Де Гаспери (отказав ему в поддержке в Учредительном собрании) и подтвердили необходимость совместной борьбы и сплочения всех народных сил для реализации социально-политических целей Сопротивления, для создания «новой демократии». В этих целях в декабре 1947 г. коммунисты поддержали предложение социалистов и создали совместно Народно-демократический фронт, который мыслился не только как избирательная коалиция, но и как постоянная организация демократических сил в борьбе за более далекие цели.

Вместе с тем коммунисты и социалисты пересматривают тактику борьбы. Анализируя причины раскола антифашистской коалиции, Тольятти на пленуме ЦК ИКП в ноябре 1947 г. отмечал, что раскол был вызван слабостью демократических сил, которым не удалось провести структурные реформы [96]. На конференции миланской федерации компартии Тольятти заявил: «Следует признать, что ХДП использует в своих целях слабость итальянской демократии, слабость, ответственность за которую падает также и на компартию, потому что ей не удалось нанести удар старой социально-экономической структуре Италии» [97].

[94] «Popolo», 20. XI 1947.
[95] I congressi nazionali della Democrazia cristiana, p. 158
[96] «Unità», 11—15.XI 1947.
[97] «Unità», 20.XI 1947.

16. Занятие крестьянами пустующих земель в Сицилии

После раскола антифашистского фронта партии рабочего класса начинают по-новому ставить проблемы структурных реформ, связывая их осуществление не с верхушечными политическими комбинациями, а с борьбой масс, новыми массовыми организациями (советы управления, земельные комитеты); они выдвигают структурные реформы не как политическую перспективу, но как лозунг дня. Этот курс был принят и I Национальным съездом ВИКТ (июнь 1947 г.), который показал, что большинство в конфедерации принадлежит коммунистам (57%) и социалистам (22%). Съезд ввел принцип выборности и пропорционального (вместо прежнего — паритетного) представительства в руководстве ВИКТ. Большинство в нем теперь получили представители двух указанных левых течений. Генеральным секретарем ВИКТ был избран член ЦК ИКП Дж. Ди Витторио. В резолюции съезда говорилось,

что необходимо добиться признания советов управления, начать национализацию предприятий общественного значения и аграрную реформу [98].

Осенью борьба масс за эти цели начала приобретать конкретные формы. В сентябре — октябре 1947 г. прокатилась первая крупная волна крестьянских захватов помещичьих земель в зоне латифундий. На этот раз она охватила Сицилию и область Лацио. Батраки и крестьяне занимали пустоши и явочным порядком создавали кооперативы по обработке земли. Руководили борьбой зачастую местные секции батрацких профсоюзов. Трудящиеся близлежащих городов по решению палат труда поддержали крестьян забастовками солидарности и требовали признания за ними права на пользование занятыми землями на основе законов Гулло. Таким образом, впервые был опробован механизм массового крестьянского движения и союза рабочих и крестьян в борьбе за землю, тот механизм, который будет затем широко использован в 1948—1950 гг., когда движение за аграрную реформу примет наибольший размах.

Вместе с тем уже осенью 1947 г. коммунисты и социалисты стремились придать крестьянскому движению организованный и общенациональный характер, связать его с программой коренного преобразования социальной структуры деревни. В декабре 1947 г. по инициативе ИКП и при поддержке ИСП и ВИКТ было создано Учредительное земельное собрание, которое начало разработку демократической аграрной реформы и возглавило движение земельных комитетов — крестьянских органов борьбы за аграрную реформу.

Борьба за национализацию промышленности в этот период еще не приобретает конкретной формы. На первое место выдвигается задача введения рабочего контроля на предприятиях. В ноябре 1947 г. развертывается движение за признание советов управления. Они были созданы в ходе национального восстания и сыграли важную роль в период восстановления промышленности [99]. Советы управления стремились утвердить на деле принцип рабочего контроля и участия рабочих в руководстве производством. Первоначально советы управления поддерживались всеми массовыми партиями, в том числе и ХДП, которые требовали законодательного признания советов управления. Министр-социалист Р. Моранди разработал в декабре 1946 г. законопроект о советах управления, но его принятие встретило противодействие промышленников.

[98] *Дж. Канделоро.* Указ. соч., стр. 125.

[99] См. *Н. К. Кисовская.* Движение трудящихся Италии за демократический контроль управления.— «Важное направление классовой борьбы». М., 1970.

В ноябре 1947 г. в Милане по инициативе левых сил был проведен национальный съезд представителей советов управления в промышленности. Выступивший на съезде министр промышленности христианский демократ Тоньи выразил сомнение относительно целесообразности постановки вопроса о советах управления. Делегаты его освистали. Съезд принял решение: развернуть движение за повсеместное создание советов управления на заводах и фабриках, за их утверждение законом. Съезд потребовал признать за советами управления следующие функции: участие в разработке производственной программы предприятия, контроль над использованием прибылей, над себестоимостью продукции, капиталовложениями, финансированием. В составе советов должны быть представители рабочих, служащих и предпринимателей данного завода. Выступая на съезде, Л. Лонго подчеркнул, что «вопрос о советах управления является политическим вопросом, вопросом о том, кто должен определять судьбу страны и национальной экономики: силы капитала или силы труда».

Борьбу за осуществление социально-политических идеалов Сопротивления левые силы повели, не только мобилизуя массы, но и в представительном органе — Учредительном собрании — в связи с обсуждением конституции. Ее проект был разработан специальной комиссией, в которую входили 75 депутатов Учредительного собрания, принадлежавших к различным партиям, в том числе Тольятти и Ненни. С марта по декабрь проект обсуждался в Учредительном собрании — сначала в целом, затем по отдельным статьям. Работой пленарных заседаний собрания в этот период руководил видный деятель ИКП Умберто Террачини, избранный в феврале 1947 г. председателем Учредительного собрания. 22 декабря Собрание утвердило конституцию. Ее текст подписали Э. Де Никола, У. Террачини и А. Де Гаспери. С 1 января 1948 г. конституция вошла в силу.

Во время обсуждения конституции коммунисты и социалисты заняли конструктивные позиции, считая, что речь идет о социалистическом (при том соотношении сил в собрании это было невозможно), а о демократическом документе, который должен закрепить важнейшие программные положения, выдвинутые массовыми партиями в период Сопротивления. В этих целях коммунисты и социалисты добивались в Учредительном собрании соглашений по отдельным статьям конституции не только с социал-демократами, но и с частью, иногда — большинством — католических групп. Чтобы сохранить этот союз, коммунисты пошли на компромисс с христианскими демократами по вопросу о регулировании отношений между государством и Ватиканом и приняли их предложение включить в конституцию условия Латеранского договора 1929 г. (7-я статья конституции). Эта позиция коммунистов облегчила

возможность соглашений с католиками по важнейшим статьям конституции, которые касаются новых принципов политической и экономической демократии [100].

Конституция провозглашает Италию «республикой, основанной на труде» [101], устанавливает представительный парламент (при всеобщем тайном голосовании и выборах по пропорциональной системе), декретирует децентрализацию государственного управления и широкую автономию областей, независимость судей. Обещает народу широкие политические права, свободу организаций, собраний, печати.

Конституция не выходит за рамки капиталистических отношений [102]. Она провозглашает свободу частной инициативы в экономике и гарантирует частную собственность (статьи 41—42). Вместе с тем конституция содержит такие статьи социально-экономического характера (статьи 43—46), которые делают ее наиболее демократической из всех конституций капиталистических стран. Эти статьи, принятые по предложению коммунистов и социалистов, провозглашают необходимость ограничить крупную земельную собственность, национализировать крупные монополистические предприятия, признают право трудящихся на участие в управлении производством, обязуют государство оказывать поддержку различным формам кооперации.

Демократические статьи конституции носили, однако, программный характер и требовали дальнейшего принятия соответствующих законов. Поэтому борьба трудящихся за осуществление конституции растянулась более чем на 20-летие. И тем не менее конституция явилась важнейшим завоеванием Сопротивления. Она оформила в качестве высшего закона государства основные принципы политической и социально-экономической демократии, за которые сражались борцы-антифашисты. Она открыла перед рабочим классом новую перспективу: возможность добиваться ограничения власти привилегированных классов и расширения демократии, опираясь на высший закон государства. Поэтому итальянская компартия рассматривает конституцию как важное завоевание на пути к социализму [103].

[100] См. *П. Тольятти*. Речи в Учредительном собрании. М., 1959.

[101] См. текст Итальянской конституции в кн.: «Конституции буржуазных стран Европы». М., 1957.

[102] См. *В. И. Гантман*. Государственный строй Италии. М., 1961, стр. 83.

[103] «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии». М., 1957, стр. 178.

6

ПРИХОД К ВЛАСТИ ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ

УСТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

На рубеже 1948 г. Италия готовилась к первым после войны парламентским выборам. Избирательная кампания носила исключительно ответственный и острый характер. Массовый размах кампании был обусловлен тем, что впервые в Италии в парламентских выборах принимало участие все взрослое население страны, да еще в обстановке необычайно возросшей политической активности народных масс, порожденной Сопротивлением.

По новому избирательному закону 1946 г. выборы предполагались не только всеобщими, но равными и тайными, и должны были проходить по пропорциональной системе: места в палате депутатов должны были распределяться между различными партиями в соответствии с количеством полученных ими голосов. Коммунистическая и социалистическая партии выступали на выборах совместно, объединив силы в рамках Народно-демократического фронта, созданного в декабре 1947 г. К фронту примкнули также некоторые мелкие демократические партии и группировки: Партия демократии труда, Сардинская партия действия, «Движение за независимость Сицилии» и другие; они отражали настроения части средних слоев. Фронт опирался также на массовые организации трудящихся: ВИКТ, советы управления, Учредительное земельное собрание и т. д. Коммунисты и социалисты рассматривали Народно-демократический фронт не только как избирательный блок, но и как новую постоянную политическую форму союза рабочего клас-

са с другими слоями трудящихся. Однако на деле ему не удалось придать такой характер. Программа Народно-демократического фронта провозглашала необходимость проведения миролюбивой внешней политики, которая поставила бы Италию вне блоков и военных союзов. Она содержала обязательство провести аграрную реформу с передачей помещичьих земель крестьянам, ликвидировать власть крупных монополистических групп в результате промышленной реформы, улучшить положение трудящихся (ввести 40-часовую рабочую неделю, повысить зарплату, обеспечить право на труд и пенсии), гарантировать свободу всем гражданам [1].

Свои предвыборные программы рабочие партии обсуждали на очередных съездах. Серьезное внимание анализу и дальнейшему развитию стратегии партии уделил VI съезд ИКП (январь 1948 г.). Необходимость в этом была вызвана проявлением экстремистских тенденций среди части коммунистов, которые считали, что после майских событий 1947 г. следовало изменить курс и взять власть штурмом. Поэтому, выступая на VI съезде, П. Тольятти подчеркнул, что лозунг прогрессивной демократии не является временным, но соответствует общему стратегическому плану и вытекает как из всей международной обстановки, сложившейся после второй мировой войны, так и из внутреннего развития Италии [2]. Съезд подтвердил в своей резолюции необходимость и в новых условиях продолжать борьбу за строй прогрессивной демократии, за структурные реформы [3]. В связи с этими задачами рассматривалась и роль Народно-демократического фронта.

Перспективы борьбы рабочего класса и дальнейшего единства действий с коммунистами стояли в центре внимания очередного XXVI съезда ИСП (январь 1948 г.). Подавляющее большинство съезда (66%) одобрило политику и программу Народно-демократического фронта [4].

Партия правых социалистов, возглавляемая Сарагатом [5], на своем съезде (февраль 1948) отказалась поддержать Народно-демократический фронт и более определенно выступила за союз с христианскими демократами [6].

В период подготовки к выборам буржуазная печать стремилась создать в стране атмосферу антикоммунизма. Вновь была раздута

[1] «Unità», 18.VI 1948.

[2] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, стр. 517.

[3] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1952, стр. 629—631.

[4] «Avanti!», 24.I 1948.

[5] Правая социал-демократическая партия, созданная Дж. Сарагатом в январе 1947 г., называлась до 1951 г. Социалистическая партия итальянских трудящихся.

[6] «Avanti!», 3.II 1948.

антисоветская кампания об итальянских военнопленных, которых якобы Советский Союз отказывался вернуть и использовал на каторжных работах в Сибири. Эти клеветнические сообщения были впоследствии (но уже после выборов в парламент) опровергнуты в сообщении итальянского министерства обороны [7].

С января 1948 г. буржуазная печать начала распространять ложные измышления о наличии в Италии коммунистической организации военного типа и о плане вооруженного восстания («план К»). О стиле этой газетной кампании свидетельствует, например, следующее заявление газеты «Рисорджименто либерале» от 6 февраля 1948 г.: «Когорты и легионы так называемых партизан-коммунистов, одетых в военную форму, наводнили Сицилию, Апулию и множество других мест... Единственное, чего мы требуем от «генерала» Луиджи Лонго и от его приспешников, это чтобы он следовал примеру других итальянцев и не рядился в тогу преторианца эпохи поздней римской империи... Либо коммунисты распустят свои военные отряды, либо никто не сможет запретить нам возродить наши...»

12 февраля министр внутренних дел Шельба в провокационном интервью газете «Джорнале д'Италия» заявил, что у итальянских коммунистов обнаружены многочисленные склады оружия и что, если сила государства не будет достаточной, компартия сможет применить оружие. Под этим предлогом правительство приняло ряд чрезвычайных мер по охране общественного порядка. Был усилен полицейский корпус, созданы новые моторизованные части карабинеров (челере), полиция, вооруженная новым автоматическим оружием, получила в свое распоряжение броневики. На основе декрета об «охране общественного порядка» начали преследовать ассоциации партизан. Полиция использовала малейший повод для разгона предвыборных собраний и демонстраций левых партий. Если кто-либо из граждан появлялся на митинге с красным платком на шее (отличительный знак партизан-гарибальдийцев), то для властей это был достаточный предлог (гражданским лицам было запрещено ношение форменной одежды) для того, чтобы сорвать митинг. Карабинеры разгоняли демонстрации Народно-демократического фронта с помощью слезоточивого газа и резиновых дубинок. Нередко в ход пускали и огнестрельное оружие. К запугиванию и физическим расправам над трудящимися прибегали неофашистские элементы и мафия при попустительстве, а иногда и при участии полиции.

Неофашистская партия — Итальянское социальное движение (ИСД),— которая была создана в конце 1946 г., в период избирательной кампании принимала вопреки конституции активное уча-

[7] «Разоблачение антикоммунизма в Италии». М., 1956, стр. 34, 36, 38.

стие в политической борьбе и в январе 1948 г. провела свой первый съезд.

8 апреля 1948 г. «Унита» опубликовала длинный список злодеяний, совершенных реакционными элементами в ходе избирательной кампании. 22 декабря в Каникатти (провинция Агридженто) куалюнкисты и карабинеры обстреляли процессию трудящихся: трое были убиты. 9 февраля в Сан Фернандо ди Пулья отряды фашистов, разгромив помещение коммунистической партии, напали на демонстрацию Народно-демократического фронта. Пятеро демонстрантов были убиты и многие ранены. Полиция и карабинеры, которые были предупреждены о готовящемся нападении неофашистов, отказались принять против них меры. 11 апреля в Лиццанелло (провинция Лечче) в участников митинга Народно-демократического фронта бросили гранату: 2 были убиты и 19 ранены.

На юге мафисты продолжали расправу с деятелями профсоюзного движения. 12 марта в г. Корлеоне (Сицилия) был похищен секретарь Палаты труда П. Риццотто [8]. 2 апреля в Кампореале (Палермо) секретарь Конфедертерры Калоджеро Канджалози был убит из-за угла, а двое его товарищей ранены. Это был 36-й профсоюзный руководитель, убитый в Сицилии. По призыву ВИКТ трудящиеся ответили за зверскую расправу мафии всеобщей часовой забастовкой протеста [9]. ВИКТ заявила, что от палат труда главных городов Италии взамен 36 убитых в Сицилию направлены новые профсоюзные организаторы.

Открытое давление на избирателей оказал Ватикан. Под руководством местных священников в феврале 1948 г. были созданы так называемые гражданские комитеты, которые объединили представителей различных светских организаций католиков. Эти «гражданские комитеты» открыто проводили предвыборную агитацию в пользу христианских демократов и помогли им завоевать власть. При этом католическая пропаганда опиралась на те обещания, которые сулила трудящимся христианско-демократическая партия в своей предвыборной программе. В ноябре 1947 г. национальный совет ХДП принял резолюцию, в которой заявил о необходимости земельной реформы и проведения политики в целях экономического и социального подъема Юга [10]. Правительство выделило из бюджета средства на организацию общественных работ для безработных и издало декрет о предоставлении государственного кредита крестьянам для покупки земли. Эти частичные социальные меры и широкая социальная демагогия возымели свое действие на изби-

[8] *M. Pantaleone*. Mafia e politica. Torino, 1963, p. 133.

[9] «Avanti!», 13.IV 1948.

[10] Atti e documenti della Democrazia Cristiana (1943—1959). Roma, 1959 p. 332.

рателей, в особенности на крестьянство. Иллюзии относительно скорой аграрной реформы искусно поддерживала и церковь. В январе 1948 г. 76 архиепископов и епископов Южной Италии обратились с пасторским посланием, в котором обещали крестьянам решение земельного вопроса [11]. Посулы сопровождались угрозами. Миланский архиепископ кардинал Шустер запугивал избирателей, что если они проголосуют за список Народно-демократического фронта, то будут лишены права религиозных обрядов, т. е. фактически отлучены от церкви.

Христианские демократы эффективно использовали в своих избирательных целях экономическую помощь США. Де Гаспери пророчил, что в стране разразится голод и экономический кризис, если Италия не получит американских кредитов, и подчеркивал, что условием их предоставления является «спокойствие и порядок в стране» и верность старшему партнеру [12].

В январе 1948 г. в Риме было подписано итало-американское соглашение о предоставлении Италии «временной помощи» [13], которая была широко использована в пропагандистских целях. Американский посол в Италии Дан, сопровождая так называемый поезд дружбы с хлебом, выступал на митингах, проводившихся на станциях, и призывал голосовать за христианских демократов. Устраивались торжественные встречи американских кораблей с продуктами и сырьем, прибывавших в порты Италии. При этом Де Гаспери заверял общественное мнение, что Америка якобы помогает Италии обрести экономическую независимость и не потребует взамен никаких политических уступок [14]. Были и другие посулы. 20 марта 1948 г. правительства США, Англии и Франции предложили пересмотреть мирный договор с Италией и передать под ее контроль Триест. Наконец, вопреки мирному договору, по условиям которого в трехмесячный срок (т. е. к 15 декабря 1947 г.) оккупационные войска должны были покинуть Италию, вывод последнего контингента американских военных сил был отложен на неопределенное время. Более того, с января 1948 г. в порты Италии: Таранто, Бари, Венецию — стали прибывать американские эсминцы и авианосцы. Трудящиеся Таранто в январе устроили демонстрацию протеста против высадки в порту американской морской пехоты. Советское правительство направило США ноту протеста, обращая внимание на то, что пребывание американских военно-морских сил в водах Италии является нарушением мирного договора

[11] *G. Falconi.* La chiesa e le organizzazioni cattoliche in Italia (1945—1955). Torino, 1956, p. 639.

[12] *A. De Gasperi.* Non diserteremo il nostro posto. Roma, 1947, p. 8.

[13] «Popolo», 3—4.I 1948.

[14] *G. Pastore.* Patto Atlantico. Cominform. Vaticano. Roma, 1949, p. 4.

с Италией. Английская компартия обратилась к правительству своей страны с требованием отмежеваться от американской политики вмешательства в предвыборную кампанию в Италии. Однако правящие круги Америки не прислушались к этим протестам. Наглое вмешательство США в итальянские парламентские выборы П. Ненни назвал «политической интервенцией» [15].

Такова была политическая атмосфера, в которой проходили парламентские выборы 18 апреля 1948 г. С помощью обещаний и запугиваний, используя активную поддержку церкви и вмешательство в избирательную кампанию США, ХДП одержала победу на выборах. Она получила 12,7 млн. голосов [16] (т. е. на 4,6 млн. голосов больше, чем в 1946 г.). Причем почти половину голосов христианские демократы получили в районах с преобладающим сельским населением.

За Народно-демократический фронт было подано 8,1 млн. голосов (31%) [17]. Наибольший процент голосов коммунисты и социалисты собрали в промышленных районах Северной Италии. Фронт утвердился таким образом как значительная политическая сила. Однако результаты выборов были далеки от тех надежд, которые возлагали на них трудящиеся социалистической ориентации, надеявшиеся, что они возьмут реванш за май 1947 г. и получат большинство в парламенте. Этого не случилось. Напротив, абсолютное большинство мест в парламенте получили христианские демократы. Де Гаспери сформировал новый кабинет (5-й по счету) из христианских демократов, либералов и республиканцев. Впоследствии в него вошли и социал-демократы. Так называемая коалиция центра стала на долгое время опорой христианских демократов, которые закрепили, таким образом, за собой монополию политической власти, установленную ими в период майского поворота 1947 г.

Укрепив свою власть, христианско-демократическая партия взяла курс на установление клерикального полицейского режима. В феврале 1949 г. Де Гаспери получил аудиенцию у папы. Пий XII одобрил политическую линию Де Гаспери и признал за ХДП руководящую роль в Италии. В июле того же года Священная канцелярия Ватикана опубликовала специальное заявление против коммунизма [18]. В свою очередь один из правых лидеров ХДП Гонелла заявил на IV съезде своей партии (1952 г.), что клерикализм является неотъемлемой частью итальянского общества [19].

[15] *П. Ненни*. От Атлантического пакта к политике смягчения напряженности. М., 1955, стр. 17.

[16] Le elezioni politiche del 1948, v. I. Roma, 1951, p. 89.

[17] Ibidem.

[18] *C. Falconi*. Op. cit., p. 643.

[19] I congressi nazionali della Democrazia cristiana. Roma, 1959, p. 347.

Деятельность различного рода католических организаций в стране необычайно усилилась. «Гражданские комитеты», созданные в период избирательной кампании, стали по существу постоянно действующими агитационными организациями. Численность главной католической массовой организации, так называемого католического действия, возросла с 1,8 млн. (1948 г.) до 2,5 млн. человек (1953 г.), а число этих организаций, проникших во все уголки Италии, достигло 62 тыс.[20] Руководимая христианскими демократами Национальная конфедерация крестьян достигла в 1953 г., по данным ее лидеров, 2,3 млн. человек (против 1,2 млн. в 1948 г.)[21].

Массовый характер приобрела так называемая Христианская ассоциация итальянских трудящихся (АКЛИ). Она носила полупрофсоюзный характер и ставила своей целью «воспитание трудящихся в духе христианства» и их подготовку к профсоюзной деятельности[22]. Эта организация, как мы увидим, сыграла важную роль в расколе профсоюзного движения.

Церковь активно вмешивалась в народное образование, расширяя частные католические школы, стремилась установить контроль за развитием итальянской культуры. Обычным явлением в эти годы стали публикации списков книг, запрещенных церковью, наконец, Де Гаспери при поддержке Ватикана стремился подавить внутри ХДП оппозицию, во главе которой стояли Гронки и Доссетти[23].

Группа Дж. Гронки выступала, например, за автономию ХДП от церкви, против антидемократической внутренней и антинациональной внешней политики Де Гаспери[24]. Гронки выступил также за участие трудящихся масс в управлении государством[25]. После совещания сторонников Гронки в Пезаро его линия была осуждена правым руководством ХДП, и это осуждение нашло косвенную поддержку в рождественском послании Пия XII. В результате один из видных прогрессивных буржуазных деятелей Италии Дж. Гронки оказался в годы правления Де Гаспери в политической изоляции. Политика Де Гаспери явилась выражением линии центристского крыла христианской демократии.

[20] C. *Falconi*. Op. cit., p. 399—400.

[21] Confederazione nazionale coltivatori diretti. 8 congresso nazionale. Roma, 1954, p. 6.

[22] ACLI. Principi, attivita, struttura. Roma, 1952, p. 5.

[23] См. *Н. К. Кисовская*. Борьба течений в христианско-демократической партии Италии (1948—1953 гг.).— «Новая и новейшая история», 1968, № 4.

[24] «Popolo», 16.XI 1948.

[25] *G. Gronchi*. Una politica sociale. Scritti e discorsi scelti (1948—1954), S. l., 1962, p. 25.

РАБОЧИЙ КЛАСС В ОППОЗИЦИИ

Одной из задач, которую ставили перед собой христианские демократы, являлось подавление рабочего и коммунистического движения в стране. Этой цели предполагалось достичь двумя путями: давлением извне, т. е. с помощью антидемократических законов и террора, и расколом изнутри, с помощью массовых католических организаций и Ватикана. Выстрелы в П. Тольятти, раздавшиеся 14 июля 1948 г. у порога дворца Монтечиторио, вполне вписывались в атмосферу оголтелой антикоммунистической пропаганды, начатой правящими кругами и католической церковью. Как выяснилось на следующий день, на Тольятти покушался молодой сицилиец, бывший студент, католик по убеждению Антонио Палланте.

Весть о совершенном злодеянии быстро облетела страну. И в тот же день 14 июля 1948 г. вся Италия была охвачена стихийной всеобщей стачкой протеста, которая была санкционирована руководством ВИКТ. Компартия и ВИКТ ориентировали трудящихся на мирную политическую забастовку. Тольятти после совершенного на него покушения успел предупредить товарищей: «Будьте спокойны, не теряйте головы!» [26] 14 июля рабочие и служащие вышли на площади и улицы Рима, Милана, Генуи, Флоренции и других городов. Крестьяне стекались в города, чтобы принять участие в демонстрациях и митингах.

В этой обстановке днем 14 июля собралось экстренное заседание парламента. Де Гаспери в палате депутатов и Шельба в сенате заявили (еще до судебного расследования), что Палланте не был никем подослан и что покушение не носило политического характера. В ответ со скамей левых депутатов раздались возгласы: «Убийцы», «В отставку!» [27].

Лозунг отставки правительства выдвигался и трудящимися на демонстрациях и митингах. Народное движение приняло широкий размах. В Риме колонны демонстрантов (200 тыс. человек) в течение нескольких часов шли перед зданием клиники, в которой лежал Тольятти. В Турине рабочие заняли заводы ФИАТ. На улицах Неаполя верующие зажигали свечи перед портретами Тольятти с пожеланиями выздоровления. В ряде мест народное движение привело к столкновениям с полицией. Улицы и площади Рима, Генуи, Ливорно, Болоньи, Сиены, Неаполя и других городов обагрились кровью расстрелянных демонстрантов. В эти дни по всей Италии были 20 человек убиты, 600 ранены, 7 тыс. арестованы.

Особенно крупные столкновения с полицией произошли в Генуе, Сиене и Аббадиа Сан Сальваторе. В Генуе уже в 3 часа дня

[26] *М.* и *М. Феррара.* Беседуя с Тольятти. М., 1959, стр. 279.

[27] «Разоблачение антикоммунизма в Италии», стр. 42.

17. Пальмиро Тольятти

14 июля вся центральная часть города была заполнена людьми. Город не спал всю ночь. От рук полицейских здесь пали трое рабочих. Правительство попыталось представить дело так, будто в Генуе имело место восстание. Против мэра Генуи — коммуниста Дж. Адамоли — было возбуждено обвинение в «подстрекательстве к вооруженному восстанию». Впоследствии все эти обвинения были опровергнуты.

В горняцкий поселок Аббадиа Сан Сальваторе для подавления демонстрации трудящихся был направлен целый экспедиционный корпус и произведены массовые аресты. Этот поселок, где произошли наиболее кровавые стычки с полицией, реакционная печать попыталась даже изобразить как центр заранее подготовленного восстания. И хотя было очевидно, что компартия и ВИКТ призывали к мирной политической забастовке, Шельба в интервью корреспонденту Юнайтед пресс в Италии заявил о том, что якобы был налицо «генеральный план восстания» [28].

Только два года спустя на суде, где разбиралось дело 70 обвиняемых граждан из Аббадиа Сан Сальваторе, было доказано, что оружия в городе не было, а коммунисты во время волнений в шахтерском поселке проводили разъяснительную работу среди населения, чтобы его успокоить.

Июльская всеобщая забастовка длилась два дня и охватила 7 млн. человек. 16 июля по призыву ВИКТ она была прекращена. Несмотря на жестокие полицейские расправы, народное движение в эти дни приобрело столь широкий и боевой характер, что оно способствовало преодолению пессимизма и неуверенности, вызванных победой христианских демократов на выборах 18 апреля, и открыло новую полосу битв в защиту демократии.

17 июля «Унита» опубликовала передовую статью, подписанную Л. Лонго, в которой говорилось: «Забастовка окончилась, но борьба продолжается» [29].

Подводя итоги общенациональной забастовки 14 июля, один из членов руководства ИКП П. Секкья отмечал, что забастовка «означала отнюдь не конец, а начало новой великой битвы. Она показала, что силы свободы и демократии в Италии могучи, что 8 млн. голосов (поданных за Народно-демократический фронт на выборах) не остались лишь запечатленными на бумаге». Забастовка показала, писал Секкья, что «партия Пальмиро Тольятти является наиболее крупной национальной партией — партией народа» [30].

Действительно компартия сохранила за собой гегемонию в рабочем и демократическом движении и в трудные годы режима Де Гас-

[28] «Popolo». 27.VII 1948.
[29] «Unità» 17.VII 1948.
[30] «Unità», 18.VII 1948.

пери. После некоторого спада численности ИКП в 1948 г. (вызванного разочарованием итогами парламентских выборов) количество ее членов в 1949—1951 гг. снова поднялось до уровня 2 млн. человек, а вместе с молодежной организацией составляло 2,5 млн.[31]

Большое значение для классовых боев этого периода имело и то, что, несмотря на давление социал-демократических сил как внутри Италии (партия Сарагата, реформистская группа Дж. Ромиты), так и извне — вмешательство так называемого Комитета международных социалистических конференций (КОМИСКО),— было сохранено единство действий коммунистической и социалистической партий. Однако конкретная форма этого единства — Народно-демократический фронт — оказалась преходящей[32]. XXVII чрезвычайный съезд ИСП, подтвердив необходимость единства действий с компартией, вместе с тем высказался против Народно-демократического фронта как постоянной формы союза[33]. В августе 1948 г. по настоянию центристского руководства партии, избранного на съезде, Народно-демократический фронт заявил о самороспуске.

Однако попытка реформистской группы Ромиты ликвидировать пакт единства действий не увенчалась успехом. Борьба по этому вопросу проходила как на XXVII, так и на следующем, XXVIII съезде ИСП (май 1949 г.). Комитет международных социалистических конференций обратился к съезду с призывом «порвать связи с коммунистами». Съезд ответил на эту попытку давления протестом и подтвердил верность пакту с коммунистами[34]. Секретарем партии был вновь избран П. Ненни. Реформистская группа Ромиты вынуждена была покинуть социалистическую партию, и ее следующий, XXIX съезд (январь 1951 г.) впервые после окончания войны проходил в условиях единства ИСП. Это способствовало восстановлению численности партии. Ее состав в 1951 г. достигал 750 тыс. человек (в 1949 г. было 420 тыс.[35]).

[31] «Unità», 14.IV 1950; VII Congresso del PCI, Resoconto. Roma, 1954, p. 318.

[32] Впоследствии оценка Народно-демократического фронта вызвала длительную полемику между ИКП и ИСП. В этой связи Дж. Амендола писал в 1963 г.: «Народно-демократический фронт, опыт которого сегодня столь несправедливо отбрасывается, способствовал успешному сопротивлению попытке ХДП аннулировать республиканскую конституцию прежде, чем она была осуществлена» («Critica marxista», 1963, № 1, p. 29). Вместе с тем коммунисты признавали историчность этой формы единства действий коммунистов и социалистов, не настаивали на ней, как на единственно возможной, а искали новые формы политических союзов с ИСП (см. «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии». М., 1967, стр. 72).

[33] «Avanti!», 1, 2.VI 1948.

[34] *S. Cannarsa*. Il socialismo e i XXVIII congressi nazionali del partito socialista italiano. Firenze, 1950.

[35] Ibid., p. 328.

Единство действий рабочих партий сыграло огромную роль в борьбе, которую они мужественно и непреклонно вели против христианско-демократического режима в 1948—1953 гг. Коммунисты и социалисты выступили единым фронтом против включения Италии в орбиту американского империализма, в защиту демократии, за глубокие структурные реформы.

На иные позиции встали правые социалисты. Они заняли проамериканскую ориентацию и блокировались с христианскими демократами. В 1948—1951 гг. они входили в состав кабинета Де Гаспери, а на административных выборах 1952 г. выступили с единым избирательным списком вместе с правительственными партиями.

В мае 1951 г. произошло объединение сарагатовской партии с группой Ромиты, вышедшей из ИСП в 1949 г. В сентябре 1952 г. на Болонском съезде новая партия стала официально называться Итальянской социал-демократической партией (ИСДП). По данным ее лидеров, в партии состояло тогда 250 тыс. человек. Таким образом, социал-демократия не смогла ни оказать серьезного влияния на рабочее движение, ни стать значительной политической силой.

Более серьезные последствия имел раскол в профсоюзном движении, который в 1948 г. удалось осуществить католическим силам. Поводом для раскола была использована политическая забастовка 14 июля против покушения на Тольятти. Но сам замысел раскола под непосредственным давлением Ватикана созрел еще до забастовки. Так, например, 29 июня 1948 г. папа выступил перед активистами католической организации АКЛИ с призывом разрушить профсоюзное единство[36]. Когда же началась забастовка 14 июля, лидеры христианско-демократического течения ВИКТ выступили по радио с призывом саботировать забастовку, а также направили в исполком ВИКТ ультиматум с требованием ее прекращения. Собравшись в Монтечиторио, профсоюзные христианско-демократические руководители во главе с Дж. Пасторе приняли коммюнике, в котором высказывалась необходимость раскола ВИКТ и создания автономного католического профсоюза. Исполком ВИКТ на вечернем заседании 16 июля принял резолюцию, осуждавшую раскольников и призывавшую сохранить единство профсоюзов[37]. Но раскол был уже фактически налицо. Руководство добилось, чтобы профсоюзный раскол был одобрен чрезвычайным конгрессом этой организации[38]. В результате была создана католическая профсоюзная федерация (так называемая Всеобщая свободная конфедерация итальянских трудящихся) во главе с Пасторе. В 1950 г., после того как в эту организацию влились новые группы, вы-

[36] C. *Falconi*. Op. cit., p. 81.

[37] «Unità», 17.VI 1948.

[38] C. *Falconi*. Op. cit., p. 643.

шедшие из ВИКТ, она приняла название Итальянской конфедерации профсоюзов трудящихся (ИКПТ). По официальным данным в 1950 г. ИКПТ насчитывала 1600 тыс. членов [39]. В том же году в Италии возник третий профцентр, руководимый социал-демократами и республиканцами,— Итальянский союз труда (ИСТ).

ВИКТ сохранила унитарный характер и впоследствии по-прежнему объединяла не только коммунистов (70% от общей численности профсоюза) и социалистов, но также и течения меньшинства: католиков, социал-демократов, республиканцев. ВИКТ по-прежнему объединяла большинство трудящихся: к концу 1949 г. она насчитывала 5,2 млн. человек [40]. Именно она, как и раньше, возглавляла борьбу народных масс за непосредственные экономические требования, за структурные реформы. Две другие профсоюзные конфедерации, напротив, связывали перспективу экономического возрождения страны не с реформами, а с помощью по «плану Маршалла». В период 1948—1953 гг. они саботировали экономические забастовки и старались сепаратно, без участия ВИКТ, заключать коллективные договоры с предпринимателями.

Тем не менее стачечное движение трудящихся города и деревни оставалось высоким и в 1949—1950 гг. охватывало около 3 млн. человек в год. ВИКТ сумела также вовлечь в забастовочную борьбу рядовых членов католических и социал-демократических профсоюзов. Вследствие этого руководство ИКПТ и ИСТ с 1952 г. начало пересматривать свои позиции и в ряде случаев все три профсоюзные организации выступали с совместными забастовками. В результате борьбы в 1949—1952 гг. трудящиеся добились повышения зарплаты (от 5 до 15% для различных категорий). Была увеличена семейная надбавка к окладу.

БОРЬБА ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Антинародный курс Де Гаспери опирался на правящий в Италии аграрно-индустриальный блок, а также на экономическую и военную поддержку американского империализма. Вместе с министром иностранных дел К. Сфорца Де Гаспери занимал проамериканскую позицию, считая, что только США могут защитить интересы Западной Европы и независимость Италии [41].

28 июня 1948 г. между США и Италией было заключено соглашение о предоставлении Италии экономической помощи по «пла-

[39] *F. Barbieri*. Organizzazione cattolica nel mondo. Firenze, 1957, p. 71.
[40] «Unità», 24.IX 1949.
[41] *C. Sforza*. Cinque anni a palazzo Chigi. Roma, 1952, p. 204.

ну Маршалла». Когда соглашение было представлено парламенту для ратификации, коммунисты и социалисты выступили против американской помощи, поскольку она была связана с известными политическими условиями. Выступая 10 июля 1948 г. в палате депутатов, П. Тольятти охарактеризовал «план Маршалла», как план экономической подготовки к новой империалистической войне. Тольятти решительно заявил: «Если нашей стране суждено на самом деле быть втянутой на путь, который ведет ее к войне, то и в этом случае мы знаем, каков наш долг. На империалистическую войну отвечают теперь революцией, восстанием в защиту мира, независимости и будущего собственной страны» [42].

Несмотря на решительную оппозицию рабочих партий, христианские демократы, используя свое большинство в парламенте, добились ратификации соглашения об американской помощи. По «плану Маршалла» в Италию поставлялись различные товары: сначала преимущественно продукты питания и сырье, а затем, с 1949 г., также и промышленное оборудование. Всего за два года, в течение которых действовало соглашение, по «плану Маршалла» Италия получила от США помощь на сумму около 1,5 млрд. долларов. Средства, вырученные от реализации американских товаров в Италии, составили так называемый фонд в лирах, который использовался на нужды страны под контролем США. За счет этого фонда осуществлялось строительство в Италии стратегических объектов, дорог, мостов, аэродромов, отчасти велись общественные работы по плану восстановления Юга.

Часть фонда, а также поступавшее из США оборудование были предоставлены крупным монополистическим предприятиям и использованы ими в целях модернизации производства.

Оценивая итоги действия «плана Маршалла» в Италии, крупный итальянский исследователь-марксист Б. Манцокки писал, что его непосредственные результаты «в смысле немедленного поднятия экономики были сравнительно малоощутимы, в то время как для целей восстановления производственного оборудования определенных капиталистических групп и, следовательно, для последующего развития экономического положения Италии они были весьма ощутимы» [43].

Действительно, в годы промышленной реконструкции в сфере экономики создалось весьма напряженное положение: массы мелких и средних предприятий разорялись, реконструкция других предприятий приводила к временному свертыванию производства. Безработица приняла острый хронический характер —2 млн. человек, несмотря на массовую эмиграцию (до 150 тыс. человек в год).

[42] *P. Togliatti* Piano Marshall — piano di guerra. Roma, 1948, p. 36.
[43] *Б. Манцокки* Очерки экономической политики Италии. М., 1961, стр. 38.

Используя помощь по «плану Маршалла», а также беспощадно эксплуатируя трудящиеся массы, «капитаны индустрии» Италии осуществили в 1949—1950 гг. промышленную реконструкцию. Производство в главных отраслях промышленности достигло в 1950—1951 гг. довоенного уровня [44], после чего Италия вступила в полосу промышленного подъема [45].

Однако вследствие «плана Маршалла» возрождение промышленности приняло в Италии совсем иной характер, чем того добивались демократические силы страны. В конечном счете «план Маршалла» пошел «на пользу силам социального консерватизма и в результате затормозил процесс преобразования социально-экономической структуры, начавшийся непосредственно после освобождения и зафиксированный в положениях республиканской конституции...» [46] «План Маршалла» способствовал тому процессу, который итальянские марксисты назвали капиталистической реставрацией, понимая ее как «восстановление традиционной капиталистической структуры» [47]. Более того, «план Маршалла» привел к усилению экономического и политического господства крупного монополистического капитала. В 1953 г. почти 90% прибыли, объявленной всеми промышленными компаниями, приходилось на монополистические объединения.

«План Маршалла» способствовал интенсивному проникновению американского капитала в экономику Италии. И напротив, экономические и торговые отношения Италии с Советским Союзом и другими странами, вступившими на путь социализма, в годы действия «плана Маршалла» и по его условиям почти не развивались.

Наконец, «план Маршалла» логически привел к военно-политическому подчинению Италии американскому империализму [48]. На эту угрозу своевременно указывала итальянская компартия. В мае 1948 г. пленум ЦК ИКП в резолюции записал, что вовлечение Италии в военный блок, сколачиваемый США, преследует своей целью превратить ее «в стратегическую базу сегодня, а завтра — в поле сражения в войне, которую американский империализм готовит против демократических и социалистических стран Восточной Европы» [49].

[44] *R. Romeo*. Breve storia della grande industria in Italia. Rocca San Casciano, 1963, p. 229—233.

[45] *Н. П. Васильков*. Монополистический капитал в Италии. М., 1959, стр. 91.

[46] *Б. Манцокки*. Указ. соч., стр. 70.

[47] *P. Togliatti*. Momenti della storia d'Italia. Roma, 1963, p. 203—204.

[48] См. *А. С. Протопопов*. Внешняя политика Италии после второй мировой войны. М., 1963, стр. 155—221.

[49] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 633.

Уже во время переговоров о подписании «плана Маршалла» итальянский посол в США А. Таркиани в переписке с итальянским правительством, ссылаясь на мнение американских дипломатических кругов, настаивал на необходимости вступления Италии в готовившийся военно-политический блок под эгидой США. Поскольку итальянское правительство медлило с решением, опасаясь реакции оппозиции в стране, Таркиани писал в Рим 15 июля 1948 г.: «Итальянское правительство добивается американской поддержки, но взамен предлагает лишь нейтралитет, что не является полноценной монетой» [50]. Летом 1948 г. во время своего визита в Рим Таркиани вел тайные переговоры в самых различных кругах Италии о предстоящем вступлении Италии в Северо-Атлантический блок. В мемуарах он пишет, что его беседа с Пием XII «развеяла легенду» о том, что папа против вступления Италии в НАТО [51]. Особенно порадовал его Дж. Сарагат, заявивший, что «в вопросе о внешнеполитической альтернативе Запад — Восток он целиком на стороне Америки», но только пока не может заявить об этом публично [52].

В декабре 1948 г. К. Сфорца направил Таркиани директиву итальянского правительства: добиться, чтобы Италия была приглашена войти в Северо-Атлантический блок [53]. 9 марта 1949 г. Таркиани сообщил в Рим, что просьба Италии вскоре будет удовлетворена [54].

11 марта еще до того, как текст Северо-Атлантического пакта был обнародован, Де Гаспери доложил палате депутатов о присоединении Италии к НАТО, мотивируя этот шаг необходимостью противостоять «угрозе агрессии», якобы исходящей от СССР. Он заверил палату, что Северо-Атлантический блок носит чисто «оборонительный характер» и что территория Италии не будет предоставлена для размещения иностранных баз [55].

Коммунисты и социалисты решительно выступили в палате против присоединения к НАТО, разоблачив его истинный агрессивный характер. Ненни заявил, что вступление Италии в НАТО

[50] *A. Tarchiani*. Dieci anni tra Roma e Washington. Milano, 1955, p. 153.

[51] Ibid., p. 157.

[52] Ibid., p. 151.

[53] Ibid., p. 162.

[54] Это желание итальянских правящих кругов натолкнулось на противодействие Англии. «Итальянское правительство,— заявляла впоследствии газета «Воче републикана» — рупор К. Сфорца,— посредством ловкой и настойчивой деятельности... сумело преодолеть многие трудности... и добиться включения в число участников пакта и нашей страны» («Voce repubblicana», 24.XI 1950).

[55] *Adstans*. Alcide De Gasperi nella politica estera italiana (1944—1953). Verona, 1953, p. 121—124.

«продиктовано вовсе не соображениями обороны, а стремлением создать базу для подготовки войны против России» [56].

П. Тольятти, разоблачив агрессивный характер пакта и его антисоветскую направленность, отметил, что вступление Италии в НАТО находится в противоречии с той внешнеполитической программой нейтралитета, которую выдвинуло большинство итальянских политических партий накануне парламентских выборов. На этом основании Тольятти правомерно заявил: «Это голосование не будет признано нами,— мы обратимся к итальянскому народу и скажем ему, что он имеет право и должен не признавать его» [57].

По призыву коммунистов и социалистов в Италии прошли митинги и демонстрации протеста против Северо-Атлантического пакта [58]. 16 марта, когда в парламенте открылось заключительное заседание по вопросу о НАТО, на всех предприятиях Рима была проведена короткая политическая забастовка. Заключительное заседание парламента перед голосованием длилось без перерыва два дня и две ночи. 170 депутатов оппозиции выступили с разоблачениями антинародной политики правительства.

Коммунисты, понимая, что исход голосования предрешен, тем не менее внесли поправку в правительственную резолюцию, которая предусматривала обязательство не предоставлять территорию Италии под военные иностранные базы. Но эта поправка по требованию Де Гаспери была отклонена большинством. Де Гаспери поставил вопрос об отношении парламента к НАТО как вопрос о доверии правительству. Депутаты — коммунисты и социалисты — проголосовали против вступления Италии в НАТО. Исход парламентской битвы был решен голосами христианско-демократического большинства. 4 апреля 1949 г. министр иностранных дел Италии К. Сфорца подписал в Вашингтоне договор о присоединении Италии к Северо-Атлантическому пакту. Но еще предстояла ратификация этого пакта итальянским парламентом. Коммунисты, социалисты и ВИКТ призвали трудящихся продолжать борьбу. 8 млн. итальянцев поставили свои подписи под обращением к парламенту с протестом против присоединения Италии к НАТО [59].

В июле 1949 г. парламент приступил к рассмотрению вопроса о ратификации Северо-Атлантического пакта. И снова с парламентской трибуны звучали разоблачительные речи коммунистов и социалистов. П. Тольятти, выступив в палате депутатов 20 июля, назвал Северо-Атлантический блок «антикоминтерновским пактом сегодняшнего дня». В сенате против вступления Италии в НАТО

[56] *П. Ненни.* Указ. соч., стр. 26.

[57] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. I, стр. 585.

[58] «Unità», 15.III 1949.

[59] «Итальянская коммунистическая партия». М., 1951, стр. 115.

выступили такие видные буржуазные деятели, как Ф. Нитти и А. Лабриола[60]. Однако христианские демократы, используя свое большинство в парламенте, добились ратификации договора о вступлении Италии в НАТО.

Присоединение Италии к Северо-Атлантическому пакту было осуществлено ее правительством в нарушение мирного договора с Италией и потому вызвало протест со стороны Советского Союза. В ноте, направленной Советским правительством Италии от 19 июля 1949 г., обращалось внимание на то, что в соответствии с мирным договором Италия была обязана «не предпринимать никаких действий, направленных против государств, с которыми был подписан этот договор, а следовательно, и не вступать ни в какие союзы или другие группировки, преследующие агрессивные цели»[61]. В ответной ноте Советскому правительству от 29 июля итальянская сторона уклонилась от ответственности, ссылаясь на «оборонительный» характер НАТО. Советский Союз в новой ноте Италии от 20 сентября 1949 г. подтвердили свою позицию[62].

Вступление Италии в Северо-Атлантический блок, носивший открыто антисоветскую направленность, привело к еще большему подчинению страны американскому империализму, к ухудшению советско-итальянских отношений. Итальянское правительство в 1950 г. дало согласие на сооружение в стране американских военных баз (в Неаполе, Вероне и других городах) и размещение на своей территории натовских штабов. В январе 1950 г. между Италией и США было заключено соглашение «о взаимной помощи в целях обороны». В Италии были размещены выгодные для итальянских монополий военные заказы штабов НАТО. Вооружение Италии осуществлялось под контролем американских военных миссий.

Демократические силы Италии последовательно боролись против реакционной внешней политики итальянского правительства. В 1949 г. в Италии оформляется широкое демократическое движение сторонников мира, во главе которого встали коммунисты и социалисты. В июне — июле 1950 г. в Турине, Венеции, Ливорно, Модене, Милане по призыву коммунистов и социалистов состоялись митинги трудящихся против войны в Корее[63]. А два года спустя итальянские сторонники мира включились в международную кампанию за запрещение бактериологического оружия, примененного США против корейского народа. Делегация итальянских прогрессивных ученых посетила Корею и приняла участие в расследова-

[60] «Unità», 27.VII 1949.

[61] «Внешняя политика Советского Союза, 1949 г.». М., 1953, стр. 120.

[62] Там же, стр. 160.

[63] «Unità», 30.VI 1950; 1—2.VII 1950.

нии фактов бактериологической войны [64]. Интеллигенция Турина направила в ООН петицию, осуждавшую «чумную» войну в Корее [65].

Движение за мир приняло в эти годы в Италии весьма эффективные формы. В 1950 г. портовые рабочие Анконы, Ливорно, Генуи, Неаполя отказывались разгружать прибывшие из Америки корабли с оружием [66]. В письме к своим французским братьям по борьбе докеры Анконы писали: «Мы приветствуем, дорогие товарищи, вашу благородную инициативу в защиту мира и сообщаем вам, что сегодня на митинге мы также решили не разгружать военных материалов, прибывающих в Италию». Железнодорожники Флоренции и Болоньи бойкотировали перевозку военных грузов, а рабочие миланского металлургического завода Бреда отказались производить военные материалы [67]. Под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия в Италии было собрано 17 млн. подписей [68].

VII съезд Итальянской коммунистической партии (апрель 1951 г.), уделивший важное место задачам борьбы за предотвращение новой мировой войны, выдвинул лозунг создания в Италии «правительства мира» [69]. Разъясняя это предложение компартии, П. Тольятти говорил на митинге в Риме: «Чтобы провести это предложение в жизнь, не требуется прихода коммунистов к власти. Чтобы проводить политику мира, достаточно демократов, людей доброй воли, представителей сил мира, имеющихся в итальянском народе. Для деятельности таких людей коммунисты никогда не создадут никаких препятствий» [70].

Внешнеполитический курс Де Гаспери был подвергнут критике и со стороны некоторых левых христианских демократов. В январе 1951 г. Дж. Гронки в палате депутатов добивался, чтобы правительство не расширяло своих обязательств по Северо-Атлантическому пакту. В статье, опубликованной в газете «Либерта», Гронки потребовал отставки министра иностранных дел Сфорца и министра обороны Паччарди. Однако левые христианские демократы не решились объединить свои усилия с движением сторонников мира и, тем более, с рабочими партиями.

[64] «Unità», 30.IX 1952.
[65] «Unità», 11.III 1952.
[66] «Unità», 3.I 1950.
[67] «Сторонники мира», 1950, № 10, стр. 77.
[68] «Итальянская коммунистическая партия», стр. 115.
[69] «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», стр. 637.
[70] «Unità», 17.IV 1951.

БОРЬБА ПЕРЕДОВЫХ СИЛ ИТАЛИИ ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Правящие круги ХДП не раз заявляли о необходимости осуществления социальной программы партии, выдвинутой перед парламентскими выборами 1948 г., т. е. о проведении аграрной реформы, решении проблемы безработицы и Южного вопроса. В конце апреля 1948 г. политический секретарь партии заявил, что социальные реформы будут осуществлены [71]. Национальный совет ХДП в мае того же года вновь принял решение о необходимости аграрной реформы и, ссылаясь на 44-ю статью конституции, провозгласил принцип ограничения крупной земельной собственности. Однако Де Гаспери, боясь нового обострения классовых боев, в действительности стремился отложить осуществление реформ. Это вызвало тревогу среди левых течений ХДП. Дж. Гронки в речи на совещании своих сторонников в г. Пезаро в ноябре 1948 г. выступил с критикой политики партии, прежде всего в связи с тем, что правительство медлит с проведением социальных реформ [72].

По настоянию левых III съезд ХДП, проходивший летом 1949 г., принял решение начать проведение социально-экономических реформ [73]. Однако от слов к первым практическим шагам в этой области правительство приступило лишь в результате чрезвычайного обострения классовой борьбы в стране в 1949—1950 гг.

Законодательная инициатива в отношении неотложных социальных реформ принадлежала левой оппозиции. Именно депутаты коммунисты и социалисты, опираясь на широкое движение трудящихся города и деревни, первыми выступили в парламенте в 1948—1950 гг. с предложением ряда социальных законопроектов. В 1948 г. в результате принятия новых декретов были отменены некоторые статьи договоров о земельной аренде. Крестьяне-арендаторы были освобождены от обязанности оказывать хозяину бесплатные услуги, всякого рода почести и обязательные подарки к праздникам. Серия декретов (хотя и временного порядка) запрещала хозяевам по своему произволу сгонять крестьян с арендуемой ими земли.

Наиболее острая борьба в стране развернулась вокруг Плана труда. Этот план был выдвинут на II национальном съезде ВИКТ в октябре 1949 г. [74] и затем детально разработан в тече-

[71] «Popolo», 27.IV 1948.

[72] *G. Gronchi*. Op. cit., p. 11.

[73] «Popolo», 23.VI 1949.

[74] «Unità», 11.X 1949.

ние 1950 г. План труда представлял собой конкретную программу восстановления и развития экономики страны и вместе с тем программу улучшения условий труда. Эта программа была рассчитана на осуществление в рамках капиталистического строя при условии активной поддержки народных масс и борьбы за демократизацию политической структуры. На это прямо указывалось в резолюции ВИКТ от 22 февраля 1950 г., в которой говорилось, что «осуществление Плана труда требует новой экономической политики и создания правительства, независимого от промышленных монополий и крупных земельных собственников, пользующегося доверием масс»[75]. Неотъемлемой частью Плана труда и условием его полного осуществления предполагались коренные демократические реформы: аграрная и промышленная[76]. Как подчеркивал член руководства ИКП М. Скоччимарро в докладе Центральному комитету партии (12 апреля 1950 г.), главными задачами Плана труда являлись ликвидация феодальных пережитков в сельском хозяйстве путем аграрной реформы и ликвидация экономического господства монополий[77].

План труда предусматривал национализацию монополистических предприятий в некоторых отраслях промышленности, активное вмешательство государства в целях поддержки свертываемых предприятий и т. д.

Когда депутаты-коммунисты и социалисты представили План труда парламенту, он был отклонен христианско-демократическим большинством. Тогда ВИКТ начала мобилизацию трудящихся на борьбу за осуществление Плана труда. Именно в связи с Планом труда в 1949—1953 гг. развертывалось движение безработных, движение народных масс за возрождение экономики Юга, борьба за аграрную реформу и, наконец, борьба в защиту национальной промышленности.

Пожалуй, самым драматичным из этих массовых движений явилось движение крестьян за захват пустующих помещичьих земель. В 1949—1950 гг. оно охватило Сицилию, весь Юг, центральные области и даже долину По. По территориальному размаху это движение не имело прецедента в истории страны. Оно возникло стихийно, по почину самих крестьянских масс. Однако затем компартия возглавила это движение и стремилась связать его с борьбой за аграрную реформу. На местах всюду во главе крестьян, занимавших землю, были коммунисты, социалисты, руководители местных профсоюзов. Движение за землю в 1949—1950 гг. отличалось социальной и политической широтой. В нем участвова-

[75] Documenti politici di organizzazione democratiche di massa. Roma, 1951, p. 56.
[76] «Unità», 11.X 1948.
[77] «Unità», 13.IV 1950.

ли поденщики-браччанти и различные категории собственно крестьян. Это были люди различной политической ориентации, в том числе и крестьяне, поддерживавшие христианско-демократическую партию. Атмосферу всеобщего подъема хорошо выразил простой крестьянин из Калабрии, сказавший корреспонденту демократической газеты «Нуова терра»: «Мне кажется, что Гарибальди вернулся в Калабрию, чтобы снова возглавить крестьян»[78].

Против крестьян, занимавших землю, была брошена полиция. Кровопролитные стычки в деревне стали в эти годы частым явлением. Особенно жестокий характер носило столкновение крестьян с полицией в Калабрии. В местечке Мелисса 30 октября двое крестьян были убиты и 13 тяжело ранены[79]. Это кровопролитие вызвало волну возмущения по всей стране. Еще более решительно, чем прежде, борьба крестьян за землю была поддержана рабочим классом. Помимо местных забастовок солидарности с крестьянами, которые проводились трудящимися городов и ранее, в эти годы городские рабочие по инициативе ВИКТ провели пять общенациональных забастовок солидарности с трудящимися деревни в связи с полицейскими расстрелами.

В 1949 г. по инициативе созданного ранее Учредительного земельного собрания были созваны местные крестьянские съезды. В декабре 1949 г. в Риме состоялся общекрестьянский съезд борьбы против латифундий. Съезд констатировал, что возобновившееся на Юге движение за землю представляет собой конкретную борьбу за аграрную реформу, а также одобрил проект земельной реформы, разработанный Учредительным земельным собранием[80]. Этот законопроект и был внесен депутатами-коммунистами и социалистами в парламент.

В осуществлении аграрной политики компартии и руководстве борьбой крестьянских масс за землю, за демократическую аграрную реформу большую роль сыграл член Руководства ИКП Руджеро Гриеко. Он принимал активное участие в выработке аграрной программы компартии, отстаивал проект демократической аграрной реформы в парламенте, будучи его депутатом, и, наконец, возглавлял Учредительное земельное собрание крестьян. Отдавая должное его заслугам, член Руководства ИКП Э. Серени писал после его смерти, что аграрная реформа, которая была вырвана у правительства в результате борьбы, «для миллионов крестьянских масс Италии связана с опытным и мужественным руководством Р. Гриеко»[81].

[78] «Nuova terra», 15.III 1950.
[79] «Unità», 1.XI 1949.
[80] Documenti politici di organizzazione democratiche di massa, p. 49.
[81] *E. Sereni.* Vecchio e nuovo nelle campagne italiane. Roma, 1956, p. 39.

Острая борьба крестьянских масс за землю, активная поддержка движения рабочим классом, наконец, инициатива левых партий в парламенте вынудили христианских демократов приступить к разработке своего проекта аграрной реформы. Битва вокруг аграрной реформы развернулась в парламенте. Коммунисты и социалисты отстаивали в парламенте те условия реформы, которые были одобрены крестьянскими съездами. Они требовали, чтобы реформа носила всеобщий характер, т. е. распространялась бы на все районы Италии, и чтобы все излишки крупных земельных владений (свыше 100 га) были переданы в пользование крестьянам на льготных условиях. Однако эти предложения не были приняты христианско-демократическим большинством. Вместо общего закона в 1949—1950 гг. были приняты три частичных закона о земельной реформе для различных районов Центральной, Южной Италии и Сицилии. Эти законы предусматривали ограничение помещичьего землевладения на основе установления предела доходов (а не предела земельной площади), выкуп излишков земельной собственности государством и распределение их среди крестьян также за выкуп (коммунисты голосовали против этих законов в парламенте).

В результате правительственной реформы, а также выделения государственного кредита для покупки земель, в руки крестьян перешло около 1,5 млн. га земли. Это означало, что значительная часть крупных помещичьих владений — латифундий на Юге и в Сицилии — перестала существовать. Однако земельная проблема в целом не была решена. По-прежнему весьма острым оставался вопрос об испольщине в Центральной Италии. Неудовлетворительность аграрной реформы отмечали не только коммунисты и социалисты. На V съезде ХДП (1954 г.) ее критиковали левые христианские демократы: Дж. Гронки и Дж. Пасторе. По предложению последнего в резолюции V съезда ХДП было отмечено, что аграрная реформа имела немало пробелов и не дала ожидаемого социального и политического эффекта [82].

Массовый характер приобрело в 1949—1950 гг. и движение итальянских трудящихся против безработицы и нищеты, которое охватило как город, так и деревню. Широко применялась такая оригинальная форма борьбы итальянских безработных, как «забастовка наоборот». Ее суть заключалась в следующем. Безработные по инициативе и под руководством профсоюзных палат труда исполняли определенную работу: рыли оросительные каналы, котлованы под фундаменты для общественных зданий, больниц или школ, выполняли земляные работы, необходимые для строительства шоссейных или железных дорог, и т. д. Комитеты солидарности

[82] I congressi nazionali della Democrazia cristiana, p. 569.

обеспечивали забастовщикам поддержку местного населения. Собирался рабочий инвентарь, продукты, деньги. Устраивались митинги и забастовки с требованием, чтобы местные органы власти или правительство выделили необходимые средства для доведения до конца начатой работы и для оплаты затраченного труда.

«Забастовки наоборот» часто приводили к кровопролитным столкновениям с полицией. Тогда в поддержку забастовщиков поднимался рабочий класс всей страны. Например, в конце ноября 1949 г. полиция открыла огонь по демонстрации солидарности с участниками «забастовки наоборот» в местечке Торре Маджоре (Апулия). Двое батраков-коммунистов были убиты. Через несколько дней, 1 декабря 1949 г., по призыву ВИКТ в стране была проведена всеобщая 24-часовая забастовка протеста. Оценивая значение этой забастовки, Л. Лонго в докладе Центральному комитету итальянской компартии писал, что она «явилась внушительной демонстрацией солидарности рабочих с борющимся крестьянством» [83].

В марте 1950 г. столь же драматические события произошли в коммуне Лентелле (Абруццы). Группа безработных батраков-браччанти начала здесь строительство дороги. Вечером 21 марта, возвращаясь с работы, они устроили демонстрацию. Процессия с красными знаменами и лозунгами: «Хотим хлеба и работы!», «Заплатите нам!» — подошла к зданию Палаты труда. Полиция открыла по забастовщикам огонь. Снова двое рабочих-браччанти были убиты. И снова на другой же день по призыву ВИКТ в стране прошла 12-часовая всеобщая забастовка протеста.

Особый размах «забастовки наоборот» получили в наиболее отсталых в экономическом отношении южных районах страны. Под руководством палат труда и специальных народных комитетов возрождения Юга здесь составлялись местные планы развития экономики. Эти народные «наказы» в 1949—1950 гг. обсуждались на областных съездах возрождения Юга, которые состоялись в Салерно, Матере, Бари, Кальяри и других городах Юга [84]. Среди делегатов этих съездов были не только крестьяне, но и представители рабочих и интеллигенции. Так, в работе съезда в Кротоне участвовали рабочие завода «Монтекатини» [85]. На съезде в Салерно выступил делегат рабочих-металлургов Генуи. Он передал съезду деньги, собранные рабочими для осуществления плана экономического возрождения области. В январе 1950 г. в Риме Национальный съезд комитетов возрождения Юга подвел итоги

[83] «Unità», 16.XII 1949.
[84] «Unità», 3—4.XII 1949; 21.III, 6.V 1950.
[85] «Unità», 6.XII 1949.

18. Демонстрация протеста против действий полиции в январе 1950 г.

проделанной работы и решил составить единый план возрождения Юга [86].

Борьба масс против безработицы и нищеты и острые дебаты вокруг этих проблем в парламенте привели к созданию в 1950 г. двух специальных парламентских комиссий, которые провели обследование социальных противоречий в стране. Опубликование материалов комиссии по обследованию нищеты Юга [87] вызвало огромный общественный резонанс. Оно помогло принятию в 1950 г. закона о создании так называемой Кассы Юга. Закон предусматривал, что ежегодно в течение 10 лет будут выделяться государственные средства в целях проведения на Юге общественных работ по строительству дорог, мостов, общественных зданий и т. д.

Депутаты рабочих партий во время обсуждения этого закона предлагали разработать правительственную программу индустриа-

[86] «Unità», 15.I 1950.

[87] Atti della commissione parlamentare di inchieste sulla miseria in Italia e sui mezzi per combatterla, v. I—VII. Roma, 1953.

лизации южных районов. Они предлагали также установить контроль парламента над организациями, созданными для осуществления плана развития Юга. Но эти поправки не были приняты. Деятельность Кассы Юга осуществлялась главным образом в направлении так называемой прединдустриализации и создала предпосылки для последующего активного проникновения крупного монополистического капитала Северной Италии в промышленность Юга. Но все же в те трудные годы Касса Юга способствовала некоторому смягчению проблем безработицы и была важным частичным завоеванием трудящихся масс.

Широкий характер в 1950—1953 гг. получило движение в защиту национальной промышленности. Рабочие выступили против свертывания «нерентабельных» предприятий и массовых увольнений, которыми сопровождался процесс промышленной реконструкции. В течение 1950 г. рабочими занимались такие крупные заводы, как «Бреда», «Пирелли», ФИАТ, «Ансальдо». Заняв то или иное предприятие, рабочие продолжали работу на свой страх и риск. Борьбой руководили заводские советы управления, которые требовали от государства выделения кредита для реконструкции предприятия [88]. В Модене рабочие-металлисты вели борьбу против закрытия завода «Фондерие риуните». Рабочие верфи «Ансальдо» в ответ на увольнения заняли предприятие и 2,5 месяца работали без хозяев. За это время они начали строительство нового крупного судна и добились сохранения верфи.

Героическую борьбу вели рабочие машиностроительного завода «Реджане» в г. Реджо-Эмилия. Свыше года (с 1 мая 1950 по 5 октября 1951 г.) 5 тыс. рабочих этого коллектива занимали предприятие, продолжая выпускать машины и ремонтировать железнодорожные вагоны. Все население города поддерживало их и помогло добиться удовлетворения их требований.

Не менее стойкими оказались рудокопы серного рудника в Кабернарди (область Марке), принадлежавшего концерну «Монтекатини». В ответ на решение концерна о закрытии этого рудника и массовые увольнения в мае 1952 г. шахтеры заняли рудник и в течение 38 дней оставались под землей. Они вышли из шахты только тогда, когда добились возвращения на работу уволенных рабочих.

В 1953 г. крупную победу одержали рабочие-металлисты завода «Пиньоне» во Флоренции. Мэр города, левый христианский демократ Ла Пира, санкционировал занятие этого завода рабочими. В результате правительство вынуждено было пойти навстречу

[88] *М.* и *М. Феррара.* Очерки итальянской политической жизни. М., 1961, стр. 348.

трудящимся и передать завод в ведение Института промышленной реконструкции [89].

В связи с движением в защиту национальной промышленности в 1949—1950 гг. вновь активизировалась деятельность заводских советов управления [90]. Они непосредственно руководили борьбой и налаживанием производства на фабриках и заводах, занятых рабочими. К этому времени на промышленных предприятиях было свыше 470 советов управления, которые представляли почти 1 млн. рабочих [91]. Советы управления явились оригинальной формой борьбы за демократический контроль на предприятиях. Однако добиться их признания в законодательном порядке так и не удалось. К концу периода реконструкции движение советов управления постепенно сошло на нет.

Рабочие депутаты внесли в парламент законопроекты о национализации монополий электроэнергетической и химической промышленности. Однако они были отклонены христианско-демократическим большинством. Коммунисты и социалисты не сумели в эти годы мобилизовать массы на борьбу за национализацию монополий. Конкретные формы такой массовой борьбы возникли в Италии позднее.

Итоги борьбы за План труда были подведены на III съезде ВИКТ в конце 1952 г. План труда явился оригинальным опытом рабочего движения в условиях капиталистического строя и содержал в себе идею демократической плановой экономической политики государства, на направление которой трудящиеся стремились оказать давление своей борьбой.

В документах ВИКТ не раз подчеркивалось, что осуществление Плана труда должно быть связано с борьбой за создание нового демократического правительства. Таким образом при разработке Плана труда «на передний план был выдвинут политический момент, проблема политической власти, которая должна направлять экономику страны» [92].

Однако на практике акцент был сделан на том, чтобы с помощью Плана труда как можно скорее обеспечить занятость безработных [93]. Борьба за План труда раздробилась на множество мелких битв за сохранение той или иной фабрики, за строительство того или иного объекта. Таким образом, она утратила общенациональный характер и направленность против монополий. Когда промышленная реконструкция была закончена, ВИКТ сняла

[89] *F. Boiardi.* Dossetti e la crisi del cattolici italiane. Firenze, 1956, p. 118.
[90] Tendenze del capitalismo italiano, v. I. Roma, 1962, p. 181.
[91] VII congresso del PCI, Resoconto, p. 45.
[92] *Б. Манцокки.* Указ. соч., стр. 100.
[93] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 181.

лозунг Плана труда, ибо то содержание, которое он получил на практике, не соответствовало больше объективной обстановке.

Руководя борьбой трудящихся масс в защиту демократии и за осуществление глубоких социальных реформ, компартия неизменно уделяла внимание теоретическому анализу особенностей классовой борьбы, происходившей в Италии, и дальнейшей разработке стратегии и тактики рабочего движения.

При этом партии пришлось вести борьбу против двух ошибочных тенденций, имевших место в итальянском рабочем движении. Во-первых,— против настроений экстремистов, которые считали, что после установления в 1948 г. христианско-демократического режима следовало выдвинуть лозунг вооруженного восстания. Во-вторых против прямо противоположной тенденции — пассивного выжидания, рассчитанного на складывание более благоприятной международной обстановки. В связи с общей стратегической перспективой обсуждался в компартии и вопрос о характере происходившей в стране классовой борьбы. При этом выявились две ошибочные точки зрения. Сторонники одной считали борьбу за структурные реформы непосредственной борьбой авангарда трудящихся за социализм. Сторонники другой рассматривали ее всего лишь как завершающую фазу буржуазно-демократической революции (т. е. сводили структурные реформы к ликвидации феодальных пережитков на Юге), а не как момент борьбы против групп монополистического капитала, тесно связанных с кланами латифундистов.

В ходе дискуссии в компартии преодолевается схематизм обеих указанных концепций и нащупывается подход к совершенно иному пониманию структурных реформ. Лозунги структурных реформ коммунисты начинают рассматривать как «переходные», как лозунги, рассчитанные на относительно длительный период и приближающие осуществление конечной цели — социализма [94]. Выступая на VII съезде ИКП в 1951 г., П. Тольятти заявил: «Мы предлагаем всем демократическим партиям искать итальянский путь развития, который мог бы постепенно привести к глубокому переустройству экономической структуры страны и тем самым к созданию нового политического режима, при котором народ действительно стал бы хозяином своей судьбы и мог бы противопоставить свою волю правящим группам...» [95]

Теоретические дискуссии и поиски этих лет позволили впоследствии компартии прийти к тому пониманию борьбы за структурные реформы, которое было дано VIII съездом ИКП (1956)

[94] *Р. Гриеко.* Аграрный вопрос и борьба за землю в Италии. М., 1955. стр. 321.

[95] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. I, стр. 696.

и положено в основу программы «Итальянского пути к социализму». Выступая на VIII съезде, П. Тольятти говорил: «Структурные реформы — это не социализм. Однако они представляют собой такое преобразование экономической структуры, которое открывает путь к социализму. Это меры борьбы против нынешнего главного врага рабочего класса и социализма. В них заинтересован весь народ, и они должны быть осуществлены во имя прогресса и мира» [96].

Таким образом, компартия приходит к пониманию борьбы за социализм не как единовременного акта, но как длительной цепи сражений, как «позиционной войны», о которой в свое время говорил А. Грамши.

Завершение промышленной реконструкции и потребности дальнейшего развития экономики поставили в порядок дня вопрос о направлении экономической политики правительства. Внутри ХДП по этим вопросам развертывается дискуссия. Наряду со сторонниками проводимого Де Гаспери курса «неолиберализма» (т. е. полной свободы рыночной торговли и конкуренции) в ХДП раздаются голоса в пользу установления государственного контроля над экономикой. С наиболее радикальными требованиями выступил Дж. Гронки. Он говорил о необходимости развития государственного сектора итальянской промышленности, о политике экономического планирования, о принятии антимонополистических законов. В статье, опубликованной Дж. Гронки в январе 1952 г. и озаглавленной «Вернемся к истокам!» (т. е. к первоначальной программе ХДП периода Сопротивления), он выступил за ограничение власти монополий [97].

Рабочий класс стремился выработать самостоятельную позицию в отношении новой проблемы и выдвинул задачу подчинения частно-государственных объединений контролю со стороны парламента и других демократических органов. Например, в 1949 г. коммунисты и социалисты выступили в парламенте вместе с левыми христианскими демократами в защиту Института промышленной реконструкции (ИРИ) и добились не только сохранения этого частно-государственного объединения, но и демократизации его структуры. В феврале 1949 г. депутаты рабочих партий поддержали предложение левых христианских демократов об основании Национального общества жидкого топлива (ЭНИ). Это частно-государственное объединение стало играть важную роль в новых отраслях итальянской экономики — нефтяной и газовой промышленности.

[96] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. II, стр. 42—43.

[97] *G. Gronchi.* Op. cit., p. 64.

В ЗАЩИТУ КОНСТИТУЦИОННЫХ СВОБОД И ПАРЛАМЕНТСКОГО РЕЖИМА

В 1948—1953 гг. правительство Де Гаспери проводило политику ограничения демократических свобод. При этом главные усилия были направлены к тому, чтобы ущемить права трудящихся на забастовки, собрания и демонстрации. 19 июля 1948 г. министр внутренних дел Шельба издал циркуляр, который вменял в обязанность префектам расследовать деятельность палат труда и принимать санкции против профсоюзных лидеров рабочего класса. Опираясь на этот циркуляр, полиция арестовала тысячи профсоюзных активистов, рабочих и служащих. 17 марта 1950 г. был издан декрет об охране общественного порядка, который давал префектам право в течение месяца запрещать какие бы то ни было демонстрации и собрания.

Используя эти антидемократические законы, полиция не только запрещала митинги и демонстрации, но и разгоняла их силой оружия. Всего за период с 1948 г. до середины 1950 г. в результате полицейских расправ, налетов мафии и неофашистов были убиты 62 трудящихся (в том числе 48 коммунистов), ранены — 3126 трудящихся (в том числе 2367 коммунистов) и арестованы 92 169 трудящихся (в том числе 73 780 коммунистов)[98]. Особенно кровавым был расстрел демонстрации трудящихся в Модене 9 января 1950 г., когда в результате столкновения с полицией было убито 6 и ранено 30 человек[99].

Расстрел в Модене вызвал бурю негодования по всей стране. В знак протеста была объявлена 24-часовая национальная забастовка. Похороны жертв итальянского «9 января» вылились во внушительную демонстрацию трудящихся. Демократические организации оказали помощь семьям пострадавших. Некоторые трудящиеся взяли на воспитание сирот Модены, в том числе П. Тольятти удочерил маленькую Маризу.

В 1951—1953 гг. христианские демократы внесли в парламент целую серию так называемых исключительных законов с целью установить в стране режим открытой диктатуры. Закон о печати предусматривал введение предварительной цензуры. Законопроект о профсоюзах предусматривал обязательный предварительный арбитраж, запрещение забастовок политического характера, а также забастовок в форме занятия предприятий. Этот реакционный законопроект, однако, не был принят, так как вызвал волну протеста

[98] «Итальянская коммунистическая партия», стр. 145.
[99] «Unità», 10.I 1950.

трудящихся[100] и даже неодобрение со стороны руководства католических профсоюзов (ИКПТ)[101].

Наконец, правые лидеры ХДП выдвинули идею диктатуры христианско-демократической партии. С подобными заявлениями, например, выступал Гонелла на IV съезде ХДП (1952 г.)[102]. В соответствии с этой концепцией христианско-демократическое правительство намеревалось создать партийную добровольческую милицию для борьбы с «подрывными элементами». Именно в этих целях христианские демократы предложили «Закон о гражданской обороне», принятый парламентом 11 июня 1951 г. Законопроект был составлен так искусно, что истинные цели его не сразу бросались в глаза. И тем не менее его смысл был разгадан демократической общественностью и вызвал резкий протест не только со стороны коммунистов и социалистов. Против него голосовали также социал-демократы, республиканцы и часть христианских демократов. И хотя закон был принят, он вследствие протеста общественного мнения так и не был применен[103].

С резкой критикой «исключительных законов» выступил один из авторитетных деятелей левых христианских демократов Дж. Гронки. В уже цитированной статье Дж. Гронки «Вернемся к истокам!» автор обращал внимание на то, что политика «исключительных законов» не может победить коммунизм, но бьет в конечном счете по самой же партии, ибо подрывает ее авторитет в массах[104]. Поэтому Гронки потребовал от ХДП наряду с проведением структурных реформ гарантировать демократические свободы.

Вместе с тем левые христианские демократы не смогли преодолеть предубеждений против коммунистов. Это поставило их в положение изоляции и облегчило Де Гаспери подавление оппозиции в рядах своей партии. В июле 1951 г. Доссетти распустил свою группу. Затем он вынужден был отказаться от парламентской деятельности и ушел в монастырь. Его сподвижник Ла Пира также отказался от парламентского мандата и занял место мэра Флоренции, где снискал себе авторитет и популярность своей деятельностью. В феврале 1952 г. руководство ХДП покончило со всеми партийными оппозиционными изданиями, в том числе был закрыт и журнал Гронки «Либерта» («Свобода»). Подавить внутреннюю оппозицию Де Гаспери помогли два обстоятельства: разжигание антикоммунистической истерии в связи с корейской

[100] «Unità», 3.XI 1951.

[101] «Unità», 2.XI 1951.

[102] I congressi nazionali della Democrazia cristiana, p. 345.

[103] *М.* и *М. Феррара.* Очерки итальянской политической жизни, стр. 289.

[104] *G. Gronchi.* Op. cit., p. 50—51.

войной, а также необходимость сплочения рядов партии в связи с предстоящими муниципальными и парламентскими выборами.

На IV съезде ХДП (ноябрь 1952 г.) Де Гаспери и Гонелла выступили поборниками сильной власти. Гонелла прямо говорил, что диктатура христианско-демократической партии должна стать основой государства и что в целях борьбы с коммунистами необходимо ввести «исключительные законы»[105]. Против антидемократического курса, предложенного правыми, выступили на съезде Дж. Гронки и А. Фанфани. Они выдвинули идею «левого центра», т. е. союза ХДП с социалистами при изоляции коммунистов. Течение Фанфани на съезде партии получило поддержку 1/3 ее членов[106]. Это было началом кризиса правящей группировки Де Гаспери.

Значительно ослабло в результате политики Де Гаспери и влияние христианско-демократической партии в стране. Это со всей очевидностью выявилось во время муниципальных выборов 1951—1952 гг. По сравнению с 1948 г. правящая партия потеряла 4 млн. голосов[107].

Было ясно, что на ближайших выборах в парламент, которые должны были состояться в 1953 г., ХДП не сможет удержать монополии политической власти. Поэтому она ставит своей задачей изменить избирательный закон так, чтобы он гарантировал партии получение большинства мест в парламенте. В этих целях в 1952 г. министр внутренних дел Шельба внес в палату депутатов проект нового избирательного закона. Согласно проекту, партия или блок партий, которые на выборах соберут 50% голосов плюс один голос, должны получить не половину мест в парламенте (как это предусматривал действующий избирательный закон), а 2/3 мест.

«Мошеннический закон», как его назвал народ, таил в себе угрозу конституционному демократическому строю, созданному в итоге Сопротивления. Эта угроза была сразу же осознана компартией. Уже в период выработки «мошеннического закона» Тольятти, выступив на пленуме ЦК ИКП, говорил: «Нам необходимо вести широкую энергичную борьбу в парламенте и стране против опасности мошеннических выборов. Мы должны рассматривать эту борьбу как одно из первых великих сражений, которые рабочий класс, трудящиеся и весь народ должны вести в защиту демократического и республиканского строя»[108].

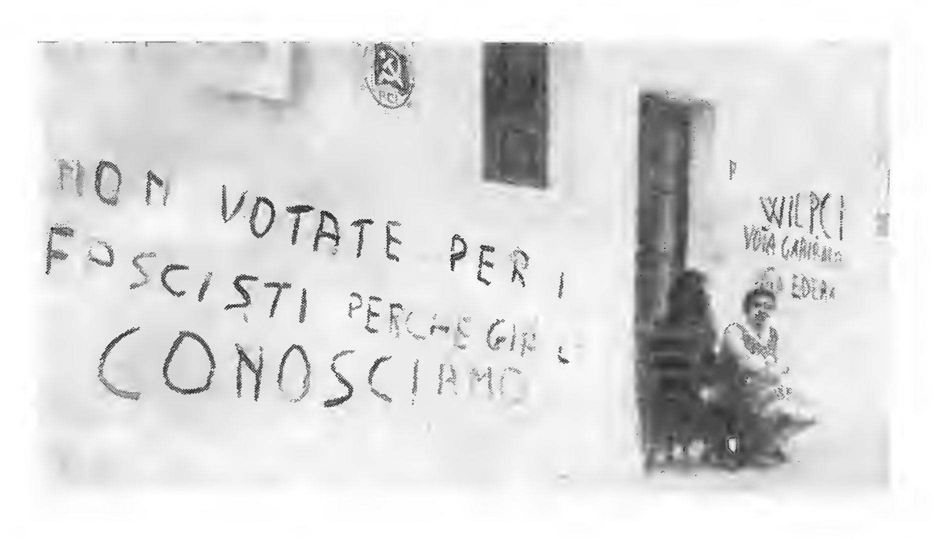
Борьба против принятия «мошеннического закона», возглавленная коммунистами и социалистами, приняла всенародный характер.

[105] I congressi nazionali della Democrazia cristiana, p. 345, 364.

[106] *A. Fanfani.* Da Napoli a Firenze. S. l., 1959, p. 217.

[107] «Rinascita», 1953, № 4, p. 205.

[108] «Unità», 11.XI 1952.

19. Антифашистские лозунги в Апулии

Уже в декабре 1952 г. по всей стране прошли забастовки и протесты с требованием не допустить изменения демократического избирательного закона [109]. Бастовали рабочие предприятий Болоньи, Ливорно, Таранто, Неаполя, испольщики в окрестностях Флоренции, батраки провинции Равенна. ВИКТ также призвала народ на защиту конституционных прав, сыграв большую роль в организации широкой политической кампании.

В конце января 1953 г., когда в палате депутатов подходило к концу обсуждение законопроекта, здесь развернулась исключительно острая борьба. Заключительное заседание палаты длилось без перерыва с 18 до 21 января. В течение многих часов депутаты коммунисты и социалисты один за другим выдвигали аргументы против «мошеннического» избирательного законопроекта и мотивы недоверия правительству.

Одновременно по всей стране прокатилась новая волна митингов и забастовок протеста против «мошеннического закона». Забастовками руководили местные палаты труда. В Турине Палата труда экстренно собралась поздно ночью 18 января 1953 г. В обращении к трудящимся Турина Палата труда отмечала «огромную опасность, угрожающую свободе, завоеванной кровью и 20-летней борьбой итальянского народа» [110], и призывала трудящихся прекратить работу.

[109] «Unità», 20.XII 1952.
[110] «Unità», 18.I 1953.

На следующий день с утра город бастовал. Несмотря на угрозы хозяев и лидеров католических профсоюзов, рабочие уходили с предприятий целыми цехами и шли на митинг. Затем демонстранты устремились к центру Турина с возгласами: «Долой мошеннический избирательный закон! Да здравствует конституция!» Над площадью звенели партизанские песни Сопротивления [111].

Помимо Турина в эти дни забастовки против «мошеннического закона» прошли в крупнейших городах: Милане, Генуе, Болонье, Модене, Реджо-нель-Эмилии [112]. Рабочие на митингах выбирали делегатов, которые отправлялись в Рим, чтобы выразить парламенту волю трудового народа.

20 января, когда началась забастовка в столице и центр города был заполнен демонстрантами, эхо народного гнева с новой силой ворвалось в стены дворца Монтечиторио. В этот день на улице столицы во время столкновения демонстрантов с полицией был ранен депутат-коммунист Пьетро Инграо. Несмотря на это, он пришел на заседание палаты и выступил с яркой речью против полицейского произвола и «мошеннического закона». Депутаты оппозиций стоя приветствовали Инграо бурными аплодисментами [113].

Христианско-демократическое большинство палаты депутатов тем не менее одобрило новый избирательный закон. Тогда в преддверии обсуждения этого вопроса в сенате Руководство ИКП предложило провести всенародный референдум по законопроекту [114]. В стране начался сбор подписей под петицией, содержавшей это требование. В середине марта в Риме состоялась общенациональная конференция, которая подтвердила необходимость такого референдума (в соответствии с конституцией) [115]. Однако добиться решения парламента о референдуме не удалось.

Дискуссия вокруг законопроекта возобновилась в сенате. 29 марта председатель сената Руини в нарушение процедурных норм парламента (обсуждение еще не было закончено) поставил законопроект Шельбы на голосование и объявил его одобренным. Сенаторы коммунисты и социалисты выступили с совместным письменным протестом. Они заявили, что в сенате не было проведено нормального голосования и потому избирательный закон не может считаться одобренным и не должен быть обнародован [116]. Руководство ИКП выпустило специальное воззвание «Защитим свободу!», в котором протестовало против удара, нанесенного христиан-

[111] «Unità», 20.I 1953.
[112] «Unità», 16—17, 22.I 1953.
[113] «Unità», 21.I 1953.
[114] «Unità», 1.II 1953.
[115] «Unità», 16.III 1953.
[116] «Unità», 30.III 1953.

20. П Тольятти, А. Черви, М. Скоччимарро Апрель 1953 г.

скими демократами правам сената. «Никто не гарантирует,— говорилось в воззвании,— что не готовится еще более серьезный тайный заговор против нашей конституции. Поэтому мы должны быть особенно сплочены и сильны, чтобы быть готовыми к протесту и к выступлению всех граждан. Покажем распоясавшимся лидерам правительства, что итальянский народ верен демократии и не позволит ее ликвидировать. Защитим демократические свободы! Защитим суверенитет парламентской ассамблеи. Сомкнем ряды в защиту республиканской конституции» [117]. 30 марта по призыву ВИКТ прошла общенациональная политическая забастовка протеста. В ней приняли участие более 90% рабочих и служащих. Особенно активной была забастовка в Милане, Болонье, Генуе, Венеции, Риме. В эти дни народ назвал тех, кто протащил «мошеннический закон» в парламенте, «похитителями избирательных голосов» [118].

[117] Ibidem.

[118] «Unità», 31.III 1953.

Рабочие партии, демократические организации и трудящиеся не признали «мошеннического закона». Новая борьба против него развернулась уже в ходе избирательной кампании и парламентских выборов 7 июня 1953 г. Эти выборы имели значение всенародного референдума и завершили победой 9-месячную борьбу итальянской демократии против «мошеннического закона». На выборах правительственным партиям не удалось собрать 50% голосов (плюс 1 голос), необходимых по новому закону для получения $^{2}/_{3}$ мест в парламенте. Таким образом, результаты голосования сделали невозможным применение «мошеннического закона», и распределение мест в парламенте было проведено пропорционально полученным голосам. В итоге выборов в палату депутатов весь правительственный блок потерял около 3 млн. голосов (18%) по сравнению с парламентскими выборами 1948 г. В том числе ХДП потеряла 1,8 млн. голосов (14,7%), а социал-демократы — 600 тыс. голосов (34%). Соответственно при распределении мандатов в палате депутатов христианские демократы получили на 44 места, а весь правительственный блок на 67 мест меньше, чем раньше. Теперь этот блок уже не располагал в палате абсолютным большинством. Демократическая оппозиция (коммунисты, социалисты и др.) собрала на 1,7 млн. голосов больше, чем в 1948 г., и получила дополнительно 35 депутатских мандатов. При этом выборы подтвердили гегемонию коммунистов в рабочем и демократическом движении страны. За депутатов компартии отдали свои голоса свыше 6 млн. трудящихся [119].

Борьба против «мошеннического закона» была одной из важнейших политических битв итальянского рабочего класса в послевоенный период. В конечном счете, писал П. Тольятти, борьба против «мошеннического закона» была «борьбой рабочего класса за власть» [120]. Выборы 7 июня привели к важному сдвигу влево в политической жизни страны.

Борьба трудящихся масс во главе с коммунистами и социалистами помогла предотвратить угрозу пересмотра конституции. Рабочий класс отстоял важнейшие завоевания Сопротивления и сохранил перспективу борьбы за социализм мирным демократическим путем.

Вместе с тем даже в эти трудные годы «капиталистической реставрации» и наступления на демократические свободы рабочий класс не ограничивался оборонительными боями. Именно в этот период, решительно поддержав крестьянское движение за землю, рабочий класс и трудящиеся массы вынудили правительство на-

[119] «Unità», 11.VI 1953.

[120] *P. Togliatti.* Problemi del movimento operaio internazionale. Roma, 1962, p. 277.

21. «Мошеннический закон» не прошел

чать осуществление аграрной реформы — важнейшего социального лозунга Сопротивления. Борьба за аграрную реформу способствовала сдвигу влево в соотношении политических сил в аграрных зонах Юга и потере христианскими демократами абсолютного большинства в парламенте. Осуществление частичных земельных законов, завоеванных в 1949—1950 гг., приведет затем к важным структурным сдвигам в деревне — исчезновению латифундиальной системы хозяйства, а в социальном плане — к постепенному развалу традиционного в Италии правящего блока крупных латифундистов и «капитанов индустрии» и к созданию нового аграрно-индустриального блока [121]. Эти сдвиги расчистили путь для более интенсивного развития государственно-монополистического капитализма в стране. Но с другой стороны они помогли рабочему классу создать новые опорные пункты: расширить и укрепить свои союзы со средними слоями, с трудящимися-католиками, т. е. расширить фронт сил, вступивших на следующем этапе в борьбу против монополистического капитала, за продвижение по пути к социализму.

[121] См. *Ю. П. Лисовский*. Сельское хозяйство и крестьянское движение в современной Италии. М., 1966, стр. 143, 191.

7

В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Годы итальянской истории с 1953 по 1970 занимают весьма важное место в развитии страны. Они ознаменовались прежде всего достижением Италией своего рода экономической зрелости: на этот период приходится качественный скачок в развитии итальянской экономики, превращение Италии из страны аграрно-индустриальной в страну индустриально-аграрную.

Наглядное представление об этой эволюции итальянской экономики могут дать следующие сводные данные (в %), касающиеся изменения структуры валового национального продукта Италии и ее занятой рабочей силы, составлявшей к 1968 г. около 19,5 млн. человек[1]:

	Нац. доход	Занятая рабочая сила	Нац. доход	Занятая рабочая сила	Нац. доход	Занятая рабочая сила
	1951—1959		1961—1963		1968	
Сельское хозяйство	23	42	14	28	11	20
Промышленность	37	32	39	40	39	41
Услуги	40	56	47	32	50	38

Как видим, в течение 15-летия произошло резкое уменьшение доли сельского хозяйства как в национальном продукте, так и

[1] Yearbook of National Accounts Statistics, 1969, v. II; Yearbook of Labour Statistics, 1968.

особенно в занятой рабочей силе. Одновременно имело место некоторое увеличение удельного веса промышленности, особенно в том, что касается распределения самодеятельного населения. Параллельно отмечается рост значения сектора услуг в экономической деятельности в Италии. Напомним, что, по принятой в буржуазной политэкономии статистике, этот сектор включает в себя транспорт, связь, торговлю, гостиницы, кредитное и страховое дело, а также государственную администрацию.

Такое развитие экономики приводило к постоянному уходу населения из деревни в город, где вчерашние сельские труженики поступали на промышленные предприятия или вливались в сектор услуг. Этот процесс имел двоякое проявление: с одной стороны, уход сельского населения в близлежащие города, а с другой — переезд бывших крестьян, испольщиков и особенно батраков с Юга на Север Италии или эмиграция за границу.

Развитие экономики Италии проходило в общем стихийно, под влиянием рынка, без иных направляющих линий, кроме давления демократических сил и выбора, делаемого крупными монополиями. Последние непрерывно укрепляли свое влияние в течение всего рассматриваемого периода.

Концентрация капитала и производства в Италии шла очень быстрыми темпами. При этом характерным моментом итальянского развития был тот факт, что в концентрации капитала приняли самое активное участие не только частные фирмы, но и крупные государственные объединения, совместно с частными монополиями разделившие между собой рынки. Однако государственные предприятия в основном действовали на основе частного права, а до 1958 г. их руководители входили в Конфедерацию промышленников (Конфиндустрию). Попытки применения планового начала в Италии относятся лишь к 1966—1967 гг.

Хаотический, стихийный характер развития итальянской экономики мешал решению старых проблем, оставшихся от прошлого. Разница в экономическом, социальном и культурном уровне между городом и деревней не только не сократилась, но и значительно возросла. Противоречия между городом и деревней обострились за счет дальнейшего подчинения деревни городу.

Сохранилось и усилилось противоречие между Югом и Севером, накладывающее столь значительный отпечаток на все политическое и экономическое развитие страны. Разрыв в экономическом развитии отсталых южных и промышленно развитых северных областей не только не сократился, но и еще больше возрос, несмотря на многочисленные специальные планы капиталовложений и на создание промышленных предприятий на Юге. Уровень дохода на душу населения на Юге, несмотря на его некоторый рост, еще значительно отстает от аналогичного показателя для

Севера. Экономическая отсталость южных районов тяжелой гирей висит на ногах Италии, но вместе с тем это же положение обеспечивает итальянской промышленности резерв дешевой рабочей силы. Последнее обстоятельство делало итальянскую промышленность конкурентоспособной на международном рынке.

В политическом отношении этот период ознаменовался окончанием политики так называемого центризма, т. е. союза христианско-демократической партии с либеральной при сотрудничестве в то же время с социал-демократической и республиканской партиями. Выборы 1953 г., принесшие серьезное поражение христианско-демократической партии, показали, что прежний политический курс, основой которого служил довольно широкий союз монополистической буржуазии старых и новых отраслей с крупными землевладельцами и который предполагал прямое наступление на демократические силы, полностью изжил себя и более не может обеспечивать в Италии защиту интересов класса капиталистов. Угроза со стороны демократических сил для политической монополии ХДП и ее союзников стала слишком очевидной, она вынудила правящие круги начать поиски нового политического курса, в большей мере учитывающего изменившуюся реальную действительность.

Поисками новых политических путей занялись, что вполне естественно, прежде всего те круги итальянской буржуазии, которые непосредственно связаны с наиболее быстро развивавшимися отраслями промышленности. Их вес и влияние среди буржуазии Италии постепенно повышались. Благодаря бурному развитию отдельных отраслей промышленности они располагали значительными суммами монополистической сверхприбыли, которая частично была использована ими для попытки подкупа некоторых групп трудящихся. Не удивительно поэтому, что политическими новаторами от класса буржуазии выступили буржуазно-политические круги, группирующиеся вокруг автомобильной монополии ФИАТ, с одной стороны, и государственного нефтеметанового объединения ЭНИ — с другой. Можно утверждать, что такие лица, как генеральный директор ФИАТ Витторио Валлетта и председатель ЭНИ Энрико Маттеи, стали отцами новой политики итальянской буржуазии. Конкретную форму ей придали люди типа Фанфани, Моро, Румора, Андреотти, Коломбо, принадлежавшие к старому поколению политических деятелей страны, вовремя изменивших политическую ориентацию в свете новых требований монополистического капитала.

Истоки новой политики итальянской буржуазии, получившей в 1962 г. название «левого центра» (союз ХДП с социалистами плюс социал-демократы и республиканцы), следует искать в итальянской действительности примерно на десять лет ранее. Политика левого центра как попытка найти новые формы подчинения тру-

дящихся буржуазии была подсказана событиями прежде всего на предприятиях ФИАТ в 1953—1955 гг., когда администрации этого промышленного комплекса в основном удалось, широко применяя политику патернализма и массовые репрессии против демократических сил внутри заводов, нанести существенное поражение ранее весьма сильному демократическому рабочему движению на этих предприятиях. Валлетта мог, рекомендуя эти методы в качестве основы политики для всей Италии, с полным правом ссылаться на то, что они дают куда большие результаты в борьбе с демократическими силами, чем политика центристских правительств. После длительной внутренней борьбы в правящих кругах Италии эта политика была в конце концов принята всей итальянской буржуазией.

Авторы политики левого центра не смогли понять того, что успех администрации ФИАТ в борьбе против профсоюзов, руководимых коммунистами и социалистами, был в основе своей лишь тактическим, обусловленным прежде всего ошибочной позицией самих этих профсоюзов, продолжавших применять старые методы борьбы в новых, сильно изменившихся условиях высокой экономической конъюнктуры и оживления реформистских иллюзий. Коммунистическая партия и левые социалисты довольно быстро убедились в наличии такой ошибки, тщательно изучили изменения, возникшие в экономике Италии, а также новую тактику хозяев монополий и к началу 60-х годов противопоставили ей новую тактику, которая принесла пролетариату успехи в классовой борьбе.

Недаром история Италии после 1953 г.— это история ее постепенного и неравномерного, но неуклонного сдвига влево. Каждые выборы давали в целом новый прирост голосов левым партиям, прежде всего коммунистической партии. Итальянская буржуазия была вынуждена менять политику. Но ей так и не удалось добиться в стране политической стабильности, которую она с такой завистью наблюдала в Западной Германии и даже во Франции. Все попытки итальянской буржуазии навязать стране реакционную или хотя бы консервативную политику были сорваны демократическими силами Италии, возглавляемыми Итальянской коммунистической партией.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИТАЛИИ ПОСЛЕ 1953 Г.

Развитие экономики Италии после 1953 г. имеет ряд весьма характерных особенностей. Прежде всего необходимо отметить высокие общие темпы развития промышленности в этот период. За 15 лет объем промышленной продукции возрос более чем в 3 раза. Следовательно, среднегодовой прирост выпуска продукции в

Таблица 1

Производство основных видов продукции

Вид продукции	1919 г.	1929 г.	1938 г.	1948 г.	1953 г.	1958 г.	1963 г.	1969 г.
Уголь каменный всех видов, млн. т	1,1	1,0	2,6	1,8	1,7		1,9	2,2
Нефть, добыча, млн. т.	—	—	0,01	—	0,008	1,5	1,8	1,5
Нефть, переработка, млн. т	—	—	1,6	—	—	—	—	104,8
Природный газ, млрд. м³	—	—	0,02	0,1	0,3	5,2	7,3	12,0
Серная кислота, млн. т	0,6	1,3	1,1	1,6	2,6	2,0	2,7	3,2
Соль, млн. т	0,7	2,1	2,3	2,1	3,5	6,3	10,2	16,4
Электроэнергия, млрд. квч	4,0	10,4	15,1	22,7	32,6	45,5	71,3	107,9
Чугун, млн. т	—	—	0,9	—	—	—	—	7,8
Прокат, млн. т	—	—	1,7	—	—	—	—	13,3
Пластмассы, тыс. т	—	—	—	—	—	182	661	1502,5
Химические волокна тыс. т	—	—	111,5	—	—	—	—	441,7
Цемент, млн. т	—	—	4,6	3,2	12,7	22,4	22,1	31,3
Автомобили, тыс. шт.	—	—	69	59	175	404	996	1596
Тракторы, тыс. шт.	—	—	2,0	—	—	—	—	72,7
Суда (спуск на воду) тыс. бр. реч. т	93	72	94,0	115	270	528	495	464,0
Холодильники, млн. шт.	—	—	—	—	—	—	—	5,8
Стиральные машины, млн. шт.	—	—	—	—	—	—	—	2,7
Счетные машины, тыс. шт.	—	—	—	—	82,7	—	726	—
Ткани хлопчатобумажные, тыс. м	—	—	135,4	—	—	—	—	108,8
Пшеница, млн. т	4,5	6,7	8,2	6,2	9,1	9,8	8,1	9,5
Цитрусовые, млн. т	0,8	0,9	0,8	0,7	1,0	—	1,5	2,5

Подсчитано по: Annuario statistico italiano 1954—1969.
Monthly Bulletin of Statistics.

промышленности составил около 8—9% в год. Таким образом, по темпам роста промышленного производства Италия заняла первое место среди всех капиталистических стран Западной Европы и второе место после Японии в мире. Это обстоятельство дало повод буржуазным экономистам и политикам говорить в 1960—1963 гг., когда годовые приросты превышали 10%, об «итальянском экономическом чуде». Правда, этот пропагандистский термин был отброшен самой жизнью в 1964—1965 гг., в период резкого падения темпов роста.

Второй важнейшей особенностью промышленного развития Италии, наложившей сильнейший отпечаток на динамику всей итальянской экономики, явилась неравномерность ее роста в разные годы. Это особенно заметно по данным о приросте итальянской промышленной продукции по сравнению с предыдущим годом. Действительно, если в начале периода средний прирост промышленной продукции был 9%, то в 1958 г. он упал до 4, затем вновь сделал скачок вверх, достигнув в 1960 г. рекордного уровня 15%. Но уже в 1964 г. прирост промышленного производства составил всего 1%, а в следующем году увеличился лишь до 4,9%. Зато 1966 год был ознаменован новым скачком до 11,2% годового прироста в промышленности, за которым последовало постепенное снижение этого показателя до 3,9% в 1969 г. Эти данные показывают, что развитие экономики Италии, как, впрочем, и всех иных капиталистических стран, сохраняет ясно выраженный циклический характер, который не был преодолен и в годы широко разрекламированного так называемого итальянского экономического чуда. Тем самым сохранялась и общая неуверенность в перспективах развития экономики даже на ближайшие отрезки времени.

Циклические кризисные спады в экономике Италии, как нетрудно заметить, повторяются примерно каждые 5—6 лет, что соответствует нынешним срокам обновления основного капитала.

Обратим теперь внимание на рост производства в отдельных отраслях промышленности. Сразу же бросается в глаза большая разница в уровнях, достигнутых отдельными отраслями по сравнению с 1953 г. Выделяется группа быстро развивающихся отраслей, далеко превзошедших средние показатели. Рассмотрим их подробнее.

Наиболее высоки данные по полимерной промышленности: здесь объем производства увеличился более чем в 6 раз. Италия издавна занимала ведущее положение в теоретической и научно-технической разработке проблем производства полимерных материалов, прежде всего искусственных и синтетических волокон. Именно в Италии еще в 30-х годах были начаты широкие работы в этой области. Располагая хорошими кадрами и вложив в эту отрасль большие капиталы, Италия, восполнив вызванное войной отставание, смогла к концу 50-х годов занять на мировом рынке полимеров такое положение, что итальянские патенты и оборудование стали приобретаться практически всеми высокоразвитыми в промышленном отношении странами — от США и СССР до ФРГ, Франции и Великобритании. Правда, по объему производства полимерных материалов Италия отстает от всех этих стран.

Первоначально в области производства полимеров действовала одна частная монополия «СНИА-вискоза», к которой затем присоединилась «Монтекатини», а после 1963 г.— новая мощная монопо-

Таблица 2

Основные показатели экономического развития Италии (1953г. = 100, по сельскому хозяйству 1952—1956 гг. = 100)

	1937—1938	1948	1958	1963	1968	1969
Национальный доход (в текущих ценах)	—	65	157	257	388	425
Валовый внутренний продукт (в неизменных ценах)	—	—	124	169	190 *	
Промышленное производство	62	62	142	235	320	330
в том числе промышленность:						
добывающая	56	47	161	195	247	273
обрабатывающая	54	73	143	240	326	336
энергетическая	39	60	134	200	282 **	295
пищевая	63	70	130	152	164	—
текстильная	49	70	106	140	116	—
нефтепереработка	75	71	178	345	490	—
электромашиностроение	58	80	98	130	86	—
транспортных средств	—	—	172	360	330	—
Сельское хозяйство	—	—	115	114	135 ***	—
производство на душу населения	—	—	113	108	124 ***	—
число с/х тракторов	—	—	—	272	409 ***	—
потребление химических удобрений	—	—	—	130	168 ***	—
Внешняя торговля						
импорт	—	—	131	315	424	—
экспорт	—	—	168	336	673	—
их отношение	—	—	80	—	99	—
Розничные цены	—	—	113	133	158	—
Номинальная зарплата	—	—	128	177	264	—
Реальная зарплата	—	—	113	135	167	—

* За 1966 г. ** За 1965 г. *** За 1967 г.
Подсчитано по: UN Statistical Yearbook 1954—1969.

лия «Эдисон», ранее владевшая электростанциями и располагавшая в этой отрасли лишь скромной дочерней фирмой «Шатийон». В 1965 г. произошло объединение фирм «Монтекатини» и «Эдисон» в одну сверхмощную компанию «Монтэдисон», занявшую на некоторое время по своей финансовой мощи первое место среди частных итальянских монополистических объединений. Таким образом, подтверждается то общее положение, что капитал приливает в бы-

стро развивающиеся отрасли производства и что именно в этих областях имеет место наиболее быстрая и полная монополистическая концентрация. В конце 1968 г. контрольный пакет акций «Монтэдисон» был приобретен на бирже государственными объединениями ЭНИ и ИРИ.

На втором месте по темпам развития находится точное машиностроение. Оно представлено относительно небольшой монополией «Оливетти», производящей счетные и пишущие машинки, а в последние годы — и электронные вычислительные машины. Эта фирма приобрела известность также благодаря долгому и широкому применению политики патернализма в отношении занятых на ее предприятиях рабочих. Основатель фирмы Камилло Оливетти, талантливый инженер и организатор, в значительной степени был последователем утопических взглядов Оуэна, и он, по-видимому, искренне стремился к созданию на своем предприятии «классовой гармонии», посильно заботясь о рабочих. Условия жизни рабочих «Оливетти», включая социально-медицинское обслуживание и детские учреждения, по сей день остаются лучшими среди всех итальянских монополий. Наследники Камилло Оливетти пытались уже в нынешний послевоенный период продолжать его традиции, даже предприняли попытку создания политической партии «Коммунита́» («Общность»). Это движение не имело успеха, смерть его основателя Адриано Оливетти положила конец старомодным попыткам искреннего патернализма, а спад 1964—1965 гг. поставил фирму в тяжелое финансовое положение, ввиду чего контрольный пакет ее акций был продан консорциуму монополий во главе с ФИАТ, тогда как наиболее современная часть — завод электронных машин — была приобретена американской фирмой «Дженерал электрик».

Следующая по темпам развития группа отраслей, а следовательно и монополий,— это добыча и переработка нефти и газа. Для послевоенной Италии здесь речь идет о совершенно новых производствах. Ранее считалось, что Апеннинский полуостров и итальянские острова лишены этих полезных ископаемых. Однако вскоре после окончания войны была найдена нефть на Сицилии, правда невысокого качества, очень вязкая, с большим содержанием серы. Под давлением американских нефтяных монополий автономный сицилийский парламент раздал иностранному капиталу почти все лицензии на разведку и добычу нефти. Но зарубежные компании не проявили большой заинтересованности в развитии в Италии нефтяной промышленности: сицилийская нефть оказывалась значительно дороже привозной с Ближнего Востока. Англо-американские компании — знаменитые «семь сестер» мирового нефтяного рынка — ограничились постройкой нескольких нефтеперегонных предприятий для итальянских и европейских нужд, а также в стра-

тегических целях. Одно из крупнейших предприятий этого типа расположено в районе Неаполя — средиземноморской базы американского и натовского флота.

Учитывая в общем отрицательный для Италии опыт сотрудничества с мировыми фирмами в развитии нефтехимии, итальянская буржуазия поступила иначе, когда на Севере Италии были открыты неожиданно богатые месторождения природного газа. Путем объединения существовавших ранее проектных институтов и строительных организаций, принадлежавших государству, была образована мощная группа ЭНИ, которая получила исключительные права на всей не сданной в концессию территории Италии на разведку, добычу, переработку газа и на строительство соответствующих предприятий, газопроводов и коммуникаций. Во главе ЭНИ встал инженер Энрико Маттеи — член христианско-демократической партии, бывший партизанский руководитель, очень талантливый организатор. Под его руководством и благодаря щедрому государственному финансированию ЭНИ в короткий срок превратилась в одну из ведущих итальянских монополий. Был построен ряд крупнейших предприятий по переработке газа, разработан способ получения из него высококачественного искусственного каучука (патент был приобретен у ЭНИ всеми важнейшими странами мира), создана исключительно разветвленная сеть доставки газа буквально во все уголки страны. ЭНИ довольно широко привлекала иностранный капитал, в том числе английский и американский, но сохраняла за собой господствующие позиции. Предприятия ЭНИ в Порто Маргера (около Венеции), Равенне и в Джела (Сицилия) относятся к заводам, стоящим на высшем мировом техническом уровне.

При создании ЭНИ было много пропагандистских рассуждений на тему о том, что якобы эта государственная монополия вступит в борьбу с частными монополистическими группами и добьется снижения ими отпускных монопольных цен. В первый момент, когда ЭНИ построила свои заводы по производству искусственных удобрений, действительно имело место незначительное снижение цен. Но вскоре между ЭНИ и основным производителем удобрений в то время — монополией «Монтекатини» — было по всем правилам заключено картельное соглашение, и удобрения по-прежнему продавались по ценам, намного превосходящим затраты на их производство.

Если на внутреннем рынке ЭНИ быстро вошла в обычный союз с другими монополиями, то на внешнем рынке, где позиции итальянской буржуазии были очень слабыми в результате проигранной войны, поведение ЭНИ было совершенно иным. Располагая мощным проектно-изыскательским аппаратом, ЭНИ в 1956 г. заключила соглашение с правительством Ирана о предоставлении

ЭНИ концессии на разведку нефти и газа, на строительство и эксплуатацию соответствующих предприятий с полным технологическим циклом. Сам по себе этот факт едва ли вызвал бы большое внимание, если бы в соглашении не содержалось положение, произведшее в кругах мировых нефтепромышленников эффект разорвавшейся бомбы: вместо традиционного распределения прибыли от таких концессий в размере 50% местному правительству и 50% — концессионеру, ЭНИ предложила Ирану иные условия. Соглашение предусматривало, что 50% акций, а следовательно и дохода передавались иранскому правительству, а остальные 50% дохода делились пополам между ЭНИ и опять-таки иранским правительством. Таким образом, вместо традиционной колониальной формулы 50 : 50 ЭНИ ввела в практику новую, более выгодную для слаборазвитых стран формулу расщепления дохода 75 : 25. Такой курс открыл перед ЭНИ обширные новые рынки. В короткие сроки, несмотря на ожесточенное сопротивление «семи сестер», аналогичные соглашения были заключены ЭНИ со многими бывшими колониальными странами — в 1970 г. таких соглашений насчитывалось уже более 35. Как правило, благодаря хорошим научным кадрам разведка нефтяных и газовых месторождений, проводимая ЭНИ, проходила успешно, одно за другим вступали в строй и перерабатывающие предприятия ЭНИ. К тому же в Иране, Марокко, Тунисе, исходя из своих конкурентных соображений, ЭНИ организовала также и подготовку национальных кадров, хотя и в небольших масштабах. «Семь сестер» пытались оказывать давление на итальянское правительство, но тем временем у ЭНИ нашлись последователи в лице японских фирм. Гибель Маттеи в октябре 1962 г. в результате катастрофы его личного самолета при очень неясных обстоятельствах не изменила существенно направления деятельности ЭНИ.

Наконец, еще одна быстро развивающаяся отрасль — автомобильная промышленность. В Италии она представлена небольшим государственным предприятием «Альфа-Ромео», небольшой частной фирмой «Ланча» и огромным монополистическим объединением ФИАТ («Итальянский автомобильный завод в Турине»). На долю ФИАТ приходится несколько более 80% всего производства автомобилей в Италии. Примерно 1/3 продукции ФИАТ идет на экспорт.

Администрация ФИАТ произвела в начале 50-х годов огромные вложения в основной капитал, построила новый автозавод в Турине — «Мирафиори», по размерам и техническому оснащению уступающий в Европе только западногерманскому «Фольксвагену». Конструкторы фирмы создали ряд весьма удачных конструкций микролитражных автомобилей, из которых особенно известны ФИАТ-600, ФИАТ-850 и ФИАТ-124, пользующиеся спросом ши-

рокого покупателя Италии, Европы и даже США ввиду относительно низкой цены. О росте производительности заводов ФИАТ можно судить по следующим данным: в 1952 г. на одного рабочего производилось 2,22 автомашины в год, в 1965 г.— 10,24 [2]. Наряду с обновлением парка станков и улучшением организации труда в значительной мере имел место и прямой рост эксплуатации рабочих на этих предприятиях. К 1968 г. ФИАТ приобрела акции фирмы «Ланча» и нескольких других мелких автомобильных фирм.

ФИАТ — многоотраслевая монополистическая группировка. Помимо автомобилей, являющихся ее главной продукцией, на заводах ФИАТ, сконцентрированных в основном вокруг Турина, производятся тяжелые судовые дизели, тракторы, самолеты-истребители, разного рода промышленное оборудование и даже медикаменты. Кроме того, в систему ФИАТ входит мощное финансово-кредитное объединение ФИАТ — ИФИ, которое участвует в сотнях формально самостоятельных фирм практически всех отраслей промышленности или владеет их акциями. До появления объединенной «Монтэдисон» финансовая группа ФИАТ не знала конкурентов внутри Италии, а решения ее руководства в значительной мере предопределяли направление финансово-промышленной деятельности итальянского правительства. На нужды ФИАТ, а также ЭНИ и других монополий работают десятки тысяч мелких и мельчайших фирм, для которых монополии являются единственным поставщиком сырья или единственным покупателем их готовой продукции. Тем самым эти карликовые предприниматели оказываются в полной зависимости от гигантов промышленного мира, причем даже без того, чтобы эти последние снизошли до участия в их акционерном капитале.

Благодаря этому весь многообразный конгломерат отраслей и производств, охватываемый в статистике одним термином «металлообработка», смог развиваться в Италии темпами, превышающими средние по всей промышленности.

Еще одна отрасль промышленности, имеющая большой удельный вес и еще большее значение в производственном аппарате страны, развивалась в Италии относительно более высокими темпами. Речь идет о металлургии. До 1953 г. Италия располагала весьма слабой металлургической промышленностью, общей мощностью всего около 3 млн. тонн в год, и к тому же представленной устаревшими в техническом отношении предприятиями. Италия практически не имеет собственной железной руды, поэтому ее стальная промышленность работает в основном на ломе. Это предопределяет большую зависимость Италии от импортных поставок чугуна и лома.

[2] «Rinascita», 17.XII 1966.

Когда начались переговоры о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), для всех его участников было очевидно, что Италия не сможет согласиться на этот договор, если итальянская металлургия не будет поставлена в особые условия. Такие условия она получила: согласно отдельной статье договора о ЕОУС итальянская металлургическая промышленность могла беспрепятственно пользоваться для сбыта всем образованным таким образом малым европейским рынком, тогда как ввоз в Италию продукции металлургической промышленности других стран — членов ЕОУС мог осуществляться только по ценам, фактически назначаемым итальянскими властями. Эта специальная защита металлургии Италии была введена на 10 лет. За это время благодаря большим капиталовложениям в эту отрасль она пополнилась мощными современными заводами и смогла поднять общее производство до 10 млн. тонн стали в 1963 г. и до 16 млн. тонн в 1968 г.

В металлургической промышленности Италии имеется лишь одна крупная частная монополия «Фальк», получившая большие кредиты еще по плану Маршалла. Почти все остальное производство находится непосредственно в руках государства. Государственные металлургические заводы управляются через государственное объединение ИРИ. Созданное еще при фашизме, в 1933 г., когда задача его заключалась в спасении потерпевших банкротство частных фирм, ИРИ чуть не было ликвидировано в 1947—1950 гг. под давлением тех групп итальянской буржуазии, которые тогда выступали за свободную конкуренцию и были против вмешательства государства в экономику. Сопротивление коммунистов и социалистов, видевших в ИРИ возможное орудие в борьбе против частных монополий, спасло ИРИ. После 1953 г. через это управление стало осуществляться усиленное финансирование различных отраслей промышленности, в частности металлургии. Для этого в рамках ИРИ использовался специальный кредитный институт финансирования металлургии — «Финсидер».

Италия издавна отличалась высокой долей государственной производительной собственности. Проникновение государства в экономику продолжалось и в рассматриваемый период. Так, если в 1957 г. на государственное объединение «Финсидер» группы ИРИ приходилось 82% выплавки чугуна и 51% производства стали, то к 1968 г. его доля в выплавке чугуна увеличилась до 94% и стали до 58%. В производстве проката доля государственных предприятий составляла примерно 60%, а в прокате труб большого диаметра — 100%. На долю государства приходилось в 1968 г. 80% в судостроении, 40% в моторостроении, около 20% в производстве оружия и железнодорожного подвижного состава и т. д. В добыче нефти и газа доля государства более 97%, в перера-

ботке нефти — почти 20%. С 1 января 1963 г. в собственность государства перешла почти тысяча предприятий по производству и передаче электроэнергии —вся электроэнергетическая промышленность страны. Государству принадлежат и вся телефонная сеть, радиостанции и телевидение страны, 65% морского пассажирского флота, почти все авиакомпании [3].

В целом в Италии по суммарной оценке примерно 30—35% всего производственного аппарата принадлежит непосредственно государству. В ряде государственных предприятий участвует частный капитал, в том числе и иностранный, тогда как во многих случаях государственный капитал вложен в частные фирмы.

Тот же договор с ЕОУС не предоставил, однако, никакой защиты итальянской каменноугольной промышленности. В результате добыча угля резко сократилась. Возникла реальная угроза полной ликвидации этой отрасли, и только вмешательство демократических сил Италии и автономистов Сардинии заставило итальянское правительство принять проект создания на базе угольного бассейна Сульчис ряда мощных тепловых электростанций с постройкой в перспективе крупных алюминиевых заводов, для которых имеются запасы сырья в Сардинии.

К отстающим отраслям относятся пищевая, текстильная и другие отрасли легкой промышленности. Это — старые для Италии отрасли, в которых и по сей день есть сотни тысяч мелких и мельчайших предприятий. После 1953 г. и особенно после вступления в силу соглашений о создании «Общего рынка» в этих отраслях также наблюдается усиленный процесс объединения, слияния мелких фирм в более крупные.

Так, на рынке продовольственных товаров усиливается господство монополистических объединений «Мотта» и «Алеманья», а в текстильном производстве — быстро выросшей монополии с государственным участием «Ланеросси». Они, однако, не достигают размеров и мощи монополий, характерных для новых отраслей промышленности, и еще далеко не в полной мере подчинили себе другие фирмы и ремесленников, работающих в этих отраслях. Здесь процесс концентрации несравненно более медленный.

Еще более неравномерным было развитие трикотажной и обувной промышленности, традиционных для Италии. Их продукция пользуется очень высоким спросом на мировом рынке, что и позволяет до сих пор существовать десяткам тысяч ремесленников, мелких и мельчайших предпринимателей в этих отраслях. Многие ремесленники, особенно в обувной промышленности, объединены в кооперативы, что позволяет им отражать атаки более крупных фирм. Но по сей день бóльшая часть продукции в этих отра-

[3] «Critica marxista», 1969, № 1, p. 89.

слях производится по сути дела при ремесленной организации труда. Каждый работник делает сам, например, весь ботинок или часть его часто у себя дома, но использует при этом весьма совершенные орудия труда.

Внутри класса буржуазии соответственно изменению соотношения экономической мощи происходило и изменение относительного политического влияния различных промышленно-финансовых группировок в пользу новых монополистических объединений.

Как уже отмечалось выше, характерной особенностью развития итальянской промышленности была его неравномерность, которая по-разному сказывалась в отдельных отраслях промышленности.

Первый после 1953 г. кризисный период относится к 1958 г., когда рост промышленной продукции не превысил 4% за год. Прямое снижение объема продукции имело тогда место только в металлургии. Следующий кризис — 1964—1965 гг. — был более тяжелым. Общий прирост промышленного производства едва достиг 1%, но прямое падение выпуска продукции имело место в ряде важнейших отраслей: текстильной, металлургической, точном машиностроении, автомобилестроении. Практически кризис не затронул только нефтеперерабатывающую и полимерную промышленность. Выход из кризиса был долгим, а последовавший затем подъем более кратким и менее высоким, чем ранее. С 1967 г. экономическое развитие страны переживало новые трудности.

Развитие сельского хозяйства Италии не было столь быстрым. Действительно, его общий объем производства возрос всего лишь на 1/3, что не идет ни в какое сравнение с темпами роста промышленной продукции. Отставание темпов роста сельского хозяйства от промышленности привело, естественно, к снижению его доли в национальном доходе Италии. В то же время этот период ознаменовался рядом крупных качественных изменений в итальянской деревне в общем направлении интенсификации сельскохозяйственного производства.

Одной из причин отставания сельского хозяйства Италии является большая раздробленность землепользования, которая характеризуется следующими данными [4]:

Размеры хозяйств в га	1948 г.	1955 г.	1961 г.	Размеры хозяйств в га	1948 г.	1955 г.	1961 г.
0—0,5	53,9* / 4,1	53,1 / 4,1	—	5—10	3,5 / 10,6	3,8 / 12,0	13,1 / 14,0
0—1	—	—	32,7 / 2,7	10—25	2,0 / 13,6	2,2 / 15,0	7,8 / 18,8

[4] La distribuzione della proprietà fondiaria in Italia, 1948; Compendiò economico italiano, 1957; Annuario politico italiano, 1964, p. 1181.

Размеры хозяйств в га	1948 г.	1955 г.	1961 г.
0,5—2	29,4 / 13,3	29,6 / 14,4	—
1—3	—	—	30,3 / 9,3
2—5	10,1 / 13,6	10,2 / 14,8	—
3—5	—	—	13,2 / 8,43
25—50	0,6 / 9,7	0,6 / 10,0	1,7 / 9,4
Более 50	—	—	1,14 / 36,5
50—100	0,3 / 9,1	0,3 / 9,1	—
Более 100	0,1 / 26,0	0,2 / 20,3	—

* В числителе — процент от общего числа хозяйств, в знаменателе — процент обрабатываемой площади данной группы хозяйств к общей обрабатываемой площади.

Действительно, около 1/3 хозяйств имели еще в 1961 г. (когда проводилась последняя перепись) до 1 га земли, около 2/3 — до 3 га, при среднем размере крестьянского хозяйства 5—10 га. В то же время наиболее крупные предприятия, как капиталистического типа, так и помещичьи владения, в небольшом количестве сохранившиеся на Юге, имели в своем распоряжении от 1/3 до 1/5 всей обрабатываемой земли.

Рост производства в итальянском сельском хозяйстве происходил при снижении абсолютного числа занятого в этой отрасли населения. С 1953 по 1966 г. из деревни ушло почти 50% рабочей силы, причем в основном уходила молодежь. В то же время резко возросло оснащение сельского хозяйства тракторами и другими сельскохозяйственными машинами. Об этом говорят такие данные: в 1950 г. в Италии было 57 тыс. тракторов, а в 1962 г.—305 тыс. К 1968 г. число их увеличилось в 10 раз по сравнению с 1948—1950 гг. [5] Аналогичны темпы роста и числа других машин. Потребление искусственных удобрений, причем в наиболее прогрессивной — комбинированной форме, возросло в 3—4 раза. В итоге производительность труда в этой отрасли экономики значительно увеличилась, хотя и в меньшей степени, чем в промышленности. Тем не менее Италия по техническому оснащению сельского хозяйства далеко отстает от других стран Западной Европы.

Процесс интенсификации производства в сельском хозяйстве сопровождался, как это вполне естественно в условиях капитализма, концентрацией производства и капитала, что вело к сокращению общего числа хозяйств за счет ликвидации наиболее мелких из них. Мельчайшие — а они, как правило, и беднейшие — крестьяне не в состоянии производить необходимые теперь капи-

[5] FAO Production Yearbook 1968.

таловложения для приобретения машин и удобрений, их продукция становится неконкурентоспособной, а доход не покрывает порой даже затрат на производство. Такому земледельцу не остается ничего иного, как бросить землю и уйти в город на любую работу.

Эта участь угрожает в силу экономических законов капиталистического развития все более широким слоям сельских тружеников, причем не только испольщикам, но и крестьянам-собственникам. Последние, однако, составляют массовую политическую опору христианско-демократической партии и вообще городской буржуазии. Ввиду этого правительство, даже когда фактическим руководителем государства становится монополистическая буржуазия, принимает специальные меры для продления существования среднего и отчасти мелкого крестьянства. В Италии эта задача была облегчена тем, что известная часть крестьян получила землю по проведенной в начале 50-х годов земельной реформе. В итоге число средних крестьянских хозяйств даже несколько возросло.

Вступление Италии в «Общий европейский рынок» и снижение в этой связи защитных таможенных барьеров выявило со всей полнотой отсталость сельского хозяйства страны. Доходы итальянских крестьян гораздо ниже доходов крестьян других стран «Общего рынка». Об этом говорят следующие данные: ежегодный доход на одного работающего в сельском хозяйстве Италии составлял 300 долларов, а в Люксембурге — 2330, во Франции — 2160, в Бельгии — 1616, в ФРГ — 1300, в Нидерландах — 1040 долларов.

Принятый итальянским парламентом в 1961 г. первый так называемый Зеленый план предусматривал государственные ассигнования сельскому хозяйству в размере 550 млрд. лир в течение 5 лет. Но он не улучшил положения основной массы крестьянства, поскольку политика правящих кругов страны направлена на поддержку крупных хозяйств. «Зеленый план» оказался выгоден только монополиям и крупным землевладельцам, поскольку он привел к увеличению концентрации капиталовложений в развитых районах и в крупных хозяйствах и ускорил изгнание крестьян из деревни без предоставления им иной работы. «План» предусматривал оказание государственной помощи только одному мелкокрестьянскому хозяйству из каждой тысячи хозяйств, имеющих площадь не менее 5 га, и 164 крупным капиталистическим хозяйствам из каждой тысячи крупных и крупнейших хозяйств, размеры которых превышают 100 га. Они получали льготы в кредитовании и налогообложении, со своей стороны принимая лишь обязательство производить стандартизованную продукцию, могущую быть поставленной на заграничные рынки. О том, какая судьба

ожидала итальянского мелкого крестьянина, недвусмысленно высказался в свое время президент Конфиндустрии Чиконья: «Принимая принципы общей сельскохозяйственной политики, нельзя допустить, чтобы продолжало существовать распыленное мелкое хозяйство. Сельское хозяйство, соответствующее требованиям внутреннего и внешнего рынка, должно прийти к конструктивному симбиозу с промышленностью, должно само индустриализироваться» [6].

Глава комитета по сельскохозяйственным вопросам «Общего рынка» Мансхольт также заявил, что итальянское сельское хозяйство может стать конкурентоспособным в том случае, если из деревни будут вытеснены 4 млн. крестьян [7]. Подсчитано, что за 1950—1960 гг. деревню покинуло около 1800 тыс. крестьян [8].

Развитие капиталистических хозяйств, богато оснащенных техникой, также вело к сокращению сельского населения, поскольку для этих хозяйств не надо было столько батраков, сколько их было занято ранее, без машин. Такое сокращение сельского населения было в интересах буржуазии и политически, поскольку в Италии батраки издавна придерживаются весьма левых политических взглядов и, как правило, голосуют за коммунистов.

С чисто производственной точки зрения создание хозяйств капиталистического типа решает ряд задач. Например, в Италии бо́льшая часть зерновых производится именно этими хозяйствами, производительность труда в них не уступает среднему европейскому уровню, и в результате Италия в целом обеспечивает себя зерном. Введение свободной торговли зерном в рамках «Общего рынка» грозит разорением только наиболее слабым хозяйствам, т. е. в первую очередь крестьянским.

Более сложным было положение в других отраслях сельского хозяйства. Италия способна удовлетворить потребности всей капиталистической Европы в овощах и фруктах. Однако традиционная продукция итальянских крестьян и даже хозяйств помещичьего типа на Юге слишком разнообразна по качеству для современного крупнокапиталистического рынка и поэтому практически не может быть закуплена крупнейшими оптовыми покупателями. В связи с этим перед сельским хозяйством была поставлена задача производить в массовом масштабе строго стандартизованную (хотя бы и худшего, чем ранее, качества) продукцию, которая может храниться в течение двух-трех дней, необходимых для транспортировки ее к потребителю. С этим связано выведение новых

[6] Tendenze del capitalismo italiano, v. I. Roma, 1962, p. 60.

[7] «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 8, Приложение, стр. 46.

[8] «24 Ore», 22.VI 1962.

сортов овощей и фруктов, переход на промышленные методы их возделывания и сбора, а также первичной обработки, что в свою очередь требует замены большинства старых садов и самое главное крупных капиталовложений, посильных только относительно крупным хозяйствам, специально с этой целью финансируемым государством.

Одно из наиболее доходных, но и наиболее капиталоемких направлений в развитии производства фруктов и овощей — это организация их производства до и после сезона массового созревания данного плода. В условиях Италии для достижения этой цели достаточно построить относительно простые так называемые холодные теплицы, покрытые пленками из пластиков. Таким путем можно получать урожаи на месяц — два раньше или позже соответствующего сезона, продавая продукцию по повышенным в три — пять раз ценам. Это особенно выгодно на Юге.

Примером зоны, перешедшей на производство массовой стандартизованной продукции, может служить провинция Верона и прилегающие к ней районы, где на больших площадях почти монокультурно возделывается особый сорт персика, способного переносить транспортировку в Германию.

Италия никогда не удовлетворяла свои потребности в продукции животноводства и продолжает и теперь завозить большое количество мяса и мясных изделий, а также животных жиров, особенно сливочного масла. В конце 50-х годов усиленно пропагандировались сокращение производства зерновых и садово-огородных культур и переход на животноводство. Но низкий технический уровень сделал его нерентабельным. Создание крупных мясных фабрик оказалось возможным и относительно простым только в птицеводстве, где был достигнут такой прирост объема производства, что курица стала в Италии к 1965 г. самым дешевым видом мяса. Проблема же мясного скотоводства так и осталась нерешенной.

В целом производительность труда в сельском хозяйстве Италии сильно отстает от многих капиталистических стран: она составляла в 1964—1965 гг. лишь 21% от уровня США и была вдвое ниже, чем во Франции и ФРГ [9].

Важным фактором развития сельского хозяйства в Италии явились государственные капиталовложения, оказавшие положительное влияние главным образом на укрепление хозяйств капиталистического типа вследствие того, что основная часть государственных ассигнований была предоставлена именно этим хозяйствам.

[9] OCED Labour Force Statistics 1968, Paris; Yearbook of National Accounts Statistics, 1967.

Быстро развивающейся сферой хозяйственной деятельности явилось в Италии в эти годы оказание разного рода услуг, в первую очередь всего того, что связано с обслуживанием туристов. Туристический поток все эти годы непрерывно возрастал, достигнув в 1968 г. цифры 27 млн. и в 1970 г.— 32 млн. туристов в год. Подавляющее большинство их передвигалось на автомашинах, ввиду чего создание сети первоклассных дорог со всем необходимым обслуживанием стало весьма важной задачей для итальянской экономики. Туристы тратили в Италии большие деньги, в огромной степени содействуя созданию почти постоянного положительного сальдо платежного баланса страны и укреплению положения итальянской лиры на международном валютном рынке.

В сфере обслуживания также шел быстрый процесс концентрации капитала. Все бензоколонки, как правило, принадлежат крупнейшим итальянским и иностранным нефтяным монополиям, но сдаются ими в аренду. Техническое обслуживание автомашин обеспечивается огромным количеством мелких мастерских, среди которых выделяются немногочисленные более крупные предприятия, принадлежащие важнейшим автомобильным фирмам, итальянским и иностранным. Большинство гостиниц также принадлежит мелким и мельчайшим предпринимателям, хотя в последние годы развернулось довольно широкое наступление монополистического капитала и в этой области. Появились в Италии и такие объединения, как сеть современных гостиниц «Жолли» (более 50 в разных городах страны), а также международный трест гостиниц класса суперлюкс «Хилтон».

В торговле в течение всего рассматриваемого периода развертывалось наступление монополистического капитала. В сбыте продовольственных товаров все бо́льшую роль начинают играть универсальные магазины самообслуживания системы «супермеркато» («сверхрынков»), в которой руководящую роль играет американский капитал. По всей стране их насчитывается более 200. После 1966 г. магазины этого типа появились даже в мелких городках и из-за своих небольших размеров получили уменьшительное название «суперетты». В торговле промышленными товарами в Италии образовалась параллельная сеть частной монополии «Ринашенте — УПИМ» (118 магазинов в 1967 г.) и более слабого объединения «Станда», связанного с фирмой «Эдисон». Универсальные магазины играют ведущую роль в определении изменений спроса, навязывая покупателям товары, производимые крупными монополиями.

Исключительно большое значение для всего экономического развития Италии имел постоянный рост ее внешней торговли. Для Италии, лишенной собственных крупных источников сырья, внешняя торговля является одним из важнейших видов экономической

деятельности: в конечном счете от состояния внешней торговли зависит положение всей ее экономики. По своим размерам импорт составляет около $^1/_6$ национального дохода Италии.

Объем внешней торговли возрастал после 1953 г. в значительно большей мере, чем объем промышленной продукции, но и здесь имели место спады, связанные с кризисными явлениями как внутри Италии, так и в других капиталистических странах. Для Италии является характерным, что при падении деловой активности в стране сокращается в первую очередь импорт сырья и промышленного оборудования, ввиду чего почти исчезает обычное для Италии отрицательное сальдо ее торгового баланса. Эта видимость улучшения внешнеторгового положения страны в действительности оказывается предвестником серьезных хозяйственных затруднений внутри страны. Это наблюдалось и накануне кризиса 1958 г., и перед более долгим кризисом 1964—1965 гг. Затем импорт скачкообразно возрастает и убыточность внешней торговли восстанавливается к общему удовлетворению.

Структура итальянского экспорта и импорта значительно изменилась за рассматриваемый период. В импорте все больший удельный вес занимают сырьевые материалы и современные виды промышленного оборудования, но важной статьей является и ввоз продуктов животноводства. В экспорте почти не стало сырья и полуфабрикатов, но зато все больше готовых изделий всех отраслей промышленности, обработанной сельскохозяйственной продукции и промышленного оборудования. Другими словами, структура внешней торговли отражает глубокие качественные изменения, происшедшие в этот период в итальянской экономике.

Географическая направленность внешней торговли также претерпела заметные изменения. Прежде всего имел место постоянный более быстрый рост торговли со странами «Общего рынка». Если в 50-е годы главным торговым партнером Италии, особенно по импорту в Италию, были США, то затем их место было занято Западной Германией, за которой следует Франция. Торговые связи со странами зоны свободного обмена также увеличивались, но более низкими темпами. Объем торговли с бывшими колониальными странами несколько снизился. В то же время Италия взяла довольно решительный курс на расширение торговли с социалистическими странами, прежде всего потому, что экономика этих стран не подвержена циклическим колебаниям. Итальянское правительство, а точнее, монополии Италии оказали решительное сопротивление попыткам американских правящих кругов воспрепятствовать развитию этой торговли. Так, Италия в лице ИРИ первой среди западноевропейских стран стала поставлять в Советский Союз стальные трубы большого диаметра, числящиеся в списках НАТО стратегическим материалом, и первой же в лице ЭНИ стала

закупать в СССР большие партии нефти, вызвав этим дополнительный гнев «семи сестер». Рост советско-итальянской торговли начался примерно с 1957 г., почти удваиваясь каждые следующие два года. Заключенное в 1966 г. соглашение с ФИАТ о его участии в строительстве автомобильного завода в г. Тольятти считается крупнейшей разовой сделкой за всю историю мировой внешней торговли. Все же по объему товарооборот со всеми социалистическими странами составляет лишь около 5—7% внешнеторгового товарооборота Италии.

Несмотря на отрицательное сальдо торгового баланса, Италия почти все годы имела положительный платежный баланс. Дело в том, что доходы от иностранного туризма и переводы денег в Италию работающими за границей эмигрантами в сочетании с фрахтом итальянских торговых судов не только перекрывали убыток от импорта, но и позволяли стране накапливать значительные резервы золота и обратимой валюты. В этом плане исключением является лишь 1963 год, характерный массовой утечкой итальянских капиталов за границу накануне начала кризиса. Благодаря высоким валютным запасам Италии положение ее валюты — итальянской лиры — на международном рынке постепенно укреплялось. До 1958 г. она была ограниченно конвертируемой, затем была введена ее обратимость в рамках «Общего рынка», а через несколько лет и полная, ничем не ограниченная обратимость. Если в первые послевоенные годы курс доллара на черном рынке далеко превосходил официальный обменный курс лиры, то к началу 60-х годов правительство смогло отказаться от установления официального курса, а фактический обменный курс доллара к лире обнаружил тенденцию к медленному снижению.

Национальный доход Италии рос быстрыми темпами — около 5% в год, и за период с 1953 по 1969 г. он возрос более чем в 4 раза при исчислении в текущих ценах и примерно в 2,5 раза, если за основу подсчета взять неизменные цены [10]. По этому показателю Италия оставила позади все страны Западной Европы, а во всем мире уступает только Японии.

Но, несмотря на столь высокие темпы роста национального дохода, последний в расчете на душу населения был значительно ниже уровня более развитых капиталистических стран Западной Европы и США. Так, в 1968 г. национальный доход на душу населения в Италии был почти в 2 раза ниже, чем во Франции, в 1,5 раза — в ФРГ и Бельгии, в 2,5 раза ниже уровня Швеции и в 3 раза ниже, чем в США [11].

[10] UN Statistic Yearbook 1959—1969.

[11] Annuario statistico italiano, 1969.

Все развитие итальянской экономики после 1953 г., как и вообще за весь послевоенный период, проходит в условиях хронической инфляции. Разничные цены на продукты питания и одежду постоянно росли примерно на 3—4% в год, а с учетом роста квартирной платы индекс стоимости жизни увеличивался еще быстрее.

Неуклонное обесценение денег внутри страны в значительной мере сводило на нет повышение номинальной заработной платы, которое рабочее движение завоевывало в упорной борьбе с предпринимателями. Действительно, с 1953 по 1968 г. номинальная заработная плата возросла по официальным данным в 2,6 раза. Но одновременно в 1,6 раза увеличились розничные цены. В результате реальная заработная плата итальянских трудящихся поднялась за эти годы примерно в 1,5 раза, что является большим достижением рабочего класса и других трудящихся слоев Италии[12].

Объективная причина роста заработной платы в Италии состоит в том, что по мере развития промышленности и других отраслей народного хозяйства возрастает потребность во все более квалифицированной рабочей силе, способной пустить в ход современную сложную технику. Повышение стоимости рабочей силы соответственно ведет под давлением рабочего движения и к увеличению ее цены. Кроме того, следует иметь в виду, что на более современных предприятиях, предъявляющих спрос именно на самую квалифицированную рабочую силу, организация труда и производства такова, что интенсивность труда и плотность загрузки рабочего времени сильно возрастают. Благодаря этому предприниматель получает более высокую прибыль и в том случае, если он платит «своим» рабочим повышенную зарплату.

Занятость имеющейся в Италии рабочей силы постепенно возрастала вплоть до кризиса 1964—1965 гг. Уходящие из сельского хозяйства работники поглощались промышленностью и сектором услуг, занятость в которых росла и за счет нормального демографического роста. В середине 60-х годов было отмечено снижение занятости в промышленности и в экономике Италии в целом, а позже продолжала расти только занятость в секторе услуг. До этого в общественное производство было вовлечено значительное число женщин, которые при возникновении затруднений увольнялись в первую очередь.

Все эти годы Италия продолжала оставаться страной с самым высоким уровнем безработицы среди всех западноевропейских государств. Количество безработных (в тыс.), по данным Министерства труда [13], было следующим:

[12] «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 8, Приложение.

[13] Данные ИСТАТ почти вдвое ниже.

1952 г.	2073	1963 г.	1196
1954 г.	2197	1964 г.	1204
1955 г.	2161	1965 г.	—
1958 г.	954	1966 г.	—
1959 г.	1873	1967 г.	1106
1960 г.	1547	1968 г.	1048
1961 г.	1508	1969 г.	1020
1962 г.	1310		

В 50-е годы проблема безработицы была едва ли не самой жгучей во всей итальянской экономике, для частичного и временного решения которой тратились огромные средства из государственного бюджета. В этот период абсолютное число безработных с учетом лиц, впервые ищущих работу, превышало 2 млн. человек. Позже положение несколько улучшилось, но практически безработица не падала ниже 1 млн. человек и резко увеличилась в кризисные 1964—1965 гг. К безработным, оставшимся внутри страны, следует добавить примерно 300 тыс. человек, ежегодно покидающих Италию в поисках работы. Правда, в отличие от прошлого, когда эмиграция шла главным образом за океан и эмигрант, как правило, покидал родину навсегда, ныне поток эмигрантов направляется прежде всего в западноевропейские страны— Швейцарию, Западную Германию, Бельгию, Францию, и эмигрант рассчитывает вернуться в Италию по прошествии 4—6 месяцев.

Безработица в Италии носила явно выраженный структурный характер. Даже при наличии значительного количества свободных рабочих мест сотни тысяч людей не могли найти себе работы потому, что не имели никакой профессиональной подготовки, будучи не только не обученными никакому ремеслу, но и практически полуграмотными в самом прямом значении этого слова. И за границей итальянцы шли ввиду этого на самую неквалифицированную работу. В этом отношении Италия играла роль колониального резерва рабочей силы для более развитых стран капиталистической Европы.

Налогообложение в Италии не отличалось особенно высоким уровнем, что, видимо, объясняется большой политической активностью широких масс населения.

Что касается военных расходов страны, то фактически они находились едва ли не на самом низком уровне среди всех западноевропейских стран. Из государственного бюджета на военные нужды было ассигновано в 1967 г. лишь 2,9% конечного общественного продукта по сравнению с 5,3 во Франции, 5,7 в Англии, 4,3 в ФРГ, 9,8 в США, 6,7% в Португалии и т. д.[14] Львиная

[14] «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 8, Приложение.

доля этих средств шла в Италии на содержание личного состава армии и флота, тогда как военное снаряжение обновлялось лишь в небольшой степени.

Извечной национальной проблемой Италии является, как известно, постоянное экономическое отставание Юга от северных районов страны. Послевоенные правительства, главным образом под давлением демократических сил, предпринимали некоторые шаги для ликвидации этого несоответствия в экономическом развитии двух частей страны. В частности, было создано специальное государственное учреждение — Касса Юга, во главе которого стоял министр без портфеля. В распоряжение Кассы Юга предоставлялись большие денежные средства. Коммунистическая и социалистическая партии голосовали в 1950 г., однако, против законопроекта о создании Кассы Юга, считая, что определяемое им направление деятельности не соответствовало реальным потребностям Юга Италии и что, с другой стороны, было недостаточно обеспечено влияние демократических сил на эту организацию.

В целях осуществления закона о Кассе Юга было официально определено само понятие «южные районы». Сюда вошли итальянские острова и континентальная часть, начинающаяся с областей Абруццы-Молизе и провинции Латина области Лацио. Было установлено, что вся предпринимательская деятельность в этом обширном районе подпадала под законы о предоставлении специальных налоговых и кредитных льгот. Что же касается государства, то оно взяло на себя создание так называемой инфраструктуры, куда входили дороги, линии связи, электроснабжение, а также снабжение водой, газом — словом, все, что привлекало бы частный капитал в эти районы. Демократические силы считали, что государство должно использовать общественные средства не в целях привлечения частного капитала, а для планомерного экономического развития целых районов, с тем чтобы последствия такого государственного вмешательства благотворно отражались на экономическом положении всего Юга.

Для постройки в отсталых районах Юга новых, находящихся на высоком техническом уровне предприятий требовались не только развитая инфраструктура, но и наличие двух других важнейших производственных условий: достаточно квалифицированной рабочей силы и рынка сбыта. Ни того, ни другого на Юге не было. Коммунисты и социалисты предлагали наладить подготовку квалифицированных кадров на месте, а дополнительный потребительский спрос создать путем некоторого увеличения заработной платы местным рабочим и служащим.

Правительство не приняло этого направления в деятельности Кассы Юга, а когда к концу 50-х годов стал очевидным провал политики создания инфраструктуры и привлечения частного капи-

тала на Юг, оно пошло по другому, обычному в таких случаях для капиталистических стран пути. В южном вопросе, вопреки возражениям демократических сил была принята политика создания «полюсов развития». Вся территория Юга была более или менее произвольно разбита на ряд зон. В отдельных центрах намечалось построить — в том числе и на государственные средства — новые современные предприятия, вокруг некоторых из них образовать городские поселения современного типа, а что касается всей остальной территории Юга, то имелось в виду ждать, когда созданные таким путем «промышленные оазисы» окажут на них необходимое воздействие. Ввиду явной слабости этого, так сказать, стратегического плана было одновременно, опять-таки под давлением демократических сил, решено, что государственные промышленные объединения ИРИ и ЭНИ должны неуклонно увеличивать свои капиталовложения на Юге, доведя их к 1964 г. до 40% по ИРИ и до 60% по ЭНИ против 25% и 20% (соответственно) в период 1951—1959 гг. [15]

Можно считать, что в количественном отношении эти планы, разработанные для поднятия Юга, были выполнены. Государственные предприятия действительно увеличивали капиталовложения в южные районы, создав в частности первоклассный нефтеперерабатывающий завод в Джела, сверхсовременный металлургический и трубопрокатный камбинат в Таранто, ряд предприятий в Бари и в районе Неаполя. В эти и в некоторые другие районы, например в провинцию Латина и на Сардинию, был привлечен в известной мере и частный капитал, итальянский и иностранный.

Однако, как и предвидели прогрессивные экономисты, влияние «полюсов развития» на общий экономический подъем Юга оказалось весьма слабым. Северные монополии, вкладывая на Юге капиталы на льготных условиях, вывозили прибыли от них для инвестиций на Севере, лишь в небольшой мере использовали местную рабочую силу и почти совсем не содействовали повышению квалификации местного населения. Таким образом, получалось, что средства, затрачиваемые правительством на Юге, через систему монополистического перераспределения через короткий срок уходили в сейфы северных монополий. В итоге, хотя уровень экономического развития Юга несколько повысился, северные районы продолжали развиваться более высокими темпами, чем Юг, и разница в экономическом уровне этих двух частей Италии не только не сократилась, но и значительно возросла. Так, если в 1951 г. подушный доход на Юге составил 63,1% средненационального уровня, то в 1964 г.— только 56,6% [16].

[15] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 71.
[16] «Rinascita», 24.X 1965.

Тем не менее, а скорее именно поэтому, правящие буржуазные круги по истечении 15-летнего срока, который был предусмотрен по закону о Кассе Юга, внесли законопроект о продлении ее деятельности еще на 5 лет. Коммунисты по упомянутым выше причинам и на этот раз голосовали против предложения правительства, хотя в принципе они считали, что роль государства в подъеме экономики Юга должна быть значительной. Социалистическая партия к этому времени уже вошла в правительственную коалицию и поддержала новый законопроект. Парламентарии от Итальянской социалистической партии пролетарского единства голосовали вместе с коммунистами против него.

Несколько слов о причинах высоких темпов роста экономики Италии.

Высокие показатели экономического развития итальянской экономики, особенно промышленности, за послевоенный период дали повод итальянским буржуазным экономистам и политикам поднять шум по поводу так называемого итальянского экономического чуда. Правда, кризис 1964—1965 гг. устранил этот термин из политического и экономического лексикона в Италии. Но он любопытен в том смысле, что речь идет о «чуде», т. е. о явлении, которого никто не ожидал. С буржуазной стороны была сделана попытка подвести под него теоретический фундамент, впрочем лишенный оригинальности, анализа и выводов. Часть буржуазных экономистов выступила с утверждениями о мнимом преодолении в Италии цикличности развития экономики при капитализме, о некоем «безкризисном капитализме», способном якобы развиваться по восходящей непрерывно линии. Жизнь быстро рассеяла эти утверждения. После этого стали говорить о мнимом изменении социальной структуры и природы капиталистического общества. Обосновывая положение о вступлении капитализма в особую фазу «общества благосостояния», буржуазные идеологи ссылаются на «вторую техническую революцию» и на так называемую революцию в доходах, благодаря которой якобы исчезают классы капиталистов и наемных работников и постепенно их место занимает некий неопределенный «средний класс», именуемый так ввиду его средних по размерам доходов [17].

Для объяснения причин быстрого развития итальянской экономики в послевоенный период совершенно нет необходимости обращаться к сверхъестественным и иным «чудесным» силам. Как известно, для развития всякого капиталистического производства необходимо прежде всего наличие спроса на производимые им товары и услуги, причем спроса платежеспособного. Такой потенциальный спрос — но еще не платежеспособный — был создан воен-

[17] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 230.

ным периодом и известен обычно под названием «накопленного» или «подпруженного» спроса: во время войны население не имело возможности удовлетворять свои потребности в самых элементарных товарах, спрос на них накопился, покупатель был готов брать на рынке все, что только туда поставляется.

Однако именно потому, что речь идет о производстве капиталистическом, для удовлетворения этого спроса, т. е. для начала производства товаров и услуг, ожидаемых населением, необходим капитал. Отсутствие свободных капиталов превратилось в решающую экономическую проблему в первое послевоенное пятилетие, поскольку другой важнейший компонент капиталистического производства — рабочая сила — был налицо и даже в избытке. Деньги, полученные Италией по плану Маршалла, несмотря на их весьма ограниченные суммы, послужили своего рода «первичным накоплением», дали толчок промышленному производству, а вместе с тем и восстановлению в полном масштабе капиталистических производственных отношений. К 1953 г. итальянская капиталистическая производственная машина уже успела набрать довольно высокие обороты, спрос и рабочая сила по-прежнему были в избытке, легкая реализация готовой продукции поставляла все новые капиталы для дальнейшего расширения производства.

Это последнее было облегчено и ускорено тем обстоятельством, что в области производственного спроса тоже было налицо его «накопление»: годы войны, а еще ранее 20-летие политики автаркии привели к тому, что практически все оборудование итальянских предприятий подлежало полной замене. Следовательно, размах капиталовложений ограничивался только реальным наличием капиталов и способностью строительной промышленности выполнять поступающие со всех сторон заказы. Этот процесс активизировали новые достижения науки и техники, сделавшие возможным появление целых новых отраслей промышленности в Италии. Процесс массового обновления основного капитала имел место в 1950—1956 и 1960—1962 гг., вызывая рекордные взлеты индекса промышленной продукции. В 1966—1967 гг. начался новый период обновления оборудования на итальянских предприятиях, сопровождающийся новым — хотя и более скромным, чем раньше,— подъемом в промышленном производстве. Это является одной из важнейших пружин экономического развития в Италии. Введение новейшей техники позволило достигнуть в Италии такого уровня производительности труда, который в ряде отраслей превысил средние для Западной Европы показатели. В целом производительность труда в этой стране выросла с 1948 по 1960 г. в 2 раза и продолжала расти [18].

[18] Tendenze del capitalismo italiano, v. I, p. 36.

В других западноевропейских странах, включая и Западную Германию, рост промышленности периодически наталкивался на нехватку рабочей силы. В Италии этот тормоз в общем отсутствовал, хотя временами и ощущалась нехватка наиболее квалифицированных рабочих. Постоянный приток новых рабочих рук из деревни позволял итальянским предпринимателям сохранять низкий уровень заработной платы. Спрос на дешевые итальянские товары на внешних рынках повышался.

Расширение внешней торговли компенсировал недостаточно быстрый рост внутреннего спроса в последние годы. Следует отметить в этой связи, что вступление Италии в ЕОУС и затем в «Общий рынок» сильно расширило рынок сбыта для ее продукции и явилось в целом выгодным для ее промышленности, хотя и поставило в трудное положение ее сельское хозяйство.

Отметим, наконец, что значительный дополнительный толчок развитию промышленности в Италии был дан открытием в послевоенные годы существенных месторождений нефти и газа, что облегчило для нее нахождение новых источников энергии. Правда, их не хватало для покрытия всех потребностей, и в Италии были построены четыре промышленные атомные электростанции.

Другими важными дополнительными моментами явилось развитие иностранного туризма в Италию, приведшее к созданию практически целой новой отрасли услуг, а также приток в Италию иностранного капитала. Доля иностранного капитала в ежегодных капиталовложениях в стране достигает 16% [19].

Экономическое развитие Италии нельзя рассматривать лишь как простой процесс капиталистического роста вообще. В таком случае была бы допущена недооценка тех новых возможностей, которые открылись перед рабочим классом в борьбе за демократическое и социалистическое преобразование Италии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Рассматриваемый здесь период ознаменовался крупными и тяжелыми классовыми боями итальянских трудящихся против монополий в защиту демократического строя, завоеванного в условиях антифашистского единства на основе движения Сопротивления, против попыток правящих кругов тем или иным способом ликвидировать или выхолостить те положения итальянской конституции, которые давали реальные демократические пра-

[19] *С. Сибастианелли.* Итальянский пролетариат и «антиконъюнктурная» политика.— «Новое время», 1965, № 20.

ва трудящимся массам. Эта борьба принимала различную форму на разных этапах, но она неизменно означала борьбу демократических сил страны во главе с компартией за развитие прав народа, за их укрепление и углубление. Важной составной частью этого сложного процесса была также борьба за экономическую демократию, за ограничение всевластия и произвола государственно-монополистического капитала Италии в производстве и распределении. Наконец, пусть на заднем плане событий, но все же важной была и борьба демократических сил за новую, мирную внешнюю политику Италии, за ее отход от НАТО, за добрососедские и дружественные отношения со всеми странами, прежде всего с социалистическими.

После 1953 г. активизируется борьба между монополистической буржуазией (причем внутри самой этой группировки происходили важные изменения ввиду роста молодых, динамичных монополий), с одной стороны, и пролетариатом с его естественными союзниками в лице сельского пролетариата и мелкобуржуазных слоев города и деревни — с другой. Формой этой классовой по своему содержанию борьбы было противоборство двух основных политических сил страны: христианско-демократической партии, как важнейшего политического орудия итальянской монополистической буржуазии, и Итальянской коммунистической партии, представляющей собой политический авангард рабочего класса Италии. Христианские демократы пользовались для обеспечения своей политической монополии услугами союзников в лице главным образом трех партий: либеральной, республиканской и социал-демократической.

Либеральная партия — традиционная партия Италии — представляла в основном интересы средней немонополистической буржуазии (в первые послевоенные годы ее поддерживали и монополистические группы). Идейной платформой партии является свободная капиталистическая конкуренция. Партия довольно последовательно выступала против вмешательства государства в экономику, имела большую поддержку со стороны Конфиндустрии, председателем которой долгие годы был либерал Коста. Результаты нового развития в экономической жизни оказывают на либеральную партию довольно своеобразное влияние: из нее ушло в 1960 г. ее левое — довольно слабое — крыло, присоединившееся позже к социал-демократам. Основное же ядро партии упорно продолжало отстаивать прежние позиции, что является отражением того факта, что и при очень высокой степени концентрации капитала устойчиво сохраняется более или менее обширная прослойка средней буржуазии и ее либералистская идеология.

Республиканская партия — одна из самых старых в Италии; она была создана еще в 1832 г., сыграла видную роль в период объединения Италии и официально придерживается идей Джузеп-

пе Мадзини. Даже ее символ — лист плюща — избран в память о плюще, росшем на тюремном окошке этого идеолога объединения Италии. Партия республиканцев — в основном мелкобуржуазная по своему составу и идеологии партия, политическая линия которой лишена последовательности и практически определяется личными воззрениями тех ее лидеров, которые в данный момент имеют в ней наибольшее влияние. Таким лидером в конце 50-х годов стал Уго Ла Мальфа, довольно крупный экономист и сторонник широкого государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, «политики доходов» и повышения любой ценой эффективности производства. Для республиканской партии характерны устойчивые антикоммунистические предрассудки. Правое крыло этой партии во главе с Рандольфо Паччарди, бывшим командиром гарибальдийских отрядов в Испании, постепенно сползло на антидемократические, авторитарные позиции, впрочем часто присущие мелкой буржуазии. Исключенный из республиканской партии, Паччарди основал в начале 60-х годов маловлиятельное профашистское движение «За новую республику».

Социал-демократическая партия, созданная в 1947 г. в результате раскола социалистической партии, практически не имела своей собственной политической линии. Ее позиции довольно точно совпадали с позициями других партий Социалистического интернационала, членом которого она являлась. Вместе с тем фактически единоличный лидер этой партии Джузеппе Сарагат стоял на сравнительно левых позициях в международной социал-демократии, а к середине 50-х годов — первым среди социал-демократов Европы — постепенно пришел к признанию в принципе возможности сотрудничества с коммунистами в конкретной политической борьбе. Именно голосами последних он был избран президентом республики в декабре 1964 г. Позже вновь сдвинулся вправо.

Характерной особенностью послевоенной Италии было то, что здесь мощная компартия, располагающая массовой базой, имела и других организованных политических союзников. В течение долгого времени бок о бок с коммунистами боролись итальянские социалисты, но к середине 50-х годов это сотрудничество стало ослабевать в связи с некоторым повышением уровня жизни трудящихся и усилением ввиду этого внутри рабочего движения реформистских настроений, сказавшегося прежде всего на социалистической партии. Правда, этот процесс коснулся только правого крыла социалистической партии, тогда как левые социалисты, сперва внутри социалистической партии, а затем образовав Итальянскую социалистическую партию пролетарского единства, продолжали лучшие традиции этого союза, давшего итальянскому рабочему движению возможность добиться серьезных завоеваний в экономической и политической областях.

Влияние политических позиций компартии не ограничивалось классовыми организациями сознательного пролетариата и других трудящихся. В ряде случаев по отдельным проблемам коммунисты достигали сотрудничества с католическим движением, а в парламенте — с социал-демократами и республиканцами как представителями мелкобуржуазных кругов итальянского населения. Предложения и требования коммунистов по разрешению конкретных проблем итальянской жизни оказывали постоянное влияние практически на все политические силы, не связанные с монополистическим капиталом, побуждая их — особенно в местном масштабе — на те или иные формы сотрудничества с компартией. Это постоянно разлагало и ослабляло антикоммунистические настроения, долгие годы сохранявшиеся в среде итальянской мелкой буржуазии.

В итальянской истории в 1953—1970 гг. можно условно выделить несколько периодов, в течение каждого из которых политическая борьба имела свои характерные особенности.

В соответствии с основными поворотами в политической тактике итальянской буржуазии и с развитием борьбы между нею и трудящимися Италии, руководимыми коммунистами, эти годы довольно четко распадаются на три основных этапа: годы так называемой центристской политики с 1953 по июль 1960 г., реакционная авантюра Тамброни летом 1960 г. и последовавшие за нею полтора года переходного правительства, а затем левоцентристский этап, начавшийся в январе 1962 г. и продолжавшийся до середины 1968 г., формально сохранившийся и позже.

Своеобразными рубежами являются также международные события 1956 г., победа демократических сил в июле 1960 г. и консервативная трансформация левого центра в 1963—1964 гг. до кризиса политики левого центра в середине 1968 г.

ЦЕНТРИЗМ

Парламентские выборы 7 июня 1953 г. имели исключительно важное значение для всего последующего развития политической обстановки в стране.

Основным результатом выборов было серьезное политическое поражение правящих кругов итальянской буржуазии. Главная партия, на которую они опирались в политической борьбе — христианско-демократическая — собрала на 2 млн. голосов меньше, чем в 1948 г. Это составило лишь 40,1% всех поданных на выборах голосов (48% в 1948 г.). Такое голосование означало, что ХДП утратила абсолютное большинство в парламенте, полученное ею вместе с союзниками после выборов 1948 г. Оно означало также, что «мошеннический закон», целью которого было дать ХДП и ее

союзникам $^2/_3$ мест в итальянском парламенте, достаточных для автоматического принятия любого закона, был отвергнут страной.

Это крупное поражение ХДП имело тем большее значение, что оно сопровождалось значительным сдвигом влево большой части избирателей: компартия, несмотря на всю антикоммунистическую травлю прошедших пяти лет, собрала 6,1 млн. голосов, или 22,6%, а социалисты — почти 3,5 млн. голосов, или 12,7%. «Левые» сателлиты ХДП — республиканцы и социал-демократы,— поддерживавшие ее политику, едва набрали 2,2 млн. голосов (6,1%). Из этих данных следовало, что коммунистическая и социалистическая партии привлекли к себе часть избирателей, ранее голосовавших за ХДП и ее союзников. С другой стороны, часть голосов ХДП отошла к правым партиям, за которые проголосовали 4,2 млн. избирателей (монархисты — 1,8 млн., или 6,9%, и неофашисты — 1,6 млн., или 5,8%).

Итоги выборов 1953 г. перечеркнули всю послевоенную политику итальянской буржуазии, базировавшуюся на стремлении «легальным» путем ликвидировать те большие демократические завоевания итальянского народа, которые явились плодом победы в антифашистской борьбе. Тем самым была отбита еще одна атака буржуазных консервативных и реакционных кругов на демократические институты. Пальмиро Тольятти отмечал в этой связи, что победа народных сил на выборах «помешала подлинному реакционному государственному перевороту, т. е. ликвидации парламентских и демократических свобод путем открытого перехода к режиму тоталитарного типа, что входило в расчеты клерикальной партии и ее сателлитов и должно было осуществиться путем применения мошеннического избирательного закона» [20].

Поражение на выборах 1953 г. поставило итальянскую буржуазию перед трудной проблемой поисков новых методов сохранения и укрепления политической гегемонии. Среди итальянской буржуазии на этот счет не было единодушия. Политика Де Гаспери, предусматривавшая восстановление и развитие капиталистических производственных отношений на основе классической буржуазной линии Эйнауди — Пелла (рыночный капитализм без государственного вмешательства, сокращение доли трудящихся в национальном доходе), имела определенный успех в экономике, но оказалась банкротом в политике. Действительно, хозяйственная мощь монополий была восстановлена, но политическая стабилизация власти не была достигнута, ее позициям по-прежнему и даже в большей степени, чем раньше, угрожали мощные демократические силы, оспаривавшие буквально на каждом шагу национальное руководство у буржуазии. В то же время внутри самой буржуазии назре-

[20] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1965, стр. 801.

ли важные изменения в соотношении сил в пользу «новых» крупных монополий типа ФИАТ и ЭНИ и в ущерб буржуазным кругам, связанным с землевладением и традиционными отраслями итальянской промышленности.

Простейший ответ на эту проблему — попытка просто продолжать старую политику в старой форме, как если бы ничего не случилось — быстро потерпел фиаско. Вновь сформированное после выборов правительство Де Гаспери не получило доверия в парламенте, и своего рода эпилогом этого провала явилась последовавшая вскоре после этого смерть самого Де Гаспери.

История многих стран говорит о том, что в тот момент, когда буржуазия начинает испытывать трудности в осуществлении своей власти, она прежде всего пытается ликвидировать существующие в стране демократические свободы и тем оградить себя от политической конкуренции со стороны демократических сил. Итальянская буржуазия отнюдь не представляет собой в этом отношении исключения. Другое дело, что ее положение в 50-е годы было гораздо более трудным, чем в любой иной развитой капиталистической стране, и политически она была менее сильна. Она по сути дела не имела большого и положительного государственного опыта, поскольку период фашизма приходилось в политическом отношении списывать в убытки, а не опираться на него. Ей же теперь противостояла очень опытная коммунистическая партия, располагающая прочными связями с многомиллионными массами итальянских трудящихся.

Надо учитывать, что основное политическое орудие буржуазии — христианско-демократическая партия — в значительной мере состояла из настроенных антифашистски трудящихся-католиков, и это лишало итальянские монополии возможности совершать резкие политические повороты вправо. Изменение официального политического курса в Италии не могло не быть медленным, постепенным, не могло не основываться на убеждении — или иллюзиях — значительных масс населения.

Перед правительствами, приходившими на смену кабинету Де Гаспери, правящими кругами недвусмысленно вновь ставилась задача найти способ ослабления демократических сил в стране. Старые методы борьбы с ними уже оказались несостоятельными, найти новые было трудно, но жизненно необходимо. Лишенная способности сознательного анализа развития страны, буржуазия всегда пытается найти ощупью решение стоящей перед ней проблемы.

Первое правительство после провала Де Гаспери оказалось однопартийным — сказались предвыборная ссора с либералами и недовольство республиканцев и социал-демократов итогами выборов. Возглавил правительство Джузеппе Пелла, один из авторов

экономической политики предыдущего периода. В начале января 1954 г. оно в силу бездеятельности закончило свое существование. Тогда на политическую арену был выдвинут новый человек — Аминторе Фанфани, профессор политической экономии. Но его правительство, тоже однопартийное, к тому же не предложившее ясной новой политики, не получило в парламенте вотума доверия. Стало ясно, что для ХДП было необходимо привлечь союзников в правительственное большинство. Так родилась центристская коалиция — ХДП, ИЛП и ИСДП,— официально заявившая о своем намерении всеми силами бороться против коммунистов и социалистов.

Не случайно во главе этого первого центристского правительства встал первый христианский демократ Марио Шельба, печально знаменитый тем, что в бытность его министром внутренних дел в правительствах Де Гаспери постоянно и в массовом масштабе против трудящихся применялись полицейские силы. За Шельбой так и закрепилась кличка «министра полиции». Он был убежденным поборником реакционной политики, сторонником применения силы против «толпы». Лично Шельба был связан с наиболее реакционными и воинственными кругами сицилийских крупных землевладельцев, известны его связи с мафией (сицилийской террористической организацией).

Главные свои усилия правительство Шельбы направляло на разжигание антикоммунистических настроений среди итальянского населения, в частности широко используя для этого внешнеполитические вопросы. В период полугодового существования правительства Шельбы обычной темой антикоммунистической пропаганды были обвинения Советского Союза в агрессивных намерениях, а итальянских коммунистов и социалистов — в том, что они якобы составляют в Италии советскую «пятую колонну». Попытки применения насилия внутри страны против рабочих выступлений, усилившиеся в конце 1954 г., неизбежно заканчивались провалом, приводившим к росту влияния компартии и социалистической партии. Численность последней превысила в это время 600 тыс. человек.

В январе 1955 г. состоялась IV национальная конференция Итальянской коммунистической партии. Партия насчитывала к этому моменту 2 млн. 145 тыс. членов, а вместе с молодежной федерацией — более 2,5 млн., т. е. имела наибольшую численность за всю свою историю. Конференции предшествовали собрания и конференции во всех партийных организациях, были проведены перевыборы местных партийных руководителей. На конференции с докладом на тему «Борьба коммунистов за свободу, мир и социализм» выступил Тольятти, а с докладом по аграрному вопросу — Руджеро Гриеко. На ней был подведен положительный итог

деятельности партии после VII съезда и намечены задачи на будущее.

Наибольшее внимание Тольятти было уделено вопросам защиты мира. На конференции отмечалось, что обострение международной обстановки увеличивало угрозу возникновения мирового конфликта. Тольятти подчеркнул, что чрезвычайная разрушительная сила нового ядерного оружия существенно изменила характер самой войны и что хотя новая война привела бы к ликвидации капитализма как системы, порождающей войны, но военный конфликт сопровождался бы колоссальными разрушениями и гибелью огромного числа людей. Задача защиты мира и принципа мирного сосуществования, выдвинутого Советским Союзом, ставилась на одно из первых мест в деятельности Итальянской коммунистической партии.

К этому периоду относится появление первого в Италии плана экономического развития страны, подготовленного правящими кругами. В марте 1955 г. министр экономики христианский демократ Ванони представил правительству Шельбы «Схему развития занятости и дохода в Италии в десятилетие 1955—1964 гг.» В этом документе критиковалась экономическая политика прежних правительств, так называемая линия Эйнауди — Пелла, и предлагалось сосредоточить внимание на увеличении капиталовложений.

Схема Ванони с экономической точки зрения не представляла большого интереса. Его «план» имел значение прежде всего как свидетельство осознания буржуазией необходимости нового подхода к решению экономических проблем страны.

Правительство Шельбы ушло в отставку в июне 1955 г. Новым председателем совета министров стал Антонио Сеньи. Умеренный консерватор по своим убеждениям, Сеньи был известен как автор законопроекта 1953 г. о создании специального министерства для управления принадлежавшими государству предприятиями. Правительство Сеньи было по-прежнему основано на коалиции ХДП с либералами и социал-демократами и официально придерживалось прежней антикоммунистической линии. Как и при Шельбе, это правительство отвергало сотрудничество с более правыми партиями — монархической и неофашистской — «Итальянское социальное движение».

Эти две партии, ранее довольно влиятельные на Юге, потерпели поражение на выборах в парламент Сицилии и, несмотря на некоторый успех на парламентских выборах 1953 г., практически превратились в политические объединения, стоящие в стороне от большой политической игры. Монархисты сохраняли определенное влияние в Неаполе благодаря поддержке и демагогической деятельности крупного судовладельца Лауро, неофашисты — некоторую базу среди чиновников и учащихся средних учебных заве-

дений в Риме и некоторых других крупных городах. Голоса этих партий в парламенте не могли быть использованы ХДП для образования правительственного большинства на центристской основе ввиду антифашистских настроений рядовой массы ХДП.

В 1955 г. в связи с истечением полномочий президента республики Эйнауди состоялись выборы нового президента. Христианско-демократическая партия, в которой разные группы защищали различные варианты правительственного курса, пришла на эти выборы без внутреннего единства. Поэтому при голосовании, проходящем тайно, ХДП не смогла обеспечить избрание своего официального кандидата. Голоса представителей этой партии раскололись, и при поддержке коммунистов и социалистов президентом Итальянской республики на очередные семь лет был избран левый христианский демократ Джованни Гронки, не входивший ни в одну из внутренних группировок ХДП.

Общей чертой всех центристских правительств, цепь которых тянется до июля 1960 г., являлась их бездеятельность практически во всех основных вопросах политики и экономики. Это положение явилось отражением усиления противоречий в стране, особенно внутри итальянской буржуазии. В ХДП постоянно возникали все новые более или менее обособленные течения, которые делились, объединялись и снова делились. Эти процессы, занимавшие много места на газетных страницах и в дебатах на партийных съездах, были отражением борьбы внутри руководящей группы итальянской буржуазии, в которую к тому же постоянно вмешивался Ватикан. Борьба за руководящее положение среди монополистов, за право определять основные решения итальянской буржуазии и итальянского государства велась не только вокруг тех или иных назначений или постов, но и вокруг основной проблемы — каким путем остановить рост влияния демократических сил, как укрепить политическую монополию класса капиталистов. «Новые» динамичные монополии все яснее демонстрировали, что именно они способны дать толчок экономическому развитию страны, именно они способны создать новые предприятия и вывести Италию на более благоприятные экономические позиции. Но они еще должны были доказать и свою способность к политическому руководству страной, что в условиях Италии означало — показать способность нанести поражение рабочему движению.

Такое доказательство — если и не 100%-ное, то во всяком случае наиболее убедительное в новейшей истории страны — было дано, в частности, администрацией крупнейшей в то время частной монополии страны ФИАТ. И в этой связи нам придется вновь вернуться к 1953—1955 гг.

На предприятиях ФИАТ, расположенных главным образом в Турине и его окрестностях, издавна был сосредоточен отряд

рабочего класса, отличавшийся большой организованностью и боевитостью. Именно здесь начиналась деятельность Грамши и Тольятти; туринские организации социалистической партии стали в свое время одной из основных опор компартии Италии. Туринский пролетариат первым начал массовые забастовки в 1943—1944 гг. и поднял знамя антифашистского восстания в 1945 г. Эти боевые традиции сохранялись и после войны. Правда, как и на других итальянских предприятиях, профсоюзы не были признаны дирекцией в качестве официальных партнеров при переговорах о заключении коллективного соглашения, которое обновлялось каждый год. Однако на практике именно профсоюзы руководили всей экономической борьбой 80-тысячного коллектива заводов ФИАТ, поскольку коллективный договор заключался с так называемыми внутренними комиссиями, члены которых избирались всем персоналом заводов по спискам кандидатов, представленным профсоюзами. В течение всего послевоенного периода абсолютное большинство голосов рабочих на заводах ФИАТ собирала ВИКТ, ввиду чего представители входящих в эту конфедерацию профсоюзов металлистов имели руководящие позиции во внутренних комиссиях и выступали в качестве постоянных противников администрации. Основные требования, выдвигавшиеся при переговорах о коллективном договоре: повышение заработной платы, сокращение рабочего времени и улучшение условий труда и жизни занятого на заводах ФИАТ персонала. Администрация пыталась отвечать на эти требования увольнениями активистов, что вызывало бурные массовые выступления рабочих под руководством профсоюзов и рост влияния последних.

В начале 50-х годов администрация ФИАТ приступила к строительству нового огромного завода и к широкой реорганизации в связи с этим всего производственного процесса. С пуском нового завода «Мирафиори», оборудованного на высшем по тому времени техническом уровне, и началом массового выпуска микролитражных автомобилей ФИАТ-600, пользовавшихся огромным спросом, администрация ФИАТ, специально изучившая перед этим опыт американских монополий, применила новые для Италии методы борьбы с демократическим движением на своих предприятиях. Дело в том, что благодаря резкому повышению производительности и интенсивности труда на новых предприятиях и благодаря продаже автомашин по цене, значительно превышающей действительные издержки производства, дирекция ФИАТ получила в свое распоряжение новые, весьма крупные суммы, которые и были использованы для проведения политики, получившей в свое время название патернализма от латинского слова патер — отец.

В начале 50-х годов оруженосцами монополий был пущен в оборот лозунг: «Крупные фирмы — первые в техническом прогрес-

се, первые и в прогрессе социальном». При проведении переговоров в марте 1955 г. о заключении коллективного договора администрация ФИАТ резко изменила тактику. Она не только приняла требования внутренней комиссии об увеличении заработной платы и сокращении продолжительности рабочего времени, но и со своей стороны объявила о введении дополнительных премий за рост производительности труда, за выслугу лет на фиатовских предприятиях, об улучшении системы медицинского и социального обслуживания рабочих. При этом было сказано, что все эти неожиданные блага будут предоставляться рабочим при условии лояльного сотрудничества персонала с администрацией. Этот шаг не был просто демагогией, поскольку обещания дирекции были подкреплены реальными фактами, хотя все это и имело прямую политическую цель: выбить почву из-под ног профсоюзов, лишить их возможности выступать в роли защитников интересов трудящихся.

Но администрация сознавала, что одного этого было мало, для того чтобы сломить устоявшиеся и проверенные опытом традиции. Поэтому одновременно под предлогом реорганизации производства все активисты профсоюза ВИКТ были переведены в технически отсталые цеха старых предприятий, где они не только получали низкие заработки, но и были лишены возможности общаться с массами рабочих. Среди этих последних было много новых рабочих, набранных по рекомендациям священников из деревень и других городов и ранее получавших намного меньшую заработную плату. Профсоюзные активисты под разными предлогами постепенно увольнялись с заводов ФИАТ. Администрация создала в то же время свой желтый профсоюз СИДА — единственный хозяйский профсоюз в Италии, просуществовавший относительно длительное время [21].

Результатом этих энергичных, целеустремленных и экономически хорошо обоснованных действий администрации ФИАТ было то, что на предприятиях концерна демократическому профсоюзному движению действительно было нанесено крупное поражение. Традиционные боевые лозунги профсоюзов — выше заработная плата, меньше рабочее время — оказались в новых условиях беспредметными, поскольку на заводах монополии рабочие оказались в наиболее привилегированных по сравнению с трудящимися всей Италии условиях. Тем самым монополиями был создан в стране своего рода новый отряд рабочей аристократии, отличавшийся от прежней тем, что он формировался не по признаку квалификации, а на основе работы на предприятиях крупнейшей монополии.

[21] *A. Garosci.* Inchiesta àlla FiAT.

В важнейший отряд рабочего движения Италии — в ряды металлистов — был внесен раскол, что привело к ослаблению ударной силы профсоюзного движения в целом, хотя лишь незначительно уменьшило его количественный размах.

На очередных выборах внутренней комиссии классовые профсоюзы не только потеряли абсолютное большинство, но на ряде заводов их представители вообще не прошли в состав комиссий. Казалось, что монополии нашли, наконец, надежный метод борьбы с демократическим движением — налицо было его крупное поражение, тем более заметное, что оно произошло именно в Турине. Это было той основой, исходя из которой позже будет совершен поворот во всей политике итальянской буржуазии, получивший название левого центра.

Ряд других монополий попытался скопировать действия администрации ФИАТ, но в общем с весьма незначительным успехом. Некоторое время хозяйские профсоюзы существовали на заводах фирмы «Оливетти», на некоторых предприятиях «Монтекатини». Политика хозяйских надбавок к договорной заработной плате получила повсеместное распространение, давая возможность дирекции использовать их по своему произволу. Это в известной мере ослабляло действенность выступлений профсоюзов, хотя и не приводило к таким серьезным последствиям, как на ФИАТ.

Но новая тактика монополий давала нужные им результаты лишь до тех пор, пока ей противостояла старая тактика профсоюзов и левых партий. Последние, хотя и с некоторым опозданием, преодолели проявленную до этого недооценку способности современных монополий изменить свою линию поведения.

Для изучения нового положения компартией была созвана конференция коммунистов, работающих на крупных промышленных предприятиях. Большая работа по изучению новой политики монополистов и ее экономических основ была проведена ВИКТ и отраслевыми профсоюзами. В итоге было отмечено, что сложившиеся в значительной части итальянской экономики объективные условия требуют соответствующего изменения направления главного удара профсоюзного движения. Центр тяжести необходимо было перенести с чисто материальных требований на принципиально более передовое требование участия профсоюзов и внутренних комиссий в управлении предприятиями в целом, в определении в той или иной мере их производственной политики. Этот новый момент в деятельности профсоюзов, нацеленный в перспективе на введение рабочего контроля на предприятиях, постепенно начал проводиться в жизнь, профсоюзное движение вновь обрело реальную почву под ногами и получило возможность подняться на новый уровень. Влияние классовых профсоюзов было в основном восстановлено в 1957—1958 гг., хотя оно — уже по иным причи-

нам — отставало в росте от увеличения численности и удельного веса промышленного пролетариата.

Международные события 1956 г. оставили очень большой след в политической жизни Италии. Итоги XX съезда КПСС произвели неизгладимое впечатление буквально на все политические партии и классы страны. Каждая политическая партия Италии сделала свои выводы из итогов XX съезда.

Основной вывод, сделанный — конечно, не сразу — итальянскими правящими кругами, заключался в том, что отныне всякая политика, базирующаяся на концепции об агрессивном характере внешней политики Советского Союза, была бы ошибочной. Из этого следовало, что во внешней политике надо было предпринять шаги для развития торговых и иных взаимовыгодных отношений с социалистическими странами вообще, особенно с СССР, представляющим собой наиболее емкий рынок. Ввиду этого итальянская буржуазия оказалась перед необходимостью отделить в своей пропаганде Советский Союз от итальянских коммунистов и социалистов. Она выдвинула новый тезис: если советские коммунисты — люди ответственные, последовательные и понимающие дело, за которое они взялись, то итальянские коммунисты и социалисты — попросту их бездарные ученики, якобы пытающиеся в итальянских условиях, явно отличных от советских, механически использовать опыт Советского Союза. Одновременно обывателя пугали и тем, что итальянские коммунисты обязательно повторят при этом все ошибки Сталина. Общий вывод был таков: коммунисты в Италии не умеют мыслить реалистично, не способны понять реальную обстановку, ввиду чего поданные за них голоса просто пропадут или, по более позднему выражению Пьетро Ненни (после его перехода на сторону монополий),— «будут положены в холодильник».

Вполне понятно, что правящие круги приложили все силы и старания для раздувания антикоммунистических настроений в связи с разоблачением злоупотреблений и нарушений социалистической законности. После начала октябрьских событий в Польше и особенно после венгерских событий такая пропаганда достигла своего апогея. На этой почве между различными партиями и течениями итальянской буржуазии было достигнуто полное единство, все остальные темы, в том числе и поиски новой политической линии для правительственного большинства, временно оказались отодвинутыми на второй план.

Рабочее движение Италии переживало события 1956 г. крайне остро и в значительной мере болезненно. Разоблачение культа Сталина произвело чрезвычайно большое впечатление на трудящиеся массы и на левые политические партии. Объясняется это прежде всего тем, что подавляющее большинство членов Итальян-

ской коммунистической партии и социалистической партии вступили в политическую жизнь в последний период войны и в первые послевоенные годы, когда авторитет Сталина был огромен. По сути дела это имя олицетворяло для них не только социалистическую революцию в России, строительство первого в мире социалистического государства и побед СССР в войне против гитлеровской агрессии, но и победу итальянских демократических сил в борьбе против фашизма и германской оккупации, создание итальянского послевоенного демократического государства. Для миллионных масс членов левых партий было нелегко отделить эти исторические свершения от имени одного человека, с которым они для них всегда были связаны. Многие испытывали горькое разочарование, некоторые потеряли перспективу в своей политической деятельности, немало людей ушло из коммунистической и особенно из социалистической партий. Дискуссии по итогам XX съезда КПСС продолжались в партийных организациях Италии неделями, число выступавших на них часто превосходило количество записанных в ячейки и секции членов партии, так как в дискуссиях участвовали и беспартийные.

Наименее дальновидные буржуазные круги были склонны считать эти бурные дискуссии в рядах рабочих партий признаком их глубокого идейного, политического и организационного кризиса. Антикоммунистические мелкобуржуазные деятели уже готовились делить их политическое наследство, считая, что теперь-то уж с итальянскими коммунистами и их союзниками социалистами действительно будет покончено. Но это мнение оказалось совершенно ошибочным в отношении компартии и лишь частично верным в отношении Итальянской социалистической партии.

Некоторые члены руководства Итальянской социалистической партии и раньше не отличались твердостью идейных позиций и политической стойкостью. В послевоенные годы в лучшем случае они действовали под влиянием улавливаемых ими настроений широких масс социалистов и голосующих за них слоев населения, а в известной степени и под влиянием буржуазного пропагандистского тезиса о скором «приходе в Италию русских казаков». Поэтому те, кто рассчитывал сделать карьеру именно таким образом, вовремя оказавшись на стороне победителя, были крайне обескуражены итогами XX съезда КПСС и под различными предлогами поспешили перейти на сторону тех сил, против которых они выступали до вчерашнего дня. Для них стало ясно, что путь сотрудничества с монополистической буржуазией Италии — наиболее надежный для их личной политической карьеры. Это было особенно характерно для таких людей, как Пьетро Ненни, и некоторой части окружавших его молодых руководителей социалистической партии.

Однако личные настроения части руководителей социалисти-

ческой партии не могли бы сыграть существенной политической роли, если бы они не выражали своим поведением реально существовавших тенденций определенных слоев итальянских трудящихся, шедших за ИСП.

Корни этого явления гораздо глубже, чем просто бурные события 1956 г. Действительно, относительно успешное экономическое развитие страны в течение уже длительного времени, заметное повышение жизненного уровня некоторых категорий трудящихся, особенно на Севере, прекращение прямых полицейских преследований и некоторое смягчение остроты внутриполитического положения, а в международном плане — перспектива длительного мирного сосуществования,— все это вызвало среди наименее сознательных в классовом отношении слоев итальянских трудящихся заметное усиление реформистских иллюзий и настроений. Многие из членов социалистической партии стали считать необоснованным или по меньшей мере неравноправным постоянное политическое сотрудничество с коммунистической партией.

Эти настроения довольно открыто проявились на 31-м съезде ИСП в Турине в марте 1955 г., где Ненни заявил: «Надо рассмотреть и постараться решить наилучшим образом и в новом плане проблему наших отношений с католическими массами, с их партией и их организациями» [22].

Ненни утверждал, что на съезде ИСП речь шла о таком направлении действий социалистической партии, которое не противоречило бы продолжению союза социалистов с коммунистами. Более того, по словам Ненни, имелось в виду своего рода посредничество социалистической партии между коммунистами и католиками. Возможно, что Ненни, при своем непостоянстве идеалов, и в самом деле думал тогда так. Но после XX съезда КПСС Ненни, бывший, кстати сказать, горячим поклонником Сталина, резко изменил толкование этих сказанных на съезде ИСП слов, придав им альтернативный смысл: или союз с коммунистами, или сотрудничество с католиками. Именно тогда правые социалисты приняли название «автономистов», т. е. сторонников «независимого» от компартии существования ИСП.

Правые социалисты, чувствуя непрочность своих позиций внутри партии, попытались укрепить положение путем привлечения внешнего союзника в лице социал-демократической партии. После соответствующего зондажа, проведенного 9 июня в социал-демократическом лагере, Ненни предложил на заседании ЦК ИСП попытаться установить единство действий социалистической партии с социал-демократами по некоторым конкретным политическим вопросам. Предложение было принято. Однако Ненни и на этот раз

[22] PSI. 31° Congresso nazionale. Roma, 1955, p. 63.

применил метод, которым он регулярно злоупотреблял в дальнейшем: во время встречи 25 августа 1956 г. в Пралоньяне (Франция) с лидером социал-демократов Сарагатом он, превысив свои полномочия и исказив смысл и дух решения ЦК ИСП, и договорился с Сарагатом прямо о слиянии двух партий. Ненни поддержала группа молодых руководителей социалистической партии, которые в сентябре 1956 г. настояли на разрыве пакта о единстве действий между социалистами и коммунистами, существовавшего с 1934 г.

На пленуме ЦК ИСП в ноябре 1956 г. разрыв пакта был ратифицирован, но действия Ненни в переговорах с Сарагатом подверглись критике, а вопрос об объединении с социал-демократами вынесли на обсуждение очередного, 32-го съезда ИСП, назначенного на февраль 1957 г.

На этом съезде Ненни и его сторонники, ссылаясь на венгерские события, прямо высказались за «социалистическое объединение». Съезд, однако, подтвердил классовую солидарность коммунистов и социалистов «вне рамок пактов, но и без всякого предвзятого антагонизма». Вместе с тем съезд обратился к социал-демократической партии с призывом «осуществить первую фазу объединения, а именно — договориться о совместных действиях социалистов и социал-демократов»[23]. В ответ на этот призыв съезд ИСДП со своей стороны выдвинул такие условия, как присоединение итальянских социалистов к пресловутой Франкфуртской декларации Социалистического интернационала и переход на антикоммунистические позиции внутри страны. Состоявшийся позже пленум ЦК ИСП счел предложения социал-демократов неприемлемыми, после чего вопрос об объединении социалистов и социал-демократов не поднимался до 1965 г.

Венгерские события вызвали острый кризис внутри социалистической партии. Ненни и его сторонники выступили против оказания Советской армией помощи венгерскому правительству в борьбе с контрреволюцией, используя по сути дела типичные буржуазные тезисы об «удушении свободы», «подавлении народа» и прочее. Часть руководителей социалистической партии вместе с коммунистами решительно одобрили помощь Советской Армии революционному рабоче-крестьянскому правительству Венгрии. Это было проявлением подлинного пролетарского интернационализма и братской взаимопомощи демократических сил трудящихся, от которых целиком и полностью отреклись сторонники Ненни. Этот раскол в социалистической партии так и не был преодолен в дальнейшем.

[23] PSI 32° Congresso nazionale, Roma, 1957, p. 230.

Такие настроения, естественно, были выражены и на съезде ИСП, но ход его и принятые документы были противоречивыми. Правые социалисты обрушили на Советский Союз и КПСС горы обвинений как в связи с XX съездом КПСС, так и в связи с польскими и венгерскими событиями, в связи со всей внешней политикой СССР. Но в резолюцию съезда ничего этого включено не было. Более того, в одном из документов съезда говорилось, что ИСП, как партия интернационалистская, «солидарна с трудящимися всех стран в их борьбе... поддерживает всякую борьбу народов за независимость, демократию и свободу... борется с империализмом во всех его проявлениях» [24]. Нет в документах съезда и антикоммунистических выпадов. Вместе с тем съезд проголосовал за отказ от пакта о единстве действий с коммунистами и от сменившего его, но не пережившего событий пакта о политических консультациях между руководящими органами этих двух партий.

Съезд создавал видимость лишь ограниченной победы точки зрения Ненни и других правых социалистов, что и было принято рабочим движением довольно спокойно. Тем более что при выборах Центрального комитета в его состав были избраны в большинстве сторонники унитарных позиций, сторонники сотрудничества с коммунистами. Секретарем же партии был избран Ненни, который и повел дело таким образом, чтобы вызвать и усилить в партии размежевание сил, а затем и раскол.

Кризис социалистической партии, отражавший борьбу мнений в рабочем и демократическом движении, лишь в небольшой степени коснулся коммунистов. Большинство тех, кто ушел в тот момент из компартии, просто были сбиты с толку бурными событиями того года, но и они не предлагали для компартии какого-то нового пути. Только отдельные представители компартии скатились в этот момент на реформистские, правооппортунистические позиции. Наиболее видным из них был довольно известный экономист Джолитти — внук крупного буржуазного политического деятеля дофашистской Италии.

Джолитти воспринял только одну сторону тех новых явлений, которые наблюдались в итальянской экономике,— усиление роли крупного предприятия как такового во всей жизни страны. Из всего анализа новых явлений и разработки новой стратегии, которая была проведена компартией и профсоюзами, он взял только одну сторону — а именно борьбу за право рабочих на участие в управлении предприятием, поняв ее как основу всякой как экономической, так и политической борьбы рабочего класса. Для него борьба за власть на предприятиях превратилась в синоним борьбы за власть в стране, и в итоге он встал на путь отрицания роли

[24] Ibid., p. 44.

партии, считая, как и многие ревизионисты до него, профсоюз более высокой и более важной организацией, чем партия, не понимая, что без руководства со стороны политической партии борьба за политическую власть бесперспективна.

Против взглядов Джолитти выступили руководителя компартии, в частности Луиджи Лонго написал брошюру «Старый и новый ревизионизм», в которой подверг детальной и аргументированной критике его точку зрения. Концепции Джолитти были отвергнуты на VIII съезде ИКП. Джолитти не принял эту критику и покинул ряды компартии — практически один,— перейдя сначала к социал-демократам, а затем к правым и позже — к левым социалистам.

Сознавая, что решения XX съезда КПСС существенно изменили и всю внутриполитическую обстановку в Италии, Итальянская коммунистическая партия немедленно после этого съезда начала подготовку к выработке новой тактической линии, соответствующей изменившимся условиям. Уже во время работы XX съезда Тольятти, возглявлявший делегацию ИКП на этом съезде, выступил в «Правде» со статьей «О возможном использовании парламентского пути для перехода к социализму» [25], в которой были разработаны некоторые важные положения о значении в итальянских условиях парламента и других представительных учреждений. Вслед за тем в марте и в июне 1956 г. состоялись два важных пленума ЦК ИКП, где были обсуждены и сформулированы основные положения, которые после подробного и всестороннего обсуждения их в низовых партийных организациях легли в основу решений VIII съезда Итальянской коммунистической партии.

VIII съезд ИКП состоялся в декабре 1956 г. Открытие съезда ожидалось политическими противниками коммунистов в Италии с большим нетерпением, поскольку все еще существовала надежда на кризис коммунистической партии, на то, что съезд не сможет выработать новую политическую линию, отвечающую новой международной и внутриполитической обстановке.

VIII съезд ИКП явился одним из важнейших этапов послевоенной истории Италии в целом. Он учел все особенности положения в стране и на основе применения общих положений марксизма-ленинизма к итальянским условиям разработал стратегию революционной борьбы, получившую условное название пути Италии к социализму.

В принятых съездом документах — политической резолюции по докладу Тольятти «Основные положения программного заявления ИКП» и тезисах VIII съезда — отмечалось, что в Италии в нынешних исторических условиях нет кризисной революционной ситуации, ввиду чего перед итальянской компартией сейчас не стоит

[25] «Правда», 7.III 1956.

проблема организации вооруженного восстания для завоевания рабочим классом и его союзниками политической власти таким путем. Подчеркивалось, что в Италии сложилась такая обстановка, такая расстановка политических сил, при которой пролетариат со своими союзниками может рассчитывать на приход к власти относительно мирным путем, т. е. без вооруженного восстания и гражданской войны. В этих условиях путь к завоеванию власти коммунистами и их союзниками предполагает поддержку настолько очевидного большинства населения страны, чтобы буржуазия не посмела прибегнуть для защиты своих политических позиций к насилию против нарождающейся новой власти ввиду явной бесперспективности такой попытки.

Для этого также было необходимо, чтобы пролетариат и его политический авангард — коммунистическая партия — не только защищали узкоклассовые интересы городских промышленных рабочих, но и выступали бы представителями интересов всех иных наемных трудящихся и мелкобуржуазных слоев населения Италии [26].

В документах VIII съезда отмечалось, что ныне той силой, которая так или иначе ущемляет жизненные интересы всех остальных классов и слоев итальянского населения, является монополистический капитал. Он эксплуатирует пролетариат города, он высасывает соки из сельского населения, эксплуатируя не только батрака и испольщика, но и мелкого крестьянина-собственника. Монополистический капитал душит ремесленное и кустарное производство, подчиняет себе мелких и средних предпринимателей и торговцев. Тем самым налицо объективная возможность очень широкого объединенного антимонополистического фронта, в котором пролетариат и компартия могут и должны играть руководящую роль.

Однако эта руководящая роль должна завоевываться коммунистами не просто путем провозглашения общих лозунгов и заявлений о целях коммунистической партии, а путем повседневной борьбы за удовлетворение требований и чаяний всех слоев и классов, могущих выступать союзниками пролетариата в антимонополистической борьбе. Ключом к решению этой задачи — отметил VIII съезд ИКП — является выдвижение требований о проведении глубоких преобразований и борьба за их осуществление в интересах трудящихся классов и в ущерб монополиям.

[26] Эти так называемые средние городские производительные слои охватывают в Италии довольно разнообразные категории населения. Сюда относились (данные 1965 г.) самостоятельные работники промышленности (6,8% самодеятельного населения), эта же категория в секторе услуг (10,4%) и значительная часть от 15,5% самодеятельного населения, относимых к категории руководителей, служащих и лиц свободных профессий, т. е. почти 30% занятого трудом населения («Critica marxista», 1966, № 5—6, p. 80).

Эти преобразования, так называемые структурные реформы, подразумевали такие шаги, как всеобщая земельная реформа, национализация некоторых отраслей промышленности, развитие Юга на демократических основах, ликвидация испольщины и всякого рода устаревших форм взаимоотношений между арендаторами и владельцами земли и т. д. На VIII съезде было подчеркнуто, что структурные реформы не являются социалистическими преобразованиями, не представляют собой мер построения социализма, а лишь прокладывают путь к власти рабочему классу и его союзникам с тем, чтобы позднее приступить к социалистическим преобразованиям [27]. Структурные реформы — это по сути дела те же цели и задачи, которые в других условиях коммунистические партии обычно включали в свои программы-минимум. Цель их — ликвидация тех или иных пережитков феодализма, столь многочисленных в Италии, и нанесение удара по засилию монополий в экономической и политической жизни страны. Особенностью принятой итальянским съездом тактики являлось то, что лозунгом структурных реформ он выдвинул принцип своего рода скользящей программы-минимум: решение каждого отдельного вопроса предполагало одновременную постановку следующего.

Было бы неверно утверждать, что линия борьбы, выдвинутая VIII съездом Итальянской коммунистической партии, была сразу же полностью и безошибочно понята и принята всей партией. Для многих коммунистов старой закалки отсутствие близкой перспективы завоевания власти прозвучало почти как отказ от революционной борьбы вообще. Но они, естественно, не покинули рядов партии и в большинстве случаев затем на практике усвоили смысл и большое революционное значение новой линии, которая основывалась на теоретическом применении к конкретным условиям Италии общих принципов марксизма-ленинизма. Такие принципиальные положения, как заинтересованность пролетариата в мирном развитии революционного процесса, тактика самых широких союзов, были задолго до этого выработаны и проверены теорией и практикой мирового марксистско-ленинского революционного движения. Не были они новостью и для самой Италии, где в первые послевоенные годы компартия применяла весьма схожую тактику, не говоря уже о фактическом достижении широчайшего единого фронта в годы антифашистской борьбы. Но после фронтальных боев и острых столкновений предшествовавших семи-восьми лет эта линия многими коммунистами воспринималась как что-то новое.

Не удивительно, что в такой массовой партии, как итальянская компартия, были довольно значительными и ошибки другого

[27] «Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии». М., 1957, стр. 8.

рода. Некоторая часть малоопытных местных партийных руководителей увидела в решениях партии только одну сторону: положение о возможности мирного развития революционного процесса, которое в этом случае ошибочно понималось как мирный путь к власти, как завоевание ее часто просто избирательной борьбой. Лозунг о создании широких союзов понимался в этих случаях как борьба за привлечение в партию любыми средствами представителей непролетарских социальных классов, особенно интеллигенции, что вносило однобокость в работу многих партийных организаций.

Центральный комитет ИКП выступил против обоих этих ошибочных толкований решений VIII съезда Итальянской коммунистической партии.

Для итальянской буржуазии решения VIII съезда явились неожиданностью. Стало ясно, что разговоры о кризисе компартии так и останутся разговорами. Новая политическая линия партии в еще большей степени ставила под вопрос монополию власти итальянской буржуазии. Иное положение складывалось в социалистической партии. Ненни и его приверженцы в руководстве партии по сути дела были готовы отказаться от классовых позиций и перейти к сотрудничеству с монополистической буржуазией, хотя в самой социалистической партии настроение масс не позволяло рассчитывать на быстрое осуществление такого радикального поворота в политической линии ИСП.

Внешняя политика Италии практически не претерпела существенных изменений после 1953 г. Ее осью была безусловная и практически безоговорочная верность Атлантическому пакту в европейской политике, а в его рамках — следование политической линии США, но также только в Европе. Эта ориентация на своего заокеанского союзника не была случайной для итальянской буржуазии. Если в первые послевоенные годы Италия была сильно зависима от США экономически, то в начале и особенно в конце 50-х годов положение изменилось. Италия погасила свои внешние долги. Итальянская экономика окрепла, опираясь на Европейское объединение угля и стали, а затем на Европейское экономическое сообщество. Во внешней торговле Италии первое место заняла Западная Германия, а США оставались на первом месте лишь среди стран, доставляющих Италии наибольший пассив во внешней торговле. Часть итальянской буржуазии пыталась и в политическом отношении взять ориентир на Западную Германию, но эти настроения, временами усиливавшиеся, так и не получили распространения. И дело здесь не только в том, что среди итальянского населения прочно сохраняются антизападногерманские настроения, связанные с глубокими антифашистскими чувствами итальянского народа. Основная причина сохранения буржуазией Италии союза

с США заключается, видимо, в том, что для нее этот союз — единственная надежная гарантия против усиления влияния демократических сил в самой Италии. Другими словами — надежда на то, что в решающий момент борьбы за политическую власть в Италии она, итальянская монополистическая буржуазия, будет просить и получит поддержку любого рода от американского империализма.

Действительно, позиции буржуазии в Италии были довольно слабыми, и ее правящие круги это сознавали. Основная партия — ХДП — партия массовая, с сильными демократическими, антифашистскими настроениями, в известной мере характерными даже для ее руководящих кадров. Более правые партии, к услугам которых можно было бы прибегнуть в критический час,— не имели массовой опоры в стране. Возможные союзники слева — республиканцы и социал-демократы — страдали этим же недостатком.

Армия в Италии — призывная, с коротким сроком службы и, следовательно, отражала расстановку политических сил страны. Офицерский корпус малочисленный и маловлиятельный в стране, лишенной милитаристских традиций. Единственная надежная опора — это полиция, вернее, одна часть ее — полиция охраны общественного порядка, и карабинеры, т. е. военная жандармерия. Но этой машины явно мало для попыток прямого подавления демократических сил, и жизнь не раз доказывала это.

При таком положении дел единственной надежной опорой итальянской буржуазии выступали внешние военно-политические союзы, в первую очередь НАТО. Это представлялось тем более убедительным, что на итальянской территории уже имелись военные базы НАТО, а фактически — США.

До середины 1956 г. этот тезис не вызывал никаких сомнений или оговорок среди основных буржуазных партий и течений. Но уроки этого бурного года внесли в него некоторые поправки.

Национализация Суэцкого канала правительством Насера не вызвала в Италии, уже лишившейся своих колоний, политических опасений, хотя она и создала некоторое беспокойство относительно возможности дальнейшего использования канала итальянскими судами. При обсуждении суэцкого конфликта на международной арене итальянское правительство занимало сдержанную позицию, стараясь не портить отношения ни с одной из сторон. В начале англо-франко-израильской агрессии против Египта Италия, ориентируясь на США, заявила о своем неодобрении этого шага. В дальнейшем итальянское правительство ограничилось ролью пассивного наблюдателя.

Египетская война, протекавшая параллельно с венгерскими событиями, привела итальянские правящие круги к ряду конкретных выводов. Она подтвердила целесообразность, во-первых, и в даль-

нейшем не следовать политике своих союзников по НАТО за пределами Европейского континента. Во-вторых, идти по возможности самостоятельным путем в отношениях со слаборазвитыми странами, доказавшими свою национальную независимость. Логическим следствием этого явилось заключение вскоре соглашения о разведке нефти в Иране. В-третьих, события и в Египте, и в Венгрии показали бесперспективность попыток решать проблемы современного мира вооруженным путем, особенно когда речь идет об изменении внутреннего строя государств. Венгерский опыт показал, что социалистические страны твердо встали на избранный ими путь и что их внутренний режим прочен. Стало ясно, что даже такая держава, как США, бессильна помешать им. Отсюда следовало, что целесообразно развивать отношения с социалистическими странами. Эта линия во внешней политике и была принята Италией на последующие годы.

После VIII съезда ИКП, вновь подтвердившего силу компартии, правящие группировки Италии лихорадочно возобновили поиски новой политической линии, которая могла бы быть их ответом и на новое положение, сложившееся в мире и в стране, и на выработанную компартией гибкую наступательную тактику.

Центристское правительство Сеньи, бесцветное и бездеятельное, явно не могло решить основных проблем и противостоять давлению демократических сил. Антикоммунистическая пропаганда с каждым днем теряла свою действенность, старые догмы атлантической внешней политики в духе «холодной войны» явно требовали пересмотра.

В мае 1957 г. центристская коалиция распалась, поскольку либералы не были согласны на усиление государственного вмешательства в экономику, за которое выступала ХДП под давлением общественного мнения и экономической необходимости. Тогда едва ли кто мог предполагать, что вышло в отставку последнее правительство центристской коалиции, что буржуазия Италии уже не сможет вернуться к этому относительно удобному для нее инструменту политической власти. Действительно, правительство Сеньи было заменено однопартийным демохристианским правительством Дзоли, в общем по инерции продолжавшим прежнюю, центристскую политику. Единственным крупным мероприятием этого правительства, отличным от центристской линии, было отделение с 1 января 1958 г. государственных предприятий от Конфиндустрии и создание особого министерства государственных участий, в ведение которого передавались принадлежащие государству предприятия. Закон об этом министерстве был принят в 1956 г., но обсуждение началось еще в 1953 г. по инициативе коммунистов и социалистов. Принятие этих решений было заметным успехом левых сил.

Но ни в одной другой области правительство Дзоли не было

в состоянии что-либо сделать. Все говорило за то, что настало время для практического обновления политики правящих кругов. Но в каком направлении?

Одним из вариантов этих поисков была попытка возвращения на несколько подновленной основе к корпоративизму, являвшемуся в недалеком прошлом экономической доктриной фашизма. Представители этого направления, крупнейшим из которых был в те годы упоминавшийся уже профессор экономики Аминторе Фанфани, не считали необходимым следовать примеру Шельбы в попытках прямого политического и полицейского подавления демократических сил. Они предлагали лишить эти силы политической самостоятельности экономическими методами, используя для этого и опыт новых крупных монополий.

В самом деле, корпоративная система, предусматривающая объединение предпринимателей и трудящихся одной отрасли в единую организацию на межклассовой основе, сама по себе является глубоко антидемократической, поскольку предусматривает приведение рабочих организаций в такое состояние, при котором они не могут действовать самостоятельно, а во всем подчиняются хозяевам и государству. Сторонники этого течения предполагали на этот раз начать дело с создания соответствующих организационных форм под флагом сотрудничества труда и капитала и во имя развития экономики и поднятия благосостояния страны. Для этого нужна была прежде всего хорошо организованная и централизованная политическая партия, способная повести за собой возможно более значительные массы трудящихся. Такой партией по классовому составу и массовости могла бы стать ХДП но ее организация была крайне рыхлой, а внутреннее единство весьма слабым из-за наличия многочисленных соперничавших между собой течений.

Идеи Фанфани отвечали интересам основных группировок монополий и встретили поддержку у папы Пия XII. Фанфани возглавил крупнейшее течение внутри ХДП под названием «Демократическая инициатива», в котором объединилось несколько старых течений, а в 1955 г. был избран политическим секретарем партии. Он начал работу по усилению организационной структуры партии и по приведению к повиновению центральным органам многочисленных партийных боссов, возглавлявших собственные клиентальные и территориальные группировки. Это, конечно, вызвало их неудовольствие и сопротивление, но благодаря поддержке со стороны монополий и Ватикана Фанфани удалось на определенное время стать почти единоличным руководителем христианско-демократической партии. Интересно, что в работе по укреплению организационной структуры ХДП Фанфани взял за образец организационное построение и методы работы коммунистической партии как самой организованной и боевой политической силы страны.

25 мая 1958 г. состоялись очередные парламентские выборы (срок полномочий сената истекал только через год, но он был распущен одновременно с палатой депутатов). Предвыборная борьба была весьма ожесточенной. ХДП и ее союзники пытались использовать в своих целях главным образом аргументацию, связанную с недавними событиями 1956—1957 гг., стремясь нанести поражение левым партиям, прежде всего ИКП, но без всякого успеха. Компартия благодаря своей новой тактической линии полностью сохранила позиции и даже несколько улучшила их, получив 0,5 млн. дополнительных голосов. Социалистическая партия, несмотря на наметившийся раскол, собрала 14,2% голосов вместо 12,7% на выборах 1953 г. Положение социал-демократов и республиканцев, а также либералов почти не изменилось. Что касается ХДП, то число поданных за нее голосов возросло с 40,1 до 42,4%, поскольку к ней пришла бо́льшая часть избирателей монархической и отчасти неофашистской партий. Эти последние вместе потеряли 5,7% всех поданных в стране голосов. Таким образом, выборы 1958 г., несмотря на некоторый успех ХДП, ясно свидетельствовали о дальнейшем сдвиге влево общественного мнения Италии.

2 июля 1958 г. председателем совета министров Италии стал политический секретарь ХДП Аминторе Фанфани, сохранивший за собой и этот пост. Помимо демохристиан в правительство вошли только социал-демократы, что делало кабинет Фанфани самым левым правительством с 1948 г., но правительством слабым ввиду его ничтожного парламентского большинства. Тем не менее, имея в руках значительно укрепленный партийный аппарат и государственную машину, а также пользуясь поддержкой Ватикана, Фанфани получил реальные возможности для внесения некоторых изменений в политику итальянской буржуазии. Программа его правительства не отличалась оригинальностью, однако в нее были включены обязательства о проведении некоторых наиболее назревших экономических и социальных мероприятий, правда весьма ограниченного масштаба. Речь, в частности, шла о повышении отдельных категорий зарплаты и пенсий. Проведение этих реформ должно было служить трамплином для насаждения корпоративной организации в экономике, в чем Фанфани мог бы иметь полную поддержку как со стороны наиболее крупных монополистических объединений, так и со стороны Конфиндустрии. И в то же время это правительство явилось своего рода предтечей будущих левоцентристских правительств середины 60-х годов.

Но итальянская буржуазия, проявив еще раз свою провинциальную боязнь всяких изменений, увидела в планах Фанфани опасную крамолу и излишние уступки левым силам. Большое значение имело и то, что приход к власти правительства Фанфани совпал с

первым серьезным ухудшением экономической конъюнктуры в стране, что подорвало доверие к Фанфани со стороны благомыслящих буржуа. Многие руководители христианско-демократической партии, к тому же напуганные слишком явным ростом личного влияния Фанфани, все более враждебно относились к нему и потребовали обсуждения в партийных органах его действий. В парламенте представители правого крыла демохристиан (так называемые вольные стрелки) проголосовали во время тайного голосования против одного из представленных правительством Фанфани законопроектов.

24 января 1959 г. В Риме в монастыре св. Доротеи состоялось совещание руководящего комитета основного в ХДП течения «Демократическая инициатива», возглавляемого самим Фанфани. Политика Фанфани подверглась резкой кртике, и, оставшись почти в одиночестве, он 25 января ушел с поста как руководителя этого течения, так и политического секретаря партии. Известно, что Фанфани хотел сохранить за собой пост главы правительства, но по личному настоянию папы Иоанна XXIII, поддержавшего «мятежников» из боязни раскола ХДП и грозившего в случае ослушания лишить его поддержки, Фанфани на следующий день подал в отставку и из правительства. Совещание в монастыре св. Доротеи обогатило итальянский политический лексикон стойким выражением «доротейцы», которым обозначаются влиятельные консерватив ные круги христианско-демократической партии.

Доротейский мятеж привел к образованию в ХДП руководящего ядра из представителей консервативных и реакционных сил, тогда как все более левые деятели оказались в оппозиции официальному руководству. Во главе партии был поставлен малоизвестный до того политический деятель, министр просвещения в правительстве Фанфани, доротеец Альдо Моро, не имевший конкретных собственных позиций и — что, видимо, и решило выбор в его пользу — собственной группировки в партии. Что касается правительства, то был образован очередной однопартийный кабинет во главе с Сеньи. В конце 1959 г. во Флоренции состоялся съезд ХДП, который подтвердил смену руководства партии. На этом же съезде выступил Фанфани с изложением принципов, легших позже в основу политики левого центра.

Неавторитетное руководство правящей партией и правительством не могло не восприниматься как чисто временное, переходное положение. Нужная политика не была найдена, проблемы страны не решались, хотя необходимость сдвига чувствовалась все сильнее.

В декабре 1959 г. состоялся IX съезд Итальянской коммунистической партии. Съезд подтвердил и уточнил основные положения о пути Италии к социализму, выработанные на предыдущем

съезде. Было обращено особое внимание на необходимость более активной работы коммунистов по созданию широких антимонополистических союзов трудящихся классов и представляющих их политических сил. В этой связи съезд отметил большие противоречия и внутреннюю борьбу, возникшие внутри буржуазного лагеря. Компартия подчеркнула, что структурные реформы как антимонополистическая, но не антикапиталистическая мера ни в какой степени не предполагает наступления на интересы средних городских слоев, с которыми коммунисты, напротив, стремятся установить единство действий [28].

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1960 Г.

События 1958 г. во Франции — свержение демократической республики и приход к власти с диктаторскими полномочиями Де Голля — произвели большое впечатление в Италии, послевоенная история которой еще столь недавно была очень похожей на французскую. Этот пример, казалось, давал новый убедительный ответ на стоявший перед итальянской буржуазией вопрос: что же делать дальше? Конечно, положение в Италии существенно отличалось от положения в соседней республике; настроения итальянских масс, включая и мелкую буржуазию, были совершенно иными ввиду отсутствия у Италии колониальной проблемы. Но исторический опыт говорит, что, когда буржуазия для решения своих проблем может прибегнуть к насилию, она прежде всего старается это сделать. В Италии не было правых политических сил, обладающих поддержкой масс. Но все-таки была партия неофашистов — «Итальянское социальное движение», а также внушительные консервативно-реакционные течения внутри самой ХДП, только что одержавшие верх во внутрипартийной борьбе.

В феврале 1960 г. правительство Сеньи — последнее центристское правительство по своему общему курсу — ушло в отставку, а вместо него через месяц было сформировано формально на той же однопартийной демохристианской основе правительство во главе с Тамброни. Программа этого правительства была лишена каких-либо новых элементов и вообще весьма бессодержательна. Из старых союзников ХДП ни одна партия не сочла возможным войти в правительство или даже просто поддержать его в парламенте. Тамброни получил вотум доверия лишь благодаря тому, что за его правительство — в первый и единственный раз в послевоенной Италии — проголосовали помимо демохристиан также неофашисты. Это ясно квалифицировало правительство Тамброни как

[28] «IX съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1960.

самое правое в послевоенной истории Италии правительство, что являлось уже само по себе явным вызовом всей антифашистской Италии, традициям движения Сопротивления, которые сильны даже в католическом лагере. Дальнейшие события развивались с большой драматичностью и быстротой.

Руководство неофашистского «Итальянского социального движения» вскоре объявило о своем намерении провести в июне — июле очередной съезд партии в Генуе, и правительство Тамброни разрешило им сделать это, несмотря на протесты демократической общественности. Было ясно, что правительство ищет столкновений и конфликтов, поскольку для Генуи, города, награжденного высшим итальянским орденом — Золотой медалью — за героическое участие в движении Сопротивления, проведение там неофашистского съезда было бы прямым оскорблением. Тем не менее в конце июня со всей Италии начали съезжаться неофашисты, которых встретили в городе антифашистские манифестации трудящихся. 29 и 30 июня на улицах и площадях Генуи, где была объявлена всеобщая забастовка, произошли кровавые столкновения с отрядами карабинеров, стянутыми в этот город правительством из других районов страны. В ряде городов и областей Севера Италии были объявлены забастовки протеста и солидарности с антифашистами Генуи, но вышедшие на улицы демонстрации трудящихся были встречены специально обученными отрядами карабинеров, заблаговременно переброшенными из «белых» районов Италии, где влияние ИКП и ИСП было наименьшим. Полиция и карабинеры неоднократно и без всякой видимой необходимости открывали огонь по демонстрантам, мирно собиравшимся на митинги. Причем в Реджо-Эмилия было убито пять коммунистов, в других городах в разных частях Италии — еще четыре коммуниста и один социалист. Можно полагать, что карабинеры стреляли выборочно, целясь конкретно в известных им лиц. Один карабинер был сфотографирован в Реджо в момент прицельного выстрела в стоявшего в 20 метрах молодого коммуниста. Под давлением демократических сил этот карабинер был два года спустя предан суду, но оправдан за недостаточностью улик.

Пока нет оснований утверждать, что события июня — июля 1960 г. были запланированы правительством Тамброни заранее во всех деталях. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что когда их развитие предоставило возможность этому правительству прибегнуть с минимумом легального оправдания к массовому насилию, оно сделало это, не колеблясь и с большой энергией. Как по команде вся правая и правоправительственная буржуазная печать подняла шум, обвиняя коммунистов в преднамеренной организации все разраставшихся в стране уличных беспорядков, вызывавшихся в действительности разнузданными действиями

22. *Демонстрация металлистов*

полиции. Стало ясно, что правительство Тамброни и стоящие за ним силы стремились обвинить компартию в подрыве демократических свобод в Италии, отколоть идущие за коммунистами массы, и, изолировав компартию, применить против нее чрезвычайные меры, одновременно тем или иным путем ограничив действие итальянской демократической конституции и иных обеспечивающих демократические свободы законов. Другими словами, это была попытка повторить — с некоторыми изменениями сценария — «поджог рейхстага», возложив всю вину за возникшую ситуацию на коммунистическую партию.

Однако этот классический прием буржуазной реакции полностью провалился в итальянских условиях. Компартия разоблачила ответственность полиции за происшедшее кровопролитие, возбудив судебные дела против непосредственно ответственных за убийства лиц. С другой стороны, в города, где обстановка накалилась особенно сильно, были посланы коммунистические руководители из числа бывших партизан — которым никто не мог бы бросить обвинение в нерешительности и трусости!— для того чтобы предотвратить возможность организации полицейскими агентами провокационных выступлений масс. Компартия призвала трудящихся, всех демократов занять твердую позицию перед лицом полицейского произвола, но не поддаваться на провокации, которые дали бы повод правительству Тамброни пойти на дальнейшее расширение репрессий.

Результаты полицейской авантюры правительства Тамброни оказались как раз обратными тем, которых оно ожидало. Компартия не только не была загнана в тупик, но, наоборот, проявила себя как подлинно национальная руководящая сила в борьбе с фашистским охвостьем и действиями правительства, нарушающими законность и буржуазную демократию. Вокруг компартии в очень короткий срок — всего за неделю — объединились все антифашистские, демократические силы страны. Сразу же после начала столкновений повсеместно было восстановлено единство действий коммунистов и социалистов, исключая правых лидеров социалистической партии. В возникших в большинстве городов Северной Италии антифашистских комитетах Сопротивления к коммунистам и социалистам присоединились не только республиканцы и социал-демократы, но и значительные круги левых католиков, включая ряд руководителей левого крыла христианско-демократической партии. Был создан и Национальный антифашистский комитет во главе с Ф. Парри. Эти комитеты Второго Сопротивления, как их стали называть, оказались весьма авторитетными органами, имеющими большую реальную власть. Присоединившиеся к ним профсоюзы заявили о намерении объявить всеобщую национальную забастовку протеста против действий правительства. Даже

23. Демонстрация за мир

консервативные круги ХДП стали выражать неудовольствие неумелыми и безуспешными действиями правительства Тамброни. Обстановка в стране оставалась напряженной, хотя первая волна репрессий и была политически успешно отражена демократическими силами.

19 июля правительство Тамброни ушло в отставку. Вместо него было сформировано однопартийное демохристианское правительство во главе с Фанфани, которое в осторожных выражениях отмежевалось от авантюры Тамброни Съезд «Итальянского социального движения» был отложен на неопределенный срок. В стране постепенно восстановилось нормальное положение. Вместе с тем важно отметить, что со стороны христианско-демократической партии, несущей огромную долю ответственности за авантюру Тамброни и связанные с нею кровавые события, никогда не было сделано ясного заявления с осуждением этой попытки антидемократического переворота в Италии.

Июльские события 1960 г. показали высокую боеспособность итальянского пролетариата, всех демократических сил страны, коммунистической партии. Они самым наглядным и убедительным образом продемонстрировали правящим кругам итальянской буржуазии, что при современном соотношении политических сил в стране всякая попытка насильственного подавления демократических сил и их авангарда — Итальянской коммунистической партии — неизбежно приводит лишь к укреплению авторитета и влияния этих сил. Причем. совершенно закономерно усиливается руководящая роль компартии в общем строю антифашистских, демократических, антимонополистических сил.

Надо отметить еще один, побочный, но очень важный результат июльских событий. Если до этого в прессе политических партий часто встречались рассуждения о том, что новое поколение молодежи, не пережившее на собственном опыте ни антифашистской войны, ни фронтальных классовых боев на улицах, якобы не проявляет необходимого интереса к политической жизни, не ценит антифашистских завоеваний недавнего героического прошлого и т. д., то после июля 1960 г. такие рассуждения совершенно исчезли. Объясняется это тем, что итальянская молодежь оказалась главным действующим лицом в отражении на улицах и площадях полицейских нападений, вела себя исключительно смело и решительно, показала высокое понимание духа антифашизма, свою приверженность демократическим идеалам, готовность бороться за эти цели в антимонополистической борьбе. Дальнейший опыт политической работы с молодежью подтвердил, что она готова принимать участие в политической борьбе, организуемой коммунистами, хотя еще и недооценивает значение партийной организации. Молодежь, готовая всегда принять участие в организации митингов, расклеивании листовок, проведении массовых кампаний,

неохотно записывалась в партию, членство в которой налагало и ряд других обязанностей.

Провал авантюры Тамброни надолго поставил крест на планах тех представителей итальянского правящего класса, которые все еще мечтали о прямом подавлении демократических сил страны для укрепления политической власти монополистического капитала. По-прежнему не могло быть и речи о том, чтобы с точки зрения буржуазии считать положение в Италии политически стабильным.

Результатом июльских событий было и то, что политическое влияние открыто реакционных деятелей внутри ХДП типа Шельбы, Пеллы, Тамброни (последний вскоре умер) значительно снизилось, тогда как акции Фанфани и его сторонников, не поддержавших реакционную июльскую авантюру, значительно поднялись. Внутри руководящей группы итальянской буржуазии вновь усилилась борьба за изменение политического курса, что предполагало и определенную смену политических деятелей. Позиции сторонников обновления укрепились тем, что поддерживающие их монополии типа ЭНИ и ФИАТ приобретали все больший удельный вес в итальянской экономике, во все большей мере диктовали свою волю другим монополистическим группам. Важнейшим фактором также явилось то, что за два года до этого умер папа Пий XII, поддерживавший в прошлом консерваторов и реакционеров. Избранный в октябре 1958 г. папа Иоанн XXIII всей своей деятельностью показывал, что он стоит на стороне «обновителей» не только в церкви, но и в итальянской политической жизни. Тем не менее борьба внутри буржуазных правящих кругов вокруг выработки нового политического курса продолжалась целых полтора года.

В 1962 г. окончился срок полномочий президента Итальянской республики Джованни Гронки. Вместо него голосами демохристиан, выступивших на этот раз довольно сплоченно, и части правых партий был избран консервативно настроенный Антонио Сеньи. В то же время шли сложные процессы в рабочем движении. Итальянская социалистическая партия продолжала сползать вправо. На состоявшемся в марте 1961 г. 34-м съезде социалистической партии в Милане была проведена резолюция о том, что при наличии в программе правительства страны обязательств о проведении достаточно серьезных социально-экономических реформ социалистическая фракция в парламенте может поддерживать такое правительство при голосовании вотума доверия [29]. Это решение — поскольку большинство в парламентской фракции

[29] PSI. 34 Congresso nazionale. Roma, 1961.

ИСП составляли правые социалисты — давало христианским демократам возможность сформирования правительства без участия либералов и даже вопреки возможному тайному голосованию против правительства части правого крыла демохристиан. Решение съезда социалистов давало ХДП большую свободу маневра.

Важным фактором развития положения в Италии оставались международные события.

Большое впечатление произвела в Италии работа XXII съезда КПСС. Вся демократическая общественность страны с удовлетворением восприняла подтверждение этим съездом положений XX съезда о мирном сосуществовании и решение о развитии Советского государства. Вместе с тем съезд вызвал дискуссию в рядах коммунистов в связи с новым осуждением отрицательных сторон деятельности Сталина. Более месяца во всех партийных организациях ИКП, часто с участием беспартийных, обсуждались проблемы соотношения между демократией и социализмом, а под этим углом зрения — также и политика ИКП. В декабре 1962 г. для рассмотрения этих вопросов состоялся специальный пленум ЦК ИКП, подчеркнувший важность их правильного понимания и выступления в защиту и за расширение демократии на всех этапах борьбы за социализм.

Большие изменения произошли в католическом мире. Избрание новым папой кардинала Анджело Джузеппе Ронкалли, патриарха Венеции, выходца из простой крестьянской семьи, привело к большим изменениям в политике церкви. Если Пий XII постоянно и активно вмешивался в дела итальянского правительства, а священники и светские католические организации типа «Католического действия» и приходских гражданских комитетов фактически непосредственно участвовали в политической борьбе, то Иоанн не считал это полезным для церкви. Правда, он лично и его доверенные лица продолжали наблюдать за деятельностью правительства и ХДП, чтобы в нужный момент подать свой влиятельный совет, но церковь как таковая постепенно стала отходить от прямого участия в повседневной политической борьбе.

Иоанн XXIII самым решительным образом выступил в защиту и за укрепление международного мира. Это принесло католической церкви восстановление ее утраченного при Пие XII престижа как защитницы мира. Демократические силы страны положительно отнеслись к этой перемене в линии Ватикана. Обязательство церкви выступать и впредь с позиций защиты мира было торжественно провозглашено в известной энциклике «Мир на земле» («Pacem in terris»), опубликованной 9 апреля 1963 г.

Другим важнешим политическим нововведением Иоанна XXIII было установление своего рода гражданского мира среди населения. Как известно, в 1949 г., т. е. в самый разгар

«холодной войны», были официально отлучены от церкви все коммунисты и социалисты, а также те, кто за них голосовал или кто так или иначе сотрудничал с ними. Получалось, таким образом, что почти половина населения страны оказалась отлученной от церкви, причем в отношении коммунистов и социалистов священники действительно поступали так, как приказано: не допускали их в церковь, отказывались венчать, крестить детей и т. д. Результатом был не удар по левым силам, а снижение авторитета и роли самой церкви в общественной жизни. ХДП в глазах многих слоев населения была просто церковной партией со всеми присущими такому положению плюсами и минусами. В итоге в отношениях между церковью и гражданами постоянно возникали трения, а порой и острые противоречия, в конце концов оборачивавшиеся против самой церкви.

Иоанн XXIII в своей другой крупнейшей энциклике «Мать и наставница» («Mater et magistra») по сути дела перечеркнул провозглашенное Пием XII отлучение от церкви всех левых элементов. В энциклике говорилось, что необходимо проводить различие между заблуждениями и заблуждающимися, что в переводе на политический язык означало, что церковь считает необходимым продолжать идеологическую борьбу против коммунизма и других атеистических учений, но не только допускает, но и считает полезными различные формы контактов и сотрудничества католиков с коммунистами и социалистами ради достижения целей, признаваемых церковью.

Созванный по решению Иоанна XXIII Вселенский собор, работа которого началась 11 октября 1962 г., длилась с перерывами несколько лет[30] и завершилась уже после его смерти, утвердив все нововведения, а также внутрицерковные реформы. Решения собора имели важные политические последствия.

С одной стороны, церковь учла происшедшие в мире изменения, в частности рост влияния демократических сил, и отказалась от старых позиций, что в целом было полезно для прогрессивного развития Италии и других католических стран. Но это положительное изменение имело ту отрицательную сторону, что новые позиции церкви в столь важных вопросах вместе с модернизацией самого богослужения и отменой ряда устаревших положений в церковных учениях значительно подняли авторитет церкви, усилили ее духовное влияние на население. Другими словами, церковь стала более гибким и более сильным идеологическим противником коммунистического учения.

[30] I сессия: 11 октября — 8 декабря 1962 г.; II сессия: 29 сентября — 4 декабря 1963 г.; III сессия: 14 сентября — 21 ноября 1964 г.; IV сессия: 14 сентября — 7 декабря 1965 г.

Компартия приняла этот вызов, использовав прежде всего несравненно более широкие перспективы для политического сотрудничества с католическими массами и их организациями, где под влиянием общей политической обстановки в стране и деятельности Иоанна XXIII также произошли большие изменения. Наиболее реакционные гражданские комитеты практически почти совсем прекратили свою деятельность, была закрыта реакционная клерикальная газета «Куотидиано». «Католическое действие» стало больше уделять внимания чисто идеологическому воспитанию своих членов. Но наибольшие изменения отмечались в профсоюзных и полупрофсоюзных организациях. Католический профсоюз почти повсеместно перешел к единству действий с ВИКТ и социал-демократами, а АКЛИ занялась подробными исследованиями положения трудящихся, часто приходя к более прогрессивным выводам, чем правые социалисты и социал-демократы. Так, АКЛИ настойчиво требовала всестороннего государственного экономического планирования с широким демократическим контролем над его осуществлением.

Папа Иоанн XXIII умер 2 июня 1963 г. после четырех лет пребывания на престоле св. Петра. Его преемником был избран 22 июня 1963 г. кардинал Джованни Баттиста Монтини (Павел VI), долгое время состоявший при Пие XII государственным секретарем по иностранным делам. В первые месяцы своего правления Павел VI, лично придерживающийся довольно прогрессивных взглядов, прислушиваясь к мнению кругов, недовольных усилением сотрудничества католиков с демократическими силами, пытался воспрепятствовать этому процессу, но вскоре отказался от этой позиции под давлением общественного мнения. В то же время он с еще большей настойчивостью стал выступать за сохранение и укрепление мира, в частности неоднократно предпринимал действия в пользу мирного урегулирования военного конфликта во Вьетнаме.

Павел VI, следуя в этом примеру Иоанна XXIII, стремился к нормализации отношений с социалистическими странами. В 1966 г. было подписано соглашение между Ватиканом и Югославией о нормализации отношений и об обмене официальными представителями, а потом и об установлении дипломатических отношений. Позже были предприняты шаги по некоторой нормализации отношений с Венгрией.

Павел VI выступил с речью в защиту мира в Нью-Йорке на открытии очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В Нью-Йорке произошла его встреча с министром иностранных дел СССР А. Громыко. В январе 1967 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный после посещения Италии в качестве гостя президента Сарагата нанес — впервые в истории — визит папе Павлу VI.

В своей деятельности папа Павел VI учитывал различные настроения, имеющиеся в католической церкви, и со свойственной этой опытной организации традицией принимал меры к тому, чтобы внутри церкви не возникали острые конфликты. Поэтому, как правило, каждому прогрессивному шагу Ватикана сопутствует та или иная мера, служащая восстановлению и укреплению связей с наиболее реакционной частью католической иерархии. Папа стремится укреплять влияние католической церкви как путем обновления ее деятельности там, где это совершенно необходимо, так и путем сохранения ею традиционных реакционных позиций там, где это оказывается возможным. События, например, 1967 г. наглядно это подтверждают.

В середине 1967 г. Павел VI издал новую крупную энциклику «Развитие народов» («Populorum progressio»), в которой содержится резкая критика некоторых сторон капиталистической действительности в социальной области. Есть в ней и важное положение о допустимости вооруженной борьбы народов против деспотических режимов, представляющее собой отход от традиционных чисто пацифистских рассуждений церкви в этом вопросе. Но сразу же вслед за тем Павел VI совершил паломничество в Фатиму (Португалия) в связи с 50-летием так называемого явления богоматери в этом городе, как известно, представлявшего собой грубую антисоветскую провокацию католической церкви. Павел VI пытался оживить деятельность гражданских комитетов, выступил против предложений отменить безбрачие католических священников и т. д. В 1967—1969 гг. выступления папы за мир все больше теряли свою конкретную направленность против войны во Вьетнаме. В 1970 г. он во время поездки по Юго-Восточной Азии пытался продемонстрировать свою лояльность в отношении КНР.

НАЧАЛО ПЕРИОДА ЛЕВОГО ЦЕНТРА

В январе 1962 г. в Неаполе состоялся очередной съезд христианско-демократической партии, принявший, наконец, решение об изменении политической линии буржуазии в духе, давно и настойчиво предлагавшемся наиболее современными монополистическими кругами. Доклад о необходимости изменения политики ХДП в направлении отказа от центризма и перехода к коалиции только с республиканцами и социал-демократами с перспективой дальнейшего включения в правительственную коалицию социалистов был сделан политическим секретарем партии Альдо Моро. Его поддержали не только Фанфани и другие известные сторонники этой политики, получившей на съезде название левого центра, но и все руководители доротейцев, т. е. консервативного ядра партии.

Переход доротейцев на позиции левого центра означал победу этой политической линии внутри руководства ХДП. Вместе с тем весь ход и решения съезда самым наглядным образом продемонстрировали, что это вовсе не означало передачи руководства партией в руки Фанфани и его приверженцев. Напротив, доротейцы принимали политику Фанфани, но осуществление ее брали в свои руки.

Республиканцы и социал-демократы не замедлили дать согласие на левоцентристскую коалицию. Ненни и его сторонники добились ее поддержки социалистами в парламенте: они воздержались при голосовании доверия правительству.

Первое правительство левого центра, созданное 22 февраля 1963 г., возглавил Фанфани, но все важнейшие политические и экономические посты в новом правительстве оказались занятыми видными доротейцами типа Румора, Коломбо, Тавиани и другими, что на практике ограничивало роль Фанфани, ставило его под полный контроль умеренного центра ХДП. Это объяснялось не только недоверием партийных боссов к личным воззрениям Фанфани, но и опасениями, что в противном случае он действительно может стать руководителем партии, оттеснив доротейцев на второстепенные роли.

Важно отметить, что съезд ХДП в Неаполе прямо высказался за введение в Италии общего экономического государственного планирования и рекомендовал начать необходимую подготовительную работу. Характерно, что предшествовавший ему съезд социалистов лишь в очень робкой форме и в качестве далекой перспективы упомянул о возможности государственного экономического планирования. Следствием этого решения съезда ХДП явилось проведение в октябре 1962 г. идеологической конференции ХДП в Сан-Пеллегрино (так называемая вторая конференция в Сан-Пеллегрино) и официальное создание комиссии во главе с профессором Сарачено для подготовки государственного экономического планирования.

Создание правительства левого центра явилось существенным поворотом в политике итальянской монополистической буржуазии. Впервые после 1947 г. буржуазная партия ХДП приняла сотрудничество, хотя пока только в парламенте, социалистической партии. Это создавало в известной мере новую расстановку политических сил. Острие левого центра было недвусмысленно направлено против коммунистов, и от тактики ИКП в такой изменившейся обстановке зависело очень многое.

Политика левого центра явилась новой, более современной и гибкой формой борьбы итальянской буржуазии за укрепление своего политического господства, против последовательно демократических сил страны, против компартии и роста ее влияния среди населения. Этот переход был вынужденным для класса капиталистов

Италии, поскольку все иные меры, испробованные ею на практике для достижения этих целей, не дали нужного результата. Левый центр оказался, однако, вообще возможным лишь благодаря некоторому усилению в итальянском рабочем движении реформистских настроений, что нашло выражение в прогрессирующем поправении социалистической партии и в дальнейшем скатывании ее правого крыла на социал-демократические позиции. Тем самым для правящих кругов несколько расширялись возможности маневра, а стремление социалистических лидеров войти в правительство обеспечивало ХДП прикрытие слева и одновременно давало возможность внести раскол в рабочее и демократическое движение в стране и тем его ослабить, а в максимальном перспективном варианте — вообще изолировать коммунистическую партию от масс и нанести ее поражение.

Для совершения этого редко применявшегося в практике международной буржуазии маневра надо было принести в жертву интересы некоторых группировок самой буржуазии. Ясно, что речь не могла идти об ущемлении действительно решающих позиций монополистической буржуазии, но интересами некоторых менее значительных или недостаточно сильных буржуазных групп можно и нужно было пожертвовать ради укрепления положения класса в целом. Такого рода шаги совершались и в прошлом, например при проведении земельной реформы.

Программа правительства Фанфани 1962 г.— первого левоцентристского правительства Италии — содержала ряд относительно крупных социально-экономических реформ, которые уже многие годы фигурировали в программных требованиях коммунистической и социалистической партий. Имелось в виду, что осуществление этих реформ самим правительством подорвет массовую базу коммунистов и левых социалистов и тем в решающей степени ослабит и эти силы, и рабочее движение в целом. Правительство Фанфани заявило о своем намерении осуществить примерно в годичный срок национализацию электроэнергетической промышленности, ликвидировать испольщину и кабальные контракты об аренде в сельском хозяйстве, повысить минимальные пенсии всем трудящимся, провести законом некоторое повышение заработной платы, особенно низко оплачиваемым категориям, создать автономные области и пр. Все вместе это формулировалось как «демократический вызов коммунистам».

Компартия, учитывая, что в программе правительства Фанфани содержались серьезные социально-экономические реформы, разработала тактику своего рода конструктивной оппозиции: она поддерживала все те мероприятия, которые можно было считать прогрессивными, решительно выступая против отрицательных, консервативных и промонополистических сторон в деятельности пра-

вительства Фанфани, а также его уступок давлению США во внешней политике. Компартия голосовала против доверия этому правительству на том основании, что оно не дает гарантии выполнения прогрессивной части правительственной программы. Жизнь показала правильность этого анализа. Компартия постоянно предлагала свои конструктивные варианты решения каждого возникающего в стране и в парламенте вопроса, что лишило монополии всякой возможности изолировать коммунистов, превратить их в сторонних наблюдателей политической жизни.

Один из важных вопросов — национализация некоторых отраслей промышленности. Требование о национализации электроэнергетической промышленности выдвигалось коммунистами и социалистами еще с 1945 г. При этом они опирались на положение итальянской конституции о том, что отрасли хозяйства, жизненно важные для всей национальной экономики, могут быть национализированы. Электростанции и распределительные сети принадлежали ряду мелких электрокомпаний, а также крупной монополистической группе «Эдисон», руководство которой стояло на довольно реакционных политических позициях. Национализация этой отрасли не означала бы ликвидации всех этих фирм, поскольку ее предполагалось провести путем выкупа станций и сооружений, что предоставило бы в распоряжение бывших электрофирм значительные ликвидные средства, которые они смогли бы вложить в любую отрасль промышленности.

За подготовленный правительством законопроект о национализации электроэнергетической промышленности и о создании Национального управления электроэнергии (ЭНЕЛ), нового государственного монополистического объединения, голосовали в ноябре 1962 г. не только партии правительственного большинства и социалисты, но и коммунисты, против — вся правая оппозиция. Коммунисты предложили свои поправки к закону, которые были отклонены.

Правительство Фанфани с большим пропагандистским шумом выполнило также свои обещания о повышении минимума пенсионного обеспечения (на более низком уровне, чем это предлагали коммунисты) и о повышении заработной платы некоторым категориям трудящихся. Поскольку уровень заработной платы, а соответственно и пенсий в Италии самый низкий из всех стран «Общего рынка», это мероприятие не встретило заметного сопротивления предпринимателей.

Что касается обещания правительства Фанфани ликвидировать испольщину и пересмотреть контракты об аренде в сельском хозяйстве, то здесь положение оказалось очень сложным.

Испольщина как форма землепользования, сохранившаяся в Италии от феодальных производственных отношений, экономиче-

ски давно изжила себя и являлась одним из главных тормозов для развития сельского хозяйства страны. Действительно, при испольщине ни владелец земли, ни обрабатывающий ее испольщик никак не заинтересованы в том, чтобы делать капиталовложения для улучшения почвы и интенсификации производства. Дальнейшее экономическое развитие областей большого распространения испольщины, в первую очередь Центральной Италии, тем самым ставилось под угрозу, поскольку в других районах Италии производительность труда в сельском хозяйстве повышалась более быстрыми темпами. Мнение о необходимости ликвидации испольщины было распространено не только среди левых светских сил, но и среди католических кругов. Но способ ликвидации испольщины, а именно — отдать ли землю тем, кто ее обрабатывает (т. е. самим испольщикам), как этого требовали коммунисты и левые социалисты, или же отдать ее тому, кто сумеет вести хозяйство с наибольшей рентабельностью (т. е. капиталистам), как это предлагали демохристиане и их союзники,— вызывал острые политические споры, отражая различные классовые интересы.

Большим препятствием для ликвидации испольщины явилось также то обстоятельство, что в роли землевладельцев, паразитически получающих земельную ренту, в Италии, как правило, выступал не помещик феодального типа, в основном исчезнувший с земельной реформой, а современная городская интеллигенция, примыкающая к крупной или средней буржуазии. Это — разного рода предприниматели, адвокаты, врачи, архитекторы и другие лица свободных профессий, которые постепенно скупили у разоряющихся помещиков земли и стали сдавать их в испольную аренду. Поэтому, несмотря на очевидную экономическую отсталость этой формы землепользования, ее ликвидация оказалась в Италии более сложной политической задачей, чем экспроприация необрабатываемых помещичьих земель и проведение частичной земельной реформы. Что касается ненормальных аграрных соглашений, унаследованных от феодализма, а часто и от более отдаленных эпох, то в них были заинтересованы многие мелкие и средние землевладельцы, особенно южной части страны, составляющие массовую избирательную базу христианско-демократической партии. В итоге этот пункт программы правительства Фанфани осуществлен не был.

Наиболее отрицательную реакцию средней и части монополистической буржуазии вызвало нововведение правительства Фанфани в области налогообложения, причем речь шла не о введении нового налога, а лишь об упорядочении существующей системы его взимания. Правительственным декретом, утвержденным затем парламентом, в ноябре 1962 г. было постановлено, что впредь налог на акции будет взиматься в форме налога на дивидендные купоны акций и вместе с подоходным налогом. Сумма налога не увеличива-

лась, но становилось очень трудно скрывать истинные размеры доходов и занижать подлежащую обложению подоходным налогом сумму лицам, имеющим значительное количество акций. Кроме того, такая система взимания налога на купоны дивидендов делала почти невозможной передачу акций из одних рук в другие без изменения фамилии владельца, указанной на акции, вскрывала истинное движение акций.

И хотя реакция на этот шаг правительства носила в основном личный характер — каждый владелец акций, не протестуя в принципе против нового порядка уплаты налогов, стремился его обойти, экономические последствия оказались довольно тяжелыми. Началось невиданное в послевоенный период массовое бегство капиталов из Италии за границу, причем в основном различными нелегальными путями, вплоть до контрабандного вывоза больших сумм наличными. Эти деньги оседали в банках Швейцарии, Франции и Австрии и обычно возвращались в Италию под видом иностранного капитала, для которого действовали льготы в отношении выплаты дивидендов. Правительство ничего не предпринимало для того, чтобы остановить все усиливающийся спекулятивный поток денег за границу, а тем временем в стране начал ощущаться недостаток ликвидных средств, ввиду чего стало ограничиваться кредитование. Правые буржуазные круги использовали этот финансовый переполох для нападок на левоцентристский курс и на политику правительства, обвиняя его в подрыве доверия предпринимателей к существующему в Италии социально-экономическому строю. 31 мая 1963 г. генеральный директор «Банко италиано» Карли заявил, что в Италии наблюдается слишком большой рост заработной платы и что следует его сократить, а также снизить все государственные расходы. Тем самым он сформулировал принципы экономической государственной политики, получившей в Италии название «линии Карли».

Однако все эти финансовые передряги смогли приобрести действительно большое экономическое значение только ввиду того, что они совпали с началом очередного циклического кризиса, конечно усугубив его.

Эти события происходили на фоне сложной политической борьбы в стране. Каждая из сторон — буржуазия и рабочий класс — уточняла свои позиции.

В начале декабря 1962 г. в Риме состоялся X съезд Итальянской коммунистической партии. На съезде с докладом о проблемах борьбы за социализм, условиях мира и демократии выступил генеральный секретарь ИКП Пальмиро Тольятти. Съезд рассмотрел изменения, происшедшие в Италии, в частности, в связи с принятием итальянской буржуазией тактики левого центра, и подтвердил правильность своей тактики конструктивной оппозиции:

принимать, поддерживать и добиваться осуществления на демократической основе всего, что есть прогрессивного в программе правительства, и решительно бороться с антидемократической деятельностью левоцентристского правительства.

Съезд единодушно подчеркнул, что важнейшей задачей коммунистов является борьба за сохранение мира и предотвращение ядерной войны. Съезд указал на необходимость более активного вовлечения всех членов партии в разработку и осуществление ее политики, на необходимость усиления идеологического воспитания членов партии.

На съезде ИКП присутствовали, как обычно, делегации многочисленных братских партий, в том числе делегация КПСС, отметившие в выступлениях важную роль коммунистов в борьбе в Италии за мир, демократию и социализм [31].

Резким диссонансом прозвучало на съезде выступление представителя Коммунистической партии Китая, который с трибуны съезда заявил, что «политика ИКП не соответствует интересам итальянского народа». Это было первой открытой атакой КПК против братских партий. Съезд решительно отверг эти клеветнические слова. Руководство ИКП, однако, попыталось сохранить отношения с КПК и предложило прислать китайскую делегацию в Италию для ознакомления с деятельностью итальянских коммунистов. Такая делегация так и не приехала, а китайские лидеры продолжали резкие нападки на ИКП. В дальнейшем китайское руководство пыталось создавать в Италии свои раскольнические псевдокоммунистические группки, которые, однако, не смогли приобрести никакого политического влияния.

Правильность тактической линии ИКП была подтверждена итогами выборов 1963 г., а также усилением разногласий внутри ХДП и ослаблением позиций правых социалистов.

В июне 1963 г. правительство Фанфани ушло в отставку. Причины падения первого, самого прогрессивного правительства левого центра следует искать в том, что левоцентристская тактика не принесла монополистической буржуазии ожидаемых результатов. Действительно, при сформировании правительства было обещано в обмен на некоторые уступки со стороны буржуазии значительное сокращение активности рабочего движения, его постепенное ослабление. На практике же получилось как раз наоборот: месяцы пребывания у власти правительства Фанфани явились рекордными по числу и размаху забастовок, характерных к тому же не только повышенными экономическими требованиями, но и широким выдвижением лозунгов, имеющих целью введение некоторых элементов рабочего контроля. Профсоюзы требовали, например, призна-

[31] «X съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1963.

ния их организаций внутри предприятий, включения в коллективные договоры всех премий, надбавок и участия профсоюзов в определении норм выработки, расценок и т. д. В ходе этой борьбы фронт предпринимателей был довольно быстро прорван, поскольку администрация государственных предприятий приняла эти требования в сепаратном порядке; что касается частных монополий в металлургии и машиностроении, то потребовалась 8-месячная упорная забастовочная борьба, чтобы они приняли требования профсоюзов. Принципиально новым моментом явилось участие в этих забастовках рабочих заводов ФИАТ (впервые с 1953 г.).

В ходе забастовок 1962—1963 гг. постепенно стали нормой совместные выступления всех трех профсоюзных центров страны — ВИКТ, ИКПТ и ИСТ, что придавало выступлениям трудящихся все большую мощь.

Таким образом, левоцентристский эксперимент не только не привел к ослаблению рабочего движения в стране, а, напротив, совпал с периодом очень высокого накала забастовочной борьбы и быстрого и повсеместного усиления единства профсоюзных выступлений с преодолением, впервые после 1949 г., идеологических барьеров между профсоюзными организациями. Можно считать, что этому содействовало и то обстоятельство, что для проведения политики левого центра было необходимо идти на какие-то уступки трудящимся, т. е. то, что борьба рабочего класса стала более результативной.

Левый центр себя не оправдывает — таково было мнение все более значительной части буржуазии. Но принципиально иная политика была невозможна — это все понимали, и поэтому дело свелось к резкому ограничению программы Фанфани. В начале 1963 г. органы ХДП объявили о том, что ряд важных положений этой программы, включая создание областей и ликвидацию испольщины, выполнен не будет. Фанфани, хотя формально и оставался главой правительства до конца мая, фактически был отстранен от руководства правительством как сторонник чересчур радикальных взглядов.

Одна из важных причин этого шага, опрокинувшего первоначальные тактические планы инициаторов политики левого центра, заключалась в том, что на 28 апреля 1963 г. были назначены очередные парламентские выборы[32], и для руководящих кругов итальянской буржуазии было очевидным, что левые силы придут на них отнюдь не ослабленными. Другими словами, было ясно, что ХДП не сможет получить голоса избирателей левых партий,

[32] В январе 1963 г. был принят закон о сокращении срока полномочий сената с 6 до 5 лет (как и палаты депутатов); сенат был распущен и переизбирался одновременно с палатой депутатов.

тогда как потеря голосов в пользу социал-демократов была вероятной. Поэтому надо было подумать об увеличении избирательного корпуса ХДП справа, а для этого — успокоить мелких и средних буржуа, встревоженных размахом рабочего и демократического движения при правительстве левого центра, а также привлечь к ХДП бывших избирателей исчезающей монархической партии и по возможности — либеральной партии. Здесь было уже не до «демократического вызова».

«Поставив на место» Фанфани, руководство ХДП решило построить свою избирательную кампанию на откровенно правых, реакционно-консервативных лозунгах, не постеснявшись обращения к изжившим уже себя в Италии грубым антикоммунистическим выпадам.

Итоги выборов 28 апреля 1963 г. показали новый значительный сдвиг влево итальянского общественного мнения. Число поданных за компартию голосов увеличилось очень значительно — с 22,7% до 25,3% всех избирателей, или больше чем на 1 млн. Социалистическая партия, расплачиваясь за сдвиг вправо, не смогла улучшить свои позиции и даже потеряла в процентном отношении. В целом сумма голосов избирателей, поданных за две рабочие партии, выросла, что наиболее наглядно свидетельствовало о сдвиге настроений избирателей влево. Кроме того, сильно возросло число избирателей социал-демократов — с 4,5 до 6%, видимо за счет левых католиков. ХДП, собравшая 38,2 вместо 42,3% пять лет назад, потеряла голоса слева и лишь в незначительной степени сумела компенсировать эту потерю за счет голосов, подававшихся раньше за монархистов и за мелкие политические группки. В то же время либералы вдвое увеличили количество своих избирателей, главным образом за счет крайне правых партий и отчасти ХДП. Таким образом, и с политической точки зрения опыт левого центра не был блестящим для итальянских монополистических кругов. Но продолжать этот курс было для нее необходимо за неимением альтернативной линии.

Заботясь об укреплении левого фланга своей коалиции, доротейское руководство ХДП сочло, что наступило время для социалистов перейти от косвенной поддержки правительственного большинства левого центра в парламенте (социалисты воздерживались при всех основных голосованиях) к прямому их участию в правительстве. Поэтому после удаления Фанфани с поста председателя совета министров (июнь 1963 г) новое правительство было поручено сформировать Альдо Моро, политическому секретарю партии. Он согласовал с Ненни в основном консервативную программу будущего правительства. Однако пленум ЦК ИСП отверг это соглашение, поскольку поддерживавшая до этого Ненни группировка Ломбарди — Санти выступила вместе с левыми социалистами против

нового закулисного сговора Ненни. Ненни пришлось отступить. Очередной съезд ИСП, на котором должен был решаться вопрос о вхождении социалистов в правительственное большинство, был назначен на октябрь 1963 г.

На это время было создано однопартийное правительство Леоне, носившее в основном служебный характер. За него проголосовали только ХДП и монархисты, тогда как союзники по левому центру воздержались.

Очередной, 35-й съезд Итальянской социалистической партии собрался в Риме в конце октября 1963 г. Левое крыло партии было представлено на съезде примерно 40% делегатов, но оно не смогло закрепить июньских результатов и договориться с ломбардианцами о совместной предсъездовской платформе. Съезд проходил в полемике между правыми и левыми социалистами, но его исход, учитывая жесткую фракционную дисциплину правого течения, практически был предрешен уже при выборах делегатов съезда на конференциях провинциальных федераций. Следует отметить, что правые социалисты, имея в руках партийный аппарат и большие финансовые средства, совершили при этом ряд серьезных подтасовок, преднамеренно раздувая членский состав партии в тех федерациях, где они имели большинство.

По основному вопросу о возможности участия ИСП в левоцентристском правительстве съезд единодушно вынес постановление о том, что социалисты могут в нем участвовать при том условии, что правительственная программа будет содержать серьезные демократические обязательства[33]. Эта сама по себе правильная формулировка могла стать опасной на деле, что и произошло затем.

Итоги съезда социалистов развязали руки лидерам ХДП. Моро приступил наконец к формированию своего правительства, уступив пост политического секретаря видному доротейцу Марио Румору. Но напрасно было бы искать в программе правительства какие-либо ясные обязательства о проведении реформ. Все демократическое содержание программы сводилось к обещаниям о пресечении спекуляции участками земли, подлежащими застройке. Что касается испольщины, то правительство ограничивалось обещаниями о некотором улучшении положения испольщика путем увеличения его доли урожая с 53 до 58%. Правда, в программе правительства Моро содержалось положение о разработке плана экономического развития, что выдавалось правыми социалистами чуть ли не за революционное достижение. Но в целом программа правительства Моро была шагом назад не только по сравнению с программой правительства Фанфани, но и по сравнению с программой, согласо-

[33] PSI. 35° Congresso nazionale. Roma, 1964.

ванной в июне Моро с Ненни и отвергнутой тогда Центральным комитетом ИСП: новые уступки правого руководства ИСП позволили монополиям, стоявшим за доротейским ядром ХДП, отказаться от прежних обещаний.

На заседании ЦК ИСП, созванном для обсуждения программы правительства Моро, Ненни и его сторонники, сумев привлечь на свою сторону группу Ломбарди — Санти, грубо извратили дух решения съезда о возможности участия социалистов в правительстве и, используя численное большинство в ЦК, провели решение о переходе социалистической партии от внешней поддержки к прямому участию в правительстве левого центра во главе с Моро. Так, 4 декабря 1953 г. итальянские правые социалисты вошли в буржуазное правительство с консервативной по своей сущности программой.

Левые социалисты во главе с Веккьетти, Бассо, Валори, Гатто и другими не согласились с таким толкованием решений съезда и потребовали созыва чрезвычайного съезда партии для решения вопроса о вхождении социалистов в правительство Моро. В нарушение устава ИСП правое большинство ЦК отказалось выполнить это требование. Тогда левые социалисты — члены парламента в нарушение фракционной парламентской дисциплины в момент голосования доверия правительству покинули зал заседания. Под давлением правых членов руководства партии контрольная комиссия ИСП лишила за это левых лидеров социалистической партии права заниматься в течение года какой бы то ни было политической деятельностью, тем самым спровоцировав раскол партии.

В январе 1964 г. состоялась национальная конференция левого течения Итальянской социалистической партии, на которой было принято решение выйти из ИСП и создать новую классовую партию трудящихся — Итальянскую социалистическую партию пролетарского единства (ИСППЕ — так ИСП называлась до социал-демократического раскола в 1947 г.). Туллио Веккьетти был избран секретарем новой партии. ИСППЕ заявила, что она будет продолжать традиционную политику итальянских социалистов, в частности по-прежнему сотрудничать с компартией. Партия насчитывала тогда более 100 тыс. членов.

Компартия в принципе отрицательно относилась к перспективе раскола Итальянской социалистической партии, считая, что это объективно ослабит рабочее движение, развяжет руки правым социалистам для дальнейшего направления ИСП по социал-демократическому пути, создаст реальную угрозу раскола сотрудничества коммунистов и социалистов в местных органах власти, в профсоюзах и других массовых организациях трудящихся. Однако, когда дальнейшее пребывание левых социалистов в составе ИСП стало невозможным, компартия решительно поддержала новую

классовую социалистическую партию, последовательно проводя политику сотрудничества с нею. Были, в частности, отвергнуты попытки правых социалистов добиться исключения членов новой партии из состава демократических джунт в муниципалитетах и исполнительных органах массовых организаций.

После вхождения социалистов в правительство ИКП продолжала тактику конструктивной оппозиции, пока в программах и действиях правительства оставались хоть некоторые элементы прогрессивности. Но политика правительства, особенно после вхождения в него социалистов, быстро сдвигались вправо.

В середине 1964 г. правительство не получило доверия в парламенте по второстепенному вопросу о кредитовании частных школ. Начался длительный правительственный кризис. И хотя обычно для сформирования и утверждения нового правительства в Италии требуется месяц — полтора, положение в июне — июле 1964 г. выглядело несколько странным: при оживленной кулуарной политической активности в правящей группировке в парламент по многу дней не вносилось никаких конкретных предложений. Причины такого явления выяснились много позднее, в конце 1967 г., когда в прессе была разоблачена попытка организации в июле 1964 г. антидемократического государственного переворота.

Как стало известно, в эти дни при участии президента республики Сеньи, премьер-министра Моро, секретаря ХДП Румора и некоторых других политических деятелей была замышлена попытка использовать для борьбы против демократических сил страны военно-полицейский репрессивный аппарат. Контрразведка итальянских вооруженных сил (СИФАР) подготовила списки демократических политических деятелей страны, подлежавших аресту по сигналу из центра. Как было установлено на судебном процессе, неосторожно затеянном бывшим начальником СИФАР генералом Де Лоренцо против левого буржуазного еженедельника «Эспрессо» в конце 1967 — начале 1968 г., такие списки, содержавшие примерно 1800 имен, были разосланы из Рима префектам многих городов с указанием об аресте этих лиц и о направлении их в специально подготовленные концентрационные лагеря в Сардинии. Причем речь шла лишь о первой волне арестов! Стараниями командования карабинеров и при содействии отдельных командующих округами сухопутных и военно-воздушных сил были подготовлены и транспортные средства для проведения этой операции. Что же касается подавления реакции демократической общественности, то уже был отдан приказ по корпусу карабинеров о переводе его на чрезвычайное положение. Пока еще не полностью выяснена роль отдельных лиц и политических группировок в этом деле, ставшем в 1969—1970 гг. объектом парламентского расследования. Очевидно, что этот ухудшенный вариант авантю-

ры Тамброни не мог иметь реальных шансов на успех. Недаром, в отличие от прежних аналогичных попыток итальянской буржуазии, на этот раз речь шла о чисто верхушечном, заговорщицком решении проблемы подавления демократии в Италии без всякого, даже демагогического, обращения к массам. Видимо, относительно реакции этих последних на такой шаг у организаторов авантюры никаких сомнений не было. Отметим, что со своей стороны демократические силы уловили тогда увеличение политической напряженности и компартия в специальном обращении к стране призвала народные массы к бдительности.

Правительственный кризис лета 1964 г. закончился по сути дела ничем. Новое правительство вновь возглавил Моро, но из его состава ушли социалисты — бывшие центристы, составившие теперь часть нового левого крыла в ИСП. Их места заняли правые социалисты. Политическая линия правительства Моро практически свелась по своему содержанию к политике прежних центристских правительств, хотя и на основе обновленной системы союзов. Характерно, что прежняя правая оппозиция в ХДП, выступавшая ранее против политики левого центра, теперь присоединилась к доротейцам.

Рассмотрев программу и в еще большей степени — практику правительства, компартия в октябре 1964 г. констатировала, что левый центр полностью исчерпал себя и потерпел провал в своих попытках реформировать итальянский капитализм, укрепить его позиции. Левоцентристская политика монополий, достигнув лишь ограниченного тактического успеха в виде привлечения в правительственное большинство правого крыла социалистической партии, зашла в тупик, не решив проблем страны. Но альтернативной политики у итальянской буржуазии не было. Правительство левого центра, заявила компартия, должно быть ликвидировано, надо бороться за то, чтобы ему на смену пришло новое, действительно демократическое большинство, способное решить давно назревшие проблемы страны, ограничить всевластие монополий, повысить участие трудящихся в экономической и политической жизни страны.

Внешняя политика Италии в период правительств левого центра сохраняла в основном прежнее направление. Вместе с тем ее руководители не могли не учитывать все более ясно проявлявшуюся волю итальянского народа к миру.

Стремясь обеспечить себе поддержку американского империализма на случай внутреннего кризиса, итальянское правительство старалось сохранять свою лояльность в отношении НАТО. Еще в 1958 г. правительство Фанфани разрешило установить в Италии ракеты среднего радиуса действий, затем были предоставлены учебные полигоны для войск НАТО в Сардинии. Италия участво-

вала во всех комиссиях и комитетах, создававшихся НАТО в связи с различными вариантами образования многосторонних ядерных сил НАТО.

Но не это было главным для Италии. Характерным для 60-х годов в Италии является распространение антивоенных настроений практически на все слои населения, не исключая и крупнейших монополистических объединений. Для всех ответственных деятелей страны было ясно, что Италия в силу своего географического положения в центре Средиземного моря не имеет шансов остаться в стороне от военных действий в случае возникновения мирового конфликта. Экономика же Италии успешно развивалась в мирных условиях, а такая важная ее отрасль, как туризм, вообще мыслима лишь в условиях мира. У Италии нет никаких целей, которых она могла бы достигнуть на путях обострения международной напряженности.

Эти настроения итальянского населения были поняты и католической церковью, сделавшей при папах Иоанне XXIII и Павле VI выступления в пользу мира основой своей деятельности.

Демократические круги страны, прежде всего коммунисты, учитывая настроения масс, стремились придать им активный характер. Их цель состояла в том, чтобы массовые выступления носили не пацифистский, а активно антиимпериалистический характер. Действительно, народ Италии весьма остро и бурно выступал против созданного правительством США кризиса в Карибском море в октябре 1962 г. Демократическая общественность страны последовательно и настойчиво выступала за участие Италии во всех переговорах и мероприятиях в пользу разоружения, прекращения испытаний атомного оружия, неиспользования космического пространства в военных целях и т. д. Правительство Италии участвовало в комитете 18 держав по разоружению, присоединилось ко всем международным договорам по упомянутым вопросам.

Учитывая общие настроения населения и давление демократических сил, итальянское правительство во всех случаях обострения международной обстановки, как правило, направляло заинтересованным сторонам призывы к мирному урегулированию конфликта. Правда, эти шаги обычно предавались гласности лишь в ответ на парламентские запросы компартии и левых социалистов. Значительной силы достигло в Италии движение против возрождения нацизма в Западной Германии, особенно ввиду того, что населению была ясна связь между этими элементами и многократно повторявшимися террористическими актами немецких националистов в Альто Адидже.

Особенно широкий размах принимало в Италии движение в поддержку народа Вьетнама против варварской агрессии американского империализма. По стране собирали средства для меди-

цинской помощи борющемуся Вьетнаму, проводились тысячи митингов и манифестаций, представлялись запросы в парламент. Движение в поддержку Вьетнама было в Италии самым активным во всей Западной Европе.

Коммунисты старались придать антивоенному движению подлинно всенародный характер. Они устанавливали на этой основе союзы с любыми организациями и комитетами, выступавшими против войны, за мир, независимо от их политических и идеологических позиций.

К концу рассматриваемого периода в Италии практически не осталось серьезных противников развития экономических и культурных отношений с СССР и другими социалистическими странами.

Итальянским правительством был сделан ряд шагов в направлении улучшения отношений с социалистическими странами, прежде всего с СССР. В 1960 г. Советский Союз с официальным визитом посетил Президент Итальянской республики Дж. Гронки, а летом 1961 г. — председатель совета министров А. Фанфани. С советской стороны Италию посетил министр иностранных дел А. А. Громыко в 1966 и 1970 гг. и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный в январе 1967 г. Все эти визиты прошли с большим успехом и содействовали дальнейшему укреплению советско-итальянских отношений.

В августе 1964 г. Итальянскую коммунистическую партию, все демократические и передовые силы страны, международное коммунистическое движение постигло большое горе — под Ялтой, в Советском Союзе, где он с семьей находился на отдыхе, умер генеральный секретарь ИКП Пальмиро Тольятти. Весь итальянский народ переживал эту смерть как национальное горе. Похороны Тольятти вылились в многомиллионную демонстрацию, какой еще не бывало на улицах «вечного города». Демократические массы Италии не только отдавали тем самым дань уважения и любви своему выдающемуся руководителю, но и выражали веру в антифашистские демократические идеалы, доверие к Итальянской коммунистической партии — партии Грамши и Тольятти. На похоронах Тольятти присутствовала делегация КПСС во главе с Л. И. Брежневым.

Политические противники коммунистов рассчитывали, что смерть Тольятти дезориентирует и ослабит коммунистическую партию. Но эти надежды — в который раз! — быстро рассеялись. ИКП показала в дальнейшей борьбе свою неизменно высокую политическую зрелость, тактическую гибкость и боеспособность. Новым генеральным секретарем партии избран Луиджи Лонго.

В сентябре была опубликована так называемая Памятная записка Тольятти — составленное им незадолго до смерти изложе-

ние вопросов, по которым он предполагал беседовать с руководством КПСС[34]. Помимо других проблем в записке содержалось подробное изложение позиции ИКП по вопросу отношений коммунистов с католиками. Так, подчеркивалось, что в связи со значительными изменениями в позициях самой католической церкви, а особенно в результате развития демократического движения в стране и распространения идеалов социализма и в католических массах, проблема отношений коммунистического движения с католиками должна быть поставлена на новую основу постоянного поиска сотрудничества с ними и их организациями в политических вопросах и в повседневной экономической борьбе.

ИКП и раньше часто обращалась к вопросу о работе коммунистов с католическими массами. Для такой страны, как Италия, где практически все население — католическое, проблема преодоления антикоммунистических предрассудков католических масс является решающей для завоевания большинства населения на сторону идей социализма. Этот вопрос изучался еще в период фашизма, а в 1944 г., на V съезде ИКП, в Устав партии было записано, что членом партии может быть всякий, кто разделяет политическую программу партии, независимо от идеологических, религиозных и иных убеждений. Это открыло двери партии перед католиками, дало возможность сделать коммунистическую партию партией массовой. На VIII съезде ИКП было отмечено, что компартия должна стремиться к сотрудничеству в конкретных вопросах с рядовыми католиками, не принимающими политической программы партии. На IX съезде коммунисты пришли к выводу, что это следует делать и в отношении целых католических организаций. Выступая на X съезде, Тольятти отметил, что ряд положений христианского учения не противоречит целям социалистического движения. В Памятной записке помимо повторения этих уже известных положений было особенно подчеркнуто, что сотрудничество с католиками в конкретных экономических и даже политических вопросах — это не вопрос тактики на том или ином этапе борьбы, не преходящий момент, а часть общей стратегической линии коммунистов в специфических условиях Италии.

Памятная записка Тольятти произвела колоссальное впечатление на католические круги Италии прежде всего ввиду того, что она не предназначалась для опубликования. Со стороны ряда католических организаций была проявлена инициатива по установлению контактов с коммунистами для совместного обсуждения тех или иных конкретных проблем. «Диалог с католиками», как стали называть это явление, стал постоянной составной частью итальян-

[34] «Правда», 10.IX 1964.

ской политической жизни. Этот вопрос продолжал разрабатываться коммунистами на последующих пленумах ЦК ИКП и на XI съезде партии, состоявшемся в январе 1966 г. На этом съезде генеральный секретарь партии Луиджи Лонго подчеркнул необходимость и впредь вести самую широкую работу по привлечению католиков к решению назревших политических и экономических задач в демократическом духе, по развитию и укреплению нарождающегося единства действий рабочих и демократических массовых организаций независимо от идеологических убеждений их членов.

В ноябре 1964 г. состоялись частичные муниципальные выборы, в которых приняли участие 8 млн. избирателей (из 30 млн.). Несмотря на свой местный, не прямо политический характер, эти выборы были важны как барометр изменения настроений избирателей после вхождения социалистов в правительство и раскола ИСП. Выборы показали новый сдвиг влево: компартия еще улучшила свои позиции, собрав 26% голосов. Несколько увеличили число полученных голосов социал-демократы, социалисты потеряли более 3%. ИСППЕ, впервые после своего создания участвовавшая в выборах, собрала почти 3% голосов, что было хорошим результатом для партии, существовавшей всего полгода.

В связи с этими выборами в коммунистической печати были опубликованы статьи, посвященные идее создания в перспективе единой политической партии рабочего класса, которая была бы создана на базе всех имеющихся в Италии левых партий, так или иначе представляющих интересы трудящихся. Эта проблема, неоднократно поднимавшаяся и раньше, вызвала огромный интерес всех политических кругов, однако ее обсуждение проходило в обстановке значительных недоразумений. В одной из статей члена руководства ИКП Джорджо Амендолы вопрос был изложен таким образом, что статью можно было толковать как предложение немедленно приступить к созданию такой партии, причем на неясных политических и организационных основах.

Компартия отвергла такое толкование своих позиций, подчеркнув, что речь идет о перспективной цели, к которой надо стремиться, укрепляя сейчас единство действий отдельных отрядов рабочего движения и вырабатывая в ходе практической борьбы общую политическую программу.

В конце 1964 г. президент Итальянской республики Сеньи, перенесший незадолго до этого кровоизлияние в мозг, вышел в отставку. На конец декабря были назначены выборы нового президента республики. Президент избирается в Италии на совместном заседании двух палат с участием руководителей парламентов пяти итальянских автономных областей. Соотношение сил при выборах президента в 1964 г. было таково, что демохристиане могли бы избрать своего кандидата только при поддержке более правых пар-

тий и при условии, что среди самих демохристиан не будет раскола. Но такой раскол был налицо, поскольку левые демохристиане не были согласны с официальной кандидатурой Леоне. В первом туре были выдвинуты кандидатуры коммуниста Террачини, социалиста Ненни, социал-демократа Сарагата, демохристиан Фанфани и Леоне. После нескольких безрезультатных туров голосования, когда Террачини и Ненни сняли свои кандидатуры, коммунисты и представители ИСППЕ голосовали за Фанфани вместе с частью демохристиан, социалисты и социал-демократы голосовали за Сарагата, а остальные демохристиане и правые партии — за Леоне. В этих условиях коммунисты, чтобы воспрепятствовать избранию правого кандидата ХДП, проголосовали за Сарагата, который и был таким образом избран президентом Итальянской республики на 7-летний срок. Члены ИСППЕ до конца голосовали за Фанфани. Впервые в Италии главой государства оказался социал-демократ, причем избранный на этот пост голосами компартии. Это явилось большой политической и психологической победой левых сил и крупным поражением ХДП, не сумевшей провести своего кандидата.

Глубокие разногласия в ХДП, возникшие в связи с левоцентристским курсом и проявившиеся при выборах президента республики, грозили перерасти в настоящий кризис этой партии. Но меры, принятые Ватиканом, предотвратили открытый разрыв в партии, а последовавшие затем широкие политические уступки со стороны правых социалистов позволили руководителям ХДП найти компромиссное решение: коалиция левого центра сохранялась, но на все более умеренных политических позициях. На этой основе, удовлетворившей все течения ХДП, кроме синдикалистов, было временно вновь обретено внутреннее единство основных группировок итальянского класса капиталистов.

Одной из причин этого явились экономические трудности, возникшие в Италии в это время.

Экономический кризис 1964—1965 гг. наложил тяжелый отпечаток на всю жизнь Италии. Резко сократилась деловая активность, увеличилось количество банкротств, почти все предприятия монополий ввели неоплачиваемые отпуска рабочим и сократили рабочую неделю с соответствующим понижением зарплаты. Особенно сильно сократилось строительство. Произошло быстрое падение занятости, особенно женской, возросла учтенная и неучтенная безработица, многие трудящиеся, переехавшие на Север и нашедшие там работу, были вынуждены возвращаться в южные районы. Правительство, следуя указаниям президента «Банко итальяно» Карли, приняло ряд мер, основанных на классических капиталистических способах сокращения потребления в целях увеличения денежных средств для капиталовложений, предоставив монополиям ряд налоговых льгот и одновременно введя новые или увеличив старые

налоги на товары массового потребления. В частности, был увеличен налог на приобретение автомашин и ограничено их приобретение в рассрочку. Правые социалисты выдавали это за удар по ФИАТ, но на деле эта мера мало задевала автомобильную монополию, поскольку она как раз приступила к переводу предприятий на новые типы машин и сокращение рынка на нее не оказало влияния, даже, напротив, было ей выгодно, поскольку аккумулировало спрос на машины в будущие месяцы.

Спад производства вызвал большие изменения в экономике Италии. Резко ускорился процесс концентрации капитала, приведший к слиянию многих компаний и, в частности, к появлению новой гигантской частной монополии «Монтэдисон» в результате слияния «Монтекатини» с бывшей электромонополией «Эдисон», получившей компенсацию за национализированные предприятия.

Кризис 1964—1965 гг. фактически приостановил всю экономическую деятельность правительства, если не считать усиления налогообложения. Коммунисты предлагали провести ряд мер по оживлению производства путем увеличения объема государственных капиталовложений, повысить платежеспособный спрос при помощи увеличения заработной платы, принять меры против утечки капиталов за границу. Государственные объединения действительно несколько увеличили капиталовложения, смягчив тем самым безработицу в некоторых областях, остальные предложения демократических сил приняты не были. Правительство, в котором Ненни занимал пост заместителя председателя совета министров и имелось несколько министров-социалистов, действовало согласно так называемой линии Карли.

Преодолевался этот кризис медленнее, чем спад 1958 г.: весь 1965 год практически ушел на достижение прежнего уровня в ряде отраслей промышленности, и только в 1966 г. экономический подъем стал реальностью, хотя по-прежнему объем капиталовложений и закупок нового оборудования не достигал прежнего уровня. Не увеличивалась и занятость населения, особенно женского.

С принятием принципа общего государственного экономического планирования итальянская монополистическая буржуазия тесно связывала свою новую попытку добиться ослабления борьбы трудящихся за улучшение их материального и правового положения. С точки зрения буржуазных правящих кругов для осуществления экономического программирования, как в Италии обычно называют планирование, было бы необходимо, чтобы трудящиеся в лице профсоюзов со своей стороны взяли на себя соответствующие такому плану обязательства. Для достижения этой цели правящие круги соглашались на участие профсоюзов в разработке и в определенных пределах даже в контроле осуществления государственного экономического плана.

Сама по себе эта уступка буржуазии имела большое принципиальное положительное для рабочего движения значение, поскольку она свидетельствовала о том, что буржуазия *вынуждена* признать важную и все растущую роль трудящихся не только в производстве как таковом, но и в управлении им. Объективно — это шаг в направлении рабочего контроля над производством.

Но буржуазия не была бы сама собой, если бы не толковала эту меру как сотрудничество с профсоюзами при их полном подчинении государственной власти, т. е. как своего рода новый вариант корпоративизма и «классовой гармонии». Правящие круги требовали от трудящихся в обмен на формальное право участия в программировании реального обязательства об ограничении экономических требований определенными рамками, об ограничении роста доходов масс и, именно с этой целью, отказа от организации забастовок. Формально речь шла о государственном регулировании доходов всех слоев общества, откуда и укоренившееся название «политика доходов», но фактически — о замораживании заработной платы и об отказе профсоюзов от своих прав, завоеванных десятилетиями упорной борьбы с предпринимателями.

Для Италии такая постановка вопроса была новой лишь по форме. Зрелое и боеспособное итальянское рабочее движение сразу же вскрыло суть дела, давно ему знакомую. Недаром еще на IX съезде ИКП в 1960 г. в тезисах съезда было записано: «Нужно решительно отвергнуть выдвинутые крупными монополиями предложения и так называемые планы экономического развития, основанные на ограничении народного потребления, на урезывании фондов заработной платы или же отказе от их расширения»[35]. В тезисах выдвигались требования о расширении прав профсоюзов.

Не удивительно, что ВИКТ и компартия, одобрив в принципе участие трудящихся в государственном планировании, решительно заявили, что они не принимают «политику доходов» и ни в коем случае не пойдут на ограничение самостоятельности и независимости профсоюзов. Даже для правых социалистов принятие «политики доходов» оказалось невозможным. Католические профсоюзы согласились в принципе лишь с завуалированной формой этой политики в виде «сбережения по контракту», т. е. отчисления части зарплаты на блокированный счет, но не пошли на ограничение профсоюзных прав. Еще более левую позицию заняла АКЛИ. Другими словами, «добровольный корпоративизм» не был принят трудящимися классами Италии, и в этом, видимо, заключалась причина того, что введение экономического планирования в этой стране откладывалось из года в год.

[35] «IX съезд Итальянской коммунистической партии», стр. 10.

Компартия выдвигала предложение о выработке государственного плана еще на своем V съезде в 1946 г. и теперь быстро взяла на вооружение идею государственного экономического планирования. Она обосновала свое требование о демократическом программировании, которое предусматривало бы серьезные изменения в самом механизме накопления на основе демократического контроля за деятельностью монополий, обеспечивало бы перераспределение доходов в пользу трудящихся. Кроме того, демократическое программирование должно было бы иметь целью не только общее развитие производительных сил, но и осуществление структурных экономических преобразований, включая национализацию некоторых отраслей промышленности, всеобщую земельную реформу, ликвидацию испольщины, пресечение спекуляции землей в городах, расширение прав профсоюзов, введение элементов рабочего контроля и т. д. С этих позиций коммунисты вносили свои поправки в разработанные государственными органами планы общего и регионального развития, обеспечивая на этой основе единство различных антимонополистических сил.

Экономический спад был использован правительством для того, чтобы затянуть принятие общего плана экономического развития страны. Первый вариант плана был разработан в начале 1965 г. под руководством тогдашнего министра бюджета социалиста Джолитти. Он предусматривал определенные меры государственного вмешательства для исправления структурных несоответствий итальянской экономики. С уходом ряда социалистов, в том числе и Джолитти, из правительства план был забракован, новый вариант был разработан под руководством правого социалиста Пьераччини. Его осуществление предполагалось начать в 1965, затем в 1966 г., но обсуждение плана в парламенте простоянно откладывалось под различными предлогами. Когда же он был наконец внесен на обсуждение комиссий парламента, выяснилось, что план не предусматривает никаких мер, направленных на демократизацию отношений в экономике. Предлагавшиеся Джолитти реформы были из плана исключены. Коммунисты и унитарные социалисты выступили в комиссиях с рядом конкретных поправок и дополнений к плану Пьераччини, некоторые из них были приняты.

В ноябре 1966 г. в Центральной и Северной Италии произошло гигантское по своим масштабам наводнение, нанесшее стране убыток в сотни миллиардов лир. Особенно пострадали Флоренция, Венеция, Гроссето и многие другие города и районы. Правительство проявило абсолютную неорганизованность и неспособность оказать помощь пострадавшим. Эту задачу взяли на себя демократические силы, деятельность которых в большинстве случаев направлялась коммунистами. Помощь пострадавшим от наводнения поступала из многих стран. Большое количество продовольствия,

медикаментов и нужной одежды было направлено итальянскому населению советскими общественными организациями.

Бездеятельность правительства в этот острый момент вызвала критику в его адрес даже внутри демохристианской партии. К тому же оказалось, что экономический план, подготовленный правительством, совершенно не предусматривает работ, необходимых для того, чтобы избавить Италию от периодических опустошительных наводнений.

Что касается конкретного содержания государственного экономического 5-летнего плана, то вокруг него шла ожесточенная борьба буквально по каждой статье. Коммунистам вместе с другими демократами удалось достичь в парламенте некоторого улучшения отдельных положений плана, например об усилении развития промышленности Юга. В целом же план остался неудовлетворительным как по своим целям, так и по способам его проведения в жизнь, ввиду чего компартия и социалистическая партия пролетарского единства проголосовали в августе 1967 г. в парламенте против его одобрения.

В середине 60-х годов важным политическим вопросом стало положение в Федерации аграрных консорциумов (Федерконсорци). Это была огромная организация, созданная после войны как объединение кооперативов, снабжающих сельское хозяйство и скупающих его продукцию. Однако вскоре Федерконсорци превратилась в спекулятивно-монополистическую машину, во главе которой оказался один из самых темных дельцов ХДП Паоло Бономи, он же — председатель демохристианской Ассоциации мелких крестьян. Федерконсорци приобрела полугосударственный характер, поскольку ей было поручено осуществлять государственные закупки сельскохозяйственной продукции (до 1965 г), ввиду чего ее бюджет подлежал государственному контролю. Отметим, что бюджет Федерконсорци лишь ненамного уступал по своим размерам государственному бюджету Италии.

В 1964 г. обнаружили, что из кассы Федерконсорци было произведено неоправданных платежей на сумму около 1000 млрд. лир. Возник огромный политический скандал, поскольку было очевидно, что эти средства использовались в политических целях по усмотрению руководства ХДП. Компартия и социалисты требовали роспуска правления Федерконсорци и полной ее реорганизации на демократической основе. Верхушка ХДП не могла пойти на такой шаг, так как зависела в финансовом отношении от Бономи и боялась опасных разоблачений. Она принимала все меры для того, чтобы замять скандал, в чем ей постепенно все более активно помогали и правые социалисты.

В начале 1966 г. произошел очередной правительственный кризис, которого ожидали уже в течение нескольких месяцев. 21 янва-

ря правительство Моро подало в отставку по причинам внутрипартийных разногласий и трений с союзниками по коалиции. Урегулирование кризиса, носившего как бы «дворцовый» характер, заняло около месяца. 24 февраля новое правительство Моро приступило к выполнению своих обязанностей. Это было по-прежнему правительство коалиции левого центра, причем даже в составе министров произошли лишь незначительные изменения. Что касается программы этого третьего правительства Моро, то она отличалась еще большей умеренностью, чем предыдущие.

25—31 января 1966 г. в Риме состоялся XI съезд Итальянской коммунистической партии. С докладом «За мир, за продвижение вперед по итальянскому пути к социализму, за новое демократическое большинство, за единство социалистических и рабочих сил» выступил генеральный секретарь ИКП Луиджи Лонго.

Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на съезде, был весь комплекс проблем, связанных с антиимпериалистической борьбой, прежде всего во Вьетнаме, с сохранением мира и проведением политики мирного сосуществования. Под влиянием таких событий, как увеличение международной напряженности, агрессия империализма США в Юго-Восточной Азии, военный конфликт между Индией и Пакистаном, реакционные перевороты в некоторых освободившихся странах, в итальянском рабочем движении появились сомнения в правильности политики мирного сосуществования, в ее совместимости с антиимпериалистической борьбой. Эти настроения усиливались недостаточной информированностью о той помощи, которую оказывает социалистический лагерь, прежде всего Советский Союз, народам, борющимся против империализма, за свободу и национальное освобождение, и в первую очередь борющемуся вьетнамскому народу. Во все эти вопросы была внесена полная ясность. Было подчеркнуто, что Итальянская коммунистическая партия самым решительным образом выступает в поддержку вьетнамского народа, против империализма, за мир и мирное сосуществование. Было отмечено, что при анализе положения в мире не следует забывать о том, что, несмотря на увеличение агрессивности империализма, продолжается общий процесс усиления мощи социалистических стран, рабочего и национально-освободительного движения, что позиции реакции и империализма неуклонно ослабляются. Поэтому говорить о «кризисе политики мирного сосуществования» было бы неверно. Съезд потребовал проведения Италией миролюбивой внешней политики, невозобновления договора с НАТО в 1969 г., развития сотрудничества со всеми народами мира.

На съезде было отмечено, что внутри страны политика правительства левого центра потерпела провал. Она ставила своей целью стабилизировать политическое положение в стране, расколоть рабочее и демократическое движение в Италии, изолировать коммуни-

стическую партию. Ни одна из этих целей левого центра не была достигнута, хотя правые лидеры социалистов и старались помочь итальянской буржуазии в осуществлении этого маневра. В самом деле, политическое положение в стране по-прежнему оставалось неустойчивым, те реформы, которые были осуществлены, были приняты благодаря нажиму левых сил, рабочее движение приобрело еще больший размах, а об изоляции компартии от масс не могло быть и речи. Единственное «достижение» левого центра — это вовлечение социалистической партии в правительственную коалицию на сугубо подчиненной роли и создание тем самым определенной угрозы углубления раскола в рабочем движении страны, против которой, однако, выступали вместе с коммунистами Итальянская социалистическая партия пролетарского единства, левые социалисты и другие прогрессивные силы.

Тем не менее это обстоятельство в сочетании с трудным экономическим положением в стране, ростом безработицы, а также то, что демократическое движение не добилось демократического контроля за производством и ликвидации испольщины, привели к тому, что в итальянском рабочем движении возникли недовольство и некоторая неуверенность в правильности тактики компартии. Одновременно предпринимались попытки противопоставить борьбе за осуществление текущих требований трудящихся борьбу за так называемые более передовые, т. е. социалистические, цели. Эти предложения были расценены на съезде как попытка уйти от решения задач дня, перепрыгивая через трудности, а тем самым и отрываясь от реальной действительности. В итоге обсуждения этих проблем была еще раз подчеркнута необходимость сочетать борьбу за осуществление текущих требований трудящихся с борьбой за социалистические цели. Съезд единодушно принял решение бороться против правительственной коалиции, за новое демократическое большинство, за сохранение и расширение демократических свобод, за осуществление демократического экономического программирования, предусматривающего проведение глубоких преобразований в экономической структуре страны.

Важное место заняли на съезде вопросы внутрипартийной жизни.

Итальянская коммунистическая партия насчитывала к этому моменту 1615 тыс. членов плюс 175 тыс. членов Итальянской федерации коммунистической молодежи. Все коммунисты Италии были организованы в 27 670 ячейках, в том числе только 4,5 тыс.— на предприятиях. Итальянские товарищи считают большим недостатком свою относительную слабость на предприятиях. Молодежная федерация располагала сетью в 4310 кружков. Ячейки партии объединялись в 11 193 секции, которые входили в 113 федераций (некоторые провинции разделены на две федерации).

Большая разница в местных условиях в различных зонах Италии постепенно привела к созданию компартией своего рода промежуточных звеньев в виде общинных, городских, зональных и областных комитетов партии, которые выполняют функции координации работы соответственно секций и федераций партии, причем члены этих комитетов избирались руководящими органами секций и федераций. К XI съезду насчитывалось 18 областных, 314 зональных, 75 городских и 409 общинных комитетов. Под влиянием потребностей работы партии возникла тенденция к укреплению этих органов в партии. Вопрос об укреплении организационной работы ИКП неоднократно обсуждался на пленумах ЦК партии, а также на V Национальной конференции партии, состоявшейся в 1964 г. На съезде было подчеркнуто, что ленинский принцип демократического централизма, являющийся организационной основой коммунистической партии, требует, чтобы всякое решение активно выполнялось всеми членами партии, в том числе и теми, кто с ним не был согласен в ходе обсуждения. Иная практика привела бы к возникновению в партии организованных течений, фракций, т. е. к отрицанию демократического централизма и разрушению единства партии. Съезд единодушно проголосовал за такую позицию.

Съезд внес некоторые изменения в Устав партии, направленные на усиление роли областных комитетов партии и на изменение структуры центральных органов ИКП. В частности, из состава членов руководства партии стали избираться Политбюро и Бюро секретариата партии.

Результаты XI съезда ИКП имели большое значение для борьбы за восстановление и укрепление единства рабочего и демократического движения в Италии. Но были силы, выступавшие и с иных позиций.

В 1965—1966 г. продолжалось дальнейшее поправение социалистической партии и постепенное изменение ее классового состава за счет притока мелкобуржуазных карьеристских элементов и ухода из нее рабочих и ремесленников. На очередном, 36-м съезде в ноябре 1965 г., несмотря на возражения нового левого крыла и сторонников Ломбарди и Санти (располагавших на съезде 18% голосов), было принято решение о возможности слияния социалистической и социал-демократической партий. Социал-демократы были согласны на такое объединение, поскольку оно должно было произойти на типичной социал-демократической платформе. Съезд социалистической партии подтвердил давно защищавшиеся правыми социалистами положения о невозможности сотрудничества с коммунистами в борьбе за власть, поскольку компартия, мол, недемократически понимает ее осуществление. Было также официально принято весьма опасное для единства рабочего движения решение о замене в муниципалитетах левых джунт (коммунисты, социа-

листы, левые независимые) левоцентристскими джунтами на основе союза и в местных масштабах между социалистами и демохристианами. Что касается профсоюзного единства, то, учитывая решительное сопротивление социалистов — активистов профсоюзов расколу профсоюзных организаций, сторонниками Ненни было проведено решение о том, что впредь и в перспективе объединения с социал-демократами, имеющими собственные профсоюзы, члены социалистической партии вольны состоять в любой профсоюзной организации.

Работа по объединению социалистов и социал-демократов велась келейным способом руководствами обеих партий под демагогическим лозунгом социалистического объединения. Одновременно было усилено давление на местные организации социалистов с целью раскола левых джунт: в этом должно было состоять основное доказательство лояльности правых социалистов левому центру, которого от них требовали доротейцы.

Специальными комиссиями двух партий были выработаны проекты программного документа, широковещательно названного Хартией социалистов, и устава новой партии. Подготовленный группой правых руководителей социалистической партии отдельный документ, в котором выдвигалась идея самостоятельного «социалистического профсоюза», что было бы равнозначно расколу ВИКТ, вызвал настолько единодушный протест социалистов — профсоюзных активистов, что его пришлось аннулировать. Тем не менее попытки раскола единых левых профсоюзов правыми социалистами не прекратились и в дальнейшем.

Хартия социалистов была составлена с таким расчетом, чтобы в ней присутствовали все традиционные и для социалистов, и для социал-демократов положения. В ней говорилось и о классовой борьбе, и о невозможности сотрудничества с коммунистами, и о борьбе против монополий, и об исключительно мирном, реформистском пути к социализму и т. д.

Устав новой партии предусматривал свободу течений и образования фракций, хотя и утверждал, что идеологической основой партии является учение научного социализма. Социал-демократы, влияние которых в стране при левоцентристском правительстве увеличивалось за счет социалистов, настояли на том, чтобы до выборов в парламент в 1968 г. все органы партии состояли из механически объединенных прежних руководящих органов двух партий в центре и на местах.

Обсуждение проектов указанных выше документов в социалистической партии не было допущено, и состоявшиеся в конце октября 1966 г. чрезвычайные съезды двух партий, а затем учредительная конференция объединенной ИСП—ИСДП, как временно стала именовать себя эта партия, утвердили их также без об-

суждения. Председателем партии был избран Пьетро Ненни, сохранивший пост заместителя председателя совета министров; двумя секретарями партии стали бывшие секретари ИСП Де Мартино и ИСДП Танасси. Партия была признана членом Социалистического интернационала.

Надежды на то, что новая партия привлечет в свои ряды и левые беспартийные массы, не оправдались. В партию вошли некоторые перебежчики из ИКП, ушедшие или исключенные из нее в прежнее время; к ней примкнуло небольшое число творческой интеллигенции. На частичных муниципальных выборах в ноябре 1966 г. объединенная партия собрала меньше голосов, чем избиратели ранее подавали за две партии в отдельности. Внутри громоздкого и малооперативного аппарата новой партии постоянно возникали трения и разногласия, при тайном голосовании в парламенте часть социал-демократов голосовала иначе, чем бывшие социалисты. Все это ослабляло престиж партии, несмотря на поддержку, оказываемую ей президентом республики Сарагатом.

Правда, некоторое усиление позиций объединенной социалистической партии наблюдалось на Юге, что сопровождалось ослаблением в ряде мест влияния коммунистической партии. Но это явление носило сугубо местный характер и объяснялось прежде всего недостаточной политической зрелостью трудящихся Юга Италии, временно поддавшихся иллюзиям, распространившимся в связи с участием социалистов в правительстве. С другой стороны, здесь отмечался и прилив в объединенную партию тех сил и элементов, которые рассчитывали устроить свои личные дела благодаря принадлежности к новой правящей партии. Это было особенно заметно при местных выборах. Некоторое сокращение числа избирателей компартии имело как субъективные причины (слабая работа отдельных партийных организаций), так и причины объективные (постоянная сильная эмиграция из этих районов наиболее активных элементов, среди которых много коммунистов).

Раскольнические поползновения правых социалистов распространялись и на действия масс в защиту мира.

К середине 1967 г. в Италии усилилось движение в защиту Вьетнама. Под лозунгами немедленного прекращения американских бомбардировок Северного Вьетнама и начала переговоров в целях политического урегулирования конфликта объединились многочисленные организации, в которые входили широкие слои общественности от коммунистов до католиков. Социалисты также активно участвовали в этом движении, что вызывало все большее беспокойство правых руководителей этой партии.

Политический кризис на Ближнем Востоке и агрессия Израиля против арабских стран дали Ненни и его сторонникам желанный повод для выступления против единого антиимпериалистиче-

ского движения. Сознательно и злонамеренно смешивая проблематику фашистских и нацистских преследований евреев с политикой государства Израиль и борьбой арабских народов, используя крайние пропагандистские лозунги отдельных арабских лидеров, правые социалисты развернули шумную, несколько истеричную кампанию в «защиту Израиля».

Коммунистическая партия заняла спокойную и уравновешенную позицию, подчеркивая право всех государств этого района на существование и безопасность и отмечая необходимость решения конфликта мирным путем на основе безусловного вывода израильских войск с захваченных ими территорий. Интересно отметить, что позиция правительства и ХДП оказалась по этому вопросу ближе к точке зрения коммунистов, чем руководства социалистов. К концу лета 1967 г. произраильский угар в Италии прошел, требование о мирном урегулировании конфликта на Ближнем Востоке стало доминирующим. Движение солидарности с Вьетнамом вновь стало обретать прежнюю силу.

В других партиях коалиции отмечались противоречивые процессы. Формальное восстановление единства христианско-демократической партии на базе слияния правого крыла с доротейцами (за что последние заплатили избранием Шельбы на главным образом почетный пост председателя партии) не приостановило политической борьбы внутри ХДП. С течением времени в этой партии все заметнее проявлялось недовольство безрезультатностью курса ее руководства, которое систематически оказывалось в хвосте событий и было не в состоянии вовремя отражать изменения в настроениях членов и избирателей ХДП. Между тем 1966 и 1967 гг. принесли новые доказательства дальнейшего сдвига влево и этих слоев итальянской общественности.

Действительно, в эти годы для Италии стало нормой не только совместное участие трех профсоюзных объединений в забастовочной борьбе, но и совместная подготовка ими тех требований, которые они предполагали выдвинуть перед предпринимателями. Большим шагом в деле укрепления единства трудящихся явилось официальное установление контактов между этими профсоюзными центрами с целью договориться в перспективе об организационном единстве профсоюзов в Италии. АКЛИ заняла еще более радикальную позицию, объявив о своем официальном разрыве с ХДП. Правда, это не помешало этой организации сохранить своих представителей в составе руководящих органов ХДП и призвать своих членов голосовать за эту партию на парламентских выборах 1968 г. Позже она полностью порвала официальные связи с ХДП.

Все более левая ориентация членов христианско-демократической партии явственно проявилась на X съезде ХДП в конце ноября 1967 г. Официальная руководящая группа партии, от Фан-

фани до Шельбы, собрала только 64% голосов делегатов вместо прежних 80%. В то же время неожиданно сильной оказалась левая оппозиция руководству, требовавшая более решительных реформ в социально-экономической области. Традиционные левые группы, включая синдикалистов, собрали 24%, а вновь образовавшаяся оппозиционная группа Тавиани набрала, к его собственному удивлению, 12%, так что оппозиция слева превысила одну треть состава национального совета партии. Характерным для съезда было и отсутствие антикоммунистических выпадов. Правда, съезд почти не внес персональных изменений в состав руководства партии, но фактически поставил перед ним проблему выработки новой, более гибкой политической линии на период после очередных парламентских выборов. Это означало, что политика левого центра оказалась несостоятельной и что правящие круги итальянской буржуазии опять должны были искать новых путей для сохранения и укрепления своей политической гегемонии.

«ЛЕВЫЙ ЦЕНТР» В ТУПИКЕ

19—20 мая 1968 г. в Италии прошли пятые послевоенные выборы в парламент. Итоги их были настолько очевидными и однозначными, что практически все политические обозреватели как в Италии, так и за границей оказались совершенно единодушными в их принципиальной оценке: дальнейший сдвиг влево общественного мнения страны, большой успех левых сил, прежде всего коммунистической партии и Итальянской социалистической партии пролетарского единства, дальнейшее ослабление правых партий и политическое поражение объединенной партии социалистов и социал-демократов. ХДП в общем сохранила свои избирательные позиции.

При оценке развития событий в Италии этого времени иногда высказывалось мнение, что в стране происходила борьба трех сил: прогрессивных левых, правительственной коалиции и правой оппозиции. Трудно согласиться с таким мнением. В самом деле, те партии, которые при таком взгляде относились к правой оппозиции — либеральная, монархическая и неофашистское «Итальянское социальное движение»,— не могли считаться самостоятельной политической силой. Дело не только в том, что они численно малы и что их влияние все больше падало, что подтвердили и выборы 1968 г. Характерным для этих партий было отсутствие массовой поддержки в стране, а для Италии это является первым и необходимым условием для того, чтобы быть политической силой. У них и не было шансов стать сколько-нибудь массовыми: либеральная партия опиралась прежде всего на среднюю и отчасти мелкую буржуазию — слой, как известно, численно не увеличивающийся

На майских выборах за нее проголосовало 5,8% вместо 8% за пять лет до этого. Избирательной средой монархической партии служило отставное офицерство да полицейские чиновники старой закалки и лишь в незначительной степени некоторые старомодные полупомещичьи круги на Юге Италии. Другими словами, здесь речь шла скорее о сентиментальной привязанности к идеалам молодости — до первой мировой войны,— чем о политической линии, имеющей хотя бы отдаленное отношение к современной итальянской действительности. Соответственным был и результат на выборах: 1,3% голосов вместо почти 7% на парламентских выборах в 1953 г.

Несколько сложнее обстояло дело с неофашистской партией. В прошлом фашистское движение черпало массовую поддержку, как известно, прежде всего среди мелкобуржуазных слоев населения и лишь в незначительной степени — среди наемных работников промышленности и деревни. Тем рычагом, при помощи которого эта поддержка завоевывалась, была в основном социальная демагогия, словесная шумиха против крупного капитала, а также шовинистическая болтовня на темы о величии Италии — наследнице Римской империи, подражание римским императорам и прочие дешевые приемы. В Италии 1968 г. всякая риторика на эти темы не могла вызвать ничего, кроме снисходительной улыбки и в лучшем случае шуточного комментария в газетном фельетоне. Но проблема социального протеста, естественно, имела место и сейчас. Недаром неофашистская партия присвоила себе название «социального движения». 1,4 млн. избирателей, которые отдавали свои голоса этой партии, можно было в основном разделить на две группы. Первая из них — это представители тех профессий, которые при фашизме находились в привилегированном материальном положении и которые, следовательно, голосовали за нее по инерции. Сюда относились, например, некоторые категории чиновничества финансовой, железнодорожной, почтовой и других служб. При этом в профсоюзном плане они могли стоять и действительно стояли на совершенно иных, вполне прогрессивных позициях и участвовали в забастовках исходя из реальных условий момента. Другая группа — это прежде всего учащаяся молодежь, преимущественно младших курсов университетов. В основном они шли за этой партией в силу стихийного социального протеста, еще не понимая, что неофашистская партия не только бессильна что-либо сделать, но и не имеет в виду действительную борьбу за социальную справедливость. По прошествии некоторого времени и повышения политического сознания эта категория избирателей переходила к другим политическим силам. В итоге влияние партии падало: в мае 1968 г. она собрала 4,5% голосов вместо 5,1% на предыдущих выборах. В то же время неофашистская партия располагала некоторым количеством хорошо оплачиваемых активистов, ко-

торые не только вели щедро финансируемую монополиями демагогическую пропаганду, но и организовывали разного рода провокационные террористические налеты на демократические организации, пользуясь при этом поддержкой полиции. Действительно влиятельные реакционные силы стоят в Италии не за этими партиями, а за правым крылом ХДП.

Крайне правые партии, следовательно, не играли существенной политической роли. Даже использовать их как скудный резерв было очень трудно для христианско-демократической партии во все более тяжелой борьбе с левым демократическим движением, достигшим нового успеха на выборах.

Предшествовавшая выборам политическая кампания проводилась левыми силами страны на основе соглашения, заключенного первоначально в конце декабря 1967 г. между компартией и социалистической партией пролетарского единства. К этому соглашению примкнуло течение автономных социалистов, созданное в конце 1965 г. теми членами социалистической партии, которые не согласились войти в объединенную социалистическую партию, а также многие беспартийные левые политические деятели, например бывший партизанский руководитель Ферруччо Парри. Это соглашение предусматривало выдвижение совместных кандидатов в сенат, при выборах которого действует так называемая униноминальная система (по каждому избирательному округу от каждой политической группировки выдвигается один кандидат; голоса же, поданные за неизбранного кандидата, в национальном масштабе не учитываются). Это дало возможность левым силам провести в сенат дополнительное количество своих представителей. Но основное значение этого соглашения состояло в том, что оно открывало путь для дальнейшего объединения левых сил на основе широкой совместно разработанной межпартийной платформы политической борьбы.

Эта платформа предусматривала совместную борьбу левых сил против коалиции левого центра и особенно против фактического проведения этой коалицией консервативной, центристской по своей сути политики, за замену его новым, действительно демократическим большинством, которое сумело бы правильно поставить и решить проблемы, выдвинутые перед итальянским народом экономическим, социальным и политическим развитием страны.

Основной политической силой, выступающей за социальный прогресс и в дальнейшем за социализм в Италии, на майских выборах вновь показала себя Итальянская коммунистическая партия. Хотя никто не сомневался в прочности ее влияния среди итальянского населения, мало кто ожидал столь значительного продвижения вперед. Компартия получила дополнительно около 850 тыс. голосов, так что в общем за нее проголосовало 8,5 млн.

человек, или 26,9% всех избирателей против 25,3% пятью годами раньше.

Выборы 1968 г. не явились для компартии просто дальнейшим развитием успехов, достигнутых ранее. Они принесли с собой некоторые важные качественные изменения.

Прежде всего важно то, что рабочий класс, включая и самое молодое его поколение, отдал предпочтение коммунистам перед всеми другими политическими партиями. Причем это относится не только к городам северных районов страны, но и к Югу — точнее, к тем городам на Юге, где уже сложились крупные промышленные предприятия. Так, в Турине (данные по провинциям) компартия собрала 28,6% (против 24,6% в 1963 г.), в Милане — 26 (23), в Генуе — 31,3 (28,3), в Венеции — 26,0 (23,3), в Неаполе — 27,7 (25,6), в Таранто — 32,0 (28,4), наконец в провинции Сиракузы, где находится промышленный центр Джела, на Сицилии,— 28,5% (27,6%).

Другой важный результат выборов — значительное укрепление позиции компартии в так называемых белых районах страны, а именно в крестьянских провинциях долины р. По. Здесь исторически сложилось такое положение, при котором церковь и христианско-демократическая партия имели подавляющее влияние не только в политическом, но и в экономическом отношении. Дело в том, что существовавшая здесь кооперативная сеть, объединяющая крестьян — мелких собственников земли, что характерно для этих районов, находилась под прямым контролем церкви и многомиллионного Союза мелких производителей,— политически контролируемого христианско-демократической партией через ее ставленника Бономи. Поэтому проникновение компартии в эти районы наталкивалось не только на политическое, но и на экономическое сопротивление, и это было чрезвычайно сильным оружием. Выборы 1968 г. показали, однако, что настроения мелких крестьян начали меняться, что они были уже не столь уверены в том, что коммунисты — это якобы враги их права собственности на землю. Конечно, по сравнению с данными по крупным городам, цифры «белых районов» могли показаться весьма скромными: 14,4% (11,7%) в Вероне, 15,7 (14,0) в Падуе, 9,3 (7,9) в Виченце, 10,4% (8,5%) в Бергамо и т. д. Но это не только проценты, завоеванные в очень упорной и трудной борьбе, но и голоса в значительной мере нового для компартии трудового социального слоя Италии.

Еще одно крупное достижение, о котором свидетельствовали выборы 1968 г.,— это явный приток к компартии голосов наиболее молодой части избирателей. В этом плане очень показательны данные о выборах в Риме, городе чиновников и учебных заведений, в котором нет значительного роста промышленности. Здесь компартия собрала 28,2% голосов против 26% пять лет тому на-

зад. Есть все основания полагать, что этот прирост произошел прежде всего за счет студентов. Дело в том, что столь характерные в этот период для Западной Европы студенческие волнения первыми начались в Италии осенью 1967 г. Они, так же как и в других странах, сопровождались столкновениями с полицией и попытками безответственных левацких элементов спровоцировать беспорядки. Компартия в общем своевременно обратила серьезное внимание на студенческое движение, выработала свою позицию по поставленным студентами проблемам демократизации системы народного просвещения, упорно защищала ее в парламенте и в стране, благодаря чему ИКП и была признана значительными студенческими массами той партией, которая достойно представляет их интересы. Благодаря оппозиции компартии в парламенте не прошел закон о реформе университетов, против которого выступали студенты.

Трудным для Итальянской коммунистической партии районом оставался Юг страны. Но и здесь политическая география изменилась в общем в благоприятном для нее направлении. Относящийся по всем статьям к Югу остров Сардиния на этот раз проголосовал «по-северному»: количество поданных за компартию голосов увеличилось с 22,5 до 23,7%. В континентальной части страны и на Сицилии позиции партии практически не изменились.

Тот факт, что на политических выборах на Юге компартия имела лучшие результаты, чем на выборах местного характера, указывал и на причины этого явления. Прежде всего — на местных выборах не голосуют эмигранты. На парламентских выборах избиратель голосует в основном соответственно своим политическим симпатиям, а на местных выборах — учитывая также и соображения клиентелистского, как говорят в Италии, характера: обещания того или иного лица построить в данной деревне завод, дорогу, открыть контору или дать иную возможность подработать. В большей мере при местных выборах сказывается и прямой подкуп избирателей.

Парламентские выборы 19—20 мая 1968 г. были первым испытанием такого рода для Итальянской социалистической партии пролетарского единства. Она его успешно выдержала. Собранные ею 1,4 млн. голосов, или 4,5%, свидетельствовали о том, что она приобретала массовую поддержку, прежде всего в небольших городах. До выборов правая печать утверждала, что ИСППЕ якобы явится на выборах соперником не социалистической партии, а отнимет часть голосов у компартии и что, таким образом, общее влияние левых партий не увеличится, а просто произойдет некоторое перераспределение сил между ними. Эти прогнозы самым категорическим образом были опровергнуты майскими выборами:

ИСППЕ собрала сотни тысяч голосов дополнительно к миллионам голосов компартии, причем — и это очень характерно — наибольший успех унитарные социалисты имели как раз в тех районах и городах, где и компартия имела наибольшее продвижение вперед.

Не смогли помешать общему сдвигу влево итальянских избирателей и левацкие группки и партийки, выступавшие перед выборами с открыто антикоммунистических позиций. Это относилось как к более «серьезным», давно существующим в Италии троцкистским группам, так и к чисто авантюристическим группкам политических проходимцев, которые были созданы в Италии в 1963—1968 гг. китайским руководством. Их призыв опускать в урны недействительные или незаполненные бюллетени не имел практического эффекта: число таких бюллетеней по существу не отличалось от результатов прошлых выборов.

В правительственном лагере результаты выборов оказались неодинаковыми для составляющих правящую коалицию партий. Крупнейшая из них — христианско-демократическая — формально даже несколько улучшила свои позиции: за нее проголосовали почти 12,5 млн. избирателей, что составляет 39,1% всех действительных бюллетеней. Это означало рост избирательного корпуса этой партии на 0,8%. Однако это произошло за счет притока избирателей, ранее голосовавших за правые партии, тогда как часть тех, кто за пять лет до этого отдавал свои голоса католической партии, ныне проголосовала за более левые политические силы. Важно также отметить, что при голосовании многие избиратели ХДП отдавали предпочтение тем деятелям этой партии, которые были известны своими левыми взглядами (в Италии избиратель не только отмечает на бюллетене, за какую партию он голосует, но и в списке кандидатов этой партии указывает, кому лично он отдает предпочтение). В результате среди 266 депутатов и 135 сенаторов от ХДП стало значительно больше, чем раньше, людей с более прогрессивными взглядами, особенно по социальным вопросам.

Республиканская партия, получившая на предыдущих выборах 1,4% голосов, улучшила свои позиции, собрав 2%. Достигнуто это было путем более или менее демагогических критических выступлений против политики того самого правительства, в которое входили и республиканцы. Политические позиции лидеров республиканской партии, прежде всего Ла Мальфа, были очень близки к типичным социал-демократическим взглядам. Так, Ла Мальфа усиленно пропагандировал так называемую политику доходов в ее реакционном понимании как линии, якобы обеспечивающей достижение социального мира при одновременном увеличении производительности труда. Не имея собственной политической линии,

республиканские лидеры, как правило, выступали в примитивной роли постоянных младших партнеров ХДП. Впрочем, их роль логически вытекала из антикоммунистических предрассудков, от которых они не могли освободиться.

Несмотря на прирост голосов этих двух партий, в целом коалиция левого центра, на которой базировалось итальянское правительство, потерпела на выборах поражение. Правда, потери больше всего коснулись Объединенной социалистической партии, оказавшейся глиняным горшком среди чугунков.

На предыдущих выборах две партии, входившие ныне в объединенную социалистическую партию, собрали около 20% голосов избирателей. В 1968 г. за них проголосовали лишь 14,5%. Их представительство в парламенте значительно сократилось.

Инициаторы сдвига прежней социалистической партии вправо, а затем ее вхождения в правительство и позже слияния с социал-демократической партией, т. е. деятели типа Ненни, Каттани и других, составившие позже так называемое министерское крыло в ОСП, полагали, что такая эволюция социалистической партии непременно вызовет энтузиазм у всех сторонников объединения социалистических сил в Италии. В перспективе они уже видели не только превращение ОСП в ведущую партию рабочего движения Италии вместо потерпевшей поражение и исчезнувшей компартии, но даже и занятие социалистами командных постов в правительстве вместо ХДП. Выборы должны были подтвердить развитие в этом направлении. Но сложилась как раз обратная ситуация.

Выборы 19—20 мая показали, что близорукая антикоммунистическая политика лидеров ОСП, оторванная от всякой действительности, привела эту партию к тяжелому политическому поражению. Избиратели не одобрили ее правосоциалистической линии. Психологический шок, а главное — полный провал целой политической линии, созданной ценой огромных жертв и унижений для славной в прошлом Итальянской социалистической партии, во много раз усилили эффект политического поражения, которое понесла ОСП. Все присущие этой партии противоречия резко обострились. Кризис в ОСП оказался настолько глубоким, что фактически он так и не был преодолен в рамках этой партии.

Выборы 1968 г. показали, что в Италии сложилась в значительной мере новая политическая обстановка. Широкий политический маневр итальянской буржуазии, именуемый политикой левого центра, был в общем отвергнут широкими массами населения и если не потерпел полный провал, то оказался близок к этому. Около одной трети всех избирателей прямо высказались против левого центра, выступая за новую политику, учитывающую реальные нужды страны. Это осознали и сами сторонники

левого центра, испытывавшие теперь глубокое замешательство. Политический тупик, в который зашла правительственная политика, усугублялся тем, что в результате ослабления в парламенте крайне правых партий ХДП уже даже арифметически не могла прибегнуть к варианту правого центра, если она не хотела заключать союза с неофашистами. А политически это было бы крайне трудной операцией.

Следовательно, перед итальянской буржуазией в принципе открывался весьма небольшой выбор; или попытаться пойти по пути реакционных авантюр с риском потерпеть поражение от объединенных демократических сил страны, или же, идя на существенные уступки трудящимся, искать определенный модус вивенди с теми политическими силами, которые выражают интересы трудового народа.

Но и то, и другое было делом довольно длительной перспективы. Что же касается ближайших месяцев после выборов, то правящие круги предприняли попытку «склеивать горшки», побитые при избирательной встряске в «красном мае».

Важно подчеркнуть, что в противоположность растерянности и замешательству в правительственном лагере политика левых сил уже была определена. Ее основной лозунг — единство. Единство всех тех сил, которые хотели обновления Италии, ее развития по пути демократии и прогресса, которые хотели перемен в Италии и знали, каких именно и какими путями их можно достичь. Соглашение о программе первоочередных требований, заключенное после выборов между компартией, унитарными социалистами и независимыми демократами, входившими в группу Ферруччо Парри, явилось важным шагом по пути, предопределенному выборами 1968 г. Правда, дальнейшее углубление процесса политических союзов было позже задержано рядом обстоятельств.

Острый кризис ОСП заставил ее руководство принять решение о выходе социалистической партии из левоцентристской коалиции с тем, чтобы социалисты могли сначала привести в порядок свои внутренние дела, а затем вновь поставить на своем первом (для объединенной партии) съезде осенью 1968 г. вопрос о возвращении в коалиционное правительство. Это решение сопровождалось возникновением в ОСП нового раскола, связанного с существованием в партии так называемого «министерского» крыла. Выступая за безоговорочное участие в правительстве, «министерское» крыло было вынуждено согласиться на выход из правительственной коалиции лишь ввиду явного превосходства сил противников продолжения этой политической линии. Правда, им удалось добиться того, чтобы ОСП продолжала оказывать косвенную поддержку правительству и не переходила в полную оппозицию.

Решающую роль сыграл при этом тот факт, что оба секретаря партии, и бывший социалист Де Мартино, и бывший социал-демократ Танасси, высказались за прекращение участия в правительстве, и эта их позиция была поддержана большинством партийных работников, выразивших настроения массы членов партии.

В результате, несмотря на то, что республиканская партия заявила о желании продолжать практику левого центра и несмотря на сильное давление со стороны ХДП, Объединенная социалистическая партия покинула в июне 1968 г. правительственную коалицию, хотя этот шаг и был задуман как временная мера. Социалисты воздержались при голосовании доверия однопартийному христианско-демократическому правительству Леоне.

Создание этого правительства не было легким делом. В итоге выборов 19 мая состав парламентской фракции христианско-демократической партии значительно изменился; левое крыло ХДП, особенно связанное с массовыми организациями, значительно усилилось. Поэтому сформировать переходное правительство — оно получило название «летнего», поскольку его существование предполагалось только до I съезда ОСП в октябре 1968 г.— из одних правых деятелей ХДП оказалось невозможным. Никто из крупных лидеров ХДП не стал рисковать своей репутацией и не возглавил это правительство. Его председателем стал Джованни Леоне, ранее возглавлявший аналогичное правительство в 1963 г. Фанфани, занимавший ранее пост министра иностранных дел, был избран новым парламентом председателем сената — должность, которая обычно считается ступенькой для избрания президентом Итальянской республики. Правое крыло ХДП получило в правительстве важные посты. Левые течения ХДП отказались принять министерские посты в «летнем» правительстве и критически отнеслись к его программе. В этой последней перечислялись некоторые наиболее важные для Италии проблемы, но не только их решение, но и само обсуждение было отложено на осень 1968 г. По всем этим проблемам коммунисты совместно со своими союзниками внесли в парламент свои законопроекты.

Некоторые из этих вопросов были весьма важными в политическом отношении.

Важной политической проблемой всего послевоенного периода Италии являлся вопрос об административной децентрализации страны, что предполагало и децентрализацию органов государственной власти. По конституции Италии 1947 г. страна должна быть разбита на 15 областей с обычным статутом и на 5 областей со специальным статутом. Эти последние — Сицилия, Сардиния, Терентино — Альто Адидже, Валь Д'Аоста и Фриули — Венеция — Джулия (декабрь 1962 г.) — постепенно, под влиянием

демократических сил, были созданы. Конституционные же положения об обычных областях оставались невыполненными и к концу срока полномочий парламента 4-го созыва, несмотря на то что чуть ли не каждое новое правительство брало на себя обязательство завершить создание областей. Основная причина такого положения заключалась в том, что христианско-демократическая партия не могла согласиться на областное самоуправление до тех пор, пока существовала угроза, что в некоторых областных собраниях коммунисты и их союзники получат большинство мест.

Действительно, коммунисты и социалисты совместно стабильно сохраняли весь послевоенный период свое большинство примерно в 1700 общинных и городских муниципалитетах из 8050, а также в 16 провинциальных советах из 93. В целом около 10 млн. итальянцев постоянно имели коммунистов и социалистов в качестве правящих партий в местном масштабе. Но правительство контролировало деятельность муниципалитетов и провинциальных советов через систему префектов, имевших право отменять любое решение органов местного самоуправления. Создание областей означало бы — согласно конституции — ликвидацию института префектов, т. е. привело бы к усилению роли местных органов самоуправления. К тому же в четырех областях Италии — Эмилии, Тоскане, Умбрии и Марке — была весьма вероятной победа коммунистов и социалистов при выборах областных советов.

Ввиду этого при включении правых социалистов в правительственную коалицию одним из основных требований, предъявленных им руководством демохристиан, был раскол левых джунт (исполнительных органов муниципалитетов) и принятие социалистами обязательства не вступать в будущих областных советах в коалицию с коммунистами. Правые лидеры ИСП в 1963 г. дали такое обязательство, но расколоть левые джунты и заменить их коалициями левого центра на местах оказалось гораздо труднее, чем предполагалось. В ряде городов местные социалисты отказались от такого шага, а в тех местах, где такая смена союзов была осуществлена, левоцентристские джунты оказались весьма непрочными. К началу 1968 г. левые джунты по-прежнему сохранялись примерно в 1500 общинах и городах и в 13 провинциях.

В октябре 1967 г. в палате депутатов началось, наконец, обсуждение законопроекта о создании автономных областей, внесенного левыми партиями. Правительство было вынуждено высказаться в его поддержку, правые партии выступили против и устроили обструкцию в парламенте. Их сопротивление было, однако, быстро сломлено совместными усилиями левых партий и правительственной коалиции. Руководство ХДП, напуганное таким совпадением позиций и опасаясь влияния «дурного примера» на левые католические круги, неоднократно пыталось сорвать столь нежелательное

для него сотрудничество с левыми партиями и в конце концов пошло на блокирование законопроекта в сенате. Позже он был принят, и на осень 1969 г. были назначены первые выборы в областные советы.

В период 1966—1968 гг. важное место в политической борьбе заняла также проблема создания в Италии единой системы социального обеспечения и доступного медицинского обслуживания для всех слоев населения. В стране исторически сложилась громоздкая система касс взаимопомощи, страховых обществ и государственных и полугосударственных учреждений, действовавших в этой области, которые были в состоянии обеспечивать только малоэффективные и дорогостоящие услуги. Кроме того, пользуясь запутанностью положения, правительство систематически изымало из касс этих учреждений крупные суммы для финансирования различных экономических начинаний, в первую очередь в пользу монополий.

Выступления за создание единой общенациональной службы социального обеспечения и здравоохранения превратились в массовое движение, в котором самое активное участие принимали многие силы — от коммунистов до католиков и от промышленных рабочих до состоятельных слоев интеллигенции. В ноябре 1967 г. состоялась всеобщая забастовка в Неаполе, на середину декабря была назначена всеобщая национальная забастовка, проведенная затем в начале 1968 г. Правительство, чувствуя слабость своей позиции, согласилось начать по этому поводу переговоры, а накануне роспуска парламента перед выборами 1968 г. внесло свой законопроект, предусматривавший создание единой национальной системы в этой области, который левые партии сочли неудовлетворительным.

В конце октября 1968 г. состоялся I съезд объединенной партии итальянских социалистов и социал-демократов. Он проходил в обстановке глубоких и резких разногласий. Партия оказалась расколотой к этому моменту на пять самостоятельных течений. В итоге бурных дискуссий съезд принял практически только одно решение — о новом названии партии: Итальянская социалистическая партия—Итальянская секция Социалистического интернационала. Решение же всех остальных вопросов было поручено избранному съездом Центральному комитету, в котором были представлены все пять течений пропорционально их численной силе на съезде. Этими течениями были два правых, возглавляемые соответственно Ненни и Танасси, центристское — во главе с Де Мартино и левые во главе с Джолитти и Ломбарди. Два правых течения имели 52% голосов в партии, около трети партии шло за Де Мартино. Правые только своими голосами избрали новым секретарем партии Мауро Ферри, известного крайне правыми взглядами, а его заме-

стителем — бывшего социал-демократа Карильо. Ненни стал председателем партии. Лишь через несколько недель в результате компромисса с течением Де Мартино вторым заместителем секретаря был избран от этого течения Бертольди. Одновременно было принято решение о согласии партии на восстановление коалиции левого центра.

Новое правительство возглавил политический секретарь ХДП Мариано Румор, которого сменил в партии малоизвестный Пикколи. От социалистической партии в правительство наряду с другими вошли бывшие секретари Де Мартино и Танасси. Ненни стал министром иностранных дел, сохраняя свой партийный пост председателя партии.

При формировании правительства социалисты всячески подчеркивали его значение. Но фактически правительство было слабым, разногласия в социалистической партии, равно как и несколько менее острые в ХДП, преодолены не были.

Во внешней политике Ненни пытался проводить более реалистическую политику, чем его предшественники. Он высказался за признание Италией Китайской Народной Республики и даже начал с ней переговоры. Со своей стороны течение Де Мартино вместе с левыми течениями заставило руководство партии выступить за признание «права вьетнамского народа на независимость и самоопределение». Во внутренней политике течение Де Мартино признавало возможным сотрудничество с коммунистами и вместе с ними требовало, например, разоружения полиции при несении ею службы порядка во время массовых демонстраций. Такого рода выступления вызывали крайне обостренную реакцию социал-демократического крыла новой партии, обвинения в «измене левому центру». Между тем в правом большинстве постепенно выделилась более левая группа во главе с Манчини, занявшая близкие к Де Мартино позиции. В партии встал вопрос о создании нового большинства в руководящих органах новой социалистической партии.

31 января — 4 февраля в Болонье состоялся XII съезд Итальянской коммунистической партии, решения которого имели большое значение для развития политической обстановки в стране.

Съезду предшествовали десятки тысяч собраний коммунистов, на которых обсуждались наряду с внутрипартийными делами прежде всего проблемы текущей политической борьбы в Италии и перспективы ее развития. За работой съезда самым внимательным образом следила вся политическая общественность страны: к этому времени стало ясно, что одним из решающих вопросов внутриполитического развития Италии стали поиски новых форм отношений между правительственным лагерем и левой оппозицией во главе с компартией. Уже выборы 1968 г. продемонстрировали, что управ-

лять Италией если не без коммунистов, то против них стало невозможно.

К моменту проведения съезда ИКП парламент нового созыва функционировал уже полгода, причем его деятельность, с точки зрения демократических сил, была более плодотворной, чем любого предыдущего. На обсуждении парламента находился ряд важных законопроектов, работа над которыми успешно продвигалась вперед. Среди них были законы об отмене зон пониженной зарплаты, введении всеобщего пенсионного обеспечения, создании автономных областей, разрешении развода, реформе системы образования и др. По каждой статье законопроектов велась упорная борьба между левой оппозицией и правительственными партиями, причем стало уже нередким делом, что часть парламентариев от правительственных партий иногда поддерживала предложения коммунистов или унитарных социалистов. Такой случай был даже с бывшим премьер-министром Моро при обсуждении одного из разделов закона о школьной реформе.

XII съезд ИКП, обобщив предыдущий опыт, сделал важный шаг вперед в разработке тактики политической борьбы в условиях Италии[36]. До тех пор коммунисты в большей или меньшей мере ориентировались на линию демократической альтернативы действиям правительства и его большинства. Съезд подчеркнул, что действия ИКП не должны быть только ответом на соответствующие шаги правящих кругов. Он выдвигал в качестве основной линию политической альтернативы, которая с успехом применялась иногда и раньше. Суть ее состоит в том, что партия и ее союзники независимо от действий правительства разрабатывают свою позицию по тем вопросам, которые самой жизнью, самими потребностями трудящихся масс и страны выдвигаются на передний план. Компартия привлекает к разработке этих решений всех специалистов и вообще всех заинтересованных лиц, желающих сотрудничать в решении насущных вопросов независимо от партийной принадлежности, политических, религиозных или иных убеждений. На проводимые компартией общенациональные конференции приглашались все желающие специалисты. Разработанные таким путем законопроекты вносились в парламент, по возможности за подписью не только представителей оппозиции. В стране ширилось массовое движение трудящихся в поддержку демократического решения этих проблем. В него часто включалось практически все население. Так, всеобщая национальная забастовка в феврале 1969 г., в которой приняли участие 18 млн. человек, обеспечила принятие парламентом передового закона о пенсионном обеспечении, основные положения которого заимствованы из советского законодательства. Другая массовая за-

[36] XII Congresso del PCI. Roma, 1969.

бастовка (в ней участвовало 5 млн. человек) положила конец зональной системе оплаты труда в Италии, при которой разница в оплате одной и той же работы достигала иногда 30 % в зависимости от зоны страны.

Съезд подчеркнул огромное значение этих новых рычагов влияния масс на ход дел в стране для борьбы за расширение демократии.

На поставленный уже в прессе вопрос о мнимом желании коммунистов войти в правительство съезд дал недвусмысленный ответ: не может быть и речи об участии ИКП в каком бы то ни было правительстве, не означающем полного разрыва с политикой предыдущих коалиций и не ставящем конкретных целей демократического преобразования страны.

В осуществление линии политической альтернативы коммунисты после съезда предложили другим партиям формировать исполнительные органы местного самоуправления на основе не той или иной межпартийной коалиции, а конкретного и как бы аполитичного плана конкретных мероприятий на определенный срок. В нескольких городах и провинциях, например в Равенне, местные демохристиане приняли это предложение, но под давлением центральных органов ХДП были вынуждены затем отказаться от него.

Во внешнеполитических вопросах съезд выступил против американской агрессии в Вьетнаме, в поддержку всех освободительных движений, за признание Италией КНР и ГДР, за мирное урегулирование конфликта на Ближнем Востоке на основе вывода войск Израиля с занятых арабских территорий, признания прав палестинского народа и гарантии существования Израиля как государства. Съезд высказался за выход Италии из НАТО, за самостоятельную мирную внешнюю политику Италии. В отношении событий в Чехословакии съезд подтвердил прежние решения руководства ИКП, которое отрицательно отнеслось к оказанию пятью социалистическими странами братской помощи чехословацкому народу в защите завоеваний социализма, считая, что такой угрозы не было. В то же время съезд подчеркнул солидарность итальянских коммунистов с Советским Союзом и КПСС, принадлежность ИКП к международной армии коммунистов.

Съезд и последующая деятельность компартии и левой оппозиции в целом поставили другие политические силы перед необходимостью занять более четкие позиции по всем острым проблемам в стране, в первую очередь по проблеме отношений с компартией.

Уточнение позиций компартии привело к известным трудностям внутри самой партии. Некоторые ее члены, в том числе три члена ЦК и пять депутатов парламента, выступили против политики партии частично с левацких и частично с правооппортунистических позиций. Они стали издавать журнал «Манифесто», в котором утверждали, что в Италии налицо революционная ситуация, что необхо-

димо немедленно брать власть, создавая на предприятиях «революционные советы». Одновременно они требовали от компартии полного разрыва с социалистическими странами и особенно с СССР, который, мол, «перешел в другой лагерь», и ориентации только на линию Мао Цзе-дуна. После обсуждения этой платформы во всех организациях партии и на трех пленумах ЦК ИКП фракционеры были к концу 1969 г. исключены из компартии.

Тем временем в Италии развертывалось все более массовое движение демократического характера.

В конце февраля 1969 г. Никсон, совершая свою первую поездку по Европе в качестве президента США, прибыл в Рим. Массовая народная манифестация протеста против политики США во Вьетнаме заставила его, однако, ограничиться осмотром «вечного города» с вертолета, на котором он перебирался из своей резиденции в официальные итальянские учреждения. Пораженный силой и сплоченностью народного движения, президент согласился с мнением своих советников о необходимости «создать в Италии плотину против коммунистов». Для этого предполагали использовать социал-демократов, неоднократно заявлявших о своем рвении бороться против «угрозы коммунизма» в Италии. Посол США в Риме, не разделявший этого мнения, был немедленно отозван. По данным печати, из американских источников были ассигнованы 3—3,5 млрд. лир на проведение широкой антикоммунистической кампании в Италии.

К этому моменту в итальянских правящих кругах произошло определенное размежевание. Более реально мыслящие политические деятели считали, что на сдвиг страны влево, на требования масс о проведении глубоких реформ (которые сами по себе не ставили под угрозу капиталистический строй) следует попытаться ответить проведением этих реформ сверху, по инициативе правительства, и, следовательно, ограничить их приемлемыми для большинства буржуазии рамками, т. е. речь шла о том, чтобы дать новый импульс и реальное содержание политике левого центра. Консервативно же мыслящие группы рассуждали более примитивно, вкладывая другой смысл в тот же левый центр: надо как-то сдержать сдвиг страны влево. Наиболее реакционные круги тут же добавляли: а сдержать его можно только с помощью силы. Правящие круги США в общем тоже высказались за такой вариант, рассчитывая на его легкое осуществление. С марта 1969 г. в буржуазной прессе началась кампания в пользу «установления в стране порядка».

Столкновения полиции с демонстрантами в ряде городов Италии, особенно в Баттипалье под Неаполем в апреле 1969 г., когда полицией было убито два человека, вызвали обострение дискуссии и ускорили процесс размежевания сил в социалистической партии. В мае 1969 г. Ферри ушел в отставку с поста секретаря партии. Кризис партийного руководства был крайне затяжным: только

более чем через месяц собрался новый пленум для решения вопроса о составе нового руководства.

Когда 2 июля 1969 г. на пленуме ЦК объединенной социалистической партии было отвергнуто требование Ферри и Танасси о прекращении какого бы то ни быро сотрудничества социалистов с коммунистами и в ИСП образовалось новое руководящее большинство, вся правая группировка заявила о своем выходе из партии и об образовании ею новой партии — Унитарной социалистической партии. Было ясно, что этот шаг был подготовлен заранее, к нему уже была проведена организационная подготовка по всей стране. Ненни, потрясенный крахом своей линии на объединение двух партий, остался в партии, но ушел со всех партийных и государственных постов. Новым секретарем стал Де Мартино, его заместителем — Манчини.

Раскол социалистической партии привел к отставке левоцентристского правительства Румора.

Унитарная социалистическая партия не означала просто возрождения прежней социал-демократической партии. В нее вошли некоторые наиболее реакционно настроенные социалисты из прежней ИСП (например, Ферри), тогда как почти все синдикалисты прежней социал-демократической партии отказались войти в новую партию и остались в ИСП. Руководство УСП заняло открыто пронатовские и проамериканские, антисоветские и антикоммунистические позиции, явно претендуя на роль «американской партии» в Италии. Она стала издавать ежедневную газету «Уманита» и развернула огромную пропагандистскую деятельность. Фактически УСП заняла место правее ХДП.

Правительственный кризис, начавшийся с расколом партии социалистов, оказался длительным и трудным. УСП, опиравшаяся на поддержку президента Сарагата, в ультимативном тоне, который затем часто ею применялся, заявила, что она только в том случае войдет в новый левоцентристский кабинет, если все участники коалиции заявят о полном отказе от всякого сотрудничества с коммунистами, в том числе и в местных органах власти. Республиканцы поддержали это требование. Но ХДП, несмотря на давление ее правых течений, не встала на эти позиции. Новые лидеры социалистической партии отвергли ультиматум социал-демократов. Они указывали на возможность сформирования двухпартийного правительства на базе ХДП и ИСП, против чего резко возражали как правые, так и доротейцы в ХДП. УСП выступила с новой угрозой: или восстановление коалиции левого центра, или досрочные парламентские выборы, поскольку президент республики при определенных обстоятельствах имеет право распустить парламент, не способный обеспечить создание правительства. Румор, получивший от президента мандат на сформирование прави-

тельства левого центра, ничего не смог достичь за полтора месяца консультаций с лидерами союзных партий.

Тем временем положение в стране обострялось. Распространялись различные панические слухи, правые газеты писали о необходимости обеспечить в стране твердый порядок, появились сообщения о правых группах офицеров полиции и армии, о приведении в боевую готовность американских войск и флота и т. д. Итальянская компартия призвала массы к бдительности и выдержке. Блок правого крыла в ХДП с УСП получил в эти недели название «партии кризиса и авантюр».

5 августа Румором было создано однопартийное правительство ХДП, опиравшееся в парламенте на голоса партий левого центра. Напряжение в стране несколько спало, но это было только передышкой в острой политической борьбе 1969 г.

В христианско-демократической партии в 1969 г. по инициативе наиболее консервативных кругов итальянской буржуазии шло создание более правого ядра, которое могло бы обеспечить вместе с социал-демократами сдвиг политического курса страны вправо. Это оказалось трудным делом. Инициативу социал-демократов поддержали лишь слабое правое крыло ХДП, а также бывшие руководители ее центристской группы: Ф. Пикколи (в то время секретарь партии), М. Румор (в то время премьер-министр) и А. Фанфани (председатель сената, в прошлом связанный с левыми течениями в ХДП). Часть центристов во главе с бывшим премьер-министром Моро встала на позиции допустимости в принципе некоторого сотрудничества с левой оппозицией. Старое консервативное доротейское ядро ХДП, которое вместе со сторонниками Моро в течение почти 11 лет контролировало положение в партии, в октябре 1969 г. раскололось: такие известные в Италии деятели, как Э. Коломбо и Д. Андреотти, отказались присоединиться тогда к сторонникам правого авантюристического курса.

Созданное таким путем из весьма разных элементов правоцентристское объединение внутри правительственной коалиции поставило своей целью не допустить проведения новых реформ, в частности сорвать принятие важных в итальянских условиях законов о создании автономных областей и о разрешении развода. Одновременно оно стремилось нанести политическое поражение рабочему движению, которое вело массовые стачечные бои за осуществление конкретных проблем (расширение прав профсоюзов на предприятиях, улучшение материального положения трудящихся и т. д).

Для выполнения планов этой коалиции социал-демократов и части лидеров ХДП необходимо было создать в стране обстановку беспокойства, замешательства и неуверенности, обострить все социальные столкновения. В этой связи предприниматели сразу

же после летних отпусков 1969 г. начали массированное наступление на трудящихся, используя в качестве предлога истечение срока действия коллективных договоров примерно для 5 млн. рабочих. Ответные выступления трудящихся подавлялись полицейскими властями преднамеренно жестоко, была начата кампания массового судебного преследования забастовщиков (в судах было возбуждено более 14 тыс. дел против них). Были предприняты попытки ослабить единство действий трех основных профсоюзных центров страны, которое сложилось в последние годы.

Итальянские трудящиеся ответили на это наступление реакции небывало активной и массовой борьбой. В течение «жаркой осени» 1969 г. в стране неоднократно проводились всеобщие национальные забастовки, в крупнейшей из которых — 19 ноября по вопросу о реформе жилищного строительства — участвовало 20 млн. человек, т. е. все самодеятельное население страны. Тысячи забастовок состоялись на предприятиях и по отраслям. В целом в 1969 г. в Италии было потеряно, по официальным данным, около 300 млн. человеко-часов[37], из которых больше половины за период с 1 сентября по 25 ноября 1969 г. Столь высокие потери рабочего времени, вызванные упорством предпринимателей, отразились даже на общем состоянии промышленного производства.

Наряду с массовостью и организованностью выступлений итальянских трудящихся необходимо отметить также высокую результативность их борьбы: в 1969—1970 гг. удалось добиться таких новых серьезных завоеваний, как расширение прав трудящихся и их профсоюзов на предприятиях (их участия в определении всех условий трудовых соглашений: норм, расценок, премий, штрафов и т. д.), решение о постепенном сокращении рабочей недели до 40 часов при сохранении прежней недельной зарплаты (будет завершено к 1 января 1973 г.) и т. д.

Столь важных успехов массовому движению в Италии удалось добиться в силу ряда факторов, среди которых на одно из первых мест следует поставить изменения, происшедшие в политике профсоюзов Италии: единство действий трех главных профсоюзов страны — ВИКТ, ИКПТ, ИСТ — достигло столь высокого уровня, что на повестку дня был поставлен вопрос о создании их федерации, а в перспективе — и организации единого профцентра страны.

Острые социальные схватки в стране и сложные политические маневры для оказания давления на широкие слои населения и на политические силы Италии шли параллельно в течение нескольких месяцев. В 1969—1970 гг. в своем стремлении накалить обстановку в стране, с тем чтобы в перспективе оправдать вмешательство

[37] «Annuario statistico italiano», 1970.

в итальянские дела сил НАТО или США, правоцентристские лидеры объективно создали благоприятные условия для активизации и крайне правых элементов, например неофашистов и других, которые не остановились даже перед организацией во многих городах Италии многочисленных взрывов, поджогов и иных провокаций, сопровождавшихся человеческими жертвами. Крупнейшим из них был взрыв 12 декабря 1969 г. в Милане (погибло 16 человек).

Коммунистическая партия и Итальянская социалистическая партия пролетарского единства, которые через левые профсоюзы оказывали руководящее воздействие на ход забастовочной борьбы, выступили в парламенте против маневров правых групп, обратились к широкой общественности с призывом нанести поражение «партии авантюр и кризиса». В ответ правоцентристская группировка в правительственной коалиции, используя напряженную обстановку, созданную в стране террористическими актами, спровоцировала в декабре 1969 г. очередной правительственный кризис (так называемый «кризис на бомбах») и предприняла усиленное давление на социалистическую партию, требуя ее участия в новом правительстве левого центра на антикоммунистических условиях и грозя в противном случае роспуском парламента.

Этот план правоцентристской группировки не увенчался успехом. Новое руководство ИСП, опирающееся на поддержку членов своей партии, не поддалось шантажу, а сопротивление общественного мнения и противоречия внутри ХДП не дали возможности привести эти угрозы в исполнение.

Коалиция левого центра была формально восстановлена созданием в апреле 1970 г. четырехпартийного правительства Румора после целых четырех месяцев отсутствия дееспособного правительства и паралича парламента (в Италии после отставки правительства парламент приостанавливает свою работу до получения доверия новым правительством). Взамен правоцентристам пришлось согласиться на проведение всеобщих административных выборов, а также первых выборов в советы автономных областей, которые долгое время упорно откладывались правительством. Расчет правых состоял в том, чтобы укрепить на этих выборах свои позиции и с новыми силами продолжать антидемократическую деятельность.

Выборы 7 июня 1970 г. в местные органы власти вновь опрокинули планы реакционных сил в Италии. Компартия несколько усилила свои позиции, собрав почти 28% голосов. Небольшое ухудшение положения ИСППЕ — она собрала только 3,5% голосов — не могло говорить об общем падении влияния левых, поскольку социалистическая партия, против которой особенно был направлен огонь критики справа, полностью сохранила (и даже вернула часть потерянных в 1968 г.) своих избирателей — 11%.

Социал-демократы собрали 7% голосов, что явилось для них политическим поражением, поскольку они рассчитывали повести за собой примерно вдвое больше избирателей. Позиции ХДП почти не изменились, республиканцы несколько окрепли. Правые партии вновь ослабли, несмотря на незначительное укрепление положения неофашистов; либералы потеряли почти половину своих избирателей в пользу социал-демократов, что подчеркивало близость позиций этих партий [38].

Тот факт, что коалиция левого центра вопреки давлению реакционных сил была вынуждена согласиться на проведение выборов в областные органы власти, уже сам по себе явился большой победой демократических сил Италии. Благодаря этим выборам были, наконец, созданы автономные области обычного статута. В каждой из областей имеется свой выборный совет и создаваемое им правительство (джунта). Областной совет обладает довольно широкими правами, в частности издает законы по вопросам сельского хозяйства, градостроительства, здравоохранения, туризма. Он контролирует деятельность провинциальных и коммунальных органов самоуправления, что ранее было компетенцией префектов — представителей центрального правительства в провинциях. Правда, передача их прав областям была растянута на срок в два года после первых выборов.

Формально выборы 7 июня 1970 г. привели к росту общего числа голосов, отданных за коалицию левого центра (примерно 58% вместо прежних 55%), но это произошло за счет включения в эту группировку как голосов бывших либералов справа, так и и левых социалистов слева. В результате противоречивость политических позиций внутри самой коалиции увеличилась.

Линия на обострение положения в стране, на попытку насильственного поворота вправо потерпела в этот момент поражение. Итальянским правящим кругам пришлось срочно исправлять положение. Сторонники правоцентристской группировки уже не могли возглавлять коалиционное правительство. В августе 1970 г. Э. Коломбо заменил на посту премьер-министра Румора. Еще раннее покинул пост секретаря партии Пикколи. Фанфани поспешил отмежеваться от своих прежних союзников. В конце октября 1970 г. и Румор выступил с заявлением о возможности сотрудничать с компартией при определенных обстоятельствах. В социал-демократической партии, по появившимся в печати сведениям, также встал вопрос об отстранении с руководящих постов наиболее скомпрометировавших себя деятелей «партии авантюр и кризиса».

Поражение очередной попытки итальянской буржуазии повернуть развитие страны вправо, естественно, не означало, что такие

[38] «Annuario statistico italiano», 1971.

попытки более не повторялись. Напротив, часть итальянских правящих кругов и впоследствии делала ставку на эту карту, причем была предпринята попытка использовать в этих целях крайне правые, профашистские организации для провоцирования беспорядков. Они выступали, таким образом, сторонниками, некоторое время закулисными, правых кругов ХДП. Об этом свидетельствовали, например, события в г. Реджо-ди-Калабрия, в котором правым демохристианам удалось в конце 1970 г. совместно с неофашистами на протяжении около трех месяцев вести за собой значительную часть населения под демагогическими местническими лозунгами. И в дальнейшем в Италии сохранялась угроза подобного развития в той или иной форме.

С созданием правительства Коломбо, которое сопровождалось заявлениями нового секретаря ХДП Форлани против досрочного роспуска парламента, положение в стране значительно разрядилось. Правительство Коломбо проводило прежнюю линию в экономических вопросах, но в первые месяцы поступало более гибко. Периодически созывались совещания правительства с руководством трех профцентров страны, на которых обсуждались конкретные социально-экономические проблемы Италии. Левые силы требовали проведения таких же совещаний и с представителями местных органов самоуправления. Принятый правительством 27 августа закон-декрет по финансово-экономическим вопросам — единственный за несколько месяцев серьезный шаг правительства — предусматривал значительное повышение налогообложения трудящихся масс и довольно существенные льготы для монополий под предлогом преодоления неблагоприятной экономической конъюнктуры. Этот закон-декрет вызвал критику и сопротивление со стороны не только левой оппозиции, но и левых течений в ХДП и в социалистической партии. Правительство было вынуждено пойти в парламенте на уступки, некоторые положения закона-декрета были улучшены, но основные возражения против него со стороны компартии и ИСППЕ остались в силе.

Реакционные силы итальянской буржуазии вновь пытались в конце 1970 г. использовать в целях обострения обстановки в стране обсуждение в парламенте законов о разводе и закона-декрета по экономическим вопросам.

По конституции Италии закон-декрет, издаваемый правительством в чрезвычайных случаях, должен быть в течение двух месяцев утвержден парламентом, иначе он теряет силу, если вновь не будет подтвержден правительством на следующие два месяца. К первому сроку — 26 октября 1970 г.— закон-декрет, к которому левая оппозиция представила многочисленные поправки, не получил одобрения парламента. Правительство продлило его, так что обсуждение закона-декрета было начато снова. Некоторые левацки

настроенные депутаты, прежде всего отколовшиеся от ИКП пять депутатов группы «Манифесто», начали искусственно затягивать обсуждение, надеясь, что по истечении двухмесячного срока правительство будет вынуждено выйти в отставку (хотя оно не обязано делать этого). Крайне правые силы, прежде всего неофашисты, присоединились к этой игре, рассчитывая не только свалить правительство справа, сорвать принятие закона о разводе, который обсуждался параллельно с законом-декретом, но и блокировать рассмотрение парламентом законопроектов по ряду актуальнейших проблем итальянской жизни. Нельзя не отметить, что крайне правые были только рады содействию «крайне левых». Так, секретарь неофашистской партии Альмиранте прямо заявил в парламенте, что он выражает группе «Манифесто» свое «искреннее уважение и признательность» [39].

Вопрос о разводе, имеющий в Италии большое принципиальное значение разрыва с вековой традицией подчинения общества церковным догмам, вызвал раскол не только в правительственной коалиции (ХДП, следуя линии Ватикана, официально выступила против него, три остальные партии его поддержали), но и острые противоречия между самими католиками. Реакционеры пытались использовать этот вопрос для создания в Италии обстановки «религиозной войны». Противники развода даже после одобрения закона в палате депутатов в конце 1969 г. все еще надеялись, что законопроект будет провален в сенате. И только когда после голосования первых статей закона в сенате стало очевидно, что закон пройдет, руководство ХДП пошло на компромисс с другими политическими силами. 1 декабря 1970 г. закон был окончательно одобрен и 19 декабря вступил в силу.

В христианско-демократической партии положение оставалось неясным. После поражения правоцентристской группы Пикколи — Румора — Фанфани секретариат ХДП во главе с Форлани не контролировал полностью положение в партии, поскольку прежнее большинство распалось, а новое еще не сложилось. Левые течения ХДП выдвинули требование об официальном создании нового большинства в партии, обсуждение этого вопроса затянулось на месяцы.

Что касается социалистической партии, то она все более твердо выступала против попыток «партии авантюр и кризиса» нанести удар по демократическим институтам страны и воспрепятствовать развитию массового движения трудящихся. На состоявшемся в начале ноября 1970 г. пленуме ЦК ИСП было отмечено, что, хотя социалистическая партия поддерживала левоцентристское правительство и защищала его от попыток спровоцировать кризис справа, она не считала коалицию левого центра постоянным решением

[39] «Unità», 28.II 1970

и не исключала ее замены более передовым союзом сил. Ненни пытался защищать на этом пленуме свой старый тезис о невозможности сотрудничества с коммунистами в политической борьбе, но не встретил никакой поддержки среди участников пленума. Правда, в органе ИСП «Аванти!» время от времени появлялись антикоммунистические статьи и комментарии.

Социалисты отвергли также домогательства социал-демократов об обязательном распространении на местные органы власти, прежде всего областные, принципа сохранения и на местах коалиции левого центра. На практике почти всюду, где это было возможно, поддерживалось создание левых джунт (ИКП — ИСППЕ — ИСП). Социалисты вошли в такие союзы также в двух областях — Тоскане и Умбрии, но остались в оппозиции к джунте в области Эмилия-Романья, состоящей из представителей только ИКП и ИСППЕ. Более чем в 1700 коммунах и городах Италии были созданы левые джунты. В ряде мест левоцентристская коалиция переживала кризис, в том числе в Сицилии и Сардинии. В Сардинии была попытка образовать правительство из двух партий — ХДП и ИСП, но центральное правление ХДП наложило вето на этот вариант. Было образовано однопартийное правительство ХДП, получившее косвенную поддержку левой оппозиции. Характерно, что почти повсюду социалисты отказывались от сотрудничества с социал-демократами.

Новое соотношение политических сил в Италии сопровождалось изменением антикоммунистической пропаганды. Те органы печати и политические деятели, которые еще совсем недавно обвиняли компартию в «антидемократических заговорах», стали теперь усиленно распространять слухи о том, что коммунисты, мол, «хотят включиться в систему», «во что бы то ни стало войти в правительство». Появился даже новый термин — «согласительная республика» (имеется в виду соглашение между ХДП и ИКП), который должен был означать как раз согласие компартии на сохранение капиталистического режима в обмен на теплые местечки если не в правительстве, то в разных хозяйственных и финансовых организациях (так называемое подправительство).

Компартия действительно все настойчивее ставила вопрос о создании в стране нового, более левого правительственного большинства, которое при определенных условиях могло бы в том или ином виде включать и коммунистов. Этот вопрос обсуждался на пленуме ЦК ИКП в середине ноября 1970 г., на котором позиции компартии были изложены предельно ясно. Заместитель генерального секретаря ИКП Э. Берлингуэр заявил по этому поводу:

«Уже очень давно решен также и в теоретическом отношении вопрос участия рабочей партии в коалиционном правительстве. Был накоплен и прямой опыт, как это произошло, например, в

1944—1947 гг. Когда в 1962—1963 гг. социалисты взяли курс на участие в правительстве, мы их критиковали не из принципа, а из-за того, как осуществлялось это участие, за принятую платформу, а прежде всего потому, что это участие было связано с разрывом единства рабочего движения. Должны существовать определенные условия для того, чтобы рабочая партия могла участвовать в правительстве: это участие в руководстве страной должно сопровождаться — в этом основной вопрос — коренным поворотом в направлении общей политики и в самом устройстве общества. Сегодня мы далеки от наличия условий, необходимых для такого поворота, и заявляем об этом со всей ясностью» [40].

Таким образом, к концу 1970 г. закончился первый период кризиса левого центра, ставшего очевидным в результате парламентских выборов 1968 г. Демократические силы Италии сумели отбить еще несколько попыток наиболее консервативных кругов итальянской буржуазии повернуть вправо развитие страны. Одновременно им удалось при опоре на массовое движение трудящихся добиться проведения в жизнь ряда важных демократических реформ: областная автономия, развод, пенсионная реформа, защита прав трудящихся на предприятиях, повышение роли профсоюзов, материальные завоевания и многое другое.

В 1969—1970 гг. под давлением демократической общественности произошло некоторое изменение во внешней политике Италии. Сначала Ненни, а затем Моро, занимавшие пост министра иностранных дел, повели дело к признанию Китайской Народной Республики, дипломатические отношения с которой были установлены в конце 1970 г. Италия одобрительно отнеслась к «восточной политике» правительства ФРГ во главе с Брандтом, высоко оценила договоры между ФРГ и СССР о неприменении силы и между ФРГ и Польской Народной Республикой, о нормализации отношений между этими странами. Италия высказалась за проведение совещания государств Европы с участием США по вопросам европейской безопасности, но в соответствии с решениями НАТО сделала ряд оговорок о необходимости тщательной подготовки для обеспечения успеха такого совещания, а также о достижении прогресса в переговорах четырех держав по проблеме Западного Берлина. В отношении положения на Ближнем Востоке Италия высказалась за полное осуществление известной резолюции Совета Безопасности, поддержала миссию Ярринга по политическому урегулированию конфликта и отрицательно реагировала на всякую угрозу возобновления военных действий в этом районе. Все итальянские правительства высказывались за дальнейшее развитие отношений с социалистическими странами, прежде всего в экономи-

[40] «Unità», 16.XI 1970.

ческой и культурной областях, но также и в некоторых политических вопросах. В 1970 г. Италию посетил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. Моро совершил поездку в ряд европейских социалистических стран. В то же время под давлением справа итальянским правительством были искусственно несколько обострены отношения с Югославией: Моро выступил с заявлением, которое было истолковано как претензия на югославскую часть бывшей Территории Триест, что привело к отсрочке визита Тито в Италию, намеченного на конец 1970 г.

Некоторое изменение позиции Италии произошло и в отношении агрессии США во Вьетнаме. Если до выборов 1968 г. итальянские правительства заявляли о своем «понимании» политики США в этом районе и фактически поддерживали ее, то позже Италия выступала за мирное урегулирование этого конфликта, одобряла сокращение американских войск в Юго-Восточной Азии, сдержанно осудила вторжение США в Камбоджу.

В целом Италия стала несколько более активно выступать за уменьшение напряженности в мире, за ликвидацию наиболее острых международных конфликтов,— правда, все это в рамках политики Североатлантического блока. Италия также содействовала расширению рамок «Общего рынка», выступала за принятие в него Великобритании и других западноевропейских стран. В то же время она старалась развивать и укреплять экономические связи с социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом. На XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что Советский Союз на взаимовыгодной основе сотрудничает с Италией в экономической и научно-технической областях [41]. В начале июля 1971 г. министр иностранных дел Италии Моро нанес ответный визит в СССР. Италия проявила наибольшую среди западных стран активность по установлению и развитию торговых связей с Китайской Народной Республикой. В мае 1971 г. Китай посетила большая делегация предпринимателей Италии во главе с заместителем министра внешней торговли, которая в принципе договорилась о заключении между двумя странами торгового соглашения.

Внутреннее развитие Италии в 1971 г. довольно противоречиво. Произошла значительная перегруппировка сил среди правых и крайне правых политических групп, организаций и партий.

В январе состоялся очередной съезд либеральной партии Италии. Эта партия, игравшая определенную роль в управлении страной в период центристских коалиций, в которые она входила, уже более десяти лет не допускалась в правительственное большинство.

[41] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 27.

в течение некоторого времени ее консервативные позиции в сочетании с определенными антифашистскими традициями, хотя бы в основном и формальными, привлекали к ней голоса средней и отчасти мелкой буржуазии. В 1968 г. и позже стал очевидным упадок этой партии, отход от нее тех избирателей, которые полагались на нее как на силу, способную в какой-то мере противостоять демократическим реформам. Стремясь сблизиться с ХДП, в частности рассчитывая на возможную, по мысли правых кругов буржуазии, в перспективе правоцентристскую коалицию, руководство либеральной партии пошло на этом съезде на некоторый сдвиг партии влево, ближе к левоцентристскому большинству в консервативном его понимании. Этот поворот, однако, вызвал в партии значительную напряженность и обострение противоречий.

Несколько недель спустя провели свой первый съезд правые социалисты. В период подготовки съезда и в ходе его стало очевидным, что крайняя линия Ферри, ставшего своего рода символом «партии кризиса и авантюр», не пользуется поддержкой большинства партии и что к руководству партией могла бы прийти более умеренная группа Танасси. Поражение Ферри, провал его надежды на превращение партии в силу, способную конкурировать с ИСП, были достаточно очевидными, но избрание Танасси секретарем партии означало бы его уход из правительства, где он занимал важный пост министра обороны, который едва ли мог бы получить другой социал-демократ. Во избежание осложнений, а возможно и с более далекими целями руководство социал-демократической партии, как она стала называться по решению этого съезда, предпочло оставить всех должностных лиц на прежних постах. Было разъяснено, что такое положение должно сохраниться по меньшей мере до выборов президента республики.

Республиканцы в феврале 1971 г. предприняли маневр, в основном направленный на улавливание голосов неустойчивых и недовольных сторонников левоцентристских коалиций. Ла Мальфа объявил об отозвании представителей республиканской партии из правительства и одновременно о продолжении поддержки этой партией левоцентристского большинства в парламенте. Мотивировался этот шаг, с одной стороны, тем, что правительство Коломбо недостаточно точно выполняло свои обязательства по проведению реформ, а с другой — тем, что, мол, правительство проявляет излишнюю уступчивость по отношению к коммунистам.

В социалистической партии положение существенно не изменилось. В христианско-демократической партии отмечалось дальнейшее углубление противоречий, причем как на политической, так и на личной основе, в связи с предстоявшими в конце года президентскими выборами. Вопрос о создании нового внутрипартийного большинства для руководства партией не решался. В этих услови-

ях левые течения заняли в значительной мере пассивную, выжидательную позицию, тогда как реакционное крыло (включая министра внутренних дел Рестиво) стало развивать все большую активность. Следует отметить, что при этом оно пользовалось определенной поддержкой монополистического капитала, руководители которого смотрели на планы крайне правого крыла ХДП просто как на один из вариантов борьбы против усиления влияния левых сил, возглавляемых, по сути дела, коммунистами.

Правое крыло правительственной коалиции, контролируя через Рестиво и Танасси полицию и карабинеров, создало в стране такое положение, при котором значительно участившиеся вылазки неофашистов, нападения их на активистов левых партий, на помещения и редакции газет этих партий и т. д., а также провокации в отношении самих полицейских оставались в большинстве случаев безнаказанными. Даже в тех случаях, когда зачинщики нападений на народные манифестации или авторы поджогов или взрывов передавались в руки полиции, их почти сразу же отпускали на свободу. В этих условиях компартия и другие левые партии все более настойчиво призывали народные массы к бдительности, обязали своих членов давать решительный отпор нападениям неофашистов, но не поддаваться на провокации, не допускать столкновений манифестантов и забастовщиков с полицией и карабинерами. Была развернута широкая кампания за сохранение и укрепление республиканской законности, за полное соблюдение конституции. Выдвигалось, в частности, требование о судебном преследовании апологии фашизма, которой широко занимались неофашистские ораторы в нарушение конституции и специального закона 1952 г. В тех случаях, когда неофашисты действовали чересчур нагло или неумело, правительство вынуждено было принимать меры. Так оно поступило, например, в отношении группы известных в прошлом фашистов во главе с Боргезе, которые пытались в декабре 1970 г. собрать старых сообщников в целях авантюристического захвата ряда государственных учреждений. Несколько человек было арестовано, но Боргезе предоставили возможность скрыться.

Итальянские правящие круги терпели деятельность неофашистов, а также постоянно пытались провоцировать столкновения полиции с забастовщиками с вполне ясной целью. Официальная пропаганда, которой вторили все правые газеты, утверждала, что в стране происходит столкновение между «двумя крайностями», т. е. между неофашистами и левыми силами, что и является якобы причиной общей напряженности и даже угрожает экономической стабильности Италии. В поддержку этой аргументации использовались даже случаи чисто уголовных преступлений и кровавая борьба внутри мафии. В плане этой пропаганды на мельницу крайне правых сил лили воду те представители левацких «сверхреволюцион-

ных» группок, которые, часто, видимо, не без участия полицейских провокаторов, устраивали различные безответственные выходки.

Положение в стране вновь постепенно обострилось, что стало особенно очевидным с назначением на середину июня частичных административных выборов. Предстояло обновить состав областного совета Сицилии, провинциальных советов Рима и Фоджи, коммунальных органов Рима, Генуи и многих других городских и сельских центров, главным образом на Юге страны. То обстоятельство, что большинство тех 7,3 млн. избирателей, которые призывались на этот раз к урнам (около $1/5$ избирательного корпуса Италии), приходилось на Юг и Рим, где позиции правых являлись наиболее сильными, давало реакции возможность надеяться на благоприятные для нее результаты. В этом случае возрастали бы шансы на сдвиг политики правительства вправо.

В конце апреля собрался национальный совет ХДП для определения предвыборной тактики этой партии. На нем был намечен однозначно правый курс. Национальный совет ХДП, при полной пассивности левых групп партии, выступил против массовых движений трудящихся и свободы деятельности профсоюзов, против шагов по созданию единого профсоюзного центра, против новых реформ, в частности в области народного образования, за ухудшение только что принятого важного закона о реформе земельной аренды, за проведение референдума с целью отменить право развода и т. д. Этот предвыборный курс, который в случае успеха мог бы стать и постоянной политикой ХДП, привел, естественно, к активизации всех правых сил страны, к оживлению реакционных настроений среди некоторых слоев населения. Так, буквально накануне выборов при голосовании в палате депутатов довольно умеренного законопроекта о реформе жилищного строительства 70 демохристиан тайно проголосовали против него, хотя он был официально поддержан фракцией ХДП. Законопроект был принят только благодаря косвенной поддержке коммунистов, воздержавшихся от голосования. Администрация ряда заводов, в том числе ФИАТ, создала на предприятиях весьма напряженную обстановку, умышленно затягивая до выборов переговоры с профсоюзами.

Компартия и другие левые партии и группировки ответили на поправение курса ХДП еще более усиленной борьбой за проведение наиболее назревших реформ на основе единства действий всех демократов. В этой борьбе участвовали, как и раньше, но с большей активностью довольно разнородные политические силы. При этом были допущены некоторые тактические ошибки, давшие возможность реакционной прессе поднять шум с обвинениями в адрес коммунистов в их мнимом намерении добиться экспроприации всех мелких землевладельцев и особенно владельцев мелких магазинов, мастерских и т. д., которых в Италии насчитывается

около 2 млн. Левые партии несколько запоздали с разоблачением этой клеветнической кампании.

Таким образом, выборы 13 июня 1971 г., при всем их ограниченном объеме и определенной нетипичности избирательного района, имели большое политическое значение как проверка действенности контрнаступления правых сил, развернутого в стране при выжидательной снисходительности и отчасти поддержке ведущих монополистических кругов. Основным результатом выборов оказалось крупное политическое поражение христианско-демократической партии, которая понесла потери повсюду, но особенно большие — до 7—8% от всех голосовавших — в Сицилии. Главный удар был нанесен ХДП справа — почти все потерянные ею голоса отошли к неофашистскому «Итальянскому социальному движению», которое приобрело также половину голосов либералов и почти всех прежних избирателей монархической партии, набрав от 10 до 16,6 % (на Сицилии) всех поданных голосов. Социал-демократы сохранили свои позиции практически неизменными, республиканцы несколько укрепились. Был отмечен прирост голосов, поданных за социалистическую партию. Компартия в целом укрепила или сохранила позиции, хотя на Юге в ряде мест ее потери были заметными. К компартии и социалистической партии перешли многие избиратели Итальянской социалистической партии пролетарского единства, которая не смогла выработать ясной политической линии на своем III съезде в марте 1971 г.

Значительная концентрация голосов правых избирателей вокруг «Итальянского социального движения» вызвала беспокойство демократических сил страны. Положительному факту ослабления ХДП как основной партии итальянской буржуазии противостояло укрепление крайне правой, реакционной политической группировки, хотя бы и за счет других правых партий и части самой ХДП. Исход выборов 13 июня отнюдь не говорил об усилении в стране действительно неофашистских настроений как таковых. Новые избиратели «Итальянского социального движения», удвоившие число поданных за него голосов, своим голосованием выражали главным образом недовольство политикой левого центра, неосуществлением ряда важных реформ. Но в то же время было ясно, что эти довольно значительные массовые слои не понимали политики левых партий, были склонны поверить социальной демагогии неофашистов, их попыткам выдать себя за «партию порядка и справедливости». Анализ выборов показывал, что наибольший успех неофашисты имели в городах Юга (обыватель был напуган утверждениями о предстоящей всеобщей экспроприации и бесконечными разговорами о других реформах), на Севере такого сдвига не было, равно как и в деревне, где арендаторы уже разобрались в выгодном для них характере нового закона

об аренде. Было также очевидным, что часть избирателей Сицилии проголосовала за неофашистов из-за отсутствия ясных перспектив демократического возрождения экономики острова и демократизации его общественной жизни.

Июньские выборы показали, что уклон вправо не может принести успеха ХДП, что попытка проводить правую политику с опорой на неофашистов выгодна прежде всего этим последним, а они по-прежнему не могли рассматриваться как возможный партнер в правительственной игре, ведущейся христианско-демократической партией. Поэтому в ожидании дальнейшего развития событий, в частности, в связи с избранием президента республики руководство ХДП решило обеспечить некоторую разрядку внутриполитической напряженности, например, выступить против нарушений неофашистами законности. Оно вновь стало говорить о проведении реформ, не отказываясь, однако, ни от общего неопределенно-правого курса, ни от возможности затормозить прогрессивное развитие в стране, например провести референдум против развода, и пр. В соответствии с этим промышленники согласились на заключение ряда выгодных для трудящихся соглашений по трудовым конфликтам, включая право рабочих заводов ФИАТ участвовать в определении условий работы на конвейерах.

Коммунистическая партия после тщательного анализа результатов выборов и положения в стране поставила задачу перед своими организациями и членами еще активнее добиваться в союзе с другими демократами осуществления ряда остро назревших реформ, лучше учитывать интересы массовых слоев мелкой буржуазии, чтобы лишить неофашистов той массовой базы, которую они сумели получить в городах некоторых районов страны. Такой курс обеспечивал также и проведение дальнейшей борьбы против политической гегемонии ХДП, борьбы, направленной на обострение противоречий внутри этой партии и всего блока левого центра, на создание в перспективе нового, демократического правительственного большинства.

Таким образом, 1971 год знаменовал собой новый этап в развитии кризиса левого центра как попытки монополистических кругов итальянской буржуазии проводить центристскую, в общем консервативную политику, идя на проведение более или менее глубоких преобразований в экономической, социальной и политической жизни страны только под давлением демократических сил и в меру этого давления. Итальянская буржуазия и ХДП продолжали сложную и неустойчивую политику балансирования между необходимостью все в большей мере считаться в руководстве страной с растущим влиянием компартии и других левых сил и стремлением монополий нанести по возможности более сильный удар по этим силам.

8

О НЕКОТОРЫХ ТЕЧЕНИЯХ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

19 января 1918 г., через год и два месяца после Октябрьской социалистической революции, молодой Грамши опубликовал в туринском социалистическом еженедельнике «Гридо дель пополо» статью, озаглавленную «Акилле Лориа». Профессор Лориа, экономист и социолог, еще в конце XIX в. был своего рода знаменитостью, так как в некоторых слоях итальянского общества у него была репутация крупного ученого и чуть ли не «первого марксиста». На деле, однако, он был вульгаризатором идей научного социализма, и к нему с заслуженным презрением относились Энгельс и Антонио Лабриола. Статья Грамши была написана по конкретному поводу: Лориа заявил в «Гадзетта дель пополо», будто между Лениным-ученым и Лениным-вождем русской революции существует какое-то противоречие. В ответ на это Грамши с присущим ему темпераментом дал на нескольких страничках уничтожающий портрет профессора Лориа: «умник, не умеющий связно мыслить, тщеславный и злобный»; «любитель пофилософствовать, смешивая нелепости и правду, великое с банальностями»; «человек, который не может отличить муху от слона, монумент от пилястра». После того что Лориа написал о Ленине — читаем мы в конце статьи — «кто может хоть на грош верить Акилле Лориа, этому шуту, притворяющемуся мыслителем, этому королю бродяг, лезущих в науку?» [1]

[1] *A. Gramsci.* Scritti 1915—1921. Milano, 1968, p. 50.

Статья Грамши интересна во многих отношениях. Не только потому, что это — характерный пример полемического стиля автора. Главное в том, что он решил дать отпор Лориа за то, что тот позволил себе недостаточно уважительно отозваться о Ленине. И, разумеется, так думал и чувствовал не только Грамши. Свержение самодержавия и Октябрьская революция в России были решающим историческим событием, которое определило не только развитие политических и социальных процессов в других странах Европы, но и личные судьбы многих деятелей культуры. Это был водораздел. В Италии создалось сложное положение. Три года войны, которая, по выражению Паоло Алатри, была выиграна с таким трудом, что казалась проигранной, предельно обострили внутренние противоречия. Война создала новую буржуазию, еще более жадную и циничную, чем буржуа довоенной формации. Интеллигенция в своем отношении к русской революции и к широко распространившемуся среди итальянских рабочих лозунгу «Делать, как в России» раскололась. Многие интеллигенты отнеслись к новой исторической перспективе, открывавшейся перед Европой, скептически или враждебно. Другие наиболее прогрессивно настроенные и чуткие деятели культуры, приняли русскую революцию как величайшее событие, после которого жить и мыслить по-старому уже невозможно. Позиции быстро поляризовались.

На протяжении последних двух десятилетий демократическая и в особенности марксистская итальянская историография, смело ломая схемы, стремится переосмыслить всю историю современной Италии начиная с Рисорджименто. Это совершенно необходимо, чтобы понять, почему именно в Италии раньше, чем в других европейских странах, возник и утвердился фашизм. Говоря об истории итальянской культуры и общественной мысли, надо все время иметь в виду несколько очень важных обстоятельств. Во-первых, Италия католическая страна и церковь имеет в своем распоряжении громадные силы. Во-вторых, это страна, в которой, как во многих латинских странах, очень многие представители творческой интеллигенции активнейшим образом занимаются политикой, а не только «чистым искусством», и это равно относится как к прогрессивной, так и к реакционной части деятелей культуры. В-третьих, наконец, рабочее движение в Италии всегда отличалось инстинктивным и мощным стремлением к единству, но история сложилась так, что в решающие моменты и отнюдь не по вине организованных рабочих этого единства не было и последствия были катастрофическими.

Перемирие было подписано 4 ноября 1918 г. Еще в ходе войны начала складываться как политическая организация литературная группа футуристов. 20 сентября 1918 г. в Риме вышел первый но-

мер ежедекадного (позднее — еженедельного) журнала «Рома футуриста», возглавлявшегося Марио Карли, Марио Маринетти и Эмилио Сеттимелли; в подзаголовке значилось, что новый журнал — «орган политической партии футуристов», а из короткой заметки на третьей полосе явствовало, что такая партия будет создана немедленно после окончания войны. В этом же номере была изложена программа журнала, а также помещен манифест будущей футуристической партии.

Программа повторяла уже известные положения футуризма как культурного и политического движения, манифест был интереснее. В нем было 11 пунктов и выдвигался лозунг «революционного национализма». Первый набросок этой программы был опубликован еще 11 февраля за подписью Маринетти, по-видимому, в каком-то незначительном футуристическом издании. «Гридо дель пополо» явно получил экземпляр, так как и Грамши 16 марта 1918 г. откликнулся заметкой «Кавур и Маринетти». Программа представляется Грамши просто-напросто перепевом либеральной программы Кавура, а о футуристах он отзывается иронически: «Маринетти и его банда обезьян» [2].

Полный текст манифеста с цензурным пропуском в том пункте, где выражаются самые яростные антиклерикальные взгляды, опубликован был в книге Ренцо Де Феличе. В манифесте — апология национализма, некоторые существенные социальные требования. Особый абзац посвящен взаимоотношениям создаваемой политической партии и художественного футуристического движения. «Футуристическая политическая партия, которую мы сейчас основываем и организационно оформим после войны, будет совершенно обособленной от художественного футуристического движения. Это последнее будет продолжать свое дело омоложения и укрепления итальянского творческого гения. Художественное футуристическое движение неизбежно оказывается впереди медленной восприимчивости народа. Поэтому оно остается авангардом, зачастую сталкивающимся с противодействием большинства, которое не может понять его изумительных открытий, резкости его полемических выражений и безрассудно смелых порывов его прозрений. Футуристическая политическая партия, напротив, понимает насущные потребности и точно отражает самосознание всего общества в его гигиеническом (это один из старых и наиболее гнусных лозунгов футуристов: «война — единственная гигиена мира!» — *Ц. К.*) революционном порыве. К футуристической политической партии смогут примкнуть все итальянцы, мужчины и женщины любых классов и любого возраста, также и те, кто не имеет склонности к

[2] *A. Gramsci.* Scritti 1915—1921, p. 59.

каким бы то ни было художественным и литературным концепциям [3].

Все это было принято не очень серьезно; префект города Рима писал в донесении, что на отношение к манифесту повлияли «все экстравагантности, отличавшие в прошлом футуристическое искусство и литературу». Однако уже в декабре 1918 г. в различных городах Италии начали организовываться футуристические фаши, а в феврале 1919 г. их насчитывалось около 20. Футуристам удалось установить связи и обеспечить свое влияние среди ардити. Марио Карли, один из редакторов «Рома футуриста», уже в первом номере журнала обращался к ардити с призывом: «Ко мне, «черные петлицы»!» [4]. Футуристы старались и небезуспешно — установить параллель между ардити военного времени и футуристами мирного периода. По мнению Ренцо Де Феличе, футуристы в социальном и идеологическом отношении представляли довольно однородную массу; среди них было много буржуа, получивших университетское образование. Напротив, ардити были разнохарактерной группой, они происходили почти из всех классов населения, и, за немногим исключением, их культурный уровень был очень низким. Их объединяло физическое мужество, презрение к смерти — «анархиствующий индивидуализм». В 1919—1920 гг. большинство ардити примыкало к футуристам, даннунционистам и фашистам. Однако из рядов бывших ардити вышли и антифашисты.

В первой ассамблее, созванной Муссолини 23 марта 1919 г. в Милане в особняке на площади Сан-Сеполькро, участвовали Маринетти и некоторые другие футуристы. Как известно, с этого дня ведет свою историю организация «Фашистские боевые отряды». Маринетти принимал активное участие и в выработке «программы Сан-Сеполькро», которая была опубликована 28 августа 1919 г. Программа во многих пунктах напоминала программу футуристической политической партии и казалась бы революционной, не будь в ней требований интервенционистского порядка. Фашизм использовал недовольство бывших фронтовиков. Еще во время войны Муссолини писал, что аристократию завтрашнего дня составят люди, сидящие сегодня в окопах. Когда к власти придут те, кто вернется с фронта, они дадут новый смысл всем понятиям. Изменятся понятия республики, демократии, радикализма, даже социализма. «Это может быть, например, антимарксистский и национальный социализм. Миллионы тружеников, которые вернутся к бороздам на полях после того, как бороздили траншеи, осуществят синтез антитезы: класс и нация».

[3] *R. De Felice*. Mussolini il rivoluzionario. Roma, 1965, p. 741.

[4] «Черные петлицы» — штурмовые отряды.

В одном ряду с футуристами и ардити, с организаторами первых фаши (хотя полный знак равенства между ними ставить нельзя) стоят даннунцианисты. Д'Аннунцио продолжал пользоваться громадной популярностью в некоторых слоях итальянского населения; во время войны он регулярно сотрудничал во влиятельной газете «Коррьере делла сера», занимавшей интервенционистскую позицию. Одному итальянскому деятелю принадлежит меткое определение фашизма: это реставрация господства аграриев и капиталистов под аккомпанемент патриотической литературы в стиле Д'Аннунцио и шумовых эффектов Маринетти. За рамки этой статьи выходит история о том, как Д'Аннунцио 12 сентября 1919 г. во главе отряда своих легионеров высадился в Фиуме (теперь — Риека) и захватил там власть. Антонио Грамши в заметке «Национальное единство», помещенной в туринском еженедельнике «Ордине нуово», определил социальную суть этой авантюры [5].

Внешне отношения между Муссолини и Д'Аннунцио представлялись самыми сердечными, но как предполагают многие итальянские историки, Муссолини страшился конкуренции Д'Аннунцио, пользовавшегося популярностью и внутри фашистской партии. Некоторые открыто заявляли, что «вождем фашизма должен быть Д'Аннунцио, а не Муссолини». Однако, как мы знаем, история сложилась иначе. Что касается Маринетти, то в лице Муссолини он встретил соперника, превосходившего его и умом, и политической хваткой, и умением использовать рекламу. Звезда Маринетти закатывалась: Муссолини больше импонировал тем, кто, не желая ограничиваться громогласными манифестами, расчищал путь к захвату власти кинжалом и дубинкой.

Вскоре после «ассамблеи Сан-Сеполькро», в апреле 1919 г., в Риме вышел первый номер ежемесячного литературного журнала «Ронда». Об атмосфере того времени хорошо написал один молодой итальянский литературовед: «Итальянская буржуазия находится в состоянии полнейшего кризиса, но у нее есть еще оружие, которое можно будет пустить в ход в решающий момент. В плане культуры это оружие — даннунцианизм и футуризм; именно они в худших своих проявлениях выражают идеологию зарождающегося фашизма» [6]. Вся литературная атмосфера в Италии отравлена благодаря их давящему, разлагающему присутствию и влиянию. И вот возникает такой журнал, как «Ронда». Это — окоп, траншея, здесь хотят укрыться литераторы, деятели культуры, «та буржуазная интеллигенция, которая не дошла еще до того, чтобы восстать против своего класса, но в то же время отказывается принимать

[5] *А. Грамши.* Избранные произведения в трех томах, т. I. М., 1957, стр. 354—355.

[6] *G. Luti.* Cronache letterarie tra le due guerre 1920/1940. Bari, 1966, p. 21.

участие в авантюре какого бы то ни было рода и находит себе оправдание в том, что превыше всего ставит искусство, понимаемое как стиль» [7].

«Ронда» в первом же номере четко сформулировала свою программу: решительная оппозиция к «вочеанскому неоромантизму», к даннунцианистам и футуристам. С окончанием войны кончилась и длительная полоса культурной изоляции. Страна бурлит. Группа деятелей культуры, объединившаяся вокруг «Ронды» (журнал возглавил поэт Кардарелли, бывший сотрудник «Марцокко» и «Воче»), стремится обрести какую-то стройную систему духовных ценностей, которые смогут дать точку опоры в окружающей зыбкой и сложной реальности. Эти духовные ценности рондисты хотят найти в возрождении классицизма, они обращаются к Петрарке, Леопарди, Мандзони. Рождается концепция самодовлеющей литературы, вопросы стиля выдвигаются как первостепенные. «Ронда» не желает заниматься ни политикой, ни общественной моралью.

«Ронда» выходила до 1922 г. и последовательно проводила свою литературную программу, противопоставляя риторике и низкопробному развлекательному чтиву, наводнявшему книжный рынок, серьезную отечественную и переводную литературу. И в этом заслуга «Ронды».

Но ко всему этому можно подойти и с другой точки зрения. Напомним: 1919—1922 гг.— классовые противоречия обостряются, растет угроза фашизма, в стране предгрозовая атмосфера. И в это время почти все писатели, группировавшиеся вокруг «Ронды», замыкаются в рамки фрагмента, лирической автобиографии. Надо сказать, что в годы, непосредственно предшествовавшие приходу фашистов к власти, значительная часть итальянской художественной интеллигенции сознательно или бессознательно пыталась уйти от жестокой реальности в «чистое искусство». Джорджо Лути пишет о сверхосторожности писателей «Ронды», о нежелании чем бы то ни было рисковать. Рондисты несут свою долю моральной ответственности за победу фашизма, потому что во имя «священных традиций искусства» они шли на явные, постыдные компромиссы, прятали голову под крыло и даже не пытались сопротивляться. Важнейший вопрос — об отношениях между обществом и культурой — встанет во всей остроте, когда фашисты захватят власть. Что же до «Ронды», приходится согласиться с точкой зрения Лути, утверждающего, что рондианский классицизм привел значительную часть итальянской интеллигенции к самоизоляции. Итальянский философ Эудженио Гарэн афористически сказал об этом периоде: как на грубой олеографии, по окровавленным траншеям шли под руку Муссолини, Д'Аннунцио и Маринетти.

[7] *G. Luti*. Op. cit., p. 21.

*

Первый номер социалистического еженедельника «Ордине нуово» вышел в Турине 1 мая 1919 г. Именно в годы «Ордине нуово» Антонио Грамши начал разрабатывать основные вопросы социалистической революции в Италии; он много думал также о роли интеллигенции в общественной жизни и кое-что писал об этом. Впоследствии темы интеллигенции и культуры займут видное место в гениальных «Тюремных тетрадях». Еженедельник уделял много внимания проблемам пролетарской морали, образования, литературы и искусства, истории Италии. Рабочие читали и о Леонардо да Винчи и других великих художниках эпохи Возрождения, и о современных писателях — борцах и гуманистах — Роллане, Барбюсе, Максиме Горьком. Очень интересна одна заметка Грамши, в которой он отвечает журналисту Джузеппе Бьянки, обвинившему «Ордине нуово» в том, что его авторы мечутся «между холодными умозаключениями Ленина и лирическим эклектизмом Ромена Роллана». Грамши заявляет: «Да, мы поместили две вещи, написанные Ролланом, и не думаем, что между Лениным и Ролланом существует пропасть. Роллан предчувствует то, что Ленин доказывает: историческую необходимость Интернационала... В этом смысле Роллан работает на благо коммунизма, он за единство рабочего класса, и мы испытываем к нему чувства благодарности и восхищения: он — Максим Горький латинской Европы» [8]. Грамши и его товарищи так любили и ценили Роллана, что взяли эпиграфом для «Ордине нуово» его изречение: «Разум пессимистичен, воля оптимистична».

Суждения Грамши о Д'Аннунцио и о Маринетти представляют большой интерес. К Д'Аннунцио он относился с неизменным презрением. Что касается итальянского футуризма, он различал в развитии этого движения несколько стадий. Так, 8 сентября 1922 г., будучи в Москве, Грамши заявил, что до войны футуризм был популярен среди рабочих, что первоначально футуристы были против Д'Аннунцио и что 4/5 тиража футуристического журнала «Лачерба», достигавшего 20 тыс. экземпляров, расходились в рабочей среде. Однако после войны большинство видных футуристов стали фашистами, интеллигенты-футуристы настроены реакционно, а рабочие утратили интерес к прежним дискуссиям. Попутно Грамши сообщил, что в крупных промышленных центрах Италии созданы группы пролеткульта, которые стремятся пробудить творческий дух рабочих в области литературы и искусства [9]. Еще за

[8] Opere di Antonio Gramsci.— «L'Ordine Nuovo», 1919—1920. Torino, 1955, p. 453—454.

[9] Opere di Antonio Gramsci. Socialismo e fascismo — «L'Ordine Nuovo», 1921—1922. Torino, 1966, p. 528.

два года до этого, публикуя 14 июня 1920 г. в пьемонтском издании «Аванти!» статью А. В. Луначарского «Культура в социалистическом движении», Грамши сопроводил ее редакционным введением, в котором, в частности, говорилось: «Существуют ли уже элементы для создания искусства, философии, морали (нравов), свойственных рабочему классу?

Эту проблему надо поставить и разрешить: наряду с задачей завоевания политической и экономической власти пролетариат должен также поставить перед собой задачу завоевания интеллектуальной власти; он должен думать не только о том, как организовать политику и экономику, но и о том, как организовать свою культуру» [10].

Грамши прекрасно понимал всю важность привлечения к организации новой культуры интеллигентов, близких к рабочему классу. Недаром он дружил и привлек к сотрудничеству в «Ордине нуово» молодого туринского либерала Пьеро Гобетти, который впоследствии, как и сам Грамши, стал одной из жертв фашизма. В трехтомнике избранных произведений Грамши, вышедшем на русском языке, немало говорится о Гобетти, но мы добавим к этому слова редакционной статьи «Агент-провокатор», помещенной в журнале «Фальче в Мартелло» 4 июня 1921 г. В этой статье Грамши буквально уничтожает некоего Марио Гуарньери, выступившего с гнусными личными нападками на сотрудников «Ордине нуово». Грамши пишет:

«А либерал Гобетти? Он не член коммунистической партии. Это молодой человек, понявший величие русской Революции и ее вождей и написавший об этом несколько статей, какие социал-демократические пачкуны, конечно, не способны написать. Он не несет политической ответственности за «Ордине нуово». Он пишет об искусстве и литературе, содействует интеллектуальному воспитанию рабочего класса. Мы надеемся, что он все более будет убеждаться в том, что если либерализм означает развитие свободы и самостоятельности народа, если либерализм означает повышение политической активности отдельных людей,— то сегодня либерализм, как исторически конкретное понятие, живет лишь в международном коммунизме» [11].

Издательская и публицистическая деятельность Пьеро Гобетти имела немаловажное значение в истории развития итальянской общественной мысли в критический период — после окончания первой мировой войны и в 20-е годы. Первый журнал Гобетти «Энерджие нуове» начал выходить в 1918 г., а первый номер

[10] *A. Gramsci.* Scritti 1915—1921, p. 127—128.

[11] Ibid.. p. 160.

еженедельника «Риволюционе либерале» вышел 12 февраля 1922 г. и выходил регулярно, подвергаясь после прихода фашистов к власти постоянным полицейским репрессиям. Когда положение стало совсем трудным, Гобетти решил создать литературное приложение к «Риволюционе либерале»: он надеялся, что ему легче удастся вести борьбу против фашизма не в чисто политическом, но в культурном плане. Первый номер приложения, названного «Баретти» в честь знаменитого критика XVIII в. Джузеппе Баретти, вышел в Турине 23 декабря 1924 г.

В изменившейся и резко ухудшившейся обстановке Гобетти хотел сделать все, чтобы сохранить моральную силу туринского антифашизма, те духовные ценности, переоценить которые просто невозможно.

Позиция Гобетти решительно отличалась от позиции писателей, группировавшихся вокруг «Ронды». В 1924 г. он весьма недвусмысленно высказался по этому поводу: «Все политики, все борцы. Или в свите хозяев, или в оппозиции. Те, кто находится посредине, отнюдь не являются независимыми или бескорыстными. Скептики угодны режиму» [12]. Журнал «Баретти» отстаивал гуманистические и просветительские традиции великой культуры прошлого, соединяя это с требованиями, подлинного обновления. Гобетти рассматривал новый литературный журнал прежде всего как ответственную гражданскую трибуну. Можно представить себе какое значение для всей итальянской культуры тех лет имел самый факт существования этого журнала. Многим интеллектуалам именно «Баретти» помог подняться над двусмысленными формулами тех, кто считал, что творческая интеллигенция может остаться в стороне от событий. Муссолини ненавидел Пьеро Гобетти. После всех преследований, видя, что этот бесстрашный человек не сдается, сквадристы избили его до полусмерти и, наконец, в феврале 1926 г. вынудили эмигрировать в Париж. Он так и не смог оправиться от избиений и 16 февраля 1926 г. умер в парижской клинике в возрасте 25 лет. В «Тюремных тетрадях» Грамши мы не раз встречаем имя Гобетти. Очень интересно одно упоминание. Грамши пишет, что когда Пьеро Гобетти начал издавать журнал «Риволюционе либерале», самый термин «либерализм» стал интерпретироваться в более «философском» и более абстрактном смысле: «от концепции традиционного понимания свободы для индивидуальной личности переходят к концепции свободы коллективной личности, больших социальных групп» [13].

[12] *G. Luti*. Op. cit., p. 49.

[13] *A. Gramsci*. Quaderni del carcere I. Il materialismo storico. Torino, 1966. p. 173.

*

После убийства Джакомо Маттеотти и так называемого государственного переворота 3 января 1925 г. стало очевидно, что фашистский режим перешел к открытой диктатуре. Именно в это время Муссолини задумал большую акцию, касающуюся интеллигенции. Ему нужно было изобрести что-либо очень помпезное, чтобы изменить впечатление о его режиме, сложившемся во всем мире после убийства Маттеотти. С этой целью в марте 1925 г. в Болонье был созван «Конгресс во имя фашистской культуры». Этому событию придавалось чрезвычайное политическое значение, хотели достичь публичного, громкого мира и соглашения между фашизмом и интеллигенцией или, как иронически писали сохранившиеся еще оппозиционные газеты, «между дубинкой и культурой». Это было не просто намеком, а прямой ссылкой на известную тираду крупного философа-идеалиста Джованни Джентиле, который связал свою судьбу с судьбой фашизма и договорился до того, что «всякая сила моральна, даже если это сила дубинки».

В конгрессе приняли участие свыше 250 деятелей культуры, среди которых было много профессоров. Из художественной интеллигенции наиболее полно были представлены футуристы — писатели, художники и поэты во главе с Маринетти. Однако и помимо футуристов было много известных писателей, историков и философов. Прений на конгрессе не было, только зачитывались доклады, охватившие довольно широкий круг тем. На конгрессе был принят «Манифест фашистской интеллигенции», стремившийся доказать, что фашизм может иметь свою культуру. В этом и заключалась основная политическая цель устроителей конгресса, и Муссолини в приветственной телеграмме писал, что конгресс в Болонье имеет большое историческое, культурное и политическое значение, ибо он «полностью опровергает нелепые басни, якобы интеллигентность и фашизм — понятия несовместимые» [14].

«Манифест фашистской интеллигенции» был опубликован в газетах «в день рождения Рима», 21 апреля 1925 г. Этот документ решили перевести на основные языки и возможно шире распространять за границей. Текст писал Джентиле, никаких «теоретических и идеологических принципов фашистского движения» он не излагал, а лишь утверждал «религиозный характер фашизма». Манифест был типичным образчиком туманной риторики. 1 мая 1925 г. в оппозиционной газете «Мондо» был опубликован «Ответ итальянских писателей, профессоров и публицистов на манифест фашистской интеллигенции». Автором этого, как тогда выражались, «контрманифеста» был Бенедетто Кроче.

[11] *E. R. Papa.* Storia di due manifesti Milano, 1958, p. 50.

Позиция Кроче в те годы была сложной. О роли его в итальянской культуре нашего века подробно говорилось в предыдущем томе. Общеизвестно, что первоначально он поддерживал Муссолини и в сенате голосовал за доверие правительству. Однако впоследствии его отношение к чернорубашечникам решительно изменилось, и он возглавил либеральную антифашистскую оппозицию. «Контрманифест» Кроче был чрезвычайно осторожным и умеренным, несколько абстрактным, но морально вполне достойным документом. Основной смысл его заключался в том, что лучшие представители итальянской интеллигенции сочли своим долгом осудить фашистские насилия и как-то отмежеваться от режима. Это был протест, хотя и минимальный, так как в духе и стиле «контрманифеста» отразилась общая позиция либерала и аристократа мысли Бенедетто Кроче, заявлявшего, что нельзя смешивать политику и литературу, политику и науку и что истина заключается только в мысли, но не в действии. Разумеется, «контрманифест» Кроче не шел ни в какое сравнение с позицией Гобетти, с его гражданственностью, активностью, высоким пониманием сущности культуры и долга интеллигенции. Но даже и этот, столь осторожный манифест антифашистов вызвал ярость, издевательства и угрозы со стороны чернорубашечников. Фашистская пропаганда делала все, что могла, чтобы представить конгресс в Болонье как крупнейшую политическую и моральную победу режима Муссолини.

В следующем, 1926 г. дуче произнес несколько речей, посвященных проблемам литературы и искусства. В одной из этих речей он, хотя и в общих выражениях, изложил, какие требования фашистское государство предъявляет к писателям. Муссолини был циником, он презирал людей и поэтому позволил себе начать «программную» речь не с духовных, а с материальных вопросов. Он сказал: «Правительство, которое я имею честь представлять, конкретно доказало свою симпатию к писателям, продлив срок действия авторского права». За этим последовала большая порция риторики, и, наконец, Муссолини заявил, что итальянские писатели должны быть предвозвестниками нового типа итальянской цивилизации: «Писателям надлежит делать то. что называется интеллектуальным империализмом». Эти слова существенны, так как к тому времени фашизм становился уже предметом «экспорта» в другие страны и Муссолини претендовал на абсолютный приоритет. Муссолини понимал значение литературы и ее влияние на формирование общественного мнения, знал, как сильны антифашистские настроения в широких слоях интеллигенции. Проводя политику «кнута и пряника», он считал, что с наиболее решительными и активными врагами режима надо расправиться, а с остальными будет легче: одного можно напугать, других — подкупить. Поэтому

он стал в позу покровителя литературы и искусства и предпринял некоторые практические шаги для привлечения на свою сторону определенных слоев буржуазной интеллигенции, в частности писателей и профессуры. Он без обиняков заявлял, что надо создать фашистское искусство, литературу и философию.

8 ноября 1926 года в Риме был арестован Антонио Грамши. Широко известно, что во время суда над ним прокурор с предельным цинизмом заявил: «Мы должны на 20 лет лишить этот мозг возможности работать». Это им не удалось, Грамши пробыл более 10 лет в заключении и умер, но за эти годы он проявил такое величие духа и интеллекта, что его имя стало бессмертным символом Сопротивления. Вместе с Грамши были арестованы и многие другие. После того как все оппозиционные партии и печать были запрещены в результате введения «исключительных законов», коммунисты ушли в глубокое подполье, многие антифашисты эмигрировали, и в итальянской общественной и культурной жизни наступила тяжелая полоса, длившаяся еще почти 20 лет — до краха фашистского режима.

Что же, однако, несли фашисты миру в плане культуры? Почему и «Манифест фашистской интеллигенции», и другие «программные» документы такого типа отличались таким убожеством? Это представляется вполне закономерным, закономерно и то, что первоначально у фашистов вообще не было программы. Они заявляли, что на первом месте должна стоять не мысль, а действие,— в этом отражался плохо усвоенный и поверхностно понятый Ницше. Итальянский национализм, классовый характер которого был вполне определенным, также отличался крайней воинственностью и бессодержательностью идеологии. А поскольку фашизм в конце концов «заимствовал» программу националистов, сдобрив ее на редкость дешевой риторикой, получился сплав, на котором лежал отпечаток «второсортности». В 1932 г., когда режим с большой помпой праздновал свое 10-летие, в XIV томе итальянской энциклопедии появилась статья Муссолини о доктрине фашизма. Первую часть, озаглавленную «Основные идеи», написал, строго говоря, не сам дуче, а главный теоретик режима, Джованни Джентиле, опозоривший себя апофеозом дубинки.

В статье говорилось, что мировоззрение фашизма — спиритуалистическое, родившееся как реакция на «бессильный и плоский материалистический позитивизм XIX в.» Фашизм выступает как против классического материализма, так и против социализма. Он тоталитарен в том смысле, что единственная признаваемая им свобода — это свобода государства и личности внутри государства. Он выступает против социализма потому, что социализм делает упор на классовой борьбе, между тем как фашизм учитывает потребности различных классов в своей корпоративной систе-

ме, примиряя их в единстве государства. И, разумеется, фашизм претендует на то, чтобы руководить духовной жизнью общества, «переделать содержание человеческой жизни, человека, характеры, веру. Для этого нужна дисциплина и власть, безраздельная власть над умами».

Еще за три года до этого, в 1929 г., была опубликована работа Джентиле «Истоки и доктрина фашизма»[15]. Она начиналась с утверждения, что война была для Италии «разрешением глубокого духовного кризиса». В душе народа боролись на протяжении почти двух десятилетий два непримиримых течения, почти что две разные души, и только кровь, пролитая в войне, могла стать цементом, который превратит итальянцев в «подлинную, реальную, живую Нацию». Обращаясь к прошлому страны, Джентиле писал о том, что итальянское Рисорджименто было делом немногих людей, решающую роль сыграла творческая интеллигенция: «Это воля и мысль поэтов, мыслителей, политических писателей, которые умеют в должное время говорить языком, отвечающим всеобщему чувству». Ссылаясь на знаменитый лозунг Мадзини «Мысль и действие», Джентиле трактовал Рисорджименто как революцию идеалистов, у которых мысль всегда предшествует действию. Он торжественно провозглашал, что миром правят идеи и идеалы,— отсюда его «оппозиция материализму и спиритуалистическая концепция жизни».

В главе, названной «Идеализм, национализм, синдикализм», Джентиле анализирует развитие итальянской философии и общественной мысли в последние годы XIX и в первое 15-летие XX в., обрушивается на позитивизм, одобрительно отзывается о Сореле и — отчасти — о находившихся под его влиянием синдикалистах, которые были «антипарламентаристами и ценили высокие нравственные чувства». Особый интерес, однако, представляет данный Джентиле анализ идеологии национализма, который, по его мнению (что в большой степени соответствует истине), пришел в Италию из Франции и произвел громадное впечатление на известные слои интеллигенции. Джентиле считал, что в Италии национализм был менее литературным и более политическим отчасти потому, что итальянский национализм был преемником исторической правой. В националистах Джентиле находил «общий идеал культуры, общее мироощущение» и жажду обновления. Бенито Муссолини являлся в интерпретации Джентиле прямым духовным наследником Джузеппе Мадзини и «великих идеалов», а фашисты, естественно, совершали «великую революцию», ибо у них были идея, воля и вождь. Провозглашая тоталитарный

[15] *G. Gentile.* Origini e dottrina del fascismo. Roma, 1929. Цит. по: Il fascismo. Antologia di scritti critici. Bologna, 1961.

характер фашистской доктрины, Джентиле писал, что она отвечает «воле, разуму и чувству всего народа».

За этим следовало рассуждение об интеллектуализме и антиинтеллектуализме. Фашисты были «антиинтеллектуалистами», но Джентиле счел нужным уточнить это понятие: «Антиинтеллектуализм не означает, как думают самые невежественные фашисты, приходящие в восторг каждый раз, когда им кажется, будто дуче разрешил им плевать на науку и философию, что в самом деле отрицается всякая ценность мысли и высших проявлений культуры, в которых выражает себя мысль». Дальше речь идет о том, что фашизм выступает против тех интеллектуалов, которые мыслят абстрактно, не подчиняя свою мысль конкретным требованиям реальности. «Но противник, которого прежде всего стремятся уничтожить, это тот исторически сложившийся и типичный для итальянского образованного класса умственный и нравственный тип, который веками воплощается в **литераторе.** И это не только писатель, занимающийся художественной литературой, но любой писатель, работающий в науке или в области философии». Джентиле имеет в виду всех, кто далек от политики, кто занимается «чистой литературой или наукой; в эту категорию входят и академики, и эрудиты, которые не желают считаться с практическими задачами. В общем... этот антиинтеллектуализм враждебен не по отношению ко всякой культуре, но лишь к плохой культуре». Интеллектуалы, которых фашизм ненавидит,— сплошь индивидуалисты и эгоисты, эпикурейцы, они не нужны фашистской Италии: «Литератор был незаконным сыном нашего Рисорджименто, фашизм справедливо считает его дурным гражданином и хочет вырвать эту сорную траву из итальянской почвы».

Сам фашизм, разрешая встававшие перед ним политические проблемы, параллельно разрешает любые моральные, религиозные и философские вопросы, в этом и проявляется его тоталитарный характер.

Очень интересно читать все эти размышления философа-идеалиста, неогегельянца. Особенно интересно, когда знаешь, как все это претворялось в жизнь, знаешь, что́ на протяжении 20 лет фашисты проделывали с итальянским народом. Свидетельств этому есть сколько угодно, и мы ограничимся только одним из них, недавним.

В 1969 г. итальянское издательство «Бомпиани» выпустило в свет очень занятную книжку, называющуюся «Мысли федерале» (секретаря организации фашистской партии). Эта книжка — сборник инструкций, которые в период 1931—1939 гг. рассылал местным организациям, иерархам и всем фашистам, а также редакциям газет секретарь фашистской партии Акилле Стараче, стремившийся установить повсеместно «фашистский стиль жизни». В составлении

инструкций участвовал он лично или его аппарат, что в сущности все равно. В аннотации издательства справедливо говорится, что эти тексты можно было бы читать, как забавные и развлекательные миниатюры, «если забыть о том, что за ними скрывалась национальная трагедия». В самом деле, многие инструкции кажутся невероятными в своей глупости и тупости, но все эти документы действительно на протяжении многих лет должны были определять собой поведение, вкусы, обычаи. Инструкции эти до такой степени мелочны и убоги, что даже приводить не стоит повторяющиеся разглагольствования на тему о том, как надо цитировать изречения дуче, как приветствовать, как надписывать адреса, какие песни дозволено или, напротив, запрещено исполнять, в каких случаях можно надевать черную рубашку. Сейчас все это звучит анекдотически, но в те годы вся страна находилась во власти ограниченных, тупых и усердных иерархов, достойных Стараче и обладавших огромными средствами воздействия на население.

Однако создать собственнофашистскую культуру оказалось неосуществимым для этой публики делом. Перед искусством ставились довольно ограниченные задачи: иллюстрировать и воспевать достижения режима Муссолини. Этот режим проявлял абсолютную «всеядность» по отношению к различным направлениям в искусстве, лишь бы они не противоречили официальной фашистской идеологии. Итальянский фашизм был совершенно несостоятельным теоретически, его философская платформа — эклектической и ничтожной. Естественно, что все, разделявшие эту платформу, не искали глубины, не пытались проникнуть в души и психологию людей, не стремились к правде. Внутри режима существовало несколько противоборствующих литературных направлений. Одно из них — «страчитта» (если перевести буквально — сверхгород, экстрагород) — как будто отказывалось от узкого национализма и стремилось включить итальянскую литературу в общеевропейский культурный процесс. Другое течение — «страпаэзе» (сверхдеревня, экстрадеревня),— наоборот, отстаивало традицию и национальные корни искусства, яростно выступая против так называемого европеизма.

История группы «Страпаэзе» сложнее, нежели это может показаться на первый взгляд. Лидер этого течения Мино Маккари, страстный, яркий и грубый человек, был убежденным фашистом и, по-видимому, отражал какие-то реально существовавшие потребности тех, кто всерьез принял фашистское движение за «революцию», которая выполнит все демагогические обещания «программы Сен-Сеполькро», устранит коррупцию, установит социальную справедливость, свяжет новый режим с землей, с традициями. Маккари и его единомышленники презирали и ненавидели всю современную цивилизацию, считая ее «ублюдочной, интернационалистской,

внешней, механической», а кроме того, вообще состряпанной «еврейскими банкирами, педерастами, содержателями борделей», представители «страчитта», по их мнению, вполне подпадали под все эти определения. Что касается футуристов, то вскоре после прихода Муссолини к власти они стали уходить в тень и футуризм лишь очень недолго играл роль официального искусства фашистского режима.

Выше говорилось о большом влиянии католицизма на социальную и духовную жизнь Италии. После того как в 1929 г. между фашистским режимом и Ватиканом был заключен конкордат, Муссолини предоставил католикам широкую возможность принимать участие в культурной жизни страны. Они пошли на это весьма двусмысленное сотрудничество с фашистской партией и в 1929 г. стали издавать во Флоренции свой литературно-культурный журнал «Фронтеспицио». Этот журнал, который завоевал большой и быстрый успех, особенно в среде средней буржуазии, объединял литераторов разных поколений и взглядов, среди них было много писателей ярко выраженной католической традиции. Платформа «Фронтеспицио» представлялась довольно ясной, она была окрашена реакционным клерикализмом, журнал воспевал итальянскую католическую народную традицию.

В первые годы своего существования журнал «Фронтеспицио» выступал против модернизма как в чисто религиозном, так и в культурном плане, во имя некоей гипотетической «европейской католической культуры»; вначале группа «Фронтеспицио» отличалась умеренным консерватизмом, однако на определенном этапе позиции этой группы по ряду пунктов стали все более явственно совпадать с откровенно фашистскими. Когда Муссолини развязал войну с Абиссинией и вся демократически мыслившая Европа осудила его, католический журнал «Фронтеспицио» решительно изменил свою линию. Он прекратил прежние контакты с католиками других стран, возмущавшимися итало-фашистской агрессией. На страницах «Фронтеспицио» появились такие же демагогические, наглые и лицемерные аргументы, которыми пользовалась тогда фашистская пропаганда; католический литературный журнал яростно и грубо ополчился против всех идейных и политических врагов итальянского фашизма.

*

В 20-е годы в Италии начали широко распространяться различные авангардистские течения, шедшие главным образом из Франции, и итальянская художественная интеллигенция благодаря деятельности некоторых журналов все знала о сюрреализме, дадаизме, экспрессионизме. Недовольство и раздражение, вызванные

политической обстановкой, привели к тому, что возникла сильная тяга к «чистой поэзии», «чистому искусству». Еще в довоенный период, когда в итальянской литературе возникли так называемые сумеречники [16], наметилась эстетическая программа, которую характеризовал отказ от традиционных форм стихосложения, от чрезмерной музыкальности и пышности. Сумеречники отстаивали «целомудренность слова», противопоставляя ее риторике даннунцианистов. При фашизме, в самом начале 30-х годов, появились и начали постепенно набирать силу антиконформистски настроенные молодые писатели. Писатели этого направления стремились противопоставить официальной фашистской культуре не легко доступные, зашифрованные, но высокие поэтические ценности. В 1936 г., когда вышла книга Франческо Флоры «Герметическая поэзия», возник термин герметики.

Слово «герметизм» ведет свое происхождение от мифа о Гермесе, который создал очень многое, в том числе оккультные науки. Первоначально молодые писатели этого направления нашли прибежище на страницах «Фронтеспицио», причем надо полагать, что ортодоксальные католики-консерваторы, поддерживавшие режим Муссолини, даже не понимали, что поэты, склонные к «чистому искусству» и католическому мистицизму, в сущности относятся к этому режиму оппозиционно. Правда, оппозиционность была весьма относительной, но все же она существовала и со временем усилилась.

Если в 1936 г. герметики заявляли: «Все, что не является стилем, нас не касается»,— что означало и пассивное неприятие фашистской действительности, и бегство от нее, и стремление к некоей самостоятельности и духовному аристократизму, то уже в 1938 г. их позиция стала куда более отчетливой. Надо учесть, что как раз в это время под прямым влиянием Гитлера фашистская Италия впервые начала проводить расистскую и антисемитскую политику, и это вызвало сильную реакцию в стране. Интересно свидетельство на этот счет одного из видных расистов, Юлиуса Эволы, которого сейчас итальянские неофашисты считают своим главным идеологом и, так сказать, пророком. В 1964 г. римское издательство «Вольпе» выпустило его книгу «Фашизм» [17], в которой он анализирует прошлое, довольно подробно останавливается на расовой проблеме и рассказывает о своих личных заслугах в этой области.

Эвола сообщает, что 5 августа 1938 г. было официально заявлено: «отныне созрели все условия для итальянского расизма»;

[16] Об этом подробно см. во II томе.

[17] *J. Evola.* Il fascismo. Saggio di una analisa critica dal punto di vista della Destra. Roma, 1964.

осенью того же года были приняты первые законодательные мероприятия «для защиты итальянской расы». Мотивы, побудившие Муссолини вступить на этот путь, были скорее политического, нежели идеологического порядка. Эвола напоминает о своей роли: он написал книгу «Доктрина расы», Муссолини прочел ее и «безоговорочно с нею согласился». В то же время был создан журнал «Защита расы». Любопытно, что буквально все историки (кроме неофашистов, конечно) единодушно указывают на введение расистских законов как на одну из важнейших причин краха фашистского режима в Италии. Эти законы вызвали крайнее неодобрение и недовольство в широких слоях населения, в частности католического.

В атмосфере возрастающего недовольства молодой католический критик Карло Бо опубликовал в сентябре 1938 г. статью «Литература как жизнь», в которой писал о необходимости искать какой-то синтез между литературой и жизнью во имя цельности и нравственного идеала. Статья Бо была воспринята как манифест группы герметиков, и за ней последовал их окончательный разрыв с журналом «Фронтеспицио». Отныне никто не мешал этому журналу, начинавшему более достойно проводить линию безоговорочной поддержки фашизма. Разумеется, помимо оппозиционно настроенных герметиков было немало других деятелей культуры, в частности представителей художественной интеллигенции, которые очень критически относились к режиму, а иногда были настроены явно антифашистски. Многие из них принадлежали как раз к тому поколению, из которого фашизм рассчитывал выковать в будущем свои новые руководящие кадры, т. е. к тем, кто воспитался, как тогда выражались, «в героической атмосфере Литторио» [18]. Духовное формирование молодежи последнего предвоенного поколения бесспорно было драматическим: эти юноши как-никак выросли в условиях тоталитарного фашистского режима и им надо было освобождаться от многих фашистских мифов. Из их среды вышло впоследствии немало мужественных участников Сопротивления.

Было бы неправильно думать, что на протяжении 20 лет фашистского режима итальянская литература и культура вообще находились в состоянии полного застоя,— это, конечно, не так. Бесспорно, однако, что, несмотря на все усилия, систему подачек нажима и т. д., режиму не удалось создать фашистское искусство.

[18] Littorio — от латинского слова lictor. Так назывались в древнем Риме стражи, несшие фасции: пучок розог с торчащей среди них секирой.

В 1966 г. вышла книга знаменитого итальянского поэта Эудженио Монтале [19], в которую он включил статью «Фашизм и литература», датированную 7 апреля 1945 г. Монтале безоговорочно заявил в ней, что фашизм не оставил в итальянской литературе решительно никакого следа, не выдвинул ни одного выдающегося писателя, не дал ни одного произведения, о котором стоило бы вспомнить. Монтале пишет — с большим сарказмом — о некоторых характерных чертах фашистской культурной политики. Режим страстно хотел «начать новую жизнь также и в искусстве», поэтому Муссолини и его иерархи пытались оказывать непосредственное влияние на развитие литературного процесса. Писателей «ловили на крючок», используя разветвленную систему премий и возможность попасть в созданную фашистами «Королевскую академию Италии». Проводились конкурсы, подсказывались темы — все это должно было соответствовать «линии». И все-таки ничего не получилось. Существовала и процветала «соттокультура», т. е. культура низшего сорта. Были журналисты, соревновавшиеся между собой в восторгах по адресу дуче; были поэты, воспевавшие его; были композиторы, но все значительные книги, которые появились в стране за 20 лет фашизма, рождались **вне** воздействия фашистского режима и **вопреки** его воздействию. Именно в те годы сформировались такие крупные писатели, как Э. Витторини, Ч. Павезе, А. Моравиа, К. Бернари, Ф. Иовине, В. Пратолини, К. Э. Гадда. Даже тоталитарнейший режим был не в состоянии приостановить литературный процесс (мы не говорим сейчас о прогрессивных писателях, находившихся в эмиграции, как, например, Джерманетто).

Надо назвать два имени — имена крупнейших итальянских писателей того времени, чья слава вышла далеко за пределы их родины. Это Луиджи Пиранделло и Итало Свево. С творчеством Пиранделло наши читатели знакомы, у нас его довольно много переводят и о нем весьма квалифицированно пишут. Поэтому здесь мы ограничимся самыми беглыми замечаниями. Прозаик и драматург, Пиранделло первоначально выступил в литературе еще в конце XIX в., но его рассказы не имели успеха. Мировая слава пришла к нему лишь в 20-е годы, когда он создал психологический театр, смело ломая схемы и утверждая новую эстетику, его пьесы ставили «на всех пяти континентах». Долгое время преобладала теория, согласно которой творчество Пиранделло носит абстрактно-рассудочный характер. Грамши, подчеркивая противоречивость творчества этого большого художника, анализируя драматургию Пиранделло, разбил эту теорию, указав на некоторые связи

[19] *E. Montale.* Auto da fé, saggi di arte e di letteratura. Milano, 1966, p. 21.

писателя с народной культурой и с итальянской современной действительностью. Для произведений Пиранделло особенно характерны противоречия, конфликт между внутренними побуждениями человека и его поступками. Глубоко сочувствуя своим раздвоенным, мятущимся персонажам, он упорно ищет для них выход из противоречий страшного мира, но выхода нет. Бунт против жестокой действительности неизменно оказывается беспочвенным и бесперспективным. Свобода, которую ищут герои Пиранделло, поиски красоты и счастья кажутся ему иллюзорными. Все творчество Пиранделло окрашено глубоким пессимизмом.

Итало Свево сейчас почти единодушно считают лучшим итальянским романистом Новеченто. Судьба его необычна. Первый роман Свево «Одна жизнь» появился в книжных лавках еще в 1892 г., второй — «Дряхлость» — в 1898. Они прошли почти незамеченными. Может быть, слепоту критики можно объяснить тем, что оба романа Свево совершенно не соответствовали ни поэтике веризма, ни эстетическим канонам приверженцев «чистой красоты». Пристальный интерес писателя к внутреннему миру его персонажей, их постоянное самонаблюдение, интроспекция, сознательный и нарочитый «прозаизм» этой прозы, начисто лишенной «поэзии», оставили критиков равнодушными или даже вызывали раздражение. Реакция критики и отсутствие читательской заинтересованности были равносильны полному провалу.

Никому в то время не могло прийти в голову, что через 25—30 лет триестинский промышленник Этторе Шмиц, избравший псевдоним Итало Свево, приобретет мировую славу и его имя будут ставить в один ряд с классиками европейской прозы. Однако именно так все и произошло. Молчание Свево длилось четверть века, когда же в 1923 г. вышел его третий роман — «Самопознание Дзено»,— Свево показал его, а также роман «Дряхлость» своим парижским друзьям-итальянистам, которые восприняли эти книги как откровение.

К тому времени обстановка и вся духовная атмосфера в европейской культуре коренным образом изменились. Интеллигенция находилась под исключительно сильным влиянием работ Зигмунда Фрейда. Страстный интерес к сфере подсознания и к психоанализу охватил не только элиту, но и среднего читателя. Роман «Самопознание Дзено» отвечал новым вкусам, и успех его был предопределен всем развитием литературного процесса. Свево, как нам кажется, действительно можно считать предшественником аналитического и психоаналитического романа Новеченто. С беспощадной силой большого реалистического таланта он дал нам образ человека, лишенного нравственных идеалов и воли, склонного к рефлексии, может быть, и неплохого, но не знающего и не уверенного в том, что такое добро и что такое зло.

У Свево — свой мир, и за рамки его он не выходит. Действие всегда происходит в Триесте. Среда — крупная буржуазия, мир, где безраздельно властвуют деньги, законы купли и продажи, законы выгоды, которым подчиняются и приносятся в жертву естественные человеческие отношения, желания и чувства. Очень точно и беспощадно, не прибегая ни к гротеску, ни к риторике, не морализируя, Свево разоблачает психологию, философию, жизненную практику хищников, хозяев этого мира. Романы Свево достоверны и значительны, это не натурализм, не любование занятными психологическими пустячками, а серьезная, большая литература, отражение жизни и осмысление этой жизни. На фоне всеобщего увлечения подлинными, а иногда также и второсортными чисто эстетическими ценностями позиция Свево, у которого была неутолимая потребность в правде, представляет большой принципиальный интерес. Творчество Пиранделло и Свево стоит особняком и не сливается с общим фоном итальянской культуры того времени, но не упомянуть о нем нельзя.

Фашистский режим в стремлении к тоталитаризму создал большую сеть организаций, возглавлявшихся Институтом фашистской культуры. Ему удалось подчинить своему влиянию подавляющую часть профессуры и научных работников. Вскоре после захвата власти фашисты полностью овладели ключевыми позициями в прессе, в университетах, различных культурных учреждениях. Режим занял позу покровителя науки, был создан Национальный совет по научным изысканиям под председательством изобретателя беспроволочного телеграфа Гульельмо Маркони, который в 1930 г. стал президентом Академии. В середине 30-х годов все казалось прочным.

И тем не менее, когда началась война, когда наступило 25 июля 1943 г. и Муссолини потерпел поражение на заседании Большого фашистского совета и через несколько часов был арестован во дворе королевской виллы, режим стал разваливаться с удивительной, непостижимой быстротой. Тогда стала очевидной непрочность всех созданных им институтов, всей системы.

*

В Италии до сих пор спорят о том, какое определение правильнее: «Литература Сопротивления» или же «Литература о Сопротивлении». Спор этот имеет реальную основу. Поэзия и проза итальянского Сопротивления (в отличие от Франции, где литература Сопротивления создавалась уже в то время, когда антифашисты скрывались в маки) не предшествовали боям, а возникли лишь в результате этих боев. Однако, если ставить вопрос широко и понимать под Сопротивлением не только период вооруженной

борьбы с 8 сентября 1943 г. по 25 апреля 1945 г., к литературе Сопротивления следует отнести и некоторые книги, написанные при фашизме, и это будет справедливо. Среди этих книг назовем роман Карло Бернари «Трое рабочих», опубликованный в 1934 г. и изъятый из обращения по личному приказу Муссолини; роман Альберто Моравиа «Равнодушные» (журнал «Двадцатый век» отказался печатать эту сильную вещь, начисто отвергавшую фашистскую риторику, роман был издан в 1929 г. за счет автора и принес ему мировую славу); стихи Эудженио Монтале.

Но в первую очередь надо говорить о творчестве Элио Витторини, одного из крупнейших писателей и деятелей культуры современной Италии. Уже в первом сборнике его рассказов, вошедших в книгу «Мелкая буржуазия» (1931), можно уловить черты, которые явственно выступили в зрелом творчестве Витторини: глубокая человечность, поиски настоящей «внутренней правды» вне официальных этических норм фашистского режима, выбор в качестве персонажей простых людей и будничных тем, отрицание «искусства для искусства», интерес к рабочему классу, в котором Витторини скорее угадывал, нежели сознательно видел подлинного героя истории нашего времени. В 1933—1934 гг. в флорентийском журнале «Солярия» с цензурными купюрами печатался роман Витторини «Красная гвоздика» — о молодых людях, глубоко неудовлетворенных обществом, в котором они живут, мечтающих о революционной деятельности, хотя они еще не очень понимают, в чем она может выразиться и какие цели должна преследовать. Лучшие из них в конце концов осознают решающее значение классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

В 1936 г. Витторини начал писать роман, действие которого происходило в рабочей среде; он назывался «Эрика и ее братья», но писатель прервал работу над ним, потому что началась гражданская война в Испании, ставшая для многих людей поколения Витторини (он родился в 1908 г.) переломной вехой. Он не был в Испании и не сражался в рядах интернациональных бригад, но подобно многим другим честным художникам Витторини понял, что работать по-старому уже невозможно. Антифашистские настроения перешли в убеждения, возникло чувство гражданского, нравственного долга, лежащего на деятелях культуры. Позднее это стало называться по-французски engagement, по-итальянски — impegno, но еще до того, как появилось это четкое определение, смысл новой позиции таких художников, как Витторини, стал ясен.

В 1938—1939 гг. в журнале «Литтература», также флорентийском, из номера в номер печаталась одна из лучших и наиболее значительных вещей Витторини — повесть «Сицилианские беседы». Ее опубликование вызвало громадный резонанс не только в кругах интеллигенции, но и в самых широких слоях общества. Повесть была

написана скупо, сжато, предельно простым языком, да и сам сюжет ее также предельно прост, фабулы почти нет. Витторини не только показал условия человеческого существования, вызывавшие чувство безысходности и глубокой печали, он пошел дальше: один из персонажей, которому писатель сознательно не дал имени, подчеркнув тем самым его значение, произносит очень важные и ответственные слова о том, что существуют «иные обязанности», «иной долг». Конечно, это зашифровано, но в условиях фашистского режима слова об «иных обязанностях» прозвучали как откровенный политический намек. Намек был понят и услышан, об этом имеется множество достоверных свидетельств. Когда в 1943 г. повесть была переведена на французский язык, в бельгийской печати Сопротивления писали: «К нам пришла из фашистской страны антифашистская книга, крик скорби и протеста всех угнетенных». Несомненно, что эта книга Элио Витторини оказала сильнейшее влияние на формирование идеологии итальянского и — как свидетельствуют бельгийцы — не только итальянского движения Сопротивления.

В «Сицилианских беседах» с предельной отчетливостью выражено гуманистическое кредо Витторини. Писатель понимал, что возникло новое сознание, начинается — скоро начнется — новая историческая эпоха. «Иные обязанности» предстают как абсолютный нравственный императив. Не будет преувеличением сказать, что повесть Витторини была переломным моментом в истории молодой итальянской прозы. Его роман «Люди и нелюди» [20] о миланском подполье в страшную зиму 1943 г.— одно из лучших произведений литературы итальянского Сопротивления.

Среди героев и мучеников Сопротивления было много представителей передовой интеллигенции, сражавшихся против наци-фашизма вместе с рабочими. Ректор университета в Падуе, один из крупнейших итальянских филологов, коммунист, Кончетто Маркези 28 ноября 1943 г., открывая академический год, призвал студентов идти в партизанские отряды и первый подал им пример высокого гражданского мужества. «Студенты,— сказал он,— я покидаю вас с надеждой, что еще вернусь к вам как учитель и товарищ, после того как нас свяжет братскими узами общая борьба. Во имя веры, которая воспламеняет нас, во имя презрения, которое вас обжигает,— не позволяйте угнетателям распоряжаться вашей жизнью, создавайте боевые батальоны, освободите Италию от бесчестия!» [21]

Когда через полтора года после падения фашизма Маркези вернулся на свой пост, он обратился к студентам с воззванием,

[20] *Э. Витторини.* Люди и нелюди. М., 1969.
[21] «Contemporaneo», 1957, N 8.

в котором с законной гордостью писал, что Падуанский университет положил началу Второму Рисорджименто. Он заявил, что спасителями родины будут рабочие, партизаны, боровшиеся с фашизмом, и молодежь. «Вы вернете Италии,— писал он,— радость жизни, сознание свободы, возможность мыслить и желать, вы вернете ей ту ясность духа, которая в лучшие времена помогала народу дарить миру чудеса и искусства и цивилизации» [22].

После очистительной грозы Сопротивления стало очевидно, что время оторванного от жизни, изысканного искусства прошло. Пальмиро Тольятти не раз повторял, что «Сопротивление и его ценность были общенациональными». Это движение носило всенародный характер, после Освобождения создалась атмосфера подъема, жизнь во всей ее пестроте, сложности и противоречивости хлынула на страницы книг. Возродился жгучий интерес к социальной тематике, у людей возникла острая потребность зафиксировать на бумаге опыт пережитого. В литературе выступило множество непрофессиональных писателей. Характерно опубликование огромного количества автобиографий, дневников, мемуаров. Немного было, разумеется, таких блестящих книг, как очерки Карло Леви «Христос остановился в Эболи» (это произведение принесло Леви международную известность). В большинстве случаев книги писателей-«непрофессионалов» не стояли на высоком художественном уровне. Подчас в них было слишком много морализирования, прямолинейности, их реализм зачастую был «сырым», грубым, чересчур фотографическим, но и в них был аромат подлинности и правды. Пытаясь классифицировать все эти произведения, некоторые итальянские критики разделяют их тематически: литература о войне, о тюрьмах, об оккупации, о подпольной борьбе, о вооруженной борьбе. Это, разумеется, схематично, но отражает подлинное положение в первые послевоенные годы. Один из крупнейших итальянских писателей-антифашистов Чезаре Павезе так писал об этом 11 февраля 1947 г.: «Все пишут стихи и воспоминания, прозу и памфлеты, речи, мемуары, исповеди. Одна из характерных особенностей этих лет — прикладное искусство: все хотят что-то показать, о чем-то свидетельствовать. Больше не встретишь страницу, которая решительно ни о чем не говорит, или отполированный сюжет, типичный для имперской аркадии времен Муссолини» [23].

Здесь может вызвать возражение только эпитет «прикладное» по отношению к искусству неореализма, хотя известно, что Павезе относился к этому искусству с большим уважением. Мы не затрагиваем сейчас проблемы кино, хотя, как известно, именно итальянские неореалистические фильмы принесли неореализму мировую

[22] «Contemporaneo», 1957, N 8.
[23] *C. Pavese*. Lettere 1945—1950. Torino, 1966, p. 112.

славу. Дать обобщающую формулу этого движения нелегко. Вот как охарактеризовал его Карло Салинари на конгрессе, посвященном реализму в Италии (этот конгресс провел Институт Грамши в Риме в 1959 г.): «Неореализм возник как выражение кризиса, который в 1944—1945 гг. потряс все итальянское общество. Следовательно, в его основе лежало новое мировоззрение, новая мораль, новая идеология, присущая антифашистской революции. В нем было сознание кризиса старых правящих классов, сознание того места, которое впервые в нашей новой истории заняли народные массы. В нем было стремление раскрыть реальную Италию и в то же время революционная вера в возможность обновления и прогресса для всего человечества. Это было подлинное движение авангарда (уже не просто формального в недрах культуры правящего класса), ибо оно стремилось к перестройке действительности, а не только культуры» [24].

К этому надо добавить, что литература Сопротивления и искусство неореализма носили глубоко человечный, демократический характер, и одного этого достаточно, чтобы привлечь к ним пристальное внимание историков и литературных критиков. Большой интерес представляет предисловие, которое в 1964 г. написал один из крупнейших представителей этого течения, Итало Кальвино, в связи с переизданием после 17-летнего перерыва своего романа «Тропинка к паучьим гнездам», написанного о партизанах и для партизан. Предисловие, в котором Кальвино пытается осмыслить свое, и не только свое, прошлое, можно по праву рассматривать как серьезный человеческий документ, как исповедь и портрет целого поколения деятелей итальянской культуры.

Кальвино все время говорит «мы», хотя и подчеркивает, что никакой неореалистической школы не было. Он вспоминает о себе и о своих товарищах: они были так молоды, что «едва успели стать партизанами». Будущие писатели варились в той же гуще событий, что и их будущие читатели, у них был общий жизненный и боевой опыт.

Кальвино убежден в том, что хотя «школы», как таковой, не было, у неореалистов была сознательная эстетическая платформа. «Язык, стиль, ритм имели огромное значение для нас, для этого нашего реализма, который должен был быть как нельзя более далеким от натурализма». И — само собою разумеется — они ненавидели риторику и олеографию, которыми отличалось официальное фашистское искусство. Отвращение к риторике было так велико, что книги молодых неореалистов бывали зачастую сознательно полемическими, была в них нередко наивность, чрезмерный интерес к темам жестокости и пола, было и влияние экспрессионизма.

[24] «Contemporaneo», 1959, N 11, p. 9.

В предисловии к роману Кальвино выразил очень важную мысль. Полемизируя с теми, кто представляет себе неореалистическую литературу как своего рода иллюстрацию к определенным, заранее установленным тезисам, он заявляет, что нет ничего более ошибочного, чем такой взгляд: «То, что называют impegno, engagement, здесь было прежде всего образом и словом, взрывом, схваткой, презрением, вызовом, стилем» [25].

И еще одно интересное место в предисловии. Осмысливая свой литературный дебют, Кальвино пишет: «Как входит этот роман в литературу Сопротивления? В то время, когда я писал его, создание литературы Сопротивления было еще не решенной задачей, написать роман о Сопротивлении было императивом». И он уточняет: «Миланские группы патриотического действия (ГАП.— *Ц. К.*) уже получили свой роман — «Люди и нелюди» Витторини, а мы, партизаны с гор, также хотели иметь свой роман, с иным ритмом и фабулой». И Кальвино подчеркивает, что его «Тропинки» были «letteratura impegnata в самом широком и богатом смысле слова» [26].

Под знаком такого impegno «в самом широком и богатом смысле слова» родился созданный Элио Витторини журнал «Политекнико». Сначала он был еженедельником, первый номер которого вышел 29 сентября 1945 г. с подзаголовком «Еженедельник культуры»; последний, 28 номер еженедельника вышел 6 апреля 1946 г. Потом он был преобразован в «Ежемесячный журнал современной культуры», сохранив прежний порядок номеров. В декабре 1947 г., выпустив 39 номеров, «Политекнико» прекратил свое существование. Он сыграл исключительную роль в жизни и развитии итальянской послевоенной культуры. В программной статье, открывавшей первый номер, Витторини писал: «Я обращаюсь ко всем итальянским интеллектуалам, которые знали фашизм. Не только к марксистам, но также и к идеалистам, также к католикам, также к мистикам. Есть ли у идеализма или у католицизма какие-либо мотивы, чтобы противиться преобразованию культуры в такую культуру, которая в состоянии бороться против голода и страданий?» [27] Ниже давалось четкое определение задач новой культуры, как ее понимал Витторини: *не утешать* человека, но *защищать* его. Иными словами, новая литература и культура не должны ограничиваться тем, чтобы утешать людей в их горестях, она обязана активно бороться за то, чтобы устранить причины этих горестей, *изменить жизнь*. «Политекнико» с полным сознанием своего граж-

[25] *I. Calvino*. Il senteoro dei nidi di ragno. Torino, 1964, p. 12.
[26] Ibidem.
[27] Il Politecnico. Antologia critica. Milano, 1960, p. 45.

данского долга, с огромной энергией и страстностью вступил в борьбу за очищение и обновление национальной культуры.

Однако в теоретических построениях журнала было немало абстрактного, поскольку и сам гуманизм Элио Витторини при всей искренности и благородстве его взглядов также всегда отличался некоторой абстрактностью. Вскоре начались ожесточенные споры по вопросу о том, какой должна быть новая, левая итальянская культура. Споры шли и о взаимоотношениях культуры и политики. Так, Витторини, сравнивая функции политики и культуры, заявил, что политика играет историческую роль лишь в периоды революционных взрывов, тогда как культура —«это не хроника, а сама история». После того как Тольятти опубликовал в «Ринашите» свое письмо, адресованное Витторини (он писал, в частности, что рассуждения о политике и культуре — «неправомерное обобщение»), Витторини видоизменил свою формулу, признав и за политикой и за культурой «историческую функцию».

Эпизод с «Политекнико», когда разногласия обострились до чрезвычайной степени,— один из самых драматических моментов в истории левой послевоенной итальянской культуры. Но когда 13 февраля 1966 г. Витторини умер, Луиджи Лонго послал его семье такую телеграмму: «Выражаю вам самое искреннее сочувствие от имени Коммунистической партии и от себя лично по случаю тяжелейшей утраты, понесенной вами и всей итальянской культурой, лишившейся одного из самых славных своих деятелей. Элио Витторини был не только другом, кончину которого мы горестно переживаем. Он был бойцом Сопротивления, нашим товарищем в стольких битвах. Вне зависимости от каких-либо разногласий мы всегда высоко ценили силу и страстность его антифашистских убеждений, его тонкое критическое чутье, его качества писателя и роль, которую он сыграл в становлении новой литературы» [28].

Расцвет неореалистической литературы и искусства относится к первым послевоенным годам и к началу 50-х годов. Среди писателей, чьи произведения прочно вошли в золотой фонд литературы итальянского Сопротивления, кроме Э. Витторини, И. Кальвино и Карло Леви, можно назвать еще немало имен. Мы ограничимся тем, что напомним о творчестве Чезаре Павезе, Карло Кассолы, Васко Пратолини, Франческо Иовине, Ренаты Вигано. Список легко продолжить. Было бы, однако, упрощением сводить всю итальянскую литературу этих лет к неореализму. Развитие лите-

[28] «Unità», 14.II 1966.

ратурного процесса, как известно, никогда не бывает однолинейным. В эти годы продолжали работать многие писатели-традиционалисты, творческая судьба некоторых писателей, начинавших с неореализма, впоследствии также сложилась по-разному. Но социальный пафос неореализма, его демократизм, правдивость и человечность сохранят, надо надеяться, навсегда свое значение как образец благородного искусства, созданного неповторимой эпохой.

Понятия неореализма и литературы Сопротивления неразделимы. Возможно, правильнее говорить даже не о неореализме, а о реализме в его итальянском варианте. Некоторые характерные особенности этой литературы, ее полемический заряд, пристрастие к резким, без полутонов, краскам объясняются тем взрывом народного гнева, тем отвращением к фашистской лжи и демагогии, которые накапливались и созревали постепенно и вырвались на свободу во время Сопротивления. Нет сомнения в том, что антифашистская революция 1943—1945 гг. была не только политической, но и моральной революцией. Итальянская литература и сейчас, в 70-е годы, постоянно возвращается к антифашистской теме, и это понятно и необходимо. А тема Сопротивления — в ином звучании, в иных исторических условиях — присутствует и в литературе наших дней.

Развитие литературного процесса нельзя рассматривать вне теснейшей связи с общеисторическим развитием, и в некоторые периоды это проявляется особенно ярко. Действительность оказалась гораздо сложнее, чем думали представители передовой итальянской интеллигенции в первые послевоенные годы. Если сравнить мироощущение людей поколения Кальвино в середине 40-х и середине 50-х годов, нельзя не заметить, что итальянская интеллигенция была охвачена чувством разочарования. В период огромного общественного подъема очень многие итальянцы, в частности многие деятели культуры, верили, что все острые социальные проблемы, все беды, трудности и несправедливости скоро будут полностью разрешены и устранены. Однако уже начало 50-х годов ознаменовалось наступлением монополий, временным спадом рабочего движения и растущей клерикализацией. С этим связан и кризис неореализма. В марте 1954 г. в первом номере только что начавшего выходить марксистского журнала «Контемпоранео» было четко сказано, что «первоначальные основы, на которых зиждилось искусство реализма, уже исчерпали себя». Несколько позднее был выдвинут тезис о сознательности творческого акта, об «искусстве разума». Развивая положения Антонио Грамши о «новой литературе», итальянская марксистская критика стала настойчиво призывать к созданию «литературы идей». Это предполагало более высокую ступень познания действительности и более четкую идейную

позицию, чем та, которую занимало большинство художников-неореалистов. Приближались 60-е годы. Изменился облик страны, произошли значительные сдвиги и перемены в ее экономике и социальной структуре. Так называемое экономическое чудо поставило в порядок дня новые проблемы. Это в полной мере относится и к культуре, в первую очередь к литературе.

В середине 50-х годов французский писатель и критик Доминик Фернандес опубликовал интересную, во многом спорную книгу «Итальянский роман и кризис современного сознания». Он утверждал, что после войны итальянская культура вступила в эпоху нового Ренессанса, причем интеллектуальное и литературное возрождение современной Италии берет свое начало в марксизме, марксизме в широком смысле этого слова. Замечание это справедливо. Разумеется, нельзя ставить в один ряд писателей различных взглядов, несхожих по творческому почерку. Однако развитие литературного процесса в Италии отличается некоторыми характерными особенностями: за редкими исключениями (мы не говорим сейчас о католиках) цвет итальянской культуры примыкает к левым политическим партиям и течениям. В той или иной степени большинство прогрессивных итальянских писателей и критиков восприняло идеи марксистской философии. Сделаем оговорку: речь идет о том самом «марксизме в широком смысле слова», о котором писал Фернандес. Но и это крайне важно.

В конкретных условиях послевоенной Италии проблема взаимоотношений политики и культуры (и после того, как перестал выходить «Политекнико») возникала постоянно. Были годы, когда позиция ИКП в ее взаимоотношениях с интеллектуалами — коммунистами и некоммунистами — отличалась некоторой жесткостью. Однако после XX съезда КПСС положение решительно изменилось. Коммунисты провели широкую дискуссию, посвященную марксистской культуре в Италии. Участников дискуссии объединяла глубокая уверенность в неминуемой победе социализма в их стране, они говорили о необходимости выработки единой платформы левых сил по вопросам культуры. Дискуссия была чрезвычайно интересной. выступавшие не останавливались перед переоценкой многих устаревших ценностей и откровенно признавали, что левая итальянская культура значительно отстает от требований, выдвигаемых самой жизнью. Отчетливо ставилась задача искать пути преобразования современного искусства в социалистическое искусство гибко, тонко и серьезно, считаясь с национальной традицией. В «Контемпоранео» был помещен цикл важных статей, посвященных литературе. В одной из них Салинари писал:

«Без сомнения, в эти послевоенные годы мы постигали окружающий нас мир и стремились завоевать его при помощи оружия научных, исторических, социологических и философских исследова-

ний, хроники и документации или романа и кинематографии, которые по природе своей ближе к документации и к хронике, нежели поэзия. Может быть, было и невозможно поступать иначе: мир изменялся так быстро и так драматически, что нужно было каким-то образом запечатлевать отдельные моменты, почти фотографировать их, в надежде, что впоследствии удастся спокойно воссоздать все эти события и проникнуть в самое глубинное их значение. Может быть, мы чувствовали, что самой срочной была задача преобразовать старую культуру, покоившуюся на «поэзии вчерашнего дня», и создать другую культуру, более передовую и современную, создать иную духовную атмосферу, иное вѝдение и восприятие мира. Может быть, в области поэзии дело «разрушителей» было более трудным и тяжелым, так как они столкнулись с длительной традицией»[29].

Затем Салинари пишет о том, что «спор между гуманитариями и техниками, между Югом и Севером, между промышленной и сельской цивилизацией уже разрешен. Победили техники, Север, промышленная цивилизация, победили (само собой разумеется) качественно, как тенденция, в сознании наиболее передовых людей... Проблема, о которой мы говорим, стоит сегодня внутри новой культуры и новой цивилизации: литератор, который противопоставляет свои настроения или свои грезы захватывающему ритму событий, жизни, новых открытий,— умер. Он умер в сознании новый поколений»[30]. Салинари пишет, что начиная от истоков итальянской литературы и вплоть до 40-х годов XX в. всегда существовали и противоборствовали два течения: прогрессивное, которое стремилось создавать искусство, связанное с жизнью, и консервативное, которое вело к мистике или формализму, когда отдавалось предпочтение слову перед понятием, субъекту перед объектом, индивидуальному, а не всеобщему, форме перед содержанием. Но теперь положение иное. «Вся послевоенная культура устремлена к действительности. Опьяняются конкретным и реальным, изобретают все новые и наиболее эффективные приемы, чтобы проникнуть в самые сокровенные глубины действительности. Большинство сознает свой долг и ответственность. Водораздел между прогрессом и реакцией в современной культуре не проходит уже по линии ухода от действительности или приближения к ней, речь идет о двух различных отношениях к этой действительности. Одни стремятся уничтожить человека, которому противостоят вещи, сооружения, машины, сложная и непонятная структура современного общества,— это новая форма бегства от жизни, мистика вещей, обожествление «объективных законов». Другие хотят спасти челове-

[29] «Contemporaneo», 1959, N 11.
[30] Ibidem.

ка от процесса превращения в машину, не возвращаясь в то же время к мифу о примитиве, об упрощенстве, о бегстве в деревенскую тишь, в мир грез,— но оставаясь внутри этого процесса, стремясь понять его законы и установить таким образом правильное диалектическое взаимоотношение между субъектом и объектом, между вещами и человеком».

С самого начала своего существования «Контемпоранео» боролся против вульгарного понимания реализма, предостерегая против произведений, в которых все было направлено вовне и забывался человек с его чувствами и переживаниями. Речь шла, разумеется, не только о поэзии, но об «экзамене совести» всего реалистического искусства Италии; коммунистическая партия должна была в эти переломные годы выработать наиболее гибкую и отвечающую современным требованиям линию в борьбе за новую, социалистическую культуру. Кризис традиционной культуры в конце 50-х — начале 60-х годов стал очевидным. То же самое надо сказать о католической культуре. В январе 1960 г. на IX съезде ИКП Тольятти четко сформулировал позицию партии. Он сказал: «Мы отвергаем методы фанатизма, нетерпимости, преследования за мысль, присущие клерикализму и реакционной культуре класса, который скрывает, выступая под флагом антикоммунизма, свою органическую неспособность вооружить нацию для великого соревнования, ведущегося сегодня между народами. Мы сознаем, что решающий политический опыт подтвердил превосходство нашей доктрины, нашего миропонимания, и мы не думаем, что разрядка должна означать смешение разных идеологий. Однако мы хотим, чтобы это превосходство было ясным при свободном споре между различными концепциями в свете потребностей нашей национальной жизни. Враги, против которых мы боремся,— это обскурантизм, страх перед новым и перед ответственностью, плоский консервативный конформизм, бегство мысли в агностицизм, в общие места — вместо смелых поисков нового и настоящего. Мы не боимся никакого сопоставления наших взглядов со взглядами тех, кто искренне стремится познать реальность и узнать правду, потому что к этому же стремимся и мы. Нет таких проявлений мысли, культуры, искусства, которые мы отвергли бы исходя из заранее установившихся предубеждений, не только потому, что все они чему-нибудь могут нас научить, но и потому, что сейчас должны быть разрушены все искусственно созданные холодной войной барьеры и культурная жизнь должна приобрести новый размах, европейский, мировой. Антикоммунизм должен предстать перед всеми — и прежде всего благодаря преодолению нами сектантского догматизма — как отвратительная гнусность» [31].

[31] IX Congresso del Partito comunista italiano. Atti e risoluzioni I. Roma, 1960, p. 64—65.

*

Это программное выступление лидера итальянских коммунистов имело тем большее значение, что как раз в эти годы и в католическом мире началось очень интересное движение. После того как папа Иоанн XXIII издал 15 мая 1961 г. знаменитую энциклику «Матер е магистра», которую по праву считают очень смелой и решительной попыткой преодолеть исконный консерватизм католической церкви в социальных вопросах, ХДП созвала в Сан-Пеллегрино свой первый идеологический конгресс. В нем приняли участие около 1,5 тыс. представителей демохристианской элиты: ученые, политики, деятели католической культуры. Мне кажется, не будет ошибкой сказать, что этот конгресс был наивысшей точкой в истории итальянской католической общественной мысли XX в. Нашлись, разумеется, ярые клерикалы, заявлявшие, например, что коммунистическая партия вообще не имеет права на существование в условиях демократического государства. Но не они задавали тон. Левый католик Луиджи Гранелли поставил вопрос четко: история сложилась так, что новая итальянская реальность создана блоком сил, принимавших участие в Сопротивлении. Они совместно заложили основы демократического государства. Но только два больших течения, две главные политические силы в состоянии обеспечить устойчивость нового общества: «Нравится вам это или не нравится — это только движение католиков и марксистское движение» [32].

Мы говорили о колоссальных возможностях и средствах, об огромном влиянии католической церкви в Италии. Надо отдавать себе отчет в громадной, разветвленной и глубоко продуманной системе агитации и пропаганды, которой располагают итальянские католики. Достаточно сказать, что в стране выходит свыше 20 ежедневных католических газет, общий тираж которых превышает миллион экземпляров. Кроме того, великое множество еженедельных, двухнедельных и ежемесячных журналов, рассчитанных на все категории читателей. Самые образованные читатели имеют в своем распоряжении примерно 40 журналов. Вся эта печать в общем «традиционна», и в конечном счете ее целью является борьба за души. Но было бы неправильным представлять себе все это очень прямолинейно. С одной стороны, церковь прибегает к элементарным и грубым приемам воздействия на массы. С другой — в ее арсенале немало искусных, тонко разработанных методов, аргументов, соблазнов. Теоретический орган ордена иезуитов, журнал «Чивильта каттолика» уделяет большое внимание вопро-

[32] Il Convegno di S. Pellegrino. Atti del I Congresso Nazionale di studio della Democrazia Cristiana. Roma, 1962, p. 458.

сам культуры. Сотрудники его редакции — крупные специалисты по самым различным вопросам права, социологии, экономики, политики, искусства.

Один из представителей «модернистского» направления среди католической интеллигенции, Марио Гоццини, заявил однажды, что в такой стране, как Италия, где происходит борьба между католической культурой, традиционной светской буржуазной культурой и марксистской (т. е. демократической) культурой, должна в конечном итоге победить католическая культура. Она должна пойти на некоторые компромиссы и включить в себя «наиболее ценные аспекты» традиционной светской культуры. Если она сделает это — ей удастся одержать верх над марксистской идеологией.

Однако обе знаменитые энциклики папы Иоанна XXIII, идеологический конгресс в Сан-Пеллегрино и борьба идей на сессиях Вселенского собора свидетельствуют о том, что лучшие умы католической церкви понимают одну несомненную истину: в историческом смысле католическая церковь самым серьезным образом отстала и многое проиграла из-за своего реакционного консерватизма.

В последние годы мы присутствуем при интереснейшем процессе усиления движения левых католиков, которые ищут путей для сближения с демократической культурой, понимая, что речь может и должна идти не о «победе» над нею, но о диалоге, необходимость которого подсказывает сама жизнь.

В начале 60-х годов в Италии начала развиваться культурная индустрия на американский манер. Различные круги буржуазной интеллигенции предлагали разные методы решения культурных проблем, но ни один из них не отвечал реальным потребностям общества. Марксисты ясно понимали, что культура американского типа становится предметом массового потребления и в то же время орудием для «мистификации» масс. Был еще один аспект культурной индустрии: ее стремление поглотить независимо настроенных интеллигентов, полностью включить их в систему, сделать пассивным и послушным орудием. Поэтому задача отстаивать свободу культуры становилась еще более конкретной и настоятельной. В ноябре 1962 г. на X съезде ИКП Тольятти говорил о том, что старая, замкнутая в себе аристократическая культура безвозвратно ушла в прошлое и что после войны марксизм утвердился в Италии как самое живое, самое глубокое идейное течение, способное осознавать динамику общественного развития.

«Марксизм,— сказал Тольятти,— это теория, которая не боится, а, напротив, хочет сопоставить себя с другими течениями современной мысли... Сопоставление с другими течениями не может сводиться к предвзятому догматическому отрицанию.

Надо проводить дебаты по существу путем диалога, в процессе которого будут проявляться новые и положительные моменты, определившиеся благодаря развитию мысли и отвечающие новой человеческой и социальной реальности. Чем мы сильнее в своей принципиальной позиции, тем более надо уметь вести этот диалог и эти поиски. Поэтому велика ответственность, лежащая на наших ученых и деятелях культуры. Речь идет об ответственности перед самими собой и перед всей партией также и потому, что мы не считаем, что руководящим политическим органам надлежит выносить свое высшее суждение по специфическим вопросам» [33].

Такую принципиальную и гибкую позицию заняла ИКП в вопросах культуры в момент, когда в порядок дня встала тема о судьбе человека в «неокапиталистическом государстве благоденствия». С начала 60-х годов тема взаимоотношений между культурой и «индустриальным обществом», взятая в различных ракурсах, почти не сходит со страниц итальянской печати. Вполне очевидно, что взаимоотношения между политикой и культурой, проблема impegno, совпадение или, напротив, несоответствие гражданских и эстетических позиций художника,— весь этот сложный комплекс явлений и проблем создал положение, существенно отличавшееся от того, которое сложилось в первые послевоенные годы. Характерным представляется повышенный интерес к анализу, к теории, стремление осмыслить окружающую действительность и роль интеллигенции.

Тема «Индустрия и литература» в различных формулировках то и дело появлялась в первой половине 60-х годов, потом — неразрешенная — она исчезала, чтобы через некоторое время возродиться вновь. Впервые как одна из фундаментальных тем она предстала в 1961 г. на страницах «Менабо», журнала, основанного Витторини и Кальвино. Сама постановка вопроса была симптоматичной: левые деятели культуры осознали, что для лучшего понимания динамики развития литературы и искусства надо отталкиваться от новых форм развития капитализма в Италии и новой расстановки классовых сил. Своеобразие обстановки, сложившейся в стране, обусловлено в значительной степени боевым духом и высоким уровнем гражданского самосознания рабочих. Понимание того, что именно рабочее движение защищает «свободу для всех», укореняется в сознании многих представителей интеллигенции.

«Неокапитализм» ведет идеологическое наступление, пытаясь создать и утвердить систему духовных ценностей, которая могла бы помочь ему в борьбе за души людей. Он максимально исполь-

[33] *P. Togliatti.* Nella democrazia nella pace verso il Socialismo. Roma, 1963, p. 235—236.

зует все средства распространения массовой культуры: телевидение, кино, радио, иллюстрированные еженедельники, выходящие огромными тиражами, и т. д. В 1964 г. журнал «Нуови аргоменти» обратился к некоторым деятелям культуры с десятью вопросами на тему «Неокапитализм и литература». Опубликованные в журнале ответы очень интересны. Вот несколько повторяющихся в разных вариантах мотивов: «Человек начал исчезать из романа тогда, когда он начал исчезать из мира»; «Безликий персонаж рождается не в литературе, а в мире, где живут люди»; «Человек в неокапиталистическом обществе существует как потребитель, т. е. является частицей продукции, одним из компонентов капитала».

Один из участников дискуссии, Ренцо Россо, заявил: «Сейчас как-то не принято называть капитализм его собственным именем. Капитализм прячется за институтами, организациями, течениями мысли, религиями, это очевидное доказательство его абсолютной аморальности. Он выступает как «экономика свободного рынка», «прогресс в свободе», «защита демократии», «свободный мир», «христианские ценности»,— и все это потому, что большинство людей в мире рассматривает его как нечто постыдное». Это замечание Россо очень любопытно, тем более что, по его убеждению, сущность сегодняшнего капитализма ничем не отличается от сущности вчерашнего, относиться ко всему этому «нейтрально» невозможно, и прежде, чем рассуждать о надстройках, следует точнее определить, каков базис. Витторини во время этой дискуссии решительно напомнил о том, что общество разделено на классы и существует такой важнейший фактор социальной жизни, как классовая борьба. Если сегодня, в условиях «неокапитализма», жизненный уровень рабочих возрос, это объясняется отнюдь не доброй волей капиталистов. Причина совсем иная: в игру вмешалось сильное и организованное рабочее движение. Именно объединенные рабочие, особенно в развитых капиталистических странах, внесли поправку в законы капиталистической эксплуатации.

Как раз в 60-е годы многие итальянские писатели, исходя из различных идейных и эстетических позиций, настойчиво обращаются к производственной теме. Они стремятся осознать психологию индустриальных рабочих, их мораль, влияние среды на формирование характеров, пытаются вникнуть в проблематику рабочего движения в Италии. В художественной прозе, в поэзии и в эссеистике непосредственно отражается позиция творческой интеллигенции перед лицом сегодняшней итальянской действительности: конформизм или многообразные проявления антиконформизма, пассивное подчинение или бунт. За последние годы на наших глазах создается новый, еще не получивший названия литературный жанр: в произведения итальянских писателей входит почти что незавуалированная социология, пропущенная через эмоциональное восприя-

тие автора, зачастую поднимающегося до сарказма, до страстного пафоса обличения и гнева. Со страниц книг встают наши современники, итальянцы 60-х годов, порой удивительно схожие между собой и уже одним этим «типологическим» повторением подтверждающие свою достоверность. Встают рабочие, протагонисты и жертвы так называемого индустриального общества. Встают безработные — те, кто самым фактом своего существования разоблачает миф о «государстве благоденствия». Встают и интеллигенты.

Среди писателей, которые глубже других вошли в проблематику рабочего движения, есть много талантливых людей. Некоторые из них сами годами работают в системе промышленности, у них есть непосредственный, личный опыт, впечатления, наблюдения, они располагают фактами, полученными не из вторых рук. Назовем Оттьеро Оттьери. Это мыслящий писатель, демократ и антифашист, в нем нет наивного прекраснодушия либерала, он ясно видит ложность идеи классового сотрудничества, мы встречаем у него важную мысль о том, что «проблемы служащего очень сходны с проблемами рабочего». Разница заключается в том, пишет Оттьери, что у рабочего страх экономический, а у нас психологический. Книги Оттьери («Сжатое время», «Доннарумма идет на приступ», «Индустриальный дневник», «Повседневная ирреальность») свидетельствуют о его проницательности и искренности, но также и о глубокой противоречивости его взглядов. Некоторые рассуждения Оттьери, например, о том, что у коммунистов не только идеология «агрессивная», но даже и характеры «агрессивны», некоторые наивные и даже обывательские рассуждения о тактике ИКП, вызывают чувство недоумения и горечи. К чести Оттьери следует, однако, заметить, что, каковы бы ни были его расхождения с коммунистами, он с неизменным уважением пишет об их преданности делу рабочего класса.

Чрезвычайно интересен роман известного прозаика Джованни Пирелли «По поводу одной машины» [34]. Тема его — человек в мире «индустриальной реальности». Книга проблемная в полном смысле слова, в ней переплетаются элементы романа и художественной публицистики, острой, смелой, колючей, в чем-то пристрастной и односторонней, но в высшей степени актуальной. Герои книги — рабочие, техники и в большой мере — машины. Подобно Оттьери и некоторым другим наиболее честным и чутким прозаикам и поэтам, Пирелли пытается поглубже заглянуть в самую суть человеческих и социальных проблем, возникающих в «неокапиталистическом» обществе. Настроен писатель мрачно и пессимистично. Сегодняшняя «индустриальная реальность», такая, какой она сложилась в Италии, вызывает в Пирелли протест, недоверие и злую

[34] «Иностранная литература», 1968, № 5, 7.

иронию. И в то же время наряду с разочарованием и скепсисом мы чувствуем душевную боль писателя, его острую жалость к людям.

В книге много спорного; это насквозь политизированный роман, очень интересный, но очень жестокий и крайне пессимистический. Сильно преподнесена в романе тема «хозяев». Глава фирмы, о которой идет речь, обладает поистине мертвой хваткой. В разговоре с одним из своих инженеров он заявляет, что первая фаза промышленной революции закончилась, начинается вторая, и теперь успех зависит не от госдепартамента или Международного банка, но от энергии и инициативы самих промышленников и высшего технического персонала, а между тем промышленники еще не создали внутри своего класса, а также в международном масштабе авангард, сознающий подлинные свои функции.

Тема «хозяев» с большой силой звучит в творчестве еще одного талантливого итальянского прозаика, Гоффредо Паризе. В 1965 г. вышел в свет его роман, так и названный «Хозяин»[35], и привлек к себе большое внимание в Италии и за границей. Один из двух героев романа, хозяин крупной фирмы, доктор Макс, одержим идеей превратить фирму в нечто вроде религиозной общины — со своими мифами, со своим божеством, со своей паствой. Если довести идею до логического конца, божеством оказывается хозяин, а паствой — подчиненные. Доктор Макс, убежденный, что заботится об интересах всего человечества, стремится создать тип идеального подчиненного, который будет отличаться абсолютным послушанием и преданностью, работа во имя интересов фирмы для такого подчиненного — не только долг, но и радость, смысл всего его существования. В конечном итоге подчиненный должен превратиться в не что иное, как «человека-вещь». Эту тему Паризе разрабатывал в различных вариантах — не только в романе. Сам он писал однажды, что многие называют его пессимистом, но кто эти многие? «Та самая буржуазия, которая целиком виновата в создавшемся положении, те самые промышленные тузы, которые до того наводнили западный мир предметами потребления, что в последние годы человек оказался погребенным под ними, утонул в море вещей. Естественно, ритм человеческой жизни нарушился, стал искусственным, механическим. В итоге сам человек низведен до уровня «вещи», стал вещью среди вещей».

Мы видим, таким образом, что и в теоретических дискуссиях, и в художественных произведениях итальянской литературы 60-х годов с разных точек зрения рассматривается одна и та же тема отчуждения человека в страшном мире, созданном так называемой цивилизацией потребления. Конечно, эта тема не является

[35] «Иностранная литература», 1966, № 8.

прерогативой одной лишь итальянской культуры (мы встречаем ее во французской литературе, например), она связана со всем ходом исторического развития и развития культуры и общественной мысли в странах Запада. Можно было бы назвать еще немало имен итальянских писателей, так или иначе связанных с этой тематикой: Лючано Бьянчарди, Либеро Биджаретти, Джованни Арпино, Инизеро Кремаски, Паоло Вольпони. Список нетрудно увеличить, но нам важно лишь отметить тенденцию.

Особо надо сказать о творчестве писателя и социального реформатора Данило Дольчи, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». С литературной точки зрения его книги — продолжение лучших и благороднейших традицией неореализма. Как писатель, как общественный деятель и как человек Дольчи может служить примером самого высокого impegno. Роль Дольчи в борьбе за создание сколько-нибудь сносных условий человеческого существования для сицилианских крестьян, его борьба против мафии, его расследования и анкеты, голодовки, его бесстрашие и целеустремленность поразительны.

Говоря о развитии литературного процесса в Италии в конце 50-х — первой половине 60-х годов, надо отметить сильнейшее влияние русской классики, в особенности Гоголя и Достоевского. Гоголевские традиции особенно сильны у многих писателей, пытающихся осмыслить «неокапиталистическую» действительность. Среди них много одаренных прозаиков: Карло Монтелла, Нино Палумбо, Аугусто Фрассинетти, Лючио Мастронарди. Есть и несколько очень интересных поэтов, в частности Витторио Серени и Джованни Джудичи. Тонкими поэтическими средствами пытаются они приподнять завесу над миром, стремящимся превратить человека в вещь, и противопоставить громадной власти этого мира высшие нравственные и художественные ценности.

Еще в середине 50-х годов журнал «Оффичина» заговорил о «неоэкспериментализме». В февральском номере за 1956 г. этот термин впервые выдвинул Пазолини в статье «Стилистическая свобода». По его мнению, в современной итальянской литературе существуют две основные группы: неореалисты и неогерметики. Новое движение неоэксперименталисьтов Пазолини делил на две подгруппы. Первая из них, так сказать, расшатывает основы неореализма и неогерметизма, действуя отчасти «изнутри». Вторая состоит из «чистых эксперименталистов», которые, по убеждению Пазолини, отличались такой лингвистической одержимостью и таким напором, что могли стать силой «разрушения и анархии», а может быть, и подлинными новаторами.

В 1957 г. бывший герметик Лючано Анчески стал главным редактором нового миланского журнала «Верри», который интересовался преимущественно лингвистикой, философией, эстетикой и

поэзией. В конце 50-х — начале 60-х годов в Генуе, Флоренции, Болонье и других городах возникли журналы, занимавшиеся вопросами искусствознания и эстетики. В эти годы постепенно подготовлялась почва для предстоявшего объединения неоавангардистов. Именно журнал «Верри» был ядром, из которого в октябре 1963 г., после конгресса в Палермо, торжественно открытого Лючано Анчески, организационно оформилась «Группа 63».

Возникновение «Группы 63» ознаменовалось большим шумом и яростными спорами, причем тон этих споров носил такой острый характер, что выходил за рамки обычных творческих дискуссий. Внутри самой «Группы 63» также не было единой точки зрения по основным вопросам развития левой итальянской культуры. Эти противоречия выявились уже на конгрессе в Палермо. Один из видных участников «Группы 63», Альфредо Джулиани, считал, что общепризнанное разделение литературы на традиционную и авангардистскую не вполне точно, так как в терминах не отражено самое главное различие: отношение к языку. Литература авангарда движется и развивается внутри тройственной стихии языка, существующей сейчас в Италии: традиционный литературный, современный литературный и общеупотребительный разговорный. По мнению Джулиани, авангардистские течения возникают тогда, когда люди отказываются признавать правильными общепризнанные истины и начинают совершенно по-новому воспринимать все явления, происходящие в мире. Иными словами, наступает момент, когда «нормальное» на самом деле становится «нереалистическим». Кроме того, согласно Джулиани, в то время как традиционная литература основывалась на постижении жизни, авангардистская — основывается на воображении.

Другой лидер «Группы 63» (может быть, играющий в ней самую видную роль), Эдоардо Сангуинетти, считает себя марксистом. По вопросам теории он выступал много раз, анализируя связи неоавангардии с так называемым историческим авангардом, пытаясь определить социальные корни новых течений. Однажды он написал, что «авангардия основана на двух главных элементах: героико-патетическом и циническом, но в исторической действительности оба эти элемента прочно объединены, ибо — структурно и объективно — они являются одним и тем же»[36]. Сангуинетти заявил также, что авангардию нельзя рассматривать и осознавать «с точки зрения непосредственно классовой, т. е. прямо политической» и надо учитывать как эстетические и психологические, так и практические факторы. Отчасти солидаризируясь с Джулиани, Сангуинетти неоднократно заявлял также, что буржуазная идеоло-

[36] *E. Sanguinetti.* Avanguardia, societa, impegno.— Avanguardia e neoavanguardia, Milano, 1966, p. 85.

гия точно установила границы «нормального», «рационального» и «иррационального», к которому относятся капризы воображения, мечты и безудержная игра фантазии.

Авангард, заявляет Сангуинетти, даже рискуя показаться «патологическим», непримиримо относится к традиционно-эстетическим нормативам, связанным с буржуазным обществом. К новому понятию реализма, добавляет он, можно прийти, лишь совершенно отказавшись от так называемой нормальности и ее эстетических канонов. Марксистская рациональность, по убеждению Сангуинетти, не является пассивным преемником буржуазной рациональности, и создание новой идеи рационального надо считать самой срочной задачей современной философии. Авангард же должен способствовать решению этой задачи в области языка.

Еще один видный деятель «Группы 63», Анджело Гульельми, считает, что авангард нельзя рассматривать как новую литературу, противостоящую старой, но как единственную существующую сейчас литературу. По убеждению Гульельми, все шкалы ценностей, на которые пытается в наше время опереться интеллигенция, оказываются несостоятельными и лживыми. Все эти ценности надо решительно отвергнуть, освободить сегодняшнюю реальность от Истории и все начать с нуля. Таким образом, какая-то часть итальянских неоавангардистов выдвинула теорию «Большого нуля» и, в соответствии с нею, был провозглашен отказ от impegno. В частности, перечеркивалось искусство неореализма, которому ставили в упрек «излишнюю уверенность» и «склонность к морализированию». Некоторые неоавангардисты яростно выступали против «роли идеологии» вообще.

Один из интереснейших писателей, входивших в «Группу 63», Франческо Леонетти, возражая против резкого противопоставления периода impegno в литературе периоду неоавангардизма, утверждал, что существует общность многих проблем, стоящих перед художниками разных направлений, но существует и разница в перспективах. Леонетти в одной из очень значительных своих статей «Надуманное разрушение» писал, что итальянская культура переживает сейчас смутный период: литература находится в состоянии брожения, частичного распада, ищет нового измерения реальности, нового содержания. Леонетти считает, что именно неоавангардизм занимает первое место в теоретических изысканиях и должен был бы быть первым в осуществлении новых задач, стоящих перед литературой. Он задумывается над тем, каково должно быть impegno в новой исторической обстановке, сложившейся в Италии.

В одной из статей Леонетти с некоторым ядом писал о том, что его коллеги подражают «всем авангардам XX в., смешанным вместе, как коктейль».

Итальянские авангардисты склонны к теоретизированию. За годы, прошедшие после встречи в Палермо, вышло несколько антологий, чтение которых только подтверждает впечатление, что движение в высшей степени пестрое: наряду с серьезными исканиями нового поэтического языка «эксперименталисты» зачастую забираются в такие дебри феноменологии, структурной лингвистики, увлекаются такими терминами, производящими впечатление шифра, что многие итальянские критики заявляют, что это «эзотерический язык», доступный лишь посвященным. В одной из сравнительно ранних программных статей «Группы 63» участники ее сравнили свое движение с автобусом, куда вошли самые разнообразные люди и осталось еще, быть может, несколько незанятых мест: «Все мы — Авангард, либо Не Упустить Автобус, Пока Еще Есть Время». В развязности этой декларации чудится та самая провинциальность, которая является исконным бичом итальянской культуры и с которой неоавангардисты, как они все время провозглашают, хотят бороться.

После конгресса в Палермо прошло уже немало лет, достаточных для того, чтобы новое течение проявило себя не только декларациями, но и художественной продукцией. Говоря несколько схематически, можно сказать, что среди неоавангардистов есть интересные поэты; может быть, некоторые писатели «Группы 63» острее, чем традиционалисты, чувствуют необходимость обновления литературного языка. Романы, которые мы прочли до сих пор («Итальянское каприччо» и «Игра в кости» Сангуиннетти, «Блудная дочь» Аличе Черезы и еще кое-что), это, строго говоря,—«антиромaны», к тому же претенциозные. Неоавангардисты нападают решительно на всех писателей-традиционалистов среднего поколения, духовно сформировавшихся в атмосфере impegno, на что те подчас реагируют не менее резко, заявляя, например, что участники «Группы 63» только подражают другим, настоящим «славным авангардам», что среди них нет ни одного человека с ярко выраженной творческой индивидуальностью и что вообще они играют в литературную игру. Кроме того, уже в первые месяцы после встречи в Палермо многие органы печати сходились на том, что участники «Группы 63» стремятся к очень реальным и практическим целям, хотят захватить ключевые позиции в издательствах и редакциях, в культурной индустрии. Сейчас «Группа 63» фактически уже распалась.

Марксистская мысль у нас и за рубежом с пристальным вниманием относится к сложным явлениям, которые происходили в европейской культуре в конце XIX и первых десятилетиях нашего века. Объективный, научный, марксистский анализ авангардистского искусства, обстоятельства и причины его возникновения, периодизация, связь этих явлений с кризисом буржуазной куль-

туры представляют не только научный интерес, они важны и для сегодняшнего дня. Вульгарная критика (когда валили в одну кучу самые разнородные течения и приклеивали на них этикетку) давно уже стала невозможной. Разумеется, каждый из так называемых классических авангардов объяснялся не простым изменением вкусов — вопреки тому, что часто утверждают формалисты,— а целым рядом исторических и идеологических причин.

Во многих течениях уживались противоречивые элементы; часто мы видим клубок идей и чувств, в которых всякий раз необходимо тщательно разбираться, если не следовать по самому легкому пути безоговорочных и безапелляционных определений. Это полностью применимо и к итальянскому неоавангардизму. Между участниками его ни в коем случае не надо ставить знак равенства. Может быть, самые серьезные и одаренные представители этого течения, отбросив мишуру провинциального лженоваторства, сумеют дать образцы эссеистского, интеллектуального романа, а в наше время этот жанр не только возможен, но и отвечает определенной общественной потребности. Несомненно, что литература неоавангардистов является только выражением кризиса, но отнюдь не столбовой дорогой, по которой может пойти новая итальянская проза. Есть и другие писатели (имена некоторых названы выше), которые по-разному, с разной степенью чуткости, проницательности и таланта, пытаются осмыслить положение человека в капиталистическом обществе. Речь идет, разумеется, не только о языке, не только о формальных исканиях. Может быть, начинает уже формироваться то искусство разума, к созданию которого марксистский журнал «Контемпоранео» призывал еще в 1954 г.

Конец 60-х и начало 70-х годов ознаменовались в Италии фактами, значение которых трудно переоценить. С одной стороны, это рост мощного забастовочного движения организованных рабочих и движения молодежи, с другой — возросшая активность Конфиндустрии в плане культуры. Итальянский патронат понимает, что в прошлом упустил много возможностей и теперь тратит колоссальные силы и средства для того, чтобы укрепить свои позиции. Кое-что говорится прямо, еще больше облекается в туманные, но многозначительные формы. Ясно, однако, что крупная итальянская буржуазия поставила перед собой вполне определенную цель: вырвать итальянскую культуру и творческую интеллигенцию из «плена левых идей и настроений», в который она попала после краха фашизма. Если выразиться еще точнее, деятелей культуры хотят освободить от идеологии, от обязательности занимать ясную моральную позицию перед лицом действительности. В конце 60-х годов возник

термин disimpegno, т. е. возведение в принцип отсутствие гражданских обязанностей интеллигенции. На это явно делает ставку «неокапитализм». В одной из публичных речей Пьетро Кампилли, виднейший деятель ХДП, заявил, что «экономические сферы» отлично понимают всю «деликатность» и важное значение переходной фазы, переживаемой сейчас итальянским обществом. Они намерены «поддержать творческие силы», которые необходимо высвободить из-под влияний, мешающих их свободному самовыражению.

Будущее итальянской культуры связано с будущим итальянского рабочего движения. Безусловно, «массовая культура», превратившаяся в бизнес, таит в себе грозные и вполне реальные опасности. Нельзя отрицать, что «общество благоденствия» предпочитает нивелировку вкусов: стандартная культура, стандартное мышление, обезличенные люди, доведенные до уровня какой-нибудь шестеренки. Мы знаем, что идеологи «неокапитализма» стремятся убедить людей в том, будто при их системе классовые противоречия снимаются, будто уже достигнута «общность интересов» капиталистов и рабочих. Мы знаем также, что есть интеллигенты-конформисты, которые помогают этой постыдной «игре в классовую гармонию». Но мы знаем и другое: перед лицом массированного наступления «неокапиталистической» идеологии лучшие деятели итальянской культуры занимают отчетливо антиконформистские позиции. Сохраняя верность идеалам антифашистской революции, они глубже вдумываются, острее вглядываются в реальность 60-х годов.

В нашу сложную и трагическую эпоху перед современным человеком, в частности перед интеллигенцией, встают проблемы, на которые зачастую очень нелегко дать убедительный и честный ответ. Перед лицом этих проблем можно занимать разные позиции. Одна из них — пассивно-фаталистическая. Другая, единственно достойная человека и деятеля культуры,— активная позиция, позиция impegno. Когда-то Элио Витторини говорил о шкале настоящих духовных ценностей. Если помнить о ней — нельзя мириться с образом человека, низведенного до уровня «потребителя». Сейчас, на пороге 70-х годов, надо думать о справедливом переустройстве общественной жизни, социальных структур, о создании демократической культуры, которая отвергнет стандарты и приобщит массы к высокому искусству.

Итальянские коммунисты никогда не рассматривали вопросы культуры как нечто касающееся только определенной части общества, только интеллигенции. Пальмиро Тольятти блестяще формулировал эту мысль: он говорил о первостепенной важности культуры, потому что именно культура выражает глубокую сущность общества, именно в культуре общество осознает себя. Мы помним, что в Италии, католической стране, «борьба двух культур»

происходит в особенно сложных условиях. И мы верим, что именно культуре, связанной с рабочим движением и философией марксизма, культуре impegnata в самом глубоком понимании этого слова принадлежит будущее.

*

К концу XIX в. итальянская культура была ярко выраженной провинциальной культурой, со всеми характерными ее особенностями. Стих мощный импульс великого искусства Возрождения, и в живописи, литературе, архитектуре все сильнее начинает сказываться национальная замкнутость, косность и консерватизм мышления, пренебрежение ко всему новому (достаточно сказать, что впервые работы французских импрессионистов появились в Италии лишь в 1912 г.). В стране сложилась типичная «культура для профессоров» с ее традиционализмом, схоластической отвлеченностью, оторванностью от жизни в пользу логических холодных схем и формул. Казалось, что драматические коллизии, потрясшие мировое искусство конца XIX в., не коснулись Италии: на выставках продолжали экспонироваться добросовестно нарисованные королевскими академиками картины, с точно расшифрованным в подписи сюжетом и обязательной ссылкой на литературное произведение, где он был заимствован.

И хотя итальянская культура входит в XX в. под знаком двух широковещательных антитрадиционалистских течений в искусстве и литературе — кубизма и метафизического искусства,— в целом традиционализм в разном его понимании продолжает торжествовать почти до начала второй мировой войны, найдя свое наиболее яркое воплощение в художественном объединении «Новеченто итальяно».

Творческая активность футуристов резко снижается после начала войны. Фактически расцвет их деятельности падает на период между 1909 и 1915 гг. Причем в самой Италии выступление художников и литераторов, подписавших знаменитый манифест 1909 г., Маринетти, Балла, Боччони и других, воспринималось прежде всего как чисто полемическое, как очередная попытка эпатировать вкус буржуа. Система же художественного мышления, предложенная футуристами, хотя в некоторых случаях и встретившая благосклонное признание отдельных критиков, была слишком радикальной для обывателя. Его отпугивали «разрушительные» лозунги футуристических манифестов. Именно поэтому в самой Италии такое сугубо итальянское явление, как футуризм, имело значительно меньший резонанс, чем в других европейских странах.

Приблизительно то же самое произошло и с «метафизической живописью» Д. Де Кирико. Его своеобразное предвосхищение

сюрреализма не нашло широкого распространения в Италии, хотя определенная, довольно ограниченная школа начинает свое существование и к ней в разное время примыкали такие художники, как Карра, Моранди, Фини и др. Однако ее энергичное развитие начинается только после второй мировой войны.

Особенность этих двух авангардистских направлений заключается в том, что их основатели так или иначе были вскормлены своеобразной средой французской культуры начала века и потому постоянно тяготели к Парижу. В этом одна из причин сравнительно ограниченного их резонанса в Италии.

Для самой же страны наиболее характерным явлением культуры 20—30-х годов был так называемый новечентизм. Термин этот возник в связи с миланской художественной группой «Новеченто итальяно», сложившейся в начале 20-х годов. Тогда несколько художников (Оппи, Марусиг и др.) выступили с довольно расплывчатой художественной программой «быть итальянцами, традиционалистами, современными». Речь шла, таким образом, не столько о единстве стилистического или образного поиска, сколько об очевидной оппозиции некоторым новым веяниям. Именно это привлекло к Новеченто многих деятелей культуры, и в конечном итоге из программы сравнительно небольшой художественной группы эта формула переросла в выражение определенной системы художественного мышления, которая почти два десятилетия была ведущей в итальянской культуре.

Впервые самостоятельно группа выступила в 1923 г., а уже через год она получила приглашение участвовать на международной выставке в Венеции. Там ее идеологом выступала Маргерита Сарфатти, доверенное лицо Муссолини. Можно предположить, что уже в это время Новеченто попало в поле зрения фашизма, так как очень скоро оно начинает пользоваться его абсолютной поддержкой и все более превращается в официальное объединение художников, которых режим так или иначе хотел привлечь на свою сторону. Уже в 1927 г. в очередной выставке «Новеченто итальяно» участвует более 100 живописцев и скульпторов, многие из которых не имели ничего общего с принципиальной программой новечентизма. Фактически до конца 30-х годов Новеченто оставалось крупнейшим официальным художественным объединением, которое охватило почти всех итальянских художников.

«Новеченто итальяно» никогда не имело достаточно четкой художественной программы или, вернее, программа, которой оно руководствовалось, носила всегда настолько расплывчатый характер, что позволяла объединять очень разных мастеров. В целом она сводилась к весьма противоречивому компромиссу между традиционализмом и некоторыми формальными элементами современного авангардизма. Причем этической основой этого компромисса

всегда оставался более или менее скрытый национализм. Наиболее характерные новечентистские работы отличались механической «модернизацией» форм академического искусства с постоянной ссылкой на прошлую традицию. Эта тенденция в изобразительном искусстве, например, воплотилась в стилизованных под архаику огрубленных формах пластики (возрождение монументальной традиции) или в неприкрытой подделке под примитивы (стилизованное народное искусство). И в том, и в другом случае искусству новечентистов была свойственна своеобразная метафизическая застылость форм и образов, они воспринимали действительность вне ее развития, как нечто неизменное.

Система мировосприятия Новеченто оказалась особенно близкой националистической политике фашизма. Режим быстро распознал за чисто художественными антиимпрессионистскими лозунгами болезненное тяготение художников-новечентистов к сохранению провинциального мелкобуржуазного взгляда на действительность. Он проявился в дидактической иллюстративности сюжетов, в отвлеченной схематичности образов, в своеобразной апелляции к великой традиции прошлого, которая должна была оправдать отсталость и консерватизм художественного мышления. Фашизм. завоевавший власть в стране, быстро оценил пропагандистский эффект, который производили эти произведения на обывателя, чьей поддержки он добивался. Обывателю чрезвычайно импонировали сентиментальные жанровые сценки с подчеркнуто национальным колоритом либо ложногероические композиции, прославлявшие «величие национального духа», а в конечном итоге самого же обывателя. Новый режим охладел к футуристам: руководители культурной политики видели, что разрушительные анархистские лозунги отпугивают, а не привлекают политически инертную массу. Фашизм же нуждался уже не в разрушении, а в утверждении. И лучше всех эту задачу могли выполнить именно новечентисты. Этим объясняется то, что уже к концу 20-х годов объединение стало ведущим в итальянской художественной жизни. Правда, руководители его вполне отдавали себе отчет в том, что невозможно большинство художников заставить подстраивать свою манеру под стилистические требования основателей Новеченто. Чаще всего проблема решалась иным путем: творчество того или иного мастера трактовалось, интерпретировалось таким образом, чтобы обнаружились точки соприкосновения, чтобы можно было представить его сторонником платформы Новеченто. При хронической пассивности итальянских художников в области политики сделать это было не трудно. Так, в объединение попали такие разные художники, как Кампильи, Този, Сирони. Даже те, кто формально не входил в группу, так или иначе были с ней связаны общими выставками.

Именно на базе Новеченто в середине 30-х годов сформировался неоклассицизм — наиболее яркое воплощение фашистских требований к искусству. Вместе с тем неоклассицизм был логическим развитием предпосылок, заложенных в Новеченто. Его задачей было воскрешение форм классического искусства в новых условиях в целях пропаганды новой «Римской империи». Самой благодатной почвой стала для него архитектура. В 30-е годы по всей стране сооружались различные официальные здания (почты, вокзалы и т. д.) из соображений чисто пропагандистских. Кроме того, были разработаны многочисленные проекты перепланировки районов Рима, Милана и др. В этой работе архитекторы выполняли ту же задачу, что многие художники Новеченто: прославление средиземноморской империи, пропаганда силы и мощи государства. В результате сложился определенный стереотип архитектурного решения: тяжелая, подчеркнуто массивная конструкция с незначительными членениями, с гипертрофированными архитектурными элементами — колоннами, фронтонами и т. д. Форма здания как бы вырубалась топором и мало связывалась со средой и традиционным ансамблем. Наиболее характерной в этом отношении была работа по новой застройке и перестройке районов столицы. В целом это разрушение старых традиционно сложившихся архитектурных комплексов и создание новых несоразмерно больших площадей и проспектов преследовало одну цель — создание помпезной и псевдомонументальной среды для всякого рода фашистских парадов и манифестаций. Именно отсюда идут пренебрежение к традиционным ансамблям и архитектурная эклектика. Полнее всего это выразилось в знаменитом Форо Муссолини — спортивном комплексе. Центром его был мраморный стадион, по верхнему периметру которого были установлены гигантские огрубленные фигуры атлетов. Не связанные с размером сооружения, пластически невыразительные — они как бы символизировали культ силы и милитаризма, восторжествовавший в стране. Не менее характерными были два архитектурных комплекса — университетский городок и территория для предполагавшейся всемирной выставки (ЭУР). Сохраняя единый принцип пластического решения зданий, архитекторы организуют весь комплекс механическим четким соотношением площадей и широких улиц. Их геометризм и пропорции зданий воссоздавали милитаристскую казарменную обстановку.

Таким образом, начиная с конца 20-х годов складывается доминирующий тип архитектурного сооружения: подчеркнуто большое здание, в котором монументальность заменяется подавляющей зрителя грандиозностью, с сухими геометризованными формами. Националистическая риторика, восторжествовавшая в живописи, здесь получила еще большее развитие по той причине,

что в маленьких городках эти здания задумывались как смысловые и административные центры.

В период «черного 20-летия» живопись и в известной степени архитектура как бы взяли на себя основную тяжесть фашистской пропагандистской работы (разумеется, речь идет о той части художников и архитекторов, которые хотели принять в ней участие). Это происходило по той причине, что два вида искусства — кино и театр,— средства максимально эффективные по воздействию, в 20—30-е годы имели слишком ограниченное распространение в Италии. Несколько слабых театральных трупп, в основном не имевших постоянного театрального помещения, традиционно оставались искусством для избранных. Неаполитанские полуфольклорные театры или миланские труппы не только не могли пойти дальше театра Пиранделло, но и в самих спектаклях итальянского драматурга они не достигали европейского уровня.

Значительно сложнее обстояло дело в кино. Только к концу 30-х годов фашизм понял, каким мощным оружием был кинематограф. Именно тогда на окраине Рима начинается строительство гигантского киногорода. До этого итальянский кинематограф был слабым провинциальным имитированием европейского и особенно американского кино. И хотя в то время начинаются первые выступления таких мастеров, как Де Сика, Д. Росселини и другие, тем не менее общий уровень коммерческого итальянского кино был достаточно низким. Фашистские руководители, воздействуя так или иначе на предпринимателей, стремились расширить свое влияние на съемочные площадки. Они всячески поддерживали псевдоисторическую продукцию героико-риторического плана. Наиболее известным фильмом того времени и этого плана был суперколосс «Кво вадис» — один из первых примеров механического подражания американским гигантам. В 30-е годы наметилась, однако, более четкая линия фашистского кино. Появилось множество лент на бытовые современные темы. Они представляли собой довольно примитивные сентиментально-романтические истории с обязательным «хепи энд». Смысл их, однако, сводился к восхвалению и облагораживанию представителей фашистской иерархии (положительным героем всегда был мелкий или крупный член фаши). Эти фильмы остроумно прозвали фильмами «белых телефонов» — по обязательному атрибуту и символу благосостояния и власти в Италии 30-х годов.

Несмотря на определенную отсталость кинематографа в Италии (к середине 30-х годов производилось всего около 30 фильмов, в то время как только из США импортировалось более 250), режим был далеко не индифферентен к этому виду искусства. Об этом свидетельствует целый ряд мероприятий административно-экономического характера, проведенных в первой поло-

вине 30-х годов: создание Главной дирекции кинематографии при министерстве культуры и пропаганды, организация специального отдела кино в Национальном банке, который мог субсидировать производство фильмов, различные официальные и полуофициальные меры цензуры, создание Объединения кинопредпринимателей и т. д. Уже в 1936 г. журнал «Синема итальяно» с удовлетворением отмечал, что правительственные мероприятия принесли заметные результаты, и перечислял как достижения фашистского кино такие фильмы, как «Сципион Африканский» (режиссер К. Галлоне), «Черные банды» (режиссер Л. Тренкер), «Белый эскадрон» (режиссер А. Дженина) [37]. Однако, принимая во внимание художественную слабость фильмов, достижения эти были весьма эфемерными. Важно отметить, что фашизм рассматривал руководство кинематографом как акцию запрещения и контроля. Один из критиков остроумно заметил, что режим воспринимал кино как минное поле. Цензура старательно оберегала итальянский экран от всего, что как-то выходило из русла общей пропагандистской кампании или противостояло ей. Был запрещен цензурой фильм Ренуара «Великая иллюзия», так как он пропагандировал антигероизм и пацифизм, «недостойные итальянской расы». Особенно усиливается давление цензуры к концу 30-х годов.

Эта линия в фашистской культурной политике вполне объяснима. Дело в том, что огромный комплекс мероприятий, осуществленных в области культуры различными представителями режима — от министра культуры Боттаи, секретаря фашистского профсоюза изобразительных искусств Мараини и до оголтелого мракобеса Фариначчи,— в конечном итоге дал весьма незначительные результаты. Подавляющее большинство деятелей культуры так и не было привлечено к фашистской пропагандистской машине. Фашизм постоянно наталкивался на пассивную, а затем и откровенную оппозицию. Она не была равнозначной оппозиции политической, однако на определенном этапе многие художники, литераторы, киноработники пришли в Сопротивление, пришли к открытой борьбе с фашизмом.

Антифашистская оппозиция, сыгравшая важную роль в становлении новой демократической культуры,— явление сложное и многоплановое в социальном аспекте. Его характер менялся в зависимости от исторического этапа и от поворотов политики режима. На первом этапе (до середины 30-х годов) трудно говорить о существовании сознательно оппозиционных художественных групп. В эти годы реакция на действия режима была скорее пассивной. Подавляющее большинство деятелей культуры в творческой прак-

[37] «Cinema italiano oggi e domani», 1963, N 11, p. 28.

тике не приняло его идеологических установок и, не находя сил выступить против них открыто, протест свой пыталось выразить самой художественной программой. Как реакция на политику фашизма в искусстве все сильнее начинают звучать мотивы камерные, антириторические, отвлеченные от событий итальянской действительности. В то время как фашизм проповедует «торжество национального духа», художники все чаще обращаются к интернациональному художественному языку, выбирая в основном как образец художественную культуру республиканской Франции. Именно поэтому за 20 лет фашизм так и не сумел создать своего искусства, а характер художественной школы 20—30-х годов определяют не работы новоявленных академиков и руководителей культурной иерархии, а произведения художников, которые сохранили свою индивидуальность в противовес давлению власти.

Такими индивидуальностями итальянская неофициозная художественная жизнь 20—30-х годов была богата. В изобразительном искусстве в своеобразном романтическом плане разрабатывали традицию импрессионистической и позднее постимпрессионистической живописи такие мастера, как Д. Росси, Ф. Де Писис, Л. Бартолини, В. Гуиди. Метафизическая живопись Де Кирико находит своих продолжателей, но в ином, более стилистически разнообразном ключе в творчестве Ф. Казорати, Д. Моранди, К. Карра. Представителем движения «Страпаэзе» в живописи был О. Росаи. Наряду с грубыми профашистскими поделками П. Рамбелли, А. Мараини, Э. Барони (авторов многочисленных неоклассицистических монументов), существовали произведения таких значительных мастеров пластики, как М. Марини, А. Мартини, Д. Манцу. По-разному осваивая традицию импрессионистической скульптуры, они сумели пойти дальше и создать ряд значительных произведений, которые по трактовке соотношения масс и по пространственным решениям предвосхищают многие послевоенные открытия в мировой пластике.

Постепенно, однако, в рамках такого неприятия фашистской культуры формируются группы, деятельность которых имеет более активно протестующий характер. Так, в Риме уже в конце 20-х годов сложилась небольшая художественная группа «Скуола романа» (Шипионе (М. Бонники), М. Мафаи и др.) с творческой программой, близкой немецкому экспрессионизму. С антиновечентистских позиций выступили миланское объединение «Кьяристи ломбарди» и туринская группа «Сей торинези». В конце 30-х годов в Милане вокруг журнала «Корренте» формируется широкое объединение художников, литераторов, архитекторов, критиков (Э. Треккани, А. Сассу, Д. Пинтор, Р. Гуттузо и др.). Впервые вопросы искусства здесь связывались с политическими и освободительными проблемами.

Аналогичные процессы характерны были и для архитектуры. Одновременно с неоклассическими новечентистскими сооружениями М. Пьячентини и Э. Дель Деббьо в Италии 30-х годов создавались архитектурные конструкции, оставившие безусловный след в европейской архитектуре. Молодые архитекторы (в основном итальянского промышленного Севера) в противовес официальной доктрине выдвинули программу рационалистической архитектуры, в которой органически сочетаются эстетика и функциональность. Важную роль в становлении рационализма сыграли архитекторы «Сей торинези» в Милане (Д. Терраньи, Д. Поллини и др.) и особенно архитекторы Д. Пагано и Э. Персико (последний был крупным теоретиком искусства и архитектуры). Из построек того времени наиболее известна работа М. Трукко — заводы ФИАТ в Турине, в которых был широко применен железобетон. Передовая архитектурная школа Италии 30-х годов, ориентирующаяся на простоту и функциональность форм, на связь сооружения с окружающей средой, выражала тем самым программу, в корне отличную от официальной.

Несмотря на общий застой, новые веяния появляются в итальянском театре и кино. На предвоенные годы приходится начало творческой деятельности Э. Де Филиппо, В. Де Сика, Д. Росселини. К концу 30-х годов в кинематографе, несмотря на жестокую цензуру и давление министерского аппарата, начинается медленное, но отчетливое движение в сторону своеобразного веризма — предвестника послевоенного неореализма. Отсюда повышенный интерес к литературному наследию Верги, стремление перенести образы его произведений на экран. Вместе с тем в самом кинематографе происходят важные социальные перемены. Знакомство с крупнейшими произведениями мировой кинематографии на венецианских фестивалях (особенно следует отметить успех фильмов Эйзенштейна и Пудовкина, а также прогрессивных фильмов американских режиссеров) привлекло в итальянское кино ряд молодых антифашистов.

Уже к концу 30-х годов в Риме в области кинокритики работала большая группа коммунистов (в том числе М. Аликата, А. Тромбадори и др.). Их работы не только оздоровили общую атмосферу киноискусства, но и создали предпосылки для нового итальянского прогрессивного кино.

Таким образом, подводя итоги событиям культурной жизни Италии в период «черного 20-летия», можно согласиться с критиком Карло Бо, который заметил, что фашизм не создал своей идеологии, а его политическая линия представляла собой импровизацию в зависимости от исторического момента. Это предопределило процессы в области культуры. Режим постоянно стремился использовать искусство в пропагандистских целях (этими задачами, кстати, определялся повышенный интерес лишь к некоторым

видам искусства — изобразительному искусству, архитектуре и т. д.), но его антигуманистические, милитаристские идеалы отталкивали деятелей культуры. Поэтому одновременно с ложной героикой и позитивностью Новеченто (и позднее «Неоклассицизма») итальянская культура сумела сохранить высокую национальную традицию, позволившую лучшим мастерам выйти за рамки провинциальной ограниченности, наметить самостоятельный, оригинальный путь творчества. Вместе с тем к концу 30-годов по всей стране, особенно в среде молодых деятелей искусства, складывается антифашистская оппозиция, которая предвосхитила будущие достижения прогрессивно-демократического искусства.

Война была кульминацией кризиса всех нравственных ценностей в фашистской Италии. Под натиском событий быстро рухнули фальшивые конструкции официальной культуры. Чудесным образом исчезли из жизни страны дутые авторитеты, те, кто определял и направлял демагогию и риторическое славословие режима. Движение Сопротивления, антифашистская борьба сыграли важнейшую роль в общественной жизни Италии. Велико их значение и для итальянской культуры.

Начало войны мало затронуло итальянское искусство. Придворные фашистские живописцы и скульпторы продолжали сооружать массивные псевдогероизированные композиции. В культуре проходила в широких масштабах позорная кампания — борьба за чистоту итальянской расы (по немецкому образцу). Однако в искусстве, не связанном с официозом, все более сильно начинают звучать трагические ноты, все более острыми в политическом отношении делаются сюжеты. Тогда появилась картина Р. Гуттузо «Распятие» — ясная аллегория мировой драмы. Миланцы А. Сассу и Э. Треккани пишут композиции о фашистских зверствах. Приходят к антифашистской тематике (правда, пока еще в форме аллегории) скульптор Д. Манцу и график Т. Дзанканаро.

Страшный 1943 год резко изменил обстановку. Оккупация Италии, начало партизанских действий, военные действия на территории страны — все это вырвало деятелей культуры из замкнутости мастерских и кабинетов и заставило окунуться в водоворот событий. Многие из них приняли участие в движении Сопротивления, другие помогали ему, третьи просто боролись за собственное существование.

Отличительной чертой этого сравнительно небольшого исторического этапа было то, что впервые художественные поиски, позиция в искусстве в силу необходимости были поставлены в зависимость от того места, которое занимал художник в общественной жизни и освободительной борьбе. В тот год общие несчастья как бы разрушили изоляцию людей, их разобщенность. Перед художниками, писателями, киноработниками жизнь народа

открылась в новом, необычном аспекте, причем важно то, что они увидели ее не со стороны, а как активные участники социального процесса. Это было время формирования нового мировоззрения для многих — идеологического становления. Именно тогда возник особый интерес к марксистской литературе.

Если с точки зрения создания новой нравственной и идеологической атмосферы годы войны были чрезвычайно плодотворными, то собственно произведений искусства было создано мало. Это немногое носит, очевидно, эскизный характер, представляет собой своеобразные записки для памяти, фиксировавшие то, что особенно поразило художника. Однако есть в этих работах и важная отличительная особенность: они все исторически конкретны, а превалирующий характер приобрел мотив страдающего народа. Известны графические работы тех лет: серия рисунков Р. Гуттузо «С нами бог!», рисунки Р. Биролли «Италия, 1944 г.», антифашистские рисунки А. Сассу, Д. Омичолли, Э. Треккани. Художников интересовали не столько образы отдельных страдающих людей, сколько сама атмосфера трагедии. Эти работы отличаются большой выразительностью и убедительностью документальности. Именно рисунки тех лет (в частности, работы Гуттузо, посвященные расстрелу заложников в Фоссе Ардеатине) открыли новую эпоху в итальянской послевоенной культуре: они были показаны на одной из первых художественных выставок после освобождения в Риме — «Искусство против варварства».

Знаменательно то, что первые художественные выставки с подчеркнутой социальной направленностью, первые статьи об искусстве антифашизма и о художниках-антифашистах появились сразу же после Освобождения. Новая культура развивалась на обломках старого строя. «Это было необыкновенное время: страна лежала в руинах, но каким близким нам казалось осуществление идеалов, о которых мечтали перед смертью герои Сопротивления. Этот подъем, это душевное напряжение, в котором страдания и надежды были единственным залогом счастливого будущего, и составляют главный, если не единственный, источник нового итальянского киноискусства» [38],— писал Д. Феррара. Причем можно с полным основанием отнести эти слова ко всей итальянской культуре в целом.

Сразу же после освобождения в Италии, истощенной войной, начинают формироваться художественные объединения, в которые прежде всего вошли те, кто прошел школу оппозиционной борьбы и движения Сопротивления. Фронт демократического искусства в самое короткое время охватил все виды искусства и привлек почти всех лучших мастеров. Питательной средой новой культуры

[38] «Новое итальянское кино», М., 1959, стр. 63.

были идеалы Сопротивления и благодаря им в очень короткое время (три-четыре года) в провинциальной, отсталой стране сложилось искусство международной значимости.

Произведения первых послевоенных лет прежде всего говорят о совершенно новом мировосприятии. Художники, кинорежиссеры, литераторы, казалось, увидели жизнь совершенно другими глазами, иными предстали перед ними человеческие отношения, а то, что раньше казалось столь значительным и важным, отступило на второй план. И самое главное, что появилось в сознании, — это ощущение единства общества, общности людей, ответственности каждого перед всеми. Отсюда и иное понимание функции искусства — не как самоцели, а как средства достижения определенных идеалов. В сущности этому была посвящена одна из первых больших теоретических статей после войны — работа критика М. Де Микели о реализме, которая была опубликована в 1945 г. в журнале «Иль 45». Говоря о методе искусства, Де Микели последовательно связывал его с социальными функциями произведений в новом обществе.

Это новое мировоззрение в первые послевоенные годы особенно ярко выразилось в изобразительном искусстве и кино.

Кажется невероятным, что итальянский кинематограф в очень короткое время из провинциального и отсталого стал ведущим в мире, одним из немногих способных противостоять массированному наступлению американских коммерческих фильмов. К концу войны итальянская кинематографическая промышленность находилась в самом жалком состоянии. Знаменитая «Ченичиттá» (киногород) была разрушена бомбардировками. Кинорежиссеры были лишены всякой поддержки — почти никто из предпринимателей не хотел рисковать и вкладывать деньги в сомнительное дело возрождения (или лучше сказать создания) отечественного кино. Государство с самого начала недвусмысленно продемонстрировало свою полную незаинтересованность и нежелание помогать экономически делу возрождения.

Но именно в 1944 г. кинорежиссер Росселини начал снимать в наскоро переделанном из старого склада павильоне фильм, который открыл новую эру в итальянском кино, — «Рим открытый город».

Не случайно события этого фильма, ставшего теперь хрестоматийным, разворачиваются в период оккупации, а героем его стал боец Сопротивления. Обращение к теме антифашистской борьбы было и первой попыткой художественно осмыслить драматические события недавнего прошлого, и своеобразным долгом, который Росселини отдавал простым людям Италии, вынесшим все тяготы войны. Прошлое, его герои и мученики продолжали волновать людей, они ждали от искусства новой образной оцен-

24. Федерико Феллини

ки истории последних лет. Росселини сумел найти простые и сурово-правдивые слова, обобщенные образы необычайной художественной силы. Переданная новыми средствами кино, история трагической борьбы потрясла зрителей. «Рим открытый город» прошел по итальянским экранам (а позднее по экранам всего мира) с триумфальным успехом.

Фильм «Рим открытый город» открыл большую серию лент о Сопротивлении (то, что Феррара назвал «военным неореализмом»). Причем тема эта не теряет актуальности и интереса и в дальнейшем: к ней возвращается сразу несколько режиссеров в конце 50-х — начале 60-х годов. Объясняется это тем значением, которое имело Сопротивление, его героика и идеалы для итальянской социальной жизни, для формирования мировоззрения послевоенного общества. И в этой связи очень интересно сопоставление ранних фильмов (40-х годов), таких, как «Шуша», «Солнце еще

всходит», «Осторожно, бандиты!», с более поздними — «Генерал Делла Ровере» Росселини, «Все по домам» Д. Коменчини, «Долгая ночь 1943 года», «Поход на Рим» и другие. Ранние картины, развивая основную концепцию фильма «Рим открытый город», трактовали историю периода Сопротивления как столкновение положительных и отрицательных сил. Полностью поддерживая антифашистскую борьбу, режиссеры показывали события без полутонов: главные действующие лица воплощали конкретные положительные или отрицательные нравственные начала. В фильмах конца 50-х — начала 60-х годов, созданных в иных социальных условиях, акценты несколько смещаются. Режиссеры вновь прибегают к живительной силе идеалов Сопротивления, однако теперь в центре повествования образ человека, лишенный героики ранних картин. Это своеобразный психологический анализ отдельной личности, попавшей в драматическую ситуацию военных лет. Психология ее дает возможность автору охватить атмосферу того времени, но уже с известной исторической перспективой. Погибающий герой фильма «Генерал Делла Ровере» по драматическому содержанию не равен герою раннего фильма Росселини, но в этом сопоставлении во времени режиссер как бы находит подтверждение жизненности и действенности идеалов Сопротивления.

Фильм «Рим открытый город» потряс зрителей жестокой правдой жизненных коллизий. Но помимо этого многие новые элементы художественной формы заставили говорить о формировании принципиально новой художественной системы. Непривычно медленно развивалось действие фильма, монтаж подчеркивал последовательность в развертывании сюжета, почти хроникально подробными были детали, а роль их необычайно выросла. Обстановка лишена всякого налета необычности, наоборот, она подчеркнуто конкретна и правдива.

Безусловно, что этот — один из первых после Освобождения — фильм во многом был по форме реакцией на пошло-развлекательные или риторически-помпезные, но во всех случаях лживые фильмы прошлого. Однако, кроме этого, в нем выразилось то новое, что сложилось в годы Сопротивления в сознании людей. Все, что раньше считалось презренной прозой, недостойной внимания художника, все бытовое, обыденное приобрело в годы войны неожиданно большое значение, обозначило главную нравственную позицию, оказалось более органичным, чем многие интеллектуальные построения. Художнику открылся мир людей, необычайно насыщенный подлинным драматизмом и динамикой. Объектив киноаппарата Росселини с интересом и неожиданным волнением вглядывается в эту обыденную жизнь, где открываются мотивы необычайного гражданственного напряжения, высокие страсти и героические поступки.

25. Кадр из фильма Витторио Де Сика «Похитители велосипедов».

Такая нравственная и эстетическая программа легла в основу так называемого неореализма — направления очень широкого, сложившегося в итальянской культуре конца 40-х — первой половины 50-х годов, имеющего безусловное мировое значение. Этот термин, появившийся в конце 40-х годов, не очень конкретен, так как речь идет не о стиле, не об ограниченной художественной группе, а о большом и важном явлении общественной жизни, которое объединяет проблемы нравственного, политического и художественного порядка.

Именно поэтому большинство критиков, художников, литераторов, принимавших участие в известной анкете о неореализме, организованной в 1951 г. Карло Бо, определяли его очень широко, как один из моментов общего демократического движения в итальянской культуре (Г. Аристарко и др.). В искусстве это направление выразилось в беспристрастном, правдивом показе реальных людей в исторически конкретной обстановке, причем в центре произведения обычно стоит наиболее типичный представитель современного общества.

Прежде всего такая программа характерна для неореализма в кино. По существу сам этот термин в Италии кинематографического происхождения, и именно неореалистический кинематограф особенно сильно и ярко заявил о себе.

Сразу после освобождения Рима общий интерес к реальной жизни, стремление покончить с ложным пафосом и риторикой и общие взгляды на художественную форму сблизили некоторых кинорежиссеров, которые составили ядро итальянского неореалистического кинематографа. Так, уже в 1944 г. наметилась группа А. Амидеи, Ф. Феллини, Д. Росселини. Чуть позже начинают работать вместе В. Де Сика и Ч. Дзаватини, а также Д. Де Сантис, Л. Висконти, Д. Пуччини, К. Лидзани. Это не было объединением кинорежиссеров: их сдружила общая бедность, постоянные поиски финансирования, все усиливавшаяся борьба против вмешательства правительства в дела культуры. В течение нескольких лет на итальянские экраны вышли такие фильмы, как «Шуша» (1946), «Похитители велосипедов» (1948), «Нет мира под оливами» (1950), «Рим в 11 часов» (1951), «Умберто Д.» и др. В них независимо от творческой индивидуальности режиссера (манера каждого мастера в этих фильмах строго индивидуальна) формируется единая эстетика и общие элементы стиля итальянского неореализма.

Фактически итальянское кино после войны начиналось на пустом месте. Его энтузиасты, которые работали в 40-е годы, столкнулись с огромным количеством трудностей. Не было павильонов, правительство категорически отказывало в экономической помощи, в то же время открыв двери американскому коммерческому кино в Италию. Приходилось вступать в конкуренцию с наиболее развитой кинопромышленностью мира.

Однако эти трудности сыграли неожиданно положительную роль: кино вышло за пределы павильонов, все чаще съемка проводится прямо на местах событий, режиссеры начинают приглашать непрофессиональных актеров — люди «играют» самих себя. Ограниченность технических средств повлекла за собой характерный для первых лет лаконизм изобразительного языка.

Обостренный интерес к правде, к конкретной реальности заставляет режиссеров идти в самую глубь народной жизни, определяет повышенное значение ее реалий: неореалистические фильмы в отдельные моменты близко подходят к документальности, предвосхищая некоторые решения кинематографа 60-х годов.

Следует отметить, что мировосприятие, свойственное неореалистическому кино, имеет характерные особенности по отношению к другим видам искусства. Современную жизнь общества, драматические столкновения внутри его итальянское кино стремится показать через призму психологии отдельно взятого человека. Он воспринимается как изначальный составной элемент общества, и его страдания, устремления, мечты как бы воплощают основные черты социальной жизни страны. Эта закономерность подчеркивается бесстрастием повествования, документальным правдоподобием

26. Ренато Гуттузо.
Захват крестьянами пустующих земель в Сицилии

обстановки. Страдания одного человека перерастают в символ, в обобщенный образ страдания всего народа.

Наиболее последовательно неореалистическая программа воплотилась в работах В. Де Сика, который с 1946 до 1956 г. создал такие замечательные ленты, как «Шуша», «Похитители велосипедов», «Умберто Д.», «Крыша». Значительный вклад внесли Д. Де Сантис и П. Джерми фильмами «Рим в 11 часов», «Утраченные грезы», «Дорога длиною в год», «Под небом Сицилии», «Машинист». При всем разнообразии сюжетов и изобразительного языка, все эти фильмы имеют много общего. Авторы их сознательно избегают острых сюжетных поворотов: драматическая напряженность раскрывается в характерах самих действующих лиц. Безусловно, что симпатии авторов остаются на стороне героев фильмов, однако образы их сознательно не идеализируются. Беспристрастный правдивый рассказ как бы дает зрителю возможность самому делать выводы, проникаться симпатией и сочувствием к действующим лицам независимо от воли автора.

Поэтизация, художественное осмысление образа маленького человека, ведущего неравную борьбу за существование с враждебным ему в принципе обществом, в той или иной степени стали программным моментом неореалистического кинематографа. Только в некоторых фильмах («Машинист», «Повесть о бедных влюбленных») за судьбами отдельных людей намечаются элементы социальной борьбы, их жизнь как-то связывается с жизнью больших групп людей, классов.

Несколько иное преломление нашла эстетика неореализма в изобразительном искусстве. Его расцвет, так же как расцвет кино, начинается сразу после освобождения и вдохновляется теми же идеалами антифашистской борьбы. Поэтому и тон первых выставок задавали художники, которые в конце 30-х годов входили в оппозицию, а во время войны активно участвовали в движении Сопротивления.

Но в отличие от кинематографа, который быстро нашел основную линию формирования, послевоенное изобразительное искусство в своем становлении прошло более сложный путь. Хотя мотивы, привлекавшие художников 40-х годов, были приблизительно теми же, что и в кино,— жизнь и борьба простых людей, поэзия и красота созидательного труда,— характер художественного выражения, само мировосприятие было несколько иным. С самого начала художники стремились воплотить в произведениях не частное, а общее в жизни людей, найти художественные эквиваленты основным социальным процессам, передать их системой обобщенных образов и символов.

27. Ренато Гуттузо. Каменотес

Почти всеобщее увлечение во второй половине 40-х годов своеобразным поздним кубизмом было не только реакцией на формальную регламентацию фашизма, но и в известной степени поиском средств художественного воплощения этих социальных символов. В сознании художников построение новой жизни ассоциировалось с формальным живописным конструированием. Их привлекает процесс созидания простых ясных форм, лишенных иллюзорности и неопределенности. Чисто механическое отождествление социальных и художественных процессов было свойственно первому этапу формирования нового итальянского изобразительного искусства. Особенно ярко это проявилось в первом послевоенном объединении художников «Нуово фронте делле арти», которое сложилось

в Венеции в 1946 г. и в которое вошли все наиболее значительные художники-антифашисты: Р. Гуттузо, А. Пиццинато, Р. Биролли, Д. Сантомазо, М. Туркато, Д. Франкина, Б. Кассинари и др. По идее создателей группа должна была в новых условиях развивать и продолжать линию, начатую еще ранними антифашистскими объединениями. Однако, как показала творческая практика, в послевоенные годы художники по-разному воспринимали задачи своего искусства. Одни стремились к абстрактному формотворчеству, другие видели в искусстве мощное оружие в социальной. борьбе за демократические преобразования. Противоречие это привело в дальнейшем к расколу «Нуово фронте делле арти» и образованию широкого реалистического движения, с одной стороны, и групп абстракционистов — с другой.

Основным сюжетным мотивом творчества большинства художников «Нуово фронте делле арти» были сцены жизни рабочих или крестьян, причем трактовка этих сюжетов носила определенно героизированный характер: композицией, цветовыми сочетаниями, самой живописной тканью художник подчеркивает динамику жизни, тяжесть труда, энергию борьбы. Герои картин и скульптур являются носителями жизнеутверждающей идеи, и поэтому их образы трактуются романтически возвышенно. Характерным примером могут служить картины Гуттузо тех лет (серии «Прачки», «Швеи» и т. д.) или известное полотно Пиццинато «Призрак бродит по Европе», где предметы и фигуры людей выступают в роли символов. Такая зашифрованность образной содержательности в конечном итоге привела к тому, что коммуникативные качества произведений отступали на второй план, а превалировали формальные элементы. В результате диалог со зрителем, к которому искренне стремились прогрессивные художники, не устанавливался: картины оставались малопонятными, заложенные в них идеи не трогали зрителя.

В 1949 г. «Нуово фронте делле арти» распался: из него вышли художники, организовавшие «Группо дельи отто» (Р. Биролли Д. Сантомазо и др.) и обратившиеся полностью к беспредметному искусству. С другой стороны, в Италии начинает складываться и распространяться реалистическое направление, развивавшее предпосылки, заложенные культурой Сопротивления.

Художники, активно участвовавшие в народной борьбе, понимали, что их искусство приобрело за эти годы новое качество: оно стало нужным людям не только как определенная эстетическая ценность, но прежде всего как средство борьбы. Более того, к концу 50-х годов сложилась своеобразная ситуация: те, кто раньше был лишен искусства, сейчас не только пришли на выставки, но оказались наиболее заинтересованными зрителями. В разных городах прово-

28. Эрнесто Треккани. Расстрел

дятся художественные конкурсы и выставки, и очень часто организаторами их были профсоюзные комитеты, дома культуры, кооперативы. Впервые за много лет художники почувствовали, что их искусство нужно не избранной элите, но всему народу. Такая ситуация одновременно влияла на самих художников: постепенно они переходят к художественному языку более простому и доступному, к более открытому диалогу со зрителем. Новая функция живописи и скульптуры в конечном итоге определяет и характерные особенности формы произведений. Складывается своеобразный экспрессивный стиль, чем-то близкий плакату. Композиционное построение и общая колористическая структура живописи рассчитаны на быстрое, энергичное воздействие на зрителя, на мгновенную эмоциональную реакцию. Отсюда стремление к обобщенности предметной пластики, к сближению планов, к развертыванию изображения на плоскости.

В очень короткое время — уже к началу 1952 г.— реализм (или, как его называли по ассоциации с кино, неореализм) стал общенациональной школой. В Риме работали Р. Гуттузо, К. Леви, М. Мафаи, А. Дзивери, Л. Веспиньяни, У. Аттарди, Д. Пури-

фикато, С. Мирабелла. В Милане сложилась сильная группа художников-реалистов: А. Сассу, Э. Треккани, Д. Миньеко, Г. Мукки. Широкое распространение неореализм получил и в провинции, где работали А. Пиццинато, Д. Дзигаина, А. Боргонцони, Д. Капелли, Т. Дзанканаро и много других. Хотя все движение не было организационно оформлено, тем не менее художники совместно выступали на выставках, включая крупнейшую международную Биеннале в Венеции. В Милане несколько лет выходила газета, а затем журнал «Реализмо». Течение в целом привлекло к себе внимание зрителей и критики и в какой-то момент стало определяющим в итальянской художественной культуре. В первой половине 50-х годов были созданы произведения, которые стали завоеванием мирового прогрессивного искусства. Речь идет о таких широко известных работах, как картины Гуттузо «Занятие пустующих земель» (программная неореалистическая работа), «Битва на мосту Адмирала», «Пляж», серия картин о сицилийских шахтерах, картины Леви о сицилийских крестьянах, «Оборона фабрики» Мукки, фресковый цикл в Палаццо делла Провинча в Парме Пиццинато, памятник партизанам Мадзакурати и многие другие.

Несмотря на то что в целом это направление в литературе получило название неореализма, по образному строю и по всему мировосприятию произведения изобразительного искусства отличаются от одновременных кинематографических работ. Для художников и скульпторов — неореалистов каждый человек представляет определенную социальную группу. События современной истории рассматриваются ими только с точки зрения социальной борьбы масс, с точки зрения классовой. Эта программа была сформулирована еще в начале 50-х годов в статьях критиков и художников неореализма. Поэтому личность того или иного человека представляет для художника интерес только постольку, поскольку она выражает и воплощает определенную реальность. Отсюда стремление к максимальной обобщенности и в некоторой степени пренебрежение к индивидуальной психологической трактовке.

В результате наряду с большими достижениями в изобразительном неореалистическом искусстве к середине 50-х годов появились первые опасные симптомы. Движение на первом этапе привлекло к себе слишком много случайных людей. Не способные к философскому осмыслению больших социальных проблем, они пошли по легкому пути эпигонства. Стало появляться большое количество удручающих композиций-близнецов. В них реалистический язык сводится к сухой схеме, правда жизни подменяется правдоподобием. Об этом с тревогой писала газета «Реализмо» еще в 1954 г. «Теперь возникает необходимость сделать новый шаг вперед, чтобы лучше разобраться в самом термине «реализм», который слишком часто подменяется у нас примитивным понятием

29. Карло Леви. Портрет Умберто Сабы

«правдоподобие» »[39]. Кроме того, и сама художественная программа неореализма, направленная на решение лишь общих проблем в ущерб психологической разработке типических образов, в известной степени приблизила кризис течения в его первоначальной форме.

Как единое национальное художественное движение неореализм перестал существовать к середине 50-х годов. Однако в данном случае можно говорить не о кризисе идеологических и нравственных позиций, а о распаде формальных элементов, которые в новых условиях уже не были адекватными реальности. Прогрессивно-демократическое искусство продолжало развиваться, постоянно находя новые изобразительные средства.

[39] «Realismo», 1954, N 25—26, novembre — dicembre, p. 6.

Кризис неореалистического направления совпал по времени с периодом так называемого экономического чуда и с расцветом культуры «общества потребления».

Приток иностранных капиталов, стабилизация и некоторое повышение уровня жизни существенным образом повлияли на всю ситуацию в области искусства. С середины 50-х годов оно попадает в систему большого бизнеса, делается весьма прибыльным делом для всякого рода предпринимателей. Отношение к художественным ценностям стало таким же, как и к другим предметам широкого потребления: покупать картины для обывателя равноценно выгодному помещению денег, которые потом должны принести проценты. Искусство делается объектом крупных спекуляций, в которых замешаны большие капиталы. Так, кино в 50-е годы стало одним из наиболее выгодных капиталистических предприятий. Потребность в широком градостроительстве привлекла крупные капиталы в архитектуру. В спешной погоне за «благосостоянием» искусство начинает играть роль чисто престижную, оно свидетельствует о состоятельности, а буржуазное меценатство обеспечивает положение в обществе. Отсюда расцвет непрофессионального коллекционирования произведений искусства, на котором торговцы и эксперты наживают миллионы и благодаря которому конъюнктура на итальянском художественном рынке в конце 50-х — первой половине 60-х годов была чрезвычайно благоприятной для спекуляций.

В эти годы складывается широкое национальное архитектурное направление. Кинопромышленность начинает конкурировать на международном рынке с самыми сильными в этом отношении странами. Довольно благоприятными эти годы были и для художников, представлявших различные авангардистские направления. Во всех этих случаях, однако, «общество потребления» оказывает на искусство постоянное и очень сильное влияние. Даже в самом функциональном и утилитарном виде творчества — в архитектуре — оно воплотилось в ряде уникальных зданий, основная архитектурная идея которых определяется стремлением выделиться экстравагантностью и неожиданностью форм. В других видах искусства такие тенденции и влияния ощущаются еще сильнее.

К 1962 г. Италия вышла на третье место в мире по количеству производимых кинофильмов. Однако из 250 картин, снимаемых в год, подавляющее большинство представляет собой развлекательные пустые комедии или детективные фильмы. В изобразительном искусстве воздействие художественного рынка на художников никогда не было столь сильным, как в 60-е годы; в стране сложилась большая хорошо организованная система фабрикации (порой на очень короткое время) авторитетов, чьи картины продаются по астрономическим ценам. Здесь самое широкое

*30. Джакомо Манцу.
Открытие Вселенского собора.
Детали фриза на внутренней стороне дверей*

участие принимают и эксперты, и организаторы выставок, и журнальные критики.

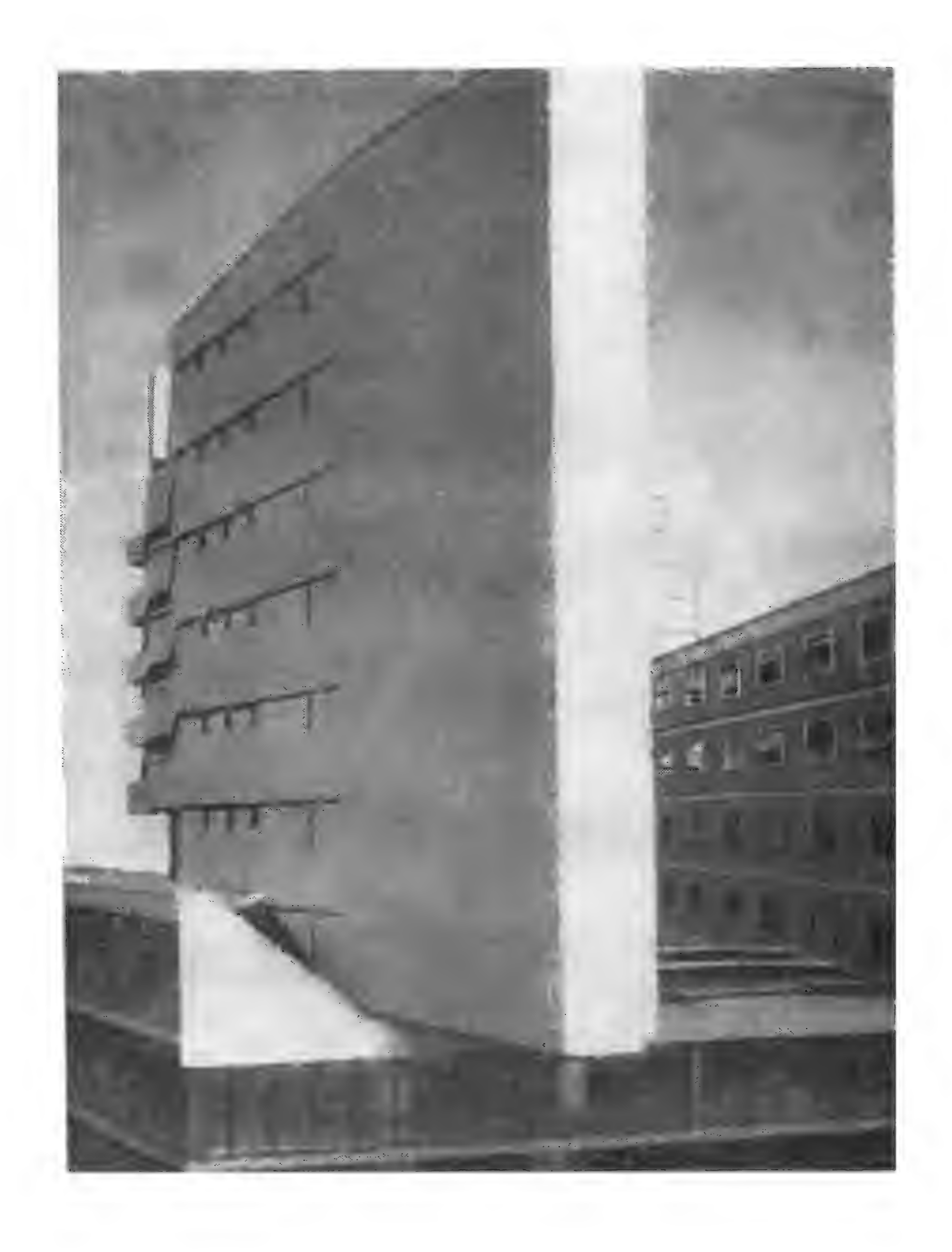
Характерной чертой культуры «общества потребления» вообще является тяготение к поверхностной развлекательности, к искусству, способному отвлекать от проблем жизни, приравненному по значению к другим предметам широкого потребления. Этим можно объяснить, например, небывалый расцвет всякого рода конкурсов легкой музыки. Традиционные фестивали неаполитанской песни и конкурс в Сан-Ремо начала 50-х годов через полтора десятилетия превратились в гигантское коммерческое предприятие. К ним прибавилось еще несколько десятков конкурсов, которые сопровождаются максимальной рекламной шумихой. Каждый год газеты и телевидение выталкивают на поверхность новую знаме-

нитость, и ажиотаж вокруг имен Тони Даллара, Риты Павоне, Боби Соло, Джанни Моранди в конечном итоге отвлекает широкое общественное мнение от проблем настоящего искусства. Разумеется, все эти конкурсы и фестивали приносят их организаторам большие доходы.

Влияние общества на искусство выражается, однако, не только в поощрении его эрзацев, не только в создании произведений «широкого потребления». Оно очень сильно и по-разному воздействует и на настоящих мастеров, поощряя в их творчестве мотивы и формы, выгодные и безопасные для себя. Причем речь идет не об открытой коррупции, а о более тонких и завуалированных формах принуждения. За художником внешне сохраняется свобода сюжетного и формального выбора, однако постепенно усилиями критики и рынка в произведениях подчеркивается, восхваляется, экономически стимулируется тот элемент содержания или формы, который сводит на нет «социально опасный» характер искусства. Так произошло, например, с художниками-неореалистами Д. Дзигаина, Ф. Фарулли и другими, которые в конце 50-х годов резко изменили творческую манеру и перешли к беспредметной живописи.

Ситуация культурной жизни Италии конца 50-х — начала 60-х годов осложняется самим изменением в общественной жизни. На смену нравственной позиции, сложившейся в годы Сопротивления, приходит новая, потребительская. Зарождавшаяся общность людей распалась; для 60-х годов характерны черты отчужденности людей, одиночества, изолированности в обществе, эгоистичного индивидуализма. Кризис духовных ценностей особенно остро почувствовали на себе деятели культуры. Поэтому так сильны стали мотивы пессимизма, неверия, индивидуализма. Те социальные конфликты, которые были столь очевидны и понятны в годы неореализма, приобрели более скрытый и сложный характер: они перешли в область духовную, в область нравственную, где человек сталкивается не столько с агрессивной средой, сколько с самим собой. Неустроенность духовная заняла место неустроенности бытовой.

Острее всего противоречия духовной жизни итальянского общества выразились в кинематографе конца 50-х — начала 60-х годов. Казалось, что после кризиса неореалистического кино эта область искусства вновь окажется на позициях европейской провинции. Но, как показала жизнь, основы, заложенные неореализмом, были настолько прочными, что даже в самые тяжелые для него годы в лучших фильмах наметились предпосылки обновления художественного языка, образного строя, т. е. предпосылки нового, более сложного периода. Эти предпосылки наметились уже в фильме Феллини «Дорога», в котором нравственные проблемы решаются с иных, чем прежде, позиций. К 60-м годам этот процесс

31. Луиджи Моретти. Жилой дом

внутренней эволюции завершается, о чем говорят такие фильмы, как «Генерал Делла Ровере» Росселини, «Рокко и его братья» Висконти, фильмы Феллини и Антониони.

Новый период в итальянском кино не менее значителен для мировой художественной культуры, чем неореалистический, хотя отличается иной образной и стилистической проблематикой. Более того, многие лучшие фильмы этого периода созданы как бы в полемике с неореалистическими.

Особенность фильмов 60-х годов (речь идет только о лучших, а не коммерческих работах) заключается в обобщенности нравственных и психологических проблем. Они меньше связаны с конкретным историческим моментом, но имеют общефилософское значение. Режиссер начинает оперировать общими категориями добра и зла, раскрывая их в частных ситуациях.

Вместе с тем в работах 60-х годов сохраняется антибуржуазный мотив, который лежал в основе лучших неореалистических лент. Однако сейчас он решается не в плане бытовом, а более отвлеченно: режиссеры видят причину одиночества, непонимания, духовной бедности в отсутствии нравственного идеала, которого не может дать современное общество.

Весь смысл лучших работ 60-х годов заключается в поисках этого нравственного идеала, в поисках духовной осмысленности жизни. Однако параллельно ставится вопрос и о нравственной ответственности человека. Эта линия в современном итальянском кино может быть наиболее близка лучшим традициям неореализма. Причем в некоторых случаях действие развивается в обстановке, с которой мы уже встречались у неореалистов, например, фильмы «Бандиты из Оргосоло» В. Де Сета или «Трудная жизнь» Д. Ризи. Особенно же полно такая тенденция проявилась в известном фильме Висконти «Рокко и его братья». Для героев этих картин вопрос о нравственном выборе стоит, пожалуй, более остро, чем проблема борьбы за существование. Тема личной ответственности, которая перерастает в глубоко индивидуальный конфликт, легла в основу фильмов о войне и Сопротивлении, к которым вновь обратились многие итальянские режиссеры. Поэтому ленты Н. Лоя «Четыре дня Неаполя», Росселини «Генерал Делла Ровере», «Долгая ночь 1943 года» Ф. Ванчини и другие в отличие от аналогичных фильмов неореализма не ставят себе целью максимально правдивый рассказ о событиях, но хотят в поведении людей в этих событиях найти исходные моменты основных нравственных позиций.

Особая линия творческих поисков в современном итальянском кино связана с именами Феллини, Антониони и в какой-то степени Пазолини. Именно их искания, дерзкие и неожиданные, открыли зрителям по-новому увиденную реальность современного

32. *Луиджи Нерви. Выставочный павильон. Турин*

буржуазного общества. Несмотря на различие творческих манер. работы этих мастеров принципиально близки между собой. В разном варианте их тематический круг сводится к показу человека, обреченного на одиночество, не понятого и не понимающего других. В дальнейшем тема расширяется до активного противопоставления бытового, обыденного и духовного, причем самим строем фильмов авторы подчеркивают полное отсутствие нравственного и духовного начала в современной жизни. Главное место в таких фильмах, как «Сладкая жизнь», «Восемь с половиной», «Джульетта и духи» Феллини, «Затмение», «Ночь» Антониони, «Туманные звезды Большой Медведицы» Висконти, занимает скрупулезный анализ духовной жизни человека, как бы остающегося наедине с собой. События, показанные в фильме, лишь фон, на котором развивается главное действие — познание человеком самого себя. Герой живет как бы две жизни (это особенно четко показано в фильме «Восемь с половиной»): внешнюю, среди и для людей, и насыщенную переживаниями, сомнениями, откровениями внутреннюю. Причем эта вторая жизнь в трактовке Феллини и Антониони часто выступает более реальной. Отсюда их увлечение сложными аналогиями и ассоциациями, взятыми из психоанализа, отсюда же повышенное увлечение отвлеченной символикой. Все это иногда делает фильмы сложной интеллектуалистической загадкой, столь же противоречивой, какой кажется авторам реальная жизнь.

В изобразительном искусстве конец 50-х — 60-е годы знаменуются преобладанием различных формалистических течений. Первые объединения абстракционистов начали складываться еще до войны, но расцвет их начинается после 1950 г. Наиболее значительной была «Группо дельи отто» (Афро, Биролли, Корпора, Морени, Морлотти, Сантомазо, Туркато, Ведова), которая выделилась из «Нуово фронте делле арти». Работы этих художников заложили основу национальной школы беспредметного искусства. Несмотря на многообразие деклараций и манифестов, внутри самого абстракционистского направления сохранились две традиционно основные линии — «конкретизм», развивающий линию живописи Мондриана (Радиче, Ро, Бордоне, составившие в Милане первую группу конкретистов в 1951 г.; Дорацио, Туркато и другие); «романтический абстракционизм», развивающий традицию живописи Кандинского (Ведова, Сантомазо). Несколько позднее в Милане сформировалась группа «ядерной живописи», пропагандирующая случайный набор цветовых пятен, нанесенных на холст интуитивно, в состоянии транса (Баи, Коломбо, Данджело, Дова). Работы этих художников, отличающиеся только отдельными формальными элементами, добросовестно повторяют аналогичные вещи французских и американских абстракционистов, укрепившихся на художественном рынке.

33. ЭУР. Рим

Несколько особняком стоит в общем ряду абстрактного искусства творчество Л. Фонтаны — основателя «пространственного направления». Его работы, претендующие на откровение в области пространственного решения и представляющие собой панели с рядами отверстий, благодаря усиленной рекламе получили широкое распространение в Италии и за ее границами.

Одновременно с абстрактной живописью в середине 50-х годов наметился новый подъем сюрреализма — направления, наиболее импонирующего вкусам обывателя. Традиции живописи Д. де Кирико и К. Карра с малыми вариациями развивали А. Мартини, А. Савинио, С. Фьюме, Л. Фини.

В последние годы интерес к изобразительному искусству в стране заметно ослабевает. Это объясняется прежде всего унылым эпигонским однообразием нового, беспредметного академизма и отсутствием крупных индивидуальностей. Искусственной попыткой оживить общую атмосферу было спешное приобщение некоторых художников к поп-арту, неодадаизму и т. д. Художники М. Чероли, М. Пистолетто, Э. Баи, Л. Дель Пеццо в разных вариантах пытаются использовать новые материалы и пространственные формы, однако их эксперименты не выходят за рамки провинциального подражательства.

Одновременно с формалистическими направлениями продолжает развиваться прогрессивно-демократическое искусство. О жизненности нравственных и идеологических основ, заложенных в период антифашистской борьбы, свидетельствуют тематические выставки 60-х годов «Искусство против варварства», «Насилие», «Искусство против мафии» и другие, в которых приняли участие лучшие из современных итальянских художников фигуративного направления. Характерной особенностью художественного языка этих мастеров является заметное усиление элементов экспрессионизма, повышенная динамическая и цветовая насыщенность, широкое привлечение документальных материалов (коллажи, фотографика и т. д.). Расширяется сам тематический круг произведений: наряду с острыми публицистическими работами (картины молодого Э. Калабрии или картина о студенческом движении Р. Гуттузо) появляются работы, решающие общечеловеческие проблемы в плане философском (К. Леви, Л. Веспиньяни и др.).

Если 50 — 60-е годы были мало благоприятными для изобразительного искусства, то в архитектуре это время можно признать периодом расцвета. Экономический подъем привлек в строительство большие средства, и это в известной степени способствовало развитию современной национальной школы.

Рационализм послевоенной архитектуры (центром этого направления был Милан) перестал удовлетворять заказчиков уже в начале 50-х годов, хотя за это время было построено несколь-

34. Лючиано Балдассари. Выставочный павильон. Милан

ко интересных жилых комплексов в Неаполе, Генуе, Риме (архитекторы А. Либера, Э. Маласпина). Для нового периода характерными стали два основных направления: так называемая органическая архитектура и рационалистическая. К первому направлению примкнули такие известные мастера, как Л. Моретти, Л. Ридольфи, Э. Монтуори, Л. Куарони. Ко второму — И. Гарделла, Ф. Альбини, Р. Скарпа.

И в том, и в другом случае речь идет о преобладании субъективного над объективным в решении того или иного архитектурного комплекса. В отличие от ранних построек работы 50-х годов создаются с учетом исторического и природного окружения, с учетом внутренней и внутрирайонной планировки. Связь новой архитектуры со средой имеет особое значение именно в Италии, так как реконструкция городов там всегда связана с сохранением исторических памятников. Из архитектурных сооружений последних лет наиболее известны вокзал в Риме (архитектор Монтуори), дом на набережной Джудекка в Венеции и комплексное решение заводов «Оливетти» в Ивреа (архитектор Гарделла). Большой интерес с точки зрения связи новой архитектуры с уже сложившимся городским ансамблем представляет собой так называемая Башня Веласка в Милане (коллектив ББПР).

Однако особую известность получило в Италии и за ее пределами структуралистическое направление благодаря наиболее яркому его представителю Л. Нерви. Это направление, широко связанное с последними достижениями инженерной техники и дизайна, строит основную архитектурную концепцию, исходя из точных технических и конструктивных факторов. Архитекторы этого направления подчиняют проектирование зданий чистоте и геометрической ясности формы. Сам Нерви, работая над такими сооружениями, как Малый дворец спорта в Риме, исходил из сконструированных типовых элементов, компоновка которых не только была удачным инженерным решением, но и достигала большого эстетического эффекта. Особенно известными работами Нерви, кроме Малого дворца спорта в Риме (создан вместе с Вителоцци), были Дворец труда в Турине и здание фирмы «Пирелли» в Милане (совместно с архитектором Д. Понти).

Итальянская культура наших дней — явление сложное и многоплановое. Однако в лучших ее проявлениях воплотились наиболее высокие, наиболее чистые устремления культуры периода Сопротивления, которые остаются постоянным залогом жизненности и силы прогрессивных ее элементов.

Приложение I

ПРАВИТЕЛЬСТВА ИТАЛИИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕЖИМА МУССОЛИНИ

1943, 25. VII — **1944**, 17.IV — П. Бадольо; **1944**, 22.IV—5.VI — П. Бадольо (коалиц. из 6 антифашист. партий, в том числе ХДП, ИКП, ИСППЕ, ПД — Партия действия); **1944**, 9.VI — 11.XII — И. Бономи (ХДП, ИЛП, ИКП, СППЕ, ПДТ — Партия демократии труда); **1944**, 12.XII — **1945**, 19.VI — И. Бономи (ХДП, ИКП, ИЛП, ПДТ); **1945**, 21.VI — 23.XI — Ф. Парри (ХДП, ИКП, ПД, ИЛП, СППЕ); **1945**, 10.XII — **1946**, 1.VII — А. Де Гаспери (ХДП, ИКП, ПД, ИЛП, СППЕ); **1946**, 13.VII — **1947**, 28.I — А. Де Гаспери (ХДП, ИКП, ИРП, СППЕ); **1947**, 2.II—31.V — А. Де Гаспери (ХДП, ИКП, СППЕ); **1947**, 31.V — **1948**, 23.V — А. Де Гаспери (ХДП, с 15.XII **1947** — ИРП, ИСДП, ИЛП); **1948**, 23.V — **1950**, 27.I — А. Де Гаспери (ХДП, ИЛП, ИРП, до 31.X **1949** — ИСДП); **1950**, 27.I — **1951**, 14.VII — А. Де Гаспери (ХДП, ИРП, до 4.IV **1951** — ИСДП); **1951**, 26.VII—**1953**, 29.VI — А. Де Гаспери (ХДП, ИРП); **1953**, 16.VII—17.VIII — А. Де Гаспери (ХДП, доверия в парламенте не получило); **1953**, 17.VIII — **1954**, 5.I — Дж. Пелла (ХДП); **1954**, 18.I—10.II — А. Фанфани (ХДП, доверия в парламенте не получило); **1954**, 10.II — **1955**, 22.VI— М. Шельба (ХДП, ИЛП, ИСДП); **1955**, 6.VII — **1957**, 6.V — А. Сеньи (ХДП, ИЛП, ИСДП); **1957**, 19.V — **1958**, 1.VII — А. Дзоли (ХДП); **1958**, 2.VII — **1959**, 26.I — А. Фанфани (ХДП, ИСДП); **1959**, 17.II — **1960**, 25.II— А. Сеньи (ХДП); **1960**, 25.III — 19.VII — Ф. Тамброни (ХДП); **1960**, 26.VII — **1962**, 2.II — А. Фанфани (ХДП); **1962**, 22.II — **1963**, 21.VI — А. Фанфани (ХДП, ИСДП, ИРП); **1963**, 21.VI — 5.XI — Дж. Леоне (ХДП); **1963**, 4.XII—**1964**, 26.VI, 22.VII—**1966**, 21.I — А. Моро (ХДП, ИСП, ИСДП, ИРП); **1966**, 24.II—**1968**—5.VI — А. Моро (ХДП, ОСП, ИРПЕ); **1968**, 25.VI — 19.XI — Д. Леоне (ХДП); **1968**, 13.XII—**1969**, 11.VII — М. Румор (ХДП, ОСП, ИРП), **1969**, 5.VIII — 12.XII — М. Румор (ХДП); **1970**, 7.IV — 6.VII — М. Румор (ХДП, ИСП, УСП, ИРП); **1970**, 10.VIII — Э. Коломбо (ХДП, ИСП, УСП, ИРП)

Приложение II

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИТАЛИИ

Партия	18.IV 1948 г.			7.IV 1953 г.		
	тыс. голос.	%	мест	тыс. голос.	%	мест
Палата депутатов						
Христианско-демократическая	12741	48,5	305	10864	40,1	263
Коммунистическая	8137	31,0	183	6122	22,6	143
Социалистическая				3441	12,7	75
Социал-демократическая	1858	7,1	33	1223	4,5	19
Социалистическая партия пролетарского единства	—	—	—	—	—	—
Либеральная	1005	3,8	19	816	3,0	13
Монархическая	729	2,8	14	1856	6,9	40
Итальянское социальное движение	527	2,0	6	1583	5,8	29
Республиканская	652	2,5	9	438	1,6	5
Южнотирольская народная	124	0,4	3	123	0,5	3
Прочие	495	1,9	2	627	2,3	—
Всего	26269	100	574	27093	100	590
Сенат						
Христианско-демократическая	10900	48,2	131	9693	39,9	113
ХДП совм. с республиканской партией	—	—	—	186	0,8	3
Республиканская	—	—	—	—	—	—
Южнотирольская народная	95	0,4	2	107	1,1	2
Социалистическая партия пролетарского единства	—	—	—	—	—	—
Коммунистическая	6969	30,7	72	4912	20,2	51
Социалистическая				2893	11,9	26
Социал-демократическая	943	4,2	8	1047	4,3	4
ИСДП совм. с республиканской партией	608	2,7	4	31	0,1	—
Либеральная	1217	5,4	7	696	2,9	3
Монархическая	394	1,7	3	1583	6,5	14
Итальянское социальное движение	164	0,7	—	1474	6,1	9
Прочие	773	3,4	6	1688	6,9	12
Всего	22657	100	237	24309	100	237

Подсчитано по: Annuario statistico italiano 1958—1969

25.V 1958 г.			28.IV 1963 г.			19.V 1968 г.		
тыс. голос.	%	мест	тыс. голос.	%	мест	тыс. голос.	%	мест
Палата депутатов								
12522	42,4	273	11776	38,3	260	12438	39,1	266
6705	22,7	140	7768	25,3	166	8551	26,9	177
4208	14,2	84	4257	13,8	87	4603	14,5	91
1346	4,5	22	1876	6,1	33			
—	—	—	—	—	—	1415	4,5	23
1047	3,5	17	2144	7,0	39	1851	5,8	31
1437	4,8	25	537	1,7	8	414	1,3	6
1408	4,8	24	1571	5,1	27	1414	4,4	24
406	1,4	6	420	1,4	6	626	2,0	9
135	0,5	3	135	0,4	3	153	0,5	3
350	1,3	2	272	0,9	1	324	1,0	—
29564	100	596	30758	100	630	31790	100	630
Сенат								
10782	41,2	123	10032	36,5	129	10972	38,3	135
—	—	—	186	0,7	4	—	—	—
—	—	—	—	—	—	601	2,1	2
120	0,5	2	112	0,4	2	131	0,5	2
—	—	—	—	—	—	8586	30,0	101
5701	21,8	59	6933	25,2	84			
3683	14,1	35	3849	14,0	44	4355	15,2	46
1165	4,4	5	1744	6,4	14			
—	—	—	—	—	—	—	—	—
1009	3,9	4	2028	7,4	18	1944	6,8	16
1383	4,9	7	429	1,6	2	313	1,0	2
1150	4,4	8	1458	5,3	14	1305	4,6	11
1257	4,8	3	696	2,5	4	410	1,4	—
26152	100	246	27469	100	315	28616	100	315

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1918, 3 ноября	Подписание перемирия между Италией и Австро-Венгрией.
1919, январь	Образование католической Народной партии («Пополяри»).
1919, 23 марта	Образование фашистской организации
1919, 1 мая	Основание еженедельника «Ордине нуово».
1919, 20—21 июля	Всеобщая забастовка итальянских рабочих в защиту Советской республики.
1919, 10 сентября	Подписание Сен-Жерменского договора с Австрией.
1919, 5—8 октября	XVI съезд ИСП. Решение о вступлении в III Интернационал.
1920, 7 марта	Образование Конфедерации итальянских промышленников (Конфиндустрии).
1920, 15—22 апреля	Всеобщая забастовка в Турине и Пьемонте.
1920, 10 августа	Подписание Севрского договора с Турцией.
1920, сентябрь	Захват рабочими-металлистами фабрик и заводов Италии.
1920, 12 ноября	Подписание Рапалльского договора с Югославией.
1921, 21 января	Раскол Итальянской социалистической партии. Образование Коммунистической партии Италии (после 1944 г. — Итальянская коммунистическая партия). I съезд КПИ в Ливорно.
1921, август	Заключение «пакта умиротворения» между фашистами и социалистами.
1922, 20—24 марта	II съезд КПИ.
1922, 24 мая	Заключение торгового соглашения между Италией и Советской Россией.

1922, 1 августа	Всеобщая антифашистская забастовка.
1922, 1—4 октября	XIX съезд ИСП (Рим). Исключение реформистов.
1922, 28—29 октября	Поход фашистов на Рим. Назначение Муссолини премьер-министром Италии.
1923, январь—февраль	Массовые аресты итальянских коммунистов.
1923, 25 июля	Принятие фашистского избирательного закона.
1924, 7 февраля	Установление дипломатических отношений между Италией и СССР.
1924, 12 февраля	Основание органа итальянских коммунистов газеты «Унита».
1924, 10 июня	Убийство фашистами депутата-социалиста Д. Маттеотти.
1924, 13 июня	Создание Авентинского блока.
1926, 21 января	III съезд КПИ в Лионе (Франция).
1926, октябрь — ноябрь	Чрезвычайные законы правительства Муссолини. Арест Антонио Грамши.
1927, январь	Создание заграничного центра КПИ.
1927, 4 января	Роспуск Всеобщей конфедерации труда.
1927, 21 апреля	Принятие фашистской хартии труда.
1928, май—июнь	Судебный процесс над итальянскими коммунистами в Риме.
1929, 11 февраля	Подписание Латеранских соглашений между правительством Муссолини и Ватиканом.
1930, 19—20 июля	XXI съезд ИСП (Париж). Хартия единства.
1931, март—апрель	IV съезд КПИ в Кельне — Дюссельдорфе (Германия).
1933 26 января	Создание ИРИ, крупнейшей государственно-монополистической организации Италии.
1933, 2 сентября	Подписание Италией соглашения о нейтралитете и ненападении с СССР.
1934, 17 августа	Соглашение о единстве действий коммунистической и социалистической партий Италии.

1935, октябрь—1936, май	Война Италии против Эфиопии. Захват Эфиопии.
1936, конец июля	Начало интервенции Италии против Испанской республики.
1936, октябрь	Формирование в Испании из итальянских добровольцев-антифашистов батальона им. Гарибальди.
1936, 25 октября	Подписание договора о сотрудничестве между Германией и Италией.
1937, 27 апреля	Смерть Антонио Грамши.
1937, 26 июля	Второй пакт о единстве действий между КПИ и ИСП.
1937, 6 ноября	Присоединение Италии к «антикоминтерновскому пакту».
1937, 11 декабря	Выход Италии из Лиги Наций.
1938. 29—30 сентября	Мюнхенская конференция.
1939, апрель	Захват Италией Албании.
1939, 22 мая	Подписание «Стального пакта» — военного и политического союза между Италией и Германией.
1940, 11 июня	Объявление Италией войны Англии и Франции.
1940, 27 сентября	Подписание военного договора между Германией, Италией и Японией (Берлинский пакт).
1941, 22 июня	Объявление Италией войны СССР.
1941, октябрь	Образование антифашистского Комитета действия по объединению итальянского народа.
1941, 11 декабря	Объявление Италией и Германией войны США.
1942, июль	Возобновление выпуска в подполье газеты «Унита».
1942, октябрь—ноябрь	Создание в Турине первого Комитета национального фронта.
1942, 11 ноября	Оккупация итальянскими и германскими войсками Южной Франции.
1942, 16 декабря	Разгром советскими войсками в районе среднего течения Дона 8-й итальянской армии.

1943, январь—май	Разгром английскими войсками итало-немецкой армии в Северной Африке.
1943, март	Всеобщая забастовка в Северной Италии.
1943, 10 июля	Высадка англо-американских войск на острове Сицилия.
1943, 25 июля	Падение фашистского режима в Италии. Арест Муссолини. Формирование правительства во главе с маршалом Бадольо.
1943, 8 августа	Пакт о единстве действий КПИ и ИСП (новая редакция).
1943, август	Воссоздание Итальянской социалистической партии. До января 1947 года называлась Итальянская социалистическая партия пролетарского единства (ИСППЕ).
1943, 3 сентября	Подписание Италией пакта о безоговорочной капитуляции.
1943, 9 сентября	Создание Комитета национального освобождения, руководящего центра движения Сопротивления.
1943, 23 сентября	Образование марионеточной «Республики Сало».
1943, 27—30 сентября	Антигитлеровское восстание в Неаполе.
1943, 13 октября	Объявление Италией войны гитлеровской Германии.
1943, ноябрь	Формирование КПИ партизанских отрядов, ударных бригад им. Гарибальди.
1943, 15—21 декабря	Всеобщая политическая забастовка в Милане.
1943,	Образование Христианско-демократической партии (ХДП).
1944, 28—29 января	I конгресс Комитета национального освобождения (КНО)
1944, 1—8 марта	Всеобщая политическая забастовка в Северной Италии.
1944, 11 марта	Установление дипломатических отношений между СССР и Италией.
1944, 30—31 марта	Национальный совет ИКП в Неаполе. «Неаполитанский поворот».
1944, 22 апреля	Образование правительства «национального единства», первого коалиционного правительства (правительство Бадольо).

1944, 3 июня	«Римский пакт» профсоюзных организаций коммунистических, социалистических и католических течений, создавший Всеобщую итальянскую конфедерацию труда (ВИКТ).
1944, 4 июня	Освобождение Рима.
1944, 9 июня	Сформирование первого правительства И. Бономи.
1944, 12 августа	Освобождение Флоренции.
1944, сентябрь	Создание в тылу у немцев свободных партизанских зон.
1944, 25 октября	Установление полных дипломатических отношений между СССР и Италией.
1944, 10 декабря	Сформирование второго правительства И. Бономи.
1945, 10 апреля	Принятие ИКП директивы о подготовке всеобщего национального восстания.
1945, 21 апреля	Освобождение Болоньи.
1945, 25—29 апреля	Национальные восстания в городах Северной Италии. Освобождение Милана, Генуи, Турина и всей Северной Италии.
1945, 29 апреля	Подписание акта о капитуляции гитлеровских войск в Италии.
1945, 20 июня	Образование коалиционного правительства Ф. Парри.
1945, 10 декабря	Сформирование первого правительства Де Гаспери.
1945, 29 декабря — 1946, 6 января	V съезд ИКП.
1946, 11 апреля	XXIV съезд ИСППЕ.
1946, 24—28 апреля	I съезд ХДП.
1946, 2 июня	Выборы в Учредительное собрание и проведение референдума о форме государственного правления.
1946, 18 июня	Провозглашение Италии Республикой.

1946, 13 июля	Сформирование второго правительства Де Гаспери.
1946, 27 октября	Послевоенный пакт о единстве действий между ИКП и ИСППЕ.
1947, 9 января	XXV съезд ИСППЕ.
1947, январь	Раскол ИСППЕ. Образование ИСП.
1947, 2 февраля	Сформирование третьего правительства Де Гаспери.
1947, 10 февраля	Подписание в Париже мирного договора между Италией и странами антигитлеровской коалиции.
1947, 31 мая	Сформирование четвертого правительства Де Гаспери.
1947, 1—7 июня	I конгресс ВИКТ.
1947, 22 декабря	Принятие Учредительным собранием конституции Итальянской республики.
1948, 5—10 января	VI съезд ИКП.
1948, 19—23 января	XXVI съезд ИСП.
1948, 1 февраля	Выдвижение народно-демократическим фронтом программы глубоких реформ социально-экономической структуры страны.
1948, 2 февраля	Заключение договора о дружбе, торговле и мореплавании с США.
1948, 16 апреля	Принятие Италией «плана Маршалла».
1948, 18 апреля	Выборы в парламент.
1948, 23 мая	Сформирование пятого правительства Де Гаспери.
1948, 28 июня	Подписание правительством Де Гаспери соглашения с США о распространении на Италию «плана Маршалла».
1948, 27 июня	XXVII съезд ИСП.
1948, 14 июля	Покушение на Тольятти.

1948, 14—16 июля	Всеобщая забастовка трудящихся в связи с покушением на Тольятти.
1948, 27 июля	Раскол ВИКТ.
1949, 4 апреля	Вступление Италии в НАТО.
1949, 11—16 мая	XXVIII съезд ИСП.
1949, 2—7 июня	III съезд ХДП.
1949, 4—9 октября	II съезд ВИКТ. Принятие Плана труда.
1949, 20 ноября	Занятие и обработка крестьянами Калабрии пустующих земель.
1950, 9 января	Расстрел рабочей демонстрации в Модене.
1950, 27 января	Сформирование шестого правительства Де Гаспери.
1951, 17—21 января	XXIX съезд ИСП.
1951, 3—8 апреля	VII съезд ИКП.
1951, 18 апреля	Подписание Италией договора о создании Европейского объединения угля и стали.
1951, 19 июня	Соглашения о размещении войск НАТО в Италии.
1951, 26 июля	Сформирование седьмого правительства Де Гаспери.
1952, 8 января	Образование Итальянской социал-демократической партии (ИСДП).
1952, 29 июля	24-часовая забастовка 2 млн. батраков.
1952, 7 августа	24-часовая всеобщая забастовка железнодорожников.
1952, 21—26 ноября	IV съезд ХДП.
1952, 26 ноября — 3 декабря	III съезд ВИКТ.
1953, 8—12 января	XXX съезд ИСП.

1953, 28 марта	Принятие сенатом антидемократического закона о выборах (отменен 10 июля 1954 г.).
1953, 16 июля	Сформирование восьмого правительства Де Гаспери.
1954, 5 октября	Соглашение между Италией и Югославией о разделе между ними Свободной территории Триест.
1954, 23 декабря	Ратификация палатой депутатов Парижских соглашений.
1955, 15 декабря	Принятие Италии в ООН.
1956, 10 мая	Принятие закона о муниципальных выборах.
1956, 5 октября	Заключение консультативного соглашения между ИКП и ИСП.
1956, 8—14 декабря	VIII съезд ИКП.
1957, 25 марта	Подписание в Риме договора о создании Европейского экономического сообщества («Общего рынка») и Евратома.
1957, 28 декабря	Заключение СССР и Италией долгосрочного торгового соглашения на 1958—1961 гг.
1958, 25 мая	Выборы в парламент.
1959, 29 марта	Подписание итало-американского соглашения о строительстве ракетных баз в Италии.
1959, 16 апреля	Всеобщая 24-часовая забастовка металлистов.
1960, 5—8 января	Советско-итальянские переговоры в Москве по вопросам культурных, научно-технических и спортивных связей.
1960, 30 января — 4 февраля	IX съезд ИКП.
1960, 9 февраля	Подписание в Москве соглашения о культурном обмене между СССР и Италией.
1960 26 июня — 5 июля	Поражение антидемократической авантюры правительства Ф. Тамброни.
1961, 7 июня	Подписание в Риме долгосрочного соглашения о товарообороте между СССР и Италией на 1962—1965 гг.

1961, 2—5 августа	Официальный визит в СССР премьер-министра Италии А. Фанфани и министра иностранных дел Италии А. Сеньи.
1962, 27 января — 1 февраля	VIII съезд ХДП.
1962, 21 февраля	Сформирование правительства «левого центра» во главе с А. Фанфани.
1962, 30 июля	Общеитальянская забастовка металлистов.
1962, 2—8 декабря	X съезд ИКП.
1963, 28 апреля	Парламентские выборы.
1963, 8 августа	Подписание Италией Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.
1963, 25—29 октября	XXXV съезд ИСП.
1964, 12 января	Создание Итальянской социалистической партии пролетарского единства (ИСППЕ).
1964, 5 февраля	Соглашение о товарообороте между СССР и Италией на 1966—1969 гг.
1964, 21 мая	Ратификация палатой депутатов Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах.
1964, 21 августа	Смерть Пальмиро Тольятти.
1964, 26 августа	Избрание Генеральным секретарем ИКП Луиджи Лонго.
1964, 22—23 ноября	Общие провинциальные и муниципальные выборы
1964, 28 декабря	Избрание Джузеппе Сарагата президентом республики.
1965, 1 ноября	XXXVI съезд ИСП.
1965, 16—19 декабря	I съезд ИСППЕ.
1966, 25—30 января	XI съезд ИКП.

1966, апрель	Две забастовки 50 тыс. врачей.
1966, 1 октября	Энциклика Павла VI «Christi Matri Rosarii».
1966, 27—29 октября	XXXVII съезд ИСП.
1966, 29 октября	XV съезд социал-демократической партии.
1966, 30 октября	Создание ОСП.
1968, 19—20 мая	Парламентские выборы.
1968, 18—21 декабря	II съезд ИСППЕ.
1969, 28 января	Подписание Италией Договора о нераспространении атомного оружия.
1969, 8—15 февраля	XII съезд ИКП.
1969, 4 июля	Образование Унитарной социалистической партии.
1970, 7 июня	Всеобщие административные и первые областные выборы.
1970, 10 августа	Образование правительства Э. Коломбо.
1971, 12—13 июня	Частичные административные выборы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. I конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы к докладу о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата.— Полн. собр. соч., т. 37.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии.— Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала. Речь по итальянскому вопросу.— Полн. собр. соч., т. 44.
Грамши А. Избранные произведения, т. 1—3. М., 1957—1959.
Эрколи (П. Тольятти). Какова была социальная база фашизма?— «Коммунистический Интернационал», 1926, № 4.
Тольятти П. Речи в Учредительном собрании. М., 1959.
Тольятти П. Итальянская коммунистическая партия. М., 1959.
Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. I—II. М., 1965.
Gramsci A. Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce. Torino, 1949.
Gramsci A. Scritti giovanili. 1914—1918. Roma, 1959.
Gramsci A. Scritti politici. Roma, 1957.
Correnti M. (*Togliatti P.*). Discorsi agli italiani. Roma, 1945.
Togliatti P. Politica comunista. Roma, 1945.
Togliatti P. Discorso su Giolitti. Roma, 1950.
Togliatti P. Problemi del movimento operaio internazionale (1956—1961). Roma, 1962.
Togliatti P. Sul movimento operaio internazionale. Roma, 1964.

ДОКУМЕНТЫ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Коминтерн и итальянское коммунистическое движение

«Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933.
«Первый конгресс Коммунистического Интернационала». Протоколы заседаний. Пг., 1921.
«Второй конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Пг., 1921.
«Доклад Исполкому Коминтерна о расколе в Итальянской социалистической партии». М., 1921.
«Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет. Пг., 1922.
«Бюллетень IV конгресса Коммунистического Интернационала», № 1—32, М., 1922—1923.
«Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет, т. т. 1—2. М.— Л., 1925.
«Шестой Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала». Стенографический отчет, вып. 1—5. М.— Л., 1929.

Итальянская коммунистическая партия

Partito Comunista d'Italia. Come si costitui il Partito Comunista d'Italia. Documenti 1921—1922. S. l., s. d.
Partito Comunista d'Italia. Manifesti ed altri documenti politici (21 gennaio — 31 dicembre 1921). Roma, 1921.
Partito Comunista d'Italia. Statuto del Partito e disposizioni transitorii. Milano, 1921.
Partito Comunista d'Italia. Tesi del 2 Congresso del Partito Comunista d'Italia. Bruxelles, s. d.
Partito Comunista d'Italia. Relazione del Comitato centrale al II Congresso del PCI. Roma, 1922.
Documenti del CC di PCI 22—23 gennaio 1924.— «Rinascita», 1963, N 3.
I documenti d'archivio sui rapporti tra il PCI e il Comintern.— «Rinascita», 1962, N 16, 17, 18, 19, 20, 21.
La formazione del gruppo dirigente del Partito Comunista Italiano nel 1923—1924. Documenti. A cura di P. Togliatti.— Annali dell'Istituto di G. Feltrinelli. Anno terzo. Milano, 1961.
Partito Comunista d'Italia. L'organizzazione per cellule del PC. Milano, 1925.
Partito Comunista d'Italia. La seconda conferenza del Partito comunista d'Italia (Resoconto stenografico). Paris, 1928.
Partito Comunista d'Italia. Il movimento comunista a Torino negli anni 1923—1925. S. l., s. d.
Partito Comunista d'Italia. Tre anni sul fronte del lavoro cospirativo (1927—1930). Paris, s. d.
I primi dieci anni di vita del Partito Comunista Italiano. Documenti inediti dell'Archivio Angelo Tasca curati e presentati da G. Berti.— Annali dell'Istituto G. Feltrinelli. Anno ottavo. Milano, 1966.
Il Partito comunista italiano per la guerra di liberazione nazionale e la democrazia progressiva. S. l., 1944.
Partito comunista italiano. Per liberta e l'independenza d'Italia. Relazione della Direzione del Partito comunista italiano al V Congresso. Roma, 1945.
Partito comunista italiano. Ricostruire. Resoconto del convegno economico del PCI (Roma, 21—23.VIII 1945). Roma, 1946.
Partito comunista italiano. V Congresso nazionale (Roma, 29.XI—6.I 1946). Roma, 1946.
Partito comunista italiano. Due anni di lotta dei comunisti italiani. Relazione sull' attivita del PCI dal 5 al 6 congresso. Roma, 1948.
Partito comunista italiano. VI Congresso. Roma, 1948.
Partito comunista italiano. Congresso VII (Roma, 1951). Resoconto. Roma, 1954.
Partito comunista italiano. VIII Congresso. Roma,1957 (пер с итал: Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии. М., 1957).
Partito comunista italiano. IX Congresso, v. 1—2. Roma, 1960 (пер. с итал.: IX съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1960).
Partito comunista italiano X Congresso. Roma, 1963 (пер. с итал.: X съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1963).
Documenti politici dal X al XI Congresso. Roma, 1965. XI Congresso del Partito Comunista italiano. Roma, 1966 (пер. с итал.: XI съезд Итальянской коммунистической партии. М., 1966).
Documenti politici dal XI al XII Congresso del PCI. Roma, 1968.
XII Congresso del Partito Comunista italiano. Roma, 1969.

Профинтерн и итальянское профсоюзное движение

«Мировое профессиональное движение». Справочник Профинтерна, 1. М.—Л., 1925.
«Отчет Исполнительного бюро Профинтерна (июль 1921 — ноябрь 1922)». М., 1922.
«Международное профдвижение (1923—1924)». Отчет Исполнительного бюро 3-му конгрессу Профинтерна. М., 1924.
«3-й Конгресс Профинтерна». Доклады и речи. М., 1924.
«4-й Конгресс Профинтерна». Стенографический отчет. М., 1928.
«Профинтерн в резолюциях». М., 1928.
Confederazione Generale del Lavoro negli atti, nei congressi. 1906—1926. Milano, 1962.
Confederazione Generale del Lavoro. L'azione dei sindacati di classe sotto il terrore fascista. Resoconto della conferenza confederale (ottobre 1929). Parigi, s. d.
Confederazione Generale del Lavoro. Amsterdam e il proletariato italiano. Documenti e polemica 1928. Milano, s. d.
Confederazione Generale del Lavoro. La III Conferenza Nazionale della CGIL. S. l. 1930.

Архивные материалы

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 391, 4459.
Archivio Centrale dello Stato (ACS):
Ministero dell'Interno. Direzione Generale di pubblica Sicurezza. Divisioni affari generali e riservati. Archivio PCI—Kib (Documenti del Ministero dell' Interno sull'attività comunista. Rapporti delle Prefetture. Documenti del PCI sequestrati).
Sovversivi 1: Serrati Giacinto Menotti, Kuliscioff Anna, Gobetti Piero.
Sovversivi 2: Malatesta Enrico Federico.
Archivio di Giovanni Giolitti.
Archivio di Oddino Morgari.
Carteggi di personalità: Badoglio Pietro, D'Annunzio Gabriele, Farinacci Roberto, Nitti Francesco Saverino.
Istituto di G. Feltrinelli: a) Archivio di R. Rigola; b) Archivio di A. Tasca; c) Fondo Resistenza. Documenti, Microfilmi.

ИСТОЧНИКИ

Правительственные издания, документы политических партий, статистические сборники, справочники

«Мирный договор с Италией». М., 1947.
«Внешняя политика Советского Союза». Документы и материалы, т. 1—4. М., 1949—1953.
«Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946; т. II, М., 1946.
«Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I—II. М., 1957.
Italia. Parlamento. Camera dei deputati. Atti del Parlamento italiano. Discussioni. Legislature 24, 25, 26, 27.

Italia. Leggi. Approvazione dei testi della legge di guera e della legge di neutralità. Roma, 1940.
Italia. Parlamento. Camera dei fasci e delle corporazioni. Atti delle comissioni legislative riunite, v. I—III. Roma, 1941—1943.
Presidenza del Consiglio Ufficio storico. «Costituzione e attività degli organi dell potere democratico nelle zone liberate». Roma, 1945.
Atti della Assemblea Costituente, v. I—II. Roma. 1946—1948.
Costituzione della Republica Italiana. Roma, 1948.
Italia. Parlamento. Il patto Atlantico. Dichiarazioni del governo e i discorsi dell' opposizione. Roma, 1949.
Documenti sul plano Marshall nell primo anno di attività. Milano, 1949.
L'elezioni politiche del 1948. Elezione della Camera dei deputati. Roma, 1951.
Italia. Parlamento. Senato. Legislatura 1948—1953. Resoconto delle comissione. Roma, 1948—1953.
Italia. Parlamento. Camera dei deputati. Disegni di legge. Relazioni. Documenti, 1948—1953. Roma, 1953.
Atti della comissione parlamentare di inchiesta sulla miseria in Italia e sui mezzi per combatterla, v. I—VII. Roma, 1953.
Comissione parlamentare di inchiesta sulla disoccupazione. La disoccupazione in Italia. Atti della comissione, v. I—XVI. Roma, 1953.
Ministero degli Affari esteri. I documenti diplomatici italiani, serie VII (1922—1935); serie VIII (1935—1939); serie IX (1939—1943).
Ministero degli Affari esteri. Il contributo italiano nella guerra contro la Germania. Roma, 1946.
Piccolo annuario statistico italiano. Roma, 1925.
Annuario statistico della emigrazione italiana dal 1876 al 1925. Roma, 1926.
Annuario statistico italiano, serie II—V.
Istituto centrale di statistica. III censimento generale dell'industria e del commercio 5.XI 1951, v. I—II, Roma, 1954.
Annuario dell'economia, politica, cultura. Roma, 1967.
Annuario politico italiano. Milano, 1963, 1965.
Partito Socialista Italiano. Resoconto stenografico del XVI Congresso nazionale del Partito Socialista Italiano (Bologna, 5—8 ottobre 1919). Milano, 1920.
Partito Socialista Italiano. Resoconto stenografico del XVII Congresso nazionale del Partito Socialista Italiano (Livorno 15—20 gennaio 1921). Roma, 1921.
Partito Socialista Italiano. Relazione politica della Direzione del Partito al XVII Congresso Nazionale (Livorno 15—20 gennaio 1921). Roma, 1921.
Partito Socialista Italiano. Resoconto stenografico del XVIII Congresso nazionale del Partito Socialista Italiano (Milano 10—15 ottobre 1921). Milano, 1922.
Partito Socialista Unitario Italiano. Convegno Nazionale (Roma, 28—30 marzo 1925). Roma, 1925.
La politica del Partito socialista (dall'agosto 1943 all'aprile 1945). Milano, s. d.
Il partito socialista italiano e i problemi della riconstruzione. Lugano, 1945.
PSIUP. Relazioni e documenti del XXIV Congresso nazionale. Firenze, 1946.
PSIUP. XXV Congresso nazionale. Roma, 1947.
Partito nazionale fascista. Programma e statuti del Partito nazionale fascista. Milano, 1922.
Republicani e fascisti. Documenti. Roma, 1924.
Partito Nazionale Fascista. Atti del V Congresso nazionale (21—22 giugno 1925). Roma, 1925.
Partito Nazionale Fascista. Il Gran Consiglio nei primi cinque anni dell'Era fascista. Roma — Milano, s. d.
Manifesti del nazionalismo italiano, a cura di G. Vitali. Milano, s. d.
Per una nuova democrazia. Relazioni e discorsi al I Congresso dell'Unione Nazionale. Roma, 1925.

Atti e documenti della Democrazia cristiana (1943—1959). Roma, 1959.
I congressi nazionali della democrazia cristiana. Roma, 1959.

Мемуары, переписка, речи, публицистика

Кавальеро У. Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба. М., 1968.
«О чем не говорилось в сводках» (Воспоминания советских участников итальянского Сопротивления). М., 1962.
«Перед лицом смерти». Письма приговоренных к смерти борцов сопротивления. М., 1962.
Пеше Дж. Солдаты без формы. М., 1959.
«Слово непобежденных». Письма итальянских антифашистов из тюрем и ссылки. Предисловие Д. Пайетта. М., 1964.
Тарасов А. М. В горах Италии. М , 1960.
Черви А. Мои семь сыновей. М., 1959
Alessio I. La crisi dello Stato parlamentare e l'avvento del fascismo. Padova, 1946.
Allason B. Memorie di un'antifascista (1919—1940). Roma —Milano, s. d.
Balabanoff A. Memoires. Parigi, 1931.
Balbo I. Diario. 1922. Milano, 1932.
Baron Beyens. Quatre ans à Rome (1921—1926). Paris, 1934.
Battaglia R. Un uomo, un partigiano. Roma, 1945.
Bellini P. L. Dongo, ultima azione. Verona, 1962.
Berand H. Ce que j'ai vu à Rome. Paris, 1929.
Bergontini L., Arbizzani L. La Resistenza a Bologna. Testimonianze e documenti, v. I—II. La stampa periodica clandestina. Bologna, 1969.
Bianco D. L. Guerra partigiana. Torino, 1954.
Bonomi I. Diario di un anno (2 giugno 1943—10 giugno 1944). Milano, 1947.
Borghi A. Mezzo secolo di anarchia. Napoli, 1954.
Bottai G. Vent'anni e un giorno. Milano, 1949.
Botti F. Natale di sangue. Memorie di un legionario fiumano. Udine, 1921.
Cadorna R. La Riscossa. Milano, 1948.
Carboni G. Piùche il dovere. Roma, 1952.
Carteggi di *Giolitti*, v. III. Dai prodromi della guerra al fascismo (1910—1928). Milano, 1962.
Caviglia E. Diario (1925—1945). Roma, 1952.
Ceva B. Tempo dei vivi. 1943—1945. Milano, 1954.
Ciano G. Diario, v. I—II. Roma, 1963.
Churchill W. The second world war, v. V. London, 1962.
Dal Pont A., Leonetti A., Massara M. Giornali fuori legge. La stampa clandestina antifascista. Roma, 1964.
Europa verso la catastrofe. 184 colloqui cin Mussolini, Hitler, Franco ecc. verbalizzati da G. Ciano. Milano, 1948.
Farinacci R. Squadrismo. Roma, 1933.
Fascismo e antifascismo. Lezioni e testimonianze, v. 1—2. Milano, 1963.
Ferraris E. La marcia su Roma veduta dal Viminale. Roma, 1946.
Giolitti G. Memorie della mia vita, v. II. Milano, 1922.
Graziani R. Ho difeso la patria. Milano, 1948.
Grilli G. Due generazioni. Dalla settimana rossa alla guerra di liberazione. Roma, 1953.
Gronchi G. Una politica sociale. Scritti e discorsi scelti. (1948—1954). 1962.
Guariglia. R. Ricordi (1922—1946). Napoli, 1950.
Hitler e Mussolini. Lettere e documenti. Milano, 1946.
Kesserling A. Soldat bis zum letzten. Bonn, 1953.
Lizzadri O. Quellcannato marzo 1943. Milano, 1962.
Una lotta nel suo corso. Lettere e documenti. Venezia, 1954.

Lussu E. Marcia su Roma e dintorni. Milano — Roma, 1957.
Messe G. La guerra al fronte russo. Roma, 1947.
Nenni P. Pagine di diario. Milano, 1947.
Peano L. Ricordi della guerra dei trent'anni (1915—1945). Firenze, 1948.
La resistenza al fascismo. Scritti e testimonianze, v. 1—2. Milano, 1955, 1962.
Revelli N. La strada del davai. Torino, 1966.
Salandra A. Memorie politiche (1916—1925). Milano, 1951.
Santhia B. Con Gramsci all'Ordine Nuovo. Roma, 1956.
Sforza C. L'Italia dal 1914 al 1944 quale io la vidi. Milano, 1946.
Sforza C. Cinque anni al palazzo Chigi. La politica estera Italiana dal 1947 al 1951. Roma, 1952.
Tarchiani A. Dieci anni tra Roma e Washington. Milano, 1955.
Turati F., Kuliscioff A. Carteggio. v. V—VI. Torino, 1953, 1959

ИССЛЕДОВАНИЯ

Труды советских авторов

Авербух Р. А. Италия в первой и второй мировых войнах. М.— Л., 1946.
Антонов Д. Очерки фашизма в Италии. М., 1923
Васильков. Экономика современной Италии. М., 1969.
Вишнев С. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946.
«Всеобщая история искусств», т. 6. М. 1965.
Джулио Ю. Фашистская Италия. М., 1929.
Кобылянский К. Великий Октябрь и революционное движение в Италии. М., 1968.
Ковальский Н. А. Итальянский народ против фашизма. М., 1957.
Комолова Н. П. Классовые бои в итальянской деревне (1945—1953 гг.). М., 1963.
Комолова Н. П. Новейшая история Италии. М., 1970.
Лисовский П. А. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М., 1936.
Лисовский Ю. П. Сельское хозяйство и крестьянское движение в современной Италии. М., 1966.
Лопухов Б. Р. Борьба рабочего класса Италии против фашизма. М., 1959.
Лопухов Б. Р. Образование Итальянской коммунистической партии. М., 1962.
Лопухов Б. Р. А. Грамши. М., 1963.
Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968.
«Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию». Сб. статей. М., 1963.
Петранович И. Положение рабочего класса Италии. М., 1970.
Протопопов А. С. Внешняя политика Италии. М., 1962.
«Разоблачение антикоммунизма в Италии». М., 1956.
«Россия и Италия». Сб. статей. М., 1968.
Русаков Н. П. Из истории сицилийской мафии. М., 1969.
Сандомирский Г. Фашизм, ч. 1 и 2. М., 1923.
Слободской С. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946.
Слободской С. Социальная сущность фашизма. М., 1928.
Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969.
«Современное искусство Италии». Сборник. Москва, 1970.
Соловьева И. Н. Кино Италии (1945—1960). М., 1961.
«Тенденции развития капитализма в Италии». М., 1964.
«Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953.

Филатов Г. С. Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964.
Филатов Г. С. Восточный поход Муссолини. М., 1968.
Холодковский К. Г. Рабочее движение в Италии (1959—1963). М., 1969.
Шейнман М. Ватикан между двумя мировыми войнами. М.— Л., 1948.

Труды иностранных авторов

Аквила Дж. Фашизм в Италии. М., 1924.
Алатри П. Происхождение фашизма. М., 1961.
Батталья Р. История итальянского движения Сопротивления. М., 1954.
Грieко Р. Аграрный вопрос и борьба за землю в Италии. М., 1959.
Канделоро Д. Профсоюзное движение в Италии. М., 1953.
Канделоро Д. Католическое движение в Италии. М., 1955.
Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М., 1952.
Манцокки Б. Очерки экономической политики Италии. М., 1961.
Ненни П. От Атлантического пакта к политике смягчения напряженности. М., 1955.
Пантелеоне М. Мафия вчера и сегодня. М., 1959.
Секкья П., Москателли Ч. Монтероза спустилась в Милан. М., 1961.
Серени Э. Аграрный вопрос в Италии. М., 1949.
Серени Э. Старое и новое в итальянской деревне. М., 1959.
Скоччимарро М. Новая демократия. М., 1959.
Феррара Д. Новое итальянское кино. М., 1959.
Феррара М. и М. Беседуя с Тольятти. М., 1954.
Феррара М. и М. Очерки итальянской политической жизни. М., 1961.
Alatri P. L'antifascismo italiano, vol. 1—2. Roma, 1961.
Alatri P. Nitti, D'Annunzio e la questione adriatica, 1919—1920. Roma, 1959.
Amendola G. Una battaglia liberale. Torino, 1924.
Amendola G. La democrazia italiana contro il fascismo (1922—1924). Milano—Napoli, 1960.
Amendola G. Comunismo, antifascismo, Resistenza. Roma, 1967.
Amendola G. Lotta di classe e sviluppo economico dopo la liberazione. Roma, 1962.
Amendola G. La classe operaia italiana. Roma, 1968.
Andreotti S. De Gasperi e il suo tempo. Milano, 1965.
Adstans A. De Gasperi nella politica estera (1944—1953). Verona, 1953.
Aquarone A. L'organizzazione dello stato totalitario. Milano, 1965.
Arfé G. Storia del socialismo italiano (1892—1926). Torino, 1965.
Badoglio P. L'Italia nella seconda guerra mondiale. 1946.
Bachi R. L'Italia economica. Annuario della vita commerciale... Città di Castello. 1919—1921.
Battaglia R. Risorgimento e Resistenza. Roma, 1964.
Barbieri F. Organizzazione cattolica nel mondo. Firenze, 1957.
Basso L. Il partito socialista italiano. Milano, 1958.
Basso L. Il principe senza scettro. Milano, 1958.
Benedetti D. De Gasperi politico e statista. Roma, 1949.
Bendiscioli M. Antifascismo e resistenza. Roma, 1964.
Boiardi F. Dossetti e la crisi dei cattolici italiani. Firenze, 1956.
Bocca G. Storia d'Italia nella guerra fascista 1940—1943. Bari, 1969.
Bonomi I. Dal socialismo al fascismo. Milano, 1946.
Bonomi I. La politica italiana dopo Vittorio Veneto. Torino, 1963.
Borghi A. Mussolini en chemise. Paris, 1932.
Cannarsa S. Il socialismo e i XXVIII congressi nazionale del Partito socialista italiano. Firenze, 1950.
Caracciolo S. L'occupazione delle terre in Italia. Roma, 1950.

Carocci G. Giovanni Amendola nella crisi dello stato italiano 1911—1925. Milano, 1956.
Carocci G. Storia del fascismo. Milano, 1959.
Carli-Ballola R. Storia della Resistenza. Roma, 1957.
Castelli G. La Chiesa e il fascismo. Roma, 1951.
Catalano F. Storia del CLNAI. Bari, 1956.
Catalano F. Dalla crisi del primo dopoguerra alla republica. Torino, 1960.
Catalano F. L'Italia dalla dittatura alla democrazia. 1919—1948. Milano, 1962.
Caviglia E. Il conflitto di Fiume. Milano, 1948.
Cento anni di economia italiana. 1861—1960. Milano, 1961.
Ceva B. Cinque anni di storia italiana. Milano, 1964.
Croce B. Quando Italia era tagliata in due. Bari, 1948.
Croce B. Pagine politiche. Bari, 1945.
Croce B. Due anni di vita politica. Bari, 1949.
Chabod F. L'Italia contemporanea (1918—1948). Torino, 1961.
Cioffi P. I monopoli italiani negli anni cinquanta. Roma, 1962.
Colombi A. Pagine di storia del movimento operaio. Roma, 1951.
Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963.
Cestamagna C. Diritto corporativo italiano. Torino, 1927.
Deakin F. W. The Brutal Friendship. London, 1962.
D'Aragona L. La Confederazione Generale del Lavoro negli anni 1921—1924. Milano, 1924.
De Ambris A. La questione di Fiume. Roma, 1920.
De Felice R. Mussolini il rivoluzionario (1883—1920), v. I. Torino, 1965; Mussolini il fascista (1921—1925), v. II; Mussolini il fascista (1925—1929), v. III. Torino, 1965—1968.
De Rosa G. La crisi dello stato liberale in Italia. Roma, 1955.
De Rosa G. Storia del Partito popolare. Bari, 1958.
Degli Espinosa A. Il regno del Sud. (Roma), 1946.
Dieci anni dopo (1945—1955). Bari, 1955.
Dorso G. Mussolini alla conquista del potere. Torino, 1949.
Due anni di lotta dei comunisti italiani (Relazione sull attività del PCI dal 5 al 6 congresso). Roma, 1948.
Einaudi L. La condotta economica e gli effetti sociali della guerra italiana. Bari, 1933.
Falconi C. La chiesa e le organizzazioni cattoliche in Italia (1945—1955). Torino, 1956.
Favagrossa G. Perchè perdemmo la guerra. Milano, 1947.
Ferrero G. Da Fiume a Roma. Milano, 1923.
Ferri G. Sui caratteri giuridici del regime totalitario. Roma, 1937.
Fiocco A. Teatro italiano di ieri e di oggi. Bologna, 1958.
Fiori G. Vita di Antonio Gramsci. Bari, 1966.
Foa V. I lavoratori studenti. Torino, 1969.
Gambetti F. Gli anni che scottano. Milano, 1967.
Giani N. Lineamenti dell'ordinamento sociale dello stato fascista. Milano, 1934.
Giudoce Del M. Chronistoria dell processo Matteotti. Palermo, 1954.
Gobetti P. La rivoluzione liberale. Torino, 1955.
Grifone P. Il capitale finanziario in Italia. Roma, 1945.
Gualerni G. La politica industriale fascista. Milano, 1965.
Guerin D. Fascismo e gran capitale. Milano, 1956.
Jacini S. Il regime fascista. Milano, 1947.
Jacini S. Storia del partito popolare italiano. Milano, 1951.
Jemolo A. Chiesa e stato in Italia negli ultimi cento anni. Torino, 1955.
Kogan N. Italy and the Allies. Cambridge, 1956.
Kogan N. The politics of Italian Foreign Policy. New York, 1963.
Longo L., Berlinguer E. La conferenza di Mosca. Roma, 1969.

Longo L., Berlinguer E. La politica comunista. Roma, 1969.
Longo L., Berlinguer E. L'unita del movimento operaio. Roma, 1968.
Luraghi. R. Il movimento operaio torinese durante la Resistenza. Torino, 1958.
Longo L. Sulla via dell'insurrezione nazionale. Roma, 1954.
Longo L. Un'alternativa per uscire dalla crisi. Roma, 1969.
Luraghi R. Il movimento operaio torinese durante la Resistenza. Torino, 1958.
Macaluso E. I comunisti e la Sicilia. Roma, 1970.
Magri L. La democrazia cristiana in Italia, v. I—II. Milano, 1954.
Mammasella G. L'Italia dopo il fascismo. Il Milano.
Massola U. Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950.
Megaro G. Mussolini dal mito alla realtà. Milano, 1947.
Merlin T. Avanguardia di classe e politica delle aleanze.
Misciatelli P. Le fascisme et les cotholiques. Paris, 1928.
Modica E. La republica delle autonomie napolitano. Movimento operaio e industria di stato. Roma, 1962.
Momigliano F. Sindacati, progresso tecnico, programmazione economica. Roma, 1966.
Nenni P. Six ans de guerre civile en Italia. Paris, 1929.
Nenni P. Storia di quatro anni. Roma, 1946.
Nenni P. Una battaglia vinta. Roma, 1946.
Nenni P. Il cappio delle alleanze. Milano, 1949.
Nocoletti E. Da Nitti a Mussolini. 1919—1922. Napoli, 1927.
Pajetta G. Lo scandolo dei mille miliardi in Parlamento. Roma, 1963.
Pasquantonio. La nazionalizzazione dell' industria elettrica. Roma, 1962.
Parri F. Il movimento partigiano, 1945.
Pernot M. L'esperience italienne. Paris, 1924.
Pieroni A. Chi comanda in Italia. Milano, 1959.
Quazza Q., Valiani L., Volterra E. Il governo dei CLN. Torino, 1966.
La questione del «Manifesto», democrazia e unita nel PCI. Roma, 1969.
Revelli N. La guerra dei poveri. Torino, 1962.
Rigola R. La guerra civile in Italia. Firenze, 1921.
Rigola R. Storia del movimento operaio italiano. Roma, 1947.
Rocca M. Come il fascismo divenne una dittatura. Milano, 1952.
Romeo R. Breve storia delle grande industria in Italia. Capelli, 1963.
Rossi E. Lo stato industriale. Bari, 1953.
Rossi E. I padroni del vapore. Bari, 1957.
Rossi L. Da Cavour a Mussolini. Milano, 1929.
Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1956.
Salvemini G. Mussolini diplomatico 1922—1932. Bari, 1952.
Salvemini G. Scritti sul fascismo. Milano, 1961.
Salvemini G. Preludio alla seconda guerra mondiale. Varese, 1967.
Santarelli E. Origini del fascismo (1911—1919). Urbino, Argalia, 1963.
Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista, v. I—II. Roma, 1967.
Sauvage T. Pittura italiana del dopoguerra. Milano, 1957.
Schiavi A. La vita e l'opera di G. Matteotti. Roma, 1957.
Secchia P. L'azione svolta dal partito comunista in Italia durante in fascismo 1926—1932. Milano, 1970.
Secchia P. I comunisti e l'insurrezione (1943—1945). Roma, 1954.
Secchia P., Frassati F. La resistenza e gli alleati. Milano, 1962.
Secchia P., Frassati F. Storia della Resistenza, v. I—II. Roma, 1965.
Il Secondo Risorgimento. Roma, 1955.
Seppi L. Contrattazione e dinamica dei salai nell'industria italiana.
Sereni E. Due linee di politica agraria. Roma, 1961.
Serpieri A. La guerra e le classi rurali italiane. Bari, 1930.
Silvestri G. Matteotti — Mussolini e il dramma italiano. Roma, 1947.
Spriano P. L'occupazione dello fabbriche. Settembre. 1920. Torino, 1964.
Spriano P. Storia del Partito comunista italiano, v. I—II. Torino, 1967, 1969.

Sturzo L. Chiesa e stato. Bologna, 1958.
Tamaro A. Due anni di storia. 1943—1945, v. I—II. Roma, 1948—1950.
Tamaro A. Venti anni di storia (1922—1943), v. I—II. Roma, 1953.
Tarchiani A. Dieci anni tra Roma e Wascington. Milano, 1955.
Tasca A. Nascita e avvento del fascismo. Firenze, 1950.
Tendenze del capitalismo europeo. Roma, 1966.
Tendenze del capitalismo italiano, v. I—II. Roma, 1962.
Trent'anni di storia italiana. 1915—1945. Torino, 1961.
Tolloy G. Con l'armata italiana in Russia. Torino, 1947.
Tupini G. I democratici cristiani. Cronache di dieci anni. Milano, 1954.
Trevisani G. Piccola enciclopedia del socialismo e del comunismo. Milano, 1948.
Vaccarino G. Il movimento operaio a Torino nei primi mesi della crisi italiana (luglio 1943 — marzo 1944). Roma, 1953.
Vaccarino C., Gobetti C. Gobbi R. L'insurrezione di Torino. Parma, 1968.
Vais M. Le commissioni interne. Roma, 1958.
Valeri N. Da Giolitti a Mussolini. Firenze, 1957.
Valori A. La campagna di Russia. 1941—1943, v. I—II. Roma, 1950—1951.
Valiani L. Dall'antifascismo alla Resistenza. Milano, 1959.
Valiani L. L'avvento di De Gasperi. Torino, 1949.
Zangrandi R. 1943, 25 luglio — 8 settembre. Milano, 1964.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ИТАЛИИ
Том 3

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор
И. С. Трахтенберг
Художник
Г. В. Дмитриев
Художественно-
технический редактор
Т. А. Прусакова

Сдано в набор 14/IV 1971 г.
Подписано к печати 10/IX 1971 г.
Формат 60×90[1]/16
Бум. № 1
Усл. печ. л. 34,25
Уч.-изд. л. 32,9
Тираж 19250 экз.
Тип. зак. 2151
Т-15518

Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
98	10 сн.	в	с
116	2 св.	в запасе	в запасе был доведен
197	3 сн.	vomunismo	comunismo
205	13–14 сн.	немецких	итальянских
271	12—13 сн.	о социалистическом	не о социалистическом
452	5 сн.	«Литтература»	«Леттература»
456	3 сн.	senteoro	seniero

История Италии т. III

2 р. 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»